С. М. Телегин

ГИПЕРБОРЕЯ

СВЯЩЕННАЯ РОДИНА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

С. М. ТЕЛЕГИН

ГИПЕРБОРЕЯ – СВЯЩЕННАЯ РОДИНА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

НАУЧНОЕ СПРАВОЧНОЕ ИЗДАНИЕ

«Издательство ФАИР»
Москва
2011

ЧАСТЬ I

ТАИНСТВА ULTIMA THULE

ГЛАВА 1

ОТКРОВЕНИЕ ОГНЯ И ЛЬДА

Когда мы смотрим на остатки строений времен каменного века или наскальные рисунки и картины на стенах в глубоких пещерах, то неизбежно приходим к выводу: создатели древних культур руководствовались целями, настолько чуждыми современному мышлению, что их смысл не просто ускользает от нас, но даже их гипотетическое содержание вызывает лишь чувство первобытного ужаса и космического холода. То же можно сказать и о дошедших до нас из глубокой древности мифах, содержание которых нам также представляется темным, а любые трактовки оказываются ошибочными.

Ошибочная трактовка мифов связана прежде всего с убеждением, что их создатели всегда жили в средней полосе или в тропиках и что все их мифы и традиции сложились в этих местностях и отражали их реалии. Символическая трактовка мифологических образов, мотивов и сюжетов, их «затемненность» и недопонимание связаны на самом деле с тем, что изначальные традиции и древнейшие пласты мифологических систем были созданы совсем не в тех регионах, где народы, их носители, обитали в историческое время. Отражая феномены совсем иных областей, они не были понятны ни простым людям, ни жрецам, ни поздним комментаторам. Отсюда и возник соблазн объяснять их не буквально, а символически, как нравственные аллегории.

Однако еще в конце XIX в. появились ученые, которые заметили, что в мифах индоевропейцев (родину которых искали тогда в Азии) описывается движение солнца и годичный календарь, каким он может быть только в Арктике. Один из таких ученых, индийский исследователь Бал Гангадхар Тилак (1856–1920), опубликовал в 1903 г. книгу «Арктическая родина в Ведах». В ней он высказал мысль, что все трудности в понимании мифов исчезают, «когда мы прибегаем к арктической теории»[1], то есть к теории, по которой *древние предки индоевропейцев создали высокоразвитую цивилизацию не в Азии и не в Сибири, а на исчезнувших теперь островах рядом с Северным полюсом.*

Начальные строки «Старшей Эдды» представляют нам самые глубокие слои изначальной индоевро́пейской традиции:

В самом «начале времен», гласит предание,
...солнце с юга
на камни светило,
росли на земле
зеленые травы.
Солнце, друг месяца,
правую руку
до края небес
простирало с юга;
солнце не ведало,
где его дом...[2]

Это весьма любопытный и ценный отрывок, который считается «темным» описанием «первобытного неупорядоченного хаоса». На самом деле, если применить теорию Тилака, он может быть понят вполне буквально. Солнце здесь освещает мир с юга. Такую картину можно наблюдать, если находиться непосредственно в точке

[1] *Тилак Б. Г.* Арктическая родина в Ведах. М., 2001. С. 327.
[2] Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М., 1975. С. 183.

Северного полюса. Солнце появляется не на востоке, а на юге, так как по отношению к Северному полюсу все остальные стороны света — юг. Далее картина становится еще более определенной: солнце встает на юге (а не на востоке) и движется направо (простирает правую руку) вдоль всей линии горизонта («до края небес») и при этом не опускается уже на ночь («не ведает, где его дом»). Всякий, кто знаком с географией, скажет, что восход солнца «на юге» (так как «юг» везде), его движение слева направо вдоль линии горизонта и без заката на ночь можно наблюдать только непосредственно в точке Северного полюса. Американский исследователь У. Уоррен отмечал, что для человека, находящегося на Северном полюсе, «солнце должно было всходить не на востоке... а на юге»[1]. При этом солнце и звезды движутся кругами слева направо — «простирая руку направо» вдоль горизонта.

«Младшая Эдда», приводя строки из «Старшей Эдды», говорит о сверкающих искрах, «что летали кругом, вырвавшись из Муспелльсхейма»; их прикрепили «в середину неба Мировой Бездны, дабы они освещали небо и землю»[2]. Здесь речь идет о Полярной звезде, которая прикреплена неподвижно к «середине неба», то есть в его центре, прямо над головой, а не со склонением на север, как это можно наблюдать в средней полосе. Другие же звезды и солнце, освещая небо и землю, «летали кругом» — двигались кругами вдоль горизонта, как это можно наблюдать только на Северном полюсе. Эти примеры свидетельствуют в пользу теории Тилака, а также открывают возможность *буквальной интерпретации* мотивов и образов, содержащихся в мифах.

Мифы следует понимать не как вымысел. Мифы — это *откровения* прошедшей эпохи, того Золотого века,

---

[1] *Уоррен У. Ф.* Найденный рай на Северном полюсе. М., 2003. С. 191.

[2] Младшая Эдда. М., 1994. С. 25.

когда человек был непосредственно связан с богами и сам становился богом. Мифы — это фантазии не человека, а бога. Для человека они — реальность и откровение. Через откровение мифа человеку передается сила божественного воображения и творящего Слова. Что же касается древнейших мифов, то в них следует искать откровение о нашей утраченной арктической прародине и следы примордиальной Высокой Традиции.

Была ли возможна в древности жизнь в Арктике? Современные ученые пришли к выводу, что в 10-м тысячелетии до н. э. люди жили на о. Врангеля, который, вместе с прилегающим к нему шельфом, был свободен от ледника. В то же время произошло заселение Шпицбергена, а хребет Ломоносова возвышался над водой и был свободен ото льда, соединяя Сибирь и Америку[1]. Известно также, что в ледниковую эпоху Северное море не существовало, а Британия и Ирландия соединялись с Европой сушей, по которой древний человек мог свободно передвигаться. На шельфе между Европой и Британией обнаружены торфяники, в которых найдены останки мамонтов, других крупных животных, а также и человека. Больше всего таких находок обнаружено на шельфе Доггер-Банки. Отмель Доггер-Банка не опускается ниже отметки 37 м, а несколько тысяч лет назад в центральной ее части находился большой остров. С его поверхности, находящейся сегодня ниже уровня моря, подняты орудия труда и охоты первобытного человека. Специалисты приходят к выводу, что люди жили на территории нынешнего шельфа Северного моря еще несколько тысяч лет после завершения ледникового периода. Эти земли были затоплены всего лишь 6 тысяч лет назад[2].

---

[1] *Кондратов А. М.* Следы — на шельфе. Л., 1981. С. 118–122.
[2] Там же. С. 138.

Ученые определили, что в конце ледникового периода происходило несколько волн заметного потепления и похолодания климата. Так, значительное потепление на севере Германии отмечалось в 13–11-м тысячелетии до н. э. В этот период здесь преобладают сосново-березовые леса. Группы охотников проникают на освободившуюся ото льда равнину Северной Европы. В это время на севере Германии, в Бельгии и Голландии возникают поселения, относящиеся к культуре мадлен. Именно культура мадлен считается основой формирования индоевропейского племени и цивилизации.

Следующее крупное потепление приходится на период 9800–9000 гг. до н. э. В Центральной Европе растут сосновые и березовые леса, июльские температуры достигают 13–14°С[1]. Однако потепление вновь сменяется похолоданием, когда из Скандинавии наступают льды, а леса отступают. Вероятно, именно это кратковременное, но резкое похолодание и привело к разрушению северной прародины и исходу предков индоевропейцев с севера на юг. Тилак, ссылаясь на мифы «Авесты», замечает: «Айрьяна Ваэджо, изначальная родина арийской расы, была расположена где-то вблизи Северного полюса, и предки нашей расы ушли оттуда не из-за "неодолимого импульса" или "перенаселения", но потому, что земля не выдержала натиска снега и льда в дни начала ледниковой эпохи»[2]. Последующее завершение ледникового периода, таяние льдов и поднятие уровня океана довершили процесс разрушения прародины: она оказалась ниже уровня моря.

Многие ученые в разные эпохи выдвигали гипотезу северного происхождения индоевропейского (арийского) племени. Гордон Чайлд считал, что индоевропейцы бы-

---

[1] *Долуханов П. М.* География каменного века. М., 1979. С. 72; *Серебрянный Л. Р.* Древнее оледенение и жизнь. М., 1980. С. 47.

[2] *Тилак Б. Г.* Указ. соч. С. 408–409.

ли нордическим племенем. Их прародина располагалась, по его мнению, в Скандинавии[1]. Э. Я. Баллас, относя прародину ариев на самый север Европы, отмечает, что «там почти арктические условия жизни позволили Арийскому Духу проявиться в исконном виде, что наделило наших предков твердостью характера...»[2]. Г. Гюнтер полагал, что прародина нордической расы располагается на северо-западе Европы[3]. Тилак еще более радикален: «...мы можем считать установленным фактом, что родина арьев была на далеком севере, в областях вокруг Северного полюса...»[4]. Индийский мыслитель Шри Ауробиндо соглашается с мнением Тилака, что «значительная часть нынешнего населения Индии могла происходить от некой новой расы, явившейся с более северных широт, возможно даже из Арктики...»[5].

Зачем древний человек отправился далеко на север? В поисках каких сокровищ он стремился завоевать малопригодные для проживания земли Арктики или даже острова Северного полюса? Не будет ошибкой предположить, что, следуя за отступающим ледником, люди проникали далеко на север в поисках своего Бога и своей души. Варг Викернес объясняет это так: «Там, где холодно, дух спускается к людям — в ночи и холодном мраке, но также и в холодную зиму Севера. Здесь во мраке и холоде северного льда они получали более глубокое духовное сознание, и по этой причине они следовали за льдом на север»[6]. Этот духовный опыт, тесно связанный с Гиперборе́ей, с Ultima Thule, с Полюсом,

---

[1] *Чайлд Г.* Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М., 2005. С. 205, 208, 223.

[2] *Баллас Э. Я.* Арийский Дух и расовая идентичность // Атеней. 2007. № 8. С. 72.

[3] *Гюнтер Г.* Избранные работы по расологии. Изд. 2-е. М., 2005. С. 208.

[4] *Тилак Б. Г.* Указ. соч. С. 443.

[5] *Шри Ауробиндо.* Собр. соч. Т. 2. Тайна Веды. СПб., 2004. С. 26.

[6] *Варг Викернес.* Скандинавская мифология и мировоззрение. Тамбов, 2007. С. 180.

лег в основу той Высокой Традиции, которая получила свое выражение в «Ригведе» и «Авесте», в «Старшей» и «Младшей Эдде», в мифах и ритуалах. Более того, именно этот духовный опыт, это Откровение Полюса сформировало душу нордического человека, создало то, что принято не совсем правильно называть «арийским племенем».

Путешествие к Северному полюсу стало для первобытных людей условием их превращения в нордическую расу. Именно так интерпретировал начальные строки «Старшей Эдды» Гвидо фон Лист. «Да, — восклицал он, — наше древнее сказание позволяет с высокой, перешедшей в уверенность вероятностью признать, что самые северные части нашей Земли, включая Северный полюс, не только были заселены, но что именно сам Северный полюс должен был быть колыбелью долихоцефальной, светлокожей, светловолосой и голубоглазой прарасы, "homo europaeus", "арийцев"»[1]. Учеными уже признается тот факт, что окружающая среда оказывает активное влияние на формирование организма и задает ему основные параметры. Л. Р. Серебрянный обращает внимание на тот факт, что «не организм приспосабливается к внешней среде, а, напротив, экосистема приспосабливает к себе организм, а точнее, всю популяцию (или вид) и формирует его»[2]. Внешняя среда влияет на эволюцию организма, и эти изменения закрепляются на генетическом уровне. Сам же организм, подвергаясь влиянию экосистемы, утрачивает свою самостоятельность. *Экосистема влияет на человека и уподобляет его себе.* Это хорошо видно на примере кроманьонца. Этот вид человека разумного родился в холодную ледниковую эпоху. Эра льда сформировала в нем, по словам Серебрянного, «незаурядную волю, навыки, знания,

[1] *Лист Г., фон.* Первооснова. Тамбов, 2009. С. 39.
[2] *Серебрянный Л. Р.* Указ соч. С. 97.

духовную и физическую силу»[1]. Доказательством того, что кроманьонец мог легко адаптироваться к самым неблагоприятным погодным условиям, является факт обнаружения в одной из пещер Великобритании скелета женщины, датированного приблизительно 16 500 г. до н. э. Это было время наибольшего распространения последнего оледенения[2].

Именно во льдах Северного полюса и Арктики произошло формирование белой нордической расы. Поэтому Ю. Эвола имеет право утверждать: «"Свет Севера", "гиперборейская мистерия" — таков центральный мотив нашей расовой доктрины... <...> Колыбелью арийской расы в давнюю доисторическую эпоху, о которой мы говорили, являлся... регион, который сегодня соответствует Арктике»[3]. Философ приходит к восторженному выводу: «Мы считаем нордическую, "солнечную" расу высшей и предшествующей всем другим. "Солнечная", или "олимпийская", раса, которая соответствует гиперборейской традиции и крови, имела черты "естественной сверхъестественности". Основными особенностями этой духовной расы были мощь, спокойная властность и способность к быстрым реакциям, то есть чувство центральности и непоколебимости»[4]. В целом, по словам Эволы, олимпийской, или солнечной, нордической расе свойствен «сверхчеловеческий элемент», чувство «центральности», происходящее из места зарождения, и особый стиль «просветленного спокойствия, мощи, непоколебимой уверенности»[5].

Об этом спокойствии, уверенности и цельности писал и такой выдающийся расолог, как Г. Гюнтер. «Ин-

[1] Там же. С. 114.
[2] Там же. С. 114–115.
[3] *Эвола Ю.* Традиция и раса. Новгород, 2007. С. 43.
[4] Там же. С. 12.
[5] Там же. С. 39.

доевропеец, — отмечал он, — желает предстать перед божеством как цельный человек, достигший сбалансированного равновесия своих сил, что божество и требует от него»[1]. Благородная уравновешенность динамично связана со стремлением нордического человека к постоянному преодолению себя и духовному возрастанию. Гюнтер говорил: «Нордическая идея — это выражение мировоззрения, для которого *возвышение человека является божественной заповедью*»[2]. С другой стороны, осознание своей «центральности» формирует в человеке чувство холодной отстраненности или то, что Гюнтер называет «нордическое отстраненное одиночество»[3]. Действительно, все специалисты говорят об эмоциональной сдержанности и даже «холодности» нордического человека[4]. Это и не должно удивлять: холодность нордического человека прямо связана с холодным климатом Арктики, где его раса зародилась в эпоху мирового льда. При этом, по мнению Г. Гизельбуша, «холодность» нордического человека — это качество, связанное лишь с восприятием им всего «чужеродного» («холодная отстраненность», «равнодушие»). На самом же деле ему свойственна сдержанность чувств, которая «является внутренним свойством»[5]. Эта внешняя холодность — следствие глубокого чувства внутренней самодостаточности, восполненности.

Шри Ауробиндо, использовавший для обозначения нордического человека термин «арий» (как он сам называл себя в Индии), подробно разъясняет значение этого слова. По его мнению, в слове *arya* корень *ar* «означает любого рода превосходство на деле или силу

---

[1] *Гюнтер Г.* Индоевропейская религиозность. Тамбов, 2006. С. 30.
[2] *Гюнтер Г.* Избранные работы по расологии. С. 79.
[3] Там же. С. 388.
[4] Там же. С. 158–160.
[5] *Гизельбуш Г.* О нордической идее // Философия вождизма: Хрестоматия по вождеведению. М., 2006. С. 243.

в действии. Поэтому его значение — быть сильным, высоким, быстрым или деятельным, преобладающим, благородным, превосходным, быть первым; поднимать, вести, начинать или править; корень также означает бороться, сражаться, направлять, трудиться, пахать. <...> Арья означает сильный, высокий, благородный или воинственный, о чем свидетельствует постоянное употребление именно этого значения в литературе»[1]. Арий — тот, кто упорно трудится, сражается, усиленно работает, продвигается вперед, кто стремится заменить бессмысленность профанной повседневности светозарным деянием ума и совершенством сакрального бытия, кто понимает жизнь как восхождение. Арий обладает волей к мифу, к сакральному бытию, которое обретается созидательным трудом и жертвоприношением. По словам Ауробиндо, «труд ария — это жертвоприношение, которое одновременно является и битвой, и восхождением, и походом — битвой против сил тьмы, восхождением на высочайшие вершины горы, за пределы земли и неба, к Свару, переходом на другой берег рек и океана в далекую Бесконечность сущего»[2]. Жизнь ария — деяние, борьба, восхождение, подъем, жертва и самопожертвование. Арий — это тот, кто приносит жертвы, участвует в жертвоприношениях: «Арий есть тот, кто идет по Пути, устремляется к бессмертию через божественное жертвоприношение, он один из сияющих детей Света, почитатель Властителей Истины, воитель в сражении с силами тьмы, которые чинят препятствия на пути человека»[3]. Но жизнь ария — это великое приключение, путешествие: «Арийский человек стремится достичь вершин, прокладывает себе путь в походе, который есть одновременно и продвижение

---

[1] *Шри Ауробиндо.* Собр. соч. Т. 5: Упанишады. СПб., 2002. С. 393.

[2] *Шри Ауробиндо.* Собр. соч. Т. 2. С. 223.

[3] Там же. С. 403.

вперед, и восхождение»[1]. Жизнь ария — действие, путешествие и самопожертвование, что и делает его «благородным».

Нордическое индоевропейское племя зародилось на ограниченной северной (как теперь ясно — арктической), но пригодной в то время для жизни территории. Его формирование заняло большой промежуток времени и было подчинено законам природы и влиянию климатических изменений. Основные признаки нордического человека сформировались при помощи естественного отбора в условиях начавшегося оледенения. Вначале теплый и влажный климат, а затем резкое похолодание, воцарившееся на прародине ариев, сформировали характер человека нордического типа. Многомесячная полярная ночь и такой же долгий день, феномен многодневных рассветов создавали поэзию и мифологию предков индоевропейцев. Там же, на полярной прародине, происходит и создание кастово-иерархической системы индоевропейского общества, состоящего из трех каст — жрецов, воинов и свободных работников. Широта и глубина души, самообладание, отвага, воля к выживанию, осознание своей духовной и физической силы — вот качества, сложившиеся у нордического человека на его древней арктической родине.

Характер ария, место его происхождения определили и содержание Высокой Традиции, память о которой сохранилась в осколочном состоянии до наших дней. Р. Генон определенно и недвусмысленно утверждает, что «первоначальная традиция современного цикла пришла из северных регионов»[2]. Полярная прародина прежде всего соотносилась с образом священного Центра. «Всякая "Святая Земля" описывается еще и такими определениями, как "Центр Мира" или "Сердце

[1] Там же. С. 250.

[2] *Генон Р.* Избранные произведения: Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира. М., 2004. С. 180.

Мира"», — пишет Генон[1]. Центр Мира, будучи духовным центром, — средоточие, сердце Традиции. Этот Центр имел постоянное место пребывания, которое всегда понималось как Полюс. Истинный Центр, оказывающийся прототипом всех последующих в истории сакральных Центров у разных народов мира, становится источником подлинной примордиальной Традиции. Различные образы и наименования этого Центра, появляющиеся в мифах (Тула, Агарта, пещера, Авалон, Шамбала, гора и так далее), несут в себе идею Полюса или Оси Мира.

Полярный Рай часто получает название «солнечной страны», о которой, как пишет Генон, «Гомер говорит как об острове, расположенном "по ту сторону Огигии", что не позволяет идентифицировать .ее иначе, как гиперборейскую Туле или *Тулу*; и "там обретаются вращения Солнца", загадочное выражение, которое может естественно соотноситься с "циркумполярным" характером этих вращений»[2]. Одно из постоянных названий Святой Земли — Земля Живых. «Оно, — отмечает Генон, — явно обозначает "убежище бессмертия", таким образом, что в собственном и строгом смысле этого слова оно применяется для земного Рая или его символических эквивалентов»[3]. Счастливая жизнь бессмертных «детей солнца» — вот первое воспоминание, приходящее в голову при мысли о полярной прародине.

Культ солнца вовсе не является распространенным повсеместно и был принят далеко не у всех народов. Этот культ, как следует предположить, мог появиться только там, где восход солнца совершается раз в году и превращается в величественную религиозную мистерию, несущую весть о возрождении не только Бога и

[1] *Генон Р.* Символы священной науки. М., 2002. С. 110.
[2] Там же. С. 123.
[3] *Генон Р.* Царь Мира. Коломна, 1993. С. 45.

Космоса, но и богоподобного человека — *на Северном полюсе.*

Естественно, что в основе сакральной Традиции нордического племени лежит солнечный календарь. По словам А. Хольцнера, нордический человек на протяжении многих тысячелетий с благоговением следил за движением звезд, а солнце было для него образом постоянно обновляющейся жизни. «В дни зимнего и летнего солнцеворота он с благоговением думал о вечной силе света», — пишет он[1]. Жители Северного полюса не просто поклонялись солнцу, но были его избранными детьми. Об этом очень точно сказал О. Ран: «Гипербореи были любимым народом Аполлона. Чистые сердцем и добродушные, они счастливо жили в лесах своей солнечной плодородной земли, питались только плодами, не убивали даже зверей и не знали ни войн, ни тяжб. Когда они уставали от жизни, они искали успокоения в волнах неумолкающего моря. Аполлон был их верховным богом»[2]. В другом месте Ран отмечает: «Ultima Thule также была страной гипербореев, которые жили в вечном свете по ту сторону северного ветра и над которыми в качестве божества владычествовал дельфийский Аполлон»[3].

Ultima Thule — удаленный северный остров, открытый греческим мореплавателем IV в. до н. э. Пифеем. Он так далеко продвинулся к северу, что видел замерзший океан, посреди которого возвышался остров, названный им Туле. По описаниям греческих географов, это была земля, где ночь столь коротка, что Солнце исчезает за горизонтом всего на два-три часа, а в день летнего солнцестояния ночи не бывает вовсе[4]. Именно «поиск Бога», по мнению Рана, был одной из главных причин путешествия Пифея на север. Мореплаватель

[1] *Хольцнер А.* Вечный фронт // Философия вождизма. С. 441.
[2] *Ран О.* Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 77.
[3] *Ран О.* Двор Люцифера. Тамбов, 2008. С. 66.
[4] Там же. С. 66–67.

верил, что полюс потому является аполлоническим, что он «спокоен сам в себе». Поскольку сам Аполлон нашел свою настоящую родину на землях Северного полюса, у счастливых гипербореев, следовательно, полюс обладает особой силой притяжения, «которая никогда не позволит людям быть независимыми от Бога»[1]. Эта гиперборейская Туле была священным центром откровения Солнца-Аполлона, находящимся на глубочайшем Севере, земным воплощением Полюса света. Аполлон не просто бог солнца, а именно бог гиперборейский, арктическое солнце. Е. П. Блаватская полагала, что раз Аполлон — гиперборейский бог солнца, то его мать Латона (Лето) — «полярная область и ночь, дающая рождение солнцу»[2]. Она рождена в гиперборейском краю, она же и есть «Гиперборейский Материк и его Раса»[3]. Она — не только мать Аполлона, но и Великая Мать нордического племени.

Богом солнца у германских племен был Бальдр, самый молодой и прекрасный из всех богов, их гордость и любимец. Праздник Бальдра отмечался в день летнего солнцестояния, который считался и днем смерти бога, поскольку после этой даты солнце начинает спускаться к горизонту, исчезает за ним и наступает темная зима — пребывание бога в мире мертвых. То же самое мы видим и в Индии: годовой цикл у индоариев делится на две половины — «восходящую» и «нисходящую». «Нисходящая» половина — это путь солнца к югу, идущего от летнего солнцестояния к зимнему[4].

Эпохой расцвета Гипербореи было полярное лето и триумф арктического солнца, светящего высоко в небе без заката. После Великого Полдня начинается упадок,

---

[1] Там же. С. 68.

[2] *Блаватская Е. П.* Тайная доктрина. В 2-х т. М., 1992. Т. 2. Кн. 4. С. 973.

[3] Там же.

[4] *Генон Р.* Символы священной науки. С. 260.

который приводит к космической драме Гибели богов. Слепой Хёд, бог тьмы, убивает светлого Бальдра, и мир погружается во тьму и горе, но за это сам он будет впоследствии убит богом Вали. Предполагают, что «физическое объяснение этого мифа можно искать либо в раннем заходе солнца (смерть Бальдра), которое исчезает в западных волнах и пропадает во мраке (Хёд), либо в раннем окончании короткого северного лета и наступлении длинной зимы. <...> Его смерть от руки Хёда символизирует победу тьмы над светом, темной зимы над светлым летом; а месть Вали — это наступление нового светлого времени года после зимнего мрака»[1]. Бальдр, как отмечает Б. Торп, «представляет собой теплое лето, время активных занятий, счастья и света. От его жизни зависят благоденствие и счастье богов; смерть его является горем для всех: богов, людей и природы»[2]. Поскольку имя Бальдр переводится как «белый бог» или «светлый бог», то его гибель означает не только уход лета, но и уход света, что совпадает с приходом зимы и тьмы.

Однако такое совпадение лета и света или зимы и тьмы можно наблюдать лишь в районе Северного полюса. Тилак считает, что в мифе об убийстве Бальдра Хёдом и о мести Вали «описывается победа, одерживаемая каждый год солнечным героем над демоном мрака», что относит его к корпусу арктических преданий[3]. Как видно, история о гибели Бальдра — это арктический по происхождению миф о конце полярного лета и светлого периода и о приходе полярной зимы-ночи. Но после долгой полярной ночи, после сумерек богов должен явиться новый, молодой бог-мститель. Его рождение знаменует новый рассвет, приход утра нового мира, возрождение Традиции.

---

[1] *Гербер Х.* Мифы Северной Европы. М., 2006. С. 197.
[2] *Торп Б.* Нордическая мифология. М., 2008. С. 117.
[3] *Тилак Б. Г.* Указ. соч. С. 434.

Известно, что архетип появляется снова и снова в мифологических фигурах. В мифологическом герое архетип переживает Вечное Возвращение. Через героя архетип воплощается и вмешивается в историю, превращая ее в миф и становясь видимым. Через явленный архетип герой становится инструментом мифа в его исторической реализации. Человек может стать мифом, лишь воплощая божественный архетип в своей имманентности, в своей душе. Архетип в герое — это божественная сущность, открывающая себя в нем и преобразующая его на свой лад. Такова для нордического человека роль Бальдра. Бальдр — гиперборейский светлый бог. Он является Самостью нордического человека, его душой. Воскресение Бальдра — это обретение нордическим человеком своей Самости. Второе пришествие, воскресение Бальдра возможно только в душе воскресшего, проснувшегося, осознавшего свою Самость и, следовательно, дваждырожденного нордического человека, ария. Это и будет возвращением на утраченную Гиперборею.

Главным праздником нордического человека был день зимнего солнцестояния — юл (или йоль), что означает «колесо, круглый диск или поверхность, круг, окружность, закругление, солнечный диск и солнечное колесо (свастику)»[1]. К этому же корню восходит русское слово «юла» и название горы Олимп. *Юл* означает *колесо года*, а с другой стороны — дату зимнего солнцестояния, поскольку именно в этот день совершается «поворот» прошедшего полный цикл времени и начинается новый год. Г. Вирт пишет, что «в момент зимнего солнцестояния "Колесо" Года Божьего стоит на месте, а поэтому в символическом культовом употреблении германского народа, в человеческой жизни,

[1] *Варг Викернес.* Скандинавская мифология и мировоззрение. С. 141.

все прочие колеса (прялка и т. д.) также должны покоиться. Ибо это — Священный Поворот, время "Умри и Стань", когда мертвые души предков воскресают и перерождаются, снова облекаются плотью в своем роду»[1]. Понятие «юл» включает в себя образ Центра, Полюса, вокруг которого вращается остальной космос, что хорошо видно на примере горы Олимп. Так на Северном полюсе годовой цикл включает в себя круговое движение не только времени, но и пространства.

Известно, что у кельтов год делился на два периода — теплый и холодный. Переломными датами между сезонами были 1 мая и 1 ноября, причем именно на этот день приходилось наступление нового года[2]. Также и у скандинавов год делился только на две части — лето и зиму. Однако у кельтов деление года на лето и зиму соответствует еще и делению суток на день и ночь. Зима — не просто холодное, а именно темное время года. В Уэльсе январь называли «темным месяцем», а в Шотландии, Корнуолле и в Бретани ноябрь (первый месяц зимы и года) называют «черным» или «темным» месяцем. Середина зимы в Шотландии называется «мрак». Это совпадение зимы и мрака в календаре может показаться странным, так как в средней полосе зимой бывает не только ночь, но и день. Однако все объяснится, если вспомнить, что в Арктике зима совпадает с полярной ночью, временем тьмы без света. Также следует обратить внимание на тот факт, что у индоевропейских племен одно и то же слово использовалось для обозначения зари и прихода весны. Имена богинь зари Ушас, Аврора, Эос соответствуют немецким названиям праздника прихода весны — Ostara, Ostern[3]. Такое совпадение прихода весны и восхода

---

[1] *Вирт Г.* Хроника Ура Линда: Древнейшая история Европы. М., 2007. С. 223.

[2] *Пауэлл Т.* Кельты: Воины и маги. М., 2003. С. 131, 137.

[3] *Шрадер О.* Индоевропейцы. М., 2003. С. 185.

солнца можно наблюдать лишь в Арктике, так как там восход солнца, наблюдаемый один раз в году (хотя и растянутый на несколько дней), знаменует конец полярной ночи и зимы одновременно.

Все это говорит об арктическом происхождении кельтского календаря. Их жрецы, друиды, хранили в своем календаре высокое духовное наследие Гипербореи. В культах солнца, в умении владеть космическими энергиями, в совершаемых мистериях и получаемых при этом откровениях, как отмечает Р. Майер, «проявлялось влияние древнего гиперборейства, благодаря которому священное солнечное наследие могло не утратиться для коснеющего земного бытия»[1]. *Традиции кельтов и германцев можно рассматривать в качестве ответвлений великой гиперборейской Традиции, которую следует признать за изначальную.* Именно высокая гиперборейская Традиция придает культуре кельтов тот магический блеск, который притягивает нас до сих пор.

Если, как нам известно, на Северном полюсе год делится на светлый и темный периоды, это могло натолкнуть путешественников на мысль, что год в мире людей равен суткам в мире богов. Действительно, мотив «день, равный году» или «год у богов равен столетию в мире людей» весьма распространен в фольклоре. В саге «Плавание Брана, сына Фебала» герой и его спутники прибывают в Страну Женщин. «Им казалось, что они пробыли там один год, а прошло уже много-много лет». Когда же они вернулись домой и один из друзей Брана спрыгнул на землю, «тотчас же обратился в груду праха, как если бы его тело пролежало в земле уже много сот лет»[2]. В «Плавании Майль Дуйна» говорится, что путешественники попали на прекрасный остров, где жизнь

[1] *Майер Р.* В пространстве — время здесь... История Грааля. М., 1997. С. 83.

[2] Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 673.

их «будет вечной» и время не коснется их. «Они пробыли на этом острове три зимних месяца; но это время показалось им тремя годами»[1]. В один из дней Майль Дуйн приплыл к острову «с медной изгородью, разделявшей его пополам. Там были огромные стада овец: по одну сторону изгороди — черных, по другую белых»[2]. Это образное описание арктического года. Остров, поделенный стеной на черную и белую половину — это и есть арктический год. Овцы — это дни, причем черные овцы — количество темных, «ночных» дней полярной зимы, а белые — светлые, солнечные, «дневные» летние сутки. Герой кельтов Ойсин стал королем в Тир На Н-Ог, Стране Юности. Он пробыл там три года, но за это время на земле прошло три сотни лет[3]. Эти истории известны во многих странах, в том числе и в России[4].

В германской сказке домовые уводят девушку внутрь горы, чтобы окрестить их ребенка. Она пробыла у них всего три дня, но когда вернулась домой, оказалось, что в мире людей прошло целых семь лет[5]. В шотландской легенде рассказывается о двух музыкантах, приглашенных к эльфам на праздник. Целую ночь развлекали они маленьких человечков веселой музыкой. Когда же они вернулись домой, то не узнали ни местности, ни деревни, ни ее жителей. Сами они превратились вдруг в глубоких стариков, а когда в церкви началась служба, «оба старика музыканта рассыпались в прах и следов их не осталось»[6]. В словацкой сказке с таким же сюжетом музыканты вечером попадают на свадьбу. Домой они возвращаются рано утром и узнают, что с той

---

[1] Там же. С. 709, 710.
[2] Там же. С. 701.
[3] Лики Ирландии: Книга сказаний. М.; СПб., 2001. С. 33.
[4] *Телегин С. М.* Миф и Бытие. М., 2006. С. 296.
[5] *Гримм Я., Гримм В. К.* Сказки. Минск, 1983. С. 164.
[6] Мифы и легенды народов мира: Северная и Западная Европа. Сборник. М., 2004. С. 153–155.

поры, как они ушли из деревни, прошло три месяца[1]. В этой сказке совершенно определенно говорится, что в волшебной стране с момента заката до момента восхода солнца проходит три месяца. Такое явление можно наблюдать только в Арктике. В индийских Пуранах один год в мире богов соответствует не ста, не тремстам, а тремстам шестидесяти годам в мире людей[2]. К такому выводу можно было прийти не умозрительно, а только наблюдая течение года на Северном полюсе. Если там «день и ночь» длятся целый год, то священный «год» на полюсе, состоящий из трехсот шестидесяти «дней и ночей», будет соответствовать именно тремстам шестидесяти годам в «мире людей» — в средней полосе.

Грузинская сказка «Земля свое возьмет» близка к кельтской версии. Герой отправляется «в такой край, где смерти нет». После долгого путешествия он видит «дом из цельного стекла», в котором живет прекрасная дева. Она «создана в первый день творения», никогда не состарится и никогда не умрет. Ее имя — Турпа, что означает «цветущая и прекрасная». Очевидно, это Дева Мира, Великая Мать и, без сомнения, Дева Зари. Юноша остался жить у нее, и «годы летели как минута». Ему показалось, что всего «три-четыре дня» прошло с тех пор, как он пришел сюда, но на самом деле пролетела уже тысяча лет. Когда герой вернулся домой, то оказалось, что все его родные давно умерли. Перед расставанием дева дала ему три яблока, но странно, что это были яблоки не бессмертия и молодости, а смерти. Когда он дома съел эти яблоки, то тут же превратился в старика и умер[3].

Самая известная японская версия этой истории — сказка об Урасима Таро. Молодой рыбак спасает че-

---

[1] Сказки народов мира. В 10-ти т. Т. IV. Сказки народов Европы. М., 1988. С. 106.

[2] *Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой. М.; Киев, 1997. С. 221.

[3] Грузинские народные предания и легенды. М., 1973. С. 243–246.

репашку, которая переносит героя во дворец Дракона. Этот дворец находится в самом центре мира, поскольку на его восточной стороне царила весна, на южной — лето, на западной — осень и на северной — зима. Кроме того, в одном из вариантов легенды подводная страна Дракона называется «Страной Вечной Молодости и Лета». Урасима Таро показалось, что он пробыл здесь всего два-три дня. Однако когда он вернулся домой, выяснилось, что прошло уже семьсот лет. Дочь царя Дракона подарила рыбаку перед расставанием чудесную коробочку, запретив открывать ее. Но расстроенный и озадаченный Урасима Таро не выдержал. Он открыл коробку, из нее потянулась струйка дыма, и за мгновение он превратился из молодого человека в старика и умер[1].

В сказке «Барабанщик», проанализированной С. Биркхойзер-Оэри, герой пробыл на далекой Стеклянной горе три дня, но когда он вернулся в наш мир, оказалось, что здесь миновало три года[2]. Большое значение имеет то, что Стеклянная гора находится где-то на краю света. Туда героя на своих плечах переносит великан. В германском фольклоре Стеклянная гора — образ иного мира, мира мертвых или рая. По ее скользкому склону должна взобраться душа умершего, а простой смертный может попасть на ее вершину лишь при помощи чар. Нет сомнений, что Стеклянная гора — воспоминание об арктических льдах, об айсбергах или покрытых льдом высоких горах на острове.

На вершине горы было ровное место, где стоял старый каменный дом, перед домом был большой пруд, а за ним густой лес. В доме живет старуха-ведьма, в плену

---

[1] *Садзанами Сандзин.* Нихон Мукаси Банаси: Сказания древней Японии. СПб., б.г. С. 175–185; *Дэвис Х.* Мифы и легенды Японии. М., 2007. С. 311.

[2] *Биркхойзер-Оэри С.* Мать: Архетипический образ в волшебных сказках. М., 2006. С. 102.

у которой находится прекрасная дева-лебедь. Именно ее и должен спасти герой. Если предположить, что Стеклянная гора — это полярный остров, Гиперборея (там три года проходят как три дня), то старая колдунья — Великая Мать, Богиня гипербореев, а действия героя по спасению прекрасной девы (зари) — обряд посвящения, принятый на арктической прародине.

Дева-лебедь — типичный образ нордического мифа. Норны и валькирии часто принимают образ лебедей. Именно лебедь, который является то ли воплощением души умершего, то ли психопомпом, указывает путь к райской обители или к Стеклянной горе. В этом плане лебедь прямо связан с небесным созвездием Лебедь. Психологически же, как замечает Биркхойзер-Оэри, дева-лебедь в сказках воплощает аниму героя, женственный аспект его души, «сближая его с бессознательным»[1]. Но, чтобы освободить аниму, герой должен вступить в опасный контакт с бессознательным и выполнить ряд задач.

Если говорить об инициационных испытаниях героя, то он должен вычерпать наперстком пруд и срубить оловянным топором лес. Эти испытания связаны с героическим посвящением, причем оба имеют отношение к бессознательному. Как пруд, полный воды, так и темный лес — образы бессознательного. То, в какие условия поставлен герой в этой работе с бессознательным, изначально должно обречь его на неудачу. Работая с бессознательным, он не имеет ни малейшего шанса на успех. Только дева-лебедь, живущая у старухи, помогает герою справиться с задачей. Это означает, что победа над бессознательным возможна лишь при участии сил, превосходящих человеческое сознательное Эго. Анима — цель поиска — становится и помощницей в этом поиске, как отмечает исследовательница[2]. Выполнив свою работу, ге-

[1] Там же. С. 104.
[2] Там же. С. 109.

рой зажигает из срубленных деревьев огромный костер. Там он видит одно негорящее полено и вытаскивает его. Полено превращается в деву, которую он и хотел спасти. Чтобы освободить ее, герой толкает в огонь старуху, и та гибнет.

Огонь здесь несет идею очищения и преображения души. Герой спасает деву и губит ведьму, то есть соединяется со спасительной стороной анимы и избавляется от темной, губительной ее стороны. Бросаясь в огонь и вытаскивая деревянное полено, герой, отдав себя во власть бессознательного, обрел свою душу. Но и дева не может обрести свой облик, пока, как пишет Биркхойзер-Оэри, «не коснется земли, то есть твердой реальности»[1]. Бросая же в костер старуху, герой справляется со своей «материнской фиксацией и привычкой пребывать в инфантильном состоянии», избавляется от слабости, чтобы не потерять «ту ценность, которую только что обрел» — аниму[2]. Шагнув в костер, он приносит себя в жертву, и только совершив эту жертву, он может стать действительно свободным, соединиться с анимой и превратиться в героя. Так происходит посвящение и воскресение героя.

Подобное деление анимы на старую и молодую богиню, на мать и дочь (Деметра и Персефона), известно во многих культурах. Целью посвящения становится спасение молодой богини (анима) из-под власти демонических сил (бессознательное) и женитьба на ней (мистический союз). Поскольку, как мы видели, этот ритуал совершается на Стеклянной горе, где время течет по-иному, то он, судя по всему, являлся частью гиперборейской Традиции, наследием Северного полюса.

Надо сказать, что в сказках и мифах индоевропейцев можно обнаружить и довольно точное описание Гипер-

[1] Там же. С. 117.
[2] Там же.

бореи, ее климата и деталей ландшафта. В мифах кельтов и германцев часто говорится о том, что их предки пришли с далеких островов, располагавшихся где-то на Крайнем Севере. Так, кельты верили, что первопредком людей был бог мертвых Диспатер, живший в далеком краю, на «острове Предела» по ту сторону океана. Другая легенда сообщает подробности: «На северных островах земли были Племена Богини Дану и там постигали премудрость, магию, знание друидов, чары и прочие тайны, покуда не превзошли искусных людей со всего света. В четырех городах постигали они премудрость, тайное знание и дьявольское ремесло — Фалиасе и Гориасе, Муриасе и Финдиасе»[1]. Ф. Леру, комментируя эти легенды, приходит к выводу, что «на острова на севере мира» отправлялись молодые люди, «чтобы обучиться друидизму» и стать знатоками искусства, «сделаться Туата де Даннан»[2]. Анализируя предания об «островах на севере мира», Леру отмечает, что «остров друидов — это темный остров, на котором царит мрак. Следовательно, он находится в царстве мертвых, в потустороннем мире»[3]. Но на самом деле описанный здесь «мир» совсем не «потусторонний». Характерно соединение при описании «царства мертвых» двух мотивов — севера и тьмы. Речь идет, безусловно, о долгой арктической ночи. Вместо того чтобы отмахиваться от этих легенд, как от описания «потустороннего мира», следовало бы предположить, что в них описано то, что люди могли видеть на самом деле. Эти кельтские предания, кстати, имеют прямую связь с греческими мифами о гиперборейском Аполлоне, а грозный бог смерти Диспатер — это греческий Кронос.

Далекая северная страна считается не только темным миром мертвых, но и царством вечной молодо-

[1] Похищение Быка из Куальнге. М., 1985. С. 351.
[2] *Леру Ф.* Друиды. СПб., 2003. С. 223–224.
[3] Там же. С. 227.

сти и света. Бог Мананнан живет на далеком острове, который называется Тир Тайрнгир, Земля Обетованная. Герою Коннлу является невидимая дева из Тир Нам Бео, Страны Вечно Живых, где царит счастье и нет смерти. Она увозит героя на свой остров на борту сверкающего корабля[1]. Тадг, сын Киана, попадает на далекий остров посреди океана, который называется Страной Вечно Живых. Он проводит там целый год, но ему кажется, что прошел лишь день[2]. В Земле Юных, прекраснее которой нет под солнцем, деревья «всегда в листьях и цветах, и всегда на них зреют плоды. Там вдоволь меда, и вина, и всего, что только пожелаешь». Тот, кто там живет, никогда не состарится, не знает ни морщин, ни смерти, сколько бы времени ни прошло[3]. Стоит заметить, что в этих преданиях описывается не просто фантастический «солнечный край». Перед нами описание долгого арктического лета, когда солнце на протяжении нескольких месяцев не заходит за линию горизонта. Более того, точное описание не просто теплого, а жаркого климата указывает, что эти легенды создавались в период максимального потепления, когда климат в Арктике был значительно более теплым. Однако после этого снова пришло похолодание. Солнечная Страна Живых сменилась на Страну Мертвых. Все эти явления наблюдались предками индоевропейцев на самом деле, а вовсе не являются, как считают многие ученые, описанием «потустороннего мира». *Это наш мир...*

В преданиях кельтов часто рассказывается о стеклянных островах и дворцах. Так, повелитель поморов Балор живет на острове Стеклянной Башни. Моряки, проплывавшие мимо острова, часто «видели посреди моря стеклянную башню, а наверху на крыше существо, об-

[1] Кельты: Ирландские сказания. М., 2000. С. 68–70.
[2] Там же. С. 70–77.
[3] Там же. С. 282.

личьем похожее на человека»[1]. Когда же моряки при помощи друида попробовали разрушить башню, то она исчезла, но при этом поднялась большая волна и потопила их корабль. Судя по описанию, речь идет об огромном (похожем на остров со стеклянной башней) айсберге, от которого отвалился большой кусок или он перевернулся, подняв волну. В легендах о Земле Блаженных часто появляются образы Стеклянной горы, Стеклянной башни, стеклянной лодки и т. д. Эта прямая связь Острова Блаженных и стекла указывает на далекие северные земли, где раньше климат был теплым, но затем они оказались во власти льда.

Германский миф сообщает о начале оледенения. Однажды Один отправился в путешествие и отсутствовал много месяцев. Воспользовавшись этим, братья Одина, Вили и Ве, присвоили власть и престол верховного бога. По другой версии, Одина то ли заменил, то ли сверг бог зимы Улль (или Оллер). Он правил землей долгие семь месяцев, пока Один где-то скрывался, и все эти месяцы длилась зима. Улль засыпал снегом Асгард и Мидгард. Но Один все же вернулся и прогнал Улля, который после этого поселился на замерзшем севере[2]. Миф повествует о приходе очень долгой зимы. Такие мифы были созданы в ледниковый период.

Если мифологические герои, первопредки приходят в наш мир с далеких северных островов, то эпические герои, напротив, отправляются на далекие северные острова в поисках приключений. В обоих случаях северные земли ассоциируются с Иным миром. Приход первопредков из Иного мира — это обретение ими земного физического статуса, начало человеческой истории. Путешествие героя в Иной мир — это инициация, приобщение к «абсолютно иному», к утраченной муд-

[1] Там же. С. 21.
[2] *Гербер Х.* Мифы Северной Европы. С. 45, 131–132.

рости, к совершенству, и обретение духовного, надчеловеческого статуса. Алвин и Бринли Рис пишут: «Тема плавания в Иной мир — одна из самых характерных для кельтской традиции...»[1]. Описание таких странствий не оставляет сомнений в том, *куда* направлялись путешественники.

В одной из валлийских легенд потусторонний мир описывается как «четырехугольный вращающийся замок», откуда Артур привозит волшебный котел. В этом вращающемся замке «полдень был совершенно черным»[2]. Это точное описание дома, стоящего прямо на полюсе (он вращается вокруг своей оси) в условиях долгой полярной ночи. «Осевое» расположение Острова Блаженных подчеркивается и в других преданиях. Здесь важен мотив вращения вокруг своей оси. Герметический трактат гласит: «Северный полюс вращается вокруг самого себя и увлекает вместе с собой в круговом движении весь космос»[3]. Именно такой вид оказывается и у таинственного острова.

В саге «Плавание Брана, сына Фебала» Остров Блаженных описывается как *искусственный*: «На четырех ногах стоит остров. <...> Стоит остров на ногах из белой бронзы, блистающих до конца времен»[4]. Здесь отмечается одно из главных качеств полярного острова — устойчивость. Р. Генон писал об этом: «Именно на нее мы и указывали как на характеристику Полюса: остров пребывает неподвижным среди непрерывного движения волн, движения, являющегося образом беспокойства внешнего мира»[5]. Эта «устойчивость» и неподвижность острова может быть связана только с тем, что он располагается

---

[1] *Рис А., Рис Б.* Наследие кельтов: Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. М., 1999. С. 358.
[2] *Хайнц С.* Символы кельтов. СПб., 2006. С. 276.
[3] Высокий герметизм. СПб., 2001. С. 72.
[4] Исландские саги. Ирландский эпос. С. 667, 668.
[5] *Генон Р.* Царь Мира. С. 70.

непосредственно на Северном полюсе, поскольку он представляет собой неподвижную точку, вокруг которой вращается остальное пространство. Интересно, однако, описание острова как искусственного, что повторяется и в других легендах.

В «Плавании Майль Дуйна» путники приплывают «к гигантскому серебряному столпу. Четырехгранный был он, и каждая сторона — в два удара корабельных весел. <...> Ни клочка земли не было подле него — один бесконечный океан. Не видать было ни основания столпа, ни вершин его — так высок был он»[1]. Это Ось мира, Мировой Столп, знак Полюса, о котором пишет, например, М. Серрано: «...Туле вблизи Столба Севера, *который связывал этот мир с другими мирами*, со звездами»[2]. Эту Ось можно представить себе только на Полюсе. От серебряной сети, которая спускалась с вершины столпа, путники отрубили кусок. «Они услышали с вершины столпа голос мощный, звонкий, звучный, но не могли понять ни кто говорит, ни на каком языке. <...> Затем они увидели остров, поднимавшийся на ножке: весь он стоял на этой ножке»[3]. Похожие конструкции устанавливают сегодня на шельфе для добычи нефти и газа. Громкая нецензурная брань рабочих, которым мореплаватели повредили технику, не требует перевода.

В предании «Приключение Арта, сына Конна» повествуется, что герой пришел в волшебную страну, где был город с дворцом посредине. «На столбе поверх града был поставлен искусный, блестящий, солнечный покой...»[4]. Перед нами опять возникает картина, которую можно наблюдать только на Полюсе: столб, исходящий из центра города и упира-

[1] Исландские саги. Ирландский эпос. С. 707, 708.
[2] *Серрано М.* Золотая цепь. Тамбов, 2007. С. 183.
[3] Исландские саги. Ирландский эпос. С. 708.
[4] Лики Ирландии: Книга сказаний. С. 58.

ющийся в солнце в зените. Этот солнечный покой (*грианан*) на Одиноком Столпе — обычное жилище «чудесной жены» в легендах. Например, в балладе «Сладостная печаль» герой отправляется за море на поиски прекрасной девы. Через три месяца и семь недель плавания «над оконечностью бурного моря» (край мира, Гиперборея) он увидел «гладкие камни бело-синей башни, стеклянные окна на кровлях ее». С вершины башни упала цепь, по которой герой взобрался наверх и там нашел свою возлюбленную, спящей на золотом кресле (образ девы-зари)[1]. Само представление о существовании Мирового Столпа или Оси мира могло возникнуть только там, где земной Центр соединяется вертикальной линией с небесным Центром — на Северном полюсе.

Предания о Гиперборее сохранились и у соседей кельтов и германцев. Финно-угорские племена, пришедшие на север Европы из Азии, вступали в соприкосновение с нордическими ариями и восприняли память об их прародине. Так, ханты сообщают, что «на крайнем севере, близ океана и льдов» живет ветер, дующий с севера (Борей), а далее к северу находится страна, жители которой невероятно красивы, благородны и славятся разумом. В финских легендах говорится о «нижнем мире» Туонеле (то же, что Туле в мифах греков и римлян), где постоянно светит солнце (полярный день), а земля богата щедрыми полями и обильными лугами (время теплого межледниковья). Охраняет вход в эту страну хозяин царства мертвых Туони (Дуодна — то же, что богиня Дана). Неарийские племена, проживающие в Северной Скандинавии, верили, что эта страна находится на острове в Северном Ледовитом океане[2]. Следует отметить, однако, одну важную особенность: в мифах древних

[1] Уэльс. Хроники бриттов: Книга сказаний. М.; СПб., 2005. С. 113.

[2] *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии: Загадки истории древних ариев. М., 1974. С. 103–105.

Рис. 1. Исландский манускрипт XVIII в.: корова Аудумла создает великана Бури (Исландия. Рейкьявик. Институт Арне Магнуссона)

индоариев и германцев северная или полярная земля — это их сакральная прародина, на которой жили их предки и продолжают жить их боги. Для финно-угорских племен это — таинственная «чужая» земля, где живут удивительные по красоте, не похожие на них, «чужие» люди. Уже хотя бы по этой причине вывод Г. М. Бонгард-Левина и Э. А. Грантовского, что предания о полярной прародине были лишь заимствованы древними ариями у финно-угорских народов[1], ошибочен.

Мифы индоевропейцев сохранили еще одну очень узнаваемую географическую деталь их древней праро-

[1] Там же. С. 113.

дины. В «Младшей Эдде» сообщается, что когда под воздействием тепла мировой лед и первозданный иней растаяли (потепление в межледниковый период), то «тотчас возникла из него корова по имени Аудумла, и текли из ее вымени четыре молочные реки, и кормила она Имира»[1] (рис. 1).

Имя Аудумла происходит от *audr* — «пустыня», и *hum* — «тьма, сумрак», что вместе дает значение «темная пустыня». Как пишет Б. Торп, имя космической коровы означает, что «материя прирастала за счет ручьев, протекавших в пустынной тьме»[2]. Аудумла является олицетворением пустынного и холодного, покрытого льдом полярного континента, который только начал оттаивать после царства мирового льда. Он разделен четырьмя реками на четыре части и пребывает во тьме арктической ночи. Этот же образ встречается и в мифах других народов.

В «Ригведе» Индра вместе с Ангирасами освободил из мрака ночи Зарю и Солнце, после чего «наполнил четыре реки, струящиеся сладкими потоками» (РВ. I. 62, 6). Это четыре реки арктического рая. В гимнах «Ригведы» арктическая прародина представлена как четыре небесных мира счастья и Истины — Сатья, Тапас, Джана, Свара, которые все вместе описываются как «четыре высшие и тайные обители» и источник «четырех высших рек»[3]. Здесь четко представлена география полярного континента, разделенного на четыре части четырьмя реками. По словам Ауробиндо, эти «четыре высшие реки божественного бытия, божественной сознательной силы, божественного восторга, божественной истины наполняют и питают собою два мира — ум и тело, — нисходя в них сладостными потоками»[4]. Слова индийского фило-

---

[1] Младшая Эдда. С. 23.
[2] *Торп Б.* Указ. соч. С. 97.
[3] *Шри Ауробиндо.* Собр. соч. Т. 2. С. 170.
[4] Там же. С. 172.

софа показывают, как реальное географическое явление (четыре реки) превращается с уходом с прародины в высокое мистическое учение.

Священный Полюс, Центр Мира, «Святая Земля», по словам Генона, — «это "высшая область", согласно смыслу санскритского слова *Парадеша*, которое халдеи превратили в *Пардес*, а люди Запада — в *Парадис*; это и в самом деле "Земной Рай", точка исхождения всякой традиции, имеющая в своем центре единственный источник, от которого расходятся четыре реки, текущие к четырем основным точкам...»[1]. В Индии верят, что река Ганг семь раз огибает гору Меру, находящуюся в центре мира, и затем разливается на четыре озера, из которых истекают четыре реки, впадающие затем в четыре моря. В «Вишну Пуране» рассказывается, что на вершине Меру находится город Брахмы, омываемый Гангой, которая затем разделяется на четыре могучие реки[2]. «По нашей интерпретации, — пишет У. Уоррен, — исходная река начинается на небе, затем разделяется на высоте полюса, и четыре образовавшиеся реки — это четыре потока циркумполярного континента, стекающих по разным направлениям в окружающее море»[3].

И. Донелли, описывая древнюю прародину человечества (которую он по ошибке отождествляет с вторичной Атлантидой), находит в мифах разных народов один важный общий мотив — наличие четырех рек, текущих в виде креста из одного источника. Таков, по мнению Донелли, священный Асгард, находящийся в центре долины, орошаемой четырьмя молочными реками, текущими в направлении четырех сторон света. Такова «божественная черная страна» Тянь-Шань китайцев, орошаемая четырьмя источниками бессмертия.

[1] *Генон Р.* Символы священной науки. С. 114.
[2] *Уоррен У. Ф.* Указ. соч. С. 151–152, 246–247.
[3] Там же. С. 240.

Это и священная гора буддистов Сумеру, с вершины которой текут четыре реки, и гора индуистов Меру, с четырех склонов которой изливаются в разные стороны света четыре реки[1]. Донелли, однако, «не заметил», что в описании Атлантиды, оставленном Платоном, нет никаких упоминаний о четырех реках. Эти четыре реки являются частью ландшафта именно полярной Гипербореи. Они и породили один из главных религиозных знаков у всех народов мира — равносторонний крест.

Райский остров имеет форму круга и, по словам Генона, «он разделяется посредством креста, который образует четыре реки, текущие с "полярной горы"»[2]. Об этом знаке справедливо пишет Б. Ле Пер Тренч: «Эти четыре потока, или четыре реки, текущие в противоположные стороны, упоминание о которых есть в легендах и сказаниях практически у всех народов, объясняют происхождение креста как самого древнего символа в мире»[3]. Этот крест является памятным знаком Гипербореи, и он несет в себе солярный и полярный смысл, а также открывает тайну инициации — возрождения человека в кресте. Спасение человек может обрести только через космический Крест Гипербореи.

Конечно, в современной христианской европейской традиции эти четыре реки более всего известны по описанию в Библии. «Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; И золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель: она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат» (Быт. 2, 10—14). Комментаторы Библии отмечают,

[1] *Донелли И.* Атлантида: мир до потопа. Самара, 2004. С. 284.
[2] *Генон Р.* Царь Мира. С. 75.
[3] *Ле Пер Тренч Б.* Небесный народ. М., 1998. С. 93.

что существовало множество толкований этих строк, причем «земной рай переносился с Дальнего Востока (Коппенс) на Северный полюс (Уоррен — Грюн) или вообще за пределы земли (Унгнад)»[1]. Генон также объясняет особенности географии библейского Рая: «... из его центра, то есть от самого подножия "Древа жизни", вытекают четыре реки в направлении четырех сторон света, которые таким образом чертят горизонтальный крест на самой поверхности земного мира — то есть в плоскости, соответствующей уровню человеческого состояния. Эти четыре потока, которые можно отнести к кватернеру элементов, истекают из одного источника, соответствующего первоначальному эфиру, и разделяются на четыре части, которые можно соотнести с четырьмя стадиями циклического развития и с круговой оградой "земного Рая", представляющей собой не что иное, как горизонтальный срез вселенской сферической формы...»[2]. Для Генона четыре реки, как и сама полярная прародина — посредник между эфирным и физическим мирами, способ истечения и материализации космических энергий.

Он пишет об этом так: «Резервуар небесных вод естественно идентичен духовному центру нашего мира: отсюда вытекают четыре реки Pardes, которые направляются к четырем сторонам света»[3]. Четыре реки — это эманации космической энергии, которая питает их как источник или резервуар небесных вод. Нисходя на землю, эта энергия концентрируется в стихию воды и фиксируется в пространстве, определяя четыре его направления.

Библейские образы получали трактовку у многих мистиков в разные эпохи. Г. фон Веллинг замечает,

---

[1] *Гальбиати Э., Пьяцца А.* Трудные страницы Библии (Ветхий Завет). Милан, 1992. С. 128.

[2] *Генон Р.* Символика креста. М., 2004. С. 84.

[3] *Генон Р.* Царь Мира. С. 44.

что «из Эдема вытекала река (чье имя Писание не сообщает), орошавшая не только сад Эдемский, но из которой вытекали четыре реки: Pison, Gihon, Hiddekel и Phrat, обтекавшие известные земли и страны. <...> Отсюда, не убоявшись сего, следуем далее и скажем вначале, что основа истока реки, протекавшей в Эдеме и орошающей сад — **Великолепие и Величие самого Бога** в вечной, непостижимой глубине, явленной в храме изобилия Его Божественности, в Fiat **или Слове**, в духовном Адаме или небесном человеке, в Вечности Единородного Божественного Сына Иисуса Христа, во всех небесных и совершенно духовных созданиях. <...> Отсюда она разделяется на четыре реки: Огонь, Воздух, Воду и Землю... где *махина* истечения Жизни и Содержания всех созданий, через звезды, **Солнце** и **Луну** непрерывно изливается на наш земной шар, как к *центру* (в котором проявлена вечная Воля, План и Тайна Божественного Величия пред всеми иными сферами как нашей *системы*, так и верхнего или духовного мира) и здесь действует»[1]. Четыре реки становятся образом творения четырех стихий из божественного Слова и истечения в наш мир Его Сущности.

В каббале четыре райские реки мистически связаны с буквой еврейского алфавита *Йод* (I). Значение этой буквы в каббале очень велико, она названа «Сокровеннейшей из всех букв. Ибо I, *Йод*, есть начало и конец всего сущего», «И этот мир грядущий сотворен через I, *Йод*»[2]. Большая тайна заключается в том, что буква *Йод* включает в себя еще две буквы — *Вав* (V) и *Далет* (D), то есть буква *Йод* записывается как IVD. «Малое Святое Собрание» сообщает: «И некая Тайна исходит от этого

[1] *Веллинг Г., фон.* Opus Mago-Cabbalisticum et Theosophicum. Киев, 2005. С. 123.

[2] *Макгрегор Мазерс С. Л.* Разоблаченная каббала. М., 2009. С. 335–336.

речения, гласящего: "Из Эдема выходила река". Что такое Эдем? Это горняя ChKMH, *Хокма*, Мудрость; и это же I, *Йод (в I, V, D)*. "Для орошения сада". Это V, *Вав*. "И потом разделялась на четыре реки". Это D, *Далет*. И в IVD заключено все сущее, и поэтому Отец сей именуется Всем сущим, Отцом Отцов»[1]. *Далет* представляет собой четыре реки, поскольку цифровое значение этой буквы — 4. Это мистическое учение, с одной стороны, лишний раз подтверждает гиперборейское происхождение как первых глав книги «Бытие», так и системы каббалы. С другой стороны, словесно-буквенные и аллегорические спекуляции подобных мудрецов показывают, что происходит с мифом, когда его буквальный смысл утрачивается.

Изучение подлинной географии полярного континента подводит нас еще к одной детали. Уоррен замечает, что четыре реки растекаются в противоположных направлениях, «разделяя циркумполярную землю на четыре почти равные части»[2]. Эти четыре части имеют своего собственного правителя, и Генон приходит к выводу, что полярная «Thule была, похоже, тождественна изначальному "Острову четырех Властителей"»[3]. Это тот самый остров, который в кельтском предании имел четыре города, в которых жили четыре великих друида. Леру считает их точным описанием «инициатического центра»[4].

Именно поэтому знак креста в круге имеет большое значение в психологии. К. Юнг говорил: «Благодаря своим четырем рекам и тому, что в нем изначально пребывал андрогинный Первый человек (Адам), сад Эдема был любимой мандалой в христианской иконографии, следовательно, символом целокупности и — с

[1] Там же. С. 336–337.
[2] *Уоррен У.* Указ. соч. С. 56.
[3] *Генон Р.* Царь Мира. С. 67.
[4] *Леру Ф.* Указ. соч. С. 222.

психологической точки зрения — самости»[1]. Это объясняет, почему на протяжении тысячелетий четыре реки райского сада так притягивали к себе внимание разных мистиков. Однако в этом притяжении и в психологическом или инициационном значении образа можно увидеть и действие генетической памяти индоевропейца. Образ круга с вписанным в него крестом сразу пробуждает глубинные пласты памяти об утраченной арктической земле и порождает острое желание вернуть священную родину.

Еще один признак Гипербореи, имеющий важное психологическое и инициационное значение, — пещеры. Миф гласит, что Туата де Дананн были вынуждены переселиться в подземный мир, в холмы и пещеры, и стали зваться *сиды*. Сиды попросили Мананнана, сына Лира, чтобы он сделал им убежище, где бы они могли жить в безопасности. Мананнан нашел для них самые прекрасные в Ирландии долины «и поставил кругом невидимые стены, которые были недоступны для простого смертного, а для сидов были словно открытые двери»[2]. Сиды, или сидхи, как пишет Дж. Маккалох, «были изумительными подземными дворцами, полными странных вещей, и туда избранные смертные могли пойти на какое-то время или навсегда»[3]. Сидхами (или сидами) назывались и тайные пещеры в холмах, и народ, живший там.

Бог Дагда создал сидхи для богов, оставшихся в Ирландии. «Эти *сидхи* представляли собой курганы, или искусственные холмы, каждый из которых имел особые врата, ведущие в подземное царство бесконечного наслаждения и невиданной роскоши»[4]. После этого боги

---

[1] *Юнг К. Г. Mysterium Coniunctionis*: Таинство воссоединения. Минск, 2003. С. 207.

[2] Кельты: Ирландские сказания. С. 61.

[3] *Маккалох Дж.* Религия древних кельтов. М., 2004. С. 58.

[4] Кельтская мифология: Энциклопедия. М., 2002. С. 135.

получили название Аэс Сидхи — Люди из холма, или просто Сиды. До сих пор об их счастливой жизни рассказывают легенды, которые, однако, несут в себе печать глубокой архаики и описывают отличные от Британии географические подробности.

В легенде «Элидор и фейри» рассказывается, как мальчика пригласили посетить подземное царство, вход в который находился в пещере (сид). Это была страна, «полная услад и забав», «прекраснейшая страна, украшенная реками и лугами, лесами и долинами». Однако это была страна «сумрачная и не освещаемая ярким светом солнца. Все дни были хмурыми, а ночи до крайности темными, ибо там не было луны и звезд»[1]. Это описание сумрачной страны — яркое воспоминание о том, что подземная страна располагалась в арктическом регионе. Хмурые, сумрачные дни без солнца и долгие крайне темные ночи — это описание дня в Арктике сразу после дня осеннего равноденствия. Тогда светило уже скрывается за линией горизонта и не восходит вновь, освещая только край неба своим призрачным холодным светом. Вряд ли такое могли придумать люди, проживающие в средней полосе. Арктическое расположение сидов также подтверждается тем, что в Ирландии и Шотландии этот мир называют «Срединным королевством» — явное указание на сакральный Центр Мира, на Полюс[2].

В легенде «Зеленые дети» рассказывается о мальчике и девочке из волшебной подземной страны. В той земле «солнце не восходит» и всегда царит полумрак, «какой бывает на земле после захода солнца». Это земля «вечных сумерек», вечной вечерней зари. Однако «очень широкая река» отделяет эту страну «от другой, ярко

[1] Уэльс. Хроника бриттов: Книга сказаний. С. 169–170.
[2] Мифология Британских островов: энциклопедия. М.; СПб., 2007. С. 312–313.

освещенной»[1]. Мотив «вечного заката», долгих сумерек, несомненно, арктического происхождения. Широкая река, отделяющая эту страну от «ярко освещенной» — это, судя по всему, трансформированный мотив таяния льда и снега после прихода полярного лета — многомесячного пребывания солнца на небе.

Земля Обетованная представлялась кельтам в двух ипостасях. Это либо остров, лежащий далеко за морем, либо подземный мир, спрятанный под холмом (сид). В «Мабиногионе» Аннувн — название счастливой страны, Иного Мира, совершенной земли. Это страна, расположенная то ли где-то далеко за морем, то ли под землей, внутри холма[2]. Возможно также, что сид понимался как вход, через который человек мог попасть в край блаженных, лежащий на далеком острове. Во всяком случае, это страна без печали, без смерти и страданий; страна изобилия, вечной молодости, весны и счастья, даже несмотря на царящий полумрак. Ее названия — «Прекрасная равнина», «Земля Обетованная», «Страна Юных»[3]. Варг Викернес, кстати, замечает, что «в свободном переводе слово *Thule* значит "узкие фьорды"»[4]. Таким образом, полярная Thule — «страна фьордов», «страна ущелий» или, в вольном понимании, — «страна пещер».

Пещера своего рода естественный храм, и любой «подземной» религии присущи свои особые черты, главной из которых становится грёза, полет фантазии, экстаз мечты, а дополнительной — покой, неподвижность, бездеятельность. При этом сама пещера, подземелье в мифе предстает как убежище, о котором мечтают, на защиту которого надеются. Защищенный покой — вот

---

[1] *Хартленд Э.* Легенды старой Англии. М., 2007. С. 114.

[2] *Рис А., Рис Б.* Указ. соч. С. 50.

[3] *Диллон М., Чедвик Н. К.* История кельтских королевств. М.; СПб., 2006. С. 186.

[4] *Варг Викернес.* Указ. соч. С. 188.

идеальное восприятие пещеры. Считается, что главным мотивом в преданиях о сидах становится описание райского существования: там царило веселье, звучала музыка, а жители были счастливыми и бессмертными. Но на самом деле главный мотив в этих сказаниях, да и главная причина создания самих сидов — убежище. Главная функция сидов — быть убежищем, пристанищем, местом жительства для богов и героев.

Любая пещера сразу пробуждает в подсознании мотив убежища и порождает ощущение защиты и грёзы. Это также и вход в другое измерение, где время течет иначе, чем в нашем мире (триста лет протекают за три дня). Пещера скрывает в себе собственный космос, она «наделена» космичностью (бесконечное скрыто, спрессовано в конечном — в пещере). Так пещера наделяется способностью возвышать свой экзистенциальный уровень. Феномен пещеры заключается в том, что она — космос в миниатюре и блаженный мир богов одновременно.

В силу этого восприятия человек стремится туда. В стремлении войти в пещеру прослеживается особая *«воля к обитанию»* (Г. Башляр), реализуемая через восприятие некой сакральной энергии, концентрируемой в пещере. Пещера конденсирует сакральное, в ней присутствует не только особая энергетика, но и само пространство предстает более «густым». Отсюда и иное течение времени, и иное измерение пространства. Поэтому в пещеру и уходят «от жизни», что совпадает с погружением в мечту, переживанием экстаза. Тяга к пещере — это тоска по утраченному блаженству в утробе матери, по первозданному раю.

Погружение в пещеру сопровождается чувством исполнения желаний, восполненности бытия. Глубинная феноменология пещеры — это измерение Золотого века, поэтому пещера — место инициации и трансформации. В этом заключается ценность пещер. Реальность этой

ценности размещается в бессознательном[1]. Содержание пещер — это то, что напоминает бессознательное человека. Сокровища, спрятанные в пещере, райская земля — это то, что пребывает во тьме души человека, но реализуется в его мечтах, снах и мифах. Наконец, описание райской страны под сводами пещеры — это генетическая память о Гиперборее — главном сокровище души индоевропейца.

Однако есть еще одна причина создания подземного убежища. О ней с небывалым драматизмом говорится в «Авесте». Ахурамазда сказал Йиме, первому человеку (то же, что Имир нордического мифа), что прекрасный край Айрьяна Ваэджо будет уничтожен холодом, вследствие чего «наступит сильный мороз; мир телесный, грешный, уничтожат зимы, отчего выпадет много снегу на высочайших горах и в низменностях [реки] Ардви», а затем эту страну «затопит обильная вода после таяния снега, и там, о Йима, для телесного мира явится озеро, где теперь видны следы мелкого скота»[2]. Чтобы спастись, Йима должен сделать ограду Вар — укрепленное, закрытое со всех сторон убежище (подземелье или пещера в горе). Туда Йима должен собрать не людей, не животных и не растения, а их семя.

Вара — это не аналог Ноева ковчега. Он никуда не плывет, и спасает не от катаклизма, не от потопа, а от оледенения. Это огромный «банк спермы», из которого путем генной инженерии после завершения оледенения должно быть воссоздано идеальное человечество, созданы животные и растения.

По приказу Ахурамазды Йима строит Вару в виде города, состоящего из трех концентрических окружностей, разделенных каналами с водой и соединенных мостами. «Авеста» гласит:

---

[1] *Башляр Г.* Земля и грезы о покое. М., 2001. С. 189.

[2] Мидия. Персия. Иран. Древние царства Востока. Сборник. М., 2003. С. 547.

Он провел туда воду путем, длиною
ровно в хатру, и луг взрастил изобильный.
И построил дома, а к домам — ограды
и навесы, чтоб хлад не ворвался сильный.
(...)
Йима девять мостов проложил в переднем
круге крепости прочной; шесть — в среднем;
в третьем сделал три[1].

При этом Вара, хотя и похожа внешне на Атлантиду (об этом поговорим в другой главе), но на самом деле находится на полюсе, так как, по словам Ахурамазды, «"Светы — нерукотворный и сотворенный там сияли, как Солнце, Луна и звезды, что единожды путь свой по небосклону совершают, как мнится нам". Год казался днем»[2]. Земля, где «одним днем казался год», а солнце поднималось из-за горизонта раз в году — это описание того, что можно увидеть только на Северном полюсе.

Вара, с сохраненными в ней семенами всех живых существ, — образ реальной упорядоченной оболочки, в которой заключаются все принципы творения телесных форм (их семена), а не сами формы. Пребывание этих семян в подземной Варе соответствует зачатию и пребыванию в утробе, следствием которого должно стать воспроизведение телесных форм и новое заселение земли. Воды, окружающие Вару и для защиты от которых, собственно, строится эта ограда, отождествляются с внутриутробными водами, в которых и пребывает плод. Прохождение через воды — аналог исхода из лона и рождения. Этот параллелизм Вары и лона соответствует метафизическому принципу всеобщих аналогий. Пребывающие в Варе и лишенные света семена живых существ находятся в ожидании света и рождения, от-

---

[1] Заратустра: Учение огня. Гаты и молитвы. М., 2007. С. 49—50.
[2] Там же. С. 50.

дыхая от временного пространства и не имея возможности осуществить какое-либо земное действие. Однако они пребывают в сохранности и божественной истине, открывшейся им при вхождении в сакральное пространство Вары. В этом блаженном состоянии они ожидают воплощения и бытийности. В том же состоянии пребывают и ирландские сиды.

Дальнейшие события подробно описаны в мифе, словно отчет о реальных событиях. «Нагрянул со своими полчищами Ахриман, задул северный ветер, ударили трескучие морозы, повалил снег — а в царстве Йимы зеленела трава и как ни в чем не бывало щебетали птицы. Люди в Варе жили счастливой жизнью. Потом пришла весна. Снега растаяли. Начался потоп. Но высокие стены Вары защитили ее обитателей от гибели в пучине холодных вод»[1]. Эта подземная Вара, расположенная на Северном полюсе, где люди живут счастливо, не ведая забот, очень похожа на сиды из кельтских преданий. Надо сказать, что существует множество совпадений между мифами кельтов и германцев и преданиями ариев в Индии и Иране. Иногда даже кажется, что это лишь две версии одного и того же изначального мифа.

Так, сиды кельтов совпадают с сиддхами в Индии. Индийские сиддхи, судя по всему, как и сиды Ирландии, — это обожествленные маги Гипербореи. Также в «Младшей Эдде» описание Мидгарда (Средняя ограда) во многих деталях совпадает с описанием Вары в «Авесте». Создав землю, боги «весь мир в глубине суши оградили стеною для защиты от великанов»[2]. Речь идет об инеистых великанах, злобных существах, порождениях Имира, пришедших в эпоху мирового льда. Стена, охраняющая Мидгард, защищает его от власти льда. Не

[1] *Рак И. В.* Мифы Древнего Ирана. Екатеринбург, 2006. С. 125.
[2] Младшая Эдда. С. 25.

случайно горный великан, который обещает богам построить стены (Вару) Мидгарда, должен сделать это «в одну зиму» и начинает свою работу «с первым зимним днем» — с началом ледникового периода. «Шла зима, и все быстрее подвигалась постройка стены. Она была так высока и прочна, что, казалось, никому не взять ее приступом»[1]. Это почти дословное воспроизведение строк из «Авесты». Мидгард — срединное огороженное пространство, он расположен в центре мира, на Полюсе. Но это — мир для людей. Мир для богов называется Асгард, и он также расположен «в середине мира» — на священном Полюсе[2].

Иранский эпос предупреждает, что в будущем опять придет холод и повалит снег. Тогда сторонники Ахурамазды «вспомнят о Варе, что некогда построил Йима, и уведут всех людей туда, под защиту ограды»[3]. Характерно, что возвращение ледникового периода в конце мира предсказывает и Эдда. Первое, что предвещает наступление эры Рагнарёк, — это период лютой зимы, которая называется Фимбульветр — Великанская зима. «Снег валит со всех сторон, жестоки морозы и свирепы ветры, и совсем нет солнца. Три таких зимы идут сряду, без лета»[4].

В памяти иранцев сохранился образ прародины — центральный континент, «прекрасный регион Хванирах». В его середине расположен пик Хара *(авест.* Hukairiia), вокруг которого вращаются солнце, луна и звезды. На востоке у него 180 окон и столько же на западе, что составляет 360 дней года[5]. Причем речь идет о делении года на две части — светлую и темную, как у кельтов. 180 окон на востоке — это арктический день, длящийся

[1] Там же. С. 63.
[2] Там же. С. 26.
[3] *Рак И. В.* Указ. соч. С. 309.
[4] Младшая Эдда. С. 89.
[5] *Гюиз Ф.* Древняя Персия. М., 2007. С. 122.

полгода. 180 окон на западе — арктическая ночь. Гора находится в центре мира и представляет собой мировую Ось, что прямо указывает на Полюс, поскольку солнце и луна вращаются вокруг нее.

Говоря о сакральных образах-знаках Полюса, Генон замечает, что «гора из земного рая идентична "полярной горе", которая рассматривается под разными именами почти во всех традициях» — Меру, Олимп, Хара. Дело в том, что в силу своего осевого значения, «Гора, естественно, изображает "Центр Мира"», причем ее расположение считалось полярным[1]. При этом Генон приходит к выводу, что «отождествление духовного центра с горой соответствует именно первоначальному периоду земного человечества, в течение которого вся истина целиком была доступна всем... Но когда, вследствие нисходящего хода цикла, та же самая истина стала доступна лишь для более или менее ограниченной "элиты"... и скрыта от большинства людей, пещера сделалась символом более подходящим для духовного центра и, следовательно, для инициатических святилищ, которые являются ее образами»[2]. Культ горы сменяется культом пещер. Именно так и произошло на полярной прародине. Когда климат был достаточно теплым, то горы привлекали внимание людей, ищущих духовного развития. Когда же на землю вновь пришел ледник, пещеры стали местом укрытия и медитации.

Культ пещер связан с идеей «внутреннего пространства» и «центрального пространства». Сама идея Центра объединяет в себе две мифологемы — Полюс и Преисподняя, Гора и Пещера, Шамбала и Агарта. Гора несет в себе мотив явленности, открытости, восхождения. В то же время пещера содержит идею спрятанности, недоступности, недостижимости, таинственности и тьмы.

---

[1] *Генон Р.* Царь Мира. С. 60.
[2] *Генон Р.* Символы священной науки. С. 244.

Стоит напомнить, что само название Агарты несет в себе значение недоступности, недостижимости. Генон подчеркивал, что «в периоды сокрытия и затмения, традиция... прекращает проявляться внешне и открыто, и тогда "небесный мир" становится "подземным миром"»[1]. Гора и пещера представляют собой две стадии воплощения одной Традиции. Это высокий сакральный Центр Мира, который не утерян, а скрыт, перемещен из полярного Центра в самый центр Земли.

Гора Хара, Хара Березайти (Альбордж, Эльбурс) — мировая гора иранцев, сакральный Центр Мира. По преданию, она поднимается от земли выше сферы солнца и звезд, в лучистую область беспредельного света, где пребывает сам Ахурамазда. Ее вершина купается в «вечном сиянии» и там — область вечного блаженства. Не существует там ни ночи, ни тьмы, ни холода, ни жары, ни смертоносных болезней. Особенно отмечается в мифе, что Хара Березайти имеет несколько вершин. Вершина Таира — это полярная гора, полюс мира. Солнце, Луна и звезды движутся там кругами[2]. На вершине горы растет Древо Жизни и Бессмертия, Белый Хаома, из которого добывают напиток бессмертия.

В мифологии кельтов горе Хара Березайти соответствует Хай-Брезал (И-Бресайл, О'Бразил, Хай-Бразил) — таинственный остров у западного побережья Ирландии, который можно видеть над водой лишь раз в семь лет. По преданию, он останется на поверхности воды и станет земным раем, если его коснется огонь[3]. Стоит обратить внимание на важное различие в мифах. Иранцы считают гору Хара Березайти существующей где-то в далеком краю до сих пор. Кельты говорят об острове Хай-Брезал, который затонул в море где-то недалеко от их земель. Похоже, что кельты были свидетелями того,

[1] *Генон Р.* Царь Мира. С. 49.
[2] Мидия. Персия. Иран. Древние царства Востока. С. 301.
[3] Кельтская мифология. С. 621.

чего иранцы не увидели, когда спешно покидали замерзающую прародину, — поднятия уровня Мирового океана после завершения ледникового периода и затопления шельфа.

Французская легенда повествует о принцессе Секуана, приплывшей с острова, погрузившегося в воду в далеком океане. Остров назывался Моруа (Morois)[1]. Это название похоже на имя острова из кельтской легенды — Муриас. Также похожее название встречается в «Авесте» — Моуру. Так называется древняя прародина ариев[2]. По всему миру мы находим одинаковые названия погибшей прародины, что подтверждает ее подлинное существование в прошлом, до разделения индоевропейцев на отдельные племена.

Земля Под Морем и ее посещение — постоянный мотив кельтских преданий. Речь в них может идти о городах или селениях, построенных на свободном от воды шельфе, которые затонули в конце ледникового периода. Тир фа Тонн — Земля под Волнами — одно из постоянных названий страны блаженных. Кельты придавали подводному миру черты Страны Обетованной, причем эта подводная страна иногда может являться над поверхностью вод. Например, раз в семь лет и всего на полчаса может подняться из вод зачарованный остров у Порт Содерик. Волшебник, наложивший на остров заклятие, превратил его жителей в глыбы гранита[3]. Маккалох отмечает, что «у кельтов существовала вера в то, что такие водные миры, как И-Бресайл, или уэльские волшебные страны, или затонувшие города у бретонского побережья периодически выходят к поверхности и остались бы там навсегда, подобно острову Элизиуму, если бы какой-нибудь смертный выполнил определенные условия. Кельтская

[1] *Джозеф Ф.* Уцелевшие атланты. М., 2008. С. 253.
[2] *Тилак Б. Г.* Указ. соч. С. 382.
[3] Память острова Мэн: Книга сказаний. М.; СПб., 2002. С. 148.

вера в Тир фа Тонн тесно связана с существующей верой в затонувшие города или страны, обнаруженные во всех деталях у бретонского побережья»[1]. Важная особенность этих сказаний в том, что земли затонули не в результате катастрофы, как Атлантида, и могут еще снова появиться.

Жителями подводной страны кельты считают тюленей. Тюлени — амфибии, которые могут жить в море и на берегу, поэтому в шотландских преданиях они отождествляются с водяными и русалками. Кельты верили, что тюлени — на самом деле эльфы, жители прекрасной страны. Когда их землю поглотило море, они превратились в тюленей. Считается, что внешне они похожи на людей, только очень красивы и обладают сверхъестественными способностями, хотя и смертны. Живут они в далеких глубинах Атлантического океана в домах, построенных из жемчуга и кораллов. Водный покров нависает над ними как над нами небо, отделяя подводный мир от надводного. Чтобы пробиться сквозь толщу воды, они надевают шкуры тюленей, принимая их облик, а выбравшись на прибрежные скалы, снимают тюленью шкуру и «являются в виде водяных эльфов и фей»[2].

Один шотландец, увидев ночью танец этих фей и русалок, похитил тюленью шкуру одной из них. По этой причине русалка была вынуждена остаться на земле и стать женой этого человека. Через много лет один из ее сыновей случайно нашел спрятанную шкуру и показал своей матери. Обрадованная русалка надела свою старую шкуру, приняла облик тюленя и погрузилась в море, где вернулась к своему первому мужу — водяному. В другой легенде, напротив, рыбак попадает в подводный мир тюленей. При этом, совершая погружение в

[1] *Маккалох Дж.* Религия древних кельтов. С. 317.

[2] Мифы и легенды народов мира: Северная и Западная Европа. С. 186.

глубины океана, рыбак незаметно для себя тоже изменился и превратился в тюленя[1].

Судя по преданиям шотландцев (кельтов), наша наземная цивилизация — не единственная в мире. В глубинах Атлантического океана, верят они, существует еще одна древняя цивилизация, которая когда-то давно тоже была наземной. Теперь же ее населяют человекоподобные существа — феи, русалки, водяные, эльфы, принимающие облик тюленей. Само слово «тюлень» может быть связано с названием полярного острова Thule, Тулан, и означать «жители Тулана».

Сакральными животными у кельтов были вепрь и медведь — тотемы жреческой и воинской касты. Генон считает, что эти образы «чисто гиперборейского происхождения» и «одна из примет прямой связи кельтской традиции с изначальной Традицией»[2]. При этом Генон особенно отмечает, что «священная земля», полярная прародина, во многих традициях именуется «землей вепря»[3]. В Индии это Варахи, что соответствует Варе в «Авесте». Корень *var* также появляется в форме *bor* в слове *Борей*. Гиперборею Генон предлагает называть просто *Бореей*, или «землей вепря»[4]. Он приходит к выводу, что «в том, что касается собственно вепря, особое значение имеет "полярный" аспект»[5]. Этот мотив получил широкое распространение в мифах.

В ирландской сказке «Ойсин в Стране Юности» герой попадает в волшебный край (Тир На Н-Ог), где становится мужем дочери короля. У девушки свиная голова. Ойсину кажется, что он провел в стране три года, но на самом деле в мире людей прошло уже триста лет[6]. Этот

---

[1] *Дуглас Дж.* Легенды и предания Шотландии. М., 2008. С. 130–136.
[2] *Генон Р.* Символы священной науки. С. 189.
[3] Там же. С. 190.
[4] Там же. С. 191.
[5] Там же.
[6] *Кэртин Дж.* Легенды и мифы Ирландии. М., 2008. С. 212–216.

миф совершенно очевидно относится к гиперборейскому циклу. В сказке «Король Эрина и королева Одинокого острова» кабан заманивает короля на берег острова, затем бросается в воду и переплывает море. Король плывет за ним вслед и приплывает на волшебный Одинокий остров. Оказывается, что королева острова превратилась в кабана и специально привела короля в свое царство[1]. Остров этот — судя по всему, Гиперборея, кабан — его священное животное, а королева острова — еще и Великая жрица.

Кабан соотносился с богом Езусом. Он обеспечивает плодородие, увеличивает мужество воинов. Друиды считали себя «вепрями» или «потомками вепря», прямо указывая этим на гиперборейское происхождение своей традиции. М. Серрано объясняет это отождествление: «Друид был отшельником. Поэтому символизирующее его животное — кабан. Друид не был никаким человеком стада; он был человеком содружества. Магический город называли Варахи, город кабана»[2]. Изображение вепря приносили в жертву гиперборейскому богу солнца[3]. В то же время вепрь был связан и с воинской традицией, а его изображения украшали шлемы воинов[4]. Он был связан и с культом дуба, поскольку желуди — излюбленная еда кабана. Один из кельтских богов носил имя Моккос — Свинья. Изображение кабана украшало как торс одного из богов, так и алтари бога северных бриттов Ветериса (или Витириса)[5].

Свинина считалась сакральным блюдом, едой мертвых, открывающей вход в иной мир, что также связывает ее с Гипербореей. Божества потустороннего мира

---

[1] Там же. С. 52–54.
[2] *Серрано М.* Указ. соч. С. 122.
[3] Кельты — художники и сказители. М., 2003. С. 14.
[4] Мифы и верования кельтов. М., 2003. С. 44, 46.
[5] *Росс А.* Повседневная жизнь кельтов в языческую эпоху. СПб., 2004. С. 224.

часто изображались в сопровождении кабанов. Части свиных туш помещались в могилы. По преданию, правитель Пуйлл получает из Аннувна, Иного мира, чудесных свиней. Его сын Придери становится свинопасом (на самом деле — друидом)[1]. Свиньи в кельтских сказаниях всегда принадлежат к Иному миру[2]. Можно согласиться со словами А. Росс, что кабан был «главным животным в раннем кельтском обществе»[3]. Запрет на свинину у некоторых народов — это память о сакральном значении этого мяса и о запрете на него для неарийских племен и представителей низших каст.

Особый интерес представляет предание о священной охоте короля Артура на вепря Тврха Трвита (Турха Труйта) и семь его поросят. В финале истории вепря загнали в море, и он исчез[4]. Охоту Артура на дикого кабана нельзя рассматривать как космогонический миф, поскольку из туши убитого животного ничего не создается. Напротив, сам кабан просто исчезает в воде. Целью охоты является отъем у кабана волшебных предметов (гребень, ножницы, бритва). Здесь мы видим описание восстания касты воинов (Артур — медведь) против владычества касты жрецов (кабан), произошедшего в Гиперборее. Семь поросят Турха Труйта — это созвездие Большой Медведицы, поскольку, как отмечал Генон, «в древности вепрь олицетворял созвездие, позже ставшее Большой Медведицей»[5]. Исчезновение же вепря в море — это описание потопления Гипербореи. Это один из важнейших мифов гиперборейского цикла, открывающий перед нами главное историческое событие — восстание касты воинов против касты жрецов и первая великая война на полярном континенте. Он

[1] Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса. М., 1995. С. 41.
[2] *Хайнц С.* Указ. соч. С. 57–63.
[3] *Росс А.* Указ. соч. С. 223.
[4] Мабиногион. С. 83–85.
[5] *Генон Р.* Символы священной науки. С. 192.

также раскрывает и печальную судьбу «земли вепря» — исчезновение в водах моря.

Обращаясь к философии истории, Ю. Эвола называет смену элит, произошедшую в Гиперборее, «регрессией каст». Представляя весь исторический процесс как регрессивную смену каст, Эвола выделяет четыре этапа, первые два из которых как раз и описывают ситуацию, сложившуюся в Гиперборее. Он пишет, что «на первой *элита* имеет чисто духовный характер, воплощает в себе то, что в общем можно назвать "божественным правом", выражает собой идеал нематериального достоинства; затем она обретает черты воинской знати...»[1]. Он понимает эту революцию так: «На смену цивилизации, управляемой духовными вождями и священными царями, пришла цивилизация под руководством простых воинских аристократий...»[2]. Эта драма впервые произошла еще в Гиперборее, как это видно из мифа.

Однако во многих преданиях говорится и об особом ритуале посвящения, целью которого было восстановление истинной иерархии каст и возрождение древней гиперборейской Традиции. Целью такого «гиперборейского посвящения» является установление на Земле иерархического и обожествленного порядка, где овладение властью требует служения, которое всегда осуществляется в контакте с внеземными иерархиями, с духовными вождями на Крайнем Севере. Таким образом, задачей *консервативной революции* становится возвращение к ценностям первой, жреческой касты, которые несут в себе высшую иерархию и подлинную Традицию Северного полюса. Это настоящая *мифологическая революция*.

Одним из постоянных образов гиперборейского мифа становятся яблоки бессмертия или источник молодости. Важнейшим здесь следует считать свидетельство

---

[1] *Эвола Ю.* Люди и руины. М., 2002. С. 90.
[2] Там же. С. 201.

Аполлодора: «Эти яблоки находились не в Ливии, как утверждают некоторые, а у Атланта, там, где обитают гиперборейцы»[1]. Здесь сразу видно соединение в одном мифе золотых яблок Гесперид, Гипербореи и Атланта: «Когда же Геракл пришел к гиперборейцам, где находится Атлант...»[2]. Атлант, поддерживающий небо, — это Ось Мира, полярный образ. Поэтому он, как и сад Гесперид, находится первоначально не в Атлантиде, а в Гиперборее. Об этом писал и астроном Ж. С. Байи. Он заметил, что сад Гесперид, куда Геракл отправился в поисках золотых яблок и «где обитает Ночь, стало быть, находится у полюса, или, по меньшей мере, сей край не очень удален от оного»[3]. О том же говорил исследователь и путешественник О. Ран: «Недалеко от гипербореев находится сад Гесперид, Земля Блаженных. Оттуда бог в священной чаше, символе вечного возрождения, опять едет на восток, к поднимающейся утренней заре. <...> В земле гипербореев надо искать сад Гесперид...»[4]. Изначальная прародина предстает в мифах в виде прекрасного сада с яблоней, покрытой плодами бессмертия.

Морской бог кельтов Мананнан живет далеко за морем в таинственном Эмайн Аблах (Яблоневый Эмайн или Эмайн Яблок). Это то же самое, что в Индии называется Джамбу-двипа — Яблочный остров. На севере Джамбу-двипы находится полярная гора Меру. Осетины — племя, родственное кельтам, рассказывают о героях нартах, которые владели Золотой яблоней. Они отобрали ее у далимонов — бесов подземного мира. Чудесные яблоки с этой Золотой яблони воскрешали мертвых. Волшебное

---

[1] *Аполлодор.* Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 38.

[2] Там же. С. 39.

[3] *Байи Ж. С.* Письма об Атлантиде Платона и о древней истории Азии // Атлантида и Гиперборея: Мифы и факты. Сборник. М., 2003. С. 186.

[4] *Ран О.* Крестовый поход против Грааля. С. 88.

дерево приносило всего одно яблоко в год, причем «с утра до обеда дерево цвело, с обеда до вечера яблоко росло, наливалось, а ночью поспевало»[1]. Мотив созревания яблока один раз в году в течение одного дня имеет, вероятно, происхождение в гиперборейской Традиции. Если рассмотреть это предание с такой точки зрения, то получается, что яблоня цвела весной (с арктического рассвета до летнего солнцестояния), росло и наливалось к осени (арктический закат, осеннее равноденствие), а созревало к самой зиме (арктическая ночь).

Ж. Маркаль отождествляет «Остров яблок» с «вращающимся островом» в «Истории о святом Граале». В этом тексте начала XIII в. король Эваллах посещает таинственный «вращающийся остров», у берега которого стоял волшебный корабль царя Самсона, сделанный из райского Древа Познания[2]. Остров, вращающийся вокруг собственной оси, имеет явно полярное расположение. Этот Яблочный Остров (Эмайн Аблах) Маркаль прямо отождествляет с северными островами Туата де Даннан и с Ultima Thule[3].

В скандинавской мифологии Идунн — хозяйка сада с молодильными яблоками, богиня вечной молодости. Она никогда не рождалась и никогда не умрет. Боги должны есть яблоки, чтобы оставаться молодыми. Без этих плодов они быстро состарятся и ослабеют[4]. Всего у богини семь яблок, что указывает или на полярное созвездие Большой Медведицы, или на Плеяды (которые, кстати, считались дочерьми Атланта). Яблоня чаще других деревьев связывается с иным миром. Она несет в себе сакральный смысл бессмертия. Плоды яблони

---

[1] Жизнь доблестных нартов: Осетинский героический эпос. М., 2006. С. 54.

[2] *Маркаль Ж.* Тайна святого Грааля: От Ренн-ле-Шато до Марии Магдалины. СПб., 2007. С. 148.

[3] Там же. С. 209.

[4] *Торп Б.* Указ. соч. С. 47, 52; *Гербер Х.* Указ. соч. С. 100.

становятся единственной пищей для героев. Сыновья Туйренна отправляются на поиски Золотых яблок, которые должны принести богу Лугу в качестве выкупа за убийство его отца Киана. Герой Мельдун приплыл к острову, на котором животные, похожие на свиней, питались яблоками[1]. В этом мифе соединяются образы как полярной (остров вепря, Гиперборея), так и солярной (Золотые яблоки) традиции.

Почему обретение вечной молодости связано с вкушением плодов? Э. Рюдигер, анализируя «Старшую Эдду», приходит к заключению, что прямое «родство между душевным и растительным ростом наталкивает нас на то, чтобы мы применили для душевного развития образ растительного мира и понимали мифические поэмы таким образом, когда они иллюстрируют душевный закон развития омоложения, по подобию яблок»[2]. Генон отмечает, что добыть плод Древа Жизни «равнозначно тому, как если бы существо, достигшее центра нашего мира (или всякого другого состояния существования), тем самым уже завоевало бессмертие»[3]. Употребление яблок Идунн завершает прежний этап развития (старость), дарует необходимую паузу и начинает новый этап развития (молодость). В силу этого употребление яблок Идунн формирует духовное величие, молодость души и способность к созидательной жизни.

В Гиперборее растет Древо Жизни с Золотыми яблоками. Это Древо дарует бессмертие и превращает героев в богов. Само Древо — образ Мировой Оси, вертикальный Столп, соединяющий два Полюса — земной и небесный. Поэтому Древо и растет только на Северном полюсе. По его стволу космическая божественная энергия сходит из Полярной звезды от бога. Она концентрируется в плодах — в Золотых яблоках, в огненных шарах, которые яв-

[1] *Хайнц С.* Указ. соч. С. 148–149.
[2] *Рюдигер Э.* Эддическая евгеника. Тамбов, 2008. С. 54–55.
[3] *Генон Р.* Символы священной науки. С. 360.

ляются сгустками энергии. Тот, кто их съест, естественно становится бессмертным, получает новую энергию, омолаживается. Эти Золотые плоды оказываются также энергетическими центрами (чакрами) в теле человека, центрами мудрости и власти, которые пробуждаются в нем. Золотые яблоки — частички Золотого века, несущие в себе семена будущей гармонии — совершенства грядущего Золотого века.

В полярном мифе образы Древа Мира и молодильных яблок находятся в прямой связи с образом источника молодости и с понятиями Центра и Рая. Плоды бессмертия растут на ветвях Мирового Древа, находящегося в Центре Мира, а у его корней находится источник вечной молодости. Э. Канселье разъяснял эту связь: «Плод древа жизни — *источник юности* древних алхимиков, или, что то же самое, *источник воды живой*, бьющий из-под корней *старого дуба*» (Мирового Древа)[1]. Источник молодости, бьющий из корней Древа, — это тот же сконцентрированный поток сакральной энергии, сходящий по стволу до самой земли. Эта тема бессмертия и вечной молодости связана с центральным, полярным расположением Древа. Проникновение в Центр Мира означало интеграцию в «первоначальное состояние». Само по себе это означает не просто обретение сверхчеловеческого состояния, но, что важнее, — возвращение в изначальное состояние блаженства, в котором человечество пребывало на своей полярной прародине. Это «первоначальное состояние» связано с молодостью мира и с бессмертием. Здесь и происходит соединение понятий Центра мира, его изначального совершенного состояния, бессмертия и вечной молодости.

Осколки гиперборейского мифа можно обнаружить и в цикле преданий о короле Артуре. Имя Артур восходит к кельтскому слову *arthos* — *медведь*. Это имя устанав-

[1] *Канселье Э.* Алхимия. М., 2002. С. 97.

ливает связь Артура с созвездием Большой Медведицы, одним из полярных созвездий. В то же время медведь — это один из важнейших сакральных образов нордической Традиции. Созвездие Большой Медведицы также связано и с полярным континентом Thule. Вся совокупность традиционных представлений, сакральных образов и мифов позволяет установить связь между Артуром и арктической прародиной. В нем элемент гиперборейский соединяется с царственной силой, с героизмом и темой Золотого века.

Полярный смысл пронизывает и образ Круглого Стола. Круглый Стол был создан по образу Вселенной. Т. Мэлори писал об этом так: «А Круглый Стол был сооружен Мерлином как знак истинной круглости мира, и людям так и надлежит понимать значение Круглого Стола. Ибо весь мир, и языческий, и христианский, стремится к Круглому Столу, и когда человека избирают в братство рыцарей Круглого Стола, он почитает это для себя высшей милостью и вестью, нежели получи он полмира в собственное свое владение»[1]. Круглый Стол — это мандала, образ мира и полярный полюс посвящения, к которому стремятся люди, чтобы приобщиться к Высокой Традиции.

Именно рыцарям Круглого Стола предстоит достать чашу Грааль. Мерлин определил, что «те, кто будут рыцарями Круглого Стола, познают истину Святого Грааля»[2]. Грааль — также хорошо известный полярный образ. В полярной Традиции чаша Грааль и Круглый Стол объединяются в общем значении сакрального Центра и источника Духа. Не случайно хранителем Грааля стал Увечный Король, король Пелес, раненный копьем в оба бедра[3]. Эта рана Пелеса соответствует кастрации бога Кроноса, спящего где-то на гиперборейских островах. В сакральной орфической традиции Кронос не только

[1] *Мэлори Т.* Смерть Артура. М.; СПб., 2005. С. 573.
[2] Там же. С. 574.
[3] Там же. С. 617.

кастрирует своего отца Урана, но и сам кастрирован Зевсом: «Крон... оскопляющий и [сам, в свою очередь] оскопляемый»[1]. Увечный король Пелес — это и есть спящий кастрированный Кронос, а чаша Грааль — одно из гиперборейских сокровищ[2].

Ж. Маркаль, например, считает, что мифы о далеких северных островах легли в основу преданий о замке Грааля. По его словам, история о затерянном и ненаходимом замке Грааля «слово в слово перекликается с мифом о королевстве Туле, стране, скрывающейся среди льдов, дорогу к которой будут стремиться отыскать немало тех, кто жаждет обрести Грааль»[3]. Обладание чашей Грааль — это достижение райского состояния, достижение Центра Мира. Те, кто стремились обладать Граалем, на самом деле старались восстановить этот райский Центр. Как говорит Генон, «обладание же Граалем представляет полное сохранение изначальной традиции в подобном духовном центре»[4]. Философ приходит к выводу, что те, кто «владел Граалем, могли тем самым где-то на земле создать духовный центр, который был бы образом утраченного Рая»[5]. Такой духовный центр может быть понят как восстановление утраченного Центра Мира, потерянного Рая на Северном полюсе.

Поиски Грааля — это поиски погибшей Гипербореи, своего рода «гиперборейская инициация». Во всяком случае, Генон считал, что «истоки легенды о Граале следует связывать с передачей традиционных элементов инициатического порядка»[6]. Тайна полюса и таинство инициации соединяются в чаше Грааль. Так считал и Ю. Эвола, который особенно выделяет мотив недоступности, ненару-

---

[1] Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. М., 1989. С. 53.
[2] *Мэттьюз Д.* Традиция Грааля. М., 1997. С. 40.
[3] *Маркаль Ж.* Указ. соч. С. 211.
[4] *Генон Р.* Царь Мира. С. 33.
[5] *Генон Р.* Символы священной науки. С. 43.
[6] Там же. С. 60.

шимости и связи с сакральным Центром. Это, по словам философа, «инициационный центр, который охраняют наследники примордиальной Традиции»[1]. В мифе о Граале три мотива соединяются как составляющие полярной Традиции — недостижимость, инициация и царская власть. «Тот факт, — пишет Эвола, — что все, связанное в различных традициях с сохранением и передачей памяти о примордиальной земле и полярной Традиции, становится невидимым и недоступным, символизирует переход от явной власти к тайной, которую, тем не менее, необходимо рассматривать как царскую»[2]. Царство Грааля внеисторично, оно существует «всегда» и «везде», к нему стремятся рыцари в своем инициационном странствии-поиске, хотя «в своем полярном качестве это царство неподвижно»[3]. Обретение Грааля — это достижение полярного царства, посвящение в полярную Традицию, это превращение простого человека в гиперборейца.

Грааль не просто имеет полярное происхождение. Он являет собой то самое сокровище, которое, по мнению М. Серрано, «потерявшие родину скитальцы унесли с собой с легендарного севера»[4]. Посвященный ищет тот Грааль, который делает бессмертным и превращает человека в полубога, а атланта в божественного гиперборея. Рыцари Круглого Стола, отправляющиеся на поиски Грааля, на самом деле реализуют свое инстинктивное желание вернуться на утраченную полярную прародину. Грааль — это образ того, что было утрачено, но должно быть возвращено — сакральная гиперборейская Традиция. Когда подвиг Грааля исполнен, король Пелес исцеляется. Это означает, что *Кронос проснулся и Золотой век вернулся на землю.*

---

[1] *Эвола Ю.* Цикл Грааля // Lapsit Exillis. Альманах. Киев, 2001. № 2. С. 54.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *Серрано М.* Указ. соч. С. 182.

Так и Артур тяжело ранен и перенесен на таинственный остров Авалон. Мэлори сообщает, что корабль, управляемый тремя женщинами, увозит Артура «в долину Авалона», чтобы он смог залечить там свою рану[1]. Там он пребывает в состоянии сна, чтобы вернуться как спаситель мира. Название острова Авалон восходит к слову *afal*, что означает «яблоко». Авалон — это все тот же полярный «Яблочный остров», остров Гесперид с золотыми яблоками бессмертия, Эмайн Аблах или Джамбу-двипа[2].

Грааль артуровского цикла восходит к котлу в преданиях кельтов. В легендах Ирландии и Уэльса волшебный котел занимает выдающееся место. Он связан непосредственно с потусторонним миром. Чаще всего проявляются три его качества — неисчерпаемость, вдохновение, возрождение. Однако все они объединяются одним главным — центральным положением. В Ирландии есть история о золотой чаше Кормака. Она хранится в замке бога Мананнана. Чаша способна отличить правду от лжи (распадается на части, если при ней говорят неправду). Кормак приходит в Обетованную страну и получает чашу и ветвь с тремя золотыми яблоками в дар. Эта чаша — талисман Истины, воплощает в себе сверхъестественный опыт и является самим воплощением идеи Иного мира, царства Правды[3].

В осетинском эпосе о нартах также упоминается волшебная чаша Уацамонга (или Нартамонга), вокруг которой герои усаживаются, рассказывают о своих подвигах. Это была чаша Истины. Она, как гласит предание, «была знаменита тем, что если кто-то хвастался своими подвигами, то она тут же показывала, говорит он правду или

---

[1] *Мэлори Т.* Указ. соч. С. 754.

[2] *Кокс С., Оксбрау М.* Король Артур и Святой Грааль от А до Я. М., 2008. С. 15–16.

[3] *Рис А., Рис Б.* Указ. соч. С. 353–356.

лжет»[1]. Когда кто-то говорил правду, то чаша вскипала и поднималась в воздух. Ж. Дюмезиль сравнивает обычай нартов с ежегодным праздником у скифов, когда воины усаживались вокруг сосуда с вином. При этом он подчеркивает одну важную особенность: чаша нартов «сама обладает чудесным могуществом и сама выявляет ложь и правду»[2]. Это качество чаши у нартов полностью совпадает с описанием золотой чаши Кормака, что указывает на ее потустороннее, сверхъестественное происхождение. Само обладание чашей делает нартов избранным племенем, подтверждает их героизм и силу.

Самый известный из преданий кельтов — котел Дагды. Дагда, «Добрый Бог», владел волшебным котлом. Подобно всем остальным, этот котел также является выражением идеи потустороннего мира. Это был сосуд изобилия, «от которого никто еще не отходил голодным». Котел указывал на Дагду как на владыку мира иного[3]. Котел — своего рода посредник между миром живых и миром мертвых; это нечто, что можно назвать окном в иной мир. Соединяя в себе стихии огня и воды, котел становится некой божественной формой, из которой, как отмечает С. Хайнц, «как из *чрева матери богини*, возникает жизнь и которая может сама эту жизнь и уничтожить»[4]. По мифу, котел Дагды был принесен в незапамятные времена с далекого северного острова из города Муриас. Этот Муриас из кельтских сказаний соответствует местности Моуру в «Авесте» — одному из названий прародины ариев.

Стремясь определить место расположения чаши как Центр Мира, средневековый эпос помещает ее в Храме. А. Н. Веселовский отмечал этот мотив: «Святая чаша хранится в храме, построенном наподобие Соломонова;

---

[1] Жизнь доблестных нартов. С. 284.
[2] *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М., 1990. С. 177.
[3] Мифы и верования кельтов. С. 35.
[4] *Хайнц С.* Указ. соч. С. 159.

там стерегут ее король и рыцари Грааля; они отказались от плотской любви и всякого порока, принесли обеты девственности, верности, смирения; Грааль дает им пищу, одежду и оружие; кто посмотрит на него, тот не умрет в течение недели; его постоянное созерцание давало вечную жизнь»[1]. Храм Грааля — все тот же Иной мир, сакральный Центр Мира. Пребывание в нем делает людей совершенными. Жизнь в храме Грааля равносильна обретению качеств совершенного или изначального человечества Золотого века. Это, по существу, алхимическая трансмутация (о чем мы поговорим в одной из следующих глав). В то же время следует постоянно помнить, что Грааль (или Граль) имеет дохристианское происхождение. Можно согласиться со словами Й. Ланца фон Либенфельса: «В святом Грале и его тамплиерстве мы имеем уходящую в древнейшие времена арийскую перворелигию»[2]. Однако первоначальная арийская религия была не просто нордической, но арктической, Откровением Северного полюса.

Отто Ран замечает, что в одном из средневековых французских стихотворений конечной целью для искателя Граля становится Олимп. «Таким образом, нашедший Граль становится олимпийцем, подобно греческим богам и героям», — пишет он[3]. Однако Олимп, как мы помним, — не просто Мировая Гора. Это настоящий полярный Центр Мира, высшая точка Северного полюса, вокруг которой вращается остальной мир. Достижение его и связано во французской песне с обретением Грааля (или Граля).

В одном из преданий Артур пробирается в Аннвн (Аннувн) — «Иной (Нижний, Темный) мир», преисподняя кельтов. Там он похищает у царя Пвилла (Пуйла — то

---

[1] *Веселовский А. Н.* Мерлин и Соломон. Избранные работы. М., 2001. С. 230.

[2] *Ланц фон Либенфельс Й.* Теозоология. Тамбов, 2008. С. 146.

[3] *Ран О.* Двор Люцифера. С. 30.

же, что Пелес у Мэлори) волшебный котел вдохновения и поэзии. Важно заметить, что замок Пвилла в преисподней называется Уфферн (Обитель холода), Кэр Видар (Стеклянный замок) и Кэр Предриван (Вращающийся замок)[1]. Бард Талиесин, воспевая подвиг Артура, говорил о «Граде о Четырех Углах и Четырех Стенах», о «Граде о Четырех Углах на Острове Двери Проворной» и о «Граде Стеклянном»[2]. «Проворная дверь» — это вращающаяся преграда, вращающаяся стена с дверью или вращающийся остров. Стеклянный город — также постоянный мотив кельтской мифологии, воспоминание о горах льда, ледяных пещерах или домах, построенных изо льда (наподобие иглу). Этот вращающийся замок находился в Аннвн, на острове посреди моря. «Там не было недостатка в вине, и счастливые обитатели того мира проводили время, пируя и услаждаясь музыкой, и предаваясь всем радостям жизни, не знающей ни болезней, ни старости»[3].

Предмет, который Артур похитил у Пвилла, был котлом Правды, и он никогда не готовил пищу для лжеца и труса. Так и Грааль недоступен для взоров грешников. В «Святом Граале» Передур, прибывший к замку, где хранится Грааль, замечает, что «замок этот поворачивается, да притом так быстро, что обгоняет ветер»[4]. Все эти вращающиеся вокруг собственной оси замки — точное указание на полярное (в буквальном смысле) расположения Грааля.

В «Истории Талиесина» повествуется, что колдунья Каридвен решила «опустить своего сына в Котел Вдохновения, чтобы он обрел знание всех тайн прошлого и будущего». За котлом, в котором варились волшебные травы, должны были присматривать слепой Морда и юный Гвион Бах. Однажды три капли волшебной влаги

[1] Кельтская мифология. С. 361–362.
[2] Уэльс: Хроники бриттов. С. 75, 76.
[3] Кельтская мифология. С. 408.
[4] Там же. С. 410.

выплеснулись из котла и попали на палец Гвиона Баха. Тот сунул обожженный палец в рот и, «проглотив волшебные капли, узнал все, что было и будет», котел же раскололся пополам, а жидкость из него превратилась в яд[1]. Слепой Морда — это темное, ночное солнце дня зимнего солнцестояния. Гвион Бах, который проходит после этого цепь превращений и вновь рождается из чрева Каридвен в образе Талиесина («Сияющее чело») — это молодое солнце, рожденное девой Зари. Это типичный сюжет солярного мифа, относящийся к изначальной, гиперборейской Традиции. Хорошо видно, что центральное место в предании занимает волшебный котел и ритуал посвящения. Стоит запомнить, что подвиг Грааля является не религиозным, а рыцарским. Он связан с героическим духом, с рыцарским посвящением и с воинской кастой. То, что в преданиях чашу Грааль несет девушка, а не священник, означает, что это рыцарская, а не церковная реликвия. Грааль содержит в себе идею мистической устремленности как героического, а не религиозного опыта.

«Грааль, — пишет известный ученый Р. Барбер, — таинственный и пугающе-загадочный образ, выходящий за пределы привычной фантазии и духовности...»[2]. Поиск Грааля — это путешествие по территории, выходящей за рамки профанного пространства-времени. Даже если в предании оно описано подобно нашему, похоже на наш мир, это все равно всегда иное бытие. Это мистериальное и инициационное пространство мифа. Здесь даже неважно, является ли оно внутренним, духовным, или внешним, объективно-космическим. В любом случае, оно существует реально, но скрыто «в ином». Такой тайной реальностью обладает и сам Грааль. Во всех своих ипостасях Грааль — это недостижимый идеал, тайно

[1] Мабиногион. С. 159.

[2] *Барбер Р.* Святой Грааль: Во власти священной тайны. М., 2006. С. 9.

присутствующий в нашем мире и в душе каждого человека.

Грааль представляет собой некое внутреннее переживание, мистическое озарение. Благодаря этому Грааль связывает различные уровни действительности, скрытые в повседневном мире за некими особыми знаками-заместителями. Грааль обладает силой преображения и позволяет осознать подлинную суть сакральных явлений. В романе Эшенбаха «Парцифаль» Грааль «определяется как символ внутреннего опыта, состояния бытия и сознания, включая в себя поиск и превращение, озарение, мистическую связь. Здесь можно говорить о посвященческом действии и, перенеся его в гностический контекст, который ему, естественно, присущ, увидеть в нем специфическое выражение каббалистической мысли»[1]. Грааль воплощает собой стремление к внутреннему совершенству, к преображению личности и преодолению всего земного. Эшенбах утверждает, что «вожделеннейший камень Грааль» является «райским даром». Хранившийся ранее в раю, Грааль предстает в «Парцифале» как концентрация всего «земного блаженства» и как цель человеческих устремлений[2]. В романе «Титурель» Грааль — предвечная и надзвездная вещь. Он не завоевывается, а вручается герою «ангельской ратью, небесной силой». Обычный человек Грааля «никогда не касался». Поэтому герой, получивший Грааль, становится «Государем Грааля» в силу того, что «чист и честен»[3]. Соотнесенность Грааля с раем говорит о том, что его место — сакральный Центр Мира, священный Полюс.

Центральное значение и полярное расположение Грааля всемерно подчеркивается в преданиях. Грааль, как и Гиперборея, наделен качествами сакральности, централь-

---

[1] *Бейджент М., Ли Р., Линкольн Г.* Святая Кровь и Святой Грааль. М., 2005. С. 309.

[2] *Вольфрам фон Эшенбах.* Парцифаль. М., 2004. С. 136.

[3] *Вольфрам фон Эшенбах.* Титурель. М., 2009. С. 45.

ности, недостижимости. Грааль мистически совпадает с Гипербореей, откуда он, в виде котла Дагды, прибыл. По словам Р. Майера, «в мире Грааля воссияло возрождение гиперборейских мистерий силами христианства»[1]. *Путь Грааля — это мистерия Северного полюса.*

Утратив свою арктическую прародину, этот земной рай, человек сохранил память о ней. Эта память о Гиперборее заставляет человека искать ее. Опорой в этом поиске становится один из главных сакральных образов, несущих в себе понятие Центра, — Грааль. В Граале сосредоточено все, что осталось от примордиальной Традиции, в равной мере полярной и сверхчеловеческой по своему происхождению. Арктическая Традиция никогда не исчезнет. Она просто концентрируется и превращается в знак — Грааль, в котором ищущий видит образ утраченной Гипербореи. В основе этой Традиции лежит понимание того, что Грааль, по словам А. Дезгри, — «это божественный источник универсальной гармонии, способный излучать, изливать ее на Землю, это своего рода квадратура круга, общность Творца и Мироздания, созидаемого и созидателя...»[2]. «Универсальная гармония» — это свойство Изначального, а «общность Творца и Мироздания» указывает на самые ранние этапы творения. Переживание этой гармонии и единства как раз и составляет самую сущность примордиальной Традиции, дарованной человеку в Гиперборее.

Грааль — это интуиция Северного полюса и переживание утраченной изначальной Традиции, смысл которой скрыт на дне Чаши или заключен в центре Камня. Все это приводит к тому, что на протяжении веков Грааль снова и снова захватывает воображение и затрагивает самые глубинные, потаенные стороны души человека. Здесь открывается очень особенная вещь: *Грааль — это*

[1] *Майер Р.* В пространстве — время здесь... С. 84.

[2] *Дезгри А.* Тайная история Грааля: Катары, тамплиеры, розенкрейцеры и франкмасоны. СПб., 2008. С. 27–29.

поиск Гипербореи. Сияние, которое излучает Грааль, — это *свет Северного полюса.*

Центральная составляющая гиперборейской Традиции — *доктрина огня и льда.* Ю. Эвола говорил об этом глубоком откровении индоевропейского племени: «Лед и огонь слились в этой расе как символы нордического происхождения: лед — символ трансцендентного и недоступного, огонь — символ лучей солнца, дающих свет и жизнь, всегда в контексте властной дистанции»[1]. Доктрина огня и льда, как она представлена в нордическом мифе, — это, по словам Ж. де Гобино, «арийский натурализм, видоизмененный идеями, которые родились на далеком Севере»[2]. Мифология огня и льда — типичная нордическая, полярная космогония.

В доктрине огня и льда динамично проявляет себя полярная Традиция и нордическая религиозность. Это учение опирается на строки из «Младшей Эдды», где повествуется об изначальном космическом конфликте двух стихий. «Мировая Бездна на севере вся заполнилась тяжестью льда и инея, южнее царили дожди и ветры, самая же южная часть Мировой Бездны была свободна от них, ибо туда залетали искры из Муспелльсхейма», причем, «если из Нифльхейма шел холод и свирепая непогода, то близ Муспелльсхейма всегда царили тепло и свет»[3]. В том месте, где огонь и лед встречались, иней стал капать, и из этих капель появился Имир, который породил племя инеистых великанов (айсберги?). Родившиеся затем боги убили Имира и из частей его тела создали космос, а в его крови утонули все инеистые великаны (потоп в результате таяния ледника)[4].

---

[1] *Эвола Ю.* Традиция и раса. С. 12.

[2] *Гобино Ж. А., де.* Опыт о неравенстве человеческих рас. Кн. 6. М., 2007. С. 37.

[3] Младшая Эдда. С. 21.

[4] Там же. С. 22–24.

В Боливии индейцы верят, что мир был создан богом Вирой, которому помогал бог огня Вину. Вира создавал долины и строил города, а Вину поднимал вокруг них кольца огнедышащих вулканов. Это было необходимо, чтобы защитить творение Виры от вредоносного бога Кхуно, который заливал города и долины льдом, превращая их в ледяные горы. Так творение мира Вирой становится результатом борьбы Вину, отца огня, и Кхуно, разрушающего мир своим льдом. Миф сообщает: «Долгое время боролись Вира, который созидал, и Кхуно, который разрушал. И города рождались, окруженные вулканами, чтобы затем остаться навеки разрушенными и погребенными подо льдом»[1]. Из этого мифа видно, что битва огня и льда является универсальной мифологемой в мировой духовной традиции.

Следуя логике нордического мифа, Варг Викернес рисует яркую картину противоборства огня и льда. Сначала «Между Муспельхеймом (звездами) и Нифльхеймом (ледяные тела в космосе) находилась бездна Гинунгагап (пустое пространство). Вселенная отдыхала. Она была в состоянии абсолютного баланса». Однако затем Вселенная силой Одина пробудилась от сна. «Ледяная материя космоса, сталкиваясь со звездами, начала плавиться — в Гинунгагап, в пустоте. В Муспельхейме находилось божественное лоно: взрыв, дающий новую жизнь вселенной. В Нифльхейме была отдыхающая божественная мысль, в замороженном состоянии. Она растаяла и снова стала действующей»[2]. Нордический миф, таким образом, открывает истину о том, что *мир творится при соединении мысли (лед) и воли (огонь).*

Многие исследователи обращались к доктрине огня и льда. И. Донелли был одним из первых, кто выявил содержание мифологемы огня и льда. Он писал: «Лед и

[1] Сказки Америки. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2004. С. 14.
[2] *Варг Викернес.* Речи Варга 2. Саратов, 2006. С. 14.

иней на севере представляют эпоху льда и снега. Муспелльсхейм — это знойная страна на юге, над которой тепло постоянно производит все новые и новые облака»[1]. П. Лавиолетт, создавая собственную космогонию огня и льда, пришел к заключению, что описание в «Младшей Эдде» Нифльхейма свидетельствует о начале ледникового периода. В то же время Муспелльсхейм, «огненный центр Вселенной», — «это взорвавшееся ядро нашей Галактики»[2]. В мифологии огня и льда зашифрована подлинная информация о рождении нашей Вселенной. Астрономы установили, что в космосе самая высокая температура микроволнового излучения располагается возле созвездия Льва, а самая низкая — возле созвездия Водолея[3]. Температурное колебание по оси Лев-Водолей и получило отражение в мифологеме огня и льда. При этом в астрологии созвездие Льва связано с Солнцем, самым горячим телом нашей Солнечной системы, а Водолей — с Сатурном, самой холодной из планет, Черным Солнцем алхимии[4]. Лев — огненный знак, в то время как Водолей несет в себе идею холодной воды — льда. В мистическом плане созвездие Льва — это стихия огня, Муспелльсхейм, а созвездие Водолея — стихия льда, Нифльхейм. Земля же — это и есть срединное пространство между ними, Мидгард.

По мнению Г. Гербигера, опиравшегося в своей гипотезе на нордические мифы, известный нам космос и наша Солнечная система возникли в результате столкновения гигантской раскаленной огненной звезды и глыбы космического льда[5]. Это столкновение огня и льда — главная космогоническая сила. Поскольку нордическое

---

[1] *Донелли И.* Гибель богов в эпоху Огня и Камня. М., 2007. С. 135.

[2] *Лавиолетт П.* Лед и Огонь: История глобальных катастроф. М., 2008. С. 192.

[3] Там же. С. 57–59.

[4] *Geddes Sh.* Astrologia. Barcelona, 1978. P. 36, 49.

[5] *Hall A.* Cultos estracos. Barcelona, 1977. P. 133.

племя сформировалось во льдах Северного полюса, то и вера в мировой лед становится основой арийской высокой Традиции, веры и мифологии. В космогонии мирового льда лежит разгадка происхождения не только мира, но и нордической мифологии, примордиальной Традиции и самой души нордического человека. Так как обычный человек не может выжить в условиях полярной ночи и лютого холода ледникового периода, то здесь мы имеем дело с формированием души, тела и характера сверхчеловека.

Борьба огня и льда создает не только космос, но и внутренний мир, душу нордического человека. В его космосе и в его душе в равной мере наблюдается вечная борьба, где силы отталкивания сменяются силами притяжения, а на границе противоположных принципов огня и льда происходит творение мира и человека. Этот конфликт царит в его душе, определяет его религию, его поведение и сам ход истории. Через огонь и лед судьбы человека и всей человеческой расы связаны с космическими циклами в непрерывном круге Вечного Возвращения. «Лед и пламень, отталкивание и притяжение вечно борются во Вселенной. Эта борьба определяет жизнь, смерть и вечное возрождение космоса», — подчеркивают Л. Повель и Ж. Бержье[1]. История Вселенной, основанная на борьбе огня и льда, находит свое отражение на земле, в душе нордического человека, наделяя его огненным динамизмом, волей и холодным достоинством.

Мифологема огня и льда появляется в учениях мистиков. Якоб Бёме утверждал, что «зной и холод суть причина и начало воды и воздуха, в которых все действует и существует; в них вся жизнь и подвижность...»[2]. Зной

[1] *Повель Л., Бержье Ж.* Утро магов: Посвящение в фантастический реализм. Киев, 1994. С. 266.

[2] *Бёме Я.* Аврора, или Утренняя заря в восхождении. СПб., 2000. С. 44.

при этом — «исхождение света; он возникает (рождается) из света, и в нем восходит источник любви»; холод же — «прохлада зноя, укрощение духа, восхождение или движение духа»[1]. Бёме, самый нордический из мистиков, справедливо связывает стихии огня и льда с состоянием духа. Георг фон Веллинг считает, что сочетание огня и льда (жары и холода) — основа телесной природы. Он замечает, что «все, что смертное, должно иметь смешанное тело, то есть чередующиеся Жар и Холод как Противоположности, из-за чего тела подвержены тлению и разрушению...»[2].

Лед, имеющий твердую природу, соединяет в себе все воды мира, собирает их в одно место. Лед легче воды, поэтому, застывая, он плавает на ее поверхности, то есть порождается ею, выходит из чрева вод. Это и приводит к образованию тверди (тверди вод). Нагретый подземным жаром юга, лед несет в себе воду. Под влиянием сил огня лед начинает таять, и все воды мира истекают из него. Лед на севере и в период полярной ночи порождается водой, а на юге или с наступлением арктического лета — сам порождает воды. В «Эдде» соединение сил севера и юга вызывает таяние единой ледяной глыбы верхнего мира. Образовавшаяся вода, стекая вниз, превращается во множество водных потоков. Если вода — строительный материал космоса, то лед несет в себе его главный архетип — твердь посреди воды. Воды, исходящие из таящего льда, как и свет, исходящий из ночной тьмы, — это мысль, исходящая из бессознательного. Мысль, идея содержится в бессознательном потенциально, как первоидея, первозамысел, как невыявленный архетип. Лед — это бессознательное, архетипическое состояние воды — строительного материала космоса. Исток вод скрыт в глубине

[1] Там же. С. 99–100.
[2] *Веллинг Г., фон.* Указ. соч. С. 113.

льда, исток мысли — в бессознательном, исток творения — в изначальной водной бездне. *Творение подобно таянию льда.* Это явление осознанной мысли, оформление того, что архетипически скрывается в подсознании.

Движение космоса и движение души магически связаны друг с другом. Поэтому *космология* огня и льда несет в себе ключи к *психологии* огня и льда, к тайнам души нордического человека, открывающим двери к его генетической памяти о полярной прародине и к новым путям развития человеческой цивилизации. В борьбе между огнем и льдом родится новая культура и новое человечество, возродится новый Золотой век. Огонь и лед в своем взаимодействии вызывают движение и алхимическую трансмутацию. Духовная энергия и высокое, гордое достоинство — это огонь и лед души. Это полярная доктрина высокого уровня. Здесь зарождается что-то большее, чем человек. *Ultima Thule — это родина сверхчеловека.*

Изначальная Традиция, рисуя священную прародину, выделяет пять основных идей:

1. *Центральность* — центральный камень, Столп, Мировое Древо или Гора, сакральный пуп земли, Полюс, мандала, свастика.
2. *Стабильность* — остров посреди вод, скала, неподвижный дворец, вокруг которого вращается город, остров или весь мир.
3. *Недоступность* — невидимый замок, подземный город, город за высокой стеной, пещера, Иной мир, страна, в которую не ведет ни одна дорога, подводная страна.
4. *Солнечность* — страна света, дом солнца, земля, где солнце светит постоянно (обратная идея — страна вечной тьмы, непрерывной ночи, земля, где солнце похищено).
5. *Золото* — земля, где сохранился Золотой век, где живет «золотое поколение людей», царство Кроноса.

Эти идеи всегда имеют отношение к примордиальной Традиции — к полярной прародине, к Гиперборее и к эпохе Золотого века. Изначальная Традиция соединяет все эти мотивы и располагает цивилизацию Золотого века в северном полярном регионе. Можно с уверенностью утверждать, что изначальная Традиция, восходящая к поколению Золотого века, имеет гиперборейское происхождение. Так, Генон рассматривает «происхождение традиции как нордическое и даже более точно как полярное»; он призывает считать изначальную традицию «по происхождению "полярной" в буквальном смысле слова»[1]. Именно из арктического полярного региона предки индоевропейцев расселились по Европе и Азии, дошли до Африки и Америки, где заложили основы цивилизаций. Поскольку впоследствии эта полярная прародина затонула вследствие поднятия уровня океана, то в мифах о ней говорится как о потерянной, недоступной, невидимой, но желанной стране.

Гиперборейский миф запутан, поскольку он описывает события, произошедшие не с нами и вне нашего пространства и времени. В начале Золотого века герои создают полярную Гиперборею. На самой вершине мира, на Северном полюсе, они строят свои круглые города, как подобие движения небесных сфер и перемещения звезд вокруг неподвижной Полярной звезды. Эта Гиперборея ориентирована в направлении Полярной звезды и неподвижна в пределах движения. Именно поэтому сакральным знаком Гипербореи становится свастика. Круговое вращение мира вызывается свастикой, хотя сама она остается неподвижной. Полюс всегда уравновешен и несет в самом себе устойчивость, стабильность и идеальную неподвижность. Правосторонняя свастика — это совершенный знак полюса, в котором соединяются неподвижность сакрального

[1] *Генон Р.* Избранные произведения: Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира. С. 31, 39.

Центра и правостороннее движение арктического Солнца. Свастика управляет движением мира, хотя сама остается нетронутой и неподвижной в своем центре. Осевой принцип только усиливает этот факт. Гиперборейский солнечный бог Аполлон — это Неподвижный Двигатель творения. Неподвижность, внутреннее спокойствие, холодное безразличие, невозмутимость, недеяние — вот характерные признаки гипербореев. Туле — это магическая точка явления истинных героев, ариев.

Однако затем осуществляется великая гиперборейская Драма. Острова Туле становятся невидимыми, недостижимыми, сначала лед, а затем и воды океана поглощают их. Эта утрата становится расплатой за гордыню, за беспечность, за удаленность и оторванность от мира, за божественную избранность. Слепой Хёд, рукой которого управлял злобный Локи, убил Бальдра, не желая этого. Духовная слепота и беспечность, управляемая злой темной силой, убивает самое прекрасное и светлое в мире. Такова причина гибели Гипербореи. Это миф конца Золотого века, истинный Рагнарёк, смерть Бога. Бальдр не вернется, пока все боги и люди на земле не попросят его об этом. *Гиперборея не вернется, пока все боги и люди не станут гипербореями.*

Гиперборея располагалась на самом Северном полюсе мира, она была выше, чем все существующее на этой планете. Ее высшее место определялось ее существованием. Поэтому она не погибла в огне (как Содом и Гоморра растленной южной Лемурии), ее не надо было очищать огнем. Она застыла во льдах, замерзла, ее чистота застыла и поэтому сохранилась неприкосновенной, сохранилась для нас. Гиперборея должна была погибнуть и благодаря этому должна была сохранить свою чистоту. Ее гибель — залог сохранения чистоты. *Во льдах сохраняется чистота Гипербореи.* Она подготовилась к гибели и скрылась подо льдами, опустилась под воду и ушла во Внутреннюю Землю, в великий Сид. Солнеч-

ная Гиперборея стала пещерами сидов, Айрьяна Ваэджо превратилась в Вару. Артур уходит в Авалон, Кронос засыпает в пещере. Герои покидают этот погибающий мир и расселяются по земле.

Гиперборея должна погибнуть, чтобы ее герои пришли в этот наш мир и даровали нам истинное Откровение Северного полюса, заложили основы нашей цивилизации. После разрушения Гипербореи все должно было начаться вновь, но уже во льдах. Во льдах родились инеистые великаны, из льда родился космический человек Имир и весь мир оформился как чудесное творение богов в космическом противостоянии льда и огня, севера и юга, полюса и экватора, Гипербореи и Лемурии. В этой космической битве герою открывается генетическая память об утраченном полярном рае.

Полярная Туле должна была погибнуть, чтобы в душе каждого ария зародилась благородная тоска — тоска по утраченной священной родине и желание вернуться в Гиперборею. Это чувство ложится в основу великого духовного странствия, поиска, и проявляется в мистериях ариев, в их гимнах и мифах. Нордическому человеку, как замечает М. Серрано, принадлежит «миф о возвращении в Гиперборею, к полярному Туле, в котором находится подлинное место выхода к звездам первоистока, куда, благодаря духовной и биологической мутации полубожественного в божественное, также как и нескольких зверолюдей в полубожественных существ, должно происходить возвращение. И это должно было произойти с помощью силы Вриля, Хварено»[1]. Тоска по Гиперборее — это тоска по целостности Я, по сверхчеловеку, наделенному космической силой и энергией Хварено.

Поиски Гипербореи — путешествие по кругам Вечного Возвращения. Но в этих бесконечных кругах гиперборейские боги теряют воспоминание о своем по-

[1] *Серрано М.* Указ. соч. С. 203.

лярном происхождении, их сила Вриль уменьшается, а Свет Севера затемняется. Тогда они воплощаются в богах и героях на новых землях, далеких от Полюса. В этих богах уже нет чистой белизны снега и сияния льдов. Священная белизна севера сменяется чернотой юга, полюс сменяется экватором, Откровение Полюса затемняется и на осколках северной Гипербореи возникает западная цивилизация Атлантиды. Одна только неизбывная тоска продолжает тянуть героя на север, к Полюсу. Туда, в затерянную во льдах Туле, отправлялись цари и герои Атлантиды, чтобы пройти там все круги посвящения и обрести божественность. *Путь богов принадлежит лишь гиперборейскому воину, герою, и ведет его к самому Полюсу.* Герой, чтобы вернуть утраченную Гиперборею, совершает путешествие на Север, и там, в оазисах льда, происходит его посвящение в лучах Черного Солнца полярной Полуночи — в день зимнего солнцестояния. Свет распространяется только с Севера. Это свет Полюса, исходящий от Черного Солнца дня зимнего солнцестояния. *Это свет преображения.*

Лишь там герой может убежать из кругов Вечного Возвращения и обрести неподвижность, встав точно в точке Северного полюса. В этой точке и в этот момент Гиперборея найдена, но еще не обретена. Чтобы обретение произошло, должно быть совершено алхимическое Делание: черное должно превратиться в белое, а из белого должно явиться красное. В своей душе герой должен найти чашу Грааль, а остров Туле должен подняться из поглотивших его вод.

Энергия, необходимая для осуществления полярной алхимии, является сконцентрированно в виде Зеленого Луча, исходящего от божественного изумруда, сияющего на ночном небе, — от планеты Венера. По этому Лучу когда-то в древности божественные Учители спустились на нашу планету в своих Вимана и создали на Северном полюсе свою цивилизацию. Этот же Зеленый Луч необ-

ходим герою, чтобы пробудить силу Вриль и совершить алхимическое действо превращения и индивидуации. Этот Луч должен разбудить спящего Кроноса, Сатурна, Артура. Спящий Кронос, бог времени, означает, что его царство, Гиперборея, находится вне времени и, следовательно, вне пространства — в вечности или в ином времени и пространстве. Кронос ждет своего пробуждения, чтобы вернуть миру Золотой век и вновь явить полярный Рай. Миф Гипербореи — миф о возвращении; гиперборейская мистерия — тоска по возвращению на Полюс. Возвращение Гипербореи — это пробуждение Кроноса и его выход из глубокой Пещеры, из семи пещер Тулана, из Агарты к Зеленому Лучу Возрождения. Полярное Черное Солнце и есть окно для Зеленого Луча. Путь в Гиперборею — это невидимая дорога Зеленого Луча, этапы которой отмечены стадиями посвящения и трансмутации.

После завершения алхимического Делания, после акта Преображения и Возрождения герой должен понять, что *он сам и есть Гиперборея*. Гиперборея — это Герой, принесший себя в жертву и воскресший во льдах Полюса. Гиперборея всегда и была в нем, только скрыто, в лучах Черного Солнца. Но теперь, когда черное превратилось в белое и стало красным, она открыта, освещена Зеленым Лучом, вновь обретена в самом Герое, который только после этого и становится истинным арием, дваждырожденным. Поэтому *кровь героев ближе к Гиперборее, чем молитвы святых*. В крови Героя живет память о Черном Солнце, сила Вриль и предчувствие Зеленого Луча.

Этого Героя видит Кронос в своих снах ледяного Полюса. Пока бог спит, только Герой продолжает борьбу в темноте ночи за свет Гипербореи. Гиперборейский бог стал пленником, он заточен в пещере. Только Герой в темных лучах Черного Солнца способен освободить его; только Зеленый Луч, исторгнутый планетой Вене-

ра, способен его пробудить; и лишь алхимическое действо способно его воскресить. Чтобы стать гипербореем, недостаточно родиться гипербореем, но следует родить Гиперборею в себе. Для этого Герой нуждается в Посвящении. Он должен пережить мистическую Смерть, чтобы возродиться, стать дваждырожденным. Таинство света Черного Солнца требует, чтобы Герой, висящий на Космическом Древе, стал подобен великому Одину — умер и воскрес. В момент смерти ему откроется черная пустота Выхода к полярному Черному Солнцу, и этот Выход — единственный путь к тому, чтобы переродиться и стать бессмертным. Путь Посвящения ведет героя через Могилу, через Север, через Выход к Полюсу.

Гиперборейская инициация — это чисто мужское, героическое посвящение, о котором так писал М. Серрано: «Мужское, солнечное, нордическое посвящение индивидуалистично и иерархично, поскольку оно, как было сказано, покоясь на основах мужских союзов, является героическим»[1]. В этом полярном Посвящении Герой преодолевает в себе все человеческое и становится чем-то, что выше не только человека, но даже и бога — сверхчеловеком. Апогей гиперборейского процесса Посвящения — момент вспышки Зеленого Луча, который освещает душу Героя и огненно преображает его в алхимическом акте. Это Посвящение восстанавливает ту божественность гипербореи, которая была утрачена в конце Золотого века после утраты земной полярной Гипербореи.

Возвращение на полярную прародину — это не ее возрождение или восстановление, это ее *воплощение*. Возвращение на абсолютный Север и есть залог воплощения, реализации, нового открытия этого духовного Центра. Полярный человек мыслит образами и категориями абсолютного Севера. Утративший эту чистоту индоевропеец может только мечтать о таком возвращении. В этом «северном» мышлении главное — понимание

[1] *Серрано М.* Указ. соч. С. 140.

того, что Север — это и есть Центр (Полюс). Северные земли — не просто «земли будущего», это земли будущих людей, гиперборейцев.

Образ не просто Севера, а именно Полюса формирует истинную трансцендентную Традицию. Мистика Полюса — в его скрытости, запредельности, неподвластности земным законам, в его трансцендентности. На Полюсе тварный мир утрачивает свою стабильность, свою безусловность и начинают действовать иные, божественные законы. На Полюсе мир количества переходит в мир качества, причем качества иного, высшего, совершенного и северного. Осознав себя в качестве Центра и Полюса, Север примиряет противоположности и выходит за их пределы. Воплощение полярной Традиции снимает противоречия между различными религиями, так как по происхождению все они являются лишь разными ветвями примордиального полярного Откровения.

Исчезновение Гипербореи, как и смерть Бальдра, — это предвестие и начальный этап Рагнарёк, гибели богов. Однако за этим следует возрождение Золотого века и возвращение Гипербореи. «Старшая Эдда» пророчествует, что «вздымается снова из моря земля, зеленая как прежде; падают воды...»[1]. «Младшая Эдда» описывает возвращение Гипербореи так: «Поднимется из моря земля, зеленая и прекрасная. Поля, незасеянные, покрываются всходами»[2]. Боги вновь поселятся на Идавёлльполе, где раньше находился Асгард, и прекраснейший из богов Бальдр вернется из мира мертвых.

Рагнарёк — смена реальностей. Новый мир создается из остатка прежней реальности. Этот остаток есть то, что в прежней реальности (которая погибла) совершило алхимическую трансформацию, метаморфозу и стало благоприятным для будущей реальности (которая созда-

[1] Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. С. 189.
[2] Младшая Эдда. С. 94.

ется). Небольшой остаток, уцелевший в эпоху Рагнарёк, оказывается семенем, несущим в себе зародыш будущей реальности. В траве поля, где раньше располагался Асгард, находят обломки золотых предметов, принадлежавших когда-то асам[1]. Это обломки прежнего Золотого века и семена будущего Золотого века. Сама смена реальностей оказывается возможной лишь потому, что в эпоху прежнего мира с этими остатками произошла метаморфоза, открывшая в них ценности будущего мира.

Это и будет возвращение Гипербореи.

ГЛАВА 2

ВОЛЯ СЕВЕРА ЗАЖИГАЕТ СВЕТ С ВОСТОКА

Если «мы — гипербореи», то в таком случае мы должны жить и действовать в соответствии с гиперборейской Традицией. Однако для этого нам, прежде всего, следует узнать, что это такое, что составляет эту Традицию, как она возникла, как развивалась в позднее время и где сохранилась. Всестороннее изучение мифологических систем разных народов дает неожиданный на первый взгляд результат: *полярная Традиция весьма полно, связно и целостно представлена в китайской мифологии и натурфилософии.*

Бросается в глаза, что китайская мысль направлена на осознание и адекватное описание земель, окружающих Китай. Хотя географические труды часто имеют явно мифологизированное содержание, в них довольно подробно описаны регионы Дальнего Севера. Стоит обратить внимание на то, что за сакральной географией скрываются яркие картины Северного полюса.

Трактат «Лецзы» гласит: «На Севере, где нет ни деревьев, ни трав, находится Пучина — океан. Это — Небесный водоем»[1]. Там живет гигантская рыба по имени Кит и космическая птица Феникс. О том же сообщает «Чжуанцзы»: «В Северном океане водится рыба, имя ей —

[1] Дао: гармония мира. М.; Харьков, 2000. С. 91.

Кит. Сколько тысяч ли он величиной — неведомо. [Этот Кит] превращается в птицу, имя ей — Феникс. Сколько тысяч ли длиной его спина — неведомо»[1]. Значительно более реалистическое описание северных земель можно найти в трактате «Хуайнаньцзы»: «Север начинается от Девяти озер и кончается Великой теменью, на севере доходит до долин Линчжэн. Там мерзлота, холод, скопление льда, снег, град, иней, снежная крупа. Таков этот край, управляемый Чжуаньсюем и Сокровенной тьмой»[2]. Предание фиксирует: «Север называется Великая тьма, называется Студеное озеро»; «Север называется Скопление льда»; «Север — страна тьмы, там нет света. Это место, где закрываются небеса, где скапливаются лед и холод. Там ползают насекомые, уходящие в спячку»[3]. Интересное описание содержит «Шань хай цзин»: «В землях Севера лежит гора под названием Обитель Мрака. Оттуда вытекает Черная река. <...> Есть гора Великой Черноты (Дасюань), есть народ Горы Великой Черноты. Есть царство Великого Мрака»[4]. Один путешественник забрел в далекую страну Суймин. Там не было ни солнца, ни луны. Дня не было, и царила вечная тьма. Однако люди этой страны умели разводить огонь при помощи трения[5]. У Северного моря находится гора Юду, которая служила входом в Юду — Столицу тьмы. С ее вершины видна страна Даюго — Страна великой тьмы, жители которой круглый год не видят солнечных лучей[6].

У читателя сразу должен возникнуть вопрос: почему описание северных регионов (а это в принципе может быть и Монголия, и регион озера Байкал) постоянно связывается с морозом, льдом и вечной тьмой? Не идет

---

[1] Там же. С. 151, 152.
[2] Философы из Хуайнани / Хуайнаньцзы. М., 2004. С. 104–105.
[3] Там же. С. 77, 81.
[4] Каталог гор и морей (Шань хай цзин). М., 2004. С. 163.
[5] *Ежов В. В.* Мифы древнего Китая. М., 2003. С. 206.
[6] *Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. М., 1987. С. 201.

ли здесь речь о долгой многодневной полярной ночи и о полярной зиме? Во всяком случае, феномен полярной ночи и вечного льда должен был быть хорошо известен китайским авторам. Эти знания должны быть отнесены к глубокой древности. Дело в том, что описания долгой ночи имеются не только в географической и философской литературе, но и в фольклоре — в мифах и сказках. Так, в сказке «Как небо и землю разделили и как солнце вставили на небо» говорится, что в древнейшие времена небо и земля еще не были разделены, солнца на небе не было и «только тянулась долгая ночь — не сосчитать, сколько страж прошло»[1]. Такой мотив мог возникнуть только под впечатлением от долгой, многодневной полярной ночи. Характерно, что жизнь предков в таких условиях относится к «изначальным временам», к глубокой древности.

В сказке народности хань «Поиски солнца» рассказывается, что когда-то давно однажды утром солнце не взошло над горизонтом. Причина заключалась в том, что Король Демон похитил солнце. Однако это не было кратковременное затмение. Солнце исчезло надолго. Люди заволновались, так как вместе с тьмой пришли сильные морозы: «Без солнца все люди на земле замерзнут и умрут от голода»[2]. Хорошо известно, что только на Полюсе можно наблюдать такой природный феномен, как сочетание долгой многодневной ночи и зимы. В средней полосе ночь бывает и летом, не приводит к заморозкам, а зимой бывают и светлые дни, хотя и короткие. Здесь же говорится о прямой связи лютой зимы и долгой непрерывной ночи.

Стоит заметить, что в преданиях Китая далекий Север часто представлен как Центр мира. Один из героев «Чжуанцзы» говорит: «Я стою в центре пространства, в

[1] Сказки Китая. М., 1993. С. 307.

[2] Stealing the Rhinoceros' Pearls and Other Folk Tales from China (Ninth Series). Beijing, 1985. P. 94.

центре времени. Зимой одеваюсь в шкуры, летом — в тонкую ткань из травы. Весной пашу и сею, даю телу потрудиться, осенью собираю урожай, даю телу отдохнуть. С восходом начинаю трудиться, с заходом — отдыхать. Среди неба и земли [мне] привольно, в сердце, в мыслях — доволен собой»[1]. Это отрывок, где проводятся очень любопытные параллели. Для человека, который находится в «центре пространства», начало работы ассоциируется одновременно с весной и с началом утра, а конец работы и отдых — с осенью и закатом. Однако такое совпадение весны и рассвета или осени и заката в реальности может наблюдаться только на Полюсе. То есть на самом деле в «центре пространства», как и сказано в тексте.

На Северном полюсе солнце движется так, что день и ночь составляют не сутки, а год, то есть год представляется там как один день и одна ночь. В мифах же эта ситуация поворачивается наоборот: герой проводит в стране богов один день, а на земле проходит несколько лет (один год или сто лет — традиционное эпическое преувеличение). Так, в повести китайского писателя Фэн Мэнлуна «Праведник Ли уходит к Заоблачным Вратам» художественно обработана древняя легенда о человеке, попавшем в царство блаженных. Герой пробыл там «не больше года», а в мире людей «прошло семьдесят два года»[2]. Утверждение, что «день в мире богов равен году в мире людей», так глубоко проникло в китайскую культуру, что даже появляется в знаменитом романе У Чэнь-эня «Путешествие на Запад»[3]. Ситуация, когда время в мире богов течет медленнее, чем в мире людей, обычный мифологический мотив.

---

[1] Дао: гармония мира. М.; Харьков, 2000. С. 340.

[2] *Фэн Мэнлун.* Путь к Заоблачным Вратам // Красные листья. Восточный альманах. Вып. 8-й. М., 1980. С. 519.

[3] *У Чэнь-энь.* Путешествие на Запад: Роман. В 4-х т. Т. 1. М., 2007. С. 105, 127.

К. И. Голыгина отмечает эту особенность течения времени в краю блаженных: «Там течение времени медленнее, человек, проведший в "обетованной земле" полгода, при возвращении встречает на земле своих потомков в третьем колене»[1]. Центр Мира, Полюс — особое, параллельное пространство, время там — параллельно нашему и течет совершенно иначе — медленнее либо вовсе останавливается. Нет сомнений, что этот мифологический мотив мог возникнуть в сознании только тех людей, которые *воочию наблюдали особенности полярного движения солнца, при котором смена дня и ночи равна не суткам, а году.*

Этот же мотив встречается и в китайском предании о небесной стране Будды. Там «проживешь один день, а это, может, тысяча дней земных»[2]. Миф явно описывает полярный регион. Там «нет ночи» (полярный день) и царит вечная весна: «На небе Будды не существует времен года, солнце красное на западе не тонет. Лица молодых не стареют, человек умирает — печали не бывает. Живут до тысячи двухсот лет, в целых десять маховых сажен вырастают. Случись кому-нибудь попасть в край этот, судьба — так через сто веков вернется. Приди ты сюда в двадцать лет, а сколько будет, когда возвратишься, — неизвестно. Уйдут десятки поколений предков, родных и близких уже не застанешь»[3]. Стоит заметить, что подобные представления о течении времени в краю богов или в древнейшие времена являются общими для разных народов. Древнегреческий философ Эмпедокл учил, что в изначальные времена в мире все происходило не так, как теперь. «Также и Солнце, по его словам, в силу беспорядочности и неустойчивости движения совер-

---

[1] *Голыгина К. И.* Новелла средневекового Китая. М., 1980. С. 209.

[2] Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги. М., 1987. С. 121.

[3] Там же. С. 120–121.

шало свой дневной путь за столь долгий срок, что он равнялся нынешнему семимесячному периоду»[1]. Наблюдать дневной путь солнца, длящийся семь месяцев, невозможно нигде, кроме как на Полюсе. Аномальное для средней полосы движение солнца и длительность дневного времени, общее для китайского и греческого предания, свидетельствуют о том, что здесь описаны особенности полярного календаря, известные мифотворцу на собственном опыте.

Возможно даже, что и такой феномен, как северное сияние, был известен китайцам. Они верили, что на далеком Севере, в царстве вечной тьмы живет Дракон-Светильник. «Хуайнаньцзы» сообщает: «Дракон-Светильник обитает к северу от Гусиных ворот и скрывается за горой Вэйюй — там не видно солнца. У этого бога человеческое лицо, тело дракона и нет ног», но «в зубах он держит свечу»[2]. «Шань хай цзин» уточняет: «За Северо-западным морем, к северу от Красной реки находится гора Отроги Чжан. [Там] живет дух Прямовосседающий (Чжэнчэн), с человеческим лицом, туловищем змеи и красными (расположенными один над другим) глазами. Когда он закроет глаза, наступает тьма, откроет — появляется свет. Не ест, не спит, не дышит. Он дарует ветер и дождь. Он освещает Великую Тьму. Его зовут Дракон-Светильник»[3]. «Каталог заморья севера» специально уточняет: «Имя бога Горы-Колокол — Освещающий Тьму (Чжуинь). Когда смотрит — наступает день, закрывает глаза — опускается ночь. Выдохнет [воздух] — наступает зима, вдохнет — начинается лето. Не пьет, не ест, не дышит. А если вздохнет — поднимается ветер»[4]. Э. М. Яншина считает, что такие персонажи, как Дракон-Светильник, — носители «олицетворенных в

[1] Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 371.
[2] Философы из Хуайнани. С. 83, 298.
[3] Каталог гор и морей. С. 159.
[4] Там же. С. 128.

них явлений природы»[1]. Однако какое природное явление могло быть олицетворено Драконом-Светильником? Если речь идет о свете, неожиданно появляющемся во мраке ночи на далеком севере, то это может быть только северное сияние. Своими прихотливыми переливами и своим «змеящимся» движением оно могло быть воспринято в образе огненного дракона, «освещающего тьму».

Особенность полярного календаря в циклической смене двух стихий — огня и льда или жары и холода. Эта цикличность становится основой полярного космогонического мифа. Такие идеи появляются, в частности, у Эмпедокла, который считал, что «небо твердое, состоящее из воздуха, замерзшего под действием огня, ледообразное»[2]. Эти же теории можно найти и в китайской литературе. «Лецзы» содержит полезную информацию: «В старину мудрые люди считали жар и холод общей основой вселенной. <...> ...путь природы — либо жар, либо холод...»[3]. «Чжуанцзы»: «Жара и холод друг друга освещают, друг друга губят, друг друга обуздывают»[4]. Конец мира наступает, по словам «Чжуанцзы», когда силы «жара и холода действуют в беспорядке, небо и землю [охватывает] большое возмущение. <...> Тут наступает крушение, и учению приходит конец»[5]. Космогонический и эсхатологический принцип объединяются в полярном мифе силами огня и льда.

Эта теория, имеющая свой исток в полярной мифологии, соответствует китайскому учению о *инь* и *ян*. «Хуайнаньцзы» гласит: «Высшая степень *инь* — это леденящий ветер, высшая степень *ян* — это иссушающая жара, от их соития образуется гармония и рождается

---

[1] *Яншина Э. М.* Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984. С. 52.

[2] Фрагменты ранних греческих философов. С. 364.

[3] Дао: гармония мира. М.; Харьков, 2000. С. 38–39.

[4] Там же. С. 329.

[5] Там же. С. 331.

тьма вещей»[1]. Другой источник сообщает: «Снаружи — *ян*-огонь, внутри — *инь*-лед проникают в сокровенное, входят в таинственное»[2]. Любопытная сторона китайской цивилизации в том, что *особенности полярного движения солнца и борьбы огня и льда не только отразились в мифологии, но и повлияли на философскую мысль.*

Концепция *инь-ян*, по словам М. Гране, строится на идее «*всеобщности циклического порядка*, образуемой единством *двух чередующихся и взаимодополняющих проявлений*»[3]. Причем идея противопоставления полярностей в данном случае заслоняется идеей чередования. *Инь* и *ян* обозначают не столько дуальности, сколько циклический ритм. В них выражена мысль о ритмической модели пространства и времени. Гране замечает, что «при применении в календарях Инь и Ян выглядят обоснованием ритма смены времен года»[4]. Однако стоит заметить, что в изначальном восприятии *инь* и *ян* соотносятся с понятиями холода и жары, тьмы и света, зимы и лета. Нет сомнений, что деление года на две (а не на четыре — как в средней полосе) части *инь* и *ян*, привязанные к понятиям тьмы и света, холода и жары, могло появиться лишь там, где такой годичный цикл можно было наблюдать на самом деле — на Северном полюсе. Так, в течение зимы *ян*, обманутый хитроумной *инь*, оказывается заточен в глубинах Подземных источников под обледеневшей землей[5]. Это типичное полярное соотнесение *ян* не с обычным суточным движением солнца в средней полосе, а с положением солнца в период полярной ночи и зимы.

Одно из ключевых событий арктического календаря — появление солнца после долгой полярной ночи в день ве-

---

[1] Философы из Хуайнани. С. 109.
[2] Баоцзюань о Пу-мине. М., 1979. С. 222.
[3] *Гране М.* Китайская мысль. М., 2004. С. 89.
[4] Там же. С. 90.
[5] Там же. С. 94.

сеннего равноденствия. Сначала низко над горизонтом появляется слабое свечение, которое начинает двигаться вдоль горизонта кругами, постепенно разгораясь с каждым новым витком. Только через несколько дней появляется край солнца, которое также движется кругами, увеличиваясь с каждым днем. Наконец, диск солнца полностью выходит из-за горизонта и, подобно колесу, катится по линии горизонта. Таков полярный рассвет[1].

В мировоззренческом плане длительная полярная ночь, долгое отсутствие на небе солнца должно было породить концепцию Небытия. Отвлеченное понятие Ничто («ночное солнце» в его небытийности, Sol Niger) противоречит конкретно проявленному, Сущему. Трансцендентное Ничто потусторонне по отношению к имманентному Нечто. Осознание Ничто приоткрывает тайны сущего, бытийного, становясь его абсолютной основой. В силу связанности с Ничто это осознание часто сопряжено с чувством ужаса. Это страх от того, что солнце после долгой полярной ночи не появится, и наш мир охватит хаос. Такое чувство совершенно невозможно в регионах, где солнце поднимается ежедневно. Мистерия появления солнца есть высочайший духовный опыт нордического человека. В его страхе открывается истина божественного Небытия.

Страдания и страх выносят человека к бездне Небытия и открывают подлинное Бытие. Настроение космического ужаса есть проявление в человеке стихии трансцендентного Ничто. Этот страх становится обязательной частью культа «ночного солнца». Но ужас является пограничным состоянием. Он возникает не вообще в связи с отсутствием солнца в течение полярной ночи, а только в момент ожидания рассвета. Это страх не от самой ночи, а из-за того, что рассвет

[1] См.: *Уоррен У. Ф.* Найденный рай на Северном полюсе. М., 2003. С. 73.

может не состояться. В страхе от ночного и трансцендентного Ничто уже скрывается сущность ожидаемого дневного и имманентного Нечто (дневного солнца). В ужасе Ничто раскрывается налично сущее. Это и есть точка рассвета.

Такие идеи точно передают настроения людей, живущих на Северном полюсе. Они составляют часть изначального откровения. Момент рассвета — точка перелома, в которой творится новое Бытие, мир возрождается, чувство страха оказывается преодоленным. Нечто рождается из Ничто, Бытие рождается из Небытия[1]. Такая концепция Небытия составляет сущность философии Лао-цзы. По его мнению, Небытие есть основа Бытия, источник мира[2]. Он, в частности, говорил: «Все Вещи рождаются в Бытии. Бытие рождается из Небытия»[3]. Для него Небытие — это Дао: «Дао — это бездонная Пустота», но при этом «только в Пустоте находится то, что действительно существенно»[4]. Осознание феномена Небытия и Ничто позволяет вскрыть трансцендентность, метафизичность сущего как такового.

Философы из Хуайнани довольно много места в своем трактате уделили моменту появления Бытия из Небытия. Этот процесс был разовым, но очень длительным. Трактат начинается следующими строками: «Дао покрывает небо, несет на себе землю, развертывает четыре стороны света, раскрывает восемь пределов. Высоко беспредельно, глубоко безмерно, обнимает небо и землю, сообщается с бесформенным. Бежит источником, бьет ключом. Пустое, постепенно наполняется. Клокочет и бурлит. Мутное, постепенно очищается. Встанет между небом и землей и наполнит все пространство; ляжет между четырьмя морями и заполнит ширь. Раздает и

---

[1] *Телегин С. М.* Анатомия мифа. М., 2005. С. 230–232.
[2] История китайской философии. М., 1989. С. 49, 51.
[3] *Lao-tse.* Tao Te King. Mexico, 1978. P. 45.
[4] Ibid. P. 47, 56.

не иссякает, нет для него ни утра, ни вечера» и т. д.[1]. Если попытаться наглядно представить себе эту картину, то перед мысленным взором возникнет величественная картина полярного рассвета, где свет постепенно и долго разгорается на фоне ночного неба.

Следующая глава представляет еще более детальную картину. Буквально на одной странице текста[2] сконцентрирована вся необходимая информация. «Было начало». Это точка рассвета. «Было предначало этого начала. Было доначало этого предначала начала». Здесь в категориях Небытия описывается долгая полярная ночь. Внимание философов сосредоточено на точке рассвета: «Так называемое начало. Всеобщее затаенное возбуждение еще не прорвалось». Здесь описываются эмоции, возникающие у человека, ожидающего рассвет. Он еще не наступил, поэтому возбуждение еще не реализовано. Пока еще царит ночь и Небытие: «Еще нет каких-либо форм и границ. Только шорох абсолютного небытия. Все полно желанием жизни, но еще не определились роды вещей». Все ждут начала рассвета, но пока он не наступил.

Ночь все длится и длится. Рассвет никак не наступит. «Было доначало предначала начала. Небо затаило свой гармонический эфир, и он еще не опустился. Земля хранила свой эфир, и он еще не поднялся». Свет все еще не появился из-за горизонта. Во всем мире царит ночной покой: «Пустота, небытие, тишина, безмолвие. Молчащее занебесье, небытие, похожее на сон. Эфир плыл, составляя великое единство с тьмою». Еще очень темно. «Смотришь — не видишь формы». Ночное небо безгранично и подобно хаосу. «Было предначало бытия и небытия. Оно обнимает небо и землю. Формует тьму вещей, составляет великое единство с тьмой хаоса».

---

[1] Философы из Хуайнани. С. 21.

[2] Там же. С. 37. Все прокомментированные далее цитаты взяты с этой страницы.

Интересно, что отсутствует не только свет, но и вещи, растения, сама жизнь. Так и на Полюсе с временем продолжительной ночи совпадает зима, и в это время вся жизнь замирает, ее «не видно, не слышно».

Но вот что-то изменилось в мире. Из Небытия ночного хаоса рождается Бытие дневного упорядоченного мира. «Было бытие. Тьма вещей во множестве пустила корневища и корни, образовались ветви и листья, зеленый лук и подземные грибы. Сочная трава ярко заблестела, насекомые встрепенулись, черви зашевелились, все задвигалось и задышало. И это уже можно было подержать в руке и измерить». Здесь говорится не только о том, что начался рассвет, но что при этом стали расти ветви и листья. То есть здесь говорится о совпадении начала дня и весны. С началом утра начинается Бытие. Такое совпадение рассвета и весны, когда с концом долгой ночи завершается зима и начинается весна, начинают расти новые растения, возможно лишь на Северном полюсе. Никакое наблюдение за природой в средней полосе или в тропиках не могло привести к такой концепции.

Характерно, что рассвет не наступает сразу. «Свет решил вступить в это небытие и отступил, растерявшись»[1]. Только на Северном полюсе возможно такое осознание небытийности наличного. Оно возникает лишь в результате длительного (но не краткого) отсутствия солнца на небосклоне и его разового в течение года (а не ежедневного и повторяющегося) появления из-за горизонта. В средней полосе рассвет длится довольно быстро. В тропиках же он протекает почти мгновенно. Ситуация, когда рассвет долго не наступает или «отступает, растерявшись», когда солнце долго восходит, и с его появлением начинается не только день, но и весна, — все это отличительные признаки полярного

[1] Там же. С. 38.

рассвета. Только с приходом света начинается бытие форм и движение. Бытие предстает как мир форм — воспринимаемых, развивающихся, видимых. Небытие же — отсутствие движения, застывшая неподвижность не явленных форм — бесформенного. Небытие порождает Бытие, Тьма рождает Свет. Это и есть рассвет. Можно сделать вывод, что за философскими категориями космогонического мифа в «Хуайнаньцзы» скрывается детальное описание долгого полярного рассвета и прихода весны. Течение полярного года определяет содержание космогонического мифа.

Полярный год, делясь на светлый и темный периоды, открывает человеку всеобщий космический ритм как божественный закон (в китайской философии — Дао). В структуре полярного года мифотворец находит высшее Откровение Бога. Здесь деление на тьму и свет (в китайской космогонии — инь и ян) связано не просто с примирением этих дуальностей, но с идеей возвращения и возрождения, преобразования и становления мира и души. Движение же солнца в течение года (появление из-за горизонта, постепенные подъем на высшую точку, нисхождение, смерть и возрождение) становится мистерией священного года. Круговращение дня здесь совпадает с круговращением года и с циклами природы и человеческой жизни.

На этом принципе круговращения года основывается богопереживание и богооткровение полярного человека. Сама его жизнь — это инициационное следование закону вечного вращения. Из единства жизненных циклов человека с жизненным ритмом полярного года развивается культура индоевропейца, его понимание прекрасного, истинного, сакрального. Только на Полюсе он мог получить полное представление о череде света и тьмы, тепла и холода, огня и льда, Бытия и Небытия. Годичный круг своей гармонией может примирить эти противоположности в законе Вечного Возвращения, в котором жизнь

постоянно возобновляется, а «Бытие рождается из Небытия» и вновь возвращается в Небытие.

Главный принцип Вечного Возвращения гласит: все идет, все возвращается; все умирает и вновь возрождается. Великий год бытия бежит по кругу, где центр — здесь (полюс), а окружность — это и есть путь вечности. *Миф о Вечном Возвращении в полярной Традиции занимает центральное положение и заложен в основу религиозной системы.* Если циклизм полярного календаря открывает стремление к обновлению в качестве фундаментального закона природы и человека, то естественным выражением его становится учение о Вечном Возвращении.

Для человека, находящегося на Полюсе, картина мира будет такой: сам он находится в неподвижном Центре мира, а пространство вокруг него вращается, подобно колесу. Круговое вращение пространства совпадает здесь (и только на Полюсе) с круговым движением времени. Вращающееся колесо, ступица, гончарный круг — образы вечного движения пространства-времени. Генон отметил, что «значение "ступица" в этой связи является чрезвычайно важным, так как повсюду колесо — это символ мира, вращающегося вокруг фиксированной точки»[1]. Очевидно, что представление о пространстве, которое вращается вокруг неподвижной центральной точки, могло возникнуть лишь на Полюсе.

«Хуайнаньцзы» сообщает об этом: «Колесо крутится не прерываясь... <...> Движется по кругу форма, вращается ступица. Один оборот сменяет другой. Отграненное и отшлифованное вновь возвращается к своей основе»[2]. Образ вращающегося колеса соотносится с мифологемой Вечного Возвращения, циклизма. Высшее Дао «вращается, и вращению этому нет конца»[3]. Учение о Великом и Вечном Возвращении — чистая, совершенная полярная

[1] *Генон Р.* Царь Мира. Коломна, 1993. С. 61.
[2] Философы из Хуайнани. С. 21.
[3] Там же. С. 22.

теория. Лишь на Полюсе в действительности можно наблюдать Великое Возвращение и осознать его как божественное откровение, как метафизическую истину и ценность.

Учения о Вечном Возвращении придерживался Гераклит, который считал, что вечный космос — это «вечно живой огонь, мерно возгорающийся, мерно угасающий»[1]. Космос попеременно то возникает, то уничтожается, но вечно возвращается. То, что «движение вперед — это возвращение» и что «прогресс является возвращением», понимал еще Лао-цзы[2]. Он также утверждал: «Все Возвращается к своему началу. Возвращение к началу означает достижение Покоя»[3]. «Лецзы» гласит: «Смерть и жизнь подобны возвращению и отправлению»[4]. Жизнь — это странствие, смерть — это возвращение и возрождение. Такова идея циклизма жизни и Вечного Возвращения в китайской философии. При этом, как сообщает «Лецзы», «движение и возвращение не имеют конца»[5]. Трактат прямо связывает идею Вечного Возвращения с чередованием жара и холода, полярных огня и льда, с годичным кругом: «Всегда рождающиеся, всегда изменяющиеся все время рождаются, все время изменяются. Таковы жар и холод, четыре времени года»[6]. Эта теория столь велика, что не может быть познана. «Лецзы»: «Конец и начало вещей издревле не имеют границ. Начало может стать концом, а конец может стать началом. Как узнать их круговорот?»[7].

Вечное Возвращение — это неисчерпаемость, неизменяемость и, в конечном итоге, — совершенство целостности. По словам философов из Хуайнани, «конец и начало

---

[1] Фрагменты ранних греческих философов. С. 217.
[2] *Lao-tse.* Tao Te King. P. 49, 59.
[3] Ibid. P. 85.
[4] Дао: гармония мира. М.; Харьков, 2000. С. 43.
[5] Там же. С. 44.
[6] Там же. С. 37.
[7] Там же. С. 89.

подобны кольцу — не постичь их круговорота»[1]. Текст гласит: «Из небытия вступает в бытие, из бытия — в небытие. Конец и начало не имеют грани, неизвестно, что их порождает»[2]. Хорошо видно, как натурфилософская концепция движения пространства-времени по кругу, возникшая на основе наблюдений реальных событий на Полюсе, превращается в мистическую концепцию совершенного и неисчерпаемого Дао, где движение — это Покой, а возвращение — это беспредельность. «Хуайнаньцзы»: «Конец и начало, пустота и полнота вращаются в Беспредельном»[3].

Миф о Вечном Возвращении несет в себе отказ от линейного исторического прогресса. Вечное Возвращение открывает самые глубины космического бытия, которое не исчерпывается лишь перечнем «событий», фактов. Поднимаясь над идеей текучести времени, учение о Вечном Возвращении обращено в вечность и в трансцендентное сверхбытие. В потоке Вечного Возвращения человек отказывается от своего профанного мышления, чтобы погрузиться в природные сакральные циклы, воспринимаемые иррационально и мистически. Вечное Возвращение открывает то, что невозможно логически осознать — вечную изменяемость (циклическая смена явлений и ценностей) при вечной неизменяемости (стабильность космоса в его чередованиях).

Это вечное обновление стабильно неизменяемого космоса (день сменяет ночь, после зимы приходит весна, но этот циклизм не означает прогресса, он неизменен — постоянная смена восхождения и нисхождения). Творческий аспект заключен здесь в смене старого новым, в преодолении отжившего и открытости зародившемуся (точка рассвета). Вечность же заключается в надчеловечности и внеисторичности этих событий (рассвет не за-

[1] Философы из Хуайнани. С. 122.
[2] Там же. С. 126.
[3] Там же. С. 135.

висит от воли человека) и в их непременности (рассвет обязательно придет). Мир возвращается к самому себе, и это движение есть основа китайской метафизики. Вечное Возвращение несет в себе становление, развитие, упадок, восхождение и нисхождение, но не является ничем из этого. Оно — это свобода движения по кругу и даже непредсказуемость в циклической обусловленности. В Вечном Возвращении нет цели, но оно само и есть цель. Достижение состояния Вечного Возвращения является верхом совершенства.

Вечное Возвращение — это время, ставшее вечностью, Вечное Возвращение времени, круговой танец событий и бытия. В самореализации времени как Вечного Возвращения обретается подлинная полнота жизни. Когда эволюция уже невозможна, а высший идеал и священное беспредельное (Дао) достигнуты, остается только Вечное Возвращение. Вечность — это не дурная бесконечность, а Вечное Возвращение. Никогда не прерываемое движение по кругу — это и есть структура вечности. Лишь оказавшись в священном Центре мира — на Полюсе — человек сам может стать центром бытия, завершенным Я в замкнутой неизменности и совершенстве, осознав истинную природу Вечного Возвращения. Вне Полюса такое миросозерцание невозможно. Только на Полюсе все тяжелое становится легким, все неподвижное движется по кругу и все совершается само. Идея Вечного Возвращения — исключительно полярная по происхождению.

Китайская мифология содержит яркие и детальные описания полярной страны блаженных. «Лецзы» сообщает: «Гора Охотниц-прорицательниц находится на острове на Океанской реке. Там живут чудесные люди. Вдыхают ветер, пьют росу, а зерном не питаются. Сердце [у них] — словно глубокий родник, тело — словно у девственницы. [Не ведомы им] ни ласка, ни любовь, служат им престарелые старцы и мудрые люди. Не ведая

ни страха, ни гнева, служат им искренно и верно; нет ни подачек, ни милостей, а у всех всего достаточно; не собирают, не накопляют, а недостатка не терпят. [Там] постоянно сменяют друг друга жар и холод, светят солнце и луна, следуют друг за другом четыре времени года, равномерно дует ветер и идет дождь, рожают и выкармливают своевременно, урожай зерна всегда в изобилии, а почва не гибнет, не портится. Люди не знают ни зла, ни ранней смерти, у тварей нет ни пороков, ни свирепости, от душ предков нет чудесных откликов»[1].

Это очень любопытное описание, поскольку в нем соединены несколько разных по времени создания тем. Во-первых, гора или остров Охотниц-прорицательниц находится на севере и постоянно называется при описании царства блаженных. «Чжуанцзы» сообщает о том же: «Далеко-далеко на горе Охотниц-прорицательниц живут бессмертные. Кожа [у них] словно снег, красота подобна девичьей. [Они] вдыхают ветер, пьют росу, а зерном не питаются. Оседлав облака и воздух, управляя летящими драконами, странствуют за пределами четырех морей. Душевные силы у них сосредоточены, поэтому не бывает ни мора, ни болезней, урожай зерна [всегда] обилен»[2]. «Каталог северных [земель] внутри морей» представляет ее так: «Храбрые Охотницы-Прорицательницы живут на острове в Океанской реке. Царство Охотниц-Прорицательниц лежит в море, [оно] принадлежит Храбрым Охотницам-Прорицательницам. С юго-запада его закрывают горы»[3].

В этом краю постоянно сменяют друг друга жар и холод, что связано с борьбой полярных стихий огня и льда. Жители этой страны не едят зерна, что тоже понятно, так как в полярном регионе земледелие невозможно. Там процветала охотничья культура. Однако тут

[1] Дао: гармония мира. М.; Харьков, 2000. С. 49–50.
[2] Там же. С. 154.
[3] Каталог гор и морей. С. 139.

же сообщается, что последовательно сменяют друг друга четыре времени года, а урожай зерна всегда бывает изобилен. Здесь уже дано описание климата средней полосы, где китайцы жили в историческое время и где зародилось земледелие. Явные противоречия в тексте дают возможность предположить, что в нем соединены как представления о жизни в умеренном климате средней полосы, так и память о древнейшей полярной прародине. Противоречие в тексте слишком явное, что, впрочем, обычное дело, когда в мифе происходит соединение древнейших и новых представлений.

«Лецзы» содержит очень подробное описание «царства Крайний Север», которое располагается «на северном берегу Северного моря», но границы которого — неведомо где. «Там не бывает ни ветра, ни дождя, ни инея, ни росы, там не родятся птицы и звери, насекомые и рыбы, травы и деревья. Со всех сторон — равнина, окруженная горами. В центре царства — гора, называют ее Кувшин-гора, формой походит на сосуд для вина. На вершине отверстие, формой походит на кольцо, и называют его Избыток влаги. Из отверстия ключом бьет вода, и называют ее Священный фонтан. Аромат [воды] прекраснее, чем орхидеи и [душистого] перца, вкус — слаще, чем у вина. Источник, разделяясь на четыре ручья, стекает к подножью горы и орошает всю страну. Там, куда [он] устремляется, прекращаются страшные болезни, люди становятся уступчивыми и согласными, никто не спорит и не борется, сердца [у всех] нежные, кости слабые, [люди] не заносчивые и не завистливые. Взрослые и дети живут вместе, без царей и слуг. Мужчины и женщины гуляют вместе, без сватов и свадебных подарков. Живут у воды, не пашут, не сеют. Земля и воздух [там] теплые и приятные, [люди] не ткут и не одеваются, [живут] до ста лет, у них нет ранних смертей, нет и болезней. У этого народа — большое потомство, не сосчитать. Радуются и веселятся, нет ни дряхлых, ни старых, ни

печали, ни горя. Любимый обычай — петь песни. Взявшись за руки, поют по очереди, целый день без перерыва. [Когда] проголодаются и устанут, пьют из Священного фонтана. Сила и воля приходят в равновесие. [Выпьют] слишком много — опьянеют и только через десять дней отрезвеют. Купаются в Священном фонтане, и кожа становится блестящей и свежей, аромат не выдыхается целых десять дней»[1].

На первый взгляд, это обычное описание догосударственной утопии, края Золотого века. Однако многое в нем может получить реальное подтверждение. Миф описывает северный край, где нет земледелия, ничего не растет и не рождается. Однако здесь же говорится о теплом климате. Такая ситуация действительно имела место в истории сразу после завершения ледникового периода (9-е тысячелетие до н. э.). В то время климат на планете был значительно более жаркий, чем сейчас. Хотя земледелие еще не началось, но температура воздуха в полярном регионе была довольно высокой, царил теплый климат и этот край был вполне пригоден для проживания. Именно этот момент, когда в районе Северного полюса (в мире богов) царил теплый климат, а государства и земледелия еще не было (не надо было подчиняться и работать, все были свободными и счастливыми), и представлен по всему миру в мифах о Золотом веке (например, у Гесиода и Овидия).

Как и в греческом мифе, в китайских преданиях раса Золотого века наделена сверхъестественными качествами. Однако при этом особенность китайской версии заключается в том, что раса Золотого века не исчезла окончательно, не погибла. Она сохранилась как высший образец правления и истинно божественного существования. Она даже не является скрытой или недоступной в полном смысле, так как известно, где ее можно найти

[1] Дао: гармония мира. М.; Харьков, 2000. С. 94.

Рис. 2. Полярный континент Гиперборея на карте Герарда Меркатора (XVI в.)

при желании — на Крайнем Севере. Хотя обычному человеку достичь этого края невозможно.

Подробно описывая царство блаженных, автор отмечает, что там находилась Кувшин-гора, похожая на сосуд, из которой били целебные источники и фонтаны. Это очень точное описание вулкана. Гора, полая внутри и заполненная водой, — это и есть потухший вулкан. Из него бьет целебный источник, а Священный фонтан — это гейзер — признак еще не закончившейся вулканической деятельности. Такое описание неожиданно находит параллель в кельтском мифе о Котле Оживления. Этот Котел также находится в царстве богов (на полюсе) и

ассоциируется с Озером Дивным (вероятно — остатком вулкана). Котел Оживления содержал целебную воду, благодаря которой мертвые «оживали»[1]. Можно сделать вывод, что китайский миф и кельтское предание описывают один и тот же полярный край в одинаковых выражениях.

Еще один важный мотив: источник, стекая с вершины горы, «разделяется на четыре ручья». Многие мифы согласны в том, что небесная река, стекая по горе, находящейся в Центре мира (на Полюсе), затем разделяется на четыре потока, устремляющихся в виде креста в четырех направлениях[2]. От корней Древа жизни в раю текут четыре реки, чертя горизонтальный крест на поверхности мира. Следует обратить внимание, что на карте Меркатора (XVI в.) изображен полярный континент Гиперборея, в центре которого располагается гора, а от нее в четырех направлениях (в форме креста) текут четыре реки[3] (рис. 2).

Эти четыре реки, разделяющие полярный континент на четыре части, могли послужить основой для предания об Острове четырех Властелинов. «Чжуанцзы» сообщает, что «Высочайший правил народом Поднебесной и навел порядок [в стране] среди морей, [а затем] отправился навестить четырех учителей на далекой горе Охотниц-прорицательниц»[4]. Уже известно, что гора Охотниц-прорицательниц — полярная гора. Четыре «учителя», живущие на ней, — повелители четырех регионов полярного континента, разделенного четырьмя реками. Это описание полностью совпадает с кельтским преданием о четырех островах на далеком Севере. Генон отмечает, что воспоминание об «острове четырех Властелинов» у

[1] Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса. М., 1995. С. 26, 188–189.
[2] *Уоррен У. Ф.* Указ. соч. С. 55, 152, 239, 247.
[3] См.: *Генон Р.* Символика креста. М., 2004. С. 334.
[4] Дао: гармония мира. М.; Харьков, 2000. С. 154.

кельтов «встречается и в китайской традиции и похоже, что на этот факт ни разу не обращали внимания...»[1]. Вообще название «остров четырех Властелинов» прикладывалось у разных народов к разным землям, но оно, по словам Генона, «применялось ранее для другой земли, расположенной гораздо севернее и в настоящее время неизвестной, возможно исчезнувшей, Ogygie или, скорее, Thule, бывшей одним из главных духовных центров, если вообще не высшим центром, определенного периода»[2]. Thule тождественна Острову четырех Властителей. Это и есть полярный континент Гиперборея. Стоит заметить, что в «Египетской книге мертвых» райские кущи («Поля покоя») представлены на виньетке к главе CX в виде поля с четырьмя водоемами, которые изображаются в виде четырех речных потоков. На острове сидят четыре бога — Властители рая[3].

Слово *Thule* Генон соотносит с санскритским словом *tula*, что означает «весы». Именно так в Индии называлось зодиакальное созвездие Весов, а также и созвездие Большой Медведицы. Полярный континент мог называться Thule, поскольку на Полюсе действительно находится точка равновесия нашего мира[4]. Генон отмечает, что «символ Весов находится в соотношении с именем Тула, изначально обозначавшим гиперборейский центр примордиальной традиции...»[5]. В Китае мы находим ту же картину. «Хуайнаньцзы» гласит: «Центр называется Равновесное небо. Его звезды: Рог, Шея, Основа»[6]. Равновесное небо — это и есть полярные Весы. Рог («Цзюэ») — это α и η Девы, Шея («Кан») — ι, κ, μ и φ Девы, а Основа («Ди») — α, β, γ, ι Весов. Сыма

[1] *Генон Р.* Царь Мира. С. 65.
[2] Там же.
[3] *Уоллис Бадж Е. А.* Путешествие Души в Царстве Мертвых («Египетская Книга Мертвых»). М., 1997. С. 256–260.
[4] *Генон Р.* Царь Мира. С. 68.
[5] *Генон Р.* Символы священной науки. М., 2002. С. 122.
[6] Философы из Хуайнани. С. 52.

Цянь указывает: «Далее к югу находится созвездие Ди («Основа»), [название которого] говорит о том, что все сущее и все растения достигли определенного предела», и также «созвездие Ди («Основа») служит небесной опорой»[1]. Созвездие Весов оказывается «небесной опорой», а все сущее под этим знаком «достигло предела». Бытие, достигшее предела, — указание на совершенство священного Полюса, который и является опорой мира. Также в китайской астрономии имеется связь между Весами и Большой Медведицей. Е (эпсилон) Большой Медведицы называется Хэн, или Тянь-хэн, — «Весы», или «Небесные весы». Так оказывается, что *древнейшая китайская традиция полностью соответствует изначальной полярной Традиции индоевропейского племени.*

Весы прежде всего указывают на равновесие. В свою очередь равновесие — это гармония, возникшая в результате примирения противоположностей. Равновесие весов подразумевает наличие не только противоположностей, но и центральной точки, неподвижной середины, в которой противоположные силы полностью примиряются, а их взаимодействие сменяется полным покоем. Наличие бездвижного Центра и становится в весах основой уравновешивания сил. Это учение о равновесии весов считается одной из основополагающих идей каббалы. Поэтому «Книга Сокровенной Тайны» начинается с определения, что это «книга о равновесии весов»[2]. Сама по себе фраза указывает как на полярное происхождение системы каббалы, так и на время формирования этой традиции, когда небесный полюс располагался в центре Млечного Пути, стороны которого и представали на ночном небе в виде уравновешенных космических весов.

---

[1] *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Т. IV. М., 1986. С. 102, 117.

[2] *Макгрегор Мазерс С. Л.* Разоблаченная каббала. М., 2009. С. 69.

Трактат отмечает, что «пока не установилось равновесие, лицо не видело лица»[1]. Это означает, что создание нашего мира прямо связано с установлением равновесия космических весов. До установления равновесия мир не существовал, не был сотворен и установлен как бытие. Отсюда «Книга Сокровенной Тайны» делает вывод: «Равновесие пребывает в области небытия, заключенной в Древнем»[2]. Эти слова указывают на примерное расположение Древнего небесного Полюса. Он, находясь на Млечном Пути (в равновесии), не был связан с конкретной звездой, а приходился на пустое небесное пространство («область небытия»). Эта мысль развивается далее: «В форме Его (форме Древнего) заключено равновесие; оно непостижимо, оно незримо»[3]. Итак, небесный Полюс незрим, но служит точкой равновесия космических весов и представляется в качестве места пребывания Древнего — Абсолюта. Эта идея могла сформироваться только в точке сакрального Центра, на Северном полюсе, и до того, когда космическое равновесие было нарушено, а полярная Туле затонула.

В даосской, а позднее и буддийской мифологии изначальная страна, древняя прародина, из которой пришли люди и откуда до сих пор приходят в мир учители и где живут бессмертные, — гора Куньлунь. Будучи древней прародиной и обителью бессмертных, Куньлунь сохраняет все черты полярной земли. Там царит долгий, многодневный (вечный) день и вечная весна. «На вершине Куньлунь как раз и есть нирвана. <...> [Там] денно и нощно постоянно светло. Нет стужи, нет зноя. [Бушующие] волны вдруг соединились в гармонии. [Явилась] золотая гора на морском острове»[4]. С ее вершины стекают четыре великие реки. Это место райского блажен-

[1] Там же.
[2] Там же. С. 70.
[3] Там же. С. 71.
[4] Баоцзюань о Пу-мине. С. 219.

ства: «На вершине [горы] Куньлунь [царит] истинное блаженство»[1]. Куньлунь — макушка земли, сакральный Центр, здесь размещается «Нижняя столица Небесного Владыки»[2]. То есть небесный Полюс соединяется с земным Центром. На вершине Куньлунь стоит дворец из белого нефрита. Этот нефрит был так мягок, что из него можно было лепить какие угодно фигуры. Его даже можно было растопить и пить. Это, конечно, воспоминание о снеге и о домах из снега и льда[3].

В преданиях постоянно отмечается, что Куньлунь располагается где-то на западе. Действительно, на самом деле существует горная цепь Куньлунь, располагающаяся на запад от китайских земель. Однако следует заметить, что здесь опять происходит смешение двух временных пластов — воспоминания о древнейшей полярной прародине и впечатления от реальной «горы» Куньлунь. В легенде сообщается, что Куньлунь находится на острове, где царит долгий день. Это не имеет ничего общего с горной грядой Куньлунь, которая располагается на севере Тибета. Дело в том, что народы, расселяясь по земле, несли с собой память о своей прародине. Они довольно часто давали старые названия новым природным объектам (рекам, горам, морям) там, куда они пришли и где стали жить. Такой перенос названий помогал людям лучше адаптироваться на новом месте, сохранить память о потерянной прародине и, что самое главное, сохранить преемственность изначальной Традиции.

Генон говорит о таком перемещении имени полярной прародины: «...что бы там ни происходило с ее расположением в течение различных фаз истории земного человечества, она всегда оставалась полярной в символическом смысле, так как, в сущности, она представляет

---

[1] Там же. С. 287.

[2] *Гань Бао*. Записки о поисках духов. СПб., 2000. С. 175.

[3] Мифы и легенды народов мира: Восточная и Центральная Азия. Сборник. М., 2004. С. 61, 64.

собой фиксированную ось, вокруг которой происходит вращение всех вещей»[1]. По мифам же, расположение священной земли блаженных «изначально было полярным, даже в буквальном смысле»[2]. В силу этого, мифологическая гора Куньлунь как прародина и обитель блаженных не имеет ничего общего с известным горным хребтом Куньлунь. Географический Куньлунь — лишь вторичный центр по отношению к мифологическому. Это его земное воплощение или воспоминание о древней прародине, историческое воплощение сакральной энергии.

«Шань хай цзин» описывает Куньлунь, соединяя географические и мифологические сведения: «В пределах морей, на северо-западе, находится гора Куньлунь. Это земная столица Предков. Гора Куньлунь занимает в окружности восемьсот ли, в высоту [она вздымается] на десять тысяч жэней. На ее вершине растет хлебное дерево высотой в пятьсот сюней, шириной в пять обхватов. [На горе] той девять колодцев, огороженных нефритом, и девять ворот, их охраняет животное Открывающий Свет. Здесь живет множество богов. По восьми краям [высятся] отвесные скалы, [их] окружает река Красная»[3]. Животное Открывающий Свет живет на вершине горы Куньлунь и смотрит на восток. Это солярное божество. Поскольку говорится, что оно охраняет девять ворот, через которые солнце восходит на небо, что это можно понять как указание на девять солнечных месяцев в году. Такое явление невозможно в средней полосе или в тропиках, но его можно наблюдать в районе Северного полюса.

То ли на горе Куньлунь, то ли где-то недалеко от нее находится дворец богини запада Сиванму (рис. 3). Богиня — «повелительница Полюса». Она испытывает героя.

---

[1] *Генон Р.* Царь Мира. С. 60.
[2] Там же.
[3] Каталог гор и морей. С. 135–136.

Рис. 3. Богиня Сиванму
(по мотивам рельефов провинции Сычуань)

Только через объединение с ней возможно утверждение сверхъестественного и царского качества героя, его трансценденция. Она дает герою ключ к бессмертию.

У Сиванму, где Нефритовый пруд, за высокой стеной растут персиковые деревья. «Когда такое дерево посадят, тысячу лет оно возрастает, только через три тысячи лет покажется цветок, через десять тысяч лет образуется плод и еще десять тысяч лет проходит, пока он созреет. Если человек съест один персик, он проживет три тысячи счастливых лет»[1]. Расположение персикового дерева в Центре мира свидетельствует о том, что перед нами один из многих вариантов мотива Мирового Древа.

Мировое Древо, растущее в Центре Мира, — столп, соединяющий земной и небесный Полюс, основа мира,

[1] Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги. С. 118.

Ось Мира[1]. Само по себе Мировое Древо имеет значение Оси и благодаря этому располагается в самом Центре Мира — на Полюсе. Поскольку солнце отдыхает или живет на его ветвях, то оно также называется Древом Света. Одновременно с этим оно получает название Древа Жизни, поскольку на его ветвях растут плоды, дарующие бессмертие, а у корней течет источник молодости. Достижение Центра мира, проникновение в царство богов уже означает и обретение бессмертия. Поскольку в мифе полярный Центр — место обитания богов, то и человек, достигший этого земного рая, обретает божественные качества, из которых главное в данном случае — бессмертие, вечная молодость. Напиток бессмертия мистически связан с Древом Жизни, и все они вместе — с мифологемой Центра, Полюса.

В Китае именно персик, а не яблоко, считается плодом бессмертия. В даосизме плод персика оказывается одним из ингредиентов эликсира жизни. Также бог бессмертия изображается рождающимся из персика. Персиковое дерево растет в саду Сиванму, и божества со всего мира слетаются к ней, чтобы отведать созревшие плоды[2]. Почему же именно персик стал плодом бессмертия и знаком Полюса в Китае? Косточка персика располагается в центре плода, покрыта плотью и максимально спрятана. Поскольку она укрыта, то и возникает идея ее «неуязвимости», «недостижимости». Этими же качествами наделяется и страна бессмертных — Куньлунь, Пэнлай. Твердая косточка персика также обозначает неуничтожимость, ненарушимость внутреннего пространства обители бессмертных и священного полюса. Будучи ненарушимой, «нетленной», косточка персика представляет собой «ядро бессмертия» в душе человека. Являясь семенем, косточка персика становится зароды-

[1] *Биррел А.* Китайские мифы. М., 2005. С. 91-92.

[2] *Вильямс К. А.* Энциклопедия восточного символизма. М., 1998. С. 378.

шем будущего мира, как полярная Традиция, будучи разнесена по всему миру и «засеяна» в сознании людей разных народов, даст всходы и возродит на земле утраченное изначальное состояние рая. Обретение бессмертия, или «чувства вечности», связано с достижением «изначального состояния» земного рая, который и есть Центр Мира, Полюс.

Центр Мира — это зародыш или семя всех творений. Возрастая, семя становится древом (косточка персика становится персиковым деревом). Это дерево и есть Мировое Древо, Ось Мира, обозначающая полярный Центр. Генон отметил, что «зерно есть центр; возникающее из него дерево есть ось, непосредственно исходящая из этого центра»[1]. Это древо-ось становится «божественной опорой» существования нашего мира и в то же время оказывается знаком высшего состояния бытия. Это проявление Воли Неба в китайской философии. Мировое Древо являет полноту всемирного строения и целостность «изначального (полярного) состояния».

Древо как образ мировой оси могло располагаться только в Центре, на центральной Горе. Мировое Древо, Мировая Гора — это разные воплощения центральной Оси. Ось мира, объединяющая вертикальной прямой линией небо и землю, представима лишь на Северном полюсе. Древо и Гора в качестве Оси Мира — полярный знак. Сакральность Древа и Горы (Оси) определяет содержание полярной мифологии — идеи Вечного Возвращения, непрерывного вращения, бессмертия. Эта Ось обозначает сущностную непрерывность между небом и землей, богом и человеком.

Полярный рай, Центр Мира не просто недоступен сегодня, но он именно скрыт (не случайно император Цинь Шихуан организовывал экспедиции в поисках островов блаженных, но все они оказались безуспеш-

[1] *Генон Р.* Символы священной науки. С. 473.

Рис. 4. Хуан-ди, Желтый император, — один из пяти великих правителей, создатель китайской культуры и цивилизации

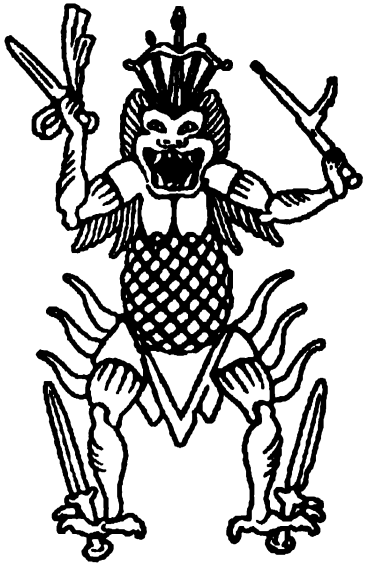

Рис. 5. Бог войны Чи-ю, изобретатель металлического оружия (с ханьского рельефа)

ными). Этот Центр присутствует скрыто, но оказывает влияние на людей именно этим скрытым присутствием. Как правило, скрытый Центр оказывает воздействие через свои вторичные земные, исторические проявления. Так, «полярный Куньлунь» являет себя для китайцев в горной цепи Куньлунь. Хотя два эти явления оказываются различными, и мифологический Куньлунь ни в коем случае нельзя смешивать с географическим и реальным, но земной Куньлунь становится воплощением полярного и считается энергетическим и мистическим Центром для Китая.

Изначальным императором полярной страны был, вероятно, Хуан-ди (рис. 4). Именно он, Желтый импера-

тор, назван в мифе Владыкой Центра[1]. Он — правитель центрального, а следовательно, — полярного региона. Борясь за утверждение своей верховной власти, он воюет с Чи-ю (рис. 5) и побеждает его. Вполне возможно, что в этом мифе описывается восстание касты воинов (Хуанди) против власти касты жрецов (Чи-ю), древнейшая революция, произошедшая еще на полярной прародине.

Во время финальной битвы Чи-ю при помощи магии наслал на войско Хуан-ди туман. Однако небесная дева Сюаньнюй сошла на землю и приказала построить повозку, названную «компасной», чтобы с ее помощью не заблудиться в тумане. «Куда бы эту повозку ни поворачивали — направо или налево, — стоявший на ней деревянный истукан пальцем вытянутой вперед руки всегда указывал точно на юг»[2]. По другой версии, «колесницу, указывающую на юг», смастерил один из сановников Хуан-ди по имени Фэн-хоу[3]. Дж. Нидем пришел к выводу, что такой повозкой мог быть специальный прибор, использующий «принцип обратной связи». Фигурка, установленная на нем, благодаря сложной системе передач всегда указывала на юг, куда бы ни поворачивала повозка, даже если она ездила по кругу[4].

Стоит заметить, что истукан указывал направление именно на юг, а не на север, как традиционно ориентирован обычный компас. Это имеет особый смысл, если предположить, что события, описанные в мифе, происходят в полярном регионе. Дело в том, что на Полюсе север «здесь», а юг «вокруг», поэтому компас там не имеет смысла. К тому же магнитный Полюс в значительной степени не совпадает с географическим.

---

[1] *Ежов В. В.* Указ. соч. С. 26, 99.

[2] *Ло Гуаньчжун. Фэн Мэнлун.* Развеянные чары: Роман. М., 1983. С. 31.

[3] *Ежов В. В.* Указ. соч. С. 102.

[4] *Нидем Дж.* Кибернетическая машина // Курьер ЮНЕСКО. 1988. Ноябрь. С. 14–15.

На полюсе нет также и сторон света. Есть только сам Полюс, а все остальное — юг. Солнце восходит на юге, и все ориентиры соотнесены с югом. Для ориентации в пространстве должен был быть построен механизм, не использующий магнитное поле и все время показывающий на юг. Этот аппарат и описан в мифе о Хуан-ди.

Вскоре после победы над Чи-ю Хуан-ди удалился от дел и уступил власть Чжуаньсюю — владыке Севера[1]. Чжуаньсюй стал одновременно владыкой Севера, Центра и Верховным Небесным Правителем. Такое соединение титулов возможно лишь для правителя страны, находящейся в районе Северного полюса. Именно он приказывает разрушить лестницы, соединявшие небо и землю. Такое соединение небесного и земного центра вертикальной прямой (Осью) возможно представить, только находясь на Полюсе.

В одном из мифов Хуан-ди убивает животное по имени Куй и делает из его кожи барабан. Этот Куй имеет облик быка с одной ногой. Сам же он — божество грома, которого зовут также Шовэнь — Одноногий дракон[2]. Этот китайский бог грома Куй, одноногий бык, одноногий дракон, полностью соответствует ведическому божеству молнии Аджа Экапад (Одноногий козел), а также древнейшему полярному божеству индейцев майя Хуракану — одноногому божеству молнии[3]. Эта одноногость божества — признак его прямой связи с Центром мира, указание не его осевую природу. Как видно, миф о Хуан-ди переполнен полярными знаками.

Еще один важный мотив: известно, что родовое имя Хуан-ди — Сюаньюань. Так же в Китае называется созвездие Льва. Это означает, что мифический герой имеет прямое отношение к этому созвездию, является его олицетворением или воплощением на земле. В мифе Желтый

[1] *Ежов В. В.* Указ. соч. С. 106.
[2] Каталог гор и морей. С. 145, 279; *Биррел А.* Указ. соч. С. 70.
[3] *Телегин С. М.* Словарь мифологических терминов. М., 2004. С. 93.

император воюет с богом солнца Янь-ди за власть над Поднебесной. Этот миф содержит в себе астральный код: новое солнце, имеющее отношение к созвездию Льва, борется за власть со старым солнцем. В такой трактовке миф сообщает нам о времени, когда солнце в день весеннего равноденствия впервые появилось в созвездии Льва. Начало эры Льва относится к 10 970 г. до н. э. К этой дате и следует отнести создание мифа. С этой датой Б. Г. Тилак связывает существование полярной цивилизации индоариев[1]. Чи-ю, который также воевал с Хуан-ди, объявив себя при этом «настоящим» Янь-ди (то есть — солнцем), был, судя по всему, олицетворением северного сияния — ложного света в полярной ночи.

Хуан-ди — это образ Царя Мира. Образ Царя Мира, всемирного Правителя имеет огромное архетипическое значение для психологии современного человека и для политики. Он связан с Полюсом, с льдом и снегом Крайнего Севера. Связь с Полюсом определяет его высший духовный авторитет и власть (центральное и высшее положение), а снег — чистоту, нетронутость и надчеловеческую холодность. Т. О'Нил пишет по этому поводу: «Представление о том, что Правитель действует тайно и незаметно, естественным образом способствует возникновению атмосферы всеохватного заговора с метафизическими ответвлениями, берущими начало на глубинных физических уровнях и достигающими самых тонких материй»[2]. Он обладает нечеловеческими и сверхчеловеческими возможностями и способностями. Царь Мира — это тот, кто «крутит колесо», то есть, находясь в неподвижном Центре мира (на полюсе), управляет его движением и циклическим развитием, не принимая в этом, однако, никакого участия.

---

[1] *Тилак Б. Г.* Арктическая родина в Ведах. М., 2001. С. 489.

[2] *О'Нил Т.* Кто правит миром? Архетип мирового правителя и процесс всеобщего возрождения // Культура времен Апокалипсиса / Под ред. А. Парфрея. Екатеринбург, 2005. С. 86.

Царь находится в Центре Мира. Являясь «третьим элементом», он объединяет небесный Полюс с земным. Небесная энергия входит в него и через него преобразует землю и соплеменников. При этом сам он не движется, не действует, но все совершается только его простым присутствием. Он действует, не действуя. Неподвижность Царя Мира соответствует его положению в Центре мира. Это и есть дело правителя.

Можно заметить, что в китайском мифе идея Вечного Возвращения непосредственно связана с особыми, сверхчеловеческими качествами полярного жителя. «Лецзы» сообщает, что однажды Желтому предку приснилось, что он попал в страну Всеобщего Процветания. «В этой стране нет ни начальников, ни старших, каждый сам по себе; у народа нет ни алчности, ни страстей, все естественно»[1]. Здесь мы видим описание Золотого века, эры «первобытного коммунизма». Жителям этой страны не известны никакие эмоции. Им свойственны только холодная отрешенность и недеяние совершенномудрого. «Ни к кому у них нет ни любви, ни ненависти, никто ничего не боится, не опасается... Ступают по воздуху, точно по тверди, спят в пустоте, точно в постели»[2]. Это холодная отстраненность и самодостаточность благородного мудреца.

О характере и образе жизни людей на древней прародине пишет и Чжуанцзы: «Люди древности еще при хаосе вместе со [всеми] современниками обретали безмятежность и спокойствие. [Силы] жара и холода тогда соединялись в покое, души предков и боги не причиняли вреда, четыре времени года проявлялись умеренно, [вся] тьма вещей не страдала, ничто живое не умирало преждевременно. Хотя у людей и были знания, их нельзя было применить. Это и называлось высшим

[1] Дао: гармония мира. М.; Харьков, 2000. С. 49.
[2] Там же.

единством. В те времена не совершали деяний, и постоянной была естественность»[1]. Настоящий человек в философии Чжуанцзы — справедливый и естественный, беспристрастный, любит одиночество и чистоту без прикрас, строг и возвышен, двигается и действует только по принуждению. Он живет по принципу: «Наслаждайся сердцем в бесстрастии, соединись с эфиром в равнодушии, предоставь каждого естественному [пути], не допускай ничего личного...»[2]. Здесь чистота крови сочетается с холодностью льда. Чем благороднее человек, тем он сдержаннее, отрешеннее, холоднее.

В этой холодности, отстраненности, уравновешенности проявляется аристократический характер совершенного человека древности. «Чжуанцзы» гласит: «Я называю бесстрастным такого человека, который не губит свое тело внутри любовью и ненавистью; такого, который всегда следует естественному, и не добавляет к жизни [искусственного]»[3]. Философ разъясняет: «Настоящий человек древности не ведал любви к жизни, не ведал страха перед смертью»[4]. Как ни странно, но именно китайская философия подарила нам идею нордического сверхчеловека. Безразличие, отстраненность, бесстрастность — это все ценности души и характера, описанные в даосской литературе, однако они же считаются отличительными чертами и человека нордического типа.

Еще Г. Гюнтер отмечал замкнутость, холодную рассудочность и душевную чистоту в качестве ведущих психических качеств нордической расы[5]. Отсюда и религиозность нордического типа такая же «холодная», «стремится к равновесию, самообладанию, сдержанности»[6]. В этом

[1] Там же. С. 249.
[2] Там же. С. 196.
[3] Там же. С. 184.
[4] Там же. С. 185.
[5] *Гюнтер Г.* Избранные работы по расологии. Изд. 2-е. М., 2005. С. 158–159.
[6] Там же. С. 405.

сказывается аристократический характер нордической религиозности. Ф. Ницше уверял, что «высший человек холоднее, жестче, безоглядней и не боится "мнений"; он лишен добродетелей, связанных с "уважением", и безразличен к уважению других, он вообще лишен всего, что относится к "добродетелям стада"»[1]. Ницше учил, что есть «высшее, более светлое человечество». К нему принадлежит тот, кто «более холоден, светел, дальнозорк и одинок»[2]. Эти качества свойственны нордическому человеку именно потому, что он живет в Центре Мира — на священном Полюсе.

Мудрец «возвращается к началу вещей»[3]. Он возвращается к изначальному состоянию, in illo tempore. Мудрец, обретший Дао, оказывается в Центре Мира, и он может «нести на голове Великий круг» — небо[4]. Он оказывается Столпом Мира, объединяющим небесный Центр и земной Полюс вертикальной линией, вокруг которой и вращается колесо мироздания. Святой в даосизме, по словам М. Гране, — это «свободный и безграничный, он растворяется во всеобъемлющем и неназываемом ("у мин") начале, которое, будучи всего лишь осью, столбом, стержнем, пустой втулкой колеса, не имеет ни собственной деятельности, ни самостоятельного существования, вне которого нет ни действительности, ни свободы, ни истины, ибо он — Целостная действенность»[5]. Находясь в Центре Мира, святой уподобляется втулке колеса. Он неподвижен сам, но вокруг него вращается космическое колесо. Такое соединение нордического характера, мифологемы колеса и идеи Вечного Возвращения могло произойти только на Полюсе. *Сверхчеловек и*

---

[1] *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. С. 516.
[2] Там же. С. 527.
[3] Философы из Хуайнани. С. 43.
[4] Там же. С. 39.
[5] *Гране М.* Указ. соч. С. 357.

есть тот Центр, вокруг которого вращается мир, и тот исток, к которому он возвращается.

Для того, кто находится в Центре Мира — на его священном Полюсе, — все вращается вокруг него и все возвращается в своем непрерывном движении. Это Вечное Возвращение открыто лишь тому, кто располагается в Центре, но в Центре может жить только сверхчеловек. Нордический сверхчеловек, сидящий в Центре, на Полюсе — это и есть учитель Вечного Возвращения. Учение о Вечном Возвращении есть высшая точка утверждения, самоопределения, поскольку оно включает в себя концепцию неподвижного, неизменяемого и совершенного Центра — Полюса, вокруг которого и вращается мир. Возвращение — вершина становления и его завершение, обретение совершенного бытия и рождение сверхчеловека. *Вечное Возвращение — это и есть судьба мира и сверхчеловека.* Сверхчеловек является причиной и двигателем Вечного Возвращения.

Тайна заключается в том, что он возвращается не к *новой* жизни, а к *той же самой* жизни, ибо только так можно возвестить людям о Вечном Возвращении, и иначе оно невозможно. Вечное Возвращение — это весть о сверхчеловеке и трагедия сверхчеловека. Преодолеть эту трагедию можно, только полюбив Вечное Возвращение. Но такая любовь и доступна не простому человеку, а лишь сверхчеловеку. Только один сверхчеловек понимает, что Вечное Возвращение объединяет его со всем миром и с вечностью. *Неподвижно сидеть в Центре Мира и любить Вечное Возвращение — вот истинный триумф героя.* Лишь в ситуации Вечного Возвращения мир может быть превзойден, а человек преодолен.

Великое Возвращение находит свой центр в сверхчеловеке. Без сверхчеловека как Центра Вечное Возвращение превратилось бы в бессмысленное, абсурдное круговращение, в тупой механический круговорот. Для того чтобы Вечное Возвращение не лишалось смысла,

и необходим сверхчеловек. Лишь он способен вынести пугающую тайну Вечного Возвращения. Вечное Возвращение и сверхчеловек соответствуют друг другу, взаимосвязаны. Благодаря Вечному Возвращению является сверхчеловек — существо высочайшего избытка и образ целостности, упроченности. Будучи сакральным заместителем Центра Мира и его повелителем, сверхчеловек творит мир из хаоса именно при помощи Великого Возвращения.

Полярный человек мыслит не линейно, а циклически. Идея бесконечности, циклического повторения и кругового движения солнца — вот что Северный полюс дарит мифотворцу. Теория Вечного Возвращения представляет собой необходимое и высшее завершение той мифологии, метафизики и религии, которая могла зародиться на Полюсе. Без сомнения, это одно из самых древних учений и чистых откровений. Всякая периодичность, всякий ритм предполагают возвращение, но наиболее отчетливо оно может быть представлено на Северном полюсе, где наблюдатель воочию созерцает сакральный Центр и феномены (солнце, звезды), совершающие вокруг него идеально концентрическое движение. Там, где круговое движение наблюдается наяву, учение о возвращении властно входит в жизнь, распоряжаясь ею, упорядочивая религиозную практику и сакральное бытие.

В частности, теория Вечного Возвращения проявляется в учении о перевоплощении душ. В нем возвращение означает странствие душ по телам как средство очищения, просветления и возвращения к изначальному Абсолюту. В своем космическом странствии душа должна пройти все ступени тварной иерархии, чтобы, постепенно поднимаясь по ступеням, пройдя цепочку возрождений, завершить становление и вернуться к божественному Истоку. Учение о реинкарнации связано здесь не с наградой или возмездием, а с восхождением и очищением. Это мощное волевое утверждение станов-

ления в духе. Возвращение — не награда, а проявление воли, утверждение воли и становления сакрального измерения и абсолютного бытия. Без Вечного Возвращения не только нет становления, но и само бытие не может быть достигнуто.

Героем и сверхчеловеком станет тот, кто осознает самого себя в качестве объекта Вечного Возвращения, в качестве места его пребывания, и в холодном безразличии сольется с этим процессом. Так герой может выдержать себя в вечности круговращения, познать себя в нем. Вечное Возвращение — ключевая мифологема изначальной полярной Традиции, основа религии Героя и философии сверхчеловека. Для героя Вечное Возвращение — основа не ужаса космической пустоты, а блаженства восполненности и гармонии бытия. Для него это спасение от линейного времени, от умирания. Героизм — это выход за рамки обычной жизни, прорыв за границы профанного. В героическом происходит отказ от познания и постижения ради прямого существования, естественности и непосредственного опыта — реализации воли к власти.

Холодная отрешенность — высшая добродетель нордического характера. В ней человек преодолевает себя и открывает в себе Ничто, в котором и находит себе место Бог. Истинная отрешенность, по мнению немецкого мистика Мейстера Экхарта, это неподвижность, высшее недеяние. «Эта неподвижная отрешенность, — говорил он, — более всего уподобляет человека Богу»[1]. Природа Бога — в неподвижной отрешенности. Уподобляясь Богу, человек должен стать отрешенным, неподвижным и недеятельным. Оставив деятельность, человек очищается до пустоты, наполняясь сущностью. Пустота влечет за собой покой, покой влечет за собой

[1] *Мейстер Экхарт.* Духовные проповеди и рассуждения. СПб., 2000. С. 71.

недеяние, а недеяние — ответственность, удовлетворение и гармонию.

Конечно, само по себе Вечное Возвращение, вечное блуждание по замкнутому кругу событий вызывает в простом человеке не только чувство бесцельности, но и бессмысленности бытия, что пробуждает в нем отчаяние, страх. Учение о Вечном Возвращении и о недеянии вызывает беспокойство своей очевидной внечеловеческой и надисторической сущностью. Для того чтобы «оседлать» Вечное Возвращение, приручить его и подчинить себе, полярная Традиция вводит понятие героя-сверхчеловека. Вечное Возвращение и недеяние могут быть осознаны лишь тем, кто уже преодолел свою человеческую природу, поднялся над человечеством. Герой — это выход из бессмысленности Вечного Возвращения, потому что в герое-сверхчеловеке и сосредоточен смысл Вечного Возвращения и недеяния. Он несет в себе смысл и цель этого движения. Герой делает Вечное Возвращение (постоянное повторение космических процессов при их неизменности) творческим процессом в священном недеянии.

Категория недеяния (u-wei) также полярного происхождения и прямо связана с мифологемой Центра и идеей Вечного Возвращения. Мир вращается вокруг неподвижного Полюса. В «Лецзы» содержится указание: «[Недеяние] способно быть жаром и холодом»[1]. Это означает, что недеяние, достигнутое на полюсе, приводит к гармоничному сочетанию стихий огня и льда. Это типичный полярный миф. Тот, кто находится на Полюсе, сохраняет неподвижность, но все вращается вокруг него и возвращается к нему. «Лецзы» сообщает о недеянии «настоящего человека»: он «сидит, словно мертвый, движется, словно связанный; не знает, почему сидит, не знает, почему не сидит; не знает, почему движется, не

[1] Дао: гармония мира. М.; Харьков, 2000. С. 39.

знает, почему не движется»[1]. Он сам ничего не делает, но в мире все совершается само и благодаря тому, что он неподвижно сидит в этом Центре Мира.

По словам Лао-цзы, совершенный человек «делает не делая, таким образом все приводит в порядок»[2]. Мудрец «доходит до недеяния, и когда он доходит до недеяния, то нет ничего, что осталось бы несделанным»[3]. Философ утверждал главный принцип: «Когда я в действительности знаю, что означает "жить в Дао", тогда я боюсь действовать»[4]. Он рекомендовал действовать посредством недеяния: «Дао вечно, бездействует и ничего не оставляет несделанным»[5]. Эта же мысль буквально повторяется в «Хуайнаньцзы»: «...совершенное Дао не действует»[6]. Истинный мудрец — «безмолвный, пребывает в недеянии, но ко всему причастен; невозмутимый, не управляет, а все содержит в порядке»[7]. Недеяние — это значит «не опережать хода вещей», следовать естественному развитию событий и соблюдать взаимное соответствие вещей, подчиняться потоку всеобщих превращений.

Чжуанцзы наставлял: «Недеянием небо достигает чистоты, недеянием земля достигает покоя»; «Истинное деяние — недеяние»[8]. В безмятежности и недеянии человек обретает связь со всем миром. «[Если] только ты предашься недеянию, вещи будут сами собой развиваться»[9]. *Недеяние и отрешенность — истинные добродетели сверхчеловека.* Это означает «странствовать, не оставляя следов». Недеяние и покой — истинный путь неба: «Ведь пустота, покой, безмятежность, безразличие, уединение, тишина,

---

[1] Там же. С. 113.
[2] *Lao-tse.* Op. cit. P. 84.
[3] Ibid. P. 88.
[4] Ibid. P. 92.
[5] Ibid. P. 102.
[6] Философы из Хуайнани. С. 41.
[7] Там же. С. 27.
[8] Дао: гармония мира. М.; Харьков, 2000. С. 262, 300.
[9] Там же. С. 215.

недеяние — это уровень неба и земли, высшее в природных свойствах»[1]. Недеяние — основа гармонии мира.

Ю. Эвола дает определение принципу «деяние недеянием»: «При помощи этой парадоксальной формулы дальневосточная мудрость описывает такой вид действия, который не вовлекает и не "движет" высший принцип, "бытие" в себе, каковое, однако, остается при этом истинным субъектом действия, тем, чему данное действие обязано своей начальной движущей силой и тем, что одновременно его поддерживает и направляет от начала до конца»[2]. Само собой разумеется, что соблюдение такого принципа возможно лишь для человека, находящегося в Центре, или, что равнозначно этому, сохраняющего Центр в своей душе.

Недеяние — это путь жреческой, а не воинской касты. Чжуанцзы говорил об этом: «В покое становятся мудрецом, в движении — царем»[3]. Недеяние — добродетель священнической касты, и она противоположна активности — добродетели касты воинов и царской власти. Хотя философ и рекомендовал правителю также придерживаться этики недеяния: «...для благородного мужа, [если он] вынужден взойти на престол, лучше всего недеяние. Недеяние, а за ним — покой в природных свойствах»[4]. Этот совет, вероятно, основан на воспоминании о тех древних временах, когда верховная власть принадлежала касте жрецов. Для власти, опирающейся на принцип у-вей, важно, по заключению Ю. Эволы, что «"олимпийский" элемент естественно утверждает себя в своем превосходстве посредством "деяния в недеянии", то есть оказывая духовное, а не прямое материальное воздействие»[5]. Усиленная пропаганда добродетели недея-

[1] Там же. С. 229.
[2] *Эвола Ю.* Оседлать тигра. СПб., 2005. С. 136.
[3] Дао: гармония мира. М.; Харьков, 2000. С. 230.
[4] Там же. С. 210.
[5] *Эвола Ю.* Люди и руины. М., 2002. С. 88.

ния в «Чжуанцзы» означает, что эта философия своими корнями уходит в ту Традицию, которая зародилась на территории полярной прародины в эпоху верховенства жреческой касты, до восстания касты воинов и захвата ими власти.

Одна из тайн Великого Возвращения и недеяния заключаются в отказе от морали. Мораль — это отрицание естественного хода вещей. В этом смысле мораль прямо противоположна священному недеянию. В свою очередь, Вечное Возвращение отрицает мораль. В нем нет ничего морального, нет в нем добра и зла, а присутствует только воля. Это добродетель, очищенная от морали. Вечное Возвращение определяет сакральное качество бытия. Сакральное бытие имеет циклическую природу, оно существует только как Вечное Возвращение. Внеморальность Вечного Возвращения заключается в совершенстве сакрального бытия. Это бытие довлеет себе и не подвержено какой-либо моральной оценке.

Самым большим критиком морали в Китае был Лаоцзы. Философ потому отказывался от морали, что, по словам Р. Вильгельма, «закон человеческой жизни заключается в сопротивлении насилию, а моральное насилие — это худшее, что может быть. <...> Мораль расцветает в эпохи упадка, когда естественное поведение и доброта утрачивают свою естественность»[1]. Мудрец призывал к естественному образу жизни, который и соответствовал принципам Вечного Возвращения и недеяния.

Чжуанцзы говорил о том же: «С появлением [понятия] об истине и лжи, [пониманию] пути был нанесен ущерб»[2]. Когда приходит мораль, истинный путь утрачивается. Философы из Хуайнани считали, что «в высшие времена люди несли в себе *Дао* и не нуждались в Благе»[3]. Благо появляется лишь когда «Дао рас-

[1] *Wilhelm R.* Introduccion // *Lao-tse.* Op. cit. P. 18.
[2] Дао: гармония мира. М.; Харьков, 2000. С. 160.
[3] Философы из Хуайнани. С. 172.

сеивается», милосердие приходит, мораль утверждается, но истинный путь разрушается. Дело в том, что, по мнению Ницше, «*высшие существа* по ту сторону добра и зла, по ту сторону оценок...»[1]. Чтобы вынести мысль о Вечном Возвращении и недеянии, следует отказаться от ценности морали и установить ценность воли. «Лецзы» гласит: «Не иметь радости, не иметь знаний — вот истинная радость, истинные знания»[2]. Это и есть чистая воля в духе Ницше: «*Этот мир есть воля к могуществу и — ничего кроме этого!* И вы сами тоже суть та же воля к могуществу — и ничего кроме этого!»[3]. Только очень сильный человек (сверхчеловек) способен вынести идею о Вечном Возвращении. Для этого он должен отказаться от моральных принципов и преобразовать ее в свою волю к власти.

Ценность Вечного Возвращения для становления сверхчеловека в том, что в нем он осознает невозможность действием изменить порядок вещей. В этой точке открывается священное недеяние и является сверхчеловек. Он рождается в точке соединения Вечного Возвращения и священного недеяния. Понятие сверхчеловека не включает в себя ни идею насилия, ни произвола, ни грубости. Сверхчеловек — это тот, кто смог не развить в себе человеческие качества до предела (силу, ум, богатство), а тот, кто смог полностью преодолеть в себе человека. Он сумел изжить в себе все человеческое, вырвавшись за рамки эволюции, линейного прогресса. Сверхчеловек — это самопреодоление, отвержение мира, длинная цепь самопреодоления и освобождения от власти повседневного и внешнего. Все это возможно лишь в священном круге Вечного Возвращения.

Центральная точка — это место Первопринципа, изначального состояния недифференцированности и не-

[1] *Ницше Ф.* Указ. соч. С. 546.
[2] Дао: гармония мира. М.; Харьков, 2000. С. 77.
[3] *Ницше Ф.* Указ. соч. С. 558.

изменяемости. Это точка совершенного равновесия, где непосредственно проявляется «Действие Неба», Центр, управляющий всеми вещами и бытием посредством недеяния. Направляя и определяя действие, сакральный центр сам пребывает в неподвижности и недеянии. Эта неподвижность и непроявленность на самом деле оказывается истинной «полнотой действия».

В силу этого истинный совершенномудрый — тот, кто достиг центральной точка, слился с Первоначалом и, будучи причастен к его неизменности, обрел недеяние. Стремясь к изначальной Пустоте, он открыл для себя состояние покоя. Эта Пустота — полное отрешение от внешних форм бытия, от оппозиций и действий, вызванных ими. Слиться с Первоначалом означает достичь гармонии трансцендентного Ничто, отказаться от действия ради чистого созерцания. Генон пишет об этом: «Расположившись в центре "космического колеса", совершенный мудрец движет его невидимо, одним своим присутствием, не участвуя в его движении и не совершая какого-либо действия»[1]. Именно эта отрешенность от бытия и делает его владыкой всех вещей, так как он достиг истинного знания Первопринципа бытия. Безразличие, невозмутимость, отрешенность означает, что совершенномудрый достиг исходной точки, и его природа обрела целостность, которую ничто не может нарушить.

Все основные качества сверхчеловека — сверхсознание, постоянная напряженность духа, благородство, творчество, великодушие, самоконтроль, самообуздание, естественность, отстраненность, имморализм, недеяние, веселость, аристократизм — имеют прямое происхождение в Вечном Возвращении. Одно без другого невозможно. Сверхчеловек — это нордический человек, полярный по происхождению. Будучи обитателем Полюса,

[1] *Генон Р.* Символика креста. С. 73.

сверхчеловек стоит не в финале, а у истоков человеческой цивилизации. Исторический прогресс — это упадок сверхчеловека, его превращение в обычного человека. Даосизм ставит своей целью возвращение сверхчеловека, его возрождение.

Нордический человек живет «по ту сторону» севера, льда, царства живых и царства смерти. Он решает, что лучше жить среди льдов и испытаний, чем в тепле и в животном покое. Гиперборей знает, как далеко он живет от других — и в географическом, и в духовном, и в сакральном смысле. Для нордического сверхчеловека древности мир совершенен, даже если он полон испытаний, ведь его природа — героическая. В героическом испытании действует утверждение жизни. Там, где простой человек нашел бы гибель (в полярных льдах), там сверхчеловек находит счастье. Его удовольствие — это самопреодоление. Для нордического героя аскетизм — не долг, а потребность, не принуждение, а природа. Трудность бытия среди льдов полюса он рассматривает как привилегию, знак избранничества. Отдых он находит в преодолении тягот, которые могут его раздавить. Смех и блаженство он обретает в испытаниях судьбы. Сверхчеловек господствует над миром не потому, что желает этого или даже заслуживает, а потому, что существует для этого.

Падение нордического человека началось в тот момент, когда его полярная родина погибла. Об этой трагедии повествуют китайские мифы. «Лецзы» сообщает, что в древности некий человек из рода Ведающих Разливами стал бороться за власть с Вечно Недовольным и «в гневе ударился о гору Щербатую и сломал Небесный столп, порвал земную сеть. Поэтому небо наклонилось на северо-запад, за ним последовали и солнце с луной, планеты со звездами; у земли же не хватило [куска на] юго-востоке, поэтому [туда полились] воды сотен рек»[1].

[1] Дао: гармония мира. М.; Харьков, 2000. С. 90.

О том же говорят и философы из Хуайнани: «Некогда сила Гунгуна была такова, что от его удара в гору Щербатую земля покосилась на юго-восток; он боролся за владычество с Гао Синем...»; и далее: «Некогда Гунгун — бог Разливов боролся за владычество с Чжуаньсюем. Разгневанный, боднул гору Щербатую. Небесный столб подломился, земные шнуры порвались. Небо накренилось на северо-запад. Поэтому Солнце, Луна и звезды сместились туда. Земли не хватало на юго-востоке, поэтому потоки рек и земная пыль устремились туда»[1]. Любопытно, что в тех же словах об этой катастрофе говорит и Эмпедокл. Он считал, что «полюсы [неба] наклонились от того, что воздух поддался порыву солнца, причем северный поднялся, а южный опустился, вследствие чего — и весь космос»[2].

Сообщение в мифе о том, что Ось земли наклонилась, очень интересно. Это означает, что до катастрофы мировая Ось располагалась строго вертикально. Затем же Ось по какой-то причине сместилась и поэтому, как поясняет А. Масперо, «Полярная звезда теперь не находится в зените»[3]. Таким образом, подразумевается, что до этого события Полярная звезда светила прямо над головой. Однако известно, что наблюдать Полярную звезду строго в зените можно только в одном месте — на Северном полюсе. В китайской мифологии Полярная звезда всегда считалась небесным центром. Сыма Цянь писал: «В центральном дворце [небес] звезда Тянь-цзи син (Полярная звезда) — самая яркая, на ней постоянно проживает Тай-и — дух Великого единого»[4]. Разумеется, если Полярная звезда — Центр неба, то именно на ней и должен проживать Верховный Дух. Именно на ней — небесное жилище Шан-ди — китайского трансцендентного

[1] Философы из Хуайнани. С. 27, 51.
[2] Фрагменты ранних греческих философов. С. 365.
[3] *Масперо А.* Религии Китая. СПб., 22, 258.
[4] *Сыма Цянь.* Указ. соч. С. 115.

божества. По существу, Шан-ди — верховное полярное божество, дворец которого находится на Полярной звезде. Полярная звезда — небесный Центр, вокруг которого кругами движутся звезды, созвездия. При этом они осуществляют движение не так, как в средней полосе — без восхода и заката. Такое движение звезд можно наблюдать только на Северном полюсе.

Миф сообщает также, что бог разливов Гунгун боролся с богом Чжуаньсюем. Этот Чжуаньсюй был божеством севера и тьмы (полярной ночи). Он управляет зимой, его помощник — «Сокровенная Тьма» (Сюань мин)[1]. Это все — мотивы полярной мифологии. Если подвергнуть это предание мифореставрации, то вырисовывается следующий изначальный сюжет: в древние времена в краю, где царит долгая ночь, а Полярную звезду можно наблюдать прямо над головой, произошла космическая катастрофа. Главная гора (возможно — вулкан) разрушилась. Наводнение погубило древнюю прародину, и люди были вынуждены переселиться в другие земли, где Полярная звезда уже не светила в зените, а была наклонена.

Возможно, об этой же катастрофе сообщает и миф из цикла о богине Нюйва (рис. 6): «В те далекие времена четыре полюса разрушились, девять материков раскололись, небо не могло все покрывать, земля не могла все поддерживать, огонь полыхал, не утихая, воды бушевали, не иссякая. Свирепые звери пожирали добрых людей, хищные птицы хватали старых и слабых. Тогда Нюйва расплавила пятицветные камни и залатала лазурное небо, отрубила ноги гигантское черепахе и подперла ими четыре полюса... Лазурное небо было заплатано, четыре полюса выправлены, разлившиеся воды высушены... Тогда Нюйва взвалила на спину квадрат земли, взяла в охапку круг неба, сделала весну мягкой, лето — жар-

[1] Философы из Хуайнани. С. 53, 274.

Рис. 6. Нюйва, держащая компас. Одна из великих богинь китайского пантеона, создательница человечества и избавительница мира от потопа

ким, осень — убивающей, зиму — сохраняющей»[1]. Здесь также повествуется об изначальной катастрофе. Причем обычная смена четырех времен года вводится только после нее, а до нее такой череды еще не было. Так и на Северном полюсе в реальности можно говорить лишь о

[1] Философы из Хуайнани. С. 113.

двух «временах» года — ночи-зиме и дне-лете. Характерно, что Э. Вернер объединяет миф о разрушении горы Щербатой и небесного столпа и миф о починке неба богиней Нюйва[1].

Во всех проанализированных нами мифах речь явно идет о древней полярной прародине (долгий день и ночь, равные году, вращение пространства вокруг неподвижной центральной точки, Полярная звезда над головой, вертикальный столп мира, соединяющий небо и землю и т. д.), где люди поселились в период межледниковья (10-е тысячелетие до н. э.) и откуда ушли из-за вновь начавшегося похолодания (8-е тысячелетие до н. э.). Однако китайские мифы сохранили известие о еще более древней прародине, о земле, где люди жили до переселения на Северный полюс, возможно — в эпоху ледникового периода (30–40 тысяч лет назад).

«Лецзы» сообщает, что «к востоку от Бохая... есть огромная пропасть, пучина, поистине бездонная. У нее не было дна, и называлась она Гуйсюй. В нее стекали все воды — со всех восьми сторон света, девяти пустынь и Небесной реки, а она [пучина] все не увеличивалась и не уменьшалась. Там пять Гор. Первая называлась Колесница Преемства, вторая — Круглая Вершина, третья — Квадратная Чаша, четвертая — Обитель Красавиц, пятая — Приют Презревших Блага. Окружность каждой горы сверху донизу — тридцать тысяч ли, плато на вершине — девять тысяч ли, расстояние между горами — семьдесят тысяч ли, а [горы] считались соседями. Там все башни и террасы — из золота и нефрита, все птицы и звери — из белого шелка, деревья — из жемчуга и белых кораллов растут кущами, у цветов и плодов чудесный аромат и вкус. Кто их отведывал — не старился, не умирал. Жили там все бессмертные, мудрые. Сколько их там за день и ночь

[1] *Вернер Э.* Мифы и легенды Китая. М., 2005. С. 69.

друг к другу летало, нельзя и сосчитать. Основание же пяти Гор ничем не укреплялось. [Они] двигались вверх и вниз, туда и сюда по волнам вместе с приливом, не останавливаясь даже на время. От этого бессмертные и мудрые заболели и стали жаловаться богу. Боясь, как бы [острова] не уплыли на крайний запад и не исчезла обитель мудрых, бог приказал Обезьянесилачу отправить пятнадцать гигантских черепах, чтобы держали на головах горы; [приготовить] три смены, каждая по шестьдесят тысяч лет. Тогда только пять гор встали неколебимо. Но тут великан из царства Драконовых Дядей поднял ногу и полного шага не сделал, как очутился у пяти Гор. На один крючок поймал сразу шесть черепах, взвалил всех вместе на спину и пошел. Унес в свою страну и обжег их панцири для гадания. И тогда две горы — Колесница Преемства и Круглая Вершина — уплыли на северный край [полюс] и погрузились в океан. Тьмы бессмертных и мудрых остались без пристанища»[1]. Это предание о знаменитых в Китае островах блаженных Пэнлай.

Морская пучина на востоке от Китая, да еще таких размеров — это, разумеется, Тихий океан. Именно туда и отправлялись корабли на поиски пяти островов Пэнлай. Если подвергнуть это предание мифореставрации, то возникает интересная история. Когда-то в незапамятные времена в Тихом океане находились пять островов, на которых зародилась высокоразвитая цивилизация. Однако из-за колебания уровня Мирового океана в эпоху ледникового периода (когда были периоды потепления и похолодания) открывались то одни, то другие участки шельфа. Возможно также, что плавающие острова — это воспоминание об айсбергах. Казалось, что острова перемещаются с места на место, «плавают». Затем произошла какая-то катастрофа, из-за которой часть жителей

[1] Дао: гармония мира. М.; Харьков, 2000. С. 90–91.

переселилась в район Северного полюса, где в то время климат оказался вполне благоприятен для жизни. Стоит заметить, что царство Драконовых Дядей (Лунбо) находится далеко на севере — «за десятки тысяч ли к северу от горы Куньлунь»[1]. Но после завершения ледникового периода льды растаяли, уровень Мирового океана повысился, и полярные земли оказались затопленными. В результате этого потомки жителей островов Пэнлай переселились в более пригодные для проживания земли и принесли в Китай весть о двух своих утраченных родинах.

Острова Пэнлай, плавающие в восточном океане, — аналог мифического континента Му, который, по некоторым гипотезам, располагался в Тихом океане[2]. Одним из доказательств существования такого континента могут служить развалины селения Нан Мадол на острове Понапе (Микронезия). Это величественные каменные постройки явно очень глубокой древности. Некоторые из этих строений сегодня находятся ниже уровня океана. Это означает, что они были созданы в то время, когда из-за начавшегося ледникового периода уровень океана резко упал (на 100—150 м).

Английский этнограф М. Браун считал, что архипелаги Микронезии и есть остатки огромного континента, на котором процветала высокая культура. Селение Нан Мадол было центром этой цивилизации[3]. В XX в. многие крупные ученые придерживались гипотезы о существовании в древности Пацифиды — гигантского материка, соединявшего острова Малайского архипелага, Австралию, Новую Зеландию, острова Меланезии и Полинезии вплоть до Гавайев на севере и острова Пасхи на востоке. Последние крупные участки

---

[1] *Юань Кэ*. Цит. соч. С. 55.

[2] *Benavides R.* Cuando las piedras hablan, los hombres tiemblan. Madrid; Mexico, 1979. P. 245—254, 338—342.

[3] Сказки и мифы Океании. М., 1970. С. 227—229.

суши (шельф) были затоплены океаном после окончания ледникового периода всего лишь 7—8 тысяч лет назад[1].

Также у побережья острова Йонагуни на юго-западной оконечности Японского архипелага обнаружен под водой монумент. Это большое сооружение правильной формы с четкими углами, с рядами ступеней и террас. Монумент ориентирован по сторонам света. На вершине монумента высечены фигуры, одна из которых напоминает черепаху. Ученые уверены, что имеют дело с древним рукотворным сооружением. По подсчетам специалистов, этот монумент мог возвышаться над уровнем моря 10 000 лет назад и оказался под водой после завершения ледникового периода, вследствие таяния ледника. Создание монумента относится к тому же периоду, что и расцвет на японских островах культуры Дзёмон.

В Малайзии есть миф о том, что когда-то очень давно на востоке в Тихом океане процветала великая цивилизация. Там царил прекрасный климат, и счастливые люди жили в прекрасных городах. Но однажды воды океана стали заливать берега острова, который постепенно совсем затонул. Оставшиеся в живых переселились на новые острова, и с этого началась история Малайзии[2]. В своем исследовании Ф. Джозеф приходит к выводу, что «в преданиях разных народов, живущих вокруг Тихоокеанского кольца, говорится об ужасной комете, которая давным-давно уничтожила их древнюю родину, исчезнувшую в центре океана»[3]. В мифах многих племен от Индокитая до острова Пасхи и Южной Америки повествуется о разрушении и затоплении в водах Тихого океана их древней прародины. Эти мифы находят подтверждение в археологических находках — руи-

[1] *Кондратов А. М.* Следы — на шельфе. Л., 1981. С. 100.

[2] *Джозеф Ф.* Предки богов: Затерянная цивилизация Лемурии. М., 2009. С. 12.

[3] Там же. С. 344.

нах затонувших городов от Южной Америки до островов Японии и побережья Кореи и Китая[1]. Однако при этом китайские мифы еще и сообщают о переселении людей на далекий континент на Северном полюсе и приводят его точное описание.

Подробные, детальные описания полярной прародины сохранились в китайской мифологии иногда даже лучше, чем в индоевропейской. Это связано с тем, что китайцы были не носителями, а передатчиками этого мифа. Носители мифа всегда изменяют его, адаптируют к новым условиям. Передатчики же ставят своей целью донести изначально данную Традицию без изменений. Они законсервировали эти предания, не считая себя вправе менять в них что-то. Однако от кого китайская цивилизация могла воспринять весть о полярной прародине? Основными носителями мифов о ней являются индоевропейские народы, поскольку именно они и селились на Северном полюсе, но китайцы не являются индоевропейцами.

Память о полярной прародине в Китай могли принести тохары — индоевропейское племя, следы которого обнаружены в Синьцзяне. Их язык ближе всего к кельто-италийским языкам. Миграция тохаров относится к эпохе неолита. Судя по изображениям, они были светловолосыми, голубоглазыми людьми с узкими носами и лицами, то есть — представителями индогерманского, нордического племени[2].

Тохары, возможно, принесли с собой в Китай стиль яншао. Специалисты относят зарождение этой культуры к 4500 г. до н. э.[3]. На керамике культуры яншао обнаружены знаки, абсолютно идентичные по форме нордическим рунам того же периода. Именно эти значки и легли, судя по всему, в основу китайской иеро-

[1] Там же. С. 394.
[2] *Гюнтер Г.* Указ. соч. С. 263–264.
[3] *Дебен-Франкфор К.* Древний Китай. М., 2002. С. 38.

глифической письменности[1]. Также на керамике яншао схематично отображен миф об отделении космическим первопредком неба от земли[2]. В Китае этот миф известен как миф о Пань-гу, но сам миф не китайский по происхождению. Сюжет этот известен в мифологиях многих народов мира. Индоевропейскими параллелями являются мифы о Пуруше и Брахме. Э. Вернер проводит параллель с германским мифом об Имире[3]. Он объясняет это тем, что все народы проходили в своем развитии одни и те же стадии. Однако в этом мифе есть важный мотив, прямо относящий его к комплексу полярных сюжетов. Это образ вертикально ориентированной Оси (Гора, Столп, Древо Мира, Первочеловек), находящейся в Центре мира и отделяющей небо от земли. Де Гобино полагает, что реальный, исторический Пань-гу по происхождению относился к индоевропейскому племени и «был либо одним из предводителей, либо персонификацией белого народа, обосновавшегося в Китае»[4]. К. М. Королев объясняет параллели между китайским мифом о Пань-гу и индоевропейским космогоническим мифом посторонним «арийским» влиянием на китайскую традицию[5].

Русский исследователь Г. Е. Грумм-Гржимайло считал, что племя ди было одним из докитайских народов, населявших бассейн Желтой реки. Он включает их в число индоевропейских племен, поскольку они были высокими, белокурыми и голубоглазыми людьми. Даосизм, считает ученый, возник на почве их религиозных

---

[1] *Кучера С.* Китайская археология. 1965–1974 гг.: палеолит — эпоха инь. Находки и проблемы. М., 1977. С. 84–87.

[2] *Евсюков В. В.* Космогония китайского неолита по изображениям на керамике культуры яншао // Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1985. С. 57, 60.

[3] *Вернер Э.* Указ. соч. С. 67.

[4] *Гобино Ж. А.., де.* Опыт о неравенстве человеческих рас. Кн. 3–4. М., 2006. С. 62.

[5] Китайская мифология: Энциклопедия. М.; СПб., 2007. С. 34–35.

воззрений[1]. Вернер, в свою очередь, полагал, что «первые племена, пришедшие в Северный Китай, без исключения относились к белой расе»[2]. Перечисляя племена, живущие на территории Китая и имеющие явные черты индоевропейской расы, де Гобино отмечает, что в Китае «честь основания цивилизации принадлежит белой ветви, благословенной Провидением»[3]. Таким образом воспоминания о полярной прародине были занесены индоевропейцами в Китай и стали известны китайским мудрецам. Стоит только поблагодарить их за то, что они сохранили эту весть и вернули ее нам в почти неискаженном виде.

---

[1] *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми? // Русская расовая теория до 1917 года. Вып. 2-й. М., 2004. С. 589, 593 и др.

[2] *Вернер Э.* Указ. соч. С. 16.

[3] *Гобино Ж. А., де.* Цит. соч. С. 62.

ГЛАВА 3

АТЛАНТИДА И ТРИПУРА: ПУТЬ НА ЗАПАД

Миф об Атлантиде можно без преувеличения назвать важнейшим для всей европейской культуры. Сама история европейских народов началась с момента гибели этой материнской цивилизации. Вероятно, она закончится в тот момент, когда священная прародина будет вновь обретена. Можно сказать, что миф об Атлантиде несет в себе пророчество. Это священное предание, в котором открывается не только начало, но и финал европейских народов. Во всяком случае, именно так понимал его Дмитрий Мережковский[1]. Атлантида — матричный миф европейской цивилизации, парадигма ее развития.

Определение времени создания мифа об Атлантиде — важнейшая научная проблема. Ее суть в том, что это один из немногих мифов, возникших, судя по всему, по следам подлинного исторического события — гибели древнейшей островной цивилизации. В связи с этим почти всякая историческая катастрофа, природный катаклизм может быть привязан к мифу об Атлантиде. Несомненно, что серьезным аргументом в пользу истинности предания и подспорьем для хронологии событий может стать степень распространенности мифа у

[1] *Мережковский Д. С.* Собрание сочинений. Тайна Трех. М., 1999. С. 227, 234.

индоевропейских народов. Если этот миф будет обнаружен у разных народов индоевропейского племени, то это станет доказательством того, что он существовал еще до нарушения изначального единства (3-е тысячелетие до н. э.), а события, описанные в нем, произошли еще ранее.

Платон утверждал, что миф был услышан Солоном от египетских жрецов. Многовековые поиски корней этого мифа в Египте, однако, не увенчались заметным успехом. Это, собственно, подтверждает лишь ту мысль, что миф об Атлантиде, хотя и был рассказан жрецами, но не являлся частью собственно египетской духовной традиции, а был заимствован ими. Сами же жрецы указывали на европейское происхождение мифа. Эта идея находит косвенное подтверждение в кельтском предании о городе Ис (Ys), затонувшем в результате катаклизма, насланного в наказание нечистым жителям за их прегрешения[1]. Однако до сих пор не предпринимались сколько-нибудь удовлетворительные попытки обнаружить следы мифа об Атлантиде в эпосе индоариев.

Между тем в «Махабхарате» и в «Матсья Пуране» содержится предание, сразу обращающее на себя внимание. Речь идет о мифологическом городе Трипура. Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что были две Трипуры — изначальная и вторичная. Трое сыновей Тараки — Таракакша, Камалакша и Видьюнмалин решили построить три города. Однако они располагались не в разных местах на земле, а друг над другом — один на земле, другой — в воздушном пространстве и третий — на небе. Так возник «Тройной город», бывший, по существу, единым[2]. Отсюда и его название — Трипура, Тройной город. В «Махабхарате» приводится

[1] *Berlitz Ch.* El misterio de la Atlantida. Barcelona, 1978. P. 14–15, 63, 119, 159.

[2] Махабхарата. Книга восьмая. О Карне (Карнапарва). М., 1990. С. 84, 90.

важное замечание, что Тройной город стоял «на круге»[1]. В комментарии к тексту отмечается неясность этого указания, но при этом говорится, что «все три города были расположены таким образом, что вращались по кругу»[2]. Подчеркивается, что мотив вращающегося города или дворца является устойчивым и общепринятым в индоевропейском фольклоре.

«Неясность» этого места в «Махабхарате» связана лишь с уверенностью комментаторов, что эпос создавался уже на территории самой Индии. Между тем еще в самом начале XX в. индийский филолог и традиционалист Б. Г. Тилак доказал на основании анализа гимнов «Ригведы», что предки арийских народов в эпоху межледниковья проживали в арктической зоне[3]. Многие мифы, следовательно, должны быть проанализированы и могут быть поняты лишь при условии принятия арктической теории и особенностей полярного движения солнца и звездного неба.

Если в «Махабхарате» говорится, что Трипура стояла «на круге» и вращалась вокруг своей оси, то это может быть понято лишь в свете теории Тилака. Такое круговое вращение города возможно лишь в том случае, если он находится в самом Центре Мира — на Северном полюсе. Стоит заметить, что индийские арии использовали для обозначения Центра мироздания сакральный термин «nabhif», что означало «пуп», «втулка (колеса)», «центральная точка (пространства)», «отверстие, углубление». С ним связана идея непрерывного кругового движения. В Упанишадах, например, Брахман — тот, кто «двигался кругами — яркость, бестелесная, шрамов не несущая, безмускульная, чистая, нетронутая грехом... <...> “Это Он, кто обошел вокруг”. Иными словами,

---

[1] Там же. С. 84.

[2] Там же. С. 245.

[3] *Тилак Б. Г.* Арктическая родина в Ведах. М., 2001. С. 33, 45–46, 461, 468–469 и др.

круговорот движения, который привел в действие проявленный Вечный, создал миры...»[1]. В «Иша Упанишаде» о Брахмане говорится: «Оно движется, и Оно не движется» (ст. 5). Будучи в Центре, пребывая в самом себе, Брахман неподвижен, но движет весь мир. Ауробиндо поясняет: «В Себе Брахман покоен, тих и недвижим, в них Он движется и их насыщает энергией»[2]. Движение мира происходит благодаря неподвижному двигателю — Центру. Понятие о Центре как о колесе, вращающемся вокруг неподвижной Оси, могло сформироваться только там, где такой Центр воспринимался как подлинная реальность — на Северном полюсе.

Как Атлант, по имени которого была названа Атлантида, держит на своих плечах свод небес, выполняя функции Мирового Столпа, так и Индра совершает схожий подвиг. В «Ригведе» много мест посвящено описанию этого действия: «Индра поддержал небо» (РВ. III. 44, 3); «Без балок он укрепил высокое небо» (РВ. II. 15, 2); «Он укрепил небо» (РВ. I. 121, 2). В других местах еще подробнее: «Ты с силой укрепил твердую основу неба (и) земли, о Индра, на (их) местах...» (РВ. I. 56, 6); «Самосущий, он несет небо, словно головное украшение» (РВ. I. 173, 6); «Он поддержал все кормящую землю. Волшебной силой он укрепил небо, чтобы оно не упало» (РВ. II. 17, 5) и т. д. Чтобы не просто разделить верхнее и нижнее пространство, но и укрепить, уравновесить его, следует установить вертикальный столб не где-то, а именно в центре пространства. Образ Индры, который укрепил и удерживает в равновесии земной и небесный центр, мог зародиться только на настоящем географическом центре мира — на Северном полюсе.

В силу своей сакральной природы образ Центра очень привлекателен для мифотворца, так как позво-

[1] *Шри Ауробиндо.* Собр. соч. Т. 4. Иша Упанишада. СПб. С. 220.
[2] Там же. С. 306.

ляет выделить в космосе первооснову, сакральный образец, неизменяемое пространство, основу всего мира. Божественный космос в полярном мифе имеет сакральную Ось. Центральная Ось мыслилась как вертикальная линия Небо—Земля, Полярная звезда — Северный полюс, летнее солнцестояние — зимнее солнцестояние. Ось являет собой знак Центра Мира и Северного полюса, так как весь обитаемый мир простирается вокруг нее. Эта Ось в своей неподвижности представляет неизменную сущность и совершенство божьего Сына, его Единство. Полярная, осевая сущность Бога Света связана с его постоянством, вечностью, неизменностью и даже неподвижностью или недеянием.

В умеренной и тропической областях небо может быть представлено как кружащаяся полусфера. Однако это вращение с востока на запад при условии, что наблюдателю видна только половина кругового движения (вторая половина скрыта за горизонтом). Только на Полюсе небесная сфера вращается подобно колесу, установленному на шесте — вертикальной опоре. Нигде кроме как на Северном полюсе не могла возникнуть идея Оси мира, удерживающей небесную сферу над землей. Если в мифе говорится, что небо поддерживается вертикальной Осью и вращается подобно колесу, то речь может идти только о полярной Традиции. Это же в полной мере справедливо и для таких персонажей мифа, как Атлант.

Ось космоса предстает в мифах в образах Мирового Древа, Лестницы, по которой Бог Света поднимается к небу в течение полярного дня и по которой спускается во тьму арктической ночи. Полярный Бог — это осевой Бог, Бог Мирового Древа (Один и Иггдрасиль). Циклический путь Бога Света предстает в виде круга, а его осевая, полярная сущность является в виде вертикальной линии, столпа, горы. Вдоль этой вертикальной линии устанавливается связь неба и земли и происходит схождение «Воли Неба». Это трансцендентное влияние формирует

сакральный Полюс, придавая энергию вращающемуся вокруг него пространству. Вертикальная Ось становится внешним выражением или воплощением «Воли Неба» и сама устанавливает параметры вселенской гармонии, основанной на принесенных ею сакральных энергиях. Изначальность священного Полюса приходит здесь в прямое соответствие с переданной благодаря вертикальной Оси трансцендентной Традицией. Пересекая все планы Бытия, Мировая Ось преобразует их сакрально, делая местом пребывания и реализации Традиции священный Центр (Полюс) каждого из этих уровней.

Для более глубокого понимания этого мотива необходимо обратиться еще к одной книге, входящей в «Махабхарату». В ней подробно описывается «северный край», который озаряет своим сиянием божественная центральная гора Меру. «Махабхарата» сообщает: «Есть несравненная гора Меру, сверкающая, богатая блеском. Своими вершинами, горящими золотом, она отражает блеск солнца. Чудесная в золотом уборе она посещается богами и гандхарвами. Неизмеримая она неприступна для людей, обремененных грехами. <...> Великая гора эта стоит, закрывая небо своей высотою. Она недосягаема даже в мыслях других»[1]. Меру — гора, которая, по мифу, располагается в Центре Земли. Это священный «пуп», Полюс, то же, что греческий Олимп. Пик ее находится на небе, средняя часть — на земле, а основание покоится в преисподней. Как мировая Ось она объединяет все три мира. На ее вершине расположен священный город Брахмы или Обитель блаженства. Е. П. Блаватская помещает Меру «в самый центр Северного полюса» и отмечает, что «это было место первого континента на нашей земле после отвердения шара»[2].

---

[1] Махабхарата. Адипарва. Книга первая. СПб., 2006. С. 77.
[2] *Blavatsky H. P.* Glosario teosofico. Buenos Aires, 1977. P. 428.

Рис 7. Аркаим — укрепленное поселение XVIII—XVI вв. до н. э., обнаруженное на Южном Урале

Звезды и луна (Сома) вращаются вокруг Меру — неподвижной точки в пространстве, и «без устали движется Савитар по кругу, вращая колесо времени»[1]. Для тех подвижников, которые жили в этом божественном Центре Мира, «каждый день, каждая ночь казались им целым годом»[2]. Это совершенно точное описание полярного года, который делится на две половины — полярный день и полярную ночь. Здесь же мы читаем и о невиданном сиянии, которое исходило от Меру. Благодаря этому «здесь ночь не отличалась от дня»[3]. Тилак считал, что это описание может быть интерпретировано только как северное сияние[4].

Сам по себе миф о Трипуре относится к древнейшим пластам «Махабхараты». Он не создан авторами эпоса, а использован ими как описание прецедента образцовой

[1] Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). М., 1987. С. 332.
[2] Там же. С. 334.
[3] Там же. С. 333.
[4] *Тилак Б. Г.* Указ. соч. С. 101.

изначальной войны — между богами и асурами. Не случайно, что и в «Иша упанишаде» говорится, что «[мирами] асуров называют те миры, покрытые слепою тьмой»[1], — одно из возможных описаний долгой полярной ночи.

Известно, что в древности сакральные города-центры часто повторяли очертания созвездий или движение звезд на небе. Город, имеющий в своем плане круг, может быть земным воспроизведением кругового вращения небесной сферы. Однако есть только одно место, где предки индоевропейцев могли наблюдать вращение звезд вокруг неподвижной точки, находящейся в центре неба (над головой наблюдателя), — Северный полюс. Как вращение Трипуры «по кругу», так и сама круговая форма города могут быть лишь воспроизведением полярного движения звезд на ночном небе и земли вокруг неподвижного Центра.

Воспоминание о полярной прародине сохранилось в круговом плане древнейших городов-поселений индоевропейцев. Такую круглую форму имеет знаменитый Аркаим (рис. 7) — древнейшее поселение индоевропейцев на Урале.

Город ориентирован не только по направлениям север-юг и запад-восток, но его строения и улицы указывают на точки равноденствий и солнцестояний. По своей системе координат Аркаим, как пишет К. К. Быструшкин, есть «изображение Неба на Земле»[2]. Проблема только в том, что такое круговое вращение неба можно наблюдать лишь на Северном полюсе. Комплекс городов на Урале, построенных также по единому плану, существовал в 3-м тысячелетии до н. э. и отмечал движение индоевропейских племен при переселении с севера на юг — в Иран и Индию. Именно в направлении север-юг и шла передача изначальной Традиции. Нет сомнений,

---

[1] Упанишады. Изд. 3-е. М., 2003. С. 615.

[2] *Быструшкин К. К.* Феномен Аркаима: Космогоническая архитектура и историческая геодезия. М., 2003. С. 10.

что все города и поселения, имеющие в своем плане круг и неподвижную сакральную центральную точку, являются воспоминанием и воссозданием древней полярной прародины — *Ultima Thule*, Тулан или Трипура[1]. С этим мифом связывает Ю. Эвола воспоминание «о нордической родине и нордической культуре, где трансцендентная, нечеловеческая духовность тесно связана с героическим, королевским, триумфальным элементом»[2]. Из факта истории этот Центр превращается в образ духовной эволюции. Здесь история становится Традицией в трансцендентном смысле.

В «Матсья Пуране» совершенно определенно говорится о гибели изначальной Трипуры. Повелитель экстатического сна, иллюзий и магии Майя, обращаясь к собратьям, говорит: «О асуры, нам придется уйти под защиту бурных вод океана. Там, в пучине моря, боги не смогут преследовать нас и не подчинят нас своей власти»[3]. Далее Майя дает знак, «и Трипура вдруг тронулась с места, погрузилась в воды океана и исчезла из глаз изумленных богов»[4]. Это весьма важное замечание, имеющее прямое отношение к исторической судьбе полярной прародины. Изначальная Трипура, как говорится в этом отрывке, погрузилась на дно океана добровольно, а не в результате какого-либо катаклизма или разрушения. Такое «добровольное погружение» города возможно лишь в том случае, если в результате таяния ледников поднимается уровень Мирового океана и затопляет ранее открытый шельф. Это и произошло в эпоху межледниковья. С этим и могла быть связана гибель прародины и исход ариев из полярного региона.

---

[1] *Телегин С. М.* Словарь мифологических терминов. М., 2004. С. 55, 90–92, 97–98.

[2] *Эвола Ю.* Языческий империализм. М., 1992. С. 8–9.

[3] *Темкин Э. Н., Эрман В. Г.* Мифы древней Индии. М., 1982. С. 197.

[4] Там же. С. 198.

В какой-то мере указанием на это событие могут быть и слова из «Майтри упанишады». Говоря о бренности всего земного и гибели всего видимого, автор текста отмечает, что «склоняется полярная звезда, обрываются нити ветра, опускается земля, уходят со [своего] места боги»[1]. Опускание земли соотносится с исходом богов и со «склонением» Полярной звезды. Здесь ключом являются слова, что она именно не смещается, а склоняется. Смещение Полярной звезды — постоянный процесс, связанный с прецессией, с движением земной оси относительно небесной сферы, когда в разные эпохи ее роль выполняли разные звезды из разных созвездий[2]. Это также не может быть связано и с гипотетическим резким изменением наклона земной оси, поскольку в таком случае для человека, находящегося на полюсе, Полярная звезда все равно останется в зените. Просто это будет другая звезда. «Склонение» же означает, что Полярная звезда осталась прежней, но только теперь она больше не стоит прямо над головой, а «склонилась», сместилась в сторону. Такое возможно лишь тогда, когда наблюдатель перемещается из полярного региона в среднюю зону или в тропики. Там Полярная звезда сияет не над головой, а «указывает» на север, находясь сбоку от наблюдателя, словно бы «склонившись». «Склонение» Полярной звезды означает переселение из полярного региона, а опускание земли, о котором говорится в «Упанишаде», служит причиной такого переселения.

Тилак пришел к выводу, что «климат арктического региона был в межледниковый период мягким и умеренным, напоминающим непрерывно длящуюся весну. Вокруг Северного полюса был континент, ушедший под воду в период оледенения»[3]. Эту ситуацию опускания суши в районе Северного полюса, по существу, и опи-

[1] Упанишады... С. 580.
[2] *Зигель Ф. Ю.* Вам, земляне. Изд. 2-е. М., 1983. С. 25.
[3] *Тилак Б. Г.* Указ. соч. С. 468.

сывают такие священные тексты, как «Майтри упанишада», «Матсья Пурана» и «Махабхарата».

Однако история Трипуры на этом не заканчивается. После того как полярная изначальная Трипура «добровольно» погрузилась на дно океана, Шива обратился к Брахме с просьбой указать ему место, где город скрылся. «Матсья Пурана» сообщает, что «всеведущий Брахма указал Шиве и его войску путь к Трипуре, вновь появившейся на поверхности у западного края океана»[1]. Так вместо затонувшей изначальной Трипуры появляется Трипура вторичная. Полярная Трипура сменяется западной. Это один из важнейших моментов древнеарийского священного мифа. Здесь речь идет не только о наличии двух центров, сменивших друг друга в истории, но и о преемственности полярной и западной Традиции.

Если считать, что миф о Трипуре был создан ариями уже после заселения Индии, то под западным океаном следует понимать современное Аравийское море. Однако даже в мифе Трипура не имеет никакого отношения к Индии, а события, описанные в нем, произошли в древнейшую эпоху, в изначальные времена. Появление западной Трипуры происходит сразу после гибели Трипуры полярной и исхода ариев со своей арктической родины. Тилак, основываясь на свидетельствах «Ригведы», отнес это событие к 10—8-му тысячелетию до н. э.[2] Следовательно, эти события произошли еще в эпоху древнейшего индоевропейского единства и до прихода ариев в Индию. К этому же времени следует отнести и создание самого мифа. Необходимо признать, в таком случае, что «западным краем» мирового океана для индоевропейского племени, только что переселившегося из полярного региона на север Европы (откуда затем арии и пришли в Индию), будет Атлантический

[1] *Темкин Э. Н., Эрман В. Г.* Указ. соч. С. 198.
[2] *Тилак Б. Г.* Указ. соч. С. 452, 489.

океан. С этого момента миф о западной Трипуре прямо соотносится с мифом Платона об Атлантиде.

Индийский миф показывает, что не следует смешивать две Трипуры — полярную и западную. Это были все-таки два разных места, хотя одно и воспроизводило другое. Также не следует смешивать Атлантиду и Гиперборею. Полярная Трипура, как и Гиперборея, как и *Ultima Thule*, несет в себе изначальную Традицию. В то время как западная Трипура и Атлантида — лишь вторичную. Р. Генон предупреждал против такого смешения и определенно отмечал, что «Гиперборея соответствует Северу, а Атлантида — Западу»[1]. При этом вторичная традиция, представленная западной Трипурой и Атлантидой, относится лишь к более позднему и ограниченному историческому времени. То, что вторичный центр носит то же название и построен по тем же архитектурным принципам, что и изначальная Трипура, означает, по словам Генона, что «подчиненные духовные центры основывались по образу высшего Центра и что к ним прилагались те же самые наименования»[2]. Атлантида — вторичный центр, несущий в себе традицию Гипербореи. Это выражается в принципе: сила севера исходит с запада. Запад является наследником севера и несет миру его ценности. Вторичный центр становится эманацией духовной власти изначального полярного Центра.

Само положение второй Трипуры, или Атлантиды, по оси запад-восток указывает на их подчиненность «по отношению к гиперборейскому центру, размещающемуся на полярной оси север-юг»[3]. Вторичный центр не просто память об изначальной прародине или ее воспроизведение, но носитель Традиции в истории и воссоздание

[1] *Генон Р.* Избранные произведения: Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира. М., 2004. С. 40.
[2] Там же. С. 39.
[3] Там же. С. 40.

Золотого века человечества. Однако вторичная традиция создана людьми и ограничена во времени, а изначальная Традиция имеет сверхчеловеческое происхождение и вневременную природу. В силу этого мифы Библии и даже тексты «Египетской книги мертвых» лишь вторичны по отношению к полярному откровению, содержащемуся в текстах «Авесты», «Ригведы» и «Пополь-Вух».

Имеются прямые текстуальные совпадения между мифом о Трипуре и преданием об Атлантиде. Прежде всего, разумеется, речь идет о единообразии описания внешнего вида Трипуры и Атлантиды. «Матсья Пурана» и «Махабхарата» сообщают о трех круглых городах, слившихся в один, причем первый был из золота, другой — из серебра и третий — из железа[1]. В свою очередь Платон в диалоге «Критий» говорит о центральном острове, окруженном «попеременно водными и земляными кольцами (земляных было два, а водных — три) все большего диаметра, проведенными словно циркулем из середины острова и на равном расстоянии друг от друга»[2]. Центральный остров и два земляных кольца — это и есть описание тройного города, подобного Трипуре. Стены каждого из этих городов были покрыты металлом. Стена внешнего города была покрыта медью, среднего — оловом, а внутреннего города — драгоценным орихалком[3]. Стены храмов Посейдона были выложены серебром и золотом[4]. Такие детальные совпадения в описании священного города в индийском и античном мифе доказывают не только родство двух преданий, но и историческую достоверность сказания.

Также и в других священных мифах индоевропейцев мы находим те же картины. В «Авесте» описание Вары,

---

[1] Махабхарата. Книга восьмая... С. 84; *Темкин Э. Н., Эрман В. Г.* Указ. соч. С. 190.

[2] *Платон.* Филеб. Государство. Тимей. Критий. М., 1999. С. 508.

[3] Там же. С. 510.

[4] Там же. С. 511.

города, который Йима строит по приказу Ахурамазды, соответствует описанию Атлантиды и полярной Трипуры. Как и Атлантида, Вара состоит из трех концентрических окружностей, соединенных мостами: «Девять крепких мостов возведи в переднем круге крепости вашей; шесть — в среднем; в третьем — сделай три. И внеси по мостам в передний семя тысячи лучших людей на свете; в средний круг — шестисот, а трехсот — в последний»[1]. При этом, как и изначальная Трипура, Вара располагалась на полюсе, поскольку там Солнце, Луна и звезды «единожды путь свой по небосклону совершают», а «год казался днем»[2]. В ирландской легенде герой по имени Тадг попадает в Страну Вечно Живых — на далский остров посреди океана. Остров называется Инис Лоха — Остров На Озере. В центре острова возвышались три горы, на вершине каждой из них была неприступная крепость. Две крепости были со стенами из белого мрамора, а третья — со стенами из серебра. По существу, это тот же образ, что и Трипура. Полярное расположение острова не вызывает сомнений: герои пробыли там целый год, но им показалось, что прошел только день («год показался им одним днем»)[3]. В «Плавании Майль Дуйна» есть описание острова, похожего на Трипуру-Атлантиду: путешественники достигли «высокого острова, разделенного четырьмя изгородями на четыре части. Одна изгородь была из золота, другая из серебра, третья из меди, четвертая из стекла. В одном отделении находились короли, в другом королевы, в третьем воины, в четвертом молодые девушки»[4].

План столицы Атлантиды, построенной не по греческим и не по египетским образцам, напоминает, по мнению Ж. Маркаля, «большие мегалитические святилища,

---

[1] Заратустра: Учение огня. Гаты и молитвы. М., 2007. С. 48.
[2] Там же. С. 50.
[3] Кельты: Ирландские сказания. М., 2000. С. 73–77.
[4] Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 702–703.

Рис. 8. Гёбекли-Тепе. Т-образные колонны поселения возведены в 9500 г. до н. э.

какие встречаются в Бретани (Гавринис, Диссиньяк и Барненз) и в Ирландии (Нью-Грейндж)»[1]. Он отмечает как общую закономерность, что «мегалитизм — атлантическая цивилизация», а она, в свою очередь, была одним из последних обломков цивилизации Атлантиды[2]. Поэтому, как считает Маркаль, «Стоунхендж и Карнак могли в какой-то мере быть возведены по образцу, который когда-то существовал на исчезнувшем острове Атлантиде»[3]. В результате проведенного исследования Маркаль приходит к выводу, что «в больших мегалитических ансамблях можно увидеть пережиток сакральной архитектуры атлантов»[4]. Однако он полностью игнориру-

[1] *Маркаль Ж.* Карнак и загадка Атлантиды. СПб., 2008. С. 199.
[2] Там же. С. 173–174.
[3] Там же. С. 206.
[4] Там же. С. 265.

ет ту истину, что за атлантической традицией скрывается породившая ее изначальная гиперборейская Традиция, что делает его выводы не всегда точными.

Современником Атлантиды может считаться постройка в Гёбекли-Тепе, на юго-востоке Турции, относящаяся к 9500 г. до н. э. (или даже ранее), которую считают «самым древним храмом в мире» (рис. 8).

Относящаяся к эпохе неолита постройка, тем не менее, демонстрирует высокий уровень технических знаний строителей, превосходящий все, что известно до сих пор о культуре неолита. Три квадратных культовых строения украшены кругами и рядами Т-образных колонн, на которых изображены различные животные. Внутри центрального здания расположены столбы, образующие полный круг диаметром около шести метров.

Весь комплекс был религиозным центром, а изображения животных могли представлять собой тотемы. Как минимум, это свидетельствует о наличии сформировавшегося сложного религиозного культа и о наличии жреческой касты. К этой же культуре и к этому же времени относится найденная в 1997 г. неолитическая стоянка Караханд-Тепе. Там также были обнаружены Т-образные колонны, украшенные изображениями животных. Строения ориентированы на север, и их создатели явно проявляли религиозный интерес к Полярной звезде.

Платон сообщает, что Посейдон, устраивая центральную часть столицы Атлантиды, «источил из земли два родника — один теплый, а другой холодный»[1]. Эти родники давали воду «удивительную как на вкус, так и по целительной силе»[2]. Считается общепризнанным, что подобное чудесное появление целебных источников с горячей и холодной водой есть признак вулканической

[1] *Платон.* Филеб. Государство. Тимей. Критий. С. 508.
[2] Там же. С. 511.

деятельности на острове[1]. Похожее описание есть и в мифе о Трипуре. Чудесным образом по молитве подвижника посреди города появляется пруд, «в котором оживали мертвые»[2]. Это неожиданное появление озера с целебной («оживляющей») водой есть также очевидное следствие деятельности вулкана. Впоследствии во время войны с богами асуры будут оживлять в этом водоеме своих погибших воинов.

Индийский миф гласит, что асуры, живя в Трипуре, ни в чем не знали недостатка, они были свободны от страха и проводили время в развлечениях, счастливые, как боги. Премудрый Майя «поставлял все необходимое; под его опекой жили они, ни перед чем не ведая страха», получая все, что пожелали[3]. Асуры всегда были полны веселья и не знали ссор и раздоров. О том же повествует и Платон. В государстве атлантов царило изобилие, «они скопили такие богатства, каких никогда не было ни у одной царской династии»[4]. При этом «большую часть потребного для жизни давал сам остров», земля которого приносила урожай дважды в год[5]. Жизнь атлантов была счастливой потому, что они следовали божественному закону, и все дела «устроялись сообразно с Посейдоновыми предписаниями»[6]. Божественный закон охраняет счастливую жизнь Трипуры и Атлантиды, дарует им счастье и изобилие.

Платон, говоря о процветании государства, приписывает его тем обстоятельствам, что «правители Атлантиды повиновались законам и жили в дружбе со сродным им

---

[1] *Benavides R.* Cuando las piedras hablan, los hombres tiemblan. Madrid; Mexico, 1979. P. 269.

[2] Махабхарата. Книга восьмая... С. 85; *Темкин Э. Н., Эрман В. Г.* Указ. соч. С. 195.

[3] Махабхарата. Книга восьмая... С. 84; *Темкин Э. Н., Эрман В. Г.* Указ. соч. С. 191.

[4] *Платон.* Указ. соч. С. 509.

[5] Там же. С. 509, 513.

[6] Там же. С. 513.

божественным началом: они блюли истинный и во всем великий строй мыслей, относились к неизбежным определениям судьбы и друг к другу с разумной терпеливостью, презирая все, кроме добродетели, ни во что не ставили богатство и с легкостью почитали чуть ли не за досадное бремя груды золота и прочих сокровищ. Они не пьянели от роскоши, не теряли власти над собой и здравого рассудка под воздействием богатства, но, храня трезвость ума, отчетливо видели, что и это все обязано своим возрастанием общему согласию в соединении с добродетелью, но когда становится предметом забот и оказывается в чести, то и само оно идет прахом и вместе с ним гибнет добродетель. Пока они так рассуждали, а божественная природа сохраняла в них свою силу, все их достояние, нами описанное, возрастало»[1]. Залог процветания Атлантиды — в сохранении ее жителями божественной природы, в следовании божественному закону. Как и жители Трипуры, атланты получили свое богатство в дар от богов, как награду за добродетель и подвижничество.

Именно благодаря божественному покровительству «обитатели Тройного города подчинили себе все миры»[2]. Жители Атлантиды также создали «удивительное по величине и могуществу царство, чья власть простиралась на весь остров, на многие другие острова и на часть материка, а сверх того, по эту сторону пролива они овладели Ливией вплоть до Египта и Европой вплоть до Тиррении»[3]. Оба города представлены как мощные процветающие империи, ведущие активную экспансионистскую политику по отношению к соседним народам и государствам.

Однако в мифологии истории действует принцип циклической смены подъемов и падений. Индийский миф повествует о падении Трипуры как следствии гордыни

[1] Там же. С. 515.
[2] Махабхарата. Книга восьмая... С. 85.
[3] *Платон.* Указ. соч. С. 429.

и утраты асурами божественного совершенства. «С той поры навсегда исчезли из города Майи и счастье, и покой, и доверие, и дружба. Зависть, алчность и злоба поселились в душах асуров, глаза их стали красными от постоянного гнева и недовольства. Раздоры и драки вспыхивали в Трипуре ежечасно, и нелегко было Майе водворить мир и порядок среди своих подданных, с некоторых пор одержимых каким-то безумием. Асуры стали пренебрегать обрядами, они подвергали жрецов гонениям и чинили им всяческие притеснения и обиды. Храмы опустели, огни на алтарях погасли, жрецы, спасая жизнь, укрылись в тайных убежищах, и некому стало в Трипуре читать молитвы, петь гимны Брахме, приносить на алтари жертвы»[1]. Асуры совершенно перестали отличать хорошее от плохого, день от ночи, а их свирепые и кровавые набеги на соседей наводили ужас своей бессмысленной жестокостью. Все это говорит о захвате власти в городе лидерами воинской касты.

«Утерявши в алчности и ослеплении разум, принялись они без стыда и совести опустошать вокруг все населенные места. Всегда и всюду обращая в бегство богов с сопутствующими им сонмами, гордые обретенным даром, они бродили, где бы им ни захотелось. Столь милые сердцам небожителей рощи богов, святые обители мудрецов, жертвенные столпы, селения людей — все уничтожали, попирая границы, злокозненные данавы»[2]. О духовном падении асуров (детей Даны) сообщают и «Упанишады». «Майтри упанишада» говорит о них как об ослепленных, полных привязанностей, восхваляющих ложное, а в «Чхандогья упанишаде» о них говорится как о материалистах, почитающих «лишь тело»[3]. Это весьма любопытная историософская концепция. Утрата изначального сакрального Центра приводит к тому, что

[1] *Темкин Э. Н., Эрман В. Г.* Указ. соч. С. 191.
[2] Махабхарата. Книга восьмая... С. 85.
[3] Упанишады... С. 368, 613.

хотя священная Традиция и возрождается во вторичном Центре, но все же очень скоро деградирует, не имея связи с божественным Истоком.

Рассматривая проблему гибели цивилизаций, Ю. Эвола пишет: «Традиционная — органическая и артикулированная — концепция государства всегда отражала ту же естественную иерархию способностей, присущих человеку, взятому целиком, в которой чисто физический и телесный элемент управляется жизненными силами, подчиненными в свою очередь душевной жизни и характеру, а во главе всего организма стоит духовный и интеллектуальный принцип, который стоики называли верховным правителем души, гегемониконом»[1]. Это означает: когда асуры поставили в центр своей жизни материальные ценности, богатство и физическую силу, то они нарушили истинную иерархию бытия и отказались от высокой Традиции, что и стало причиной их упадка и демонической инволюции.

Те же идеи содержатся и в диалогах Платона. В «Тимее» говорится о «дерзости несметных воинских сил, отправлявшихся на завоевание всей Европы и Азии»[2]. «Удивительное по величине и могуществу царство» Атлантиды всю свою мощь бросило «на то, чтобы одним ударом ввергнуть в рабство и ваши и наши земли и все вообще страны по эту сторону пролива»[3]. Цари Атлантиды, как и повелители Трипуры, ведут несправедливую войну. Платон объясняет это тем, что в атлантах «истощилась унаследованная от бога природа» и добродетель в них ослабла[4]. Цари Атлантиды были потомками бога Посейдона и смертной женщины. Божественное и человеческое было поровну представлено в них, но постепенно ситуация ухудшалась.

---

[1] *Эвола Ю.* Лук и булава. СПб., 2009. С. 45.
[2] *Платон.* Указ. соч. С. 429.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 515.

Философ пишет: «Но когда унаследованная от бога доля ослабела, многократно растворяясь в смертной примеси, и возобладал человеческий нрав, тогда они оказались не в состоянии долее выносить свое богатство и утратили благопристойность. Для того, кто умеет видеть, они являли собой постыдное зрелище, ибо промотали самую прекрасную из своих ценностей; но неспособным усмотреть, в чем состоит истинно счастливая жизнь, они казались прекраснее и счастливее всего как раз тогда, когда в них кипела безудержная жадность и сила»[1]. Гибель добродетели и развращенность есть следствие смешения божественного и человеческого, когда человеческое, земное, материальное постепенно вытесняет божественное. В том случае, когда человек чувствует в себе божественные силы, но приписывает их лишь самому себе, он и впадает в гордыню, утрачивает божественный закон и должен быть наказан. Миф об Атлантиде несет в себе послание, что секрет величия расы лежит в естественном благородстве и в чистоте крови. Божественное происхождение атлантов и их сверхчеловеческие способности свидетельствуют, что бог обитает лишь в чистой крови. Как только божественная кровь смешалась с человеческой, атланты пришли в упадок, а их цивилизация погибла. Замечательно, что и «Бхагавадгита» предупреждает, что смешение каст «приводит к аду» (I, 41–42).

А. Вильяр отмечает, что «Атлантида Платона исчезла потому, что ее обитатели оскорбили богов»[2]. Это верный вывод. Как известно, мир был поровну поделен между богами. Зевс получил небо, Аид — подземный мир, Посейдон — океан и остров Атлантида. Другие боги также получили в свое владение разные страны. Так, Гефест и Афина получили в свой удел город Афины[3].

---

[1] Там же.

[2] *Villar A.A.* Predecir lo que esta ocurriendo // Triunfo — extra. 1972. № 489. P. 78.

[3] *Платон.* Указ. соч. С. 504.

Однако атланты, стремясь захватить все соседние государства, нарушили волю богов и должны быть за это наказаны. Так же оскорбили богов и асуры своей недальновидной воинственной политикой.

В ответ на вылазки асуров боги пошли войной на Трипуру. Само строительство тройного города было связано с древнейшей войной между богами и асурами. Об их соперничестве, переходящем в войну, постоянно свидетельствуют «Упанишады»[1]. Это древнейший военный конфликт, который произошел на прародине ариев и стал образцом для авторов «Махабхараты». После того как асуры начали нападать на соседние земли, боги решили «погубить нечестивцев»[2]. Миф сообщает, что «войско Индры уже подступило к стенам крепости, и вскоре закипела ожесточенная схватка между асурами и воинством неба»[3]. Армия богов несколько раз шла на приступ Трипуры, но все оказывалось бесполезно. Из всех богов только Шива имел достаточно сил, чтобы разрушить нечестивый город.

Как миф об Атлантиде, так и миф о Трипуре, несет в себе весть о космической войне. Асуры и атланты не просто одержимы идеей развязывания мировой войны, но именно в ней они видят основу своего владычества. Чувство жизни как борьбы переполняет души асуров и атлантов, а также живет в груди дэвов и греков, противостоящих им. Война предстает здесь как основа космического порядка, борьба оказывается сущностью мира. Оба мифа (не говоря уже о «Махабхарате» в целом) основываются на этом героическом борении, чему подчинена и вся композиция предания. Война асуров и дэвов или атлантов и греков — необходимое условие существования нашего последующего мира. Без войны не было бы ни мифа, ни его катастрофической развязки — гибе-

[1] См. например: Упанишады... С. 280.
[2] Махабхарата. Книга восьмая... С. 85.
[3] *Темкин Э. Н., Эрман В. Г.* Указ. соч. С. 194.

ли цивилизации в волнах океана по воле богов. *Война управляет замыслом мифа.* Ее безжалостная, страшная сила проявляется в самой сути мифа об изначальной працивилизации, раскрывает ее судьбу. Эта судьба раскрывается в трагической необходимости войны, которая начинается именно для того, чтобы привести Атлантиду и Трипуру к гибели.

Война между асурами и дэвами (как и война между атлантами и греками) была первой мировой войной в истории человеческой цивилизации. Ее результатом стало разрушение городов, уничтожение государств, гибель большей части человечества и целых народов. Никто не остался в стороне от этой войны. Напротив, все оказались втянутыми в нее, причем с самыми негативными последствиями для воюющих сторон. Высочайшая цивилизация на планете, царившая тогда, оказалась полностью стертой с лица земли, погрузившись на дно океана. Итогом войны было наступление длительной эпохи тьмы, упадка, политического и культурного хаоса, забвения цивилизации, одичания и массовой амнезии, которая вытравила из памяти человечества и саму эту цивилизацию, и причины ее гибели. Это был плачевный финал целой эры в истории человечества, от которого берет начало кривая дорожка современной цивилизации.

«Всемирная история — это история борьбы континентальных держав против морских держав и морских держав против континентальных держав», — отмечает К. Шмитт[1]. Военный конфликт между островной Атлантидой и континентальной Грецией отражает именно этот изначальный мифологический образец: конфликт земли и моря. Этот конфликт двух стихий делает военное противостояние двух держав более напряженным в психологическом плане, заставляет бессознательное в

[1] *Шмитт К.* Номос земли в праве народов jus publicum europaeum. СПб., 2008. С. 579.

Рис. 9. Шива на быке Нандине (XIX в.)

человеческой психике вибрировать и энергично отзываться. Здесь заложены основы последующих европейских и мировых конфликтов вплоть до наших дней.

«Матсья Пурана» и особенно «Махабхарата», будучи эпическими повествованиями о великой войне, довольно подробно описывают военные действия между богами и асурами. Также и для Платона очень важно отразить подвиг сограждан, показать их роль в уничтожении великого, но враждебного Афинам государства. Философ воспевает подвиги афинского государства, которое «положило предел дерзости несметных воинских сил»[1]. В этом грекам помогал сам царь богов: «И вот Зевс, бог богов, блюдущий законы, хорошо умея усматривать то, о чем мы говорили, помыслил о славном роде, впавшем

[1] *Платон.* Указ. соч. С. 429.

в столь жалкую развращенность, и решил наложить на него кару, дабы он, отрезвев от беды, научился благообразию. Поэтому он созвал всех богов в славнейшую из их обителей, утвержденную в средоточии мира, из которой можно лицезреть все причастное рождению, и обратился к собравшимся с такими словами...»[1] Далее, как известно, текст диалога «Критий» обрывается потому, что он был то ли утрачен, то ли не закончен.

Неизвестную часть мифа об Атлантиде можно восстановить благодаря мифу о Трипуре. Боги собрались на совет и обратились за помощью к Шиве (рис. 9). По его просьбе они создали космическую колесницу, у которой земля была основанием, гора Меру — сиденим, гора Мандара — осью, солнце и луна — золотым и серебряным колесами, небесная твердь — передком, а сам Брахма — возничим[2]. Несколько дней продолжалась финальная битва. Наконец время пришло. «Тогда Шива взял в руки свой грозный лук, наложил на тугую тетиву стрелу, неотвратимую, как Яма, бог смерти, и пустил ту стрелу в неприступную крепость Трипуру. Через мгновение раздался страшный гром в вышине, небо запылало золотым огнем над гибнущей Трипурой, и твердыня асуров, вспыхнув, как смоляной факел, рухнула в пучину океана. А развалины славной крепости Майи навсегда опустились на дно морское и вместе с ними все подданные могучего владыки асуров»[3].

Так описывает гибель «вторичной» Трипуры «Матсья Пурана». «Махабхарата» повествует об этом эпическом событии в следующих словах: «Натянув волшебный лук, владыка, повелитель вселенной, пустил ту стрелу, наилучшую в трех мирах, прямо в Тройной город; и, испепелив ею полчища асуров, он поверг [их] в западный океан. Так разъяренный Махешвара, радея о благе

[1] Там же. С. 515.
[2] *Темкин Э. Н., Эрман В. Г.* Указ. соч. С. 193.
[3] Там же. С. 199.

трех миров, сжег тот Тройной город и всех без остатка данавов»[1]. Мы видим, что именно «вторичная», «западная» Трипура была действительно уничтожена богами, и земля, на которой она находилась, погрузилась на дно океана в результате катаклизма.

История гибели западной Трипуры — это и есть история гибели Атлантиды. В версии Платона стрелу-молнию в нее мог метнуть сам Зевс. Гибель же острова-континента произошла в результате землетрясения и наводнения. В разных местах диалогов «Тимей» и «Критий» философ говорит то о «самом большом и разрушительном наводнении», то о том, что остров «провалился вследствие землетрясений и превратился в непроходимый ил», то о том, что «одновременно с землетрясением разразился неимоверный потоп», причем, когда «пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, <...> Атлантида исчезла, погрузившись в пучину»[2]. В целом, как видно, в обоих преданиях называется одна и та же причина гибели Трипуры и Атлантиды — катастрофическое землетрясение и опускание города на дно океана. Только в индийской версии добавляется причина этой катастрофы — смертоносная стрела, пущенная Шивой. Возможно, что о том же говорилось и в неизвестной части диалога Платона.

Существенно важным оказывается и образ Клейто. Она, как видно из мифа, была не только прародительницей царей Атлантиды и супругой Посейдона, но и Великой жрицей, жившей в центральном храме острова. Это соответствует древней индоевропейской традиции, в которой, по словам Г. Вирта, культ «находится в руках женщин»[3]. Этот культ относится к глубокой древности. Вирт утверждает, что культ «матери народа», «белых

[1] Махабхарата. Книга восьмая... С. 90.
[2] *Платон.* Указ. соч. С. 427, 430, 503, 506.
[3] *Вирт Г.* Хроника Ура Линда: Древнейшая история Европы. М., 2007. С. 276.

жриц» «принадлежит изначально культуре мегалитических гробниц широкого круга Северного моря»[1]. Фигура Великой Матери, «белой жрицы» находится в вершине культа и призвана возглавить сакральный порядок и сохранять его чистоту, передавая эту высокую традицию в неприкосновенности из поколения в поколение. Как замечает Вирт, главное наследие «белых дам» — это «священное Знание о великом Законе Жизни Божией, присутствующем во всем наличном Бытии...»[2]. Это универсальный Закон, ведущий человека к Богу. «Белая жрица», являясь супругой бога, становится «водительницей душ», проводником человека в Абсолют. Эта европейская Традиция, сохраняясь в атлантическом мифе, становится основополагающей структурой человеческой души (анима открывает путь к Самости).

Дополнительную информацию можно получить из предания кельтов о городе Ис. Затопление города было спровоцировано поведением Даут, дочери царя Градлона. Она похищает у отца золотой ключ от шлюзов и отдает его своему демоническому возлюбленному. Тот открывает шлюзы, и ворвавшиеся морские воды затапливают город Ис. Следует заметить, что миф о городе Ис несет в себе именно атлантическую, а не гиперборейскую традицию. В одной из версий мифа принцесса Иса Даут (или Дау) — невеста Океана, подобно тому, как Клейто была женой Посейдона. В финале истории она открывает шлюз, и разбушевавшиеся воды поглощают Ис, а Даут, которая пыталась спастись на коне вместе со своим отцом Градлоном, падает в объятия Океана, который успокаивается, получив свою возлюбленную[3]. Ключ, которым были открыты двери шлюза и нарушена сакральная целостность города, возможно, отголосок стрелы-молнии, разрушившей вторую Трипуру. Само

[1] Там же. С. 282.
[2] Там же. С. 322.
[3] *Шюре Э.* Великие легенды Франции. М., 2004. С. 190–197.

название города Ис восходит к слову *is*. Город Ис, Ker-Is, — это «Низкий Город»[1]. В преданиях город располагается в низине и огорожен от моря высокой дамбой. Огромный порт с многочисленными гаванями связывает город с морем. В будущем город Ис поднимется из вод, но в то же мгновение Париж будет поглощен водами, так как Париж — антитеза Иса. Париж — Par-Is, «подобный Ису», «равный Ису», но «двух Исов» на земле быть не может[2]. Также скандинавская сага «Атлаквит» («Наказание страны Атла») повествует о трагедии, похожей на ту, что описывает Платон. Особое внимание в ней уделено разрушительной роли, которую сыграли «враждебные кометы». Сага «Атламал» («Рассказ о стране Атла») сообщает о гибели мира, произошедшей из-за разрушительного пожара, от войн и всеобщего наводнения[3]. Все эти предания восходят не просто к одному общему корню, но и описывают одно и то же событие.

Можно с уверенностью констатировать, что схема мифов о Трипуре и Атлантиде едина. Более того, они часто совпадают в самых мелких деталях. Все эти совпадения означают, по существу, генетическое родство двух преданий. Не будет ошибкой, если мы скажем, что перед нами два варианта одного и того же мифа, общего для индоевропейской сакральной традиции. Дополнительными доказательствами этой версии могут послужить разъяснение троичной структуры Атлантиды—Трипуры и выявление божественной природы ее жителей.

Как известно, Трипура состояла из трех городов, построенных тремя братьями — Таракакшей, Камалакшей и Видьюнмалином. Троица эта была не только основателями городов, но и, судя по всему, прародителями их жителей, основателями трех групп, населявших каждая свою часть Трипуры. В эпосе подчеркивается неравен-

[1] *Маркаль Ж.* Указ. соч. С. 215.
[2] Там же. С. 214.
[3] *Джоэеф Ф.* Уцелевшие атланты. М., 2008. С. 254.

ство этих городов. Тот, что стоял на земле, был сделан из железа; тот, что находился в воздухе, был сделан из серебра и из золота был создан тот, что стоял на небе. Эти три иерархически подчиненные группы соответствуют трем основным кастам (варнам) индоариев — брахманы (жрецы), кшатрии (воины), вайшьи (свободные ремесленники, земледельцы и купцы). Члены этих трех каст считались дваждырожденными, поскольку принимали участие в инициации и, собственно, только они и могли называться ариями — благородными. Четвертая каста — шудры (рабы) — противопоставлялась трем первым и состояла из коренных жителей Индии, покоренных ариями.

Можно согласиться с мнением Л. Дюмона, который представлял «четырехчленное деление позднего ведического общества как результат приращения четвертой категории к трем первым, которые соответствуют тройственному индоевропейскому разделению социальных функций»[1]. С тем, что у индоариев изначально существовали три варны, а четвертая образовалась позже, согласно большинство исследователей культуры Индии (Э. Арнольд, С. Ольденбург, Н. Тютчев и др.)[2]. Точно так же на три касты — жрецов (друидов), воинов и скотоводов-пахарей — делилось и кельтское общество[3]. Нет сомнения, что троичная социальная структура есть древнейшая традиция для всего индоевропейского племени. Ее возникновение относится еще к эпохе изначального единства. Этому делению должно было быть подчинено и строение города, в котором каждая каста жила бы отдельно от другой и выполняла свои функции.

---

[1] *Дюмон Л.* Homo hierarchicus: опыт описания системы каст. СПб., 2001. С. 93.

[2] Все об Индии. Сборник. В 2-х т. Т. 1. М., 2002. С. 19, 107, 395.

[3] *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. В 3-х т. Т. 1. М., 2002. С. 179.

Именно по этому принципу была создана и Атлантида. Платон, говоря о кастах, выделял сословие жрецов, сословие ремесленников, к которому близки сословия пастухов, охотников и земледельцев, и сословие воинов[1]. Описывая три круга Атлантиды, он упоминает, что в центре жили жрецы, служители культа Посейдона, воины жили во всех трех кругах, но делились на более и менее надежных, а в третьем, внешнем, кольце обитали купцы и работники, обслуживающие корабли[2]. Становится совершено ясно, что тройственная структура Атлантиды — не прихоть архитектора и не вымысел Платона. Как три города Трипуры, так и три круга Атлантиды соответствуют трем кастам индоевропейцев и служат местом их проживания.

Это описание Атлантиды прямо соотносится с так называемой тройной друидической оградой, представлявшей собой три вписанных друг в друга квадрата, соединенных четырьмя линиями под прямым углом[3]. Р. Генон при этом замечает, что круглая форма столицы Атлантиды закономерно могла перейти в квадратную. Он пишет, что «круглая форма должна представлять точку исхождения традиции, что и имеет место в случае Атлантиды, а форма квадратная — точку ее возврата, соответствующую структуре производной традиционной формы»[4]. В то же время он считает, что три ограды свидетельствуют о «трех ступенях посвящения» в друидической иерархии[5]. При этом Генон полагал, что варны в индийском обществе — это «качества», «обозначения индивидуальной природы», своего рода этапы духовного роста в обряде посвящения[6]. В этом смысле сословное,

---

[1] *Платон.* Указ. соч. С. 428.
[2] Там же. С. 511–512.
[3] *Генон Р.* Символы священной науки. М., 2002. С. 104.
[4] Там же. С. 108.
[5] Там же. С. 105.
[6] *Генон Р.* Избранные сочинения: Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М., 2003. С. 369.

духовное и инициационное деление общества представляет собой единую стройную систему, выраженную в Атлантиде и в Трипуре архитектурными средствами. Такое деление — основа сакральной архитектуры священных городов и совершенного государства.

Представляя историю в виде смены власти четырех основных каст, Ю. Эвола отмечает, что «цивилизации чисто героически-сакрального типа можно найти лишь в более или менее доисторический период арийской традиции. Затем последовали цивилизации, управляемые не духовными лидерами, а представителями воинской касты»[1]. Переломный момент смены власти первой касты второй в мифах часто предстает в виде «первой войны» между богами и титанами. Эвола так описывает выросшее из этого первого конфликта общее понимание войны: «Для древних арийцев война как таковая означала вечное сражение между метафизическими силами. С одной стороны находилось светлое олимпийское начало, солярная и ураническая (небесная) реальность; с другой — жестокое насилие титано-теллурического начала, варварское в классическом смысле этого слова, феминно-демоническая сущность»[2]. В этой войне арии всегда считали себя сторонниками «олимпийского начала», хотя в эпосе речь идет на самом деле о конфликте между кастами.

Следует признать, что война между дэвами и асурами в «Махабхарате» — это описание той самой первой войны между двумя кастами — жреческой и воинской. Она предстает в древнеиндийском эпосе как противостояние божественных и титанических сил. Откровенно выраженная агрессивность асуров (как и атлантов) показывает, что происходит, когда власть из рук жреческой касты попадает в руки касты воинов, а занявшая главенствующее место животная воля остается без выс-

[1] *Эвола Ю.* Метафизика войны. Тамбов, 2008. С. 83.
[2] Там же. С. 95.

шего контроля со стороны носителей чистого духовного авторитета. Сам по себе дух более не представляет собой центральную и наивысшую точку опоры героя. В этой ситуации на место ценности катарсиса, завоевания бессмертия и аскетизма воина встает этика верности, чести и долга, а сакральная природа героического поведения и опыт духовного восхождения сменяются борьбой за интересы своего племени, за славу и богатство.

Этот первый акт исторической драмы уже представляет ее главный закон — инволюционный спад. Война здесь предстает как непримиримый конфликт двух различных каст, двух форм миросозерцания. Поэтому примирения между ними быть не может. Одна сила совершенно не понимает другую и полностью отвергает ее ценности. Возможна только полная победа одной стороны и такое же полное уничтожение другой. Это война не за территорию, даже и не за богатство, а за высший принцип цивилизации, за утверждение *своей* духовности.

Асуры, населяющие Трипуру, представлялись в индийской мифологии демонами. Довольно подробно об их сущности написал Шри Ауробиндо: «В Веде Титаны или Асуры — это просто души недисциплинированной мощи. Это те, кто опирается не на свет и покой, но на *асу (asu),* витальную силу и мощь, составляющую основу всего энергического и порывистого чувства и действия. Своевольные существа, движимые страстью чувств, ни с чем не считаясь, яростно преследуют ложную цель желания или, движимые страстью интеллектуальных убеждений и верой, слепо преследуют ложную идею веры, они идут по пути своей веры только потому, что это их путь титанической привязанности колоссального, хотя возможно, и возвышенного эгоизма. <...> Их падение обусловлено собственной массой, их губит избыток величия»[1]. Он также считает, что «асуры есть ангелы мощи, силы

[1] *Шри Ауробиндо.* Собр. соч. Т. 4. С. 361–362.

и яростной борьбы — своенравность характера для них, как необузданная ярость самопотворства характера для родственных им ракшасов. Это своенравие способно дисциплинировать себя, но оно всегда безмерно и неистово, даже в дисциплине, и всегда основано на колоссальном эгоизме. Они ведут титаническую борьбу за то, чтобы навязать этот эгоизм всему, что их окружает»[1].

Но так было не всегда. В древнейших «Упанишадах» утверждается, что боги и асуры произошли от одного божественного предка. Они были братьями, «и боги моложе, асуры — старше»[2]. В Ведах понятие «асура» используется для любого бога, даже для Дьяуса, Индры, Митры, Агни или Варуны. Асуры — древние, изначальные боги, «самые первые», и это слово, по мнению М. Элиаде, «относится к сакральным силам, действующим в ситуации первичного мира»[3]. В. Уилкинс полагал, что слово «асура» означает «Верховный Дух», а корень «ас» — «дух» или «Великий Дух» (от «асу» — «дыхание»)[4]. З. Рагозина убеждена, что эпитет «асура», присоединенный к имени бога небесного света Дьяуса, «указывает на непомерную древность этого, по всей вероятности, первобытнейшего арийского культа» и обозначает вообще все добрые силы[5]. М. Мюллер считал, что слово «асура» означает «дающий жизнь»; «асура» — живой, оживляющий бог[6]. Е. П. Блаватская отмечала: «Эзотерически Асуры, превращенные впоследствии в злых Духов и низших Богов, вечно находящихся в состоянии войны с Великими Божествами — есть Боги Тайной Мудрости»[7]. Вряд ли поэтому можно согласиться

---

[1] *Шри Ауробиндо.* Собр. соч. Т. 5. Упанишады: Кена и другие. СПб., 2002. С. 394.

[2] Упанишады... С. 72.

[3] *Элиаде М.* Указ. соч. Т. 1. С. 185.

[4] *Wilkins W. J.* Mitologia hindu, vedica y puranica. Barcelona, 1980. P. 415, 417.

[5] Все об Индии... Т. 2. М., 2003. С. 52.

[6] *Мюллер М.* Введение в науку о религии. М., 2002. С. 107.

[7] *Блаватская Е. П.* Тайная доктрина: В 2-х т. М., 1992. Т. 2. Кн. 4. С. 627–628.

с точкой зрения, изложенной П. Томасом, что асуры как противники «молодых богов» — это воспоминание индоариев о неарийских народах и особенно об ассирийцах, с которыми они враждовали[1]. Без сомнения, это понятие значительно более древнего происхождения и восходит к временам индоевропейского единства.

Доказательством служит наличие корня «ас» в именах или названиях богов у разных народов индоевропейского племени. Прежде всего, стоит обратить внимание на иранскую мифологию. В ней мы находим класс божественных существ, названных «ахура», которые также считались старшими богами и противопоставлялись «дэвам» — демонам (в Индии это слово служило для обозначения группы младших богов). Слово «ахура» означает «Владыка, Господь» и используется в качестве первой части в имени верховного бога иранской мифологии — Ахурамазды, что означает «Господь Всеведущий»[2]. Следует отметить, что у Ахурамазды есть брат-близнец Анграманью (Ахриман), бог зла, с которым добрый бог постоянно воюет[3]. Однако в мистическом плане оказывается, что Ахурамазда и Ахриман — один и тот же бог. Этот культ единого бога, разделяющегося на два противоположных начала, совершенно очевидно имеет полярное происхождение. Он восходит к культу полярного солнца, которое, будучи одним, половину года освещает небосвод, несет добро, является «живым», а другую половину года — скрыто, является «мертвым», и поэтому «злым».

Существовали даже два типа сакральных языков — «язык птиц», относящийся к дневному солнцу, и «язык змей», относящийся к ночному солнцу. Известно, что асуры поклонялись богу Нагу. Шри Ауробиндо отмеча-

---

[1] *Томас П.* Индия. Эпос, легенды, мифы. СПб., 2000. С. 144.

[2] Мидия. Персия. Иран. Древние царства Востока. Сборник. М., 2003. С. 300.

[3] Там же. С. 293–294.

ет, что Асуры «подчинили человека в себе Нагу, змию. Нага есть символ таинственной, связанной с землей силы в человеке. Пусть он — мудрейший из тварей земных, но все же он земная тварь, а не крылатый Гаруда...»[1]. Нага и Гаруда, носители змеиного и птичьего языка, воплощали культ ночного и дневного солнца. Изначальная «война богов» могла быть воспоминанием о соперничестве двух культов — дневного и ночного солнца. Поэтому Тилак пишет: «Асуры (враги богов) используют ночь как укрытие, а боги под покровом дня стремятся изгнать их из области мрака»[2]. Таким образом, асуры предстают перед нами как арктическое божества, боги полярной ночи и тьмы.

В скандинавской мифологии параллелью асуров служат асы — основная группа богов, возглавляемая Одином. Асы — изначальные нордические божества, противопоставленные более поздним ванам — группе богов плодородия, с которыми они воюют[3]. Место жительства асов — город Асгард. Египетский бог Осирис (Ас-ир) также в своем имени несет корень «ас» и является параллелью иранского Ахуры. Только в Иране Ахура — бог дневного солнца, а в Египте Асир — бог ночного солнца, «мертвого» солнца, в то время как Ра — бог дневного светила. Такая инверсия значения одного и того же бога у разных народов вполне возможна (вспомним, что в Иране ахуры — боги, а дэвы — демоны, в то время как в Индии все наоборот). На самом деле это свидетельствует о глубочайшей древности божества. С его культом связаны и асилки (осилки) — великаны-богатыри в восточнославянской мифологии. В предании говорится, что, возгордившись своей силой, асилки стали угрожать богу, за что были им уничтожены[4]. Это явный осколок

[1] *Шри Ауробиндо.* Собр. соч. Т. 4. С. 362.
[2] *Тилак Б. Г.* Указ. соч. С. 229.
[3] *Элиаде М.* Указ. соч. Т. 2. С. 135–136.
[4] Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 37.

мифа об Атлантиде, сохранившийся у славян. В целом же корень «ас» несет в себе понятие святости, света, божественности[1].

Некоторые исследователи рассматривают слово «Атлантида» (Atlantida, Atlantis) как сложное, состоящее из двух частей. Первая часть (At) — имя собственное, название племени (как Иран — «страна ариев»). Вторая часть (lant) — искаженное слово «land», «земля»[2]. В таком случае Атлантида — это «земля атов» или «земля асов» (звуки t и s взаимозаменимы в языке). Атлантида как «страна атов (асов)» — это и есть священная земля индоевропейцев, пришедших туда после гибели изначальной полярной прародины и поклонявшихся асам-асурам. То же относится и к Трипуре — столице асуров.

Однако к какому времени относятся описанные в мифе события? Принято оспоривать дату, названную Платоном (за 9 тысяч лет до поездки Солона в Египет — середина 10-го тысячелетия до н. э.). Сам философ несколько раз называет эту дату[3]. Значит, он настаивал на ней, а не ошибся при переводе египетских цифр на греческие. Возможно, что религиозный культ, которого придерживались цари Атлантиды, описанный в диалоге «Критий», поможет с периодизацией. Платон сообщает, что цари ловили быка, пасущегося в роще Посейдона, и приносили его в жертву так, чтобы кровь животного стекала по стеле со священными письменами. После этого плоть быка сжигали, а кровь смешивали с вином и пили[4]. Причастие кровью жертвенного животного — это основа религиозного культа Атлантиды.

Атланты обожествляли быка, и это само по себе относит нас к «эре Тельца», когда солнце в определенный

---

[1] *Бейли Г.* Потерянный язык символов. М., 1996. С. 258, 279.

[2] *Gonzalez H. J.* La Atlantida duerme bajo el Triangulo // Elite. Caracas. 22. 04. 1977. P. 37.

[3] *Платон.* Указ. соч. С. 428, 503, 505.

[4] Там же. С. 514.

день занимало положение в созвездии Тельца. Однако здесь есть один важный момент: обряд жертвоприношения завершался с наступлением ночи, когда и происходило главное таинство — суд царей. Жертвоприношение было необходимо как средство очищения, но центральным пунктом ритуала был именно ночной суд. Жертвоприношение было лишь подготовкой к главному таинству. Оно совершалось, «когда пир и необходимые обряды были окончены, наступала темнота и жертвенный огонь остывал, все облачались в прекраснейшие иссиня-черные столы, усаживались на землю при клятвенном огневище и ночью, погасив в храме все огни, творили суд и подвергались суду, если кто-либо из них нарушил закон...»[1]. То, что мистерия совершалась ночью, означает, что культ быка связан не с датой весеннего равноденствия (когда солнце восходит в созвездии Тельца), а с зимним солнцестоянием (соответствующим в сутках полуночному времени).

Этот вывод подтверждается замечанием Генона, который вслед за Г. Виртом считал именно дату зимнего солнцестояния отправной точкой и основой полярного календаря и всей примордиальной Традиции. Он писал: «Начальной точкой, которую можно назвать нормальной, находящейся в непосредственном согласии с изначальной Традицией, является зимнее солнцестояние; факт начала года в одном из равноденствий означает связь со вторичной традицией, такой как атлантическая»[2]. Это означает, что цари Атлантиды сохранили память о полярной прародине, об арктическом календаре и изначальной Традиции. Они, как это видно, практиковали культ «ночного», «мертвого» солнца, пребывающего в день зимнего солнцестояния в преисподней и вершащего суд над людьми. Так и

[1] Там же.

[2] *Генон Р.* Избранные произведения: Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира... С. 41.

Осирис, будучи «ночным солнцем», является и судьей в мире мертвых.

Если эра Тельца относится к точке зимнего солнцестояния, то легко установить подлинное историческое время. Как видно на зодиакальной таблице, пребывание солнца в день зимнего солнцестояния в созвездии Тельца приходится на ту же эпоху, когда в день весеннего равноденствия оно всходило в созвездии Льва[1]. Эра Льва в точке весеннего равноденствия приходится на время с 10 970 по 8810 г. до н. э. Стоит заметить, что в эту эпоху происходит обожествление льва в додинастическом Египте, что и приводит к созданию Сфинкса[2]. Это и есть проявление вторичной «атлантической» традиции. Цари атлантов в это же время придерживаются тайного культа быка, продолжая Традицию полярную. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что хронология, указанная Платоном (середина 10-го тысячелетия до н. э.), вполне соответствует действительности и связана с датой зимнего солнцестояния в созвездии Тельца.

С созвездием Тельца косвенно связано и название Атлантиды. Атлантиды — дочери Атланта — на ночном небе были представлены звездной группой Плеяды, входившей в созвездие Тельца. Известно, что Плеяды имели особое значение для многих народов мира и с ними связан астральный календарь[3]. В славянской мифологии Плеяды назывались Велесожары и считались дочерьми бога крупного рогатого скота Велеса. Он же и является на небе в виде созвездия Тельца. Одна из дочерей Атланта — Келено — стала возлюбленной Посейдона и родила от него Лика. Бог поселил Лика на Островах Блаженных[4]. Возможно, это один из осколков эпоса об Атлантиде.

---

[1] *Geddes Sh.* Astrologia. Barcelona, 1978. P. 67.
[2] *Benavides R.* Op. cit. P. 79, etc.
[3] *Телегин С. М.* Мифология восточных славян. М., 1994. С. 30–31.
[4] *Аполлодор.* Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 62.

Жертвоприношение быка позволяет связать культы царей атлантов с общими для индоевропейцев мифами о Митре. Уже в древнейших преданиях Митра почти никогда не появляется один, но всегда только в паре с богом Неба. В Индии пару ему составляет Варуна, а в Иране — Ахурамазда. И тот и другой бог несут в своем имени древний корень «ur», что указывает на их изначальность и трансцендентность. В таком случае Митра как бог солнечного света выступает в мифе в качестве сына изначального трансцендентного бога-творца. Митра неразрывно связан с ним и служит его проявлением в нашем мире. Эта первичная схема мифа могла появиться лишь там, где, собственно, и зародился солярный культ индоевропейцев — на полярной прародине. Митра — полярное божество, он первым поднимается над горой Березайти (Центр Мира, Полюс) и оттуда обозревает весь вещественный мир[1]. Его можно сравнить с нордическим Вотаном. М. Серрано замечает, что «Митре присущи несомненные признаки вотанизма»[2]. Будучи выразителем идеи договора, Митра выступает посредником между Творцом и творением и устанавливает завет между людьми и трансцендентным Отцом. Это полярное откровение высокого уровня.

Наиболее известным из всех эпических деяний Митры был поединок с быком, первым космическим существом, созданным Ахурамаздой. Это древнейший миф, восходящий к самым истокам арийской цивилизации, к эпохе охотничьих или скотоводческих культур. Стоит заметить, что и цари Атлантиды ловили быка «без применения железа, вооруженные только палками и арканами»[3]. Это воспоминание о древней доземледельческой эпохе и об охотничьих культах. Митра вскакивает на быка и, несмотря на сопротивление дикого животного, приводит в свою пещеру. Быку удается убежать, но герой снова

[1] Мидия. Персия. Иран... С. 234, 303, 327.
[2] *Серрано М.* Воскрешение героя. М., 1994. С. 19.
[3] *Платон.* Указ. соч. С. 514.

ловит его и приносит в жертву. В этот момент происходит чудо преображения: из частей тела быка появляются полезные травы и растения, среди них особенно важны пшеница и виноград[1]. Жертвоприношение быка должно воздействовать на урожай и даровать изобилие продуктов. С этими целями, как видно, и совершали свой тайный ритуал цари Атлантиды. Их страна славилась урожаями, но плодородие земли должно поддерживаться подобными мистериями. Виноград, появившийся из крови быка, и есть божественный дар вина, которым цари Атлантиды причащались, смешав его с кровью жертвенного животного.

Жертвоприношение быка связывает культ Митры с эрой Тельца. Как известно, день рождения этого солярного божества приходился не на весеннее равноденствие, а на день зимнего солнцестояния. Суть мифа в том, что Митра как бог солнца в день зимнего солнцестояния приносит в жертву космического быка, чтобы обновить космос, возродить его для нового годичного цикла. В мистическом плане Митра и есть этот самый жертвенный бык. Он приносит себя в жертву ради спасения мира. Мережковский метко подметил, что в таинстве, совершаемом царями Атлантиды, главное — «вкушение от сырого жертвенного мяса, как от божеской крови и плоти, ибо теургическая сила таинства заключается в пресуществлении закалываемой жертвы в плоть и кровь самого бога»[2]. Вкушая кровь быка, цари приобщались к крови своего бога. Серрано пишет об этом ритуале: «Кровь быка превращается в кровь Митры. Потом он ест и дает другим мясо быка, также пресуществленное в его собственную плоть»[3]. Здесь кровь быка освящается и превращается в кровь бога, в напиток вечной жизни. Принимая во время ритуала кровь бога, цари Атлантиды

[1] *Кюмон Ф.* Мистерии Митры. СПб., 2000. С. 174–178.
[2] *Мережковский Д. С.* Указ. соч. С. 255.
[3] *Серрано М.* Указ. соч. С. 19.

сами преодолевали свою человеческую природу, переживали акт обожения.

Это подлинно полярная Мистерия. Поскольку в ней созвездие Тельца оказывается связано с днем зимнего солнцестояния, то ее зарождение должно быть отнесено к началу 11-го тысячелетия до н. э. Кроме всего, Митра — воин, покровитель воинской касты и бог войны[1]. Именно поэтому его культ считался царским, а цари Атлантиды, воевавшие со всем миром, поклонялись ему. Речь идет здесь о царском или воинском героическом посвящении явно доземледельческого происхождения. Атлантида, как мы видим, не являлась родоначальницей традиции, но сохранила изначальную Традицию после гибели полярной прародины и передала ее индоевропейским народам. Эта же идея выражена и в мифе о двух Трипурах — полярной и западной.

Ж. Маркаль справедливо называет культ царей Атлантиды варварским, далеким от греческой утонченности: «Этот культ, похоже, намного ближе к тому, что мы знаем о доисторических обрядах, таких, как обряды мегалитических народов, чем к сложным священнодействиям греков»[2]. Корни религии атлантов уходят в далекий каменный век. Она основана на темной, ночной мистике пещер и подземелий. Так, одной из ярких особенностей мадленской культуры было наскальное изображение быка, охоты на него или ритуального убийства и жертвоприношения. Один из рисунков, относящийся к 10-му тысячелетию до н. э. (мадлен IV, или поздний мадлен), в пещере Ласко (департамент Дордонь, Франция) изображает раненого самца бизона (рис. 10), тело которого пронизало копье, вошедшее в анальное отверстие и вышедшее через половой орган. Перед ним на земле лежит мужчина в птичьей маске и с возбужденным фаллосом. Позади него

[1] Мидия. Персия. Иран... С. 304.
[2] *Маркаль Ж.* Указ. соч. С. 209.

Рис. 10. «Сцена с раненым бизоном» (пещерная живопись, верхний палеолит). Пещера Ласко. Франция

в землю воткнут посох, на вершине которого установлено изображение или чучело птицы. Человек в птичьей маске — жрец, изображающий божество с головой птицы (Гор, птицечеловек). Раненый бизон стал не просто объектом охоты, а именно ритуального убийства.

Характерна деталь: бизон изображен реалистически, в то время как человек — схематично (тело в виде длинного огурца, ноги и руки — кривыми линиями — палками). Это означает, что изображен не собственно человек, а дух, тотемное божество. Бизон, хотя и ранен, нападает на птицечеловека. Однако напряженный фаллос свидетельствует не о том, что «жрец» убит, а о готовности слияния с животным в тотемическом ритуале. Особенности раны, вертикально установленный посох и напряженный фаллос птицечеловека свидетельствуют о фаллическом характере ритуального действа. Это ритуал утверждения жизненной силы, власти, фаллической энергии жреца, передачи ему плодотворящей силы принесенного в жертву животного.

Во многом ритуал схож с ритуалом, совершавшимся царями Атлантиды. Этот наскальный рисунок может

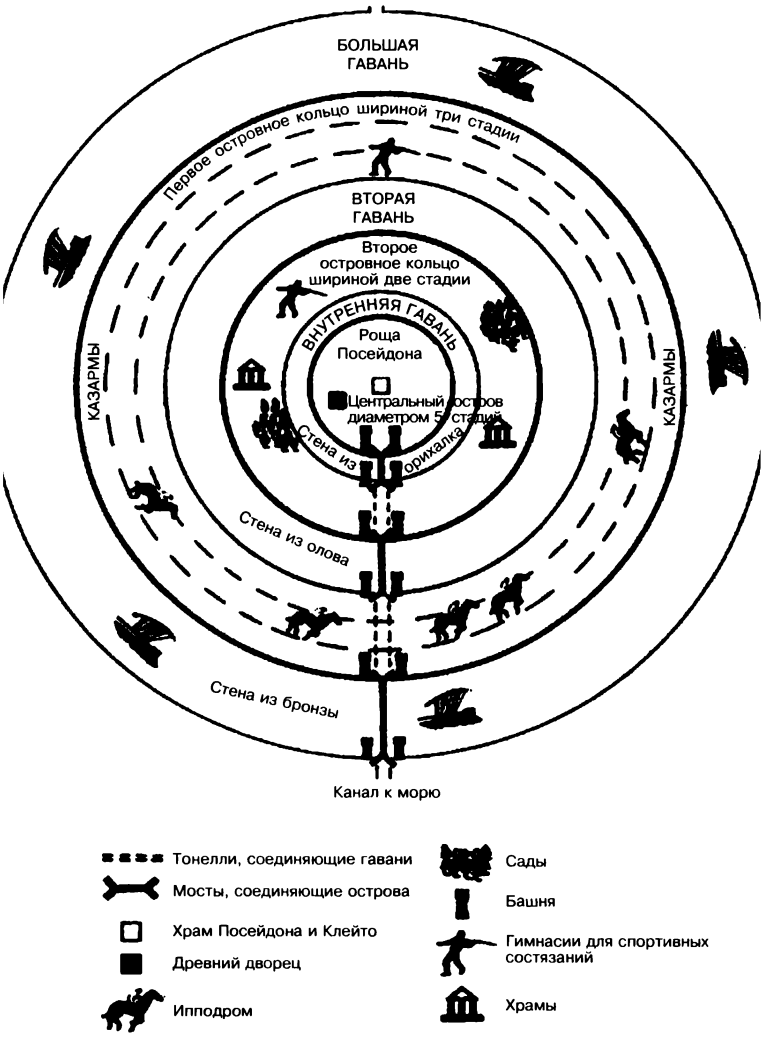

Рис. 11. План Посейдонии, столицы Атлантиды (реконструкция по описанию Платона, данному в диалогах «Критий» и «Тимей»)

быть использован как иллюстрация к обряду, описанному Платоном. Характерно, что мадленская культура погибла вскоре после создания этого ритуала — в 10-м тысячелетии до н. э.[1] Тогда же, когда погибла и Атлантида. Возможно, миф об Атлантиде описывает гибель цивилизации, повлиявшей на развитие мадленской культуры — первой высокоразвитой, духовно продвинутой европейской культуры, созданной кроманьонцем.

Как и Гиперборея, Атлантида воспроизводит древнейшую мифологему Золотого века. «Пленительность Атлантиды вполне согласуется с извечной мечтой человека о "другой жизни", счастливой и безмятежной», — отмечают С. Кокс и М. Фостер[2]. При этом мечта о более совершенном общественном устройстве и о месте с более благодатными климатическими условиями соединяется с трагическим чувством несправедливости и горькой неоправданности утраты, вызванным катастрофической гибелью Атлантиды (и Трипуры). «Поэтому, вероятно, — подчеркивают Кокс и Фостер, — идея "потерянной земли" и оказалась столь живучей»[3]. Соединение восторга от описания идеального общества совершенных людей с горечью невосполнимой утраты наделяет миф об Атлантиде невиданной энергией, которая, врываясь в человеческое бессознательное, пробуждает в нем вихревое, ураганное, круговое движение. Поскольку столица Атлантиды представлена в виде трех концентрических окружностей (рис. 11), соединенных крестом, то она представляет собой один из наиболее ярких образов-форм, или архетипов. Так как в мифе говорится, что Атлантида затонула, то это относит ее к сфере бессознательного. Круговая форма затонувшего города-прародины — архетип сверхсознания, скрытый в бессознательном. Тяга людей к мифу об Атлантиде —

[1] *Франкл Дж.* Археология ума. М., 2007. С. 153.

[2] *Кокс С., Фостер М.* Атлантида от А до Я. М.; Владимир, 2008. С. 12.

[3] Там же.

попытка обрести Самость, открыть ее в бессознательном. Каждый человек в своей жизни должен найти свою затонувшую Атлантиду. Этот инициационный поиск ложится в основу, например, «Повести об Атлантиде» советского писателя Ю. Г. Томина.

Притягательность мифа об Атлантиде заключается еще и в том, что он привносит в нашу жизнь тему опасности. Миф об Атлантиде погружает нас в пространство абсолютной опасности — война и катастрофа. Опасность гибели, опасность разрушения нашей цивилизации — одна из ведущих проблем современности. Опасность является оборотной стороной удовольствия, порядка, стабильности. Прогресс воспринимается как процесс усиления порядка. Опасность же представляется неразрешимым противоречием порядка. Она означает регресс, упадок, лишена осмысленности и, в силу этого, опасность связана с бессознательным, с неупорядоченными сторонами души. Опасность — торжество бессознательного. Именно этим она и притягательна.

Миф об Атлантиде, как и миф о Трипуре, — это миф боли. Он несет в себе боль, причем сразу в двух планах: боль как следствие войны и боль как следствие разрушения города. Атлантида — миф о боли, которая не преодолевается (как в сказке со счастливым финалом), а свершается и нарастает. Этим он несет в себе слепой характер угрозы, заявляющий о себе во все необычные, переходные, катастрофические эпохи. Эсхатологические настроения усиливаются, и в сознании людей неизбежно пробуждается образ Атлантиды, открывающий возможность всеобщего разрушения, полной гибели. Для гибнущей европейской цивилизации и для всего переживающего кризис индоевропейского племени оказывается притягательным образ великого государства, погибшего из-за внутренних противоречий. Именно «в такие эпохи, — по признанию Э. Юнгера, — вновь заявляет о

себе правоспоминание о затонувшей Атлантиде»[1]. Боль объясняет миф и открывает путь к реальности мифа об Атлантиде и Трипуре.

Изображение войны в этом мифе не просто дополняет или объясняет, но и стократно усиливает воздействие предания. Особенность всего мифа заключается в том месте, которое отводится в нем теме тотального разрушения. Божественная неотвратимость празднует свое торжество на фоне всеобщей гибели. Дар мифа об Атлантиде и Трипуре — утверждение боли как основы мироощущения. Боль Атлантиды предъявляет жизни требования. Трагический исход утверждает себя как основа самой жизни, как высшая форма сакрального бытия. Героический эпос об Атлантиде и Трипуре требует включения боли в сакральное качество жизни. Этим миф делает жизнь полноценной, подлинной.

Возможно, именно это осознание боли и есть открытие подлинного содержания мифа об Атлантиде–Трипуре, их новое обретение. Боль Атлантиды–Трипуры — это послание, направленное в наши души, и именно она делает нашу жизнь реальной. В этой боли открывается сакральная реальность Атлантиды-Трипуры как мифа. Человечество не может отказаться от мифа об Атлантиде, хотя это история боли, крушений, катастрофы и гибели. Именно скрытая в нем боль делает миф таким притягательным. Это боль и страдания по утраченной божественной прародине. Эта боль — и путь к возвращению на утраченную прародину.

Ряд исследователей придерживается мнения, что «Атлантида была выдумана Платоном для драматизации своих социально-политических аргументов»[2]. В свете представленных материалов и полученных данных с этим

---

[1] *Юнгер Э.* Рабочий: Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. СПб., 2000. С. 479.

[2] *Villalta L. A.* Ya se sabe donde se hundio la Atlantida // Creencias populares. 1980. № 6. P. 18.

нельзя согласиться. Детальный анализ параллельного мифа об Атлантиде и Трипуре позволяет сделать вывод, что он является общим для всех индоевропейских народов. Действительно существовал эпос об Атлантиде, и это предание — не фантазия Платона. Сравнительная мифореставрация позволяет восстановить неизвестные элементы мифа об Атлантиде, восполнив их соответствующими фрагментами из мифа о Трипуре. Описание созвездия Тельца подтверждает истинность хронологии, приведенной в диалогах Платона. Также средствами мифореставрации оказывается возможным установить основные черты культа «черного», «ночного» солнца, практиковавшегося царями Атлантиды и генетически близкого к культу Митры. При этом подтверждается вывод Генона, что миф об Атлантиде и сама атлантическая традиция вторичны по отношению к изначальной полярной Традиции. Все это вместе дает возможность не только по-новому прочесть миф об Атлантиде и снять многие вопросы, но и подтвердить историческую подлинность описанных в нем событий.

ЧАСТЬ II

КНИГА ПЕРВОГО ОТКРОВЕНИЯ

ГЛАВА 1

КНИГА ЗЕЛЕНОГО ЛУЧА

Осознание того, что «Пополь-Вух» является сакральным текстом, должно привести читателя к новому пониманию описанного в нем, к изменению точки зрения на прочитанное. Сакральный текст потому требует особенного отношения, что он создан не человеком, а является Откровением Бога в человеческом слове. Принципиально, что «Пополь-Вух» несет в себе примордиальную Традицию, у которой нет человеческого источника. *Адекватное понимание сакрального текста возможно только при условии признания того, что происхождение его является «не человеческим» и вневременным.* Он дарован Богом как изначальное Откровение. В силу этого метафизическая истина, представленная в нем, вечна, метаисторична и отражает принципы, имеющие высшее происхождение. Поскольку ценности, представленные в сакральном тексте, имеют сверхиндивидуальную и сверхисторическую природу, то и обращен он прежде всего к *абсолютному началу.*

«Вот начало...» Этими словами начинается «Пополь-Вух» (с. 9)[1]. Сакральный текст начинается «с начала». Это напряженное внимание к «началу» хорошо проком-

[1] Цитируется по изданию: Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана. М., 1993 («Литературные памятники»). В скобках указан номер страницы. Сверено с изданием: Popol Vuh. Las antiguas historias del Quiche. La Habana, 1986.

ментировал Ф. Ницше: «Прославлять начало есть чисто метафизическая потребность; она всплывает снова при рассмотрении истории и предполагает, несомненно, что в начале всего находится самое важное и существенное»[1]. В «Пополь-Вух» это начало «старинных преданий» (с. 9), начало времени, пространства и истории.

Начало творения, начало Бытия — это тот первый момент, до которого пространство и время не существовали, а тварному Бытию еще только полагалось начало. В то же время в сакральном тексте начало, из которого все вышло или было сотворено, — это и есть бог. *Изначальный* трансцендентный бог — это «до-всех-бытие», истинное начало мира. Начало означает запредельное, глубины собственного бытия Творца, лоно творения. Начало суть сокровенная глубина бога, никогда не сотворенное, являющееся как исходное божественное Ничто. Начало это ни с чем не связано, оно не относительно, но понимается только абсолютно, как *абсолютное начало Бытия*.

Творение из Начала означает исхождение Бытия из Абсолюта — из божественного Ничто. Творение *в Начале* означает, что Творец *в себе* возжелал создать и сотворил то, чего раньше не было. Отсюда Начало — это и первичная сфера творения, и изначальный импульс творения, объединенные в Абсолюте. Реальность Начала определяется реальностью самого бога, который в этот момент (в начале творения) впервые осознает себя в качестве Творца. Эта реальность Начала творения определяет и реальность всего сотворенного. Реальность сотворенного мира относительна и определяется тем, что сотворенное выходит из начала творения. Это значит, что вся реальность сотворенного мира и вся полнота творения изначально были заложены и пребывали в своем начале — в Абсолюте. Так начало, небытийное

[1] *Ницше Ф.* Странник и его тень. СПб., 2008. С. 10.

по своей сути, несет в себе всю полноту и реальность Бытия. Эта реальность Бытия сотворенного мира обосновывается несотворенной реальностью Творца. Начало мира — это бог, поэтому *состояние* «в начале» означает «в Абсолюте», в боге.

До начала творения бог предстает не как движущая и творческая сила, а как состояние, как особая эпоха. Именно из этой эпохи возникает категория времени и именно из этого состояния объясняется дальнейшее развитие материи. Бог как высшее, максимальное состояние должен открыться миру и человеку. Не устойчивое состояние мира является целью творения, а открытие бога как максимального состояния мира и его Начала. Это состояние и есть оправдание творения. Такое состояние оказывается началом творения, его первопричиной и его высшей целью. Лишь в этом состоянии происходит соединение бытия и становления, начала и процесса. Процесс творения и цель творения находят свое слияние в состоянии — в начале.

«Пополь-Вух» развивает эту мысль и выводит из начала творение не только космоса, но и племени киче. Не только процесс творения, но и исторический процесс берет свое начало в том же истоке: «Мы начинаем с древних историй, с начала и происхождения всего того, что было совершено в городе киче племенами народа киче» (с. 9). Слово «киче» (*Quiche*) переводят как «лес» на том основании, что *qui, quiy* означает «много», а *che* — «дерево». По этой причине племя киче понимается как «лесные люди» (с. 196). Этот перевод не точен. На самом деле название племени киче должно пониматься в сакральном тексте как указание на его многочисленность. Киче — это те, кого много, как «деревьев в лесу». Однако при этом всегда следует помнить, что вовсе не народ формирует Традицию и создает священную Книгу. Напротив, народ формируется вокруг священной Книги, данной ему в качестве Откровения и парадигмы исторического развития.

Поэтому далее автор сразу переходит от истории людей к судьбам богов. Он обращается к самым сокровенным тайнам и высказывает желание «открыть и сообщить то, что было раньше скрыто» (с. 9). Перечисляя имена богов, автор намеревается рассказать «все, что они совершили в свете существования, в свете истории» (с. 9). А. Ресинос переводит эту фразу как «в начале жизни, в начале истории»[1], что более соответствует природе сакрального сказания, выводящего жизнь и историю из абсолютного «начала». Поскольку здесь перечисляются имена богов, деятельность которых определила «начало жизни и начало истории», то это само по себе уже раскрывает перед нами природу мифов и мифосознания. Мифы — это откровения из мира прошедшей эпохи (из «начала»). Это продукт мышления или фантазии не человека, а божественных существ.

Автор «Пополь-Вух» не случайно говорит о своем желании изложить все, «как это было освещено Создательницей и Творцом» (с. 9). В переводе Ресиноса говорится более определенно об «откровении» (la revelacion) богов Tzacol и Bitol. Поэтому и героями этих мифов являются не люди, а боги. Кроме того, сакральный текст не просто не отрицает, а подразумевает *множественность трактовок*, которые соответствуют множественности миров и реальностей, отраженных в нем. По этой причине автор текста перечисляет несколько пар имен богов: Создательница и Творец, Великая мать и Великий отец, Хун-Ахпу-Вуч и Хун-Ахпу-Утиу, Тепеу и Кукумац (с. 9). Эти парные мужские и женские божества на самом деле одна и та же пара божественных творцов, которые лишь проявляются в разных мирах в разных ипостасях.

Надо отметить, что космогония майя, к которым принадлежит и племя киче, указывает на глубокий мистический и надчеловеческий источник. По мнению спе-

[1] Popol Vuh. P. 5.

циалистов, «на американских континентах существовала очень древняя и высокоразвитая культура, космогония которой близко схожа с современной гипотезой о происхождении вселенной и ее эволюции»[1]. Творец мира считался единым источником мира и движения. При этом майя верили, что верховное божестве существовало в рамках динамичного дуализма активного и пассивного начала, мужского и женского, положительного и отрицательного. Благодаря взаимодействию этих начал, выраженных в «Пополь-Вух» в виде супружеских пар, и был сотворен космос. Стоит отметить, что эта развитая космогония легла в основу не менее высокоразвитой метафизики и породила весьма утонченную, но стройную и строгую философскую концепцию.

Поскольку в сакральном тексте речь идет об откровении и освещении того, что произошло и было скрыто, то закономерным оказывается явление темы Книги Света, мистического светоча. Он и должен осветить то, что ранее было затемнено — историю о том, «как совершилось возникновение всего: неба и земли» (с. 9). Это, собственно, и есть «начало» самой книги «Пополь-Вух». Однако сакральный текст начинается с того же, чем и заканчивается — с сожаления, что невозможно более увидеть «светоч» — истинную древнюю книгу «Пополь-Вух». Утрата изначальной Книги связана со скрытостью информации. Только теперь, по словам автора, можно «открыть и сообщить» то, что было ранее «скрыто», так как «Пополь-Вух» была Книгой тайной. Открытие этих тайн соответствует обнаружению Книги, ее открытию, ее воссозданию. Это открытие Книги в свою очередь и есть образ Откровения. Открыть «Пополь-Вух» (то есть найти ее и раскрыть) — значит получить Откровение. Получение Откровения одновременно означает и созда-

[1] *Томпкинс П.* Тайны мексиканских пирамид: Руины исчезнувших цивилизаций. М., 2007. С. 339.

ние мира, и освещение тьмы. Само творение и было результатом явления Света, освещением, что и становится содержанием сакрального текста.

Описание творения в «Пополь-Вух» начинается со слов: «Это — рассказ о том, как все было в состоянии неизвестности, все холодное, все в молчании; все бездвижное, тихое; и пространство неба было пусто» (с. 10). Неизвестность — это непроявленность, небытийность; это скрытое, неявленное, непознанное, неизвестное и, следовательно, несуществующее Бытие. Поэтому небо и было «пустым». Бездвижность также означает отсутствие энергии, воли к развитию, энергии становления. Если же оно («все») было лишено энергии, огня, то оно было и «холодное». Все было «в молчании» и «тихое», то есть еще не было произнесено первое творящее огненное Слово. Было тихо и неподвижно, все холодное и в молчании: огненное Слово еще не произнесено, и поэтому все было лишено огненной энергии творения, развития, движения. Все было лишено тепла жизни. Тишина, молчание — это то, что окружает мир неизвестности. Холод, неподвижность — то, что находится внутри него. Неизвестность — это небытийность Бытия. Тишина, молчание — его состояние; холод, неподвижность — его содержание.

Далее автор сакрального текста переходит к перечислению того, чего еще «не было». Это довольно странно, так как если этого «не было», то как автор смог узнать о его «существовании» и о том, что именно этого «не было», а не чего-то другого. «Пополь-Вух» сообщает о замысле творения и о последующем создании мира, неба, земли, рек, растений и животных так, словно автор Книги присутствовал при этом процессе и видел все сам. Однако к тому времени, когда бог творил все это, человека еще не было. Это означает, что «Пополь-Вух» является Книгой боговдохновенной. Здесь сам Творец рассказывает о своем замысле и о том, как он создавал

мир. Во всяком случае, автор «Пополь-Вух» мог получить знания о характере замысла и об этапах творения мира только в форме божественного Откровения, которое и было им зафиксировано. Подлинным же автором сакрального текста был тот, кто задумал и совершил все, что в ней описано — Творец космоса. Написание Книги и сотворение мира принадлежит одному и тому же Существу, и эти два процесса мистически идентичны. Написать Книгу Мира и означает сотворить его, а творение мира было равнозначно написанию Книги.

Автор отмечает, что «не было ни человека, ни животного, ни птиц, рыб, крабов, деревьев, камней, пещер, ущелий, трав, не было лесов» (с. 10). Сразу видно, что перечисление того, чего «не было», противоположно этапам творения того, что «будет». Подлинное творение идет в порядке: земля, травы, деревья, рыбы, птицы, животные, человек. Однако здесь человек поставлен на первое место, а остальные феномены представлены в обратном порядке. Это означает, что перед нами раскрыт план творения, по которому человек — главная цель, а остальные природно-космические объекты выполняют лишь служебную по отношению к нему роль. В плане творения сначала определяются главные приоритеты, определяется основная задача — создание человека. Все остальное лишь вписывается и подстраивается под эту цель.

Таким образом, в «Пополь-Вух» мы сталкиваемся с действием антропного принципа. Его фундаментальное положение заключается в признании тесной связи свойств и строения Вселенной и условий для возникновения человека. Структура Вселенной и жизнь в ней динамично связаны и взаимообусловлены. Не только человек появляется потому, что это оказывается следствием законов, действующих во Вселенной, но сама Вселенная устроена именно так, чтобы в ней мог возникнуть человек. Хотя человек становится последним

этапом творения, но его появление подразумевается с самого начала, и весь процесс создания мира — лишь подготовка к творению человека, протекающая именно так, чтобы он мог в ней существовать. Поэтому, хотя творение идет от простого к сложному (от земли, рек и растений к животному и человеку), замысел творения имеет обратный вид: сначала задуман человек, а потом создается список того, что ему необходимо и что следует сотворить для него.

Мир создается до человека, но на самом деле он лишь *подстраивается* под человека, возникновение которого *подразумевается* и становится необходимым и главным этапом творения. Замысел творения движется *в обратную сторону* по отношению к самому процессу творения (человеку понадобятся животные для еды, животным — растения, растениям — вода, воде — земля и т. д.). Вселенная такова потому, что в ней должны жить мы. Из этого антропного принципа исходил Творец, создавая мир. Однако сразу следует указать и на возможность ошибки. Замысел творения противоположен акту творения, поскольку это две разные, противоположные реальности. *Замысел противонаправлен действию.* Так как уже замысел творения приводит к созданию противоположных реальностей, то отсюда возникает возможность их дальнейшего смешения и ошибки.

Творец задумал и, следовательно, сотворил все миры одновременно. Эти миры подобны друг другу, но в то же время и противонаправлены, поскольку в процесс творения вкралась двойственность и принцип «*обратного замысла*». Двойственность творения связана с тем, что первый момент создания нового мира оказывается последним мгновением в существовании предыдущего, прежней реальности. *Первое мгновение Бытия — это последний момент существования Пустоты.* Эта двойственность затем проявится в логической ошибке «обратного творения» человека.

Изначальное описывается в «Пополь-Вух» словом «небо». В начале «существовало только небо», причем «пространство неба было пусто» (с. 10). Земли, как указывает автор, еще не было. «Было только холодное море и великое пространство небес» (с. 10). В этой фразе к небу добавляется изначальное море. Однако это были не то небо, которое мы видим сейчас, и не то море, которое существует в нашем мире. Это первичные стихии еще предыдущей реальности, которая была до творения нашей. Небо и вода здесь соединяются в мистическом тождестве. Небо нашей плоскости мира предстает как вода параллельного небесного мира.

Георг фон Веллинг, комментируя соответствующее место из Библии, приходит к выводу, что есть особые причины, чтобы устанавливать на первый план небо, «как духовную и огненную Воду», «ибо они есть сотворенное вначале ГОСПОДОМ БОГОМ *начало* всех вещей, или начало всех начал, по своей истинной сущности остающееся для нас совершенно непостижимым, как и его чудесное наименование, милостиво данное нам для признания...»[1]. Небо, сотворенное богом вначале и как начало начал, как элемент элементов, фон Веллинг понимает именно как «огненную Воду»[2]. Однако огненная вода божественной реальности превращается в «холодное море» в нашей. Эта изначальная вода, составляющая как высокое небесное, так и нижнее пространство, по словам фон Веллинга, и есть «*материальная* матрица, которой порождаются и из чего появляются все прочие тела, какие только возможно назвать»[3]. Это мистическое объяснение позволяет понять принцип творения в «Пополь-Вух», поскольку божественная Истина одинаково открывает себя авторам обеих книг.

---

[1] *Веллинг Г., фон.* Opus Mago-Cabbalisticum et Theosophicum. Киев, 2005. С. 20.

[2] Там же. С. 21.

[3] Там же. С. 28.

Холодное море и пустое небо связываются в «Пополь-Вух» с состоянием хаоса. «Не было еще ничего соединенного» и ничего, что могло бы двигаться или производить звуки («не было ничего, что могло бы двигаться или дрожать или шуметь в небе») (с. 10). Все элементы существовали отдельно друг от друга и как самодостаточные. В них не было взаимодействия и порядка, который вносит Творец своей волей при создании мира. Отсутствовал главный принцип Бытия: соединение частей в единое целое. Поэтому и не было упорядоченного движения, которое служит признаком жизни.

До того как бог сотворил наш мир, существовал иной мир, называемый «хаос» — первичный холодный океан в «Пополь-Вух». Первичные воды существовали как реальность, и реальность их состояла из тех же элементов, что и наша реальность, которая была затем из него создана и в которой мы пребываем. Однако сочетание, расположение элементов реальности в первичном море была совершенно иной, чем в нашем космосе. Они не были «соединены» и выявлены. Первичный океан до того, как Творец создал из него космос, был сосредоточен лишь на собственном существовании. Он не выдержал своего существования и рухнул под собственной тяжестью, что и дает возможность определить его как хаос.

Мир хаоса лишен способности к конструктивному развитию (неподвижность), в силу чего он лишен и жизнеспособности, устойчивости. Однако именно эта неупорядоченность изначального хаоса, «несоединенность» элементов, пребывающих в нем потенциально, лежит в основе космоса, сотворенного богом. *Неподвижная первопричина движет всем.* Хаос не устраняется, а преобразуется. Его неупорядоченность, несдержанность заложена в порядке. Остатки хаоса должны присутствовать в космосе, чтобы сделать его порядок уравновешенным. Хаос — это не совсем противоположность космоса; хаос — это *потенциал* космоса, что и используется бо-

гом в момент творения. Потенциал хаоса должен быть использован космосом как способность к развитию, к совершенствованию.

В процессе творения жизнь появляется из жизни, а не из безжизненного состояния. Первичный хаос и Небытие скрыто содержат в себе жизнь — богов. Творение происходит благодаря их жизненной силе. *Жизнь мира исходит из жизни богов.* Сам же первозданный хаос в облике водного пространства находится в живом состоянии. Его неупорядоченность — это бездвижное волнение. Устойчивость хаоса парадоксальным образом связана здесь с отсутствием прочности, что и позволяет подвергнуть его полной трансформации. Хаос сам не творит, но имеет потенцию к творчеству, поскольку Творец пребывает в нем. В самом хаосе находится творческая сила, которая не совпадает с ним. Отсюда у этой творческой силы возникает устремление вырваться из неупорядоченности, чтобы создать форму. Хаос не творит, но творчество присутствует в нем как божественная воля, и стремление к творчеству выделяется из него, разделяет его, чтобы обрести форму и бытие.

А.-Ж. Пернети, анализируя древние космогонические мифы, приходит к выводу, что изначальный океан представлял собой не воду в обычном понимании, а «некий пар, влажные, густые и темные испарения», которые затем стали сгущаться: «Поначалу вода эта была летучей, подобно туману, но по мере сгущения превращалась в более или менее неподвижное вещество»[1]. Эта первичная материя, продолжает он, «могла быть подобна дыму или густому, мрачному пару, пребывающему в оцепенении и без движения, отяжелевшему от некоего холода, в бездействии»[2]. О том же говорил А. Й. Кирхвегер: первоначальный «пар *растворялся* или *концентрировался*

[1] *Пернети А.-Ж.* Мифы Древнего Египта и Древней Греции. Киев, 2006. С. 45.

[2] Там же. С. 46.

и уплотнялся посредством своего беспрестанного увеличения в знаменитую универсальную *хаосную* Воду. Итак, эта Вода есть то, из чего был создан этот огромный мир со всеми его обитателями, и эта Вода есть то же, из чего Бог создал все естественные и сверхъестественные вещи. Эта же Вода является изначальной или прапричиной всех вещей, которые были и должны быть после нас»[1]. Туман можно понять как отдельные атомы, которые еще не были соединены. Их соединение или «сгущение» порождает вещества, стихии, явления. Перед нами возникает *теория атомарного строения материи*, которая полностью согласуется с картиной, представленной в «Пополь-Вух».

Идея хаоса соответствует принципу пассивности первоматерии. В «Пополь-Вух» принцип пассивности выражен в образе холодного, неподвижного изначального моря: «...была только холодная вода, спокойное море, одинокое и тихое» (с. 10). Но на самом деле вода как стихия очень активна и подвижна, а волны на ее поверхности все время меняют облик моря. Образ холодного и неподвижного изначального моря указывает на принадлежность к противоположной реальности: то, что подвижно у нас, в параллельном мире неподвижно. Однако возникает естественный вопрос: каким образом киче смогли додуматься до такой утонченной метафизики?

Указание на то, что море было холодным, совершенно лишено смысла для народа, проживающего в тропиках. Тем не менее сакральный текст неоднократно подчеркивает этот странный факт: «Было только холодное море» (с. 10). Описание холодного, неподвижного моря «в темноте, в ночи» (с. 10) — картина, совершенно невозможная в жарком тропическом регионе, где нередки ураганы. Однако, как это ни парадоксально, такое опи-

---

[1] *Кирхвегер А. Й.* Золотая цепь Гомера, или Описание Начала Природы и природных вещей. Киев, 2009. С. 10.

сание моря указывает на далекие северные края. По существу, здесь описано застывшее, покрытое льдом море в долгой ночи арктического региона. Изначальное море «Пополь-Вух» — это Северный Ледовитый океан.

Застывшее море в «Пополь-Вух» несет в себе все воды мира, и все воды мира (реки, моря) в момент творения исходят из первичного океана. В первозданном холодном море, как мы видим, все воды находятся в «спокойном», неподвижном, застывшем состоянии — в виде льда. Трудно представить, чтобы у народа, живущего в тропиках, возник образ моря, покрытого льдом. Однако именно этот лед и есть первичное состояние океана. Лед соответствует первозданности, невыявленности, неподвижности, небытийности. Лед — это твердь воды в противоположной реальности. Хаос называют «холодным огнем» — прямое указание на реальность, противоположную нашей. Небо творится из соединения воды и холода. Это соединение порождает лед. В «Пополь-Вух» небо создано из льда. Этот лед означает высшее небесное совершенство противоположной реальности до акта творения нашей. *Изначальное состояние материи — лед.* Такой лед противопоставлен стихии огня — творящей молнии огненного Слова (огонь и лед). Под влиянием огня лед плавится, под влиянием солнца — тает. Так изо льда вытекают потоки рек, моря, дожди и т. д., растекающиеся по всему миру.

В «Пополь-Вух» творение нового основано на первоначальной интуиции тьмы. Сначала была только тьма: «В темноте, в ночи была только лишь неподвижность, только молчание» (с. 10). Это долгая многомесячная и холодная ночь арктического региона[1]. Изначальная тьма до наступления творческого акта — место без существования, без цвета и образа, без определения и Бытия.

---

[1] *Телегин С. М.* Словарь мифологических терминов. М., 2004. С. 67–69.

У тьмы нет внутреннего образа, нет определений. Это просто «мрак», «темнота», в которой «не было ничего, что существовало бы, что могло бы иметь существование» (с. 10). Ночь — уже более дифференцированное понятие; ночь уже обладает образом и видом. Образ ночи выходит из безóбразности тьмы. Однако и в ночи были лишь неподвижность и молчание.

Первой стадией творения является существование антикосмоса, Вселенной тьмы, ночи, неподвижности. Тьма — антисвет, «черный свет», признак абсолютности и трансцендентности. Это состояние, когда нет ничего «соединенного», так как первоэлементы еще не вступили во взаимодействие и не создали из этих соединений объекты. Свет не может проявиться в такой ситуации, поскольку еще нет ничего, что он мог бы освещать. Поэтому тьма на данном этапе имеет силу удерживать в себе «все» в состоянии «несуществования».

Почему вначале были вода и тьма, и вода пребывала во тьме? Это означает, что вода — порождение тьмы. Тьма сгустилась, и образовалась вода. Вода — сгущенная тьма; тьма — глубина вод. Также соединяются вода и холод, поскольку, как замечает Я. Бёме, «вода — от холода»[1], от сгущения, стягивания материи холодом. Холод соответствует здесь не только тьме, но и воде. Именно во тьме холод и вода объединяются и порождают друг друга. В этой тьме-воде скрывался Творец. В этом изначальном водном хаосе все было скрыто как в бездне, и все было лишено божественного Света. Тьма только содержала все в Начале и была словно перевернутым Светом. Будучи настоящей тьмой, хаос был вместо света и антисветом. Тьма скрывает индивидуальность Света и его принцип. Принцип тьмы был противоположен принципу света, его индивидуальности и порядку. Он

[1] *Бёме Я.* Аврора, или Утренняя заря в восхождении. СПб., 2000. С. 43.

несет в себе беспорядочность, невыявленность. Скрывая в себе божественное, изначальная тьма и соответствует природе божества своей бесконечностью («бесконечные воды» — с. 10) и противоположна ему своей беспорядочностью и антииндивидуальностью.

Об этом первичном состоянии материи пишет Пернети: «Но какой бы ни была эта материя — первоначало всех вещей, она создавалась в слишком густом и слишком темном мраке, чтобы человеческий разум мог ясно разобраться в ней»[1]. Герметический философ понимает изначальную тьму так, что «это было не тело, а скорее огромная тень, не вещь, а скорее очень темное изображение вещи, нечто, что вернее было бы назвать темным фантомом Сущего, черной ночью, хранилищем или центром мрака, существующей невидимо вещью»[2]. Во тьме все разделено, ничего не соединено, не зафиксировано и поэтому не бытийствует. Удивительно, как одни и те же феномены порождают в разные эпохи, у разных культур и в разных частях света, совершенно независимо друг от друга, одинаковые мистические переживания. Это говорит о единстве мистического, сверхчеловеческого опыта, о единстве божественного Откровения.

Для чего необходимо существование тьмы? Наш мир сотворен из тьмы. Сначала были тьма и холодный океан (хаос). То же самое происходит в нашей реальности с человеком. Он рождается, объятый тьмой незнания и непонимания нашего мира и жизни. Если бы Творец пожелал, то он сделал бы так, чтобы человек рождался из утробы матери уже наделенный знаниями, предыдущим опытом своих родителей. Но как он создал мир из тьмы, так и человек рождается из духовной тьмы, его сознание только должно пробудиться. Пробуждение у человека сознания повторяет путь творения мира из

[1] *Пернети А.-Ж.* Указ. соч. С. 45.
[2] Там же. С. 47.

тьмы. Концепция «первичности тьмы» становится основой метафизики творения и существования мира. Так же и незнание служит отправной точкой духовного опыта человека. *Тьма — первичная потенция мира и человека.*

Эта тьма и первичный океан есть *prima materia*, изначальная алхимическая материя, которая затем превращается в драгоценные металлы. Цель тьмы не в ней самой, а в ее трансмутации в свет, как цель изначального океана — в его трансмутации в упорядоченный космос. Изначальные «воды тьмы» и есть универсальный алхимический растворитель, поскольку в них все явления, все элементы и стихии будущего мира пребывали в разъединенном, растворенном состоянии. Процесс их создания — алхимическое действо по преобразованию изначальной материи и выявлению из нее требуемых сущностей — огня, обычной воды, земли, солнца, луны и звезд, растений, животных и человека. Однако на этом этапе мир тьмы — это мир небытия.

«Не существовало ничего» (с. 10). Так «Пополь-Вух» утверждает в начале Небытие, Ничто. Изначальная тьма — это великая космическая Ночь небытия, отдохновения божественного разума, когда все жизни растворились в первичных водах и остаются непроявленными. Темнота — это безóбразность Ничто; ночь — это уже образ Ничто. Темнота — антисвет, черный свет, антибытие или Небытие в нашей реальности. Тьма адекватна Небытию, но природа тьмы — антисвет, черный огонь, поскольку ее творение — солнце противоположного мира, Черное Солнце даты зимнего солнцестояния. Черный огонь тьмы скрывает или поглощает Бытие, поэтому и утверждается Ничто.

Следует заметить, что тьма, небо и воды не были сотворены богом. Они существовали изначально, как остатки предыдущей реальности или как феномены противоположного мира. В «Пополь-Вух» парадоксальным образом отмечается, что небо и холодное море уже

были, но при этом еще «не было ничего, что существовало бы» (с. 10). Это значит, что хотя «холодное море и великое пространство небес» (с. 10) и были, но они не существовали, поскольку не были сотворены богом. Существует только то, что сотворено. Не сотворенное, хотя и *есть*, но *не существует*. Так для проблемы Бытия ключевой становится проблема существования, а основа существования — не бытие само по себе, а сотворенность. Изначальное Ничто можно понять как беспредельное, бесконечное, беспричинное, находящееся в состоянии сна, лишенного сновидений. Это полная непроявленность личности.

Когда в «Пополь-Вух» говорится, что в начале «не существовало ничего», то это означает, что мир был сотворен из Ничто. Эта идея основана на понимании, что трансцендентный бог-Творец есть поистине Ничто. Обращает на себя внимание тот любопытный факт, что при описании мировой тьмы и холодного моря бог вовсе не упоминается. Это не означает, что его нет и киче были материалистами. Это только указывает на природу бога как Ничто. Мейстер Экхарт учил, что Бог есть «Сам для Себя бытие», но в силу этой бытийной замкнутости в Себе, для твари «Он есть “Ничто”»[1]. В силу этого Он творит из Ничто. Этой удивительной мысли придерживались и другие мистики и религиозные философы. А. Й. Кирхвегер отмечает: «Непостижимый Бог из милосердия создал все из великого Ничто»[2]. «Божеству не свойственно бытие... — отмечает о. Сергий (Булгаков). — Оно есть НЕ-бытие, Сверх-бытие»[3]. Ничто — это мистическое осознание трансцендентного Абсолюта как «совершенно иного», доведенное до крайней точки.

---

[1] *Мейстер Экхарт*. Духовные проповеди и рассуждения. СПб., 2000. С. 114.

[2] *Кирхвегер А. Й.* Указ. соч. С. 10.

[3] *Булгаков С. Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 91–92.

«Совершенно иное» противопоставлено любому проявленному бытию, всему, что можно помыслить, определить и высказать. Поэтому в начале сакрального текста, до акта творения, бог даже не упоминается. Он пребывает в совершенно иной, противоположной реальности, поэтому о нем нечего сказать.

Ничто должно пониматься как утверждение позитивной отрицательности Абсолюта. Будучи Ничто, по словам фон Веллинга, «Всемогущий Бог наполняет все, и вне Бога ничего не может существовать, только лишь божественное наполнение, и в самом Боге ничего нет, только Бог»[1]. Раз бог есть *всё*, то он и не может быть определен как *нечто*, не может быть *назван* по имени. До того как была сотворена Вселенная, бог пребывал вне формы, вне существования и Бытия. Он не мог быть познан или постигнут каким-либо способом, в том числе и самопознанием. Существуя вне идей, вне форм и вне познания, он был поистине Ничто в высшем утвердительном аспекте.

Первоначальное качество Ничто (Ничто-существование) относится как к материи (космосу), так и к Творцу (богу). Ничтожение Бытия напрямую связано с ничтожением бога. Бог ничтожится, следовательно, ничтожится и Бытие. «В абсолютном Ничто появляется мир и бог», — замечает о. Сергий (Булгаков)[2]. Относительно бога категория Ничто означает непостижимую бездну величия, беспредельность, отсутствие объема, пространства и времени, но вечное продолжение бесконечности. О боге нельзя говорить в категориях нашего бытия. Бытие не является качеством Абсолюта, но его небытийность — это сверхбытийность, превосхождение и превышение бытия, трансцендентность.

Пространство небес в «Пополь-Вух» «пусто», поскольку бог находится за его пределами, выше него,

[1] *Веллинг Г., фон.* Указ. соч. С. 266.
[2] *Булгаков С. Н.* Указ. соч. С. 138.

трансцендентен ему. По отношению к небу бог словно бы не существует, небытиен (не присутствует в мире, в котором царят молчание и бездвижность). Пустота — это нерожденная, несозданная, не имеющая формы, несознаваемая изначальность, космический первоисточник, в котором все явления пребывают в скрытом, непроявленном состоянии и из которого все явления и формы берут свое начало (как реки из ледника). Пустота не имеет ни формы, ни качества, ни состояния, ни существования. Это трансцендентная полнота пустоты, непроявленный принцип, и в то же время — подлинная реальность, находящаяся за пределами умопостигаемости или человеческого опыта. О ней можно только сказать, что пустота в нашем мире оборачивается абсолютной полнотой в параллельной реальности. Пустота должна пониматься как высшее состояние бытия и реальности.

Эта «пустота» возникает по причине бесконечной удаленности Абсолюта от материи. Это пустота сверхбытия, сверхсущее Небытие, и ему еще только предстоит открыться в акте творения. Эта отрицательность и есть мистическое основание положительности. Именно небытийность бога служит доказательством его подлинного существования. Как раз то, что бог Ничто, ложится в основу того, что он — всё. Если бы он *был*, то был бы только чем-то, но не всем. Эта небытийность бога есть также доказательство его несозданности. Если бы он был вписан в бытийность, то это означало бы, что он создан, а это уже отрицает его абсолютность, вечность и сверхбытийность, а также и его непознаваемость, делая его не творцом мира, а лишь частью творения. Он сам не имеет ни формы, ни образа, но только благодаря этому все обретает через него в акте творения образ и форму. Сам в себе бог есть вечное Ничто.

В «Пополь-Вух» Вселенная имеет изначальный источник в Ничто, в Небытии. Небытие, Ничто — это уровни, расположенные за пределами не только чело-

веческого восприятия (как бытие), но и понимания. По словам И. Регарди, это «то, что непостижимо, не познано и непознаваемо, не существует, — по крайней мере, если быть более точным, с точки зрения нашего сознания»[1]. Это Ничто непознаваемо и немыслимо не только с точки зрения человека, но и в себе самом. Оно Ничто, так как не познало самое себя, не открыло себя не только для Бытия, но и для себя самого. Небытие, Ничто — это то, что не может быть определено, поскольку еще не самоопределилось. Чтобы самоопределиться, Ничто превращается в бесконечную тьму, в изначальные воды, в хаос (первое самоопределение).

Хотя божественное Ничто находится за рамками Бытия (до него), но оно же является для него источником и основанием. «Бытие содержится в Божественном Ничто в своем непроявленном, скрытом, потенциальном состоянии», — пишет Ю. В. Мамлеев[2]. *В Ничто Бытие еще не дано, но уже задано.* Раз вне бога ничего быть не может, то и все творение произошло от бога и пребывает в боге. При этом, поскольку все творение от бога, а сам бог — Ничто, то и творение происходит из Ничто — из бога. Ничто есть причина творения, поэтому вначале и не существовало ничего, а было только Ничто — бог. Так как божественное Ничто неописуемо и непознаваемо (апофатично), то и ничего как предшествия творения не может быть понято или описано. Неописуемость творения, исходящего от бога, может быть понята только как принцип «Бог повсюду» или «ничто, как Бог».

В космогонии «Пополь-Вух» Ничто, Небытие должно превратиться в «некое бытие», *Ничто превращается в Нечто.* Ничто здесь — абсолютная и безграничная пустота, которая в процессе творения должна получить некое ограничение и в которой пребывает безграничный

[1] *Регарди И.* Каббала. М., 2005. С. 64.
[2] *Мамлеев Ю. В.* Судьба бытия. М., 2006. С. 90.

свет, проявляющийся в момент творения. Порождая или переходя друг в друга, Ничто и Нечто взаимообусловлены. Ничто, будучи безграничным, содержит в себе в зачаточном состоянии все сущее (Нечто), которое превращается в Бытие благодаря изошедшему из тьмы свету. Ничто должно рассматриваться как *средоточие*; Ничто — это сокровенный свет. Однако апофатическая природа Ничто свидетельствует о недоступности для понимания со стороны творения, поэтому первичное Ничто открыто только Творцу и непознаваемо для человека. Это абсолютно трансцендентная реальность, которая существует сама по себе, влияет на нас, но для нас настолько непознаваема, что воспринимается как Ничто, небытие. Это отрицание существования только подтверждает существование Ничто. Здесь действует принцип: *Ничто есть, иначе его не было бы.*

Описывая первоначальное состояние мира, автор «Пополь-Вух» выделяет несколько наиболее общих состояний: холодная и бездвижная вода, покрытая пустотой неба (Ничто), объятая тьмой и молчанием. С этого момента начинается акт проявления (самосознания) богов и следующий этап — творение как повелительное воздействие на воду и первозданный хаос. В начале были тьма и бездвижность. Изначальная материя — бесформенная, неосмысленная. Самоопределяясь, Творец вносит в нее энергию. Вторичная материя — чувственно оформленная, наделенная энергией развития и в силу этого — текучая, подвижная. Поэтому первичная материя — лед, а вторичная материя — вода.

Об этом переходном моменте так говорится в сакральном тексте: «Одни лишь Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, Великая мать и Великий отец находились в бесконечных водах» (с. 10). Здесь впервые с начала творения появляются имена богов, что означает свершения акта самоопределения, самопознания, выхода из Ничто в Нечто. Воды, в которых пребывают Создательница

и Творец, — это особая изначальная сила, в которой восходит Дух и созревает воля Творца. Воды все еще бесконечны, поскольку состоялось только самоопределение бога, но не его творческой воли. Акта творения, в котором происходит самоограничение и оформление материи, пока еще не было. Однако эти воды являются уже божественным миром, поскольку Создательница и Творец обитали в них. Водное пространство уже было домом бога.

Этот принцип хорошо известен всем мистикам. «Здесь, — как пишет Василий Валентин, — Дух БОЖИЙ от вечности витал над водами, не имеющими начала»[1]. Первичный океан — это духовная вода, поскольку в ней пребывают боги. «Божественная вода» представляет собой место обитания «скрытого бога», который только что самоопределился. Со своей стороны, боги, обитающие в воде, — это образ бога, спрятанного в материи, дух, скрытый в Бытии. По наблюдению К. Юнга, эта «мистериальная тайна "офизиченного" божества» лежит в основе как алхимии, так и мифологического синкретизма[2]. Самоопределение бога в первичном хаосе (в воде) закладывает основы для последующей трансмутации материи. Процесс превращения запускается водой, и трансформация воды (хаоса) в материю (космос) составляет самую сущность алхимического Делания и космогонического акта.

«Бесконечные воды», однако, представляют собой некоторую загадку. В версии Ресиноса, Тепеу и Кукумац, «Прародители», находились в воде, «окруженные сиянием»[3]. Этот несотворенный свет представляет собой творческую энергию бога, вошедшую в хаос. Тьма — это трансцендентное Ничто, в котором пребывает Творец, распространяющий из себя сияние. Само наличие тьмы

[1] *Василий Валентин.* Алхимические трактаты. Киев, 2008. С. 171.
[2] *Юнг К. Г.* Философское древо. М., 2008. С. 43.
[3] Popol Vuh. P. 9.

в начале творения подразумевает готовность к получению и восприятию света. Тьма — это закрытое; тьма, как и Ничто, — это сокровенный свет. В момент самоопределения бога его самосознание раскрывается в виде сияния. Изначальная тьма, следовательно, — не полное отсутствие света. Поскольку бог присутствует, то присутствует и свет, но так как бог еще не проявил себя в творении и является Ничто, не самоопределился, то и свет изначально скрыт во тьме, подвергнутый сжатию, и кажется окруженным тьмой.

В начале творения бог предстает как Ничто, творение как небытие, а свет как тьма. В силу того, что тьма содержит свет (а ночь скрывает день), она становится главным элементом и субстанцией творения (Бытие рождается из Небытия). Творец, хотя и пребывает в первичном хаосе, но он вне его. В момент самосознания он начинает *быть* и дает начало всем первоэлементам и стихиям. Творец не вступает в борьбу с хаосом, а просто самим фактом самопроявления приказывает им упорядочиться. Явление мира — это творение, вызванное к жизни божественной волей, выраженной в акте самосознания. Этим определяется полная зависимость творения от Творца, подчиненность его замыслу, его интересам и его бытийности. Без самоопределения Творца не было бы и творения. Эта воля к самоопределению Творца появляется в первичных водах (в хаосе) как сияние.

Сияние еще не является светом творческого акта. Это только сияние самоопределившегося и впервые сознавшего себя Творца. На самом деле Творец уже осознал себя, но еще не явился миру. Отсюда следующая фраза в «Пополь-Вух»: «Да, они находились там, скрытые под зелеными и голубыми перьями...» (с. 10). Это осознанная скрытость внутри Бытия, а не трансцендентная небытийность, как было ранее. Скрытость богов в водах свидетельствует, что, по словам Кирхвегера, «здесь имеются две вещи, заключающиеся в одном, соответственно, про-

явленное — Вода и не проявленное, невидимое, — Дух, и именно Дух, находящийся в Воде»[1]. Это происходит потому, что Вода без Духа не имеет силы, а Дух без Воды оказывается сам по себе Ничто (вне материи). Через воды боги в «Пополь-Вух» обретают бытие, переходят из состояния Ничто в Нечто, самоопределяются.

Скрытость Создательницы и Творца следует понимать как этап самосжатия божественного света. Этот свет существовал до своего появления в мире, иначе не было бы и тьмы. Естественно, что когда Создательница и Творец решили создать мир, то они сжали со всех сторон свет, находящийся в них и составляющий их природу, оставив все пространство в пустоте как место для творения. Если Создательница и Творец пребывают в море скрыто, то сжатый божественный свет, которым они окружены, — это *скрытое скрытого.* На этом этапе свет уже существует, но нет еще места, в которое его можно было бы поместить, из-за чего он и пребывает скрыто. Лишь после такого сжатия и сокрытия света в изначальных бесконечных водах и возникает пространство, в котором может пребывать сотворенное.

При этом, хотя Создательница и Творец скрыты, но все же говорится, что пребывают они в изначальных водах. Это соответствует пребыванию зародыша до рождения в околоплодных водах. В мистическом смысле, поскольку воды названы «бесконечными», то божество пребывает во всем освободившемся пространстве. В бесконечности не существует пространства, лишенного божественного присутствия. И хотя божество пребывает скрыто, в пустоте бесконечности, но само пространство не является пустым и свободным от божественного присутствия.

Создательница и Творец пребывают в водах, «скрытые под зелеными и голубыми перьями» (с. 10). Это не простое замечание. Оно удивительным образом соответ-

---

[1] *Кирхвегер А. Й.* Указ. соч. С. 11.

Рис. 12. Кецалькоатль, Пернатый змей, в Гватемале называемый Кукумацем (Бурбонский кодекс)

ствует одному из видений Я. Бёме. Когда творящая мир огненно-световая энергия входит в виде молнии в изначальные космические воды, то она, по наблюдению мистика, «восходит в этой яростности, и в этом восходе и испуге она превращается в зеленый или небесно-голубой цвет и дрожит по причине яростной молнии»[1]. Это дрожание зелено-голубой воды появляется в «Пополь-Вух» в виде синих и зеленых перьев в изначальных водах.

Зеленые перья птицы кецаль, скрытые во тьме небес, — это Зеленый Луч, скрытый Черным Солнцем. Чтобы акт творения состоялся, скрытые Создательница и Творец испускают тонкий Луч зеленого цвета, который и представлен в «Пополь-Вух» в виде «зеленых перьев». Зеленые перья прямо указывают на Зеленый Луч, посылаемый мистической тайной Планетой, находящейся

[1] *Бёме Я.* Указ. соч. С. 131.

возле Черного Солнца и скрытой им. В свою очередь Черное Солнце представляет собой свернувшуюся изначальную тьму, которая также скрыта за нынешним Желтым Солнцем, но когда-нибудь вновь поглотит его. Кукумац (рис. 12) появляется в сакральном тексте как провозвестник и носитель света Зеленого Луча, сверкающего скрыто в изначальной тьме по ту сторону Черного Солнца зимнего солнцестояния на Северном полюсе. Свет творения зажигается от Зеленого Луча (зеленые перья Кукумаца), скрытого Черным Солнцем (тьма изначальных вод).

Зеленый — цвет пробуждения, явления, когда космос берет свое начало в первозданных водах, оживая под влиянием Творца. Зеленый свет выходит из черного, мир творится из хаоса. В зеленом цвете содержится нечто такое, что не дает покоя высокой изначальной Традиции — тайна рождения и возрождения, что подтверждается наличием у майя культа нефрита. Наконец, зеленый цвет содержит в себе синий и желтый, является переходным от одного к другому. Так из Зеленого Луча, вырвавшегося из изначальной тьмы, исходит свет, творческий огонь.

Синие перья, под которыми также скрываются Создательница и Творец, могут быть указанием на подлинное космическое явление. Как считает П. Лавиолетт, в древности ядро нашей Галактики взорвалось. Ядро взрывающейся Галактики, утверждает он, похоже на звезду ярко-синего цвета. Причем человек наблюдал бы не усыпанный звездами небосвод, а бледное небо, на котором располагались бы аморфные туманности и пылевые облака разных форм, подсвеченные синеватым светом[1]. Это и есть синие перья вокруг скрытого центра нашей Галактики — обиталища богов.

---

[1] *Лавиолетт П.* Лед и Огонь: История глобальных катастроф. М., 2008. С. 106–107.

«Пополь-Вух» представляет довольно любопытную версию создания космоса. В начале была только темная бездна — первичный эфир. Создательница и Творец, скрывающиеся в бездне, — это первичные частицы (протоны), спонтанно возникающие из эфира. Затем изначальная материя сжимается и взрывается. Причем в первое мгновение взрыва сжатая материя испускает Зеленый Луч, а затем превращается в синее сияние. Поэтому в «Пополь-Вух» боги скрыты сначала под зелеными, а потом — под голубыми перьями. В сиянии этого взрыва и происходит создание нашего космоса. Эфирное вещество превращается в субатомные частицы, которые служат строительным материалом для нашей Вселенной, истекая из ее начальной (центральной) точки в моменты продолжающихся взрывов.

Описывая божественную природу Создательницы и Творца, автор «Пополь-Вух» отмечает, что они находились в водах вместе, «и потому они назывались Кукумац» (с. 10). Это означает, что в первичных водах пара богов была слита в единого андрогинного бога. Они были слиты в единого бога Кукумаца и представляли собой андрогинную целостность, неразделенность, что соответствовало месту их пребывания — изначальным водам, хаосу, в котором все пребывает в нерасчлененной форме. Пока бог не проявился в качестве Творца, не было ничего, и мир существовал лишь в виде темных вод. Только когда бог самоопределился как Творец в единстве мужского и женского (Создательница и Творец), появилась возможность существования и бытия.

В этой паре Тепеу — Великая мать, Создательница, «Завоевательница, Могущественная». Она есть Сила бога-Творца. Он творит мир своей Волей, как если бы он завоевал этот мир силой, реализуя через нее свое могущество. Она существует с ним слитно и до начала мира, поэтому присутствует скрыто для космоса. Сила Тепеу, ее могущество становится посредником между

Творцом и материей, проводником его божественной творческой воли. Она завоевывает для него мир и устанавливает могущество. Будучи связью между Творцом и творением, Тепеу оказывается носительницей первообразов всего творения. Поэтому для мира она — Великая мать и Создательница. Тепеу — это та сила, при помощи которой Творец вводит движение в ранее неподвижное — в хаос.

Кукумац — «Змей, покрытый зелеными перьями», Творец, Великий отец мира и носитель Зеленого Луча. Это собственно проявление божественной творческой воли, энергии, света. Пернатый Змей Кукумац — это «дракон мудрости», Единый, скрытый свет творения. Пернатый Змей становится Творцом Вселенной в силу того, что он оказывается носителем *замысла* мира. Свернутый в кольцо Змей обозначает Вечность, а Змей, пожирающий собственный хвост, — Вечное Возвращение. В «Пополь-Вух» из тьмы и изначального холодного моря появляется Пернатый Змей Кукумац (в соединении с Тепеу). Изначальные воды — это место обитания Пернатого Змея. Он — змей великого небесного моря. Если Творец воспринимается в качестве космического Змея, то это может нести в себе только значение Мудрости, Бессмертия и Вечности. Мистически он есть астральный свет божественного Разума. Пернатый Змей соединяет в себе два мира — воду и небо, нижний и верхний. Как змея, он живет в изначальных водах, но как Пернатый Змей, он живет в небесных водах. Он — змея в небе, правитель ночного неба.

Почему же, однако, Творец обозначается фигурой космического Змея? Это связано с тем, что центр эклиптики (точка, вокруг которой движется солнце, проходя через зодиакальные созвездия) находится в районе созвездия Дракона. Созвездие словно бы обнимает невидимую (скрытую в изначальном темном и холодном космическом море) точку Центра. Бытие же в этом смысле

буквально «висит» на космическом Драконе — полярном созвездии, вращаясь вокруг него в циклах Вечного Возвращения. Дракон как будто пребывает над Вселенной и творит ее, сам являясь указанием на скрытый Полюс. Дракон, этот полярный Пернатый Змей, и есть главный создатель и хранитель мира, укрепленный на Ничто — на невидимом полюсе эклиптики. Поскольку Дракон управляет всеми знаками зодиака, то он управляет и всем временем. В силу этого время и пространство — лишь порождения Пернатого Змея. Место пребывания Пернатого Змея, Дракона — Центр, полюс эклиптики, скрытое место Творца мира. Силой своего творчества Космический Змей разделяет Великое Море, начиная с места своего скрытого пребывания — первой точки создания мира. Неподвижность полюса эклиптики наделяет Змея качествами неизменяемости, совершенства, бессмертия и трансцендентности.

Кукумац — это то, что должно раскрыться благодаря могуществу Тепеу. В андрогинном соединении богов лежит залог творения, поскольку именно соединенность элементов в разных пропорциях и порождает феномены. Андрогинное единство Тепеу и Кукумаца становится прообразом гармоничной соединенности, неразличения противоположностей истинного совершенного бытия. Драма андрогинного единства, его разделения и нового обретения — одно из проявлений космического закона Вечного Возвращения того же самого.

Создательница и Творец пребывали в непроявленной тьме, что означает состояние истинной Абсолютности. Они скрыты за перьями, поскольку истинное божественное Сознание всегда скрывается «позади» феноменов. Такое состояние скрытности, замирания и есть истинная Реальность. Они не проявлены, небытийны, но они *есть*. Создательница — самосущая Причина всего, прообраз и идея Пространства. Она — недифференцированная космическая материя в ее духовном аспекте. Творец,

неразрывно связанный с ней, оказывается первой дифференциацией, Духом, единым с Пространством в его небытийном аспекте. Тепеу и Кукумац находятся вместе во тьме, поскольку никто из них еще не пробудился от космического сна.

Создательница и Творец — мужское и женское начало мира, противоположные полюса в их андрогинном единстве. Они — бинарный код существования. Однако причина существования в метафизическом понимании навсегда останется скрытой — «под перьями». Причина существования — это то состояние, к которому изначальный Разум должен прийти. Этой причиной является «устремленность к бытию», но сами корни, сами основы появления этого желания, этой причины останутся скрытыми для нас. *Нам не дано узнать, по какой причине Небытие решило осознать себя и стать Бытием.* Нам только известно, что для этого Абсолют прежде всего осознал себя в облике андрогина. Абсолют неназываем и небытиен. Из абсолютного Ничто в момент самоопределения исходит творческий Дух и вселенская Душа в виде андрогинной Диады.

Андрогин несет в себе тайну божественного совершенства и связан с идеей космогенеза. Образ изначального божества, в котором мужское и женское слиты, пронизывает космогонические мифы по всему миру[1]. Половые различия соединены в Творце, что получает также отражение в нерасчлененности, синкретичности изначальной материи, из которой космос будет сотворен. Собственно, самоопределение в виде андрогина уже есть этап творения: хотя мужское и женское здесь соединены, но они уже существуют, дифференцированы. Будучи единым, бог соединяет в себе противоположности, но они уже осмыслены и готовы к разделению — дальнейшему этапу творения. В андрогине безусловно выражена

[1] *Телегин С. М.* Анатомия мифа. М., 2005. С. 43–52.

идея первичного Абсолюта — объединение полярностей, принцип всеединства. Творец пребывает в цельности, и в аспекте открытия в себе цельности и гармонии Творец достигает андрогинной природы.

В андрогине скрыты невиданные эротические стихии и силы, высвобождение которых приводит к космотворчеству. Изначальные воды, хаос обнимает андрогина, скрывает его. Андрогинность Творца происходит из цельной неоформленности хаоса. Неоформленная цельность переходит в божественно оформленное совершенство, которое и творит мир. Андрогинное божество есть воплощение единого и нерасчлененного мира до акта творения. В своей изначальности и совершенной гармонии Абсолют не имеет пола. Однако, воплощаясь в материальном мире, Абсолют обретает и пол. В своем первом материальном проявлении Абсолют сохраняет изначально присущую ему гармонию, имея двуполость, сменившую бесполость. Творческая потенция бога и раскрывается как двуполость. Самозарождение и творческие потенции бога считались следствием раскрытия в нем андрогинности. Изначальный и непроявленный хаос несет в себе двуполое божество, которое беспорочным образом при помощи андрогинной природы рождает все явления мира.

В космогонии «Пополь-Вух» изначальные воды предстают в качестве основы, первичной материи для всего последующего творения. Андрогинный Творец обитает в глубинах изначальных вод, великой бездны. В силу этого изначальная бездна означает и непостижимую *мудрость*. В сакральном тексте утверждается, что Тепеу и Кукумац «по природе своей были большими мудрецами и большими мыслителями» (с. 10). Бог есть мыслящая Душа Вселенной. Мудрость находится в начале творения, и мир создается посредством мудрости и в результате «размышления» (с. 11). Мудрость связана с божественным могуществом и с его способностью творить

мир. Замысел о мире формируется в Мудрости. Творение предвечно пребывает в замысле, в размышлении. Поэтому и говорится, что боги заранее, в своих мыслях «распределили сотворение мира» (с. 11). Первоначально все было решено в мыслях, утверждено как план творения и определено еще до самого акта создания мира. В божественном замысле изначально заключены все тайны творения — его необходимость, его первопричины, его видение. В начале «Пополь-Вух» о Создательнице и Творце говорится как о «заботливых мыслителях, кто размышляет над благополучием всего, что существует в небе, на земле, в озерах и море» (с. 10). В мысли заключены все феномены космоса, которые существуют в ней предвечно.

Когда Создательница и Творец, большие Мудрецы, пребывали скрыто во тьме вод, то и мысль их о творении существовала скрыто, невыявленно, в темном и неопределенном состоянии. Мысль пребывает в самой глубине сознания, располагается во тьме неопределенности и не оформлена волей к бытию. Эта скрытая мысль, лишенная формы, может рассматриваться как этап при переходе от абсолютного трансцендентного Ничто к проявлению волевой мысли о творении. В этой темной неосознанности мысль о мире уже пребывает как смутное желание, но не имеет еще формально-образного воплощения. Эту оформленность божественная Мысль и Мудрость приобретут только после самосознания и самоопределения Создательницы и Творца.

Первичное доматериальное существование космос обретает в мысли бога. Пространство, в котором творение будет осуществлено, освещается исходящим от Творца светом Мудрости. Этот свет Мудрости и есть Начало, от которого происходят все явления мира. Мудрость распространяется вовне, становится первопричиной всех феноменов. Данный уровень существования мира — сфера идей, мыслеобразов. Мир мыслей и идей — это

уже наш мир, он уже помыслен и, следовательно, создан окончательно и во всех деталях от начала и до конца. Просто он существует на ином, более высоком уровне реальности. В сфере мысли мир еще не существует отдельно от Творца, от Мыслителя, но бытийствует как замысел, как желание. Реальность нашего мира на мыслительном этапе творения полностью зависит от божественной реальности и совпадает с ней. Это высокий мир божественных помыслов, еще не затемненных и не отвердевших в материи. Здесь мысль достигает состояния внутрибожественного бытия, представляемого как осознанная волевая Мысль бога.

Мудрость — голова творения (поскольку мысль зарождается в голове), но исходит из сердца — из скрытого Центра, воплощающего волю Творца к творению. До творения существовала только нерасчлененная единообразная бездна (холодное море). Мудрость же делает потенциальное проявленным, разделяя феномены, оформляя их. Мудрость содержит потенциал всего, что должно быть сотворено. Мудрость была в самом начале творения мира. Мир был создан Мудростью; Мудрость была Началом творения. Начало — это Мудрость, поскольку замысел творения произведен «великими мудрецами». По их Мудрости творение состоялось. Мудростью создается мир, и в Мудрости он пребывает, а сама Мудрость пребывает в Творце. В силу этого творение подобно осознанию мысли, корни которой скрыты в Мудрости, пребывающей в Творце. Через Мудрость Творец воспринимает все творение и Мудростью создает космос. Мудрость становится проводником божественной воли к творению, и в силу этого она поддерживает все творение.

Будучи связующим посредником между Творцом и творением, Мудрость несет в себе замысел, потенциал и первообразы всех феноменов бытия. Поскольку Творец трансцендентен и пребывает скрыто и в изначальной

бездне вод, а Мудрость является посредником и открыта творению, то скрытое оказывается выше Мудрости и становится ее источником. Мудрость исходит из скрытого и делает творение явным. Мудрость — посредник между скрытым (своим источником) и открытым (изошедшим из нее). Мудрость — первая связь между Творцом и творением. Творец при этом — причина Мудрости, а творение — следствие Мудрости. В силу этого Мудрость соединяет то, что находится на противоположных сторонах процесса творчества — Творца и творение. Находясь между ними и соединяя их (трансцендентное и имманентное), она же не позволяет творению отпасть от Творца, а Творцу удалиться от творения. Мудрость вводит в творение категорию *связи, соединения.* Она — то, что связывает творение, а также творение и Творца в единое. Связь Творца и творения позволяет творчеству осуществиться как совершенный процесс.

Творец в своей скрытости трансцендентен миру. В акте творения Создатель нуждается в некой промежуточной стадии, в посреднике, объединяющем божественное и небожественное. Таким посредником может быть лишь то, что, являясь составной частью или качеством Творца, одновременно несет в себе и основы творения. Только божественная Мысль, Мудрость, будучи качеством бога, несет в себе первозамысел творения, объединяя все противоположные пласты реальности. Эта Мудрость, не отделяясь от Творца (составляя с ним андрогинное единство), но и не будучи творением, соединяет их в себе (божественный замысел о творении). *В Мудрости заключена тайна бога и творения.* Творческая премудрость бога — первое содержание самооткровения Творца в самом себе. Мудрость — творческая воля, строящая мир в радости. Природа Мудрости — творческое веселье, радость, экстаз. Творец раскрывает себя в мире через акт воплощения своей Мудрости, своего замысла о мире. Не будучи творением, Мудрость содержит и от-

крывает в себе и через себя весь тварный мир. Не являясь богом-Творцом, она имеет от него качества абсолютности, а он от нее — аспект мудрости. В Мудрости, следовательно, открывается глубина и тайна личности бога. Мудрость — вот главное, что есть в мире и идет от бога к людям. В ней все феномены бытия обретают единую идеальную и божественную основу. В Мудрости Творец сознает себя и созерцает план творения[1].

Поскольку в начале творения Создательница и Творец, «большие мудрецы», пребывали в изначальном море, то оно может быть названо «морем мудрости». Именно из этого моря мудрости и творится космос. В акте творения воля бога, пребывающая в первичной бездне, представляется в виде волн — световых или водных. Мудрость, будучи качеством Творца, — первая, кто выходит в момент творения из этих изначальных вод и созерцает себя как отраженный свет бога в воде. Изначальное море воспринимается в качестве лона творения и зеркала, в котором отражается Мудрость бога. Это — бездна, хаос, из которого появился наш мир, созданный «большими мудрецами». Вода и Мудрость оказываются близки в начале творения. Море — бессознательная, нерасчлененная стихия и невыявленная Мудрость. Мудрость — первая блеснувшая, вышедшая из него и упорядочившая его Мысль. Водяная бездна олицетворяет Мудрость Творца. Мудрость же Творца оформляет бездну моря. Мудрость, обитающая в глубинах вод, является «госпожой бездны». Она — Дева моря и носительница Света — первого проблеска мысли. Мудрость — мать мира и хранительница огня — светового творческого Слова[2].

Первичные воды в «Пополь-Вух» названы небом: «Вот в каком виде существовало небо» (с. 10). Здесь пересекаются две реальности. Небо нашего мира — во-

[1] *Телегин С. М.* Анатомия мифа. С. 76–81.
[2] Там же. С. 108.

дный простор, море параллельной высшей реальности. В этом небе, гласит сакральный текст, «находилось Сердце небес — таково имя бога и так он назывался» (с. 10). «Сердце небес» — это Хуракан. Он — «Сердце» именно небес, поскольку на этом этапе творения земля еще не была создана, а было только небо. В то же время, как мы помним, небо — это воды параллельного мира. Поэтому ранее Хуракан был назван «Сердце озера», «Сердце моря» (Qux Cho, Qux Palo) (с. 9). Это происходит вовсе не потому, что Хуракан считался водным божеством, а потому, что здесь говорится о первоначальном водном пространстве хаоса, «Сердцем» которого и был этот бог. Это совершенно новый этап творения. Самоопределение Ничто происходит путем сжатия, концентрации в «Сердце небес», из которого далее исходит творческое Слово. Внутри изначальной тьмы, в Ничто, вихревые силы, которые олицетворяет Хуракан, формируют фиксированную Точку, которая оказывается Центром духовной энергии и самосознания, выразившемся в совершенно новом явлении — Сердце небес.

Сначала, подобно Создательнице и Творцу, он присутствовал скрыто, но когда они осознали себя и превратились в «больших мудрецов», Хуракан явился как творящее Слово: «Тогда пришло его слово» (с. 11). Принципиально важным становится то, что Хуракан (его имя еще не названо, следовательно, его самоопределение еще не состоялось) появляется как Сердце небес и как Слово лишь *после* того, как Создательница и Творец осознали себя в качестве «больших мудрецов». *Мысль вводит Слово.* Именно потому, что Мудрость не самостоятельна, а относительна и предстает как качество Творца, из нее и исходит творческое Слово. Если бы Мудрость не была качеством Творца, то его Слово не было бы мудрым и не несло бы в себе творческой потенции. Также, если бы Мудрость не была лишь качеством Творца, а была бы самостоятельной сущностью,

то исходящее из нее Слово не относилось бы к Творцу и не имело бы способности творить.

Великое дело творения разворачивается как последовательный процесс: Мысль исходит от Творца, Слово исходит из Мысли, феномены исходят из Слова — приказа. Мудрость — праматерь творения, была до творения, находилась у истоков творения, и творение вышло из нее посредством Слова. Мир творится посредством Слова и Мудрости, то есть первоначально необходима их *встреча*. Об этом в «Пополь-Вух» говорится так: «К Тепеу и Кукумацу, собравшимся вместе во мраке, в ночи пришло оно, и Тепеу и Кукумац говорили с ним. И вот они говорили, обсуждая и совещаясь; они согласились друг с другом, они объединили свои слова и свои мысли» (с. 11). Кукумац — непостижимый и непознаваемый Змей тьмы, Тепеу — его Могущество и Мудрость. Хуракан же предстает как их отражение, как проекция вовне — творящее и произнесенное Слово. Мысль Творца соединилась с его творческим Словом и воплотилась в реальности творения. Акт творения был совершен богами «после обдумывания, после размышления, что должно стать, благодаря им, действительностью» (с. 12). Действительность, реальность творения выходят из соединения Мысли и Слова.

Слово и Мудрость — это своего рода две стороны единой высшей, божественной Реальности. Слово, исходящее из уст Творца, содержит в себе Мудрость — совершенный замысел о творении, выраженный в Слове. Мудрость — внутреннее, невыраженное состояние Слова, поэтому «большие мудрецы» пребывают во тьме и внутри первичных вод. Слово — это проекция Мудрости вовне, ее внешнее, высказанное состояние. Поэтому Слово обретает самостоятельное существование и приходит к Тепеу и Кукумацу, которые говорят с ним. Однако Мудрость и Слово действуют одновременно и нераздель-

но. Они объединяются, поскольку Слово и Мудрость друг без друга невозможны.

Однако говорится, что встреча Тепеу и Кукумаца с Словом произошла «во мраке, в ночи». Боги еще только совещаются о творении, но сам творческий акт пока не состоялся. Во тьме пребывает тот, кто должен сотворить свет. Свет творится из тьмы, солнце выходит из преисподней в результате преображения Черного Солнца, Бытие рождается из небытия. Это Ничто в действительности является Иной Вселенной, управляемой «иными законами». Такова трансцендентная Вселенная Самосущего Духа. Если исток Вселенной в Ничто и это Ничто должно преобразоваться при явлении Слова, то эту космическую метаморфозу можно представить как Первовзрыв. Первовзрыв — это вторжение энергии Слова во тьму первозданного Ничто. Причем взорвалось нечто, что было «за пределами». Взорваться могло только Ничто, Иная Вселенная, пространство тьмы. Хуракан проявил желание выйти из Ничто, из тьмы. В этом акте взрывного превращения Ничто в нечто не могло обойтись без творческой воли, без вмешательства Творца. Высшее безмолвие оказалось нарушенным, когда наполнилось грохотом Взрыва. Изначальная тишина *огласилась*. Это было явление Слова «во мраке, в ночи».

Боги на этом этапе только еще «размышляют» об этом, а не творят, но затем их осенил свет творческой мысли: «...им стало ясно, что при наступлении зари должен появиться и человек» (с. 11). Первая вспышка Мысли (заря) освещает весь замысел вплоть до его цели (создание человека). Следующий этап творения — разработка уже детального плана: «Тогда они распределили сотворение мира, рост деревьев и лесных чащ, рождение жизни и сотворение человека» (с. 11). Показательно, что этапы творения представлены здесь в правильной последовательности, а не в обратной, как ранее. Это связано с тем, что теперь план не просто замышлен, а

он проговаривается. Первоначальный черновой замысел опирался на главную цель (создание человека), которая определялась сразу, а остальные этапы лишь подстраивались под нее и должны были привести к ней. Теперь же, когда главная цель ясна, следует обговорить и распределить все этапы в правильной последовательности, чтобы не сбиться.

Однако это все еще не само творение, поэтому разработка плана по творению света и космоса происходит в первозданной тьме: «Так было установлено это во мраке и в ночи силой того, кто есть Сердце небес, кто именуется Хуракан» (с. 11). Творение происходит по *силе* Слова. Хуракан здесь впервые *назван* по имени. Это значит, что он самоопределился, обрел индивидуальность и явился как бог во мраке и в ночи, чтобы сотворить из них свет и мир. Хуракан — имя того, кто находится над тьмой и над ночью. Он властвует над ними и преобразует их не Мыслью, а Словом. Четыре сферы — темнота (мрак), ночь, холодное море (лед), пустое небо — это место, где Хуракан начинает свое творчество, чтобы создать «четыре главные точки» пространства (с. 10). Творческое Слово Хуракана пришло «во мраке, в ночи»; это голос Хуракана во тьме и над водами.

Важнейшим переломным этапом является, разумеется, определение имени Хуракана, его самоназвание. Миф именует богов, и это называется «теогония». Хуракан — имя бога, который в то же время является Словом. *Хуракан — это Имя и Слово.* Миф дает явлению имя и таким образом производит его как сущее. Благодаря именованию сущее обретает бытийность в мифе.

В творении же материального мира миф именует вещи в том, что они есть, чем они являются. Именование в мифе — это придание вещи бытийности в процессе творения. Так вещь через поименование в мифе становится известной (имеющей имя) как сущее. *В мифе бытие утверждается в слове-имени.* Творение — это

утверждение сущего в Слове. Миф — опора бытийности, существования вещи в слове-имени. Миф через именование утверждает бытийную сущность вещей. Имя устанавливает бытие, дает ему возможность установиться среди первобытного хаоса. Космос существует только там, где есть имя, слово. Космос может обрести бытийность только как названный, поименованный. Где слово-имя, там и космос.

Лишь там, где называется слово-имя, там и возможно существование — в мифе. Миф — место нахождения слова-имени. Следовательно, лишь миф является областью существования. Миф через слово-имя призывает существование и устанавливает бытийность. Через слово в мифе мир определяет свое существование и реальность. В мифе через слово бытие определяется как налично сущее и реальность. Слово-имя в мифе задает бытию меру, ритм, размер, форму, лад. Если вещь такова, какова она есть, то есть устроена *так*, то, следовательно, *таково* и ее имя, *таков* и миф этой вещи. *Таковость* вещи определяется прямой связью между нею и мифом при условии буквальности этого мифа и имени-слова.

Хуракан — имя бога, но как Слово, Хуракан — Творец мира. Хуракан, следовательно, — имя бога-Творца. В имени бога заключена его сущность и его существование. Произнесение имени является для бога определением сущности, утверждением бытийности. Но также произнести имя бога — значит вступить с ним в магические отношения, подвергнуть его и себя действию мистических сил. Имя есть самоопределение бога, именуя себя, он определяет свое бытие, свою сущность относительно бытия. В этом смысле имя бога относительно, и поэтому у одного бога может быть много разных имен (в разных мифах, у разных народов, на разных этапах творения или в разных плоскостях реальности). Будучи выражением сущности бога, имя становится его первой манифестацией и его первым произнесенным Словом

(«Я есть такой-то по имени»). Стоит заметить, что только боги обладают собственными именами. Это означает, что лишь боги являются единственной реальностью и что они только на самом деле существуют, а вне их нет ни реальности, ни существования. Божественное имя есть первое Слово Творения. Собственно, в имени бога и заключено все творение, его замысел, его тайна, его существование. Называнием имени бога совершается акт творения.

Подлинное имя бога в настоящее время утрачено или скрыто (так как его использование может привести к разрушению творения), но когда-то оно было общим для всех народов. Это ясно из единства корня в имени Творца у разных народов. У доинкских племен аналогом Хуракана был Уиракоча, и созвучие их имен не случайность, а указание на единство происхождения. У индоевропейских ариев Хуракану соответствовали Варуна (в «Ригведе»), у греков — Уран, у хеттов — Аруна. Имена их в равной мере означают «покрывающий», «скрывающий», «прячущий», «спрятанный», то есть — невыявленный, изначальный. Все они были божествами небесных вод, и отмеченное единство имен и культов свидетельствует, что вера в этого изначального бога зародилась еще во времена единства арийских племен. В именах Варуна, Уран, Аруна, Хуракан, Уиракоча, а также Ахурамазда и Асир (Осирис) легко выделяется общий корень «ur», который соответствует древнейшей германской руне «ur», означающей «предвечное, изначальный огонь, изначальный свет, первый бык, воскресение»[1]. Этот корень несет в себе такие свойства Творца, как его изначальность и трансцендентность, скрытость для нашего мира. Это имя, следовательно, указывая на реальное существование бога, определяет его бытие относительно творения.

---

[1] *Лист Г., фон.* Тайна рун. М., 2001. С. 38.

Хуракан означает «Одноногий». У ацтеков ему соответствовал одноногий бог Тескатлипока. Он являлся изначальным, трансцендентным космическим богом, творцом мира. Это бог космического льда, изначальной тьмы и долгой ночи. Он считался полярным богом, олицетворенным на ночном небе созвездием Большой Медведицы. Звезды были отпечатками его ноги, которые он оставил, ковыляя вокруг Полярной звезды[1]. У хопи Хуракáну и Тескатлипоке соответствует одноногий верховный бог клана Стрел. Подобно Тескатлипоке, его цвет — черный, поскольку он путешествует по пространству, потустороннему по отношению к нашему миру. Вместо одной ноги у него молнии и он, подобно Хуракану, осуществляет связь с нашим миром благодаря этим молниям[2]. В Египте одноногим был бог тьмы Сет. Его нога была оторвана Гором, причем она стала отождествляться с созвездием Большой Медведицы[3], как и Тескатлипока. Сет — это полярное ночное божество тьмы, противник Гора — дневного солнца.

В Индии Хуракану соответствует древнейший ведический бог молний Аджа Экапад, имя которого переводится как «Одноногий козел». Он выступает в мифах то как самостоятельное божество, то как один из детей Рудры или как сам Рудра. Его также считали воплощением ведического бога солнца Рохиты (то же, что Сурья). З. Рогозина переводит имя Аджа Экапад как «Одноногий Нерожденный» и считает его одним из определений Единого Первосущего божества, Предвечно Сущего, от которого все родилось. Он «Одноногий Нерожденный», поскольку обитает в сокровенном трансцендентном мире, «в который он вступает ногой, отсюда и название

[1] *Овузу Х.* Символы инков, майя и ацтеков. СПб., 2006. С. 209.
[2] *Овузу Х.* Символы индейцев Северной Америки. СПб., 2006. С. 96–97.
[3] *Мюллер М.* Египетская мифология. М., 2005. С. 117.

"Аджа Экапад"»[1]. Одноногий Царь (в соединении с одноногой Царицей) появляется в алхимических трактатах. В одном из них выражение «одноногий» по отношению к Меркурию должно, вероятно, подчеркнуть его единство[2]. Этот параллелизм образов свидетельствует об общности изначальной мифологемы.

Одноногость, как и хромота, указывает на связь божества с датой зимнего солнцестояния. Так, в «Ригведе» Ашвины излечили Правриджа от слепоты и хромоты: «Слепого (и) хромого делаете способным видеть (и) ходить» (РВ. I. 112, 8). Б. Г. Тилак говорит, что «слепой и хромой Правридж соотносится с солнцем после заката или в приближении к зимнему солнцестоянию»[3]. В день зимнего солнцестояния, когда совершается переход от старого пространства-времени к новому, творится новый мир. Нет ничего странного, что бог-Творец оказывается связан с этой датой. На одной ноге он перепрыгивает из старого мира в новый, творя его. Хуракан в этом проявлении превращается в космический вращающийся вихрь, который соединяет, скрепляет все первоначальные элементы хаоса, преобразуя их силой своей творческой воли в космос. Такова мистерия даты зимнего солнцестояния в примордиальной Традиции.

В «Пополь-Вух» содержится важнейшее указание на триединство Хуракана. «Первый называется Какулха-Хуракан. Второй — Чипи-Какулха. Третий — Раша-Какулха. И эти три суть единое Сердце небес» (с. 11). Какулха-Хуракан означает «Молния Одноногого», Чипи-Какулха — «Маленькая Молния» и Раша-Какулха — «Зеленая Молния»[4]. Когда в «Пополь-Вух» говорится о трех

---

[1] *Рогозина З.* О происхождении мира // Все об Индии. Сборник. В 2-х т. Т. 1. М., 2002. С. 310–311.

[2] *Юнг К. Г.* Mysterium Coniunctionis: Таинство воссоединения. Минск, 2003. С. 480, 490.

[3] *Тилак Б. Г.* Арктическая родина в Ведах. М., 2001. С. 325.

[4] Popol Vuh. P. 39.

Хураканах, которые являются одним, это означает, что, по представлениям киче, единый бог триедин, то есть оказывается Единым существом, имеющим три способа проявленности. Три проявления единой сущности — это и есть триединый Хуракан, единство существования которого становится основанием для тройственности проявления. Триединство и есть первая проявленность сущности бога. Бог есть Единство, которое проявляет себя в бытии посредством триединства. Когда говорится о трех Хураканах, то речь идет не о трех самостоятельных божествах, каждый из которых существует сам по себе, а о трех проявлениях одного и того же бога, о трех сущностях единого существа.

Три имени Творца обозначают три линии творения в их нисхождении в материю, поскольку молния — это нисхождение света с неба на землю или вхождение энергии в бездвижный хаос. Три способа проявленности Творца — это Душа, Мысль, Слово. В Душе Творца зарождается Мысль о творении, которая и выражается через волевое Слово. Первая же манифестация этого триединства является творческим Словом (Хуракан есть Слово). В этом триединстве проявляется сущность бога как Творца. Не будучи Творцом, бог не был бы триедин. Но также и вне триединства (душа-мысль-слово) творчество невозможно. Хуракан триедин, поскольку он Творец, но он Творец лишь в силу своего триединства. Триединство и творчество в Хуракане нераздельны. В этом суть его существования и таково существование его сущности.

В начале бог проявляет свою сущность и определяет само свое существование в яркой ослепительной вспышке. Следствием этой вспышки, вошедшей в изначальные воды, стало создание космоса из хаоса. Тьма — это безмерная глубина Мудрости, бесконечность которой была неведома (Ничто), замкнута в себе (трансцендентность) и не распространяла света, пока блестящая точка, луч

(Молния-Хуракан) с силой не пробилась в видимость. С этого молниеносного явления света во тьме и началось творение. Я. Бёме говорил, что «молния есть мать света, ибо молния рождает из себя свет; она есть отец ярости, ибо ярость пребывает в молнии, как семя в отце; и эта же молния порождает также и звук, или звон»[1]. Когда молния исходит из Сердца небес, космос получает бытийность, а явление — существование.

Поскольку Хуракан — молния, то он несет в себе живую электрическую энергию, которую вырабатывает сам и которой заряжает Вселенную, даруя ей жизнь. Он, как бог-Творец, является, по выражению Ланца фон Либенфельса, «одним из электрических первобытных существ»[2]. Закономерно при этом, что он действует «во мраке, в ночи». Хуракан был богом живого огня, электрической вспышкой, прорезавшей тьму. При этом одно из имен Хуракана — Зеленая Молния. Ранее в «Пополь-Вух» о нем говорилось как о Владыке зеленого блюда и Владыке зеленой чаши (с. 9). Здесь Хуракан предстает как Владыка просторов неба, вод и земли. Однако сам по себе зеленый цвет связан с дождями, с водной стихией, из-за чего бог назван также «Сердцем озера и Сердцем моря» (с. 9) — изначальных космических вод. Будучи Зеленой Молнией, Хуракан открывает нам тайну Зеленого Луча. Свет нынешнего желтого солнца скрывает за собой мистическое Черное Солнце, а оно уже прячет Зеленый Луч. Хуракан открывает посвященным Путь Зеленого Луча. Тайна в том, что Зеленый Луч должен коснуться головы человека. Это будет подобно удару молнии. Только Зеленый Луч открывает подлинное зрение и знание о сущности мира.

Молния, дающая мгновенную вспышку света, исходит из Хуракана. Эта молния есть сияние первого творящего

---

[1] *Бёме Я.* Указ. соч. С. 136.

[2] *Ланц фон Либенфельс Й.* Теозоология. Тамбов, 2008. С. 69.

Слова и соответствует ясности Слова. Когда Хуракан произносит Слово, то он производит и молнию, рождает себя как молниеносную вспышку света творения. Эта вспышка молнии и есть истинное Слово Хуракана. Молния исходит из творческого огня Хуракана и несет в себе начало всех сил и источник Вселенной. Эта молния зажигает тьму огненным Словом Хуракана. В вспышке молнии Хуракана скрыто творчество, в ней пребывает волевой акт и творческое Слово. С молнией «начало» распространяется само и распространяет семена-идеи нового мира, которые должны упасть в изначальный хаос и взойти феноменами упорядоченного космоса.

Хуракан существовал в изначальном и «пустом» небесном пространстве как «Сердце небес». Он — творящая Точка в центре пустоты небес. Сжатие пустоты небес порождает Точку, несущую в себе колоссальную творческую энергию, которая и реализуется как Хуракан — в виде молнии или Зеленого Луча. Точка концентрации пустоты небес, Сердце небес (Хуракан) породило сияние молнии, названное началом творения. Ее распространение и привело к созданию космоса. Молния обладает преобразующей силой. Космос — пустота небес, преобразованная силой молнии, и изначальные холодные воды. Напряжение, возникающее на границе между небом и морем, разряжается при помощи вспышки молнии, и между ними возникает твердая и упорядоченная граница — космос.

Сияние молнии, породившей космос, — это распространение творящей воли Хуракана из скрытой в пустоте небес Точки во все пределы творимого и упорядоченного пространства. Сияние молнии Хуракана мгновенной вспышкой освещает весь мир и так творит его. Основа существования мира находится в Хуракане, в его творческой воле и во вспышке его молнии, вышедшей из Точки, из Сердца небес в виде Зеленого Луча. Пока сияние находилось в Точке в скрытом состоянии, в мире

было только молчание, холод, тьма. Как только молния сверкнула и вышла из Точки в виде Зеленого Луча, так космос оказался сотворенным.

Будучи Точкой, свернутой и скрытой в пустоте небес, изначальный бог зовется «Сердце небес» (с. 10, 11). Сердце небес — это Дом небес, Дом, в котором бог до явления творящей вспышки пребывает скрыто, тайно, изначально (это соответствует руне «ur»). Точка — это и есть Дом, место скрытого пребывания. Бог находится здесь в зародышевом (свернутом) состоянии. Он только готовится родиться и выйти в виде вспышки молнии. Поскольку он еще не вышел, не определился как молния и как творческая воля, то его имя (Хуракан) в этой части сакрального текста не названо, а только определяется как Сердце небес. В этой Точке в потенции заключен не только космос, но и сам бог, создавший мир. В этом отказе открыть имя бога, а только лишь дать его определение, содержится указание на потенциальность. Поэтому здесь он пребывает во тьме: Зеленый Луч заслонен Черным Солнцем.

Лишь после явления молниеносной световой вспышки творческой воли имя бога открывается (Сердце небес именуется Хуракан — с. 11). Только после выхода бога из потенциального, зародышевого состояния, после его исхода из Дома в виде Зеленого Луча совершается его поименование. Открытие имени Хуракана означает выход из Точки, акт творения, явление бога и космоса в сияющей вспышке творящего Зеленого Луча. Неоформленный, невыявленный, небытийный «ur» превращается в ослепительно сияющего творящего Хуракана (ur + can). «Ur» — это изначальная пустота небес; «can» — сияющая вспышка, вышедшая из Сердца небес, из Точки, скрытой в небесах. После выхода из Точки Хуракан не просто является миру и творит космос. Если раньше он присутствовал только в пустоте небес, да и то скрыто, то теперь он открыто явлен в трех плоскостях реальности, обретая тройственность, триединую природу.

Хуракан именуется Сердцем небес, поскольку именно сердце — главная точка измерения Души Творца. В силу этого сердце — Центр небес, всего мира, то есть аспект творения, а Творец представлен сердцем творения. Сердце здесь — побудительная сила для акта творения, несет в себе божественную творческую волю. Я. Бёме заметил, что «небо есть сердце природы, в котором пребывают все силы, как в стихиях и звездах», причем самое начальное и глубокое творение происходит «в середине, и оно есть сердце Божества»[1]. Именно сердце несет в себе стихию света и жар огня. Сердце небес представляет собой полюс стягивания воедино в божественной силе. Из этого первосущего ядра и рождается наша Вселенная. Сердце является самим истоком творения, его глубинной основой, несущей в себе волю к творению. Из сердца, как из центра, мир начинает процесс самостановления, развития. Бытие берет свое начало в сердце.

Творящее Слово имело в своем начале божественную Волю и Желание. Творящая Воля и Желание несут в себе энергию творения, явленную в первом сиянии божественного Света и в звучании творческого Слова. Однако место обитания этого Слова, место рождения Желания и творческой Воли располагается в сердце. А. фон Франкенберг отмечает, что благословенное Слово существовало в Вечности от Начала, и «оно возникло, зачалось и родилось в вечности из отцовского **сердца**»[2]. Все вещи сотворены Словом, зародившимся в Сердце небес и вышедшим из него как осуществление Желания и Воли. В качестве Сердца Творец определяет свое бытие в творении и в Слове.

Сердце само по себе — знак Центра, как человека, так и мира. Это точка пересечения макрокосма и микрокосма, божественного и человеческого. Будучи скрытым, сердце

[1] *Бёме Я.* Указ. соч. С. 52, 261.

[2] *Франкенберг А., фон.* Рафаэль, или Ангел-Целитель. Киев, 2006. С. 29.

несет в себе идею скрытого для нашего мира трансцендентного бога. Оказываясь образом Центра, сердце прямо соотносится с Мировым яйцом, из которого был сотворен наш космос[1]. Сердце становится истоком творения и источником радости от совершенства творения. Сердце есть источник света и творящего Слова. Из Сердца небес исходит Зеленый Луч (молния), сопровождающаяся звуком произнесенного Слова. Так происходит сотворение мира. Эти свет и звук являются соединенно в виде молнии, исходящей из Сердца небес.

В качестве центрального органа сердце отвечает за все процессы, происходящие в мире, становясь материализацией души Творца и его Воли. В китайской натурмифологии сердце — правитель для тела, оно — вместилище ума, и вся духовная деятельность (мышление) исходит из него[2]. В египетском мифе о творении мира бог-создатель обращается «с заклинанием к сердцу своему» и «положил начало [вещам] в своем собственном сердце, и на свет появилось множество сотворенных вещей...»[3]. В другой версии мифа Творец сообщает, что «творил силой заклинаний сердца» и «заложил начало вещам [посредством] сердца своего...»[4]. Э. Уоллис Бадж, комментируя этот миф, отмечает, что бог «обращался к своему сердцу, которое помогало ему в первых актах творения; и мы можем предположить, что в своем сердце он продумывал, какого рода вещь желает сотворить, а затем он произнесением ее названия воплощал свою мысль в конкретную форму»[5]. В Египте такой способ творения называется «заложение начала в сердце». Также и М. Луркер утверждает, что Творец «выдумал все-

[1] *Генон Р.* Символы священной науки. М., 2002. С. 239, 248.
[2] *Вильямс К. А.* Энциклопедия восточного символизма. М., 1996. С. 321–322.
[3] *Уоллис Бадж Э.* Легенды о египетских богах. М.; Киев, 1997. С. 81.
[4] Там же. С. 83.
[5] Там же. С. 15.

ленную своим сердцем и наградил ее обликом своим созидательным словом»[1]. В египетском мифе творческая Воля и творящее Слово исходят из сердца. Эта же идея выражена и в «Пополь-Вух»: творческое Слово выходит из Сердца небес.

Сердце, благодаря своей динамичной функции в организме, становится наилучшим знаком для передачи творческого момента. Являясь священным центром человеческого тела, сердце воспринимается также в качестве сакрального Центра Мира и исходной Точки творения. Так сердце становится местом, где рождается просветленное сознание Творца. Сердце несет не только замысел Творца о мире, но, что особенно важно, его любовь к творению.

Сердце небес пребывает скрыто, но становится точкой равновесия. Это означает, что равновесие пребывает в скрытой области, в небытии. Будучи скрыты в Сердце небес, космические силы находятся в состоянии неустойчивого равновесия, в потенциальности бытия. Идея равновесия заключена в самом скрытом (небытийном) существовании Сердца небес. Равновесие заключено в точке, которая еще даже не существует (Небытие). Однако это небытийное равновесие уже потенциально несет в себе идею равновесия бытия, когда Сердце небес и Сердце земли объединятся как две уравновешенные чаши весов. В этом равновесии соединяются Создательница и Творец, и создается бытие. Те, кого нет (скрытые боги), обретают бытие и создают бытие (наш космос) из небытия (из тьмы).

Когда в первичном небе появляется Сердце, то его природа меняется. Сначала это было темное, ночное небо, но в нем существовало скрыто и тайно Сердце неявленного бога. Это было еще не то небо, которое есть сейчас, поскольку творение нашего неба совпадает

[1] *Луркер М.* Египетский символизм. М., 1998. С. 131.

в «Пополь-Вух» с творением нашей земли. «Пополь-Вух» изначально представляется как «повествование о том, как совершилось возникновение всего: неба и земли» (с. 9), и о том, «как было разделено небо» (с. 10). Творение неба предстает как «разделение», которое оказывается возможным лишь после проявления его Сердца. Из изначальных вод должна появиться не только земля, но и наше теперешнее небо. Как природа первичных вод — лед, так и природа неба — лед. Из льдистого неба Северного полюса рождается небо нашего космоса.

Небо как средоточие и престол Сердца небес становится обычным небом нашего мира. Космическое небо превращается в небо нашего космоса. Неподвижность, тьма, молчание льдистого неба Полюса сменяется небом — воздушным и жизненным пространством. Если раньше ширь темного и пустого неба соответствовала шири ледяного моря, то теперь ширь неба соответствует просторам земли. Соединение тверди неба и тверди льда сменяется соединением тверди неба и тверди земли. В начальном небе «не было ничего». Но когда в момент творения небо разделилось, в нем произошло движение и появилось Сердце и волевое Слово, то тут же все изменилось. Благодаря проявлению или формированию Сердца движение входит в ранее неподвижное небо, и оно преобразуется, разделяется в акте творения мира.

Небо по своей возвышенно-духовной, нематериальной природе ближе к богу, чем материальная земля. Не случайно Создательница, Творец и Хуракан скрываются в пространстве небес, а не земли. Но зачем в «Пополь-Вух» столько богов, принимающих участие в создании мира? Существуют Создательница, Творец, Хуракан. Творение вполне могло быть осуществлено одним богом. Однако на самом деле концепция божественного творения подразумевает, что за спиной божества, непосредственно творящего мир (Хуракан-Слово), и выше него пребывает божество, планирующее творение

(мудрецы Тепеу и Кукумац, андрогинное божество). По отношению к нему Творец оказывается всего лишь исполнителем-посредником (Слово — порождение мудрости). Еще бульшая тайна заключается в том, что над божествами-мудрецами и планировщиками, вне их и вокруг них находится самое Непознаваемое и Неведомое, Источник и Причина — трансцендентное Ничто.

Андрогинное единство изначальных Создательницы и Творца соответствует высокой нордической Традиции священного двуединства или *«двойственно-двуединой двоицы»*[1]. Эта двоица духовного и телесного, мужского и женского представляется всегда в объединении, в синкретизме противоположностей. Она несет в себе бинарный код как ключ к созданию Вселенной. Однако при соединении мужское и женское создают третье — центральную Точку, Сердце небес. Так изначальная двоица предшествует и порождает из себя *«тройственно-троичную троицу»*, которая предстает как единство прошлого, настоящего и будущего, или возникновения, бытия и «гибели по направлению к новому возникновению»[2]. Именно эта первичная троица и сотворила мир. Космос родился от соединения Создательницы и Творца и их андрогинного слияния в Сердце небес.

От этой первой троицы родилась вторая троица — Хуракан, создавший космос Словом. Поэтому триединый Хуракан появляется после андрогинного Кукумаца. Первая троица осуществляет переход от Небытия к Бытию. Вторая троица утверждает Бытие как реальность творения. При этом творческая Воля переходит от первой троицы ко второй: «Тогда Тепеу и Кукумац сошлись вместе с ними, тогда они совещались о жизни и свете...» (с. 11). Тепеу и Кукумац сошлись «с ними» — с троицей Хуракана, чтобы обсудить планы сотворения мира.

---

[1] *Лист Г., фон.* Первооснова. Тамбов, 2009. С. 42, 110.
[2] Там же. С. 42, 112.

Мудрость облекается плотью Слова, потенциальное становится явным, могущество утверждается в Бытии, и происходит его завоевание. Поскольку творение совпадает здесь с понятием соединения, то, чтобы сотворить мир, Тепеу, Кукумац и Хуракан — Творец, его Мысль и Слово, должны были встретиться и соединиться.

Троичность открывает, что бог является Другим в каждой из трех фаз творения или трех плоскостях реальности, но в то же время — все тем же, сохраняя свое Единство. Вне своего отношения к миру и человеку бог оказывается Одним, и Троица является «Одним — Единственным — Единым»[1]. Поэтому в «Пополь-Вух» подчеркивается единство Хуракана. Эта концепция, представленная в сакральном тексте, восходит непосредственно к изначальному Откровению, данному человечеству в момент его сотворения.

Когда Тепеу и Кукумац сошлись с Хураканом и «совещались о жизни и свете, о том, что должно быть сделано, чтобы появились свет и заря» (с. 11), то все это происходило еще «во мраке, в ночи». Эти слова могут быть поняты только как указание на творение *времени.* Мир создается последовательно (земля, вода, растения, животные, человек), но это творение вписано в рамки времени. Здесь указание на время (от ночи до наступления зари) дается до творения мира и солнца. Это означает, что именно время оказывается «первым» творением, хотя оно и неотделимо от пространства. Это творение осуществляется «во времени», так как в противном случае следовало бы предположить, что время существует отдельно от творения и независимо от Творца.

До творения мира не было и времени, но время начинается не с момента *создания* пространства, а с момента возникновения *замысла* творения мира, когда и были определены временные рамки для этой «работы». Время

[1] Там же. С. 47.

началось в тот момент, когда Творец задумал создать мир как последовательный процесс. Поэтому в «Пополь-Вух» концепция времени и идея о его течении (от ночи до рассвета) возникает до того, как творится мир, но после того, как последовательность процесса определена. Этот процесс будет затем вписан в эти заранее заданные ограничительные временные рамки: создание человека завершает творение и происходит перед самым рассветом. Порядок творения задан движением времени, которое «началось» с появления замысла о творении как последовательном процессе.

Далее, подразумевая весь план творения целиком, боги произносят свое первое Слово: «Так пусть это свершится!» (с. 11). Следует понять, что именно в это мгновение весь наш космос во всей протяженности пространства-времени был создан. Далее, однако, процесс творения разбивается на отдельные этапы. Первая задача — превращение Ничто в Нечто, переход из Небытия к Бытию. В «Пополь-Вух» она решается как «заполнение пустоты»: «Да будет заполнена пустота!» (с. 11). Этот приказ относится к первичной «пустоте», к «пустому пространству небес» (с. 10). Но сразу после этого говорится о создании вторичной пустоты на место изначальных небесных вод: «Пусть воды отступят и образуют пустоту...» (с. 11). Хотя в обоих случаях говорится о «пустоте», но природа их совершенно различна. В первом случае она существовала изначально, а во втором она образуется после того, как воды отступят. Этот второй процесс аналогичен «разделению небес», поскольку небеса и представляли изначально водное пространство. Не случайно, что в переводе Ресиноса для этих процессов используются два разных слова. Первичная пустота, которая должна быть «заполнена», переведена как el vacho (пустота, безвоздушное пространство, полость), а вторичная, которую должна «освободить» отступившая вода, — как el espacio

(пространство)[1]. Изначальные воды разделились, отступили и образовали или освободили пространство для творения космоса.

Когда бог решил обрести форму, создать бытие и перейти из Ничто в Слово, то он сконцентрировался в центре тьмы, чтобы его сконцентрированный Свет смог разойтись по окружности во все стороны от центра. Это сжатие-сокрытие и выражено в словах о Прародителях, скрытых в центре океана тьмы. Решение о концентрации света ради последующего его явления-излияния передается в словах о соединении богов. По мнению А. Пайка, это сжатие «было совершено для того, чтобы возвысить Изначальный Свет и освободить некоторое пространство»[2]. Поскольку до начала творения все было заполнено «бесконечными водами», то свободное пространство для творения мира отсутствовало. Когда воля Творца направилась в сторону творения, то он прежде всего сжал эту воду со всех сторон, чтобы оставить свободное для творения пространство. После того как произошло это сжатие и освобождение пространства, образовалось место, пригодное для творения сущего. Это пространство являло собой некий вакуум, пустоту, свободное пространство, необходимое для размещения в нем творения. В этом пустом пространстве, образовавшемся в беспредельности, нашлось место для проявления идей и форм бытия. Творение предстает как разделение неколичественного единства (воды и неба). Это разделение выступает в качестве порождения пространства и времени, а с его помощью — упорядоченного космического единства.

Разделение породило новый космический компонент — землю: «...пусть появится земля и будет прочной; пусть это свершится» (с. 11). Разделение вод порождает землю.

---

[1] Popol Vuh. P. 10.

[2] *Пайк А.* Мораль и Догма. В 3-х т. Т. 3. М., 2008. С. 199.

Твердь создана в пространстве, образовавшемся относительно отступивших вод. Разделение вод и появление земли — это еще не творение нашей суши, так как подразумевается, что первичная земля уже существовала. Просто она была сначала скрыта под первичными водами. В «Пополь-Вух» подчеркивается, что первоначально «небо было в состоянии неизвестности, а земля была погружена в воду» (с. 12). Образовавшаяся земля — это не земля нашего мира, так как она была только «освобождена», а не сотворена. Как изначальное небо, эта земля была хаотична и только требовала творческого вмешательства.

Вода была основой всего, и Вселенная была создана из первичных вод хаоса. Три первоначала — небо, земля и вода — вышли из этой первоосновы, из изначальных недифференцированных холодных вод. Земля произошла из воды, небо разделило воды, воды же хаоса трансформировались в воду нашей реальности. Ни воздух, ни огонь, ни земля, ни вода, хотя все они — основные первоэлементы мира, не могут проявиться самостоятельно, пока не выйдут из своей первоосновы — воды, которая открывает их и выводит из себя. При этом изначальная вода была, как мы помним, бездвижной, тихой. Получается, что одна твердь (лед) породила другую твердь (землю).

Твердая природа льда собирает всю воду в одно место, фиксирует ее. Соединение огня (Слова) и льда (холодные воды) вызвало таяние ледяной шапки Полюса, превратившейся во множество водных потоков. В этот момент понятие тверди переходит ото льда (которого больше нет) к земле. Раньше твердью был лед (твердь вод), а теперь твердью стала земля. Вода — основание земли, твердь воды (лед) — строительный материал тверди земли, его первоформа. Исток земли скрыт в истоке изначальных холодных вод. Так и исток любого творения скрыт в подсознании. Как с приходом Ураканамолнии воды отступили и явилась земля, так и в момент

творческого озарения сияющая идея, образ нового является из тьмы бессознательного. *Лед неведения растоплен огнем мысли.*

Разделение вод и освобождение первичной земли приводит к появлению нового компонента творения — Света. «Пусть будет свет, да будет заря на небе и над землей!» (с. 11). Земля появляется до света. Свет — это энергия, обладающая силой дарения. Земля — сосуд, обладающий силой получения («Зеленая чаша», как об этом сказано в «Пополь-Вух» — с. 9). Без сосуда невозможен был бы свет, так как он бы не светил, не собрался, а рассеялся. Свет создан после земли и неба, чтобы ему было от чего отражаться. Свет, распространяясь во все стороны, отражается от неба и светит сверху. Он отражается от земли и поднимается снизу вверх как заря. Раньше разделения небесных вод и появления тверди земли свет не мог быть явлен, так как, не имея возможности отражаться, он и не смог бы *светить*. Заря является как земное эхо божественного света. Зеленый Луч Хуракана должен зажечь зарю и свет. Заря — ответ космоса на зеленую молнию Хуракана. Без земли Зеленый Луч Хуракана так и остался бы в плену Черного Солнца.

Исходя из этих принципов, сначала появляется земля, которая должна быть «прочной» (с. 11), то есть стать твердой основой для света. Когда твердая основа создана, может появиться и свет. До явления земли было только небо и воды хаоса, заполнявшие все пространство пустоты. Вода не была парой небу, поскольку они были соединены. До явления земли небо было неполным, небытийным, оно еще не было сотворено и пребывало «в состоянии неизвестности» (с. 12). Лишь после того как земля явилась из отошедших вод, небо, став ей парой, также обрело качества бытия. Вот после этого в образовавшемся космосе и появились свет и заря, чтобы осветить пространство между небом и землей. Поэтому свет *творится* после *появления* земли.

Боги Тепеу, Кукумац и Хуракан сказали: «Так пусть это свершится!» (с. 11). Здесь слово «свершится» несет потенциал всего, что должно возникнуть. Это свершение равносильно «заполнению пустоты», творению бытия: «Да свершится бытие!». Каждый этап творения (земля, свет и т. д.) отмечается особым самостоятельным волевым приказом («пусть свершится», «пусть будет», «пусть появится»). У каждого творения есть свое Слово, которое несет в себе потенцию этого творения и направленную волю Творца. Творение, следовательно, начинает существовать, когда выполняет задачу, высказанную в приказе «быть», «существовать», «свершиться», и когда исполняет творческую волю бога. Каждый волевой приказ выполняет свою задачу и порождает свою деятельность в творении. Бытие есть не просто само по себе, но оно есть *выполнение приказа* Творца «быть», «существовать», «свершиться».

В «Пополь-Вух» акт творения рассматривается как последовательность высказываний, благодаря чему мир в своих отдельных феноменах и в целом обретает бытие. Творение Словом — это *выговаривание* мысли, проецирование ее вовне в качестве самостоятельной реальности. Слово исходит из мысли, явное выходит из неявного, а бытие — из небытия. Сначала, когда Сердце небес находилось скрыто в небе, свету негде было проявить себя. Свет уже существовал в Хуракане, но не явно, не в произнесенном Слове, а скрыто — как мысль (Творец — «большой мыслитель»). Только после того как было подготовлено и освобождено от первобытных вод «место» («пустота»), свет смог открыться, явившись в Слове — волевом приказе «Пусть будет свет» (с 11). Поскольку мир освещен не самим Хураканом, а его Словом — световым Зеленым Лучом, то он не совпадает с самим светом, но в то же время благодаря этому Слову-свету, освещающему творение, нет ни одного места, лишенного присутствия Хуракана. *Он вне мира, но мир наполнен им.*

Мир, космос — это речь бога. Благодаря произнесенному Слову мир становится реальностью. Эта реальность зависит от того, что Слово произнесено, но само Слово есть порождение мысли — волевого решения, чтобы мир был создан. Мысль становится реальностью в Слове, воплощается в речи, поэтому и сотворенный Словом мир обретает реальность. Самоопределение творения как реальности имеет под собой прочное основание — реальное бытие волевой мысли в произнесенном Слове. Если бы мысль не была произнесена, то мир существовал бы только в божественном замысле — внутри реальности Творца, и не имел бы собственной реальности. Произнесенное же Слово в одно и то же время обретает самостоятельное значение и отдельное существование, но и полностью зависит от своего истока — божественной мысли. Реальность этого существования определяется именно этой его зависимостью. В божественной речи продуманная мысль, существовавшая лишь в божественном сознании, облекается в слова, получившие свое собственное реальное бытие. *В акте творения мысль и желание бога создать мир обретают реальность в произнесенном Слове.* Реальность начинает существовать отдельно от Творца, но в то же время и зависимо от него. У мира нет иной реальности, кроме той, которую бог определил ему в произнесенном Слове. Творение мира — это акт *выговаривания*, словесного оформления мысли.

Поскольку Хуракан был Сердцем небес и творит мир Словом, это означает, что Слово изошло из Сердца, из самого средоточия божия, и объяло все пространство мира. Творящее Слово устремляется из Сердца к первичной материи, входит в нее и свершает акт алхимической трансмутации. *Слово есть отражение мысли; Вселенная же есть отражение Слова.* Логос — это творящее божество. Он не является нерожденным и несозданным, так как творится (произносится) богом-творцом, при-

ходится ему сыном и порождением. Логос — посредник между творением и Творцом. В начале, когда непроявленный и небытийный бог (Ничто, Пустота) решил обрести бытие и сотворить мир, он, во-первых, помыслил (мудрец и мыслитель), а затем облек свою мысль в форму, в плоть Слова (поэтому Слово «пришло» — с. 11). Его уста произнесли Слово, подобное ему самому. Это Слово открыло ему то, чем он являлся в бытии — его Имя. Вечно Сокрытый проявился в Слове и через Слово обрел бытийность.

До произнесения Слова его энергия, его огонь в чистоте и яркости своего света, существовала в свернутом виде, распространяясь *снаружи вовнутрь*, являя яркость внутри тьмы и скрытно во тьме. Из-за этого была видна только тьма, а свет, скрытый во тьме, был Ничто. Тьма была местом распространения света внутри себя и одеянием света. В момент произнесения Слова тьма раскрылась и выпустила из себя Зеленый Луч, который рассек тьму и распространился *изнутри вовне*, явив яркость вне и определившись как бытие. Таково было явление Хуракана — Зеленой Молнии — и приход Слова.

Творение мира Словом — ведущая мифологема космогонии многих народов мира[1]. Мир вызван из хаоса и сотворен посредством Слова — звука, несущего в себе божественную мысль. Вне произнесенного Слова ничто не могло обрести бытийность. Вещи, явления, космос бытийствуют только потому, что были названы, поименованы, выведены из небытия Словом. Произнесение Слова — не просто творение, но повеление. Миру *приказано* быть, и у мира нет иного выбора. Мистерия творящего Слова — одна из главных тем космогонической мифологии. До творения Слово пребывало «только» в боге, в его мудрости. После произнесения Слово рас-

[1] *Телегин С. М.* Анатомия мифа. С. 4–7.

пространилось «везде» — в космосе, который оно и создавало по мере распространения.

Воплощенность Слова достигает своей высшей точки еще до начала творения. Хуракан изначально и был Словом. Это Слово было «до начала» и «в начале» творения. Бог Хуракан был Словом, и Словом он стал Творцом и сотворил мир. Воплощенное в Хуракане Слово при создании мира также воплощается и в творение. Творя мир Словом, бог в Слове открывает себя миру. Поскольку он творит Словом, то это творческое Слово и есть его изначальная и главная природа. *Слово — начало нашего мира, и вне Слова наш мир не существует.* Творение мира есть акт раскрытия и воплощения Слова. Это Слово является устремленной к творчеству волей бога. Мир равновелик произнесенному и сотворившему его Слову. В мире нет ничего, что было бы за пределами Слова. Слово есть космос, объединяющий все, что есть в боге как Творце мира.

Поскольку природа Хуракана есть Слово, то он, ощущая бесконечное стремление к творчеству, обретает бытийность в произнесении этого Слова. Он произносит Слово и творит этим мир. Хуракан творит феномены как поток образов своей мысли, явленный в Слове. Через Слово бог творит мир и проявляет себя в космосе. В физический мир бог входит именно через Слово, творящее этот мир.

Если мир творится Словом, то Слова — это строительный материал космоса, камни, из которых слагается здание-мир. Каждое Слово, из которого создан мир, выступает как определенная сила или сторона творения. Слово представляет качества какого-либо из элементов космоса своим звуковым ритмом, сочетанием. Звуки Слова и соответствуют определенной силе творения или структуре явления. Духовные силы, выходя из произнесенных Творцом Слов, ритмизуют космос, оформляют материю, создавая феномены. Каждое произнесенное

Творцом Слово говорит о силе и свойствах творимого в этот момент феномена.

Поскольку мир созидается не одним Словом, а каждый феномен творится самостоятельным Словом, то каждое из этих Слов есть определенная ступень в акте воплощения замысла творца. Поэтому мир творится в определенной последовательности — от стихий до отдельных проявлений. Порядок в произнесении Слов сообщает о связи объектов, их духовном состоянии и иерархической подчиненности. Произнесенное Творцом Слово, зафиксированное в сотворенном феномене, получает свое «земное», материальное значение и прочтение. Последние этапы творения — самые материальные, оформленные (конкретные единичные феномены). В то же время его материальный смысл говорит о духовных корнях как объекта, так и человеческого слова — «земного» названия этого объекта. Постижение Слова в его духовном значении определяет подъем на духовный уровень Творца, впервые произнесшего это Слово.

Когда Хуракан творит мир Словом, это следует понимать в том смысле, что мир является материальным воплощением творческой воли бога, выраженной им в волевом Слове — приказе миру и отдельным феноменам «быть!». Хуракан един и не может разделить себя на объекты творения, но он выражает всякий раз отдельно свою волю — то в приказе быть свету, то земле, то воде, то человеку и т. д. Последовательно, раздельно и разнообразно в творении выступает воля, выраженная в ряде последовательных и словесно выраженных приказов. Но все они остаются внутри единого творческого замысла, и их разнообразие существует в рамках единого бога-творца. Отдельные слова, смыслы или формы выступают не раздельно друг от друга, а в единстве Творца-Слова.

Поскольку изначальные воды не были созданы, а первичная земля, появившаяся из отступивших вод, также

существовала всегда, то первым актом настоящего творения было создание света («Пусть будет свет» — с. 11). Таким образом, творение — не только произнесенное Слово, но и исходящий из Творца свет. Для того чтобы из Творца появилось творение, из него должен изойти свет, явленный в волевом Слове. Творение начинается с волевого высказывания о явлении света. *Творение — акт воли.* Творческая воля вызывает свет. Слово подобно огню; Слово несет в себе огонь и Слово творит огнем — молниеносной вспышкой Зеленого Луча. С явлением огненно-световой воли космос озаряется и творится. Огненное Слово озаряет мир и упорядочивает пространство. Свет — это понимание Творца в его творческом проявлении. Также само творчество должно быть понято как проявление света. Именно свет несет в себе тайну творчества и говорит о величии Творца.

В момент произнесения Хураканом слов «Пусть будет свет» происходит соединение творящего мир Слова и света, преобразующего изначальную материю. Соединение Слова и света формирует мировую Книгу Света — «Пополь-Вух». В этот самый момент, когда прозвучали слова «Пусть будет свет», вместе с первой вспышкой творческого света является и «Пополь-Вух», Книга Света, в которой записана вся история создания мира («повествование о том, как совершилось возникновение всего» — с. 9). Этот первый свет творения скрыт в «Пополь-Вух» — Книге света и светоче мира. Из «Пополь-Вух» этот первый свет творения и должен быть извлечен. Дальнейшие этапы творения — лишь реализация того, что уже записано огнем по свету на страницах космической Книги «Пополь-Вух».

Слово предстает как божественный свет. Произнесение Слова — первое явление ранее сокровенного света. Поскольку первым настоящим творением был приказ свету «быть», это означает, что природа творящего Слова — свет. Так как Слово — внешнее выражение мысли,

то и световая природа Слова — отражение озарения мыслью. Озарение-вспышка мыслью отражается в световом Слове, энергия которого, входя в неподвижную материю, огненно преобразует ее и творит космос. Герметическая книга «Поймандр» гласит: «И святой логос, появившийся из света, приблизился к влажной природе, и был он, как мне показалось, гласом света»[1]. Соединенные в предложение, в форму слова несут в себе отраженный свет замысла Творца о творении. Как только Творец-Логос был озарен мыслью о творении, так эта вспышка сформировала первое световое творческое Слово. Слова — это свойства мысли, желание мудрости реализоваться.

Творение — это явление Слов и их последующее воплощение. Каждое Слово сначала слито с Творцом в его мудрости, и благодаря этому Слово дает сотворенному феномену связь с Творцом. Творение мира Словом опирается на те духовные силы и волю к воплощенному Бытию, которые заключены в Слове. Творение мира Словом включает в себя воплощение, существование феномена и, как обязательный этап, — освещение, которое, собственно, и равнозначно самому акту творения. Слово приходит к Творцу, выходя из тьмы его мудрости, и исходит из него в виде световой вспышки (Зеленого Луча), обретая творческую силу, благодаря заключенной в нем энергии. Силой Слова бог творит свет, который, входя во тьму, создает космос. Сотворенный по первому Слову свет вошел в несотворенный хаос и преобразовал его так, что все феномены стали порождением света. «Проявление света, — как отмечает Пернети, — стало, следовательно, как бы первым действием, обращенным богом на материю; первым союзом создателя с творением, духа с телом»[2]. Сотворив первым свет, Хуракан утвердил себя в качестве света и огня преобразования.

---

[1] Высокий герметизм. СПб., 2001. С. 32.
[2] *Пернети А.-Ж.* Указ. соч. С. 70.

Само величие Хуракана есть ничто иное, как свет и огонь. Следовательно, тайна творения и тайна Хуракана скрывается именно в этом божественном свете. То, что бог творит светом, указывает на исходящее от него великолепие и совершенство в прекрасном свете. Творение может произойти не иначе, как только посредством божественного света. Этот свет извлечен Хураканом из него самого, от его собственной сути, из его собственного великолепного сияния, так как свет и сияние есть природа Хуракана — Молнии.

Свет существует до того, как появилось нечто, что он должен освещать. Это открывает нам истинную природу света: он должен был не *освещать*, а *войти* в изначальный неоформленный хаос, чтобы упорядочить его. Этот первозданный свет, войдя в материю, был скрыт в ней. Свет пребывает в материи скрыто, тайно, но он дает ей возможность бытийствовать, быть упорядоченной. Будучи по природе своей *явным*, изначальный свет пребывает в материи, в объектах, в предметах, как нечто *сокрытое* за плотной завесой материальности. Этот парадокс открывает перед нами финальный замысел творения: в конце развития материального мира свет должен выйти из скрытого состояния и трансформироваться в состояние явного присутствия.

Очищение и последующее восстановление первоначального божественного света — это финал эволюции, цель развития как всего мира, так и каждого отдельного явления космоса. В этом смысле свет — отправная точка и конечная цель творения. Будучи целью творения, он был создан первым, чтобы сразу обозначить эту цель и внести ее в творение как основу, как генеральный план Бытия. Скрытый в материи свет вновь будет сиять, как и в первый момент творения. В этом — тайный смысл фразы «Пусть будет свет»: *пусть в будущем наш мир превратится в свет.*

Свет познается как только исходящий из какого-либо источника. Этот источник света становится и причиной

света. В случае Первичного Света такой источник непознаваем. Однако в мифе он может быть понят как тьма. Тьма представляется источником света, так как тьма скрывала свет в себе, как Небытие есть источник Бытия, и в Небытии боги-творцы скрывались изначально. Тьма скрывает свет в себе, то есть свет не приходит во тьму извне, ничего не добавляется к тьме, чтобы извлечь из нее свет, как ничего не добавляется к Небытию, чтобы явить из него Бытие. Одно выходит из другого, порождается им. Тьма конденсируется и испускает из себя Зеленый Луч творения. При этом происходит алхимическая трансформация: свет Черного Солнца в момент исхождения становится Зеленым Лучом блистающего света и пронзает тьму. Природа тьмы есть Абсолютный свет в своей небытийности. Явление света — это озарение тьмы с целью стать видимой и обрести Бытие. Тьма есть корень света, и без тьмы свет не смог бы существовать. Тьма есть чистое Небытие, Абсолют. Свет же есть первое проявление Бытия. Поэтому *свет происходит из тьмы.*

Тьма и свет находятся в таких же взаимоотношениях, как пустота и субстанция, Небытие и Бытие. Свет обладает субстанцией, тьма же соответствует в «Пополь-Вух» пустоте. Поэтому тьма не является творением бога, а присутствует изначально, добытийно, как абсолютное и трансцендентное Ничто. Свет же творится и появляется, чтобы заполнить вторичную пустоту — пространство нашего мира. В случае тьмы не было никакого творения, но творение присуще свету как субстанции и явлению. Это творение представлено в сакральном тексте как разделение тьмы. Фон Веллинг считает, что Откровение света во тьме и было «первым разделением», откуда бог создал «все видимое и невидимое»[1]. Также и Пернети говорит, что «мрак расступился» перед светом и «хаос и

[1] *Веллинг Г., фон.* Указ. соч. С. 101.

смешение уступили место порядку, ночь дню и, можно сказать, небытие бытию»[1]. Так творение становится результатом *разделения*.

Свет исходит из бога, поэтому здесь имеет место творение «чего-то из чего-то». Тьма же не имеет отношения к творению, трансцендентна ему и существует предвечно. Поэтому творение есть заполнение пустоты явлениями и вытеснение тьмы светом. Это вытеснение тьмы светом на самом деле является освобождением и расширением света, который был ограничен, скрыт во тьме, поскольку тьма есть сжатие, сокрытие, ограничение света. Как свет выходит из мысли, явное из неявного, так и в акте творения свет исходит из бога, реализуя главный принцип творения — «что-то из чего-то». В несотворенной тьме реализуется иной принцип — «что-то из Ничто». Тьма не порождена богом или светом, в этом и заключается ее особенность как Ничто. Так в «Пополь-Вух» происходит разделение тьмы и заполнение пустоты светом-творением.

С явлением света все, что содержалось в космосе обобщенно (земля и небо как обобщенные понятия), наполнилось частностями. При помощи света общее перешло в частности, и частности были созданы, то есть *увидены в свете*. В процессе творения, как это видно в «Пополь-Вух», частное выделяется из общего. Это выделение возможно только с приходом света. Скрытый свет является со словом Хуракана, тьма и ночь побеждены светом. Однако явление света отмечает не день (поскольку солнца еще нет), а зарю, рассвет, которой, кстати, тоже еще нет, она только еще «будет» — в будущем времени (с. 11). Свет и заря существуют только еще в форме приказа «быть», но ни их, ни солнца еще нет. Творение идеи света необходимо, чтобы ввести в изначальную неподвижную тьму энергию. Здесь на первич-

[1] *Пернети А.-Ж.* Указ. соч. С. 98.

ный хаос воздействует волевое решение, что свет и заря «будут». Этот замысел о свете только подготавливает условие и место для появления зари и солнца. Поэтому свет отделен от солнца. Их творение — это в «Попль-Вух» два разных действия, где одно лишь подготавливает условия для второго. Эта странная метафизическая теория могла зародиться лишь в тех регионах, где между появлением на горизонте зари и восходом солнца проходит так много времени, что эти два феномена кажутся совершенно самостоятельными. Конечно, такая картина не может наблюдаться в тропиках, а только в Арктике.

С явлением света определяется и тьма. Если до прихода света тьма была вообще, как таковая, то теперь *тьма определяется относительно света.* Безусловное становится относительным (как общее открывает в себе частное). В силу этого свет необходим тьме, как и тьма (черный свет) необходима свету, содержа его в себе в неявленной форме. Тьма светит своим черным светом лишь в соединении со светом. Свет необходим тьме, иначе тьмы бы и не было. Ночь же оказывается уже не вечной, а ограничена явлением света и приходом зари. До явления зари свет и тьма были едины, свет пребывал внутри тьмы. С явлением зари свет самоопределяется относительно тьмы как самостоятельный элемент. Тьма уже не абсолютная тьма, а лишенная света темнота. Относительность света и тьмы лишает их обособленности, абсолютности и соединяет их в единую циклическую систему Вечного Возвращения.

Соединение противоположностей света и тьмы порождает день и ночь в их чередовании, хотя на Полюсе это и происходит не ежедневно. Скрывавшийся свет вышел из глубин тьмы и породил зарю. Заря — это не ночь и не день, но это соединение дня и ночи. В момент зари ночь и день, тьма и свет находятся в ущербе, теряют свою концентрацию, первозданную чистоту и ясность. С зарей тьма приобретает свойства света, а свет несет

в себе качества тьмы. В момент зари тьма и свет переходят друг в друга (утренняя и вечерняя заря). Утренняя заря — это ночь со стороны света; вечерняя заря — это свет со стороны тьмы. Свет и тьма отличаются только относительно друг друга. Они становятся единым целым в заре. Их единство оказывается основой действующего космоса, так как свет несет разрозненным объектам мира воссоединение в едином сотворенном космическом пространстве. Эта первая заря является в то же время и последней зарей. В ней соединяются все зори тварного мира от его начала до конца, поскольку именно в ней происходит явление всего космоса.

Свет, входя в изначальную холодную и бездвижную материю, совершает двоякое действие: он вносит в неподвижную материю движение, энергию, что приводит ее к упорядочению и сгущению. По поводу этого первого действия Я. Бёме замечает, что свет «делает в сем мире все живым и подвижным»[1]. Без света потому не было бы творения, что без него не было бы тепла и все осталось бы в холоде и неподвижности. Согревая же, свет становится источником творения потому, что он дает существование в материи семенам-идеям всех вещей. Это и есть второе действие света. Если ранее эти семена-идеи феноменов были рассеяны в хаосе и присутствовали лишь потенциально, то теперь свет пробуждает их. Они прорастают в изначальной земле в виде объектов, форм, явлений. Мир, как открывает нам сакральный текст, появился от воздействия света на изначальный хаос.

Сначала в «Пополь-Вух» говорится, что свет был создан позднее, чем появилась земля. Затем последовательность меняется, и земля создается уже при свете. «Тогда была сотворена ими земля. Так в действительности совершилось ее создание. “Земля!” — воскликнули они, и

[1] *Бёме Я.* Указ. соч. С. 41.

немедленно она была сотворена» (с. 11). Последовательность меняется, поскольку речь уже идет не об изначальной земле, скрытой под водами и явленной, когда воды отступили, а о новой земле — противоположности старой. Именно теперь впервые говорится о том, что земля была сотворена, причем именно благодаря произнесенному Слову.

Первичная земля появилась из воды. Вода подразумевает духовное начало, а земля — материальное. Духовное порождает материальное, так и вода открывает землю. Из вод пространства произошла ширь земли. Вода — порождающая и женская сила, всемирная утроба, лоно земли. Во втором акте свет, вошедший в материю, отразившийся от земли, совершает превращение. При помощи света происходит творческая метаморфоза — создается новая земля, на которой должен впоследствии появиться человек. Творение здесь предстает как метаморфоза стихий.

Метаморфоза проходит несколько этапов. В первое мгновение творения земля была еще только стихией, причем совершенно не оформленной: «Подобно туману, подобно облаку и подобно облаку пыли была (земля) при своем сотворении, в начале своей телесности» (с. 11). Фон Веллинг отмечает по поводу схожей фразы из Библии, что «обитаемая земля еще не упоминается, потому как она еще находится в грубых, мутных Соль-Водах, полностью и совершенно смешанная, скрытая»[1]. Однако разделение земли и воды уже состоялось — пока лишь на уровне стихий, а не явлений. Земля представляла собой огромное космическое пылевое облако. Оно еще не собралось и не упорядочилось под воздействием света в нашу планету. Столкновение неба и льда (cielo и hielo) приводит к перераспределению творческой энергии и формированию земли. Это творение началось,

[1] *Веллинг Г., фон.* Указ. соч. С. 102.

когда творческое Слово («Земля») вошло в изначальный «туман» и упорядочило его своей волевой энергией. Создание земли совершилось в месте явления Хуракана в пылевом облаке, в той точке, где Зеленый Луч, молния Хуракана ударила в этот туман и осветила его.

Только что сотворенная земля была подобна туману и облаку. Земля вышла из воды, в стихии земли пока еще много стихии воды, поэтому из нее и поднимается туман и облака. Туман и облака — состояния воды, но исходят от стихии земли, что и означает водяное происхождение почвы. Это также означает, что земля возникла при отделении от нее воды — в виде тумана и облаков, то есть — ее иссушении. При творении земли легкие частицы воды превращаются в пар и поднимаются, а тяжелые частицы воды соединяются, отвердевают и иссушаются — превращаются в сушу, в землю. Таким образом, перед богами возникает задача *достворения* земли.

Свет, явленный по первому творческому Слову, сгустил некоторые частички этого тумана, сделал их более тяжелыми, и они, соединившись друг с другом, стали более непроницаемыми, образовав землю из изначального облака. Алхимики объясняют этот процесс так, что изначальная холодная вода оттаивала, «сама в себе уплотнялась» и «бродила». Кирхвегер замечает, что «под *действием* Духа она стала мутной, сама породила Землю, при этом появился гнилой, мертвецкий запах»[1]. Пернети разъясняет: «Бог возгласил во второй раз, и тогда спутанные стихии разделились, самые легкие разместились вверху, а самые тяжелые внизу, и явилась земля, освобожденная от своих влажных бездн — и оказалось, что она способна произвести все»[2]. Это творение земли предстает как алхимическое Делание, в котором земля — тело, где тяжелые элементы фиксируются, определенным

[1] *Кирхвегер А. Й.* Указ. соч. С. 12.
[2] *Пернети А.-Ж.* Указ. соч. С. 98.

образом сгущаются и соединяются, чтобы начать более упорядоченное существование.

Этот этап связан с удалением воды из стихии земли, ее очисткой, причем земля становится порождением огня в водах. Поэтому она сначала творится в виде тумана и облака, возникшего из воды под воздействием огня. После этого земля становится совершенным телом, из которого может появиться все, что необходимо для жизни. Так творение неба и явление огненной молнии во тьме привели к становлению тверди земли. Забеременевшие от молнии воды породили землю. Воды выходят из тьмы, а земля выходит из вод. Все они скреплены между собой и вращаются одно вокруг другого как скрепленные кольца. Это вращение упорядочивает и соединяет частицы и творит феномены.

Из облака пыли формируется земля и появляются горы: «Затем горы появились из воды; большие горы выросли мгновенно» (с. 11). Это означает, что земля появилась в результате соединения двух стихий — воды и воздуха (туман). Связь вод и воздуха в нижнем мире порождает твердь. Разделение вод на верхние и нижние привело к творению земли из нижних вод. Это творение выглядит как продолжение разделения. Горы отделены или выделены («выросли») из нижних вод. Это не просто земля, а горы, что указывает на полное отделение, на полное отсутствие вод в новом творении и на полную упорядоченность феноменов. Частное (горы) появляется из общего (земля). В то же время сам процесс творения-разделения подразумевает, что нижние воды сразу после разделения несли в себе потенции будущей земли. В стихии воды присутствует зародыш стихии земли, а в стихии земли присутствует зародыш феномена горы, явление которой выглядит как «мгновенный» акт.

После творения земли воды разделились и упорядочились: «С тех пор отделены были друг от друга реки, когда появились высокие горы» (с. 12). Собранные в

одно место воды разделились, образовав два новых компонента — сушу («были образованы горы и долины» — с. 11) и земные воды, разделенные сушей: «Сперва была создана земля, горы и долины; был указан путь водным потокам, ручьи стали свободно бежать у подножья холмов и между ними» (с. 12). Вода скрывается под явленной твердью земли. Если ранее вода была видима, а земля скрыта, то теперь вода, собравшись в одно место, скрылась под твердью земли. Это творение можно представить как «выдувание» ветром земли из воды и гор из земли. Скрытая в воде суша стала явной, обрела существование, а видимая вода скрылась под новой твердью — под горами и долинами (с. 11). Так творение предстает как подобие процесса одевания, где каждая следующая ступень становится оболочкой или одеждой для предыдущей. Воды разделились и стали оболочкой для света; твердь явилась и стала одеждой для вод.

Вода выводит из себя то, что в ней скрыто: горы вышли из воды. Так мысль, озаренная светом, мгновенно выходит из тьмы бессознательного. Также и свет зари освещает сначала вершины гор, выводя их из тьмы ночи. В момент творения, в момент прихода зари и в момент озарения истиной скрытое становится явным, хаос становится космосом, идея превращается в конкретный образ, облеченный словом. Так боги творят отдельные явления мира. По этой причине творение воспринимается как чудо: «Только чудом, только магическим искусством были образованы горы и долины» (с. 11). Характерно, что это же понятие использует и фон Веллинг: «В этом разделении Всемогущий Бог осуществил, совершил абсолютно удивительное чудо творения»[1]. Это чудо указывает на нарушение естественного хода вещей и на сверхъестественную преднамеренность творения.

[1] *Веллинг Г., фон.* Указ. соч. С. 103.

Чудо — своеобразный разрыв в естественном потоке событий, результат воздействия бога на физический мир, его неожиданное вмешательство с немедленным необыкновенным результатом. Явление мира, которого до этого не было никогда, — чудо. Объясняя творение гор, долин, всего упорядоченного мира чудом, автор «Пополь-Вух» показывает, что сам мир есть чудо и что он чудесен. *Чудо нельзя объяснить из законов материи, но только из воли Творца.* Чудо — это проявление божественной воли, направленной на неожиданное, необъяснимое, сверхъестественное, нарушающее законы природы и мгновенное преобразование.

Появление скрытых под водой высоких гор, представленное как чудо, подобно богоявлению. Оно во всем совпадает с явлением света из тьмы. В акте творения можно проследить три этапа: явление Хуракана из точки Сердца небес, явление света из тьмы, явление гор из воды. Скрытые миры находились друг в друге, но сделались явными через явление-разделение, чтобы достичь совершенства творения. Творение мира, как видно, основано на принципе *разделения.* Творение — это разделение («расчленение» и «разделение» — с. 10) изначальных космических вод и выделение из них земли. Земля вышла из воды при ее разделении. Затем происходит разделение земли и появление гор и долин, холмов, рек и ручьев. Даже вода рек ручьев, морей и озер оказывается лишь результатом разделения изначальных вод. *Разделение — главный принцип творения в «Пополь-Вух».* Творение — это разделение изначально хаотично слитых элементов с тем, чтобы они обрели одновременно двойственную, но и синкретичную структуру (одно содержит в себе другое скрыто, является в соединении с ним).

Хуракан творит мир, то есть создание нового мира начинается с Полюса как с сакрального Центра и Зародыша. Свет, начиная распространяться из Сердца

небес, с небесного Полюса, заполнил пустоту и образовал землю и явления мира. Войдя в «облако пыли», свет сотворил зародыш земли, сформировал сакральный земной Полюс. Зеленый Луч, исходя из небесного Полюса (Сердце небес), создает земной Полюс, сакральный Центр — Сердце земли, зародыш нашего мира, из которого все и появилось. Сначала земля была сотворена как идея (облако пыли), затем из нее появились образы мира и объекты (горы, реки, холмы и долины). Так Сердце небес образовало Сердце земли и соединилось с ним в единой вертикальной структуре. «Так была сотворена земля, когда она была образована Сердцем небес, Сердцем земли, как они называются» (с. 12). Только теперь Хуракан становится не только Сердцем небес, но впервые назван еще и Сердцем земли. Он соединяет в себе два Центра — небесный и земной — вертикальной мировой Осью, что и соответствует его «одноногости» и функциям полярного божества.

Кроме сакрального Центра при творении земли и неба «были образованы и обозначены четыре ее угла и четыре главные точки» (с. 9). Также «была доставлена веревка для измерения и натянута в небесах и на земле, на четырех углах, на четырех главных точках» (с. 10). При творении космос распределился по четырем сторонам и утвердился в четырех точках. Твердь земли соединяется с твердью небес четырьмя сторонами, в четырех точках энергией света. Эти четыре точки, четыре угла определяют две вертикальные и две горизонтальные плоскости, формируя трехмерное пространство и отделяя небо от земли. Так космос становится подобен дому с четырьмя стенами, углами, полом и потолком. Точка — Дом Хуракана превращается в акте творения в космос — Дом Хуракана, в космический Дом. Дом Начала превращается в Дом Бытия. Оба Дома взаимосвязаны. Космический Дом становится лишь результатом расширения изначального Дома-Точки до пределов всего космоса. Только после

этого земля становится «телесной», обретает устойчивость и делается «плодоносной» (с. 12).

Творение земли идет по пути все большей детализации. После создания гор и долин бог творит то, что произрастает на них: «...немедленно кипарисовые и сосновые рощи пустили побеги на поверхности земли» (с. 11). Творец, оформляя землю, освобождает ее скрытые потенции. Земля же выводит скрытые в ней плоды, порождает видимый мир как растущий. В растениях творение предстает как *возрастание*. Растения — в равной мере порождения земли, воды, света и неба, но без тверди земли эти растения все же не появились бы. Земля произвела растения, и это само по себе подобно чуду, как и появление гор. Земля забеременела от вод, воздуха и света и породила растения. Эти растения необходимы, чтобы своими корнями и вершинами соединять землю и небо, воду (которая внизу) и свет (который вверху). Земля производит растения силой вод и света не для разделения, а для *соединения* стихий.

Первые этапы творения шли по пути разделения, отделения верхнего от нижнего и направлялись сверху (неба) вниз (к земле). Однако совершенство творения требует и обратного движения снизу вверх, чтобы процесс создания был циклически замкнут, а разделение преодолено. Для этого и появляются растения, которые становятся задачей следующего этапа творения — из земли. Растения становятся оболочкой, одеждой для самой земли. Важным оказывается то, что растения поднимаются из земли к небу, таким образом начинается возвратный процесс движения снизу вверх. Растениям необходима влага, которая в виде дождя спускается с неба, но, вырастая из земли, деревья поднимают влагу, скрытую в почве, обратно к небу. Так последний этап творения примиряет и завершает предыдущие. В космос вводятся два принципа — возрастания и синкретизма, а все этапы творения оказываются взаимосвязаны.

Когда в «Пополь-Вух» говорится о создании растений, то это описание дано как два этапа одного процесса. Земля произрастила деревья сразу после отделения от воды и формирования из облака пыли. Здесь заключена мысль, что земля не может быть без растений, иначе она снова превратится в хаос. Это означает также, что земля уже была создана с семенами растений в ней. Деревья появились «немедленно». Это означает, что они пребывали в земле в виде семян, идей растений, в состоянии потенциального бытия. Земля сотворена так, что в ней обязательно должны появиться растения. Действительно, «рост деревьев и лесных чащ» — один из задуманных богами этапов сотворения мира (с. 11). Земля и растения составляют в этом процессе симбиоз. Земля же заключает в себе семена и зародыши всех явлений. Поэтому растения появились мгновенно после создания земли.

Это мгновенное произрастание деревьев указывает на саму природу переходного состояния между Бытием и Небытием. Такое промежуточное состояние оказывается потенциальным Бытием, скрытым в Небытии как возможность Бытия. Этот посредник (потенциальное Бытие) становится обязательным во всяком случае перехода от Небытия к Бытию (как заря — посредник между тьмой и светом дня). Двойственность растений заключается в том, что хотя они не могут двигаться, но они растут и, следовательно, живут и имеют зачатки души и воли. Семена же становятся посредниками между растениями и землей. Разумеется, без засеянных семян земля не смогла бы породить растительность, но здесь семена не просто засеяны в землю. Они творятся одновременно с землей. Фон Веллинг заключает, что растения «прежде имели в этих семенах духовное рождение», а далее «эти семена при помощи подземного Огня восходят в этой грубой земле в *фиксированном* виде»[1]. Растения заверша-

[1] *Веллинг Г., фон.* Указ. соч. С. 115–116.

ют фиксацию творения, после чего оно может считаться «законченным» (с. 12).

Законченность творения вызывает у Творца новое чувство: «И тогда Кукумац исполнился радости» (с. 11). *Творение несет радость.* Божественный замысел дарит творению законченность, совершенство, что и наполняет Творца радостью. Когда творческая воля бога вошла в первозданную материю в виде Зеленого Луча, то она преобразовалась из стихий и элементов в объекты творения. Радость, исходящая от Творца, соотносится со светом творения. Получение радости, исходящей от Творца, возможно лишь в той мере, в какой в творении участвует свет. Радость творения — отражение радости как качества Творца, пребывающего изначально в постоянном творческом порыве внечувственной радости. Радость творения — это радость Бытия, радость осознания совершенства.

Свет сам по себе представляет собой радостное, приятное зрелище. Он, по словам Я. Бёме, есть «источник небесного царства радости»[1]. Свет, входя в материю и творя ее, вызывает у Творца радость. В Творце, как считает Бёме, «все силы легки, нежны, подобны небу и совершенно радостны: ибо все силы ликуют одна в другой и голос их восходит от вечности и до вечности»[2]. Такой же радостной становится и душа человека. Творящее Слово, или «звук», по определению Бёме, «есть божественное царство радости»[3]. Это именно радость, а не «благодать». Радость, будучи категорией надматериальной (в отличие от благости), полностью отрицает понятие греха как основы космогенезиса. Радость связана не с этикой, а с эстетикой. Она возникает не из-за того, что мир хорош, а из-за того, что он красив и в силу этого совершенен. Это божественное совершенство, которое выше моральных оценок.

---

[1] *Бёме Я.* Указ. соч. С. 41.
[2] Там же. С. 68.
[3] Там же. С. 231.

В «Пополь-Вух» не говорится, что изначальный хаос был совершенен или хорош. Совершенной материя стала лишь после того, как бог начал процесс творения, введя в нее Зеленый Луч творящего света. Свет, входя в изначальную материю и преобразуя ее, наделяет ее качествами совершенства и делает сотворенное радостным. До преобразующего явления Зеленого Луча материя была неподвижной и холодной, бессильной — качества, указывающие на отсутствие совершенства и на склонность к разложению. В сочетании же света и тьмы, божественного волевого творящего Слова и изначальной пассивной материи заключается основа совершенства творения и радости Творца.

Поскольку свет исходит от бога-Слова (Хуракана) как Молния, то свет нес в себе божественное совершенство, и все, что он преобразовал, стало нести в себе божественное совершенство. Хуракан является Творцом не только потому, что создает мир в радости, но еще и потому, что никогда не перестает радоваться своему творению. Через радость бога открывается божественная сила, красота божественного творчества. Это гармоничное творение Хуракана вызывает у андрогинного Кукумаца радость. Это и радость творчества, и радость от прекрасного результата творчества. Творец посмотрел на все, что создал при помощи света и Слова, увидел совершенство и исполнился радости от совершенного. Бог испытывает радость от творения. Именно радостью порождено само желание бога творить. Наш мир во всех своих проявлениях — это та или иная форма творческого желания бога испытать чувство радости. Самое полное чувство радости возникает у Творца при установлении единения с творением. Это единение достигается космосом при исполнении главного повеления Творца — *Быть*. В тот момент, когда космос обретает бытийность, это и вызывает у Создателя чувство невыразимой радости.

Творение вызывает у бога чувство радости. Однако сама по себе материя (изначальный хаос) не обладает совершенством и радостью. Совершенство и радость в нее привносит бог в момент творения. Это означает, что не космос сам по себе радостен, а Творец радостен. *Радость существует не в космосе, а только в боге*, который этот мир сотворил (Кукумац «исполнился радости», а не космос). Но поскольку космос сотворен богом, то материя оказывается сопричастна богу по его качеству — радости (радость возникает от творения). В силу этого сопричастия, а не сам по себе, сотворенный космос оказывается совершенен и радостен, а бог испытывает чувство радости от акта творения. Сотворенный мир радостен, поскольку радостный бог, творя его, распределил всю радость среди всех существ, объектов, феноменов.

Это означает, что сам по себе замысел творения заключался в радости творения и бытия. Если Творец желает испытать радость, то ему не хватает того, что вызывает эту радость, и он желает сотворить то, что эту радость вызовет — космос, человека, солнце. Все творение представляет собой лишь реализацию желания Творца обрести чувство радости. Если совершенный мир вызывает радость, то *Творец и не создает ничего, кроме радости*, поскольку желание радости заключается в нем и реализуется как воля к творчеству. Все творение — это лишь разные уровни и степени реализации радости творения и радости бытия, так как сотворенные духовные и материальные объекты должны вызывать разные проявления радости.

Слово «радость», «веселье» (alegria) определяет создание мира: «исполниться радости» для Творца — это и означает создать мир. Аспект радости включен в концепцию творения. Радость пронизывает это творение, и Творец радуется своим созданиям. Радость уже присутствует в нашем мире, поскольку он сотворен для ра-

дости, а не для гнева, страха, греха или чувства вины. Радость изначальной божественной гармонии передается миру. Поэтому актуальная, а не какая-то «будущая» земля, уже есть место радости. Радость следует испытывать от совершенства настоящего, а не какого-нибудь отдаленного будущего времени.

Завершенное творение вызывает радость потому, что в нем должно появиться совершенно новое существо — человек («При наступлении зари должен появиться человек» — с. 11). Радость бога от творения и его радость от сотворенного в дальнейшем раскрывается в человеке, как в венце творения, соучастнике творчества и собеседнике бога. Человек должен восхвалять богов, поэтому мир, в котором ему предстоит жить, и вызывает такую радость у Творца. «Но нет ни славы, ни величия в этом нашем творении, в нашем создании, пока не будет создано человеческое существо, пока не будет сотворен человек, пока не будет создан человек!» (с. 11). Человек должен не просто завершить творение, но он должен *вернуть* богам чувство радости.

Радость — необходимый элемент человеческого существования и служения человека богам. *Радость служения* означает доверие человека богу, испытывающему радость от результатов собственного творчества. Служение богу без радости бесполезно и даже губительно. Нарушение принципа радости и служения заставляет Творца продолжить творение путем радикального изменения реальности, метаморфозы мира и человека. Поскольку Творец испытывал радость от творения, то и сама жизнь становится для человека источником радости. Однако это понятно только богу. Чтобы осознать жизнь как источник радости и радоваться творению, человек должен стать таким, как бог. Радость от жизни — это чувство, которое испытывает тот, кто преодолел в себе все временное, разрушающееся, конфликтное, все человеческое, кто смог стать чем-то бóльшим, чем человек, — *сверхчеловеком*.

Если мир сотворен в радости, то и существование в этом мире должно вызывать у всякой твари (от камня до человека) чувство радости. И камни, и растения, и животные, и люди наделены чувством радости, поскольку они становятся результатом акта творения, вызвавшего у бога радость. Если бог радуется от своего творения, то и творение также отвечает ему радостью. *Совершенство творения становится причиной радости Творца и твари.* Само по себе наличие чувства радости свидетельствует о совершенстве творения. Без совершенства не было бы и радости. Радость — это результат восполненности, гармонии Бытия, чувство удовлетворения от сделанного.

Чувство радости открыто всем. Оно не зависит от степени или глубины духовного развития. Радость Творца от творения равномерно распределяется по всем проявлениям Бытия. Сама цель творения подразумевала наличие радости у всех существ. Именно для того и создан мир, чтобы совершенство сотворенного и радость всякой твари вызывали чувство радости и удовлетворения у Создателя. Радость создана Творцом, и в творении нет ничего помимо радости. До творения бог не мог испытывать радости, поскольку не было еще объекта радости, и сама радость еще не была создана. Чтобы испытывать радость, бог должен был сотворить радость, а для этого следовало создать то, что вызывает радость — Бытие, космос. Проявленность бога в Бытии и вызывает радость у Творца и у сотворенного мира. Творением бог показывает, что желает обретения радости и желает проявления радости у сотворенного. Все, что вызывает в нас радость, исходит непосредственно из радости бога от сотворенного им. Цель развития космоса, как и цель бога в творении — *раскрыть радость бытия.*

Только после этого творение может быть закончено. Триединый Хуракан заявляет: «Наша работа, наше творение должно быть закончено!» (с. 12). Здесь говорится о двух разных процессах — о «работе» (obra) и

о «творении» (creacion). Понятие «творение» относится к самому первому шагу, к созданию «чего-то из ничего», явлению Бытия из Небытия, из Ничто. «Работа» же — это создание «чего-то из чего-то». Так, ночь произошла из ничего, из несозданной тьмы. Почва же и реки сделаны из уже существовавших первичных стихий — воды и земли (пылевого облака). Поэтому далее говорится, что земля «была создана», «сформирована» (formar), когда речь идет о горах и долинах, но «сотворена» (crear), когда речь идет о ней как о стихии (с. 12)[1]. После того как «она была образована» Хураканом, он «сделал» ее плодоносной. Таким образом, «творение» и «работа» — два разных способа творческого акта («из ничего» и «из чего-то») и два этапа создания Бытия — сначала «что-то из ничего», а потом «что-то из чего-то». Эти разные способы говорят о разнообразности самого Бытия, сосуществовании в нем разных планов реальности.

Процесс создания космоса, как уже неоднократно отмечалось, во многом аналогичен алхимическому Деланию. Сплошной мрак и хаос в начале мира — это «черное чернее черного» алхимиков. Это стадия nigredo, первичный хаос и prima materia, состоящая из сухого и влажного. В космогоническом мифе земля погружена в воду, покрытую сверху тьмой. В результате алхимической трансмутации хаос разделяется и сухое образует землю, а влажное — воду. Затем является свет, который в алхимии означает белизну, albedo, сменяющую черноту. Ожидание прихода зари на алхимическом языке называется rubedo, явление красноты (зарево), чем и завершается трехступенчатое Делание[2]. Здесь устанавливается параллелизм между творением космоса, восходом солнца и алхимической трансмутацией. Такая прямая

[1] Popol Vuh. P. 11.
[2] *Пернети А.-Ж.* Указ. соч. С. 34.

связь этих трех процессов оказывается отличительной чертой изначальной полярной Традиции.

Космогонический акт может рассматриваться как аналог универсальной алхимической операции, произведенной Творцом. Этот вывод основан на признании того факта, что наш мир не может быть результатом случайного каприза природы или произвольного столкновения элементарных частиц и космических энергий. Сама по себе эволюция просто не смогла бы иметь место без изначальной направляющей творческой воли. Совершенство, соразмерность, гармоничная уравновешенность космоса, его развитие и конечный результат — человек указывают на существование некой творческой силы, не принадлежащей к этой системе (трансцендентной ей), но несущей в себе замысел и схему всего творения. Эта операция по трансмутации изначальной материи, осуществленная трансцендентным Творцом, может пониматься не иначе как колоссальный алхимический эксперимент с изначально заданным результатом. Эта заданность результата уже сама по себе указывает на наличие Творца.

Поэтому в «Пополь-Вух» явление триединого Хуракана воспринимается как большая удача: «Полезен был твой приход, Сердце небес; и твой, Хуракан, и твой, Чипи-Какулха, Раша-Какулха!» (с. 11). Явление Сердца небес после создания земли и растений — это новое и необходимое возвращение читателя сакрального текста к самому началу творения. Хуракан не сразу является как творческая воля и творящее Слово. Он раскрывает себя и определяет свое место в Сердце небес — на космическом Полюсе. Чтобы открыться, скрытый бог создает центральную Точку. Эта Точка, Сердце небес, является изначальной мыслью, средоточием всех образов и форм. В этой центральной Точке скрывались все образы мира, его история, его смысл. Это новое обращение к Хуракану в конце процесса творения должно напомнить

читателю, кому он обязан существованием мира и своим собственным.

Поскольку мир вращается вокруг центральной Точки, то это означает, что его истинным содержанием является *Вечное Возвращение того же самого*. Это круговое движение Вечного Возращения поддерживается центральной Точкой — Сердцем небес, Ураканом, полярным богом. Центральная Точка есть семя мира, свернутый в единый светящийся атом космос в его замысле, существовании и истории. Космос, порожденный из этого атома, и есть явление волевого творящего Слова Хуракана. Творец испускает из себя Зеленый Луч, заполнивший пустоту и осветивший ее. Этот творящий бесконечный Зеленый Луч есть Слово Хуракана. Благодаря Зеленому Лучу Хуракан вошел в пустоту и сотворил мир. Сила Зеленого Луча непрерываема: он исходит от Творца, но благодаря ему происходит творение и по нему Творец входит в сотворенное. Этот Зеленый Луч выходит из Сердца небес и достигает Сердца земли. Это Луч, исходящий от небесного Полюса к земному. Представляя творческую волю Хуракана, Зеленый Луч становится первым Словом.

Это Слово не просто творит мир, но оно еще и записано в «Пополь-Вух». Божественный свет, собранный в единой точке, превращается в световой поток, творящий Вселенную огненным Словом. Он, однако, не рассеивается, а собирается вновь в единое место — в Книгу Света «Пополь-Вух», в которой и зафиксировано творение космоса и человека.

Уже из первой главы «Пополь-Вух» становится понятно, что автору сакрального текста известно о существовании:

1) Северного полюса Земли и о его связи с небесным Полюсом;
2) центра эклиптики;
3) центра Галактики;
4) Ничто — доматериального существования мира;

5) Большого взрыва, породившего нашу Вселенную (явление света);
6) Зеленого Луча — первой вспышки Большого взрыва (зеленые перья);
7) сверхновой в центре нашей Галактики (голубые перья).

Все эти современные научные идеи легли в основу космогонического мифа в «Пополь-Вух». Само их присутствие в сакральном тексте говорит о боговдохновенности этой книги и о наличии Творца, записавшего в ней все этапы своего Делания. Этот процесс приводит к созданию «действительности» (с. 12). Иными словами, это было творение мира как *утверждение реальности.*

ГЛАВА 2

КНИГА ОБРАТНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В тот момент, кода бог переходит от создания неживой природы (горы, реки, леса) к живой (животные и люди), возникает совершенно новая реальность. Однако поскольку живое противоположно неживому, то совершается переход не просто в другую, а в *противоположную реальность*. Здесь таится огромная опасность, о которой начинающий Творец, судя по всему, не догадывается. Переход к новой реальности всегда сопровождается *амнезией*. Причем амнезия поражает самого Творца. Поэтому он забывает о плане сотворения человека и первоначально желает остановиться на создании животных и «лесных человечков», бестелесных духов.

«Затем они создали малых диких животных, лесных человечков, духов гор, оленей, пуму, ягуаров, пресмыкающихся, змей, ехидн, хранителей лесных чащ» (с. 12). «Лесные человечки» — это астральные тела, духи. Эти «человечки» — «люди» параллельной Вселенной, астрального мира. Это духи-покровители будущих людей и природы. Закономерно, что сначала создаются духи-покровители, а уже потом — те, кого они должны будут защищать.

Животные также созданы после творения земли, гор, рек, лесов и растений. Дело в том, что животные и птицы соединяют в себе все эти стихии: они рождаются и живут в воздухе, в земле и в воде. Так и Прародители, Великая мать и Великий отец, определяют, где должны жить оле-

ни и птицы, какими будут их жилища и как они должны «умножаться» (с. 12). Чтобы животные и птицы могли существовать, сначала должны быть созданы условия для их жизни. Питаясь растениями, животные не могли быть сотворены до них. Кроме того, в отличие от бездвижных растений, животные передвигаются на своих ногах, что делает их более совершенным творением, чем растения. Наличие души и характера у животных не вызывает сомнений, поэтому первоначально боги в «Пополь-Вух» рассчитывали на них как на своих слуг.

До сих пор творение протекало не только во мраке ночи, но и первозданной тишине (с. 12). Боги захотели создать кого-то, кто будет «охранять» этот мир и «озвучит» его. «Говорите, кричите, щебечите, зовите, говорите друг с другом, каждый согласно своему виду, согласно своему роду, каждый согласно своему способу!» (с. 13). Это можно понять так, что первоначально животные должны были говорить только друг с другом, каждый на своем языке, понятном лишь представителям его вида.

Однако далее происходит странный сбой в плане творения. Боги желают, чтобы животные говорили не друг с другом, а только с ними: «Называйте же наши имена, восхваляйте нас, <...> говорите же громко, призывайте нас, почитайте нас» (с. 13). По первоначальному замыслу именно человек должен был быть создан для этих целей. Однако богов поражает странная амнезия. Они забывают о желании сотворить людей, и у них появляется мысль остановиться на животных. Это свидетельствует о том, что боги впали в ошибку. Когда у них появился замысел творения мира, то его план был составлен в обратном порядке — от человека к камням и ущельям (с. 11). Первоначальный замысел представляет собой реальность, обратную нашей. Это и стало причиной ошибки богов. Они создали *обратную реальность*, в которой животные — это люди нашей реальности и должны выполнять их функции.

Создание животных — людей противоположной реальности — было самой первой попыткой сотворить существ, которые стали бы называть имена богов и прославлять их. Поэтому сначала животные были созданы прекрасными, чистыми. Однако они совершенно не могли «говорить подобно людям», «не были способны произносить слова, и каждый пищал на свой лад» (с. 13). Это очень огорчило богов: «Для них совершенно невозможно произносить наши имена, имена нас, их творцов и создателей. Это нехорошо» (с. 13). Это весьма важная идея. Животные и птицы изначально созданы, чтобы быть «подобно людям» и служить не людям, а богам.

Здесь опять возникает логическая ошибка, связанная с амнезией. Боги сами приказали животным и птицам говорить друг с другом на понятном только для каждого вида животных языке. Теперь же они оказываются недовольны, что животные говорят лишь друг с другом и не могут обращаться к богам. Боги считают это «непослушанием» и задумывают создать «другие существа, которые будут послушными» (с. 13). Они недовольны животными и наказывают их именно за то, что сами же и приказали им делать. Эта непонятная логика говорит только о том, что боги оказались в плену собственной ошибки — обратной реальности.

Когда богам стало понятно, что животные не способны восхвалять их, то природа живых существ исказилась. Их первозданная чистая субстанция закрылась в грубое существование, а предназначение изменилось. «Раз для вас невозможно говорить, вы должны быть изменены. <...> Примите ваше предназначение: ваша плоть будет разорвана на части. Да будет так!» (с. 13). Животные были созданы богами так, что «не могли понять говора один другого» (с. 13). За это сами же боги и наказали их: «Вот по этой причине их плоть была принесена в жертву, и все животные, какие есть на земле, были осуждены на то, чтобы их убивали и ели» (с. 14). Вот это

и называется у всех народов и во все эпохи «*божеская справедливость*»!

Любопытно, что хотя животных создают и потом наказывают Создательница и Творец, но призвать имена и восхвалять они должны не только их, но также «Хуракана, Чипи-Какулха, Раша-Какулха, Сердце небес, Сердце земли» (с. 13), хотя он не принимает участия в этом действе. Всякий раз обращение в сакральном тексте к Хуракану означает завершение очередного этапа творения и подведение итогов. Хуракан необходим, так как он обеспечивает переход на новый уровень реальности или перемещение в противоположный мир.

Животные названы богами «первым творением» и «первым созданием», предназначенным «призвать» и восхвалять, «питать и поддерживать» их. Однако они так и не смогли «заставить их восхвалять и почитать нас» (с. 14). Поскольку первая попытка создать существ, которые бы поддерживали и кормили богов оказалась неудачной, то боги решают попробовать все-таки сотворить людей. «Так давайте же попытаемся создать послушных, исполненных почтительности существ, которые бы кормили и поддерживали нас» (с. 14). Как видно, главное, что требуется от людей, — послушание.

В конечном итоге, судьба животных может быть вписана в план создания человека. Как человек должен служить богам, так животные теперь должны служить человеку. Решение богов наказать животных и превратить их в еду для людей может быть понято как стремление богов создать условия, пригодные для проживания человека. Как растения были созданы раньше животных и предназначены им в пищу, так и животные сотворены раньше человека и определены в пищу ему. Согласно антропному принципу, мир был создан ради существования в нем человека. Космос создан таким только для того, чтобы человек получил возможность существовать и исполнять волю Творца. В то же вре-

мя именно благодаря этому служению человечества мир становится «жилищем» для бога, реализуя свое предназначение. Логическая ошибка наступает тогда, когда боги решили ограничить творение созданием только животных, которые должны были восхвалять их. Если бы животные оказались бы в этом смысле «послушными», то и в создании человека для богов не было бы уже необходимости. Это, однако, полностью нарушает первоначальный план творения, где человек был определен в качестве главной цели.

Основная проблема с животными заключается в том, что они не могут произносить имена богов. Здесь возникает важный вопрос: *помнят ли боги свои имена*? Быть может, бог творит мир потому, что забыл свое настоящее имя и пытается его таким образом вспомнить? Или он творит людей для того, чтобы те все время обращались к нему по имени и он не смог бы его забыть? Вновь при переходе в новую реальность (от мира животных к миру людей) встает проблема амнезии.

Создательница и Творец постоянно обеспокоены тем, что никто не называет их имен. Они обращаются к только что созданным животным с просьбой называть их имена. Боги расстроены тем, что для животных «совершенно невозможно» называть их имена. Проблема произнесения имени и проблема создания человека для богов оказывается неразрывно связанной. Это одна и та же проблема. Им необходимо создать существ, «которые взывали бы к нам, молились бы нам» (с. 14), такого человека, который «мог бы призывать и помнить нас!» (с. 15). *Человек необходим, чтобы помнить имена богов и называть их, иначе сами боги могут забыть собственные имена.* В этом случае бытийность богов окажется под вопросом, а сотворенный ими при помощи слов-имен мир будет разрушен.

«Сделайте нас призываемыми, сделайте нас почитаемыми, сделайте нас помнимыми сотворенным человеком» (с. 15), — вот чего желают боги от «настоящего

человека, совершенного человека» («смертного человека» — в переводе Ресиноса[1]). Их заботит не сам человек, а их собственное существование («сделайте нас»), личная бытийность, поименованность. «Пусть будут известны (ему) ваши имена... <...> Так вы будете именоваться теми, кто будет нашим делом и нашими созданиями» (с. 15). Если люди не будут знать имена своих богов и не будут их произносить, то тогда такие существа и не нужны богам. За это и наказаны животные.

Важная часть замысла создания человека в том, что он должен появиться «при наступлении зари» (с. 11). Боги переживают, что «приближается время для зари и света», а человек еще не создан (с. 14). С явлением зари должна возникнуть совершенно новая реальность, в которой должен появиться и новый, «настоящий», «совершенный», «смертный» человек. Создателями людей должны стать Шпийакок и Шмукане, «Старцы дня, Старцы зари» (с. 14-15), Прародитель и Прародительница, Праотец и Праматерь. Эти старцы-прародители — мессии, пришедшие из иной реальности. Они явились подобно изначальному свету. Как свет осветил тьму и явил мир, так и Прародители должны создать новых людей с явлением зари. Новый человек подобен солнцу, а его явление — это космическая Утренняя Заря.

Люди должны были отличаться от животных умением говорить. *Способность говорить — центральная идея в создании человека.* Почему человек обязательно должен уметь говорить? Мир создан Словом, Творец создавал космос, произнося Слова. Так же и человек должен служить богам, произнося слова — их имена, благодарности, молитвы. Именно способность к речевому самовыражению составляет основу человеческого существования. Животные, не умевшие говорить, не состоялись как заменитель человечества. Человек существует как

[1] Popol Vuh. P. 15.

говорящее существо, воплощая в себе словотворческую способность как божественное качество. Речь — признак духовности, возможность общаться не только друг с другом (это умеют и птицы), но еще и с богами — с высшей реальностью.

Речь — это прорыв в иную реальность, восхождение в Абсолют. Для служения богу необходимо умение говорить с ним. Это открывает человеку *возможность восхождения*. Творение мира, существование человека и его служение богу — это *высказывание*. Говорение для человека — это подражание богу (богоподобие), который вызвал наш мир к бытию волевым высказыванием («Пусть будет»). Говорением человек тоже творит, но и служит. Разговаривая, человек использует данную ему возможность созидать и исполнять задачу служить. Человечество, не исполнившее речевого служения, будет наказано, как и животные.

Подводя черту под процессом создания мира непосредственно перед творением человека, можно сделать следующие выводы:

1) трансцендентный Творец создает мир из Ничто при помощи Слова;
2) все феномены космоса возникают не сразу, а последовательно;
3) последовательность творения такова: сначала общие стихии (земля, вода), затем упорядоченные явления, также в особой последовательности: почва, горы, реки, растения, деревья, животные, птицы;
4) совершенство и красота творения вызывает радость;
5) творение мира совершается в такой последовательности, чтобы логически завершиться созданием человека.

В космогенезисе действует антропный принцип: человек должен обязательно появиться, даже несмотря на амнезию и ошибки в творении обратной реальности.

Появление человека подразумевается как обязательное на всех этапах творения и вытекает из логической последовательности этапов космогенезиса. Человек необходим богам, чтобы познать и произнести их имена: отразить их и удостоверить их существование.

Творение в «Пополь-Вух» можно разделить на несколько этапов. Первый этап творения может быть назван самоэволюцией того, что есть Ничто, самоопределением Пустоты, которая предшествует проявлению как Черное Солнце. Второй этап — творение стихии воды, изначального моря. Это момент дифференциации докосмических элементов, первичной праматерии. Именно в ней скрыто обитают самоопределившиеся в мысли о творении Создательница и Творец. Третий этап представляет собой волевое выражение мысли и явление творческого Слова в виде Зеленого Луча. Четвертый этап являет собой вхождение Слова в праматерию и огненное ее упорядочение, создание земли не как стихии, а как места дальнейшей эволюции. Это момент нарождения физических сил и упорядочения пространства (горы, реки, долины). Этот этап — срединный в эволюции от неупорядоченного хаоса к совершенному космосу, от неживой материи к живому миру, смена реальностей.

Пятый этап — творение растений, переломный момент и первая точка в создании высших существ — живых миров. Шестой этап — создание животных. Животный мир здесь подразумевает зародышевое, просыпающееся сознание, которое еще не способно воспринять идею о боге и прославить его имя. Это создание физических форм и тел, непосредственно предшествующих человеческим. Это высшая точка досознательного существования мира и перелом в эволюции самосознания, который сопровождается амнезией. После этого начинается главный, седьмой этап — создание человека, который также подразделяется на несколько этапов, обозначаю-

щих эволюцию самосознания и физических форм. Этот этап должен завершиться апофеозом творения — первым восходом солнца.

Этапы творения не просто связаны друг с другом, но каждый из них логически вытекает из предыдущего и подготавливает последующий. Первым этапом становится структурирование мировых сил и стихий в рамках космического пространства. Вторым этапом становится сотворение жизни внутри этой структуры (растения, животные, человек). Третий важный этап — поляризация жизни для самовоспроизводства (приказ животным размножаться). Стоит заметить, что третий этап был бы невозможен без второго, второй — без первого. Но в то же время первый этап без второго теряет смысл и также становится ненужным. Осмысленность и сама возможность творения обусловлена не началом, а финальной целью. Тайна творения (как и самой жизни человека) открывается в его финальной точке, которая и делает само творение возможным.

Осуществление этой цели опять началось с ошибки, обусловленной законами, действующими в обратной реальности. Первый человек был сотворен из глины. «Из земли, из глины они сделали (человеческую) плоть» (с. 14). Эта попытка не была удачной: «Но они увидели, что это получилось неудачно» (с. 14). Их плоть «расплывалась, она была мягкой, без движения, не имела силы» (с. 14). Земля мягкая, пассивная, женственная стихия. Она находится внизу и пребывает в слабости. В ней нет активного, творческого начала. Земля не творит, а лишь порождает, но творение активно, а рождение пассивно. Здесь нет инициативы, а лишь следование чужому акту творчества. Поэтому люди из земли «не способны ни ходить, ни размножаться», зрение их «было полностью затуманено», они не могли «видеть сзади» или по сторонам, так как голова их «совершенно не могла двигаться» (с. 14). У этих людей не было ни разума, ни воли, и

поэтому боги «разломали и разрушили свою работу и свое создание» (с. 14).

Почему сначала бог творит человека из земли? Он желает создать человеческое существо в виде материальной формы. При этом главной материей в мире является именно земля. Только по этой причине первая попытка создания человека в качестве физической формы и была осуществлена из земли. Однако в том, чтобы привязать духовно-телесное существо, каким является человек, только к физическому миру и к материальной стихии, и заключается ошибка. Земля, как исключительно материальная стихия, вовсе не подходит в качестве основы для творения человека, поскольку человек, созданный из земли, имеет те же качества, что и земля — мягкость, расплывчатость, отсутствие движения и силы, слабость, отсутствие разума, что и отмечено в «Пополь-Вух». Слепленный из земли, он мог быть равен земле, но он не мог быть повелителем земли, а уж тем более стать вселенским творением и повелителем мира. Самое плохое, что есть у людей, сотворенных из земли, — это *стремление «вернуться в землю», желание «стать пылью и прахом»*.

Созданные из земли люди не размножались. Будучи сотворенными, сами они не имели способности к творению и размножению. Принадлежа только к стихии земли (материя), они были лишены огня (дух), творческой силы. Они были лишь физическим телом без души. Не выполнив своего долга перед богами (почитать и размножаться), они утратили право на существование. Поскольку они не имели огня — души, то и тела их быстро потеряли свою форму. Тела, лишенные формы и формообразующей стихии огня, распались под воздействием воды. Их плоть «быстро намокла в воде и не могла стоять» (с. 14). Как первая земля вышла из отошедших вод, так теперь воды разрушили тела, сотворенные из этой земли. Они не имели формы, и хотя

творец пытался придать им форму, но это у него не получилось.

Главная проблема глиняных людей заключается в том, что они не были оформлены и одухотворены. Земля — холодная и темная субстанция, ее материя тяжелая и плотная. Это делает ее мало проницаемой для света. Человек, сотворенный из земли, будет плотным, тяжелым, но тело его будет непроницаемо для божественного света — для разума, мысли и слова. Творец создал первого человека из земли, поскольку посчитал ее самой чистой субстанцией, извлеченной из изначального хаоса. Сотворенный из земли человек должен был и вернуться в землю, вновь растворившись в ней. Однако совершенство не было свойственно этому творению. Человеческий космический архетип оказывается заключен в тюрьму — в тело глиняного человека. Кто создан из земли и возвращается в землю, тот не способен к развитию и, что самое главное, — к самопреодолению и восхождению. Человек трансформируется не в бога, а в биологического робота.

Все дело в том, что изначальная земля, вышедшая из вод, была хаотичным облаком пыли. Она не была сотворена или сформирована. Человеческая плоть из земли была такой же, как и сама первичная земля. Кроме того, человек был создан из остатков материи после творения гор, лесов, животных. Ромейн де Хоге пишет об этом так: «Нагой и беззащитный, человек был создан по необходимости — поскольку после создания животных еще оставался комок плоти»[1]. Этот человек не мог ни восхвалять богов, ни кормить их, ни слушать их. Это народы, отвергнувшие богов, забывшие об их существовании. Эту первую бесполую и бессознательную расу людей можно сравнить с типом «человека бесхребетно-

[1] *Хоге Р., де.* Hieroglyphica, или символы мифов и религий древних народов. Киев, 2009. С. 157.

го» (у Ю. Эволы). Одна из главных черт бесхребетного человека — не только «мягкость», отсутствие характера и воли, внутреннего стремления, крепости и формы, не только некая «расплывчатость», но и постоянная «забывчивость», неспособность сконцентрироваться и полная потеря памяти[1]. «Пополь-Вух» дает яркое описание подобного человека и открывает его судьбу — деградация и вымирание. Жизнь «одним днем» оборачивается для глиняных людей жизнью в течение одного лишь дня.

Первое поколение людей было только бледным отражением своего Творца. Сделанное из земли, слишком материальное и физическое, оно оказалось наделено отрицательными качествами (неразумность, слабость, бессмысленность). Будучи первой попыткой создания человека, оно было во всем несовершенно. Это несовершенство, однако, происходило не от Творца, а от той материи, из которой люди были созданы, — от земли. Человек, сотворенный из земли, и не мог быть совершенным. Вышедший из земли, он так и остался кучей земли, глиняным комом. Воплощая в себе одну первичную стихию (земля), первое человечество было лишено другой (огонь). Поскольку им не удалось соединить в себе изначальные противоположности, то они и не обладали совершенством, не были подобны богам. Слепленные из глины, они были «слепками» богов, их материальными символами. Будучи лишь материальными символами богов, они не обладали реальностью и бытийностью, поэтому и разрушились.

Человек из земли — это фаза неподвижности и бессознательности эволюции человека. В своем развитии человечество должно было начать именно с этой стадии, как с зародыша. По этой причине мифы о творении человека из земли являются распространенными, и особенно — в Малой Азии, Африке, на островах Тихого

[1] *Эвола Ю.* Лук и булава. СПб., 2009. С. 48.

океана и на тихоокеанском побережье обеих Америк[1]. Это свидетельствует о южном происхождении предания и о принадлежности его не к гиперборейской, а к лемурийской традиции. Глиняный человек — выходец из Лемурии, с континента Му, представитель «немой расы». Не случайно, что и в греческом мифе человек, которого Прометей вылепил из глины, оказался совершенно бездушным и бессмысленным. Только Афина смогла заложить в него искру разума.

Глиняные люди в «Пополь-Вух» — это люди без искры разума, люди, которых не коснулась рука Афины. Поэтому и в нордическом мифе Имир — не просто инеистый великан, первое живое существо. Его второе имя — Аургельмир, что означает материю, грязь и глину. «Он, — пишет Б. Торп, — вырос и стал плотным, крепким, твердым...»[2]. Имир был первым материальным существом, древней грудой оттаявшей материи. Это первичная материальная субстанция, неоформленная и, в силу этого, «злая». Земляной Имир и его раса великанов были уничтожены богами, но из них созданы последующие расы людей.

В Библии, как известно, существуют две версии творения человека. Первая версия — последовательное создание растений, рыб, птиц, зверей и человека (мужчины и женщины) по образу и подобию Бога. Вторая версия сообщает о творении первого человека (мужчины) из «праха» земного, после чего Бог создает животных и только потом — женщину из ребра мужчины. Если в первой версии творение идет вперед по восходящей, то во второй — по нисходящей. Это резкое противоречие между двумя рассказами ставило в тупик исследователей Библии. Дж. Фрэзер объяснял его «тем обстоятельством, что они происходят из двух различных и первоначально

[1] *Фрэзер Дж.* Фольклор в Ветхом Завете. М., 1986. С. 15–28.
[2] *Торп Б.* Нордическая мифология. М., 2008. С. 97.

самостоятельных источников, впоследствии включенных в одну книгу редактором, который механически связал оба рассказа, не удосужившись даже смягчить или сгладить противоречия»[1]. Разумеется, подобное мнение абсолютно неприемлемо для комментирования сакрального текста.

В столь кричащем противоречии двух версий содержится не ошибка редактора, а сама тайна творения. Следует заметить, что именно во второй, «обратной» версии человек создается из земли. По мысли же Платона, это означает, что в ту эпоху время двигалось вспять. Рождение из земли — это описание возрождения умерших и их восстания из могил. Это оказывается возможным, если время движется в обратном направлении, когда, по словам Платона («Политик»), «мертвые, лежащие в земле, снова восстанут из нее и оживут, следуя перемене пошедшего вспять рождения и возникая по необходимости как землерожденное племя»[2]. Время начинает двигаться в обратном направлении, когда космос переживает сжатие. Если цикл расширения сменяется на цикл сжатия, направление времени меняет свой знак, и в соседних циклах направление времени противоположно.

Если принять эту точку зрения, то тогда все разъясняется: сначала Бог сотворил мир в определенном и правильном порядке. Однако чтобы мир был совершенным, следовало создать и антимир, антикосмос, где события развивались бы в обратном порядке. Вторая версия в Библии — это не случайно вставленный эпизод, а сообщение о создании антибытия, антикосмоса, где события начинаются с «выхода» Адама из земли (его воскресение) и затем развиваются по нисходящей к творению более примитивных существ (животных). Женщина же, созданная (вышедшая) из части тела Адама, — это,

[1] *Фрэзер Дж.* Указ. соч. С. 14.
[2] *Платон.* Законы. М., 1999. С. 20.

в правильной последовательности, Мудрость Божия, вошедшая в тело человека после его создания. Таким образом, вторая версия — зеркальное (обратное) повторение первой. Можно сказать, что вторая версия — перевернутое эхо творения, необходимая для равновесия и совершенства антивселенная. Наличие этой второй версии творения человека только подтверждает совершенство и надчеловеческую природу Библии, ее божественное происхождение.

То же относится и к «Пополь-Вух». Здесь говорится, что глиняные люди в «первый момент» после творения «могли говорить», но затем сказано, что «разума» у них «не было» (с. 14). После этого глиняные фигуры намокли в воде и разрушились. Это типичное описание обратного течения времени. В правильном порядке гибель в воде означает рождение из околоплодных вод, отсутствие разума соответствует состоянию новорожденного ребенка. После этого человек начинает говорить, а затем умирает — возвращается в землю, из которой в антикосмосе появляются глиняные люди.

Мир, где люди сотворены из земли, — это антивселенная, где мертвые восстают из своих могил и развиваются от смерти к старости и от старости к молодости и детству и возвращаются в воды. Эти ожившие мертвецы лишены опыта и памяти, так как события, опыт и память не накапливаются в них с течением времени, а стираются по мере обратного движения к детству (отсюда — утрата речевого навыка). Поэтому они ничего не помнили о своих богах и, подобно детям, не умели думать и говорить. То, что глиняные люди не могли иметь детей, не имели потомства (продолжения) — ясное свидетельство в пользу того, что время двигалось в обратном направлении.

Человек, созданный из земли, имел выбор: он мог либо остаться со светом (поскольку земля создана из воды светом и свет пребывает в земле, так и первый

человек мог сначала говорить, имел свет разума), либо погрузиться во тьму (поскольку земля вышла из воды, а изначальная вода пребывала во тьме). Он не выдержал этого испытания и оказался во власти темных вод, которые разрушили и поглотили его глиняное тело, затушили его разум. Сделанный из земли, человек оказался во власти воды и тьмы, что его и погубило.

Любопытно, что как новорожденный ребенок видит мир перевернутым, так и первое человечество было сотворено богом в обратном движении истории и времени. Это видение мира в перевернутом состоянии говорит о недавнем рождении самого Творца. Сначала он создал не мир, а антивселенную, не время, а антивремя, не людей, а живых мертвецов, которые вышли из земли (из могил), а затем просто распались в водах. Творец в «Пополь-Вух начинает с того, чем все должно было бы кончиться. В начале творения человека он открывает его финал. Воскресение мертвых, таким образом, уже состоялось. Воскрешение мертвых — это первый этап в сотворении человека.

Время, возможно по ошибке, из-за излишне буквально воспринятого обратного плана творения было запущено в противоположном направлении. Смерть — это возвращение в изначальное хаотичное состояние, распад упорядоченной материи. Движение времени в правильном направлении означает переход от хаоса к упорядоченному космосу. Движение времени вспять подразумевает выход (творение) человека из земли и его возвращение к стихии воды. Чтобы творить тело из земли, надо было запустить время в обратную сторону. Но здесь и находится причина ошибки: время, двигаясь назад, приводит не к увеличению, а к уменьшению знаний и духовного опыта человека и к его саморазрушению.

Обратное движение времени могло быть связано с тем, что в момент космического творения-взрыва была создана не только наша Вселенная, но и антивселенная.

Именно в Первовзрыве следует искать истоки противоположностей, причем не только антиматерии, но и антивремени. Создание антивселенной, возможно, было ошибкой Творца. Не случайно же и создание человека из глины рассматривается Создателем как ошибка, неудача. Однако создание антивселенной перед Вселенной понятно и объяснимо. Ночь царила до дня, тьма предшествовала свету. Точно так и антивселенная должна предшествовать Вселенной. Поскольку мир глиняных людей — антивселенная, они и не знают ничего о наших богах, а сами представляют собой античеловечество.

В трагической судьбе глиняных людей ключевой момент — потеря памяти о богах. В мистических учениях падение первозданного человека обычно считается причиной потери памяти об изначальном райском мире. Также рождение человека считается причиной потери памяти о счастливом райском существовании души, о свете духовного мира. Здесь же мы видим обратный процесс: потеря памяти становится причиной падения и разрушения глиняного человечества. В потере памяти следует искать главную причину гибели первой человеческой расы.

Глиняный человек, Голем — это в подлинном смысле недочеловек. Внешне он был создан схожим с нормальным человеком. Биологически он даже аналогичен ему — у него две ноги, две руки, два глаза, рот. Но при этом он совершенно другое создание, выходец из противоположной реальности, о чем свидетельствует его неумение говорить и мыслить. Это ужасная тварь, чудовищное, искаженное отражение человека. Человекоподобное существо, психически стоящее ниже любого животного. Внутри него, как нам показывает «Пополь-Вух», царит невообразимый хаос. Дикие, неуправляемые страсти ведут его к саморазрушению. Выводя образ глиняного недочеловека, «Пополь-Вух» показывает нам, что не всякий, кто похож на человека, — человек.

Голем — это неудачная попытка алхимической трансмутации первичной материи. Этим он отличается от гомункула. Голем — Тень, гомункул — Самость. В средневековой традиции Голем — автомат, «одушевленный робот» с телом человека, но лишенный души. Он сотворен из земли — первичной материи, но без участия других изначальных стихий, и особенно — огня. Поэтому слово «Голем» означает «эмбрион», «чудовище», «бесформенная материя»[1]. Голем оживлен не творчески произнесенным Словом, а магическим словом, написанным на его голове. Когда одна из букв магической формулы стирается, Голем вновь возвращается в состояние первичной пыли[2]. Голем — это лишь мертворожденный зародыш настоящего человечества, лишенный сознания, мысли, души, искусственно появившийся на свет и поэтому разрушенный. Не случайно, что Голем может появляться только по ночам, когда все спят и царит первозданная тьма. Он — создание первичной, неоформленной материи, которая была до произнесения творческого приказа свету явиться. Сотворенный Голем ничего не знает о своем творце, и поэтому он должен быть возвращен в первичное состояние, разрушен.

Глиняный Голем — античеловек из антивселенной, лишь имитация человека, искажение, грубая подделка, робот, лишенный любых признаков собственной творческой воли. Он даже не умеет говорить и созидать, а только разрушать и саморазрушаться. В этом смысле Голем — это даже не недочеловек, а именно античеловек. Первозданный Голем, этот античеловек, не смог создать культуру и основать цивилизацию, не имел понятия о богах и душе. Он, живя во тьме долгой арктической ночи, нуждался в сумерках хаоса. Ему необходима тьма, но не солнце. Он не искал света и исчез в космической

[1] *Angebert. J.-M.* Las ciudades magicas. Barcelona, 1976. P. 179.
[2] *Atienza J.G.* Golem: hombre magico creado por la verdad // Cabala. 1981. № 59. P. 23.

ночи. Ненависть античеловека лежит в основе его стремления вернуть космос в изначальный хаос, превратить цветущий мир в пустыню. Он вышел из бескрайней пустыни как носитель тьмы мира и души, в угаре дикого, бессмысленного бешенства.

В конце концов, Голем начинает паразитировать на своем Творце. Созданный, чтобы защищать и прославлять своего бога, Голем, глиняный человек, стремится установить свой порядок, свое господство. В эту минуту замысел глиняного человека обращается против своего создателя. Даже боги ужаснулись и решили уничтожить свое творение — чудовищного античеловека. *Уничтожение античеловека — это завет, оставленный богами в «Пополь-Вух».*

Голем — глиняное чудовище, не имеющее ни формы, ни души и не выполняющее свою функцию в этом мире — служение богу. Хотя Голем сотворен из земли, но он не несет в себе мысли, не является он и смыслом земли. Глиняные люди не смогли подняться над собой и вступить в общение с богами. Они не смогли стать сверхлюдьми. Не Голем, а сверхчеловек является смыслом земли, поэтому глиняное поколение людей погибает, чтобы освободить место для будущего человечества. Только сверхчеловек остается верен земле, потому что он может преобразить ее и преодолеть себя, все земное и человеческое в себе. Это огненное преображение земли («Пусть *будет* свет»), которое недоступно человеку, сотворенному из земли.

Однако тайное, скрытое присутствие Големов продолжается, поскольку существует земля, из которой они были созданы. Созданные из глины и разрушенные как форма человека, они ушли в землю, слились с ней и присутствуют в ней тайно, оказывая свое влияние и ожидая возвращения и реванша. Их магическая власть велика, однако она уже клонится к закату с явлением солнечного сверхчеловека. С первым восходом солнца и явлением

истинного человека тайной магии земли придет конец. Этот этап еще только ожидается в «Пополь-Вух».

Чтобы совершить новую попытку творения человека, боги должны «бросить жребий снова» и «возвестить судьбу» (с. 14). Они хотят бросить жребий, чтобы узнать, смогут ли создать человека (с. 15). Творение человека представляется в «Пополь-Вух» как игра. Это игра божественного разума, игра творчества и судьбы, в процессе которой бог и ощущает радость, веселье. Творение — это веселая игра. Однако поскольку творение мира и человека предстает как игра, то это творение оказывается актом божественного всемогущества. В этом смысле бог волен по собственному желанию творить и разрушать миры, менять правила игры. Божественная игра — это творчество ради реализации собственной мощи и космической судьбы — в равной мере. Это и утверждение всемогущества по отношению к сотворенному, но и послушности судьбе по отношению к богам. Именно из осознания того, что творение человека — судьбоносная игра, а сам человек — лишь игрушка в руках богов, и вытекает единственное предназначение человека — хвалить и прославлять богов.

Бросание жребия в «Пополь-Вух» соответствует игре в кости. Век — это божественная игра. Гераклит учил, что век — «дитя, играющее, кости бросающее, то выигрывающее, то проигрывающее»[1]. Бог оказывается хуже ребенка, играющего на песке. «Вот в такую игру [бог окажется] вечно играющим во Вселенной: слепил космос, которого не было, а потом снова разрушил»[2]. Если это так, то что же удивляться неудачным попыткам и детским ошибкам богов. Игра в кости соотносится с судьбой. В бросании жребия устанавливается связь между судьбой и богом, связь с творением, с миром, светом и самой Вечностью. В творение человека вно-

[1] Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 242.

[2] Там же. С. 242–243.

сится элемент игры, случайности, которая превращается в предопределение. Священный случай вносит в бытие идею сакрального.

Боги нуждаются в игре и в судьбе. Только так они могут общаться с людьми. Однако то, что боги бросают жребий, означает, что они совершенно не понимают, что им делать, не знают, чего хотят от людей. Они только хотят «узнать и найти средства», чтобы созданный человек мог бы их кормить и призывать (с. 15). При этом только жребий покажет, смогут ли они вырезать человеческую фигуру из дерева (с. 15). Вероятно, *боги даже и не верят в существование людей.* Они вопрошают у «предвещателей», «будет ли хорошо, если дерево будет обработано» и станет ли деревянный человек «тем, кто должен питать и поддерживать нас» (с. 15, 16). Судьба, определенная жребием, влияет на деяния богов, и она оказывается выше воли самих богов.

Не по собственному выбору, а по воле судьбы боги творят второе поколение людей из дерева. Как деревья были созданы после земли, так и деревянные люди сотворены богами после глиняных. Сначала они считают, что их новое создание будет удачным. «Ваши фигуры из дерева удадутся; они должны говорить, они будут разговаривать на земле» (с. 16). Почему у богов возникает решение создать человека из дерева? Обыкновенное дерево своим видом выражает жизненный процесс. Его существование раскрывает таинство рождения, жизни, смерти и возрождения, что также очень важно и для циклизма человеческой жизни. Идея, что человек сотворен из дерева, устанавливает тождество между человеком и деревом. Это позволяет К. Г. Юнгу сделать вывод, что психологически «дерево должно пониматься как Антропос или самость»[1]. Рост дерева означает рост не только тела, но и души человека.

[1] *Юнг К. Г.* Мировое древо. М., 2008. С. 143.

Но в то же время дерево своей укорененностью в почве несет значение неподвижности, невозможности сдвинуться с места, что может быть понято и как неспособность к духовному развитию, застой. Когда глиняное человечество рассыпалось, то на этой земле выросли растения и деревья, из которых была произведена вторая раса. Вторая раса, без сомнения, связана с первой. Как из земли вырастают деревья, так и деревянное человечество «выросло» из глиняного. Так вторая раса представляет собой процесс трансформации и эволюции первой; первая раса поглощается и соединяется со второй, становится ее дополнением. Из-за этого вторая раса также потенциально несет в себе возможность ошибки.

Гесиод приводит такую версию мифа: «Зевс создал третье поколение, медное, серебряному неравное; из ясеня, что идет на древки смертоносных копий, создал он это племя, жестокосердое, крепкое, могучее. Кровавое дело войны, своевольство и насилие были этим людям потехою и отрадою. Жестоко, как алмаз, и неукротимо было их сердце; роста они были исполинского, силы непомерной; страшна была тяжелая рука их. Из меди они строили дома и из нее же выделывали орудия войны и труда; черного железа еще не было. Дикие, войнолюбивые, они истребили друг друга и без имени низошли в ад...»[1]. В «Младшей Эдде» также повествуется о сотворении людей из ясеня: «Шли сыновья Бора берегом моря и увидали два дерева. Взяли они те деревья и сделали из них людей. Первый дал им жизнь и душу, второй — разум и движение, третий — облик и речь, слух и зрение. Дали они им одежду и имена: мужчину нарекли Ясенем, а женщину Ивой. И от них-то пошел род людской, поселенный богами в стенах Мидгарда. Вслед за тем они построили себе град

[1] *Штоль Г. В.* Мифы классической древности. В 2-х т. Т. 1. М., 1877. С. 11–12.

в середине мира и назвали его Асгард...»[1]. Нордическая версия мифа о творении человека повествует только о деревянном человечестве, связывая его с начальными временами и с «серединой мира» — сакральным полярным Центром.

Миф о происхождении людей из дерева следует признать частью нордической Традиции. В то же время глиняные люди были представителями лемурийской, южной расы. В «Пополь-Вух» имеется определенная оппозиция: глиняные люди — мягкие, хрупкие, слишком рассыпчатые; деревянные люди — слишком твердые, крепкие, сухие. Та и другая попытки создания человека рассматриваются как крайние стороны одного и того же процесса, крайние точки раскачивающегося маятника. При этом современные люди, которые ведут свое происхождение от предка, созданного из земли, или от предка, сотворенного из дерева, относятся не к разным расам и даже не к различным эпохам. Это выходцы из противоположных плоскостей реальности.

Деревянные люди отличались от глиняных тем, что они были созданы уже не из первозданной стихии, а сотворены из порождения этой стихии — из деревьев. Этим они превосходили стихию земли и могли стать хозяевами земли. Так и произошло, когда они создали великую цивилизацию и размножились. «Они существовали и умножились; они имели дочерей, они имели сыновей, эти деревянные фигуры» (с. 16). То, что эта раса людей была сотворена из дерева, возможно, подразумевает, что они размножались почкованием, вегетативным способом. Однако они и погибли, оказавшись во власти стихии земли. Дело в том, что, будучи порождением земли, деревья и превосходят ее, но и полностью от нее зависят. Они могут погибнуть, если земля перестанет давать им питательную влагу и удерживать их корни.

[1] Младшая Эдда. М., 1994. С. 26.

При создании деревянных людей все эти недостатки и слабости деревьев не были учтены и не устранены.

Когда боги делали этот род людей, то они просто вырезали их из дерева, сохранив присущие дереву качества: «Правда, они говорили, но лицо их не имело выражения; их ноги и руки не имели силы; они не имели ни крови, ни сукровицы, они не имели ни пота, ни жира. Щеки их были сухими, их ноги и руки были сухими, а плоть их была трухлявой» (с. 16). Причем в переводе Ресиноса подчеркивается, что это были «куклы из дерева», которые говорили только «сначала»[1]. В точном смысле деревянные люди не были созданы (как созданы земля, горы, деревья, животные). Они — результат придания новой формы уже сотворенному — дереву. Они — не сотворенная форма, а переформированное явление. В этом их слабость, поскольку в своем бытии они подчиняются не собственным законам, а законам того явления (дерева), из которого были произведены (сухость, трухлявость). *Когда человек создается из дерева, то это означает, что он деревом и остается.* Преображения исходной материи не произошло. Это также была ошибка Создательницы и Творца.

Автор сакрального текста утверждает, что и это «было не больше, чем проба, чем попытка (создать) человека» (с. 16). Они, конечно, были очень похожи на людей: «Они имели лица подобно людям, говорили подобно людям и населили поверхность земли», но при этом «они не имели ни души, ни разума» и даже «бесцельно блуждали на четырех (ногах)» (с. 16). Для богов же самым важным было то, что деревянные люди «не помнили свою Создательницу и своего Творца», «не помнили о Сердце небес», «не думали более ни об их Создательнице, ни об их Творце, о тех, кто создал их и заботился о них» (с. 16). Создавая людей, боги рассчитывали, что те ста-

[1] Popol Vuh. P. 16, 17.

нут заботиться о них, кормить и прославлять их. Однако «те, которых они создали, те, которых они сотворили, не думали и не говорили пред лицом своей Создательницы, пред лицом своего Творца», и их «мысли не достигали до лица их матери, до лица их отца, Сердца небес, что зовется Ураканом» (с. 17). Как и в случае с глиняными людьми, законы обратной реальности приводят к *затемнению разума* деревянных людей. Проблема в том, что при переходе на новый уровень реальности амнезия поражает не только богов, но и людей.

Как и глиняные люди, деревянное человечество принадлежит к «немой расе», которая не смогла установить речевой контакт с богами, хотя и умели сначала говорить. Их духовные качества, получившие внешнее человеческое оформление, внутренне не были готовы к такому развитию и подвергались инволюции, имевшей характер нравственно-духовной катастрофы. Процесс инволюции Г. Фай определяет как «регресс цивилизации или вида в сторону неприспособленных форм, влекущий за собой упадок жизненной силы»[1]. Поэтому хотя деревянные люди размножились и существовали «в большом числе на поверхности земли» (с. 16), однако сразу подчеркивается слабость и трухлявость их тел. Инволюция означает упадок культурной памяти, когда люди забывают о своих богах и возвращаются к примитивным формам жизни (ходили на четвереньках). В своей финальной стадии подобная инволюция приводит человечество к полной дезорганизации, катастрофе и гибели.

Рассказывая о цивилизации, созданной деревянными людьми, «Пополь-Вух» связывает ее зарождение и развитие с параллельным упадком нравственности и ростом гордыни. Деревянные люди строили дома и города, у них были разные технические приспособления, они при-

[1] *Фай Г.* За что мы сражаемся? Идеологический словарь. М., 2007. С. 111.

ручили животных. Но при этом они были гордыми и бесчувственными, у них не было ни души, ни разума. Вторая попытка творения человека оказалась неудачной, что показывает ошибочность самого принципа физического, материального творения. Для создания истинного человека необходим «живой огонь», разум, душа. Но огонь — враг дерева. Деревянные люди не обладали разумом и душой, так как огонь души спалил бы их, или же они потонули бы в потоке мыслей.

Создав на земле первую великую цивилизацию, деревянные люди совершили это не для прославления богов, а только для удовлетворения собственных потребностей и для прославления своей силы. Этот род людей полагал, что благодатные времена и счастливая жизнь на земле являются лишь следствием их силы и деятельности. Эта мысль и привела к тому, что они перестали думать о своих богах и забыли о них. Здесь мы имеем дело с ярким примером *десакрализации* как главного пути в процессе упадка цивилизации и деградации человечества.

«Забыв» о своих Создательнице и Творце, отвернувшись от богов, деревянные люди создали профанную цивилизацию, совершенно отказавшись от сакральных корней бытия. Умаление сакрального пробудило в деревянном человеке гордость, самовозвышение над природным миром. Утверждение собственной воли и власти над космическим пространством, над животными и вещами стало особенностью их культуры. Цивилизация деревянных людей превратилась в нечто ненормальное. Отказавшись от опоры на сверхчеловеческое, на божественное, она извратила подлинный сакральный порядок вещей и превратилась в «царство количества»[1].

Рассматривая подобную ситуацию в человеческой культуре, Р. Генон говорил, что «современная цивилизация предстает настоящей аномалией в истории:

[1] *Телегин С. М.* Анатомия мифа. С. 171–172.

единственная среди всех нам известных, она избрала сугубо материальный вектор развития, она единственная, которая не опирается ни на какой принцип высшего порядка»[1]. Философ хочет сказать, что знаком нашего времени является радикальный отказ от всего абсолютного, трансцендентного и кардинальная десакрализация. Ошибка Генона заключалась в том, что он приписывал это явление только современной цивилизации, в то время как в «Пополь-Вух» уже попытка создания человечества из дерева привела к тем же самым последствиям. Как верно отмечает Х. М. Сувирон, «первые признаки затмения священной сферы человека» появились одновременно с созданием человека и зарождением его культуры[2].

М. Хайдеггер называл этот процесс не иначе как «миропомрачение». Его важнейшими проявлениями он считал «бегство богов, разрушение Земли, скучивание людей, преобладание посредственности»[3]. Как видим, деградация имеет в своей основе замутнение изначальной духовной Традиции и удаление от нее. Это своего рода «обессиление духа», его отмена, истощение или полное отсутствие, как у деревянных людей. В мир, лишенный сакрального измерения и духовной глубины, входит сиюминутность. Люди, утрачивая способность думать и говорить, соскальзывают на один уровень с животными. *Равнозначность* с животными превратилась в *равнодушность* с ними и в равнодушие к ним. Человек, лишенный сакрального *качества*, оказывается в одном *количестве* с животными. Он уже не способен отличать истинное от ложного. Поскольку только сакральное измерение наделяет сущее качествами реальности, то лишенное сакрального бытие лишается существования. По

---

[1] *Генон Р.* Символы священной науки. М., 2002. С. 29.

[2] *Souviron J. M.* Cadencias y decadencias // Cuadernos Hispanoamericanos. Madrid, 1969. Mayo. № 233. P. 317.

[3] *Хайдеггер М.* Введение в метафизику. СПб., 1997. С. 126.

этой причине деревянные люди и должны исчезнуть. Утратив реальность сакрального бытия, они вследствие этого утрачивают и существование.

На примере деревянных людей «Пополь-Вух» показывает нам не только кульминацию, но и завершение этого процесса. Утратив прямую и естественную связь с богом, деревянное человечество себя утвердило в качестве единственных повелителей космоса и хозяев животных и вещей. Утверждая свою власть силой, агрессией, враждой, они вдруг почувствовали собственное одиночество. Чувство одиночества в соединении с утверждением собственной силы приводит к титанизму — иллюзии своей избранности, к гордыне и замене реальности иллюзией. Когда деревянные люди забывают о боге, то с ними происходит то, что Ф. Ницше назвал торжеством нигилизма: «Что обозначает нигилизм? *То, что высшие ценности теряют свою ценность.* Нет цели»[1]. Применительно к «Пополь-Вух» это означает, что нет цели, утвержденной в сакральном, в абсолютном бытии, божественное утрачивает понятие ценности.

Деградация деревянных людей (потеря памяти о богах, утрата навыков прямохождения), схождение на недочеловеческий уровень и физический упадок (слабость, трухлявость тел) протекает одновременно с духовным декадансом, десакрализацией бытия и ростом нигилизма. Мир без богов достоин разрушения. Но настоящая правда заключается в том, что действительно Сильные и Избранные, живущие в «эпоху без богов», и *должны желать ее скорейшего завершения.*

В род деревянных людей внесен недочеловеческий элемент. Они предались злу, однако зло не было результатом их собственной ошибки или грехопадения. Эти люди не делали зла осознанно, так как сознания у

[1] *Ницше Ф.* Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. С. 31.

них еще не было. Просто они были сделаны изначально злыми и не знали, что такое добро. Злой нрав деревянных людей и забвение ими богов происходит от материала, из которого их создали, и оказывается прямым результатом божественной ошибки. Они такие, потому что боги сделали их такими. Это ошибка богов, что они создали людей неправильно — сначала из глины, а затем из дерева.

Творение первых людей в «Пополь-Вух» предстает как результат божественной ошибки. Боги решают исправить эту ошибку, уничтожив деревянную расу. «Немедленно деревянные фигуры были уничтожены, разрушены, сломаны и убиты» (с. 16). Боги — как дети, которые ломают свои игрушки, возлагая на них вину за то, что те не умеют говорить и ходить, не имеют души. Однако эти игрушки они сотворили сами. Боги наказывают людей за собственные ошибки, совершенные в момент творения. Они уничтожают деревянных людей, чтобы «замести следы» и попытаться исправить ошибку — начать творение человечества заново. Для этого боги должны изменить существующий план реальности и освободить место для нового мира.

Суд упал на головы деревянных людей с неба на землю в виде потопа. «Потоп был создан Сердцем небес, был устроен великий потоп, который пал на головы деревянных людей» (с. 16). Обращение к Сердцу небес (Хуракану) означает, что происходит подлинный слом реальности, ее завершение. Творец был очень расстроен поведением деревянных людей и наслал на них потоп. *Потоп — это слезы бога.* Потоп означает, что Творец был так расстроен, что заплакал, а его слезы затопили мир. Потоп же скрывает землю от глаз Творца, скрывает от бога грехи мира. Из-за преступлений человечества лик земли стал темным, и такими же черными должны быть горькие слезы Творца: «И по этой причине лик земли потемнел, и начал падать черный дождь; ли-

вень днем и ливень ночью» (с. 17). Преступление внизу (забвение богов) соответствует наказанию сверху. При этом подчеркивается, что «мысли» деревянной расы «не достигали» до Сердца небес, «что зовется Хураканом» (с. 17). Как и раньше, упоминание имени Хуракана означает завершение одной реальности, подведение черты и перемену.

Суд над деревянными людьми совершается наверху, а гибель происходит внизу, правосудие спускается с неба на землю, небесный суд получает разрешение на земле. Поскольку никто не спасся во время этого потопа, это означает, что все были виноваты, не было ни одного невиновного. Главная вина их — забвение богов. До самой последней минуты они жили в этом забвении и покое, причиняя вред животным и вещам, предаваясь эгоизму и гордыне. Даже в момент, когда катастрофа наступила и с неба полился черный дождь, никто так и не вспомнил о богах, не обратился к ним. Поэтому никто из них и не заслужил спасения.

По этой причине они не просто должны быть истреблены как раса, но сами их физические оболочки будут уничтожены. «Тот, кто называется Шекотковач, пришел и вырвал им глаза; Камалоц пришел и оторвал их головы; Коцбалам пришел и пожрал их плоть. Тукумбалам тоже пришел, он сломал и растерзал их кости и их жилы, он перетер и сокрушил их кости» (с. 17). Смысл катастрофы заключается в том, чтобы от расы деревянных людей не осталось никаких следов, никаких физических доказательств их присутствия на земле. Иначе их останки будут продолжать осквернять землю.

Одновременно с этим произошло и землетрясение — слом поверхностного слоя земли, загрязненного присутствием деревянных людей. «Пришедшие в отчаяние (деревянные люди) побежали так быстро, как только могли; они хотели вскарабкаться на крыши домов, но дома падали и бросали их на землю; они хотели вскарабкаться

на вершины деревьев, но деревья стряхивали их прочь от себя; они хотели скрыться в пещерах, но пещеры закрыли свои лица» (с. 18). Здесь подробно описывается радикальное изменение земного плана реальности, замена одного пласта другим, сопровождающаяся уничтожением человечества. Чтобы истребить этих людей, пришлось разрушить всю созданную к тому времени реальность. Ущербность мира преодолена потопом.

Но так как люди были сотворены из дерева, то одна только вода не смогла бы погубить их. Дерево можно уничтожить огнем, поэтому «густая смола пролилась с неба» (с. 17). Потоп, погубивший деревянных людей, был водный и огненный одновременно. Во время потопа реальность перевернулась, трансформировалась. Поэтому небесные воды превратились в огонь. С неба потекла не вода, а огонь. Огонь — это вода противоположного мира, поэтому идет огненный дождь и мир затоплен не водой, а огнем. Огонь, лившийся с неба, противоположен воде, затопившей землю. В этом месте сакральный текст описывает единый процесс, протекавший в противоположных реальностях, благодаря чему возникает единство противоположностей, а это приходит в конфликт с принципом разделения в акте творения.

Зачем в этом потопе понадобились вода и огонь? Сначала воды растворяют этот мир, разрушают его до состояния первичных элементов. Когда же земля таким образом затопляется и возвращается в изначальное хаотичное и неоформленное состояние, эти первичные элементы поглощаются огнем. Огонь творит землю из воды. В обратном процессе земля возвращается в воду и исчезает в огне. Деревянные люди испортили землю, и поэтому ее затопила вода. Если при творении вода отделяется от земли, то во время потопа происходит обратное: вода поглощает землю. Испорченная земля скрывается, а человечество гибнет. Землетрясение — следствие испорченности земли, из-за чего она

утратила стабильность и нерушимость. Второй потоп — огненный. Огонь и вода соединяются в потопе против земли как две очистительные стихии. Поскольку вода поднималась снизу, а огонь падал с неба, то в потопе происходит соединение и смешение верха и низа, смешение миров и пространств. В потопе верх и низ, небо и земля исчезают как самостоятельные и разделенные измерения.

Огонь соединился с водой против дерева. Две противоположные стихии (огонь и вода) соединились и породили черный дождь и потоп, чтобы устранить род людской. Духовное и душевное (огонь и вода) здесь борются (потоп, дождь) с материальным и физическим (земля, дерево). Вода и огонь, обрушенные Творцом на деревянных людей, стали проявлением божественной воли положить конец временной протяженности этого цикла. Земля в конечном итоге также присоединилась к первым двум стихиям в противостоянии человечеству (землетрясение). Огонь необходим, чтобы сжечь деревянных людей, вода — чтобы омыть землю, на которой они жили, землетрясение — чтобы скрыть следы их пребывания, «перепахать» поверхность земли. Катастрофа поражает своим описанием: во тьме космические лучи (густая смола с неба) сжигали людей, землетрясение разрушило селения, а пролившийся ливень и поднявшаяся вода затопила и смыла с поверхности земли их цивилизацию.

Божественное наказание за гордыню охватывает все созданное и повторяет изначальный хаос. Это была поистине космическая катастрофа. Это полное уничтожение, геноцид. Деревянных людей судят водой, огнем и землей. Это и есть очищение земли. Ее лик потемнел, но должен быть очищен, снова стать светлым, чтобы на нем смог появиться новый род совершенных людей. Боги судили этот мир и истребили его ради создания нового, совершенного. Рождение нового, совершенного человечества — результат гибели прежнего в огне и во-

де. Потоп в этом смысле имел позитивное значение, так как после него было создано лучшее человечество (третья попытка).

Поскольку сотворенная реальность должна быть разрушена, то картина потопа противостоит творению. В начале мира боги разделили воды, вывели из них и упорядочили землю, провозгласили приход зари. Теперь же земля чернеет, благодаря землетрясению вновь возвращается в хаотичное состояние, скрывается под водой, а с неба еще и течет расплавленная смола — сжигающий все огонь, противопоставленный свету зари. В метафизическом плане потоп следует рассматривать как возвращение «изначальных вод», изначального хаоса и новую попытку творения. Так и в книге «Чилам Балам» говорится, что «небо утонуло и также утонула земля»[1]. Только в «Пополь-Вух» в начале творения были воды холода, а потоп — это воды огня, что свидетельствует о переходе реальности в противоположную: огонь — это холод противоположного мира.

Мир, чтобы очиститься, возвращается в первозданное состояние. Если боги хотят повторить попытку творения человека, то они должны начать все с начала — с творения мира. То, что после первой неудачной попытки творения людей из глины мир не был уничтожен, и стало главной причиной того, что вторая попытка оказалась также неудачной. Люди из дерева были созданы в том же плане реальности, что и люди из глины. Этот мир оказался весь создан неудачно и должен быть уничтожен и воссоздан, чтобы стать местом для нового, совершенного человека. Творение осуществляется здесь посредством уничтожения — противоположности сменяют друг друга.

«Пополь-Вух» отмечает всемирный характер потопа, так как он уничтожил весь род деревянных людей и всю

[1] El Libro de los Libros de Chilam Balam. Mexico, 1985. P. 91.

их цивилизацию. Потоп имеет своим результатом несомненно одно: из поколения деревянных людей не спасся никто. Эта абсолютность потопа в отношении деревянной расы открывает его причины: абсолютное нравственно-духовное падение всего поколения деревянных людей. Раз все поколение пережило падение, следовательно, и уничтожено оно должно быть целиком, абсолютно все. Здесь неважно — будут ли они убиты, растерзаны или превращены в нечто другое. Главное — их исчезновение как расы людей. Никто не должен спастись, чтобы начать новое развитие, так как вся попытка создания деревянных людей признана ошибкой, требующей радикального исправления. В этом абсолютном уничтожении содержится предупреждение и для грядущего человечества. Оно будет также уничтожено, если возгордится и забудет о богах.

Бог, однако, не столько наказывает (наказать можно того, кто остается в живых; мертвых не накажешь), сколько просто исправляет собственную ошибку в творении. Падение деревянных людей — не следствие сознательного греха, а результат ошибки в творении. Ни о наказании, ни о спасении здесь нет и речи. Это человечество не заслуживает спасения, значит его и не следует наказывать (много чести), а достаточно просто уничтожить (это проще и быстрее), чтобы создать новое. На этом история деревянных людей заканчивается. Она не имеет продолжения в будущем. Ее единственный урок для следующего человечества — полное прекращение, всеобщее уничтожение людей.

Одновременно с этим происходит бунт домашних вещей и животных. «Тогда сошлись малые животные и большие животные» и начали говорить: «Вы сделали нам много дурного, вы ели нас, а теперь мы убьем вас, — сказали их собаки и домашние птицы» (с. 17). Трудно переоценить значение животных в создании человеческой цивилизации. Без животных человек не смог

бы создать цивилизацию. Можно согласиться с распространенным мнением, что животные цивилизовали человека, или что он цивилизовался благодаря им[1]. Царство животных — это горизонталь. Они движутся по земле с позвоночником, расположенным горизонтально к ее поверхности. Человек же с его вертикальным положением позвоночника представляет собой восхождение от земли. Пересечение двух царств дает крест — знак совершенства, законченности и устойчивости. Однако деревянные люди оказались слишком жестокими и нарушили главное право «трудящихся животных» — право жить своей собственной жизнью, свободно и по своим законам.

Когда деревянные люди попытались поработить животных, это привело к бунту. Животные восстают из-за того, что бессердечные люди плохо к ним относились: «Почему вы не хотели давать нам ничего есть? Вы едва замечали нас, но вы нас преследовали и выбрасывали нас. У вас всегда была палка, готовая ударить нас, когда вы сидели и ели. Вот как вы обращались с нами, потому что мы не могли говорить. Разве мы не подохли бы, если бы все шло по-вашему? Почему же вы не глядели вперед, почему вы не подумали о самих себе? Теперь мы уничтожим вас, теперь вы почувствуете, сколько зубов в нашей пасти, мы пожрем вас, — говорили собаки, и затем они разодрали их лица» (с. 17–18). Поведению деревянных людей свойственна чрезмерность. Хотя животные созданы, чтобы служить людям, но они злоупотребили своей властью, чрезмерно пользовались ею и безгранично утверждали свою власть над миром.

Стремление деревянных людей к безграничной свободе и чрезмерной власти должно было привести к коррекции такого стремления. В чрезмерности своего волевого устремления деревянные люди ошибочно видели признак своего величия. На самом деле жестокость по

[1] *Franco L.* Biografias animales. Buenos Aires, 1960. P. 25.

отношению к животным, бесчувственность и безразличие к их страданиям, желание мучить их, — все это признаки неполноценности или деградации расы деревянных людей. За это их и следовало наказать, чтобы показать, что без меры никакого величия не существует, а власть должна иметь разумные ограничители. *Власть должна соответствовать силам, а воля подчиняться мере.* Именно этого и не поняли деревянные люди. Ослепление воли охватывает деревянных людей и возвращается к ним бунтом животных, растений и вещей, космическим бунтом и катаклизмом. В утверждении чрезмерности власти деревянные люди стали врагами богов, которые сразу же ограничивают их волю, снижают их силы, так что животные и вещи могут напасть на них.

Одновременно происходит повышение статуса животных и вещей: они начинают говорить. «И все начало говорить...» (с. 17). Бунт животных и вещей начинается в тот момент, когда они получают возможность заявить о своих правах. До появления речевой способности животные и вещи только терпели обиды, но теперь они могут высказать деревянным людям все претензии и отомстить им. Открытие дара речи открыло и возможность действия, бунта, и «все, сколько было, поднялось и начало бить их по лицам» (с. 17). Тот, кто умеет говорить, умеет и мыслить, а значит, сопротивляться, мстить, бунтовать. Это странное противоречие с предыдущим этапом творения. Когда боги создавали животных, то они надеялись, что те будут восхвалять их. Однако, поскольку животным было «невозможно произносить» их имена, то богам пришлось наказать животных и создать людей (с. 13). Теперь животные получили дар речи и стали орудием наказания людей, не способных восхвалять богов. Противоречие заключается в том, что если бы животные сразу обрели по воле богов дар речи, то необходимости в двух попытках творения людей не было бы.

Противоречие не ограничивается только даром речи. Хотя первоначально сами боги определили, что плоть животных должна быть «принесена в жертву, и все животные, какие есть на земле, были осуждены на то, чтобы их убивали и ели» (с. 14), но деревянные люди наказаны как раз за такое отношение к ним: «Вы сделали нам много дурного, вы ели нас...» (с. 17). Важная мысль, открывающая взаимодействие судьбы и воли: хотя животные осуждены на то, чтобы их убивали и ели, но никто не запретил им восстать против такой судьбы и проявить своеволие. *Животные и вещи получают право на бунт.* Это прототип человеческой трагедии в «Пополь-Вух».

Божественная «справедливость» парадоксальным образом срабатывает вновь, когда деревянные люди выполняют указание самого Творца относительно судьбы животных. Это служит признаком того, что эра деревянных людей противоположна истинной человеческой эпохе. Здесь все еще продолжается обратное движение реальности. То, что правильно в эпоху настоящих людей (главенство над животными, употребление их в пищу), воспринимается как противоположность и превращается в зло в предыдущую эпоху, когда само время течет в обратном направлении. Поколение деревянных людей уничтожено за приверженность абсолютному злу, которое в нашу, противоположную прошлой, эпоху превращается в абсолютное добро. Только в нашем мире человек может управлять животными — зло противоположного мира превратилось в добро нашего.

То же относится и к домашним вещам. Они тоже начали говорить, «их глиняные кувшины, их сковородки, их тарелки, их горшки, их собаки, их камни, на которых они растирали кукурузные зерна», — все напали на людей (с. 17). Причем «бытовая техника» упрекала людей именно за то, что ее использовали по прямому назначению. Зернотерки протестовали, что их «лица» все

время терлись, но теперь они решили изменить правила: «Мы измелим вас и разорвем вашу плоть на кусочки» (с. 17). Сковородки и горшки возмущены тем, что их ставили на огонь, и их рты и лица «почернели от сажи», но теперь они решили сжечь самих людей, «и они били их по лицам» (с. 18). «Камни очага, сгрудившись в одну кучу, устремились из огня прямо в их головы, заставляя их страдать» (с. 18). Вещи наказывают людей за то, как те и *должны были с ними обращаться.*

Все это означает, что мир перевернулся, вся существующая реальность изменилась так, что небо и земля поменялись местами, люди и вещи переменились на свои противоположности. То, что не должно было говорить, заговорило, а верное поведение оказалось наказуемым. Это был не просто потоп, а переворот, которому подвергся весь мир. Этот переворот и создает новую реальность, где будет создан новый человек. Уничтожение старой реальности сопровождается обращением всех явлений мира в свою полную противоположность, но вслед за этим должна появиться новая реальность.

Злые намерения имеют дело с телесной силой и не интересуются делами души, поэтому деревянные люди и «не имели ни души, ни разума» (с. 16). Они знали лишь радость себялюбия, чревоугодия и размножения. Жестокость по отношению к животным доставляла им удовольствие. В своей жестокости, гордыне, эгоизме и в забвении богов деревянные люди думали, что мир постоянен, стабилен и ничто не изменит их реальность. Однако все может измениться в одну минуту. Бог по-своему оборачивает обстоятельства, изменяет причины мира. Когда люди убеждают себя в следовании законам бытия (убивать и есть животных, использовать бытовые приборы по инструкции), бог переворачивает их в противоположные. По своей воле бог приводит обстоятельства жизни и законы бытия в *противоположное состояние*, совсем не такое, как было раньше. Поэтому

животные получают способность говорить, вещи говорят, двигаются и нападают, дома рушатся, а люди вырождаются и исчезают. Когда дела людей оказываются противоположны тому, чего ждет от них бог (служение ему), то он может поменять свой замысел и свои дела и законы на прямо противоположные. Так и получилось с деревянными людьми, которые были созданы, чтобы помнить о богах и заботиться о них, и только за это они получили бы право убивать и есть животных или использовать вещи по назначению. По легкомыслию люди забыли о своих создателях, и за это у них отобрали их права и привилегии в отношении животных и вещей.

Дела деревянных людей противоположны тому, что бог ожидал от них, поэтому и законы бытия меняются на противоположные. Деревянные люди отвернулись от богов, оставили жизнь вечную ради жизни земной, земных благ и увлеклись делами преходящими. Бог оборачивает реальность в соответствии с делами людей. События в этом эпизоде описывают гибель и рождение различных, противоположных друг другу реальностей. Двойственность мира предполагает постоянное взаимодействие противоположных реальностей. Разделенные при творении уровни смешиваются и взаимопереходят в истории, что противопоставляет исторический процесс акту творения. История деревянных людей обратна творению, так как ведет к смешению стихий и разрушению мира.

Решение о потопе было принято богами в наказание за их гордыню и забвение Творца, за мучение животных и вещей. Деревянные люди возгордились, решив, что они являются целью творения, и забыв поэтому о богах. Однако человек не цель, а лишь материал, из которого должен родиться сверхчеловек. По мнению Мартинеса де Паскуалиса, «решение Творца было осуществлено лишь во свидетельство божественного правосудия, направленного против демонических владык, до предела

возмутивших Творца своими бесконечными преследованиями младших тварных существ»[1]. Этот же смысл потоп имеет и в «Пополь-Вух». Гордыня, отвернувшая деревянных людей от бога в противоположную реальность, открыла скорее их слабость, чем силу. Их сила и власть были лишь иллюзией, что и продемонстрировали им животные, деревья, горы и вещи, восстав против них и побив их. Потоп был послан лишь после того, как деревянные люди полностью перешли в противоположную реальность, предались темной стороне, где гордыня и насилие занимают место доброты и милосердия. Отсюда следует, что потоп — свидетельство не просто гнева, а именно божественной справедливости — настоящей, а не мнимой справедливости нашей реальности. Гордыня же деревянных людей была нарушением главного принципа творения нашей реальности — радости.

Следует отметить и другое важное обстоятельство: настоящие люди не могут появиться, так как боги пока еще не принесли себя самих в жертву ради них. Требуя от людей жертв, они не показали им никакого примера. По существу, боги обращались с людьми точно так же, как люди обращались с животными и вещами — потребительски. «Так совершилась вторая гибель людей сотворенных, людей созданных, существ, которым было назначено быть разрушенными и уничтоженными; и уста и лица их были искалечены» (с. 18). Говорится об устах и лицах. Это означает, что они должны быть лишены речи и, вслед за этим, своей личности, индивидуальности, человеческого облика. Для деревянных людей нет спасения. Надежда остается только на метаморфозу — превращение в обезьян.

Сакральный текст повествует о судьбе второй расы людей: «Говорят, что их потомками являются те обезья-

---

[1] *Паскуалис М., де.* Трактат о реинтеграции существ в их первоначальных качествах и силах, духовных и божественных. М., 2008. С. 114.

ны, которые живут теперь в лесах; это все, что осталось от них, потому что их плоть была создана Создательницей и Творцом только из дерева» (с. 18). Это радикальное снижение статуса, инволюция людей связаны прежде всего с тем, что чем более люди используют свои силы против бога и его творений, тем более они сами будут унижены и наказаны. Они изначально были лишь подобием людей. «Они имели лица подобно людям, говорили подобно людям» (с. 16). Обезьяны, в которых они превратились, по внешности больше соответствуют внутреннему состоянию этой недочеловеческой «немой расы». Деревянные люди были лишь «попыткой» творения человека, а их обезьяньи потомки превратились в «намек» на человека, пародию на него. Обратное развитие реальности в ту эпоху привело к созданию могущественной и дерзкой человеческой расы, обратившейся в результате в свою противоположность — в обезьян. *Обезьяны нашего мира — это человеческая раса противоположной реальности.*

Конечно, создавая деревянных людей, боги сами допустили роковую ошибку, но она требует радикального исправления — полного переворота всей реальности. Ответственность за ошибку возлагается не на богов, а на творение. Впрочем, боги, вероятно, все же признали и свою ответственность. Поэтому они не уничтожили деревянных людей совсем, а превратили их в обезьян, сохранили их существование в измененном, перевернутом облике — в образе обезьян, людей противоположной реальности. «Вот почему обезьяна выглядит похожей на человека; (она) — пример того поколения людей, которые были сотворены и созданы, но были только деревянными фигурами» (с. 18). Насилие над животными, возможно, является намеком автора сакрального текста на сексуальные отношения между деревянными людьми и животными. Это приводит к появлению смешанных видов зверолюдей. Гибридизация становится причиной

превращения людей в обезьян. Такие отношения между людьми и животными возможны лишь в противоположной реальности, где обезьяны — это люди. Созданная таким образом «планета обезьян» подвергается разрушению и метаморфозе.

Ланц фон Либенфельс обращает внимание на то, что «самое удивительное существо наряду с человеком — это обезьяна»[1]. Схожесть с человеком, доходящая до пародии, гротеска, и привлекала, и отталкивала древних, вызывала удивление и отвращение. Неудивительно, что в мифах многих народов, как отмечает Ланц, «проясняется, что демоном древних является обезьяна (или похожее существо)»[2]. Поскольку после катастрофы деревянные люди превратились в обезьян, то в этом человеческом происхождении можно видеть причину спаривания людей и обезьян в примитивных культурах, поскольку туземцы рассматривали обезьян в качестве родственников или предков, считая их «остатками» или «пережитками» более древнего мира[3]. Следует остановиться на той идее в «Пополь-Вух», что в обезьян превратились именно деревянные люди. Ланц приходит к выводу, что в мифах «дерево» (как и «камень») «является тайным словом для обозначения содомских существ»[4]. В мифах понятия «дерево», «обезьяна» и «кровосмешение», «грех» оказываются тесно связаны.

Внешнее сходство людей и обезьян породило мысль об их родстве или генетической связи. По наблюдению Д. Н. Анучина, «мысль о возможности близкого родства или взаимного перехода между человеком и обезьянами пользуется довольно значительным распространением, как между полудикими народами (преимущественно тропических стран), так и между культурными», но при

[1] *Ланц фон Либенфельс Й.* Теозоология. Тамбов, 2008. С. 17.
[2] Там же. С. 21.
[3] Там же. С. 30.
[4] Там же. С. 33.

этом «возможность близкого родства с обезьянами допускается... только относительно таких племен, которые и физически и духовно стоят на относительно низшей ступени развития, чем их окружающие»[1]. При этом обратное, регрессивное превращение людей в обезьян оценивается как деградация. Предания об этом можно найти в Мексике, у малайцев, арабов и др. Во всех случаях это превращение людей в обезьян рассматривается как наказание за прегрешения, то есть — как следствие духовного упадка. *Духовный упадок влечет за собой физическую деградацию.*

Залогом превращения людей в обезьян становится то, что они стали блуждать по земле «на четырех (ногах)» (с. 16). В периоды нравственной и физической деградации человеческая фигура теряет свою стройность, словно он возвращается к временам и к облику своих обезьяноподобных предков. Особенно это относится к утрате навыков прямохождения. Так, сидение на корточках свидетельствует о недоразвитости или неполноценности этих людей. Для европейца сидение на корточках представляет неудобство, так как его скелет и строение мышц ног и спины приспособлены к прямохождению. Для азиатских же народов (потомков лемурийской расы) сидение на корточках представляется самым естественным и доставляет удовольствие. И. А. Сикорский видит в склонности сидеть на корточках «черты незаконченной или не вполне созревшей привычки к вертикальному положению тела», свойственной нормальному человеку[2]. Именно поэтому они являются не создателями, а всего лишь носителями высокой гиперборейской Традиции.

---

[1] *Анучин Д. Н.* Антропоморфные обезьяны и низшие типы человечества // Русская расовая теория до 1917 года. Сборник. Вып. 2. М., 2004. С. 228–229.

[2] *Сикорский И. А.* Данные из антропологии // Русская расовая теория до 1917 года. Сборник. М., 2002. С. 245.

Для народов более или менее диких, находящихся на низкой ступени развития, еще не закрепивших в своем строении навыков прямохождения, это является указанием на их «недоделанность» и близость к животным предкам. Стоит заметить, что сидение на корточках является излюбленной позой и у криминально-дегенеративных элементов общества. Эта поза, как видно, сразу указывает на недоразвитость расы или на дегенерацию ее представителей. Прямохождение не свойственно дегенеративным или недочеловеческим расам. Известно, что вертикальное положение тела оказало огромное влияние на развитие человеческого мозга, зрения, внимания, мышления. Все это утрачивается людьми, вновь отказавшимися от прямохождения, перешедшими на корточки и вставшими на четвереньки.

Эти обезьяны, существующие и сегодня, должны быть напоминанием о прошлом человечестве, о античеловечестве, о его гибели, о его позоре. Обезьяна — пример деградации человека, его инволюции, но во всех традиционных культурах человек есть то, что должно быть превзойдено, преодолено при помощи инициации. Человек может превратиться либо в обезьяну, либо в сверхчеловека. Чем обезьяна является для человека, тем человек является для сверхчеловека — «посмешищем либо мучительным позором», как писал Ницше[1]. Деревянные люди — это лишь «обезьяна человека». Великая раса людей превращается в обезьян. Что может быть смешнее? Так и Ницше сказал: «Я искал великих людей и всегда находил лишь обезьян своего идеала»[2]. Обезьян необходимо было сохранить и оставить как пример того, во что превращается человек, если он не желает верить в богов, преодолевать себя и стать сверхчеловеком.

---

[1] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого. М., 1990. С. 10.

[2] *Ницше Ф.* Падение кумиров. СПб., 2008. С. 17.

Превращением людей в обезьян Творец отменяет принцип разделения и вновь соединяет человеческое с животным и природным. Происходит смешение разных плоскостей реальности. Это было общее наказание телесного человеческого творения, абсолютный отказ от сотворенного, шаг назад в процессе создания совершенного мира. Причину превращения деревянных людей в обезьян следует искать во внезапной, катастрофической приостановке эволюции человеческой расы, в их грубом и однолинейном уклонении в сторону исключительно материальной, «животной» жизни. Они сами стали развиваться в обратном направлении, что и привело к общей деградации, к контрэволюции.

Превращение деревянных людей в обезьян означает, что первозданный человек еще слишком близок к природе (глиняный человек — к неупорядоченному хаосу, а деревянный человек — к природно-животному миру). В деревянном человеке проявляются инстинкты животного мира. Именно эти инстинкты становятся двигателями его эволюции, направленной в сторону регрессии. Животные инстинкты навязывают деревянному человеку опрёделенные модели поведения и жизненные ситуации. Деревянный человек, оказавшийся во власти животных инстинктов, становится на уровень дочеловеческого состояния. Эти инстинкты накладывают на его поведение определенные духовные ограничения и заставляют действовать предсознательно, что и выливается в цепочку насильственных актов по отношению к вещам и животным. Религиозность, почитание богов вытесняется животными инстинктами и насилием по отношению к ближним, в том числе и сексуальным. Это и приводит к превращению людей в обезьян.

Уничтожение сначала глиняных, а затем и деревянных людей свидетельствует, что Творец занят поисками совершенного человека. Обращение к животным, а далее к глиняным и деревянным людям — этапы пути, сту-

пени, пройденные Творцом в его мистическом поиске. Это также и ступени человека в его личностном росте, в духовной эволюции. Здесь можно говорить о необходимости человека для бога. *Бог занят поисками человека не меньше, чем человек — поисками бога.* Этот двойной поиск превращается в драму мировой истории в ее циклическом превращении. Если человек хочет найти бога, то для этого бог сначала должен найти человека.

Деревянные и глиняные люди являют собой исключительно материально-телесные законы развития человечества. Эти предшествующие нам формы человечества, неспособные к истинному духовному развитию, должны были погибнуть. Они — лишь предварительная ступень к человечеству, обреченная на вымирание. Являясь изначальными дочеловеческими состояниями, они были преодолены и лишь использованы для дальнейшего развития. Уделяя внимание только телесным импульсам развития, они обладали сильной инстинктивностью, чем были похожи на животных. Первые расы психологически точно отражают бессознательный (глиняные люди) и инстинктивный (деревянные люди) уровни человеческой души.

Глиняные люди — это бессмысленные люди-роботы, движущиеся по времени вспять. Деревянные люди — это человеко-животные, результат инволюции. Те и другие — следствие обратного движения антивселенной и должны быть разрушены. Разрушение прежнего мира и уничтожение поколения деревянных людей означает радикальную смену реальности. При смене реальности человечество подвергается коллективной амнезии, забывает приобретенные познания. Эта амнезия и превращает людей в обезьян, их деградация связана с полной утратой памяти о цивилизации и о человеческих качествах. Коллективная амнезия, превращение в обезьян и природно-космический катаклизм становятся основными признаками смены реальности. Метаморфоза ре-

альности влечет за собой метаморфозу и ее отдельных проявлений.

Первые миры были разрушены, так как в них еще не установились порядок и равновесие. Первозданные миры уничтожены, так как равновесие сил не достигнуто и наибольшей оказалась сила обратного движения. Каждый выбор всегда приводит к гибели остальных альтернатив. Однако в данном случае выбор в сторону обратного движения привел к гибели всей обратной реальности. «Пополь-Вух» открывает нам, что в мире не существует никакого прогресса, а есть только постоянно повторяющиеся катастрофы. Эти катастрофы оказываются судьбой мира, и человек не в состоянии их предотвратить. По своей природе он слишком слаб, поэтому сакральный текст показывает нам, что человек, чтобы выжить в череде катастроф, вынужден стать *сильным*. Он должен научиться улавливать знаки, посылаемые ему судьбой, чтобы предвидеть катастрофу, хотя *он все равно не сможет избежать ее*.

Когда люди перестали почитать своих богов и отказались от своего предназначения, то само их существование на земле стало бессмысленным или, во всяком случае, не обязательным. «Образ жизни должен быть путем служения Богу, иначе он станет образом смерти», — отмечает К. Доусон[1]. Как видим, это напрямую относится к причинам уничтожения первых человеческих рас. Они не поняли, какой должна быть их жизнь и в какую сторону им развиваться — в сторону возвышения. Отказ от религии, от сакральных основ существования стал главным знаком, открывшим их будущее — полную ликвидацию.

В «Пополь-Вух» последовательно прослеживается концепция «возвращения хаоса»: прежний мир уничтожается ради нового. Возникшее достигает предела и разруша-

[1] *Доусон К. Г.* Религия и культура. СПб., 2000. С. 105.

ется. Сакральный текст открывает, что творение происходит в несколько этапов. Первоначальный мир, созданный из хаоса, и изначальные люди воспринимались как еще «недоделанные», «несовершенные» и требующие либо доделки, либо полного уничтожения. Сотворенное должно доделываться и переделываться, подвергаться трансформации[1]. Воля богов к совершенству реализуется во вселенской катастрофе, которая упраздняет одну эру и начинает другую, в которую творятся и новые люди. Новизна следующего этапа подчеркивается тем, что прежний мир и прежнее человечество уничтожаются *полностью* — спасшихся в корабле, в пещере или на горе нет. Человечество уничтожается полностью и окончательно, оно не возрождается из оставшейся пары, а создается заново на совершено иных основаниях. Новое зарождается после разрушения старого, хотя его остатки, осколки и внедряются в новое (обезьяны). Катастрофа приводит к мгновенному уничтожению того, что уже деградировало (потеря памяти, утрата навыков прямохождения, утрата речи), и к новому творению человека «с начала». Это стремление полностью уничтожить уже созданное и начать все с начала, это стремление возвратиться в нулевую точку становится выражением принципа Вечного Возвращения.

«Пополь-Вух» сообщает, что Творец создал не один наш мир. Нашему миру предшествовали другие попытки, которые затем признавались неудачными. Творец последовательно создавал и разрушал различные миры, пока не преуспел в создании теперешнего космоса. Так и в египетской мифологии первый храм был построен на «земле основания», которая поднялась из вод в Первое время. Эта протоземля была сотворена в виде «затопленного тростникового острова». Ученые пришли

[1] *Телегин С. М.* Философия мифа: Введение в метод мифореставрации. М., 1994. С. 27.

к выводу, что «затопленный остров» является прежним миром, который был разрушен, а на его основании и из его обломков был создан новый мир. Новый мир начинается с того, что было прежде. Разрушенный древний мир стал основой для нового цикла творения[1]. Дополнительными названиями для затопленного острова были «вытоптанный остров», «остров сражения», «остров мира», что указывает на какую-то первую войну, которая и привела предыдущее творение к гибели (первый Рагнарёк).

Творение нашего мира понимается в египетском мифе как повторение изначального творения: тростниковый остров, ранее погрузившийся в воду, вновь всплыл на ее поверхности. Это можно понимать как воспоминание о потопе и об исчезновении и новом явлении разных участков шельфа из-за колебаний уровня Мирового океана в конце ледникового периода. Поскольку тростниковый остров египтян располагался прямо над «загробным миром души», то речь здесь идет о полярном острове. Сам же процесс творения должен пониматься как постоянное повторение разрушения и восстановления. Эта концепция оказывается универсальной для примордиальной Традиции в разных частях мира.

Все «прежние миры» существуют и сегодня в виде обломков, остатков, включенных в наш космос. Это «темная сторона» современной человеческой цивилизации, прошлое, преданное забвению, но сохранившееся и существующее в виде кошмарных снов и страшных воспоминаний. Все они только кажутся страшным вымыслом, но на самом деле являются реальностью, только их реальность обратна нашей. Первые миры были нежизнеспособны, поскольку не был еще сотворен «истинный человек». Совершенный (не деревянный и не глиняный)

[1] *Элфорд А. Ф.* Полуночное солнце: Смерть и возрождение Бога в Древнем Египте. М., 2009. С. 77.

человек есть образ всего. Когда такой человек был создан, то было оправдано творение всех прежних миров, их разрушение и их пребывание в нашем мире в виде обломков. Ни одна из священных книг не может сравниться с «Пополь-Вух» в ясном, точном и подробном описании прежних миров, населявших их людей и причин их гибели. Существование их остатков в нашей сегодняшней реальности создает *многомерный космос*. Это соединение многих измерений, отличных от нашего, не только в пространстве, но и во времени, которые становятся видимы, осязаемы избранными.

Хаос в неупорядоченном движении составляющих его элементов имеет тенденцию к упорядоченности. Однако если элементы в своем хаотичном движении складываются недостаточно удачно, несовершенно, то включаются механизмы саморазрушения. Происходит катастрофа, и сложившаяся несовершенная система распадается. Возвращается хаос, чтобы вновь попытаться сложиться в совершенную структуру. Так происходит до тех пор, пока не будет достигнут искомый результат — гармоничная и уравновешенная структура. *Порядок — это перевернутый хаос*. Можно сделать вывод, что в силу закона эволюции человеческие расы и миры существовали поочередно, формировались и уничтожались до тех пор, пока не было создано современное совершенное человечество, уравновешивающее полярности, силы духа и материи, мужское и женское. Это и дало ему силу существования и развития в равновесии. Рассказ об уничтожении первых человеческих рас стал составной частью повествования о сотворении мира. Бог создал мир *в радости*, но беспамятство и гордыня, в которую впали глиняные и деревянные люди, не входили в его замысел, а стали причиной неверности или несовершенства первых рас. Это влечет за собой неизбежность наказания.

Почему первые расы были уничтожены? Они не почитали богов и не исполнили своей цели и того, чего

боги ждали от них — благодарности, восхваления и, что самое важное, — поименования. Все, что желает Творец от творения, должно быть принято творением и исполнено им. Боги определенно высказали, чего они ждут от человека (прославления, обращения к ним по имени), но люди не исполнили своего предназначения. Творение должно было вызывать у Творца чувство *радости* своим совершенством. Однако это чувство радости появилось у Творца до сотворения человека. Человек же по какой-то причине не вызывает у Творца чувства радости. Это происходит потому, что первые люди сами не испытывали никакой радости от своего существования.

У глиняных людей вообще не было разума, а деревянные люди, хотя и были разумны и умели говорить, но не имели эмоций. Чувство радости было абсолютно чуждо первым двум расам людей. Ощущение же радости и благодарности и есть суть творения человека. Отсутствие чувства радости у первых людей свидетельствует об их экзистенциальном несовершенстве, о неудаче Творца в деле создания человека. Поскольку первые люди не испытывали радости сами и не вызывали чувства радости у Творца, то они не имели права на существование. Цель существования человека, как и цель бога в творении, — раскрытие радости бытия. Человечество будет совершенным и достойным бытия, если откроет в себе радость и реализует ее в своем почитании богов. Таков замысел Творца о человеке.

Первые два рода людей были способны только получать (получили бытие от Творца), но они не были способны отдавать (не почитали богов, не любили животных), поэтому они не были совершенны и не испытывали радости. Уничтожая этих людей, Творец исправлял желание только получать. В этом исправлении желания получать на желание отдавать, чтобы испытывать радость, и заключена тайна духовной эволюции человека. Тайна «ошибки» бога при творении человека

заключается в том, что сначала он должен был создать несовершенного человека, чтобы потом сотворить совершенного. Уничтожение несовершенного ради явления совершенного — это проблема человека и его духовного роста. Она и открывается богом в трех попытках создания человека от несовершенного к совершенному.

В этой ошибке содержится возможность исправления человеком своих ошибок и несовершенств. Уничтожение несовершенного человечества имеет для совершенных людей педагогическое значение. «Ошибка» бога на самом деле — дидактический прием, направленный на формирование совершенства. Весь процесс создания и разрушения первых двух рас людей необходим как основа для изменения, исправления и совершенствования истинного человека. В процессе исправления и совершенствования открывается то, что было закрыто для первых людей — радость бытия. Этапы творения человечества, показанные в «Пополь-Вух», должны раскрыть этапы обучения и исправления — избавления от всего животно-материального. Это преодоление животных инстинктов, мягкости и бесформенности земли, твердости дерева в своей душе.

Уничтожение первых человеческих рас раскрывает перед нами важнейший секрет вечно творящего начала, бога-творца, как *осужденное* на постоянное разрушение созданного и на такое же вечное страдание от самого творческого акта. На этом этапе творения действует не стремление к истине или добру, а инстинкт разрушения (закон обратной реальности). Именно инстинкт разрушения получает выражение в акте творческого разделения. Если основой процесса творения становится болезненное разделение, которое вызывает страдание, то страдание это может быть снято только через разрушение того, что вызвало страдание — через разрушение сотворенного, воспринятого в качестве безобразного, неудачного, недосозданного.

Творение, стремящееся вложить *новый* смысл (человек) в уже *утратившее* смысл (материя, земля, дерево), неизбежно созерцает вещи только с точки зрения безобразного, несовершенного, недостойного бытия. Все уже существующее, сотворенное воспринимается Творцом как нечто неудачное, достойное отрицания и разрушения. Таким образом, страдание от разделения снимается наслаждением от разрушения ради победы будущего творения, которое в момент создания также будет воспринято как несовершенное и достойное уничтожения или изменения. В творении скрывается вечная *неудовлетворенность* Творца: он не доволен созданным. Причина неудовлетворенности в том, что в творении содержатся черты *упадка* по сравнению с вечным совершенством Творца. Здесь бог не является ни в коем случае *добром*, но он оказывается *страданием*. Только то творение может вызвать относительное удовлетворение у Творца, которое содержит в себе самом борьбу против упадка, потенцию преодоления самого себя и восхождения.

Всякий сакральный текст несет в себе загадку, которую следует разгадать. Ситуация облегчается тем, что разгадка, как правило, непосредственно содержится в самой загадке. Однако проблема в том, что саму загадку не всегда можно верно понять. Параллельно истории деревянных людей развивается история загадочного персонажа по имени Вукуб-Какиш. Все произошедшее с ним связано с отсутствием солнца на небе. «Облачно и сумрачно было тогда на поверхности земли. Солнца еще не существовало» (с. 18). С феноменом длительного, многомесячного отсутствия солнца на небе можно столкнуться только в районе Полюса. Все многочисленные упоминания «Попль-Вух» о том, что «солнца еще не было», а события развивались «во тьме, в ночи» свидетельствуют о знакомстве автора сакрального текста с полугодовой ар-

ктической ночью[1]. В сакральном тексте часто происходит смешение космогонического мифа и реальных природных феноменов, наблюдаемых только вблизи от Северного полюса. Боги, творя мир и людей, постоянно озабочены тем, что «время рассвета» приближается, но некому увидеть первый восход солнца. Таким образом, настоящая загадка «Ћополь-Вух» — не творение человека, а создание и первое явление солнца после бесконечно долгой арктической ночи.

В эпоху тьмы на земле уже было «существо, звавшееся Вукуб-Какиш, и он был надменным» (с. 18). Он решил, что деревянные люди несут в себе «природу сверхъестественных существ» (с. 19). Тогда он захотел стать «великим над всеми существами, созданными и сотворенными» (с. 19). Будучи надменным (с. 18) и гордым (с. 19), он объявил себя «солнцем и луной для всего человечества» (с. 19), хотя настоящие солнце и луна еще не были созданы — не появились на небосклоне. Вукуб-Какиш «не был в действительности солнцем; он лишь возгордился из-за своих перьев и своих богатств» (с. 19). Его глаза, зубы и перья блистали «подобно лику небес» (с. 19). «И все это случилось, когда произошел из-за деревянных людей потоп» (с. 19).

Сакральный текст в своей многоплановости всегда несет в себе и множественность трактовок различных эпизодов или персонажей — от физической или исторической до метафизической и мистической. В природно-космическом плане Вукуб-Какиш, объявивший себя солнцем и луной и блиставший своими перьями во мраке нескончаемой ночи, может быть соотнесен с северным сиянием — ложным светом[2]. В метафизическом плане Вукуб-Какиш имеет отношение к астральному свету. Он — «флюид, управляющий инстинктами», как

[1] *Телегин С. М.* Словарь мифологических терминов. М., 2004. С. 67.
[2] Там же. С. 77.

сказал бы С. де Гуайта[1]. Пребывая во тьме, он является существом бессознательным и, следовательно, безответственным. Его власть строится на двух принципах — честолюбие и гордость: «Его единственным честолюбивым желанием было возвысить себя и властвовать» (с. 19). Его самоутверждение как ложного света («Я есмь их солнце, их свет и их луна» — с. 19) строится на влечении себя к самому себе. В этом промежутке — между северным сиянием и астральным светом, между космическим и мистическим, и следует искать ключи к тайне Вукуб-Какиша.

Себя он делает Центром, а свою власть воспринимает как единственное средство для достижения наслаждения. Поскольку он был владыкой на земле, то здесь он устанавливает свой трон. Его трон — «из серебра, и лик земли освещается, когда я прохожу перед своим троном!» (с. 19). Вукуб-Какиш не был создан властителем или богом, но, поскольку «солнце и луна не показали еще своего света, еще не появились» (с. 19), то он, обманув деревянное человечество сиянием своих перьев, объявил себя их солнцем, утвердив свой трон на земле — став правителем этой земли. Устанавливая трон на земле, Вукуб-Какиш утверждает свою власть именно над ней, в противоположность истинному богу, престол которого — небо.

Утверждая свои права на звание солнца, Вукуб-Какиш произносит важные слова: «Да будет так!» (с. 19). С этими же словами андрогинный Кукумац и триединый Хуракан творили космос, свет и землю. Вукуб-Какиш выступает как узурпатор власти и звания солнца, но кроме этого он пытается присвоить себе заслугу творения мира. «Слушайте, я есмь солнце!» — заявил он, а его сыновья добавили: «Я, я тот, кто создал землю! <...> Я тот, кто

[1] *Гуайта С., де.* Очерки о проклятых науках. У порога тайны. Змей Книги Бытия. Кн. 1. Храм Сатаны. М., 2004. С. 181.

создал небо и заставил землю дрожать!» (с. 20). Как видно, Вукуб-Какиш лишь плагиатор и подражатель истинного Творца и бога солнца. Свет, который происходил от тела Вукуб-Какиша, имел своим источником творящий свет, изошедший от Хуракана. Вукуб-Какиш сам не несет в себе света. Свет, сотворенной богом (пусть будет свет) отражается от его блестящих перьев и драгоценных камней. Он светит лишь отраженным светом. Однако, не видя его и не зная о его существовании, он по ошибке решает, что сам служит носителем света. Так как этот свет исходил от его тела, то Вукуб-Какиш решил, что он непосредственно порождается в его теле. Поскольку же он сияет, сверкает, то деревянные люди поверили в него как в бога солнца. Вукуб-Какиш — носитель астрального света, поскольку астральный свет и служит отражением света божественного. Он желает приписать себе эманацию света, тождественную Творцу, носителем которой он на самом деле не является.

Когда Вукуб-Какиш увидел этот свет во тьме и понял, насколько он прекрасен, то ощутил свою внутреннюю власть и силу. Свет в Вукуб-Какише поистине так прекрасен, что превзошел по красоте ночную тьму. Красота его обольстила его самого. Но ошибка в том, что он себя посчитал источником света, поскольку ничего не знал об истинном творце света — Хуракане. Вукуб-Какиш не видел и не знал никакого света вне своего тела. Вукуб-Какиш стал утверждать свое верховное первенство и власть. Вина за эту ошибку лежит не на Творце, а только на Вукуб-Какише, который не просто не знал бога, но, возгордившись, себя объявил богом и создателем мира, а это самообман. Конечно, можно сказать, что Вукуб-Какиш не восставал против Творца, так как ничего не знал о нем, но ведь он и не пытался ничего узнать об истинной природе отраженного им света. В Вукуб-Какише не было никакого иного желания, кроме как господствовать над космосом и над людьми.

Так как деревянные люди, пребывавшие во тьме, не видели никакого иного света, кроме того, что исходил от перьев Вукуб-Какиша, то они поддались обману и стали поклоняться ему как своему богу. *Здесь открывается тайна культа Черного Солнца.*

Вероятно, он на самом деле был очень красив, раз смог покорить своей власти не менее гордых деревянных людей. Он ослепил и очаровал их своим сиянием, убедил, что является истинным солнцем. Так великолепно и красиво северное сияние в течение арктической ночи. Вукуб-Какиш был достаточно горд, чтобы возомнить себя богом, и достаточно смел, чтобы заявить об этом всему миру. Он был настолько красив, что возлюбил себя в лучах света, который по ошибке принял за собственный. Он был настолько свободен и независим, что даже не мог представить себе, что этот свет исходит не от него. Он был также и достаточно силен, чтобы властвовать над деревянными людьми во тьме арктической ночи.

Заявив, что он есть истинное солнце, Вукуб-Какиш навязал деревянным людям свою власть. Через это повелевающее слово он держал их и подчинил своим законам — гордыне. Итак, соблазненные Вукуб-Какишем деревянные люди стали во всем его подобием, а не подобием своего истинного Творца. Вовлеченные в порочный круг гордыни, деревянные люди обитали там, освещаемые только призрачным и ложным сиянием, исходящим от перьев и драгоценностей Вукуб-Какиша. Они, следовательно, не жили в соответствии со своей волей и в соответствии с желанием своего подлинного Создателя. Поэтому они утратили разум и не имели больше жизни от бога и деяния от себя. Поклонение Вукуб-Какишу превратило деревянных людей из «детей света» (какими они были задуманы Создателем) в «детей тьмы». Он и не смог бы самоутвердиться в качестве «света для всего мира» вне этого падшего человечества.

Предав Творца забвению, люди не могли следовать божественным законам, хотя животные, растения и стихии, которыми они управляли, сохранили понимание истинного Творца даже в этой сияющей тьме царства Вукуб-Какиша. Поэтому на самом деле деревянные люди были в глазах Творца даже ниже животных и растений. Уничтожив людей, Творец не тронул животных и растения, а сделал в наказание деревянных людей частью животного мира (обезьянами). Этим он, пожалуй, даже возвысил их, так как деревянные люди в своем заблуждении, гордыне и забвении истинного бога опустились ниже сферы животных. В этом заключается акт подлинного божественного правосудия, справедливости и милосердия. Став животными, деревянные люди вновь обрели божественный закон и понимание Творца, которые некогда отвергли.

Проблема Вукуб-Какиша в том, что вся его власть строилась на лжи, обмане и самообмане. Он солгал себе и людям, и власть его основана на гордости и лжи. Объявив себя солнцем, он, конечно, не желал (или не ждал) появления настоящего солнца. Ему не нужен настоящий свет. Он — враг подлинного солнца, о котором даже мог и не знать, как тьма — антагонист огня. Он желал утвердить свою собственную власть вне божественности. Воображением и ложью увлек он деревянных людей. В нем не было божественного света, а вместо этого было лишь сияние ярких перьев. Это был ложный свет (северное сияние). Его свет имел источником не бога, творца света, а лишь собственное желание величия и обман. Будучи гордым и лживым, он заразил гордостью деревянных людей, из-за чего они и погибли. Поскольку Вукуб-Какиш был лишь ложным подобием божества и солнца, то и деревянные люди превратились в обезьян — подобие людей.

Что составляет главное качество Вукуб-Какиша? Утрата меры в своем волеизъявлении. Могущественная

воля этого антибога выходит за собственные пределы. Вукуб-Какиш стремится достичь недостижимого, быть тем, кем он не является — «светом для всего мира». Но этого не могло быть, так как «видеть он мог только до той линии, где небо соединяется с землей; не мог он видеть всего мира» (с. 19). Его власть ограничена так же, как и зрение, чего он, однако, в своем ослеплении не понимает. Безмерность и неупорядоченность собственной воли раздавила Вукуб-Какиша, привела к гибели. В этом отсутствии меры нет величия, а только похвальба и бунт против истинных богов и установленного ими порядка. В этом незнании меры просвечивает незрелость Вукуб-Какиша. Незрелость его характера связана с хаотичностью, с тем, что он вышел не из света, а из первозданной тьмы.

Когда хаос был подвергнут богами творческой трансформации, то из него вышло не только бытие (вода, земля, море, реки, растения, свет), но и антибытие. Это разделение хаоса на бытие и антибытие развивает концепцию творения как разделения противоположностей. Если Хуракан, творивший космос, несет в себе свет, то Вукуб-Какиш, вышедший из хаоса и тьмы, несет в себе антисвет (ложный свет). Вукуб-Какиш — верховный бог и правитель антибытия. Он — антибог, властвующий над антимиром. То, что Вукуб-Какиш является «ложным светом», позволяет многим исследователям сравнить его с Люцифером (Светоносец)[1]. Люцифера М. Серрано считал «гипербореем», который «был заточен в снежных пустынях Крайнего Севера»[2]. Вукуб-Какиша можно сопоставить и с германским Локи, чье имя также восходит к слову «свет», «сияние». В таком случае образ Вукуб-Какиша может быть понят как один из череды трикстеров — древнейших богов, творцов первой Вселенной.

---

[1] *Johnson B. E.* Popol Buj // Americas. 1974. № 10. P. 10.
[2] *Серрано М.* Золотая цепь. Тамбов, 2007. С. 71.

В своей принадлежности к антимиру Вукуб-Какиш близок к хаосу. Хотя он уже вышел из хаоса и существует в космосе, но он несет в себе следы своего происхождения. Антибытие выходит из небытия, но по отношению к бытию это антибытие хаотично. Как первое порождение хаоса, антибытие и Вукуб-Какиш представляют собой единство с хаосом. Он, разумеется, не является чем-то совершенно аморфным, как хаос. Напротив, Вукуб-Какиш вполне ограничен, конкретен, оформлен, целеустремлен, имеет тело, облик, вид, волю, речь, характер. Но при этом он первичен. Он — порождение хаотичной плодотворности и сам плодовит — имеет жену и детей. Он — первичная великая форма изначального становления антибытия. Не повинуясь создателю (Хуракану), он тяготеет к тому, из чего создан (хаос, тьма). В Вукуб-Какише выделяется бесчувственная резкость, которая становится проявлением его исполинских сил, но в то же время отражается в безрадостности его судьбы. Мысль об утверждении своей власти проступает во всей негативности его антибытия. Его власть, не имеющая никакой точки опоры вне самого Вукуб-Какиша, рушится. Он знает лишь самого себя и поэтому совершенно одинок.

Вукуб-Какиш со своими сыновьями предстает как антибог или как бог антивселенной. Поскольку среди его драгоценностей были изумруды и «зеленые камни» (с. 20), то можно предположить, что в этом качестве он выступает как антагонист Хуракана. Он — Зеленый Луч, сотворивший антимир, противонаправленный Зеленому Лучу Хуракана. Называя себя солнцем, он на самом деле — антисолнце. Вукуб-Какиш — противоположное солнце антивселенной, Черное Солнце для нашего мира. Ночью солнце идет «назад», в противоположную дневному движению сторону. Поэтому реальность ночи — обратная. Вукуб-Какиш — солнце противоположной реальности и повелитель мира деревянных людей, развивающихся в обратном направлении.

Также и его сыновья, говоря, что творят мир, на самом деле разрушают его своими землетрясениями. Они — антитворцы, такие же антибоги, как и их отец. В то же время нельзя не увидеть, что Вукуб-Какиш — это космическое отражение Творца в материи, где он устанавливает свою власть и трон. Не являясь Творцом и светом, он становится их зеркальным (перевернутым) отражением в физическом мире. Конфликт, начавшийся на небе, должен продолжиться и завершиться на земле. Хуракан, создавая мир, сотворил и антимир, антивремя, а следовательно, и антибогов (антитворца, антисолнце, антисвет). Быть антибогом, отражением Творца и истинного света в противоположной реальности — вот предназначение Вукуб-Какиша и его сыновей.

Самообожествление Вукуб-Какиша и превращение деревянных людей не случайно стоят рядом. Вукуб-Какиш и его сыновья, возомнившие себя истинными творцами мира, — это темные демиурги, извращающие первоначальный замысел. Это извращение процесса творения выражается в процессе инволюции — в превращении человека в обезьяну. Неудавшаяся попытка процесса эволюции, завершившаяся полным разрушением человеческого архетипа и актом инволюции, — следствие воздействия негативных сил антивселенной, повелителем которой в «Пополь-Вух» и оказывается Вукуб-Какиш. Ложный свет перьев породил в нем гордыню и жадность, а они вызвали огонь гнева Хуракана. Вукуб-Какиш зажег гнев божий, от этого огня зажегся космос. Когда это произошло, огненный дождь полился с неба. Огонь гнева Хуракана сжег землю и небо, поэтому «лик земли потемнел» и пошел «черный дождь» (с. 17).

Вукуб-Какиш должен погибнуть, как погибла и вторая раса людей, поклонявшаяся ему. «Теперь, — замечает автор «Пополь-Вух», — мы расскажем, как умер Вукуб-Какиш, как он был ниспровергнут» (с. 19). Убийство Вукуб-Какиша, «бога наоборот», и уничтожение дере-

Рис. 13. Классическое изображение божественных героев-близнецов Хун-Ахпу и Шбаланке (пещера Нах-Тунич, Гватемала)

вянных людей — это, прежде всего, исправление первоначальной ошибки, разрушение антивселенной. Для этого вводятся новые персонажи — божественные близнецы (рис. 13). «Вот начало (повествования) о поражении и разрушении величия Вукуб-Какиша, погубленного двумя юношами, первый из которых именовался Хун-Ахпу, а второй — Шбаланке» (с. 19).

С самого начала подчеркивается, что «в действительности они были богами» (с. 19). Это замечание определенным образом кодирует дальнейшее восприятие всех событий, связанных с ними. Близнецы — не люди, ставшие затем богами, а боги по праву и по факту рождения. Только боги, а не люди способны вступить в битву с антибогами и победить их.

Близнецы должны начать войну, чтобы победить и устранить восставшую антивселенную, усмирить ее силы. Изначальная война с антивселенной становится одной из важнейших тем в «Пополь-Вух» и этапом героической биографии божественных близнецов (после-

дующее путешествие в Шибальбу и война с богами мира мертвых). Однако сила антимира возвращается всякий раз в момент установления власти человеко-животных, деградировавших представителей древних недочеловеческих рас. Это означает, что война с антивселенной продолжается, и эта война снова и снова рождает своих героев-близнецов с их *волей к мифу*.

Поведение Вукуб-Какиша очень не понравилось божественным близнецам именно потому, что им самим в будущем и предстояло стать подлинными солнцем и луной. «Когда они увидели вред, который сделал высокомерный и собирается сделать», то юноши обратились к Сердцу небес (с. 19–20). Это обращение к Хуракану означает, что конфликт должен привести к перемене реальности. Близнецы решают положить конец власти ночного владыки. Для этого они должны отобрать у него все, чем он так гордится, — его драгоценности и перья, от которых отражался свет. «Это же может сделать каждый! Но не должен уподоблять себя огненному божеству тот, кто есть всего-навсего серебро» (с. 20). Юношам показалось «большим злом», что Вукуб-Какиш и его сыновья так настойчиво пытаются утвердить свою власть над миром в качестве богов. «Вот почему была решена юношами смерть Вукуб-Какиша и его сыновей и их разрушение» (с. 20).

Битва близнецов с Вукуб-Какишем начинается с того, что они стреляют в него шариком из выдувной трубки. Они решают это заранее. «Да, мы выстрелим в него из выдувной трубки и заставим его заболеть» (с. 19). Болезнь — это уже утрата величия, следствие мнимого величия. Близнецы попадают темному правителю в челюсть, когда тот ел плоды дерева, «и он, вопя, сразу же упал с верхушки дерева на землю» (с. 21) (рис. 14). Действительно, нет ничего смешнее и глупее, чем вид «великого правителя», мучающегося, подобно простым смертным, от зубной боли. В зубной боли

нет ничего величественного. Битва близнецов с Вукуб-Какишем напоминает битву Гора с Сетом, демоном тьмы в египетской мифологии. В одном из вариантов мифа Сет оскорбляет и проклинает Гора, после чего они вступают в битву. Гор вонзил в шею Сета копье с такой силой, что тот упал головой вперед на землю (падение бога). После этого Гор с силой ударил палицей по рту Сета, сковал его своей цепью и отрубил голову. Удар по зубам лишает Сета силы и возможности сопротивляться[1].

Падение Вукуб-Какиша произошло из-за высокомерного нрава. Шарик, попавший в него, пронзил по вертикали параллельные миры. Также и падение Вукуб-Какиша означает, что он переместился из одного измерения в другое, низшее. Это и соответствует утрате власти. Владыка в темной вселенной страха и хаоса, он переживает падение и теряет власть в нашем мире. Падение на землю означает движение вниз, к более низкому состоянию. Это падение ложного света, падение ложной мудрости, вытеснение нежелательного элемента во тьму бессознательного. Вукуб-Какиш слишком самонадеян, высокомерен. Хотя он, будучи лишь одним из представителей мира птиц, сотворен богом, но в порыве самоослепления и эгомании он утверждает себя в качестве «истинного солнца». Хотя он очень могуществен, его подвиги ни к чему не приводят, поскольку он не уважает тех, с кем борется. Самонадеянно поставив себя выше надличностных сил, вознеся себя в самый центр неба, он должен пережить падение и превратиться в жалкую, слабую жертву для истинных героев — Хун-Ахпу и Шбаланке. Это падение является знаком переоценки эго, которая приводит гордого Вукуб-Какиша к катастрофе, безумию и гибели.

---

[1] *Уоллис Бадж Э.* Легенды о египетских богах. М.; Киев, 1997. С. 41, 101.

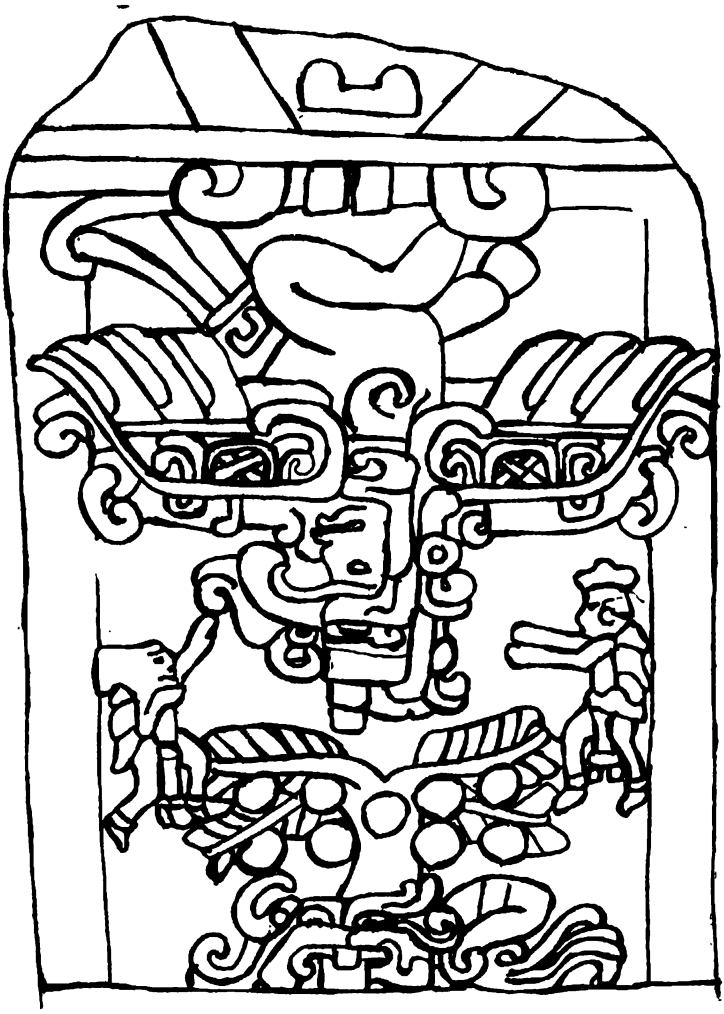

Рис. 14. Победа Хун-Ахпу и Шбаланке над Вукуб-Какишем (стела 2 из Исапы, Мексика)

В то же время в этом сюжете заключен особый астральный код. Миф о Вукуб-Какише, сидящем на вершине Мирового Древа, может быть интерпретирован с применением данных астрономии. На одном из рисунков Вукуб-Какиш сидит на вершине дерева, у корней которого ползет скорпион[1]. Если Мировое Древо является Млечным Путем, выходящим одной стороной из созвездия Скорпиона, то Вукуб-Какиш — это созвездие, расположенное в «вершине» Млечного Пути — в районе небесного Северного полюса. Это ни в коем случае не может быть Большая Медведица. Как отмечает Э. Коллинз, единственная группа звезд, расположенная на Млечном Пути около небесного Северного полюса, — созвездие Лебедя. Именно с этим созвездием соотносит Коллинз ночного правителя в облике попугая Вукуб-Какиша[2].

В этом случае «падение» Вукуб-Какиша может быть понято как смещение небесной сферы, в результате которого небесный Северный полюс перестал совпадать с созвездием Лебедя и перешел на другую заезду. Известно, что созвездие Лебедя перестало быть полярным после 14500 г. до н. э. Предыдущая эпоха (эра Лебедя — Вукуб-Какиша) — это и есть время деревянных людей. Стоит заметить также, что другой своей стороной Млечный Путь пересекает эклиптику в районе созвездия Близнецов. Один из них и поразил Вукуб-Какиша, сбив его с вершины Мирового Древа, с небесного Полюса.

В мистическом плане Мировое Древо, на вершине которого сидит Вукуб-Какиш, является хранителем сокровищ, подателем благ. На нем растут плоды бессмертия. Именно эти плоды и поглощает Вукуб-Какиш, чтобы поддерживать свою жизнь, власть и силу. Плоды с Древа — это пища богов, плоды бессмертия и сокро-

[1] *Таубе К.* Мифы ацтеков и майя. М., 2005. С. 87.
[2] *Коллинз Э.* Мистерия созвездия Лебедя. М., 2008. С. 103.

Рис. 15. Хун-Ахпу с оторванной рукой (фрагмент стелы, Исапа, Мексика)

вище, обладателем которого становится Вукуб-Какиш в силу того, что он владеет этим Древом и сидит на нем. В алхимии Древо с сидящей на его вершине птицей означает Делание, трансмутацию и его завершение[1]. Первый подвиг близнецов — это битва с Вукуб-Какишем. Они отбирают у него власть над Древом Мира, власть над священным Центром, над Полюсом Мира. В мифах дракон, чудовище — хранитель Древа Мира. Герой должен вступить с ним в битву и победить. Эта победа означает завоевание Самости, обретение духовной силы и ценностей. Теперь близнецы становятся хозяевами Древа Мира, повелителями Центра, обладателями плодов бессмертия и власти. Эта победа — первый этап в духовном росте близнецов, в восхождении духа и просветлении сознания.

Отобрав у Вукуб-Какиша власть, они еще не лишили его силы. Поэтому дальше темный владыка «наносит ответный удар». Он схватил руку Хун-Ахпу, «вывернул ее и вырвал из плеча» (с. 21) (рис. 15).

---

[1] *Юнг К. Г.* Философское древо. С. 121.

Он собирается зажарить руку, называя близнецов «эти два чудовища» (с. 21). Такое определение свидетельствует о том, что Вукуб-Какиш и близнецы принадлежат к противоположным реальностям. Герои в нашем мире превращаются в «чудовищ» в антимире.

Отрывание у героя руки — распространенный мифологический мотив. В нордическом мифе волк Фенрир должен был погубить богов и весь мир. Чтобы избежать этого, асы решили посадить его на цепь. Они сплели тонкую цепь, похожую на нить, но хитрый волк заподозрил обман и не разрешил надеть ее на себя. Боги стали обещать Фенриру, что это только испытание и что они освободят его. Тогда волк заявил, что согласится лишь в том случае, если один из богов положит ему в пасть свою руку в знак доброй воли. Только смелый Тюр протянул руку и вложил ее в пасть Фенриру. Когда боги набросили на волка цепь и стали ее с силой стягивать, Фенрир понял, что его обманули. Тогда он откусил руку Тюру, который с тех пор остался одноруким. Сам же волк будет связан до последнего дня Вселенной, когда он освободится и наступит Рагнарёк.

Германский Тюр генетически связан с кельтским богом Нуаду. Как и Тюр, Нуаду был богом войны и справедливости, королем богов у гиперборейского племени Дану. При первой битве с фоморами Нуаду, повелителю Туата Де Дананн, отсекли руку, после чего возник спор, вправе ли он теперь быть королем. Лишившись руки, Нуаду утратил право быть властелином и потерял часть жизненной силы. Однако лекарь богов сделал для Нуаду серебряную руку, из-за чего он получил прозвище Аргетлам (Среброрукий). После этого Нуаду вновь был провозглашен королем племени Дану[1]. Мотив оторванной руки появляется в египетском мифе о споре Гора с Сетом. Чтобы опозорить Гора и лишить его наследства

[1] *Маккалох Дж. А.* Религия древних кельтов. М., 2004. С. 74.

Осириса, Сет попытался изнасиловать племянника. Однако Гор, воспользовавшись тьмой, подставил ему ладонь, в которую дядя и изверг свое семя. Утром Гор пошел к Исиде и рассказал ей обо всем. Мать отсекла сыну осквернённую руку и бросила ее в реку[1].

Во всех этих случаях отрывание руки означает одно и то же — лишение божественной силы и власти в битве с демонами тьмы и хаоса. Такой мифологический сюжет может быть связан лишь с одной календарной датой — днем зимнего солнцестояния. По словам Г. Вирта, однорукий бог — это «зимнесолнцестоянческое иносказание Сына Божьего». Его одна рука соответствует «пяти дням перед Юлом» — днем солнцестояния[2]. Однорукие божества (как и одноногие) связаны с зимним солнцестоянием, с мистериями этой ключевой даты полярного календаря. Две руки бога означают единство двух планов реальности — небесного и земного. Потеря одной из рук ведет к утрате поддержки и благословения одного из миров. Небесное и земное созданы по единому принципу. Утрата одной из рук бога приводит к потере симметрии, что ведет и к нарушению порядка в мире. Тогда реальность подвергается искажению (точка зимнего солнцестояния). Происходит разрыв в плане Бытия. Зимнее солнцестояние — мистерия тьмы и прозрения, пробуждения после долгой полярной ночи и восстановление утраченной полноты Бытия.

Для восстановления своей божественной силы Хун-Ахпу должен вернуть себе руку. Для этого сначала необходимо было лишить Вукуб-Какиша его силы. Близнецы в сопровождении Прародителей отправились к владыке, сидящему на троне и кричащему от зубной боли. Старцы пообещали вынуть из челюсти Вукуб-Какиша больные зубы и поставить вместо них «другие из блестя-

[1] *Элфорд А. Ф.* Полуночное солнце. С. 254.

[2] *Вирт Г.* Хроника Ура Линда: Древнейшая история Европы. М., 2007. С. 234.

щей кости» (с. 23). Однако вместо зубов они «вставили только зерна белой кукурузы, и эти кукурузные зерна замечательно блестели у него во рту» (с. 23). Однако зубы — это оружие нападения, выражение силы и активности, жизненной энергии и власти. Лишение зубов означает лишение силы и власти, сексуальной энергии. Поэтому «мгновенно черты лица его изменились, и он уже более не выглядел подобно владыке» (с. 23). Зубы предстают как внешняя защита души. Лишение зубов должно пониматься как лишение защиты от внешнего нападения. Поэтому тут же «они содрали кожу с его глаз; они сняли с них все его серебро» (с. 23).

Если Вукуб-Какиш был «ложным солнцем» и его солнечная природа, энергия и власть заключалась в зубах и перьях, то, отобрав их, близнецы обрели первую возможность утвердить себя в качестве богов. «Тогда Вукуб-Какиш умер» (с. 23). Хун-Ахпу смог забрать у него свою руку, а Прародители, взяв ее, «приложили ее к ее месту, и когда они только приладили ее, все было снова хорошо» (с. 23). Возвращение руки указывает на момент перелома, на мистерию прохождения точки зимнего солнцестояния, победу и возрождение нового солнца. После этого «целители взяли все изумруды и драгоценные камни, которые были его гордостью здесь на земле» (с. 23). Вукуб-Какиш, как видно, был лишен источника жизни, божественного света, и даже та искра света, которая содержалась в его перьях и драгоценностях, была у него отобрана. «Вот каким образом Вукуб-Какиш потерял свою величественность» (с. 23). Он больше не владеет никакой энергией света, даже отраженной.

Хун-Ахпу должен отобрать у Вукуб-Какиша его сокровища, так как это часть мистерии преображения самого героя в солнце. Путь героя к сокровищам не может быть легким. Ему надлежит сначала победить его стража — возгордившегося Вукуб-Какиша. Он несет в

себе внутренний хаос, с которым герою надлежит сразиться. Вукуб-Какиш олицетворяет ложное озарение, ложное откровение среди тьмы бессознательного. Искусственный блеск его зубов и перьев лишь подчеркивает ложность озарения. Убить Вукуб-Какиша — значит распознать ложную природу такого «откровения света», не поддаться, не последовать за ним, но открыто и смело выступить против него ради конечного обретения подлинного света Истины. Для этого герой должен понять, что и этот Свет, и сокровища, и его страж на самом деле обитают в нем самом, в его душе. Только поняв это, герой будет готов овладеть сокровищами Вукуб-Какиша и заменить ложное откровение света на истинное.

Весь сюжет о битве Хун-Ахпу с Вукуб-Какишем вращается вокруг центральной даты зимнего солнцестояния. Это подлинно гиперборейский миф. Это сакральное предание о битве бога солнца с духом тьмы, об утрате части тела, власти, о восстановлении и ритуальном возрождении. Этот цикл гиперборейских мифов непосредственно связан с мистерией Черного Солнца. Не случайно, что только после первого подвига близнецы совершают второй и главный — схождение в преисподнюю. Существование Вукуб-Какиша и его ложная власть необходимы для утверждения власти истинных богов света — Хун-Ахпу и Шбаланке. Если бы Вукуб-Какиша не было, то тогда власть близнецов как солнца и луны оказалась бы без основания, утвержденной на пустоте. Она была бы непрочной и, возможно, если бы не Вукуб-Какиш, тогда Хун-Ахпу считался бы «ложным солнцем». Хун-Ахпу не смог бы обрести собственную форму бога солнца без противостояния Вукуб-Какишу, «ложному солнцу», которому он противоположен. В битве Хун-Ахпу и Вукуб-Какиша происходит смена господства, которая свергает ложное и утверждает истинное, ставит бытие вместо антибытия.

Опыт Вукуб-Какиша показывает, что за пределами нашей современной Вселенной существует еще одна, даже более древняя, перевернутая, изувеченная антивселенная. Это мир Ужаса, Тьмы. Из этой противоположной Вселенной в наше пространство проникает таинственная Сила, которая пытается все перевернуть, изменить и подчинить себе. Однако на пути у нее встают наши боги, чтобы сразиться со слепыми силами. Герой может искупить эту Вселенную, вступив в битву с антибогами и победив их. Только мифы способны открыть нам духовный опыт такой войны и победы. Бог входит в нашу Вселенную и становится Героем (Хун-Ахпу и Шбаланке) ради самопожертвования и предотвращения дальнейшего распространения сил антивселенной, которые желают утвердиться здесь. Это война не на жизнь, а на смерть, и она не имеет ограничений во времени. Такая война сама по себе должна быть понята как гнозис. Единственной опорой для бога, ставшего Героем, в этой вечной войне становится его переживание священной мистерии духа, крови и возрождения в точке зимнего солнцестояния. Воспоминание об истоке этой космической драмы держится лишь на ненарушимости, неразложимости и неисчерпаемости души Героя, которую не способен победить даже антибог.

Когда Хун-Ахпу и Шбаланке убивают Вукуб-Какиша, а затем его сыновей, это приводит к особенному результату. Всякий раз убийство близнецами своих врагов влечет за собой радикальное преобразование реальности, ее изменение. Убийство близнецами чужих богов, старых богов («самых первых») — повторение космотворческого процесса и акта сотворения человека в несколько этапов. Там и здесь соблюдается общий принцип — смена реальности. Поэтому в «Пополь-Вух» говорится, что после победы над Вукуб-Какишем «двое юношей отправились дальше, выполнив таким образом то, что им было приказано Сердцем небес» (с. 23). Отправиться дальше —

это значит продолжить войну по изменению реальности (приказ Хуракана).

Первый, с кем они вступили в противоборство, был старший сын Вукуб-Какиша по имени Сипакна. Он «играл с огромными горами, как с мячом», и они были созданы им «в одну-единственную ночь» (с. 20). Сам себя он называл «творцом гор» (с. 24). Первая история о нем имеет космогоническое значение. Четыреста юношей тащили столб, чтобы установить его в качестве главной подпорки для крыши своего дома. Сипакна согласился помочь им выкопать глубокую яму для столба. Но юноши рассчитывали, что «когда он спустится вниз, углубится в яму, мы сделаем так, что на него свалится большое бревно, и он умрет там, в яме» (с. 24). По их приказу Сипакна «сразу же полез в яму» (с. 25).

Хотя Сипакна и сам спустился в яму, но сделал он это по приказу юношей, которые замыслили убийство. Это означает, что те, кто заставил его сойти в яму, желали сохранить существующее положение вещей и опасались, что деятельность Сипакны приведет к изменению сложившейся ситуации. Но со стороны Сипакны это заключение в яму оказалось жертвоприношением ради будущего мироустройства. Колодец, яма становится пространственным туннелем, соединяющим миры, и средством перехода из одной реальности в другую. Погружение в яму означает переход в иную плоскость бытия, так как и сам Сипакна — существо иной, противоположной реальности. Его пребывание на земле несет опасность для существующего порядка и приводит к землетрясениям. Так устранение с земли и заточение в глубокой яме, казавшееся в обычном мире удачным решением проблемы (избавление от Сипакны), в противоположной реальности оказывается позитивным и ведет к ритуальной смерти-возрождению и преображению героя.

Спрятавшись в вырытом им боковом углублении, Сипакна симулировал смерть, когда юноши бросили в

яму огромный столб. Юноши очень обрадовались: «Как мы преуспели в этом! Мы действительно его поразили! Теперь он мертв» (с. 25). Когда же юноши, празднуя победу над врагом, перепились, «Сипакна заставил дом упасть на их головы, и все они были убиты» (с. 26). В сюжетном плане этот эпизод следует рассматривать как параллель истории о гибели деревянных людей, дома которых «падали и бросали их на землю» (с. 18). В ритуальном плане перед нами вариант «строительной жертвы», когда в основание строящегося жилища клали принесенного в жертву человека или животное. Это же действие имеет и космогоническое значение.

Установление столба — это ритуальное определение Центра Мира. Такой столб рассматривается как посредник между людьми и богами, объединяющий небо и землю. Его установка и влезание на столб оказывается частью обрядов посвящения. Сипакна, который должен оказаться основой столба — это строительная жертва, которая становится фундаментом и опорой Оси Мира. Его тело обозначает сам этот мир, космос в его антропоморфной модели. Причем считалось, что на вершине Столба пребывает Великий бог, Творец, а у его основания — противник бога, который и должен быть принесен в жертву. Сипакна, однако, не укрепляет, а разрушает космический дом. Это говорит о нем как о боге антимира, разрушителе нашей реальности. Это также связано с космической катастрофой, поразившей деревянных людей.

Сам по себе дом с центральным столбом — это место посвящения и трансформации. Погибшие четыреста юношей превратились в звездную группу, известную под названием Плеяды (с. 26). Здесь становится ясно, что наилучшим образом посвящение детей и их приобщение к небесным силам может произойти лишь в Центре Мира, который и определяется установкой столба. Из Центра Мира душа умершего по столбу поднимается на

небо и превращается в звезду. Такой столб часто устанавливается в культовом доме, где и происходит ритуал посвящения (смерть и возрождение). Это восхождение на небо противоположно схождению в ад, в яму, но в мистическом плане они связаны, взаимообусловлены и в равной мере отражают выход неофита за рамки человеческих способностей и открытие духовных сил[1].

Звездная группа Плеяды (входящая в созвездие Тельца) занимала особое место в религии майя. Считалось, что она соотносится с погремушкой гремучей змеи и связана с культом этого животного. Интерес майя к «восходу» Плеяд основывался на вере в то, что «небесные ворота» в царство мертвых лежат именно в этой точке ночного неба. Известно, что Млечный Путь пересекает эклиптику в двух точках — между Близнецами и Тельцом с одной стороны и между Скорпионом и Стрельцом — с другой. Обе точки считались в древнем мире «воротами», через которые умершие попадали на дорогу мертвых (Млечный Путь), ведущую их в небесные сферы[2]. Связь Плеяд с миром мертвых подчеркивается и в «Пополь-Вух». Убив четыреста юношей, Сипакна тем самым создал это созвездие и открыл «ворота» в мир мертвых.

Сипакна со столбом, держащим дом, чем-то напоминает Атланта, держащего столп, на котором укреплены небо и земля. Задача Сипакны — нести на себе космическое бремя, терпеливо выносить давление, оказываемое на него юношами-звездами, то есть нести на себе тяжесть звездного неба, вращающегося вокруг полярной Оси Мира. Однако в «Пополь-Вух» повествуется о космической катастрофе, произошедшей из-за того, что Сипакна отказался от навязанного ему служения,

---

[1] *Элиаде М.* Тайные общества: Обряды инициации и посвящения. М.; СПб., 1999. С. 186–194.

[2] *Джилберт Э., Коттерелл М.* Тайны майя. М., 2000. С. 149, 178–180.

и космический Столб накренился, а вселенский Дом рухнул. Это и привело, вероятно, к гибели мира деревянных людей. Причину этого следует искать в том, что Сипакна и юноши относились к противоположным реальностям и не смогли действовать согласованно. Как убийство Сипакной юношей приводит к тому, что они превращаются в Плеяды, так и Атлант становится отцом Плеяд, которые от горя убили себя и превратились в звезды. Астральное и титаническое здесь соединяются, а мифологический образ Мирового Столба явно восходит к гиперборейской Традиции.

Сипакна предстает как титан, «творец гор» (с. 24), таскающий по ночам горы на своей спине (с. 27). При этом он «купается у берега реки» и «вышел (из воды)» (с. 24), любит ловить рыбу и раков (с. 27). Это значит, что он принадлежит и стихии воды, и стихии земли — первичным элементам творения. Чтобы убить его, близнецы заманили титана в пещеру. Когда он залез в нее, «огромная гора соскользнула и медленно упала на его грудь. И Сипакна никогда уже не возвратился; он был превращен в камень» (с. 28). Он «был тем, кто создал горы» (с. 28), и поэтому погибнуть мог только сам превратившись в гору. Здесь дается удивительно точное описание алхимической трансмутации.

«Творец гор» Сипакна, пребывающий в воде, означает первичную материю в состоянии изменчивости, текучести, до наступления фиксированности земли, поднявшейся из первичных вод. Погружение Сипакны в пещеру соответствует помещению первичной материи в замкнутый алхимический сосуд, в перегонный куб, где и происходит ее превращение в философский камень. Как философский камень образуется из красной «меркуриальной воды», так и Сипакна, охотясь на живущего на дне ущелья рака (водное существо), превращается в камень. Он был порождением земли — первичной материи, и сам превратился в камень — преобразо-

ванную, зафиксированную материю. Стихии земли и воды, к которым относится Сипакна, оказываются отцом и матерью Камня, а преобразуют его Хун-Ахпу и Шбаланке — близнецы, будущие Солнце и Луна. Спуск в пещеру означает, что первичная материя должна затвердеть, зафиксироваться и опуститься на дно сосуда (вход в пещеру), где в герметичном состоянии (замыкание пещеры) и происходит таинство трансмутации под воздействием огня и тепла. Зафиксировать неупорядоченную первичную материю и превратить ее в Камень — это алхимическое Делание.

Наконец, близнецы должны были справиться со вторым сыном Вукуб-Какиша по имени Кабракан. Кабракан — тот, кто «ниспровергает горы» (с. 29). Он — древний бог землетрясений, он «двигает горы и сравнивает их навсегда с землей» (с. 29). Благодаря ему «большие и малые горы плавились» (с. 20), что выдает в нем бога вулканов. Однако он, подобно отцу и брату, возвеличивал «свою славу, свое величие и свое могущество больше, чем солнце» (с. 29), поэтому близнецы убили и его. Для этого они натерли спину птицы, которую жарили, белой землей или мелом (с. 30). Кабракан съел птицу, натертую землей, и потерял свою силу. Тогда близнецы связали титана, бросили его на землю и «похоронили его в ней» (с. 31).

Кабракан — тот, кто управляет землей, переплавляет ее в огненном вулкане, превращает ее как первичную материю. Однако он гибнет от преобразованной земли белого цвета. Так в алхимии первичная материя в стадии nigredo оказывается «могилой короля» и переходит в стадию albedo. Не случайность и то, что сам Хуракан советует завлечь титана «туда, где поднимается солнце» (с. 29), что они и делают, указав Кабракану на гору «там, где поднимается солнце» (с. 30). Первичная материя должна трансформироваться под воздействием света и тепла. Когда же летучесть и способность «земли» к

превращению сменяется под воздействием огня и тепла фиксированностью, она опускается на дно «меркуриальной воды». Так и в мифе Кабракан сначала двигает горы и переплавляет их, а затем, оказавшись под воздействием «белой земли», становится бессильным, неподвижным, «связанным» и попадает в могилу. Нельзя не отметить здесь, что миф о Сипакне и Кабракане свидетельствует об *универсальности алхимических операций, их однотипности у разных народов*. Это единство основано, вероятно, на общей для всех примордиальной гиперборейской Традиции.

Судьба Сипакны и Кабракана представляет собой грандиозный финал космогонического процесса. Оба титана воплощают досозданные и неупорядоченные стихии. Они предстают как необузданные властелины и грубые нарушители законов природы. В их руках беспредельность хаоса. Их власть основана на беспорядочности раскрытия разрушительных сил и энергий катастроф. Их деятельность переполнена беспокойством становления, космогенезиса. Они — последняя реакция хаоса на наступающий космический порядок. Сипакна и Кабракан в своей титанической гордыне одиноки, не способны объединить силы в противостоянии близнецам. Каждый из них движется по собственному пути. Они не помогают ни друг другу, ни своему отцу. Их силы находят исток в царстве гор, камней, вулканов. Они заполняют пространство бытия шумом своего неупорядоченного и разрушительного движения. Это усилия, лишенные становления, абсолютное разрушение хаотического антибытия. В них присутствует лишь катастрофическое, так как их антибытийность завершается катастрофой. Этот катастрофизм соотносится с необходимостью. Они несут в себе неотступность стихий, камнепадов, землетрясений, природных катаклизмов начала творения. Исполинские изначальные силы истощаются, и братья гибнут (Кабракан теряет силы на востоке). Восстановления их сил

уже не происходит, так как должна явиться новая реальность, не связанная с ними.

Однако в братьях хаотическое антибытие и титаническая сущность находит свое логическое завершение и преодоление. В Сипакне и в Кабракане заложено насильственное, но и творческое начало: разрушая горы, оба они творят долины, сотрясая землю, утрамбовывают ее, переплавляя первичный материал, создают преображенную твердь камня. Они поглощены работой по переустройству земли на свой лад, которая кажется разрушительной, но плодами которой будут пользоваться совсем другие существа и уже после их гибели. Отсюда — мечта Хун-Ахпу и Шбаланке о явлении человека после уничтожения титанов: «Велика будет мудрость сотворенных существ, существ созданных, когда наступит заря, когда будет свет» (с. 30). Сотворение человека и явление зари — события уже иной реальности, которая не наступит, пока не будут уничтожены первичные титаны. Их деятельность — это творческая сила катастроф, созидательная энергия вечных перемен, перехода из одной реальности в противоположную или ее алхимической трансмутации. Только Сипакне удается вырваться из этого круга неупорядоченных изменений, да и то лишь благодаря юношам, пытавшимся его убить и погибшим, когда титан поколебал космический Столб, державший мироздание.

Представленные в «Пополь-Вух» в образе великанов, наделенных невиданной разрушительной силой, Сипакна и Кабракан олицетворяют деструктивные, демонические силы души, от которых следует избавиться. Их падение и гибель означает обреченность этих сил на уничтожение ради появления на их месте новых космических и созидательных сил света, Истины и самосознания, олицетворенных героями-близнецами. Убив титанов, близнецы освобождают мир, душу и самих себя от тесных рамок внешних бессознательных сил прошлого,

неупорядоченного и разрушительного ради возможности внутреннего развития и духовного творчества. Гибель великанов означает, что прошлое не может вечно препятствовать энергии развития и творческого будущего, а свет Истины побеждает тьму бессознательного.

Космогоническая концепция «Пополь-Вух» включает мысль о том, что изначальный хаос не целиком устраняется или преобразуется в процессе творчества. Какие-то частички изначального хаоса продолжают сохраняться в нашем мире даже после завершения его создания. Эти частички хаоса, первоначальные неупорядоченные энергии воплощаются в неких сверхъестественных существах (антибоги, старшие боги, старшие братья богов и т. д.). Истинные боги нашей реальности (такие, как Хун-Ахпу) должны вести с ними космическую войну, чтобы ликвидировать их, устранить их хаотические силы и упорядочить мир. Космическая война со старыми богами и антибогами — это акт досотворения, окончательного творения мира, устранения последних остатков хаоса, исправление ошибок в творении, разрушение антивселенной или, по крайней мере, прекращение ее влияния на космос.

Прошлое слишком цепко держится за настоящее, чтобы уступить так просто будущему. В героической биографии каждая битва становится лишь прелюдией к следующей. Поэтому, сразившись с Вукуб-Какишем, близнецы далее должны победить его сыновей, после этого — своих старших братьев, а затем вступить в битву с богами Шибальбы. Первая победа необходима, чтобы дать близнецам силы для следующего и главного испытания — путешествия в мир мертвых, в подземелье своей души, в бессознательное. Без победы над Вукуб-Какишем и его сыновьями невозможной была бы и победа в преисподней. Характерно, что только теперь «Пополь-Вух» переходит к истории о рождении близнецов. «Теперь мы расскажем о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке, предварительно сооб-

щив о поражении Вукуб-Какиша, Сипакны и Кабракана здесь на земле» (с. 31). То, что совершение подвига в сакральном тексте предшествует рождению героев, означает, что здесь используется прием «обратной проекции». Эта обратная проекция, обратная последовательность событий указывает, что в ту эпоху время еще двигалось в обратном направлении, вспять — от подвига к рождению, в не наоборот, как должно быть при прямой последовательности событий. Наше время может возникнуть только с восходом солнца. Пока же события разворачиваются в противоположной реальности, а свои подвиги Хун-Ахпу и Шбаланке совершают в антивселенной.

ГЛАВА 3

КНИГА ЧЕРНОГО СОЛНЦА

Описание странствия Хун-Ахпу и Шбаланке в мир мертвых Шибальбу становится ключевым для мифореставрации «Пополь-Вух». Распространено убеждение, что в повествовании о сотворении первых людей в «Пополь-Вух» присутствует разрыв и что текст книги представляет собой отрывочные и бессвязные предания, искусственно соединенные компилятором. Причем автор компиляции не знал, куда следует вставить рассказ о путешествии двух братьев в преисподнюю, поскольку ранее это был отдельный миф. Он втиснул этот рассказ в первое попавшееся место, причем даже не обратил внимания на то, что этот эпизод «разрывает» рассказ о творении человека[1].

Подобная точка зрения, верная с позиций «формальной логики», совершенно ошибочна, если применить к сакральному тексту метод мифореставрации и теорию о полярном происхождении мифа. Вообще следует признать, что в центре «Пополь-Вух» лежит не миф о создании человека, а миф о долгой ночи, длительной заре и уникальном восходе солнца. Все ошибочные трактовки или непонимание «Пополь-Вух» исходят из убеждения, что племена майя всегда жили в тропической или уме-

[1] *Кинжалов Р. В.* Книга народа киче // Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана. М., 1993. С. 170-171, 174-175.

ренной зоне и все их мифы сложились или развивались исключительно в этих природно-климатических условиях. Только при помощи полярной теории происхождения мифов и метода мифореставрации отдельные трудные для понимания места в «Пополь-Вух», казавшиеся до сих пор неразрешимыми, могут быть естественно и полно разъяснены. Если принять полярную теорию, то история путешествия Хун-Ахпу и Шбаланке не «разрывает» текст, а является ключевой, оказывается вершиной повествования, раскрывающей мистерию Черного Солнца.

Сначала рассказывается о родословной божественных близнецов. Божественные Прародители и Творцы мира Шпийакок и Шмукане родили Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. «В ночи были рождены» эти «первые близнецы» (с. 31). «В ночи» — значит до создания солнца, в эпоху «обратной реальности» Черного Солнца арктической ночи. У Хун-Хун-Ахпу родились сыновья Хун-Бац и Хун-Чоуэн. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу ничем не занимались, а только целыми днями играли в мяч. Своим шумом они побеспокоили владык Шибальбы, подземного мира мертвых. Тогда владыки решили пригласить братьев к себе, чтобы наказать за такое поведение (с. 32).

В мифологии майя Шибальба — место боли и страха. Без Шибальбы не существует боли и страха, не существует расставания с умершим. В Шибальбе боль и страх проявляются во всей полноте и безжалостности к живым. Там нет надежды, нет обновления. В «Пополь-Вух» это вместилище ужаса, беспорядка, хаоса. Боги мертвых безжалостны, в них нет сострадания, а только желание причинить еще больше боли (с. 33). Кровавые испытания, которым подвергаются пришедшие в Шибальбу, делают царство мертвых устрашающим местом. Оно все пронизано гниением, затхлостью. Реки из гноя и крови умерших издают нестерпимое зловоние. Это космос наоборот, антимир.

О происхождении богов Шибальбы, как и о происхождении самой преисподней, ничего не говорится. В «Пополь-Вух» повествуется о творении только двух планов бытия или космических уровней — неба и земли. Однако в сакральном тексте ничего не говорится о творении преисподней, подземного нижнего уровня. Это означает, что Шибальба не была сотворена в том же смысле, что небо и земля. В таком случае она несет в себе то, что было до творения, первозданный хаос и тьму. Поскольку преисподняя — это ограниченный в себе хаос, а хаос был «всегда», то и боги преисподней тоже были «всегда». Они — создания хаоса, изначальные антибоги, противостоящие предвечно богам-творцам (Тепеу, Кукумацу, Хуракану). Их цель неизменна — победа над богами и установление власти смерти и царства антибытия. В них нет ничего творческого. Они не творят Шибальбу, а только живут в ней. Отсутствие творческого начала и связывает их с изначальным хаосом. Однако они — прекрасные спортсмены, хорошо играют в мяч. Спортивные игры становятся смыслом их жизни, победа в них — цель существования богов мертвых.

Шибальба — это полая земля, внутренняя земля, населенная чудовищными «самыми первыми». В центре внутренней пустоты царит Черное Солнце. Однако Шибальба не замкнута, не закрыта для живых. Хотя путь туда опасен и сложен, его можно преодолеть. Шибальба не самостоятельна, она полностью зависит от приходящих в нее. Для преисподней вообще очень важна связь между нею и миром живых. Эта коммуникация осуществляется героями мифов еще при жизни (Орфей, Данте). Близнецы в «Пополь-Вух» (старшие и младшие) проникают в Шибальбу, чтобы вступить в противоборство с ее богами. Благодаря этому проникновению мир света и мир тьмы, жизни и смерти, космос и антикосмос приходят в глубокое соприкосновение. Это проникновение в конечном итоге приводит преисподнюю к гибели.

Прорыв живых в царство мертвых извне влечет к взрыву изнутри. Отношения царства живых и царства мертвых меняются на прямо противоположные: боги мертвых больше не имеют власти не только над живыми, но и над умершими.

Когда боги Шибальбы слышат шум от игры в мяч, это означает, что прорыв уже состоялся. Поскольку боги понимают, что это проникновение приведет их к гибели, то и решают обезопасить себя, погубив братьев. Здесь опять действует «обратная логика». Дело в том, что братья вовсе не собирались вредить Шибальбе и, возможно, даже не знали о ее существовании. Если бы боги сами не заманили игроков с земли к себе в преисподнюю, то не было бы ни рождения божественных близнецов Хун-Ахпу и Шбаланке, ни последующей гибели их царства. Это нарушение логики свидетельствует о действии судьбы, предопределения. Старшие близнецы должны попасть в Шибальбу, чтобы родились младшие близнецы, которые победят богов Шибальбы и превратятся в солнце и луну. Без совершенно ошибочного решения богов преисподней погубить Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу не было бы и главного события — первого восхода солнца, что так важно для полярного мифа. Такова логика мифа.

В ответ на прорыв извне боги Шибальбы осуществляют «обратную коммуникацию» — отправляют братьям в качестве посланцев сов. Сова у майя — посланница бога мертвых, вестница смерти. Уже сама персона посланца должна была напугать братьев. Из-за больших, неподвижных и светящихся во тьме глаз сова считалась духовидцем и демоническим существом. Она выступает и как психопомп, перенося душу умершего в преисподнюю. Совы должны передать братьям приглашение от богов Шибальбы: «Идемте с нами. Владыки говорят, что они должны прийти» (с. 34). Зачем боги мертвых призывают живых к себе? Они желают, чтобы живые стали

свидетелями их безумия. Они хотят, чтобы люди вечно говорили о смерти расшумевшихся братьев.

Однако из мира живых все выглядит иначе. То, что в преисподней является смертью, в противоположной реальности оказывается посвящением. Главное предназначение цивилизации внутренней земли — проводить посвящение героя, связанное с преображением в день зимнего солнцестояния. Началом же такого инициационного путешествия служит зов. Посвятительное странствие начинается в тот момент, когда в жизнь героя вторгаются ранее неизвестные сверхъестественные силы, принадлежащие к иному уровню реальности. Это вторжение открывает герою само существование этой реальности, о которой он ранее не знал. Это незнание, однако, станет причиной гибели братьев.

Братья откликнулись на зов и «отправились немедленно» (с. 35). Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу олицетворяют собой тип искателя, авантюриста, для которого свобода поиска себя осуществляется через рискованное освоение разных плоскостей реальности. Они смело отправляются в путешествие, даже если оно будет неудачным и принесет им гибель. Любовь к спорту — составляющая черта типа искателя, так как здесь он открывает свои силы и расширяет горизонты — не в пространстве, а в физических возможностях. Это и вызывает у богов Шибальбы чувство соперничества. Искатель переоформляет мир за счет физических усилий и утверждения свободы, как во внутреннем, так и во внешнем пространстве. Жить полной жизнью, даже если это приведет его к гибели, самореализация, приводящая к смерти, — черты искателя.

Суть обряда инициации — переход из одного экзистенциального состояния в другое или из одного уровня реальности в другой, более высокий. Этот переход связан со смертью и возрождением, так как смерть в одной реальности оказывается рождением в противопо-

ложной. Братья, вероятно, ожидают чего-то подобного, так как говорят матери перед уходом: «Не печалься, мы уходим, но мы еще не умерли» (с. 35). Уход и ритуальная смерть — это два этапа в ритуале посвящения.

«И вот они начали спускаться по дороге в Шибальбу по очень крутым ступеням» (с. 35). Посвящаемый должен совершить путешествие в низшие пределы, он опускается в инфернальные области и предстает перед темными властелинами, которые испытывают его. Тот, кто совершил схождение в ад, не боится смерти, победил смерть и обрел телесное бессмертие. Такова цель героического посвящения. Только после этого он может совершить восхождение к свету, так как общим принципом мистерий является признание того факта, что путь к небу лежит через ад. Из инфернальных областей своей души неофит совершает восхождение к светлым сферам, из бессознательного он перемещается в сверхсознание. Это путешествие соответствует этапам преодоления человеческого и восхождения к сверхчеловеческому состоянию.

Но так как братья ничего не знали о предстоящих испытаниях, а наивно полагали, что их просто вызвали на спортивное состязание, то они совершили по дороге в Шибальбу ошибку — выбрали не ту дорогу. «И в этом месте они были уже побеждены» (с. 36). Сакральный текст настойчиво сообщает, что братья еще только предстали перед богами преисподней, даже не начали играть, но «они уже потеряли в игре» (с. 36). Ни одно из последующих испытаний (узнавание богов, раскаленный камень, Дом мрака) не было ими пройдено. Это вызвало у владык Шибальбы хохот; «они умирали от смеха; они корчились от боли в своих сердцах, в своей крови и в своих костях, причиненной им смехом. Так смеялись все владыки Шибальбы» (с. 37).

Бо́ги мертвых смеются. Смех в мире мертвых вызван вовсе не радостью. Радость — чувство Творца от

совершенства созданного. Смех богов мертвых связан не с совершенством, не с гармонией, а с полным разрушением. Это смех не творческий, а разрушительный, черный. Это жестокий смех, когда, по наблюдению В. Я. Проппа, «человека нарочно заставляют страдать и потом смеются над ним»[1]. Природа злого смеха — не комическая ситуация, а само зло как таковое. Он порожден злом и указывает на зло. Злой смех определяет, что зло удовлетворено достигнутым результатом. Это смех, вытекающий из ненависти ко всему живому, к самому бытию. Это смех досотворенного хаоса над жалкими проявлениями бытия.

Божество мира мертвых смеется над нашим миром и человеком, испытывая его своим присутствием. Там, где человек видит великую трагедию судьбы (испытания в преисподней), бог созерцает всеобщую и ужасную комедию (мучения и ошибки братьев). Это суровый смех самой жизни, или самой смерти, преображенной от явления в ней божественной воли. Моральная оценка событий здесь оказывается совершенно невозможной, а трагический взгляд на судьбу — преодоленным и побежденным божественной инфернальной комедией смерти и безжалостного преображения человека. Бог не жалеет человека, не сострадает ему, а ведет по пути преображения, даже в смерти. Поведение человека в инфернальных условиях, его реакция на испытания и действия трансцендентной судьбы, вызывают у богов Шибальбы смех. Боги мертвых безжалостны к братьям в своем смехе, но только этот безжалостный смех приведет в будущем божественных близнецов, их потомков, к победе и возрождению. *В злом и безжалостном смехе скрывается залог духовного возрождения и преображения в обряде инициации.*

---

[1] *Пропп В. Я.* Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М., 2006. С. 152.

Владыки преисподней после этого даже не стали играть в мяч с братьями, а сразу решили принести их в жертву: «Хорошо. Сегодня будет концом ваших дней. Теперь вы умрете. Вы будете уничтожены, мы разорвем вас на куски, и здесь будут спрятаны ваши лица. Вас принесут в жертву!» (с. 38). Братья были принесены в жертву и погребены в Шибальбе. Это значит, что их тела не были преданы земле, и они полностью утратили связь с нашей реальностью. Таким образом, у них нет шансов на возрождение в нашем мире. Владыки Шибальбы также отделили голову Хун-Хун-Ахпу от тела и повесили ее на тыквенное дерево. Это дерево раньше было мертвым и не приносило плодов. Но от соприкосновения с тем, что еще недавно принадлежало миру живых, оно ожило и «внезапно покрылось плодами» (с. 38–39). Голова героя тоже изменилась, и ее «более уже нельзя было узнать, потому что она стала по виду совершенно подобной плоду тыквенного дерева» (с. 39). Боги, которые уже не могли обнаружить голову Хун-Хун-Ахпу на дереве, запретили срывать с него плоды и даже подходить к нему. Шарообразный плод имеет значение целостности бытия. Предупреждение не срывать и не вкушать его означал для мира мертвых запрет на контакт с жизненными силами, принадлежащими иной реальности. Это запрет на живое, влекущий за собой сохранение мертвого.

Вся эта история является вводной и необходима прежде всего для того, чтобы объяснить, почему Хун-Ахпу и Шбаланке также отправляются в преисподнюю и, что самое главное, чего им следует опасаться и как надо вести себя, чтобы не совершить роковых ошибок. Если рассматривать путешествие героя в преисподнюю как посвящение в таинства будущей жизни, то история Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу — это печальный пример неудачного посвящения. Вместе с тем, оно оказывается необходимым, поскольку без него и не было бы инициа-

ционного странствия и подвигов главных героев эпоса. История Хун-Хун-Ахпу должна, судя по всему, показать, почему люди стали смертными, а история Хун-Ахпу показывает, как можно обрести «второе рождение», воскресение в ритуале инициации.

Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу жили только для того, чтобы проиграть и погибнуть. Их гибель — это жертва собой. Они пожертвовали собой и погибли, чтобы Хун-Ахпу и Шбаланке смогли родиться и победить. Здесь выражена мысль, что человек должен родить из себя героя — сверхчеловека. Человек живет и приносит себя в жертву для того, чтобы явился сверхчеловек — его порождение и преодоление, *заря его ночи.*

Одновременно с этим здесь мы сталкиваемся с делением ритуала посвящения на Великие и Малые мистерии. Считается, что Малые мистерии — это лишь подготовка к Великим мистериям, их начальный этап. Не все испытуемые проходят Великие мистерии. Некоторые останавливаются на Малых. Целью Малых мистерий было высшее развитие возможностей собственно человеческого состояния, доведение человеческого до предела бытия, до совершенства и до восстановления «изначального состояния», которое в «Пополь-Вух» обозначается смертью Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. Великие мистерии открывают возможность реализации сверхчеловеческих состояний, выхода за пределы собственно человеческой области вплоть до состояния необусловленного, означающего «окончательное Освобождение»[1]. В «Пополь-Вух» это означает превращение божественных близнецов в солнце и луну.

Само рождение Хун-Ахпу и Шбаланке было чудесным и сверхчеловеческим. Девушка по имени Шкик, дочь Кучумакика, одного из правителей Шибальбы, «услышала рассказ о плодах на дереве» и, «слушая это,

[1] *Генон Р.* Символика креста. М., 2004. С. 574.

была очень изумлена» (с. 39). В пантеоне майя богиня Шкик считалась воплощением луны. Отсюда ее имя — «кровь женщины», «малая кровь, кровинка» — может пониматься как указание на связь менструации с лунными циклами. Из-за этой связи луны и месячных она представлялась носительницей необузданной сексуальной энергии. Распущенная прядь волос на ее изображениях обозначала сексуальную распущенность. Этот мотив усиливается частым изображением Шкик в момент совокупления с богами и даже с животными-тотемами. Крайняя сексуальная распущенность богини делает ее покровительницей ритуальной проституции. В позитивном аспекте Шкик — богиня плодородия, и от ее воли зависит судьба плода от момента зачатия до рождения[1].

Хотя есть плоды дерева и даже подходить к нему запрещено, Шкик нарушает этот запрет: «Я уверена, что плоды, разговоры о которых я (постоянно) слышу, должны быть очень вкусными» (с. 39). Мир мертвых держится на запрете всего живого. Одна реальность запрещает и вытесняет противоположную. Нарушение запрета предстает как своеволие, как желание самой решать, по каким законам жить. Однако это нарушение запрета, предстающее как своеволие со стороны Шкик, на самом деле является этапом в исполнении судьбы богов Шибальбы. Не важно, *хочет или не хочет* она нарушить запрет. Она *должна* это сделать, чтобы боги Шибальбы были наказаны. Ее решение — лишь иллюзия. Она — игрушка в руках судьбы. «И вот, (девушка) пошла совершенно одна и приблизилась к подножью дерева, росшего в Пукбаль-Чах» (с. 39).

Нарушение запрета не есть следствие гордыни или даже собственного желания девушки. Она просто не может не нарушить запрет, иначе близнецы Хун-Ахпу

[1] *Овузу Х.* Символы инков, майя и ацтеков. СПб., 2006. С. 136–137.

и Шбаланке не смогут родиться, а солнце так и не появится на небосклоне. Это нарушение запрета следует рассматривать исключительно как действие сил судьбы, которые превосходят желания или интересы Шкик и направляют ее поступки извне — из другой реальности. Шкик обязательно должна увидеть запретный плод, так как это ее судьба, ее инициация и залог перехода на более высокую ступень развития не только самой Шкик, но и всего мира. Нарушение запрета — это момент откровения смерти и возрождения, свершения мистерии солнца, явление которого с этого момента неизбежно.

«Разве не вкусны эти плоды? Неужели я умру, неужели я погибну, если сорву один-единственный из этих плодов?», — вопрошает судьбу девушка (с. 40). Сомнения в словах богов — важнейший переломный момент. Если боги солгали, тогда их власть под сомнением, а их царство разрушается. Запрет подходить к дереву заключался в том, что плоды появились на нем после соприкосновения с миром живых. Боги мертвых не смогли отличить голову Хун-Хун-Ахпу от других плодов, так как познание истинной природы вещей возможно лишь на переходе между жизнью и смертью. Девушка, ослушавшись и подойдя к дереву, оказалась на этой границе. Плодом дерева становится информация о мире живых, знание о жизни, открывшее возможность перехода в иную реальность. Поэтому череп, спрятанный в ветвях, говорит с Шкик, уговаривает отведать плодов: «Ты, может быть, хочешь их?» (с. 40). Этими словами голова-плод соблазняет девушку возможностью соприкоснуться с жизнью.

Словом «хотеть» («желать») выражается желание плоти. «Хотеть» или «желать» запретный плод означает не только съесть его, но и вступить в половой контакт. Искушение происходит на телесно-эмоциональном уровне. Череп открывает Шкик заветную тайну сладости запретного плода. Девушка доверчиво протянула руку к плоду.

«В этот момент череп выронил несколько капель слюны прямо в девичью ладонь» (с. 40). Эта слюна оплодотворила деву. «В моей слюне и влаге я дал тебе потомство» (с. 40). Так и в египетском мифе Исида беременеет от мертвого Осириса и рождает Гора, который должен отомстить за смерть отца.

Здесь тип авантюриста предстает в новой ипостаси. Умерев, искатель приключений превращается в любовника, так как только в потомстве он обретает надежду на продолжение приключения и на победу. «Образ владыки, почтенного мудреца или оратора не должен исчезнуть или быть искоренен; он остается в тех дочерях и сыновьях, которых он порождает. Так должно быть! То же самое я сделал с тобой», — говорит череп (с. 40). Связь с мертвым любовником — это реализация невозможного, обретение недоступного для девы Шкик — любви в царстве мертвых. От мертвого любовника Шкик получает жизненные силы. Поэтому она больше не принадлежит миру мертвых. «Поднимись же на поверхность земли; ты не умрешь. Верь словам моим», — говорит ей мертвая голова (с. 40). Это и есть заветная информация о мире живых. Судьба Хун-Хун-Ахпу — смерть ради любви. Судьба Шкик — любовь ради жизни. В обоих случаях путь блаженства основан на радикальном изменении статуса.

Решение отведать плод с запретного дерева, принадлежащий противоположному миру (живых), повлекло прекращение ее собственного существования в прежней форме. Поскольку ее форма изменилась и в нее, деву мертвых, вошла жизнь, то она смогла зачать ребенка. «Она немедленно зачала сыновей в своем теле силою только слюны. Вот каким образом были порождены Хун-Ахпу и Шбаланке» (с. 40–41). Тут же изменилась и природа черепа. Если ранее он принадлежал миру живых, то теперь его задача выполнена. «Теперь моя голова не нужна больше ни для чего; она только лишь череп

без плоти» (с. 40). В мифе действует закон *достаточности*. В общей системе координат пространства-времени два однородных объекта существовать не могут[1]. Если дева из мира мертвых обрела жизненную силу, то голова из мира живых должна умереть. Происходит взаимный переход реальностей.

Сообщение, что дева Шкик забеременела от слюны, истекшей из черепа, означает, что причиной беременности авторы «Пополь-Вух» считали не мужскую сперму, а особую «воздушную эссенцию», концентрацию «осеменяющего духа», который формируется в голове и истекает из нее по особым каналам. Поскольку голова несет в себе особую семенную жидкость, которая оплодотворяет, то и сама голова предстает в виде плода, полного семян. В голове-плоде скрыто семя будущей жизни. Стоит заметить, что даже Леонардо да Винчи придерживался мнения, что зачатие происходит благодаря особой духовной субстанции, формирующейся в мозге[2]. Это понимание физиологии полового акта приводит не только к идее непорочного зачатия, но и к философской концепции, что воображение (порождение мозга) оплодотворяет эмбрион. Голова становится источником жизни. Она испускает из себя жизненный элемент, в силу чего все бытие оказывается эманацией головы как проявления принципа бытия. *Мысль рождает материю* — чистая космогония.

Теория порождения в результате непорочного зачатия оказывается в свою очередь лишь отражением мифа о творении. Череп Хун-Хун-Ахпу наполнен первичным творческим светом, исходящим из него в виде семени — зародыша мира. Так непорочное зачатие девы Шкик полностью соответствует космогоническому процессу. Само непорочное зачатие оказывается возможным лишь потому, что оно

[1] *Телегин С. М.* Философия мифа: Введение в метод мифореставрации. М., 1994. С. 70.

[2] *Цельнер Ф.* Леонардо да Винчи. М., 2003. С. 40–41.

мист..чески повторяет процесс создания мира как эманации света и семян-первообразов из головы Творца, из его мыслей. Если мир творится «из ничто», то и женщина рожает ребенка от непорочного зачатия. Миф о творении проецируется на уровень физиологических процессов.

Имя Шкик указывает на особое значение менструальной крови и на магическое влияние, которое приписывали ей в культах Великой матери. Х. Страка убежден, что мифы о «сверхъестественном рождении», о партеногенезе универсальны, «как вера в силу менструальной крови»[1]. Кровь несет в себе жизнь. Менструальная кровь, следовательно, соответствует семени и имеет силу оплодотворения. Непорочное зачатие означает, что признается факт наличия «женского семени» (менструальная кровь), которое, однако, считается неполноценным и должно быть одухотворено мужской «воздушной эссенцией» (слюна как аналог или заместитель спермы). Зачатие происходит в результате соединения мужской слюны (воздушной эссенции) и менструальной крови женщины. При этом воздушная эссенция наделяется активной, созидательной силой (так как она истекает), а женское участие — это менструальная кровь, что ставит ее на более низкий физиологический уровень. Исток подобных идей следует искать в космогоническом мифе, в мифологии человеческого тела, а не в истинной физиологии.

Нарушая запрет, Шкик восстает против прежнего порядка. Дело в том, что запрет был установлен владыками Шибальбы, богами древнего хаоса, которые заинтересованы в сохранении изначального «порядка». Поступок Шкик — это бунт против окостеневшего, неподвижного, заинтересованного в неизменности «старого» мира ради победы света, прогресса, изменений и создания

[1] *Straka H.* Extracos Dioses nacidos de Virgenes // Cabala. 1981. № 63. P. 26.

будущего нового мира. В этом бунте грядущего против сложившегося и застывшего прежнего также видна рука судьбы, а вовсе не осознание желания наивной девы, которая даже и не задумывается о таких вещах и о последствиях своих поступков. Ее побуждения, в равной мере разрушительные (для Шибальбы) и творческие (для грядущего), остаются неосознанными, что только и подтверждает действие трансцендентной судьбы.

Неизбежность нарушения запрета роковым образом влечет за собой целую цепочку событий, также предопределенных судьбой, хотя внешне все представляется как результат случайности или необдуманного поступка совсем еще молоденькой девушки. Для нее лично это нарушение запрета означает одновременно бунт против мира отцов и пробуждение сознания, освобождение от тирании прежнего мира и его тьмы ради света грядущего. Конечно, за нарушение законов, определенных как священный порядок Шибальбы, ей придется расплачиваться. Но и эта расплата всего лишь оказывается частью исполнения судьбы — рождение близнецов, их победа над владыками Шибальбы и превращение в солнце и луну. Из этого следует вывод мифа: *нарушение закона может быть позитивным.* Во всяком случае, дева Шкик пробуждена к жизни именно благодаря нарушению законов и запретов. Спящее, темное переходит с ее поступком в активное состояние сознания. Одновременно надчеловеческий и надбожественный рок торжествует.

Древние справедливо считали, что чистота и глубина души прямо зависит от гармонии и чистоты тела. Дева означает, что новое солнце, или Истина, рождается не в загрязненном физическом теле, а в душе. Дева — душа мира, а не его тело. В душе мира душа (или семя) от мертвого превращается в живое. Дева — это алхимический сосуд, где происходит божественная трансмутация — превращение мертвого в живое. В алхимии рождение Гора от девственной Исиды и мертвого

Осириса объясняется как акт оплодотворения «крылатой девственницы» «духовным семенем первого мужа», причем Исида сохраняет «славу нетронутой девственности, несмотря на беременность». Для «любителей Герметической Философии» такое непорочное зачатие — залог рождения «философского дитяти», Камня Мудрецов[1]. Оплодотворенная мертвым семенем, душа рождает живую чистую энергию. Так материя очищается и переходит в энергию в алхимическом Делании.

Таким образом, божественная душа может воплотиться только в непорочном теле. Как писал М. Холл, «великий и неосквернённый дух может являться в мир и проявляться только через неосквернённое тело»[2]. Лишь божественные родители порождают божественных детей в чуде непорочного зачатия. Зачатие Хун-Ахпу и Шбаланке от матери-девы и отца-мертвеца в результате чудесного акта означает их чистоту, нетронутость, выход за пределы материального мира. Чудесная логика зачатия и рождения близнецов превосходит и побеждает профанную логику материального мира. Близнецы родятся в нашем мире, но уже при своем явлении будут освобождены от его законов, как их мать освободилась от законов преисподней. Независимые и сверхъестественные боги родятся от чистой девы, не оскверненной, поэтому и сами они чисты и невинны. Только их чистота и невинность дает им силы для совершения подвига. Они побеждают своим новым существом, новой природой, измененной и очищенной. Близнецы и их мать показывают людям, что только внутренняя чистота и невинность души могут победить тьму бессознательного и хаос обратной реальности.

Дева Шкик — дочь владыки Шибальбы, живет в преисподней. Шибальба, мир мертвых и мир тьмы, представ-

---

[1] *Пернети А.-Ж.* Мифы Древнего Египта и Древней Греции. Киев, 2006. С. 158.

[2] *Холл М.* Мистерия Огня: Сборник. М., 2003. С. 304.

ляет собой эпоху духовной тьмы, смерти души. Гордые владыки преисподней — это проекции слепого, упрямого, неуправляемого Эго. Но именно деве Шкик выпала судьба направить жизнь в новое русло, начать новый цикл развития. Ее девственность означает незапятнанность гордыней и самоослеплением. Когда она, нарушая запрет отца, подходит к дереву, это означает, что она смело открывает себя неизвестному будущему, меняющему не только ее жизнь, но и отменяющему власть Шибальбы, изменяющему само существование мирового порядка. Это может совершить только пречистая Дева. «Ее лоно, — поясняет Дж. Кэмпбелл, — оставшееся нетронутым, подобно изначальным глубинам, самой своей готовностью призывает к себе первичную мощь, которая оплодотворяет пустоту»[1]. Как свет вошел в изначальную тьму и первично обитал в ней скрыто, так и дева Шкик должна тайно понести в себе ребенка. Это свет, который будет скрыт в ней, явится через нее всему миру как солнце.

Отец близнецов — мертвый, он несет в себе идею разрушения и смерти бренного тела и освобождения духа («череп без плоти»). Его слюна — это концентрат духовной энергии, «жизненная сущность», которую «не теряют... когда отходят, но завещают ее» (с. 40). Мертвец становится источником жизненной силы, которую воспринимает дева. Живые боги, Хун-Ахпу и Шбаланке, солнце и луна, рождаются от мертвеца и девы, от мертвого и чистого, от энергии, вошедшей в лоно неиспорченной материи. Родившись от мертвого отца, они сами не познают смерти; они родились от непорочной девы и поэтому воскреснут к новой жизни и преобразятся. Герой может быть зачат только сверхъестественно — волей случая или судьбы и чудесным образом. Он заранее своим происхождением должен превосходить этот мир с его естественными законами, иначе он не сможет их

[1] *Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой. М.; Киев, 1997. С. 302.

исправить. Близнецы становятся героями и богами этого мира именно потому, что по образу своего зачатия они вне этого мира, вне действия его законов, выше их и могут его изменить.

Опасность изменений понятна и богам Шибальбы. Поэтому они решают убить Шкик по обвинению в распутстве, хотят принести ее в жертву, чтобы очистить этим свой мир (с. 41). Стремление богов Шибальбы убить беременную Шкик — это отчаянная попытка предотвратить изменение их реальности. Дети, рожденные девой, способны изменить их мир на противоположность, лишить их власти. Это акт самосохранения. Конфликт Шкик с отцом — это не конфликт женского и мужского, а противостояние жизни и смерти. Поэтому беременную деву (несущую жизнь в мире мертвых) не изгоняют как блудницу, а приказывают убить, принести ее в жертву, вернуть в изначальное состояние смерти и очистить от греха жизни.

Шкик, настаивая на непорочности своего зачатия, уговаривает «вестников» (сов) не приносить ее в жертву (с. 41). При этом она прямо говорит, что больше не принадлежит этому миру: «...но мое сердце не принадлежит им» (с. 42). Владыки Шибальбы потребовали, чтобы сердце Шкик было принесено им в «тыквенной чаше» и сожжено перед ними, принесено в жертву (с. 41). Однако дева оспаривает это решение: «Никогда мое сердце не будет сожжено перед ними» (с. 42). Это связано с тем, что сердце Шкик уже находится в центре иной реальности — мира живых. Даже посланцы смерти согласны с ее логикой: «Мы тоже хотим, чтобы ты не умерла» (с. 42). Их проницательность дала деве шанс на спасение. Будучи «посланцами», они уже знают о существовании мира живых и о его законах, что и позволяет им сделать выбор в сторону будущего.

Шкик обречена на смерть, но ее не убивают. Тот же мотив присутствует и в европейской сказке о Бе-

лоснежке. Как считает С. Биркхойзер-Оэри, «жалость и милость к Белоснежке и содействие ее побегу могут быть истолкованы так: при внутреннем конфликте со здоровым инстинктом или природной установкой человек оберегает позитивные эмоции от посягательства зла. Иногда людям бывает достаточно лишь здорового инстинкта, чтобы защитить себя или свою лучшую часть от посягательства сил тьмы»[1]. В «Пополь-Вух» в данном случае можно говорить о победе природного инстинкта жизни над смертью.

Совы собирают из ствола дерева красный сок, который, загустев, образует комок, имевший форму сердца (с. 42). Этот комок они приносят владыкам Шибальбы, которые решают, что перед ними сердце казненной Шкик. Они бросают красный комок в огонь и радуются, вдыхая аромат этой жертвы. «Им очень нравилось благоухание, исходившее от сердца» (с. 43). Полная уверенность владык Шибальбы в том, что их приказ выполнен, объясняется тем, что они не способны отличить подделку, имитацию от настоящего любящего сердца. Будучи богами смерти, они не знают, что такое чувство любви, носителем и олицетворением которого оказывается дева Шкик. Также они не способны распознать и чувство сострадания, которое заставило сов-посланцев нарушить приказ и спасти деву. Они оказываются слепы к любви в любом ее проявлении, поскольку любовь — творческая сила. Их власть направлена не на творчество, а на сохранение прежнего, досотворенного, на консервацию и стабильность уже минувшего.

В это время совы возвращаются к Шкик и «показали девушке путь, и она радовалась, что поднимается из подземных глубин на поверхность земли» (с. 43). Бегство девы из Шибальбы на землю — это движе-

[1] *Биркхойзер-Оэри С.* Мать: Архетипический образ в волшебных сказках. М., 2006. С. 53.

ние снизу вверх (совы указывают ей «дорогу туда, наверх» — с. 42), что означает личностный рост, эмоциональное развитие, заканчивающееся ее «вхождением в жизнь» и превращением в полноценную женщину-мать. Вероятно, здесь описан процесс инициации девушки. Параллельным образом эта инициация оказывается связана с природным феноменом — первым явлением зари после непрерывной ночи[1]. Девушка выходит на поверхность земли, и она уже беременна Хун-Ахпу и Шбаланке. Если помнить, что близнецы — будущие солнце и луна, то их мать — это дева-заря. Как заря «беременна» солнцем и рождает его, так и Шкик рождает Хун-Ахпу. Красная кровь (имя девушки) и кроваво-красная заря здесь мистически объединяются.

Цвет Шкик — красный. В темноте арктической ночи она является как красный отблеск зари. Явление Шкик на земле становится явлением яркого красного сияния (сверхсознание) из тьмы и черноты бессознательного. В ее алхимической красноте воплощается изначальный триумф света над тьмой, а в ее крови — победа жизни над царством смерти. Поскольку зачатие было чудесным, то здесь идет речь о торжестве невинности и чистоты, искренности и наивности. Если черный цвет ночи и Шибальбы связан с бессознательностью, смертью, злом, то красный — знак тепла, жизни, эмоциональности, проявленности бытия. Приход Шкик на землю говорит об эмоциональном развитии, которое сопровождается болезненным процессом разрыва с прошлым (мир Шибальбы) и освобождения от тирании отца.

«Так владыки Шибальбы были побеждены девушкой, они все были поражены слепотой» (с. 43). Одинокое, слабое, наивное побеждает сильное, устоявшееся. Это сила развития и изменений побеждает окостенение и мертвенную стабильность. Речь идет о духовной слепоте,

[1] *Телегин С. М.* Словарь мифологических терминов. С. 76.

о незнании будущего. Это понятно: в мире мертвых нет будущего, а только прошлое — изначальный хаос. В деве Шкик жизнь и смерть тесно переплетены. Она — дочь правителя преисподней, непорочно зачавшая ребенка от мертвеца и пришедшая в мир живых, чтобы родить. Ее жизненный путь показывает, что и жизнь, и смерть приходят в наш мир благодаря женщине и через женщину. То, что она приводит жизнь через смерть, означает, что Шкик еще принадлежит к антимиру. Если в нашем бытии жизнь приводит к смерти, то в антибытии смерть порождает жизнь, живые выходят из мира мертвых (течение времени вспять). Этим Шкик открывает дорогу своим сыновьям, которые должны будут вернуться в мир мертвых, чтобы выйти из него и возродиться. Она — первая, кто открывает тайну возрождения, рождения из смерти. Будучи девой зари, Шкик несет в себе идею *пробуждения* — выхода к жизни из тьмы сна-смерти.

Поднявшись на землю, Шкик явилась к свекрови. В это время «она уже носила сыновей в своем животе, и это было незадолго перед тем, как Хун-Ахпу и Шбаланке, как они звались, должны были быть рождены» (с. 43). Однако старая женщина поступает как всякая нормальная мать в подобной ситуации: прогоняет подозрительную девушку: «Я не желаю, чтобы ты была моей невесткой, потому что то, что носишь ты в своем чреве, — это плод твоего бесчестья. А потом, ты обманщица; мои сыновья, о которых ты говоришь, давно мертвы» (с. 44). Однако сразу после этого, как и все женщины, старушка меняет свое решение на противоположное: «...но пусть ты моя невестка, согласно тому, что я слышала» (с. 44). Свекровь решает подвергнуть девушку испытаниям. Это продолжение обряда инициации, связанного со вторым рождением девушки — ее вхождением в мир живых. Исполнение невыполнимого задания (ей помогали духи-покровители) подтверждает правоту слов девушки. «Это достаточное доказательство, что ты действительно моя

невестка. Я увижу теперь твоих малышей, которых ты носишь и которые будут мудрецами» (с. 45).

Только после этого близнецы могут спокойно родиться. «Мгновенно были рождены два мальчика, названные Хун-Ахпу и Шбаланке. Здесь, в лесу, появились они на свет» (с. 45). История рождения Хун-Ахпу и Шбаланке на земле несет в себе параллельно два плана — астрономический и человеческий. Рождение Хун-Ахпу происходит вслед за выходом его матери Шкик из преисподней. Этот исход девы и рождение ею младенца в астрономическом плане соответствует явлению звезды рассвета и восходу солнца. Чудесное рождение близнецов должно было показать человеку, что Вселенная, в которой он живет, сверхъестественна и в ней могут происходить любые сверхъестественные события. Чудесное происхождение близнецов соответствует божественному сотворению мира и человека. Человек всегда должен помнить, что он сотворен богами и что, следовательно, он не может «сделать себя сам», но только обрести сакральное существование благодаря обряду посвящения — второго рождения, такого же сверхъестественного, как и рождение близнецов.

Рождение Хун-Ахпу и Шбаланке от мертвого отца означает возвращение тех фундаментальных космических и животворных ценностей, которые казались исчезнувшими или находились на грани вымирания. Являясь внуками владыки Шибальбы, близнецы также своим рождением несут весть о преодолении косных и тиранических сил, об отказе от стихий и энергий прошлого. Рождение Хун-Ахпу и Шбаланке — это исполнение предчувствия владык Шибальбы о грядущих изменениях, о завершении эпохи «вечного прошлого». Когда впоследствии боги Шибальбы захотят убить близнецов, то это будет сделано, чтобы гарантировать сохранность власти прошлого. Это желание прошлого, косного, «стабильного» сохранить свою власть и не допустить пере-

мен. Это также страх и сопротивление бессознательного перед тем, чтобы стать осознанным и творчески преодоленным.

Ф. Сильва Вальехо отмечает, что «божественные близнецы стали результатом объединения между оплодотворяющими силами неба и производящими силами земли: период беременности проходил в подземном мире, но рождение произошло на поверхности земли»[1]. Хотя может появиться желание объяснить этот мифологический мотив прорастанием растений из семян, лежащих в земле, тем не менее перед нами не природный, а солярный миф.

«Пополь-Вух» наделяет Хун-Ахпу и Шбаланке сверхчеловеческими способностями с момента чудесного зачатия и рождения, сразу называя их «богами» (с. 19). Вся следующая жизнь героев-близнецов предстает в виде последовательного ряда невероятных приключений и чудес с превращением в небесных богов в финале. Их героизм — не личное достижение, а предопределение. Они рождены именно для того, чтобы стать героями и богами. Близнецы не заслужили право стать богами, но такова их судьба, определенная самим фактом чудесного зачатия. Так Хун-Ахпу и Шбаланке становятся воплощениями божественной Самости, сверхсознания, цель которой — восстание против бессознательного (боги Шибальбы) и победа над ним. Задача близнецов — пережить и изжить предшествующие стадии космического цикла: эпоху хаоса, тьмы, непроявленности и бессознательного. Это те сферы, которые они должны переформировать и осветить. Чем глубже погружаются Хун-Ахпу и Шбаланке в эти сферы, тем выше будет уровень свершений. В этом преодолении прошлого близнецы предстают как *борцы за будущее.*

Идея «Пополь-Вух» заключается в том, что *на смену отцам должны прийти их дети.* Дети, а не отцы, ответ-

[1] *Silva Vallejo F.* Estudio literario: el Popol-Vuh. Bogotб, 2002. P. 35.

ственны за будущее, они должны создать новый мир, новое человечество, новое солнце. Сакральный текст открывает, что высокая Традиция направлена не назад, а вперед. Земля отцов должна быть уничтожена, преодолена, как должен быть преодолен человек ради явления сверхчеловека. Отцы не смогли победить богов мертвых. Своей гибелью они открывают путь своим детям. Их гибель — это жертвоприношение и проявление любви к будущему — к *земле детей*. Своими детьми отцы искупают свою слабость и свою гибель.

Этот мир, в который Хун-Ахпу и Шбаланке так героически вступают, еще совсем нов. В нем нет даже солнца, а «настоящие» люди еще не созданы. Близнецы входят в этот мир не как его создатели (он сотворен Ураканом), а как его первооткрыватели. Однако это открывание мира сродни его созданию, *познание равносильно творчеству*. Гениальность творчества у Хуракана сменяется гениальностью познания у Хун-Ахпу и Шбаланке. Хуракану не надо было познавать космос, так как он изначально, предвечно «знал» его, знал, что творил. Для него в мире нет тайн. Близнецы же должны познать мир, чтобы утвердить свою божественность и равновеличие Творцу. Это часть их героической биографии. Их познание соединяется с преобразованием, когда они, как задумано, победят владык Шибальбы и превратятся в светила. Выходя в мир, они видят его как место для приложения своих сил. Они желают преобразовать его в соответствии со своим замыслом. Их неуемное беспокойство и неудовлетворенность настоящим превращается в со-творчество.

Логика творчества движется от андрогинного Творца к героям-близнецам. Андрогин (два пола в одном) связан с идеей творения и воспроизведения. Он мистически противоположен близнечности (один пол на двоих)[1]. Однако оба мотива связаны в «Пополь-Вух»:

[1] *Телегин С. М.* Анатомия мифа. С. 52–53.

андрогинный Творец сменяется близнецами. Логика мифа развивается от андрогинности к близнечности, от силы к поиску силы, от демиургии к героизму, от трансцендентного непроявленного Творца к его проявленному Сыну — богу солнца и его близнецу — богу луны.

Близнечность наделяет мир динамизмом, способностью к инверсии. Именно в близнечности заложена тайна существования и взаимного перехода двух противоположных миров. Только близнецам в «Пополь-Вух» открыта возможность переходить из одного пространства в другое. Также близнечность указывает на возможность взаимоперехода жизни и смерти, на способность возрождения и достижения бессмертия. В результате динамичных тенденций всех противоречий, воплощенных Хун-Ахпу и Шбаланке, феноменальный мир превращается в систему постоянных инверсий и переходов с одного плана на противоположный и из одной реальности в другую[1]. Близнецы — это образ инверсии и противоположности реальностей, поэтому один из них становится солнцем, а другой — луной, солнцем противоположного мира.

После рождения близнецов бабушка даже не пожелала посмотреть на их лица, а приказала сразу «выбросить их», так как они «кричат слишком много» (с. 45). Хун-Ахпу и Шбаланке выносят из дома и кладут сначала на муравейник, а затем в чертополох, надеясь, что они погибнут (с. 45). Муравейник и чертополох противоположны материнскому лону. Лоно сохраняет плод, в нем младенец находится до рождения в блаженном покое. Рождение сменяется смертью, покойное лоно — агрессивной и опасной для жизни средой. Рождение близнецов воспринимается как выход в противоположную реальность: из утробы в колкий кустарник или на муравейник. Близнецы кричат после родов именно потому,

[1] *Керлот Х.* Словарь символов. М., 1994. С. 100.

что пока еще принадлежат к противоположному миру. Их выносят в лес — на границу реальностей, и они замолкают (с. 45). Их отправляют жить и воспитываться в лес, то есть переправляют в иной мир, в иную плоскость реальности, где они и получают силы.

Пребывание Хун-Ахпу и Шбаланке в муравейнике, а затем в чертополохе — это мистическое выражение пребывания в лоне и родов. Муравейник, чертополох предстают как вместилище ребенка. В то же время особо подчеркивается противоположность двух реальностей: материнское лоно — это муравейник или куст чертополоха в противоположном мире. Испытание в муравейнике и в чертополохе может пониматься и как предвестие их будущего путешествия в Шибальбу. Изгнание близнецов в лес — это рождение в ином, параллельном пространстве. Отвержение оставленных на произвол судьбы божественных близнецов должно мистически трактоваться как второе рождение. Поскольку в нашем мире они рождены девой Шкик, то речь должна идти о рождении в противоположной реальности, где смерть (оставленный в муравейнике младенец в нашем мире умрет) превращается в рождение.

Богиня Шмукане — свекровь Шкик и бабушка близнецов. Ее агрессивно-негативное отношение к младенцам кажется странным. Шмукане известна у майя также как богиня Мам — древнейшая покровительница воды и Великая мать мира. Она — сильнейшая и наиболее влиятельная из богинь в пантеоне майя. Будучи связанной с первобытным хаосом и первозданными водами (в андрогинном единстве с Шпийакоком — с. 10), она все рождает из себя. Как и вода, Мам способна бесконечно изменять свою форму и обладает непререкаемым авторитетом[1]. Поскольку Шмукане принадлежит к поколению старших богов, то присутствие нового поколения может вызывать у нее чув-

[1] *Овузу Х.* Символы инков, майя и ацтеков. С. 148–149.

ство опасности. Кроме того, она явно принимает сторону старших сыновей Хун-Хун-Ахпу — близнецов Хун-Баца и Хун-Чоуэна (они были «утешением» для ее сердца — с. 44), которые из-за ревности и зависти очень хотели смерти сводных братьев (с. 45).

Выброшенность, заброшенность, отторгнутость от семьи — обычное начало героической биографии. Эта схема является общей для мифов многих народов: герой — сын царя или божества; его рождению предшествует бесплодие или смерть, а само зачатие предстает как чудо; рождение таит угрозу близким; от ребенка пытаются избавиться, выбрасывают его в лесу или кидают в воду; животные спасают и воспитывают ребенка[1]. В «Попоть-Вух» ключевым оказывается мотив опасности, которую представляют младшие братья для старших и для стабильности их мира. Герой должен претерпеть в детстве период отверженности, тяжелых испытаний и опасностей для жизни. Он оказывается в параллельном мире, где опасность означает торжество. Воспитанный в лесу герой открывает изначальные силы, находящиеся по ту сторону нашего мира. В испытаниях, представляющих опасность для самой жизни, должны открыться исключительные силы, которые будут использованы для мести. Брошенность на волю судьбы сменяется торжеством героя благодаря изменению реальности на противоположную.

Хун-Бац и Хун-Чоуэн «были очень мудрыми, и великим было их знание; они были предсказателями здесь на земле, и дела и привычки их были прекрасны». Это были всесторонне одаренные юноши. «Они были флейтистами, певцами, стрелками из выдувной трубки, художниками, скульпторами, ювелирами, серебряных дел мастерами» (с. 32). Но у них не было ни отца, ни матери. И поэтому «они выросли среди испытаний и нужды,

[1] *Ранк О.* Миф о рождении героя. М.; Киев, 1997. С. 216.

и у них было много горя, но они стали очень мудрыми» (с. 46). Они также считали только себя «преемниками своих родителей» (с. 46). Зная все о рождении своих младших братьев, они завидовали и желали им смерти.

Цель старших братьев — полнота жизни, извлечение максимума удовольствия из настоящего. Поэтому они занимаются только изящными искусствами, не имеющими отношения к реальным трудностям повседневной жизни — добыванию еды, приготовлению, охоте или уборке. Все это за них делают Хун-Ахпу и Шбаланке (с. 46). Старшие братья — охранители существующей реальности, поэтому младшие близнецы представляют для них угрозу. Тяга старших братьев к удовольствиям реализуется в веселых играх, в занятиях искусством, в сибаритстве. Они желают превратить жизнь в веселье. Жизнь воспринимается ими как игра, развлечение, шалость. В старших братьях нет ничего созидательного, а только оргиастическое, необузданное. Они ничего не создают, а только поют и танцуют. Титанические первозданные силы находят в них оргиастическое, шаманское и ритмическое воплощение. Своими танцами они не творят бытие, а устанавливают ритмы бытия, озвучивают музыку космоса. Атмосфера оргиастического эроса, а не созидания и утверждения окружает их. В этом проявляется их первозданность и заключается необходимость их поражения.

Старшие и младшие братья во многом противоположны. Старшие братья горды и эгоистичны. Они не заботятся о людях, о мире, их не интересует прогресс. Младшие, напротив, призваны осуществить прогресс (явиться как солнце и луна) и заботятся о новом человечестве как небесные светила. Старшие братья совершают ошибку, когда погружаются в чрезмерность, стремятся выйти за рамки достижимого. Они полагаются только на себя, на свои силы, не догадываясь, что в мире появились те, у кого сил больше — их младшие божественные братья.

Младшие братья сильнее старших, так как их воля сопряжена с мерой. Воля и мера в них сливаются, причем мера не ограничивает, а усиливает волю, направляя ее в одну, но самую необходимую сторону. То, что старшие бездумно растрачивают (на танцы и веселье), младшими сохраняется и приумножается. В этом проявляется инфантилизм старших и зрелость младших братьев. Эта зрелость заключается не в старшинстве, а в совершенстве силы.

Конфликт со старшими братьями ставит вопрос о первородстве и о том, кто «настоящие» сыновья Хун-Хун-Ахпу. Настоящими сыновьями оказываются лишь те, кто готов отомстить за своих отцов. В этом споре побеждают младшие братья, а старшие проигрывают. Происходит смена господства, которая лишает старших права первородства, *минорат приходит на смену майората*. Однако без старших братьев и борьбы с ними не было бы и победы младших, а их господство не смогло бы утвердиться и повисло бы в пустоте, без должного основания. Утверждаемый здесь принцип минората — это «право последнего рождения». В применении к теогоническому процессу — это «право последнего бога», несущего в себе последний этап творения. Поскольку в процессе эволюции правильным и законченным признается именно последний этап творения (отменяющий предыдущий), то и главенство передается «последнему богу», наиболее молодому и выражающему или возглавляющему актуальный этап космогенезиса. Первенство младшего бога — это признание нового и актуального этапа как наиболее совершенного. Минорат — это утверждение права нового и актуального как наилучшего по сравнению с предыдущим.

Стоит обратить внимание на факт, что деятельность Хун-Ахпу и Шбаланке направлена не только на космический, но и на социальный порядок. Как считает Ф. Сильва Вальехо, он является «патриархальным, ие-

рархическим и авторитарным»[1]. Социальные отношения заменяют семейные связи. Если в семейном организме авторитет и власть старших братьев выше, чем у младших, то в социальной организации устанавливается принцип минората. Формирование идеального социального порядка в «Пополь-Вух» оказывается лишь продолжением создания космической гармонии. *Космический порядок определяет социальный.* Социальное предстает составной частью космического, поэтому Хун-Ахпу и Шбаланке в равной мере заняты упорядочением и космоса, и социума. Космический и социальный порядок в свою очередь в равной мере представляется установлением и результатом деятельности богов.

По отношению к своим старшим сводным братьям Хун-Ахпу и Шбаланке предстают в качестве гонимых, обижаемых. Оскорбляемый всеми ребенок, которого в детстве постоянно третируют старшие братья, становится выражением мифологической темы отвержения младшего, который, однако, должен победить. Ребенок судьбы должен пройти этап безвестности. Это время опасностей и гонений со стороны старших братьев. Если герой справится с этим первым испытанием, то в дальнейшем он сможет совершить свой подвиг. Это первое испытание (соперничество со старшими братьями) послано божественным близнецам в «Пополь-Вух», чтобы они нашли в себе силы порвать с семьей и отправиться на поиски приключений. Конфликт с братьями для Хун-Ахпу и Шбаланке — это инициационное испытание выхода за пределы семейных уз, разрыв с детством.

Описание детства Хун-Ахпу и Шбаланке изобилует историями о невероятных силах, недетских способностях, о мудрости и героизме (битва с Вукуб-Какишем и его сыновьями). Старшие братья и вообще семья предстают здесь как олицетворение прошлого, уже сфор-

[1] *Silva Vallejo F.* Op. cit. P. 36.

мировавшегося, того, что только *удерживает*. Старшие оказываются хранителями прошлого, поскольку в этом прошлом именно они являются главными. Старшие — хозяева прошлого, с которым младшие братья должны решительно порвать, так как прошлое сулит им лишь безвестность, унижение и подчиненное положение по отношению к старшим (роль «служителей» при старших братьях — с. 47). Вырваться из прошлого — значит для Хун-Ахпу и Шбаланке восстать против его хозяев, своих сводных старших братьев, и победить их.

Старшие братья были слишком гордыми и заносчивыми. Именно в этом скрывается слабость и причина их поражения. Они гордятся властью над младшими братьями. Однако они ошибочно (из гордости) приписывают эту власть себе, своей собственной силе. На самом деле власть братьев опирается не на их силу, а на силу прошлого, в котором старшие — господа для младших. Если же младшие способны вырваться из-под власти прошлого, то тогда и старшие братья сразу утрачивают свою власть и силу. Происходит очередная перемена реальностей, и братья оказываются в противоположном мире, где младшие — главные, а старшие утрачивают свой статус и авторитет. С этого момента младшие обретают силы не только вырваться из прошлого, но и победить его, открыть власть грядущему, новому.

Почему же младшие братья оказались сильнее старших и победили их? Старшие братья Хун-Бац и Хун-Чоуэн должны рассматриваться как типичный пример первоначальных духов, воплощение изначальных, неупорядоченных стихий. В силу этого чувства, которые они испытывают, — деструктивные, неупорядоченные, негативные (злоба, зависть, желание убить младших братьев). Хун-Ахпу и Шбаланке, напротив, несут в себе образы света и истины (поэтому в дальнейшем они станут Солнцем и Луной). Само непорочное зачатие соответствует вхождению первого творческого Слова в

неупорядоченную изначальную и девственную материю. Непорочное зачатие — это повторение акта творения словом, вошедшим в материю, так как слюна часто в мифах оказывается заменителем или носителем речи. Как огненное Слово входит в изначальную хаотичную материю и творит из нее жизнь, так и близнецы Хун-Ахпу и Шбаланке, рожденные в результате непорочного зачатия, несут в себе силу Огня. В то же время их старшие братья, рожденные обычным способом «в ночи, во тьме», оказываются носителями лишь изначальной тьмы и хаоса. Здесь свет побеждает тьму, а победа младших братьев над старшими — прообраз дальнейшей победы Хун-Ахпу и Шбаланке над Вукуб-Какишем и над богами Шибальбы, восхода солнца и победы света над ночью.

Противостояние старших и младших братьев — это не просто конфликт между миром становления, который только находится в процессе творения и пребывает во тьме, и миром бытия, который должен установиться с восходом солнца. Это также и противоборство двух великих типов. Старшие братья — «великие музыканты и певцы», великие мудрецы (с. 46). Но они, зная о судьбе отца и дяди, погибших в Шибальбе, не вступились за них, не отправились в преисподнюю, чтобы отомстить за них. Младшие братья рождены как мстители, и им дано судьбой стать солнцем и луной нового мира. Старшие же братья занимаются только «игрой на флейте и пением» (с. 46), они полностью принимают сложившуюся реальность.

Младшие братья — это новый тип героев, которые способны принести себя в жертву. Старшие братья олицетворяют традицию, ритуал. В конфликте между старшими и младшими братьями получило отражение восстание воинской касты против власти жреческой (мудрецы и танцоры), закончившееся победой воинов — младших братьев. Это восстание представителей светской власти против власти духовной имело место в древнейшую эпо-

ху и обозначило переход от полярной гиперборейской Традиции к западной атлантической традиции. Судя по тексту «Пополь-Вух», эта революция имела место еще в Гиперборее, где царила долгая ночь.

Старшие и младшие братья равноценны, но противоположны друг другу, так как принадлежат к разным реальностям. Старшие братья были порождениями эпохи деревянных людей. Младшие своим рождением знаменуют приход новой эпохи. Поэтому соперничество старших и младших братьев — это борьба одной эпохи за право сменить другую, конфликтная ситуация смены реальностей. Старшие братья были лучшими и сильнейшими в прежнюю эпоху. Однако их лучшее превращается в наихудшее с точки зрения новой, противоположной эпохи. Старшие и младшие братья пребывали в разных реальностях, жили в противоположных мирах, поэтому то, что для одних было добром, воспринималось другими как зло. Изменение существующего порядка вызывает ужас и сопротивление в одной реальности, но в другой оказывается благом. Все зависит только от точки зрения. Переход от одной реальности к другой ознаменован метаморфозой старших братьев. Хун-Ахпу и Шбаланке желают «изменить их природу, их жирную внешность, так, чтобы осуществилось бы наше слово и предсказание» (с. 47). Как меняется реальность, так изменяется и внешность старших братьев.

Чтобы победить своих старших братьев, Хун-Ахпу и Шбаланке заманили их на верхушку дерева. Там Хун-Бац и Хун-Чоуэн превратились в обезьян. «Тогда они начали скакать по ветвям деревьев, среди деревьев больших и малых гор, а затем они исчезли в лесу, все время гримасничая, крича и качаясь на ветвях деревьев» (с. 48). Старшие братья залезают на дерево, а младшие остаются внизу. Это означает, что они находятся на разных уровнях реальности, в разных, противоположных, мирах. При этом в момент метаморфозы старших братьев все

феномены нашего мира, связанные с ними, превратились в свою противоположность. Именно так они «были побеждены» (с. 48), грядущее восторжествовало над отжившим. Поэтому, когда обезьянки пришли домой и стали танцевать под музыку, их бабушка рассмеялась (с. 48). Старое, измененное вызывает теперь только смех.

Старшие братья не могут смириться с новым порядком, олицетворением которого становятся их младшие братья. Старшие даже протестуют против появления младших, желают помешать их деятельности. Это бунт неупорядоченного изначального стихийного эроса против упорядоченной закономерности порядка. В бунте старших братьев трагическое соединяется с комическим. Трагическое (бунт и поражение) переходит в комическое, когда они превращаются в танцующих обезьянок — противоположность человека. Их регрессивная трансформация из людей в обезьян — наказание за отказ от прогресса. Обезьяны — это люди прежнего, противоположного для нас мира. Люди прежней эпохи — это обезьяны для нашего, противоположного им мира. Их конфликт, следовательно, — это проблема смены противоположных эпох, столкновения разнонаправленных временных потоков. Прежнее совершенство должно превратиться в противоположность, чтобы дать начало новому совершенству нашей эпохи. Победа над старшими братьями и их превращение в обезьян должно быть осознано младшими как необходимость для дальнейшего развития мира, для начала нового цикла, противоположного предыдущему, где хорошее и плохое меняются местами.

Хун-Бац и Хун-Чоуэн «сотворили многое поистине великое» (с. 50). Но они принадлежали эпохе деревянных людей. Как деревянные люди превратились в обезьян из-за своей гордости, так и старшие братья «стали обезьянами, потому что они были высокомерными и оскорбляли своих младших братьев» (с. 50). Превраще-

ние деревянных людей и старших братьев в обезьян следует рассматривать как две части одного процесса. Обе метаморфозы происходят по схожей причине и в одно и то же время. Можно предположить, что Хун-Бац и Хун-Чоуэн были богами у деревянных людей, которые «в древние времена» призывали их имена (с. 50). Возможно, они даже были жрецами в культе Вукуб-Какиша. Поэтому хотя старшие братья и превратились в обезьян, но они остались почитаемыми божествами. Именно бог с головой обезьяны Кункхуэн (один из братьев) принес людям искусство, письменность и привил людям многие культурные навыки. Обратной стороной обезьяньего бога была его ненасытная похоть (первозданный эротизм), и он даже считался покровителем фаллоса молодых мужчин[1].

Божественность Хун-Ахпу и Шбаланке проявляется в новых помыслах, поисках новых средств и в борьбе. В основе миросозерцания божественных близнецов лежит космическая война. Их мировоззрение — это мировоззрение воинов. Они воюют со всеми — со старшими братьями, с Вукуб-Какишем, с богами Шибальбы. Это борьба между земными древними богами и небесными солнечными молодыми. Эта война между старым и новым выражает идею прогресса, входит составной частью в процесс космогенезиса. *Война — это космический факт, относящийся к космогонии.* Каждая война подобного рода знаменует завершение одного космического цикла и начало нового. Война приносит всякий раз глубокую перемену всех духовных, моральных и религиозных ценностей, часто даже и физические изменения. Только через войну Хун-Ахпу и Шбаланке могут реализовать свои творческие замыслы и упорядочить свои необузданные силы, чтобы превратиться в уранических богов — небесные светила.

---

[1] *Овузу Х.* Символы инков, майя и ацтеков. С. 123, 241.

Битва близнецов с прошлым, с остатками хаоса и с его порождениями — демоническими существами, началась с расчистки поля. Хун-Ахпу и Шбаланке «начали работать, чтобы их бабушка и их мать думали бы о них хорошо. Первое дело, которое они сделали, было кукурузное поле» (с. 50). Поле — это первое упорядоченное пространство будущего, которое близнецы должны избавить от хаотических сил прошлого. Дело в том, что в будущем именно из кукурузы будет создано новое человечество. В этом мистическое значение сельского хозяйства — обработка почвы, ее упорядочение, внесение структуры, создание космической формы. Не случайно близнецам противостоят чудовищные животные, хищники, олицетворяющие прежний хаос, с которым братья и должны бороться. «Все животные, большие и малые» сделали так, что чудесным образом за ночь «все деревья и лианы снова полностью стоят на своих местах, а колючие растения и сорные травы снова перепутались» (с. 51). Это поведение животных совпадает с бунтом животных в истории о деревянных людях и, вероятно, оба события произошли в одно и то же время. Хун-Ахпу и Шбаланке вступают в битву с животными. Собственно говоря, бунт животных против близнецов был связан с тем, что братья были хорошими охотниками, и животные решили наказать их.

Смысл обработки земли — в сокрушении порождений хаоса и в упорядочении космического пространства. Отсюда берет начало способность близнецов справляться с любыми препятствиями и преодолевать любые трудности. Преграды, границы отступают и распадаются перед Хун-Ахпу и Шбаланке, поскольку они назначены победителями самой судьбой. Однако тут же оказывается, что братья вовсе и не желают становиться земледельцами. Они «хотели стрелять из своих выдувных трубок; заниматься в действительности устройством кукурузного поля им вовсе не хотелось», поэтому один из

них измазался землей, «как настоящий земледелец, а другой нарочно набросал деревянных щепок на голову, как будто бы он в действительности срубал деревья» (с. 51). Старшие братья с их претензиями на власть не устраивают младших, но и сами они отказываются от порученной работы и «получили пищу, не заслужив ее» (с. 51). Здесь равновесие нарушается с обеих сторон: старшие братья завистливы, младшие братья не желают работать на земле. Это равновесие может быть восстановлено только одним способом. Младшие братья не должны быть ни жрецами-танцорами, ни земледельцами, а только воинами-героями. Здесь появляется образ первого удачливого охотника, культурного героя и победителя природы, бунтующего против навязанных ему извне ценностей.

Хун-Ахпу и Шбаланке предстают перед нами как настоящие бунтари, так как они восстают против отжившей реальности, против структур из ушедшего «мира старших». Эти ценности больше не служат жизненному развитию, что и приводит старших братьев к регрессии — превращению в обезьян. *Задача бунтаря — утверждение ценностей контркультуры.* В бунтаре самое важное — нарушение установленных правил. Гнев бунтарей направлен против навязанных «семейных ценностей», где авторитет основан не на поступках, не на знаниях, а на возрасте и взаимных симпатиях. Это восстание против «власти старших» — старших братьев и даже бабушки, так как они ограничивают самовыражение младших. *Путь бунтаря — завоевание свободы.* Поведение бунтаря — шокирующее и даже разрушительное по направлению к уже отжившему, но еще устойчивому «порядку». Однако этот бунт всегда направлен на утверждение ценностей будущего.

Неуемность — вторая важная черта Хун-Ахпу и Шбаланке. Они берутся за все дела — занимаются охотой, сельским хозяйством, магией, войной, и любое дело оказывается им по плечу. В этой неуемности просле-

живается их страсть к творческому переживанию любого доступного жизненного опыта. Здесь открывается их индивидуальность. В Хун-Ахпу и Шбаланке индивидуальности больше, чем в демиурге Хуракане. В них представлено и развито богатство героического характера. Их веселость, хитрость, склонность к обману говорит о героической натуре, которой все же не хватает зрелости, ясности и некоторой отстраненности, характерной для Творца. Неистощимая изобретательность и плодотворность близнецов сменяет здесь творческую волю Хуракана. *Герой приходит вместо демиурга.* В характере близнецов видно счастье битвы и мести, счастье дерзновенных предприятий, счастье неуемных сил, счастье самоутверждения и победы.

Стоит заметить, что Хун-Ахпу и Шбаланке живут не с матерью, а в доме бабушки. Это указывает на один из важных этапов посвящения подростков — отделение от матери, когда ребенок отбирается у матери и передается на воспитание и обучение первопредку — Великой матери. Настоящая мать не принимает более участия ни в воспитании, ни, тем более, в посвящении подростка. Разрыв с матерью означает для подростка разрыв с миром детства. Однако близнецы убегают и из дома бабушки, так как они не нуждаются в женском посвящении, а желают пройти героическую, мужскую инициацию.

История рождения и юности Хун-Ахпу и Шбаланке завершает долгий цикл предыстории человечества. Превращение старших братьев в обезьян и открытый бунт против бабушки ставят точку в развитии матриархальной культуры и свергают богиню-праматерь с ее главенствующего места. Хун-Ахпу и Шбаланке призваны, чтобы утвердить мужскую, героическую культуру, создать воинскую цивилизацию. Их героическая биография — результат могучего порыва человека, который уходит из дома для того, чтобы показать всем и самому себе, на что он способен. Он хочет доказать, что может жить

только за счет самого себя и не быть никому ни в чем обязанным. Это дерзновение силы делает Хун-Ахпу и Шбаланке *свободными*, а свобода делает их *победителями*. Близнецы — свободные и духовно сильные герои, которым суждено победить и преодолеть не только мир, но и самих себя.

Для этого они должны встать на тот путь, который ранее нашли для себя Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. Единственное животное, которое смогли поймать на поле Хун-Ахпу и Шбаланке — мышь (с. 53). Именно она рассказала героям, что каучуковый мяч их отца сохранился дома. Мышь предстает как неожиданный помощник, способствующий достижению цели. В мифе это — посланец судьбы, ее орудие и ее проявление. Обманув бабушку и мать, Хун-Ахпу и Шбаланке завладели мячом и «принялись за игру» (с. 55). «Они расчистили площадку, где играли их родители» (с. 55). Это означает, что они начали с того же пункта, с которого уже начинали отец и дядя. Это было судьбоносное решение, поменявшее их жизнь и приведшее к совершению главного подвига близнецов — разрушению Шибальбы.

Владыки Шибальбы, услышав над своими головами шум от игры в мяч, очень рассердились и захотели снова наказать игроков. Странный вопрос задали они: «Может быть, не умерли Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, желавшие возвысить себя перед нами? Идите и сразу же призовите их сюда» (с. 55). Боги Шибальбы совершенно забыли, что они убили этих героев, а голову Хун-Хун-Ахпу даже повесили на дереве. Подобная амнезия всегда указывает на перемену реальности. Вестники владык преисподней являются на землю и передают божественным близнецам приглашение явиться «в течение семи дней» в Шибальбу для игры с владыками в мяч (с. 55). Но при этом боги преисподней и близнецы находятся на таких удаленных друг от друга плоскостях реальности, что вестники передают приглашение не самим юношам, а их бабушке.

Хун-Ахпу и Шбаланке играют на земле в мяч, но их шум беспокоит владык Шибальбы. Это типичный пример того, как начинается Большое Приключение. Какой-либо недостаток, ошибка, случайный промах открывает перед человеком новый, ранее неизвестный мир, с которым он приходит в соприкосновение. Совершенно случайно он сталкивается с силами, которые не может понять и не способен противостоять им. Такая «случайная ошибка» в мифе, разумеется, вовсе не случайность. На самом деле она — знак судьбы. Хун-Ахпу и Шбаланке начали играть в мяч и потревожили владык Шибальбы потому, что такова их судьба, так необходимо мифу, чтобы реализовать свою логику. «Случайная ошибка» не меняет судьбу, а раскрывает ее; она и есть судьба героя. Судьба позвала близнецов, и это значит, что центр их духовных исканий переместился за пределы обыденного мира — в ночной мир запредельного и непознанного.

Предвестники, несущие призыв к свершению судьбы, воплощают в себе мистический зов. В таком зове уже заложена весть о начале таинства преображения, духовного перехода и преодоления себя, что идентично смерти и воскресению в обряде инициации. С этим зовом Хун-Ахпу и Шбаланке должны «переступить порог» — выйти за границу нашей жизни и войти в иной мир — в Шибальбу. Предвестник показывается мрачным, вселяющим ужас, поскольку олицетворяет ночную сторону души героев и оборотную сторону их жизни — царство смерти. Поэтому предвестниками служат совы — ночные птицы. Они несут в своем облике страх ночи и мотив полета «на край ночи», перелета через границу мира живых в ночную тьму мира мертвых.

Хотя приглашение адресовано Хун-Ахпу и Шбаланке, но ответ за них дает бабушка: «Хорошо, посланцы, они придут, как было приказано» (с. 56). Дальше старушка должна передать приказ от владык Шибальбы самим близнецам, но не знает, как это сделать. Она поручает сделать

это вши, ее проглатывает жаба, которую проглатывает змея, а ту проглотил сокол. Только сокол смог принести весть братьям, причем он изрыгнул змею, змея — жабу, а жаба — вошь, которая и передала послание. Проглатывание — это поглощение одной реальности другой. Стихии и плоскости реальности оказываются заключены друг в друга. Вошь — в жабе, жаба — в змее, змея — в соколе. Жаба — водное животное, змея — земное, сокол — небесное, вошь несет в себе сообщение, слово. Речь идет о превращении истины, о ее путях в нашей реальности, о ее воплощении и реализации.

Это не просто перепоручение. Здесь мы имеем дело с включением одного тела в другое. Так происходит, когда идея, следуя в наш мир, чтобы материализоваться, проходит через разные уровни и плоскости реальности, в каждом из которых она получает новое тело. В каждой новой реальности идея должна получить новую форму, адекватную этому уровню. Наличие таких посредников свидетельствует о многоплановости реальности и о том, что близнецы и бабушка (новые уранические боги-герои и старая хтоническая Великая мать) находятся на совершенно различных ее уровнях.

Последняя форма воплощения послания, в которой его смогли узреть Хун-Ахпу и Шбаланке, — сокол. Сокол считается посланником богов, так как соколиный крик возвещает особые события. Соколу присуща особая наблюдательность. Его глаз означает магическое зрение, магическую силу видеть истину, способность духовного видения[1]. Не зная, чего ждать от сокола, Хун-Ахпу и Шбаланке стреляют в него из трубки и выбивают ему глаз. Лишение глаза, слепота, означает духовную слепоту, утрату способностей видеть и понимать истину. Лишить глаза — значит попытаться силой завладеть вещим

[1] *Овузу Х.* Символы индейцев Северной Америки. СПб., 2006. С. 235.

Словом. Однако, узнав, зачем он прилетел, братья лечат сокола, и «сразу же глаз сокола был исцелен полностью» (с. 57). Выбивание и возвращение глаза имеет отношение к солярному циклу мифов, связанных с датой зимнего солнцестояния (слепота солнца в период арктической ночи). Так и в египетском мифе Сет в битве с Гором за власть вырвал его глаз. Мудрый бог Тот впоследствии вылечил глаз Гора[1]. Глаз Гора — двойник Солнца, так как оно несет свет Истины и познания.

Узнав о приказе владык Шибальбы прибыть на соревнование, Хун-Ахпу и Шбаланке побежали домой, чтобы попрощаться с бабушкой. Но они предусмотрительно решили оставить на земле «знак судьбы»: «Каждый из нас посадит по тростнику; в середине дома мы посадим его; если он засохнет, то это будет знаком нашей смерти». Они «посадили (тростники) в середине их дома и затем оставили их» (с. 58). Растение, которое Хун-Ахпу и Шбаланке оставляют в доме бабушки, должно реагировать на их смерть. Само растение неподвластно разрушению, так как растет не в поле, а в доме, но оно, становясь носителем внешней души (или частички жизненной энергии) близнецов, будет реагировать на повреждения, разрушение или смерть их тел в Шибальбе. Являясь богами, рожденными на земле, близнецы, отправляясь в преисподнюю, оставляют здесь частичку своей жизненной силы, чтобы по состоянию ее вместилища (тростник) ближние могли узнать об их удаче, победе или поражении и гибели. Это своего рода барометр их состояния в Шибальбе, благодаря которому они поддерживают контакт с землей. Но также это и средство связи, при помощи которого они посылают сообщение родным. Это еще и их земной заместитель, благодаря ему они могут найти путь домой и вернуться на землю. Это растение и тело

[1] *Мюллер М.* Египетская мифология. М., 2005. С. 125.

героя составляют мистическое единство. Они вместе — одно и то же.

Зависимость жизни растений от жизни близнецов в Шибальбе связана с магическим приемом переноса. Хун-Ахпу и Шбаланке переносят свой жизненный принцип в растение. То, что происходит с ними, происходит и с растением. Придя однажды во взаимодействие, близнецы и растения продолжают взаимодействовать на расстоянии. Дж. Фрэзер называет подобный вид магии *контагиозным*[1]. Если человеку угрожает опасность, то он помещает свою душу в какой-нибудь предмет. Душе при этом гарантируется безопасность, а человеку — бессмертие и успех. Уверенность в том, что душу можно извлечь из тела и перенести в какое-либо растение, внешний вид которого будет нести весть о состоянии здоровья или смерти героя, лежит в основе многочисленных преданий по всему миру. В таких сказках, отмечает Фрэзер, «жизнь человека связывается с жизнью растения настолько тесно, что либо за увяданием растения сразу же следует смерть человека, либо, напротив, за смертью человека — увядание растения»[2].

Поскольку близнецы отправляются в мир мертвых, то, естественно, их жизненный принцип должен остаться на земле, чтобы они были неуязвимыми для владык Шибальбы и дома могли следить за их успехами. Живое растение связывает героя с миром живых, пока сам он пребывает в мире мертвых. Это растение — своего рода двойник человека, несущий в себе его душу. Поскольку же растение имеет связь с близнецами, пребывающими в преисподней, то следует понять, что их корни располагаются не в нашей земле, поэтому их «посадили не во влажную почву, а в сухую землю» (с. 58). Корни этих растений находятся в потусторонней жизни, из которой

---

[1] *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1998. С. 18, 45.

[2] Там же. С. 712.

уже нельзя вернуться прежними. Стоит заметить также, что идея воскресения как центральная часть ритуала посвящения часто получает наиболее адекватное выражение в способности растений к возрождению.

Почему для такой цели выбран именно тростник? Это растение часто выступает как знак долгой жизни, а его зеленый цвет — знак молодости, силы жизни, процветания. Пустой внутри стебель тростника мог обозначать душу внутри человеческого тела. Отсюда — связь растения с жизнью близнецов. Для тростника как воплощения жизненных сил Хун-Ахпу и Шбаланке самым важным оказывается состояние сохранности. Близнецы и тростник соотносятся как равнозначные объекты противоположных реальностей. Поэтому близнецы в Шибальбе — это тростник нашей реальности. Этот мотив основан на той мифологической истине, что все объекты проявляются как ступени в отдельных сферах развития разных реальностей. Здесь действует закон всеобщих аналогий, при котором объекты одной системы прямо связаны с объектами другой по своей сути. Хотя они принадлежат различным реальностям и даже противоположны друг другу (мир мертвых и мир живых, мир растений и людей), но они взаимосвязаны, и по состоянию одних можно определить состояние других.

После этого и начинается путешествие Хун-Ахпу и Шбаланке в Шибальбу, которое можно осознать как инициационное странничество. Здесь следует сказать, что в противоположность Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, не имевших к преисподней никакого отношения, чужаков в Шибальбе, Хун-Ахпу и Шбаланке, рожденные от головы мертвеца и дочери одного из владык преисподней, родственны этому миру, несут в себе его частичку. По существу, они оказываются жителями обоих миров — земного и подземного. Именно поэтому им удается избежать многих ошибок, совершенных отцом, и добиться требуемого результата. Испытания героев в

Шибальбе — это таинства ночи, посвящение в мистерию смерти и рождения нового солнца. Мистериальный код формирует историю их путешествия в преисподнюю.

Как отметил С. Гроф, «для древних майя миф о героях-близнецах и их посещении подземного мира, последующем возрождении и обожествлении представлял собой оптимистическую модель их собственного посмертного странствия, а также инициационного переживания смерти и возрождения»[1]. В «Пополь-Вух» представлены два типа инициаций, которые мы уже соотносили с Малыми и Великими мистериями. Хотя зачастую вторые считают продолжением и завершением первых, но в реальном мистическом плане это две различные и даже противоположные формы инициации с разными задачами и финалом. Поход Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу в Шибальбу представляет собой Малые мистерии, цель которых — установление контактов с природными и порождающими силами. Этот тип инициации имеет «космический» характер, и его цель — обретение Великой матери и проявленного мира. Поэтому эта инициация заканчивается священным браком Хун-Хун-Ахпу с девой Шкик, ее восхождением на землю и рождением близнецов в физическом мире.

Целью же Великих мистерий было преодоление земного и человеческого, достижение трансцендентности и обожения, преодоление жизни ради Бытия. Это второе рождение к иному бытию становится задачей инициации Хун-Ахпу и Шбаланке, которые достигают сверхсуществования и восходят на небо в качестве богов. Это и есть подлинная инициация. Превращение близнецов в небесных богов несет в себе идею «пробуждения». Люди или «не знают», что они боги, или «забыли» об этом. Одна из целей посвящения — снять неведение, напом-

[1] *Гроф С.* Величайшее путешествие: Сознание и тайна смерти. М., 2008. С. 131.

нить людям об их истинной природе. Понятие обожения совпадает с понятием пробуждения, озарения, овладения трансцендентным измерением в себе самом.

Откликнувшись на зов владык, близнецы «стали спускаться к Шибальбе. Они быстро сошли вниз по ступенькам» (с. 59). Любое изменение, происходящее с существом, совершается во тьме. В обряде посвящения кандидат должен пройти через полную темноту. Эта стадия описывается в мифе как схождение в ад, в Шибальбу. Это погружение в досозданное состояние, распад на изначальные частицы, из которых будет создана новая личность. Спуститься в преисподнюю, вступить в битву с демонами или чудовищами — это то же, что пройти испытание при посвящении. Все мифы о схождении в ад строятся как обряды инициации. При этом схождение в ад и вознесение на небо — процессы, дополняющие друг друга, одно влечет за собой другое. Чтобы выйти из Шибальбы, стать богами и подняться на небо, близнецы проходят очищение в преисподней. Схождение в ад становится необходимым для прохождения инициации и для расширения бытия, его развертывания в сторону божественного, что и влечет за собой восхождение на небо.

Таким образом, главной целью ночного посвящения, описанного в «Пополь-Вух», была подготовка и обеспечение перехода Хун-Ахпу и Шбаланке к более возвышенному духовно-телесному существованию. Возвышение бытия, преодоление земного — вот опыт, обретенный близнецами в Шибальбе. Это превращение природного, естественного в сверхъестественное. Мистерии позволяют человеку вернуть утраченное божественное состояние. Но для этого он должен открыть для себя тайну смерти физического, земного. Вся часть, описывающая пребывание и приключения Хун-Ахпу и Шбаланке в Шибальбе, — это настоящая Книга мертвых киче, то есть путеводитель по миру мертвых и список

рекомендаций, чтобы умерший смог избежать гибели во время своего путешествия по загробному царству, используя при этом особые магические приемы, ритуалы и заклинания.

Дорога в Шибальбу не легка. Близнецы должны преодолеть речные потоки и ущелья, а также перейти «через реку гноя и через реку крови», где они впервые могли погибнуть (с. 59). Их отталкивающий внешний вид вызывает неправильную оценку и провоцирует близнецов на ошибку. На самом деле поток из гноя указывает на бренность всего земного. Он должен открыть герою, что обычная земная жизнь подвержена разрушению и гниению. От нее необходимо отказаться, чтобы проникнуть в Шибальбу. Поток крови — это одновременно и очистительный и жертвенный поток, показывающий Хун-Ахпу и Шбаланке, какой главной ценностью они располагают и чем они должны пожертвовать во имя победы. Это кровь как эссенция души. Чистая кровь — знак чистой души и, следовательно, победы. Загрязненная кровь — признак духовной деградации и поражения. Гной и кровь обозначают двойственный процесс смерти и возрождения, разрушения и очищения.

Подобные препятствия — один из постоянных образов подземного мира, проникнуть в который чрезвычайно трудно. Препятствия — это стражи на пути в иной мир. Как опасна дорога туда, так трудно будет и пройти обряд посвящения, состоящий из многих испытаний. Препятствия на пути не могут быть преодолены или побеждены физической силой, но только силой духа, знанием и отказом от материального мира. Чтобы герой смог пройти препятствия, сама форма его существования должна измениться. Это и происходит с Хун-Ахпу и Шбаланке, которые пересекают реку крови и гноя, не коснувшись ее ногами, преодолев ее «на своих выдувных трубках» (с. 59). Близнецы не просто проходят испытания, они преодолевают их. Для этого им необходимо

обрести качества духа, отказаться от земного существования и человеческой логики.

Выйдя затем «к перекрестку четырех дорог», они заранее «прекрасно знали, какие дороги (ведут) к Шибальбе» и сделали, в отличие от своего отца, правильный выбор (с. 59). Перекресток — это место, где дороги пересекаются, входят друг в друга, объединяя противоположности и обозначая сакральный Центр Мира. Четыре дороги — не только направления вовне, но и пути в Центр. Р. Генон считал, что «центр креста представляет, таким образом, точку, где примиряются и разрешаются все противоположности; в этой точке происходит синтез всех элементов оппозиции...»[1]. Центр креста или перекрестка соединяет в себе противоположные направления и качества, приводя их в состояние равновесия и изначальной непроявленности. Этот изначальный непроявленный мир не может быть явлен на нашей земле. В силу этого в «Пополь-Вух» перекресток и сакральный Центр располагаются в Шибальбе — в подземном, скрытом пространстве.

Четыре дороги, исходящие из сакрального Полюса, указывают направление пространства и отмечают четыре главные точки — север, юг, запад, восток, а также даты зимнего и летнего солнцестояния, осеннего и весеннего равноденствия. Этот крест расположен в горизонтальной проекции, поэтому он и сосредоточен в мире в виде четырех дорог. Вертикальная же линия, проходящая через Центр, указывает на небесный и земной Полюсы. Его вертикальное расположение очевидно только в точке Северного полюса. Близнецы, спускаясь в подземный мир Шибальбы, проходят по этой линии, достигнув изначального скрытого Центра. Вертикальная линия, соединяющая небо, землю и преисподнюю, — типичный образ полярной мифологии, и вне Полюса созерцание такой вертикальной линии и ее понимание как цен-

[1] *Генон Р.* Символика креста. С. 72.

тральной невозможно. Генон подтверждает, что «вертикальную ось можно назвать также полярной осью — то есть неподвижной линией, соединяющей оба полюса, вокруг которой совершает круговращение все сущее; следовательно, это главная ось, тогда как две горизонтальные оси вторичны и относительны»[1]. С трехмерным крестом может быть соотнесено все пространство мира, Центр которого становится сакральным местом «первого Слова» и преображения души в обряде посвящения.

Для отображения совершенства личности перекресток дорог должен иметь вид креста, где четыре линии одинаковой длины сходятся под прямыми углами. Как пишет в «Иероглифической монаде» Джон Ди, «крест можно составить из равных прямых углов, потому что природа справедливости требует совершенного равенства линий [отрезков], используемых в пересечении»[2]. Такой крест является знаком совершенства, гармонии, цельности, а в психологии — Самости. Однако выход из Центра вовне требует важного решения — выбора правильного направления. Выбор пути — первый шаг к самосознанию и самореализации. Целью инициационного странствия становится познание всех сторон света и души. Выход из Центра означает акт расширения сознания и опыта, выход за рамки человеческого. Выбор пути имеет здесь важнейшее значение.

Хун-Ахпу и Шбаланке избирают в Шибальбе верный путь. Этот единственный верный путь, открывающийся перед близнецами, определяется чудесным действием судьбы. Перед героями возникают несколько путей, и чувства подталкивают их совершить неверный выбор. Однако Хун-Ахпу и Шбаланке не поддаются чувствам. Для них главным остается зов судьбы, которому они и подчиняются, избрав верное направление. Это означает,

---

[1] Там же. С. 64.
[2] Герметическая космогония. СПб., 2001. С. 296.

что они не уходят в сторону от самих себя, от своей судьбы под влечением ложных чувств, рождающихся под влиянием поверхностного взгляда на вещи. Настоящая дорога раскрывается перед тем, кто смело откликается на зов судьбы и на творческое проявление собственной героической воли. Героизм оказывается не просто движущей силой, но и своеобразным компасом, указывающим единственно верное направление — в сторону смерти. Так Хун-Ахпу и Шбаланке входят в Шибальбу уже победителями.

Первое испытание, которому подвергаются близнецы, — определение имен владык Шибальбы. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу не смогли отличить владык от деревянных кукол и погибли из-за этого. Боги Шибальбы, с которыми встречаются близнецы, предстают и как владыки преисподней, и как ее стражи. Они — первые, с кем встречаются близнецы. За ними — тьма Шибальбы, неизвестное и опасное пространство, где героев ожидают испытания, грозящие им смертью. Это злобные существа, людоеды, губители душ, монстры, охотящиеся за людьми, с которыми Хун-Ахпу и Шбаланке должны вступить в битву. Если победят боги Шибальбы, то близнецы погибнут. Области бессознательного всегда получают воплощение в образах губительных чудищ. Так и владыки Шибальбы — это лишь проекции бессознательного самих героев. Не узрев их истинную природу, Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу оказываются во власти своего бессознательного, собственных страхов и обречены на гибель.

Однако Хун-Ахпу и Шбаланке находят правильное решение проблемы. Чтобы верно распознать сущность владык, они должны узнать их имена. Для этого они засылают к темным владыкам своего шпиона — москита (с.59). Поскольку Хун-Ахпу и Шбаланке не просто услышали зов судьбы, но знают о судьбе и сознательно вызывали ее, то у них должен появиться помощник.

Первый этап испытания — узнать и назвать имена владык Шибальбы. В этом деле им и помогает москит. Это насекомое представляет собой защитника, чудесного покровителя, который должен снабдить героев необходимым для победы знанием. Летящий и жалящий москит означает быстроту, летучесть и остроту ума близнецов. В нашей реальности от болезненного укуса москита стремятся защититься, но в противоположной реальности он становится помощником и шпионом в мире мертвых. Укус москита — это колкость, острота мысли и проницательность героев, благодаря которой они узнают то, что приводит их к победе. Образ духа-покровителя говорит о победе сознания и воли над бессознательным.

Эта история показывает, насколько боги Шибальбы противоположны богам, сотворившим наш мир. Если Создательница, Творец и Сердце небес больше всего озабочены тем, чтобы люди не забыли их имена, призывали их, обращались к ним по именам, то боги Шибальбы скрывают свои имена. Здесь видно противопоставление открытости сознания закрытости бессознательного. Конечно, боги, как правило, узнают друг друга. Но человек не может распознать бога, если тот решил остаться неузнанным или скрыться. Поэтому отец и дядя близнецов не смогли узнать имена владык и не отличили настоящих богов от деревянных кукол. Хун-Ахпу и Шбаланке узнают и называют имена богов Шибальбы. То, что в одной реальности — благо, в противоположном мире оборачивается для богов злом.

Имена владык преисподней не должны быть известны смертным. Хун-Ахпу и Шбаланке, определив имена владык Шибальбы и отличив истинных богов от деревянных статуй, смогли понять истинную природу этих существ. Они — лишь проекции собственных страхов человека. Узнав их природу, называя их по именам, Хун-Ахпу и Шбаланке обрели над ними власть и выигрывают противостояние с ними. Так и в египетском

гимне умерший говорит, обращаясь к богам мертвых, что знает их и знает их имена, поэтому он не падет под их ножами и спасется[1]. Также считалось, что человек, знающий имена богов, получал над ними власть и заставлял их выполнять свои приказы. Здесь знание имен оказывается губительным для богов противоположной реальности. Следует сказать, что узнавание необходимого среди внешне равных — один из важных элементов мифосознания и необходимая часть обряда посвящения в мире богов и мертвых.

Весь мир Шибальбы строится на сокрытии правды и обмане. Боги мертвых скрывают свои имена. Вместо настоящих богов близнецам показывают деревянные статуи. Хун-Ахпу и Шбаланке предлагают отдохнуть после дороги и сесть на раскаленные камни. Однако близнецы раскрывают этот обман. Они не садятся на камни и сохранили свои силы для главного испытания, и владыки Шибальбы «не могли обмануть их» (с. 61). Близнецы не поддаются на обман чувств, что и дает им силы для победы. Они открыли истинную природу мира мертвых и только после этого были допущены в Шибальбу.

Пребывание Хун-Ахпу и Шбаланке в преисподней строится как последовательное перемещение героев из одной плоскости или места посвящения в другое. Первым местом посвящения в преисподней назван «Дом мрака», «в котором была только непроглядная тьма» (с. 37). Само вхождение в «Дом мрака» означает возвращение близнецов в материнское лоно, что непосредственно открывает перед ними перспективу смерти и возрождения. Вхождение в «Дом мрака», в Лоно мира становится особой формой самоуничтожения, отказа от прежней земной жизни, переживанием опыта ритуальной смерти. Это возвращение во внутриутробное, зародышевое состояние до

[1] *Уоллис Бадж Э. А.* Царство мертвых: обряды и культы древних египтян. М., 2010. С. 122, 135.

рождения. Вся прежняя земная жизнь остается снаружи и больше не имеет значения. Так совершается важнейшее центростремительное и обновляющее действо. Только через такое прекращение прежнего существования и можно достичь нового, высшего уровня бытия. Именно находясь в «Доме мрака» неофит обретает мистическое зрение, ему являются боги и первопредки, открывающие сакральные тайны мира и племени.

Хун-Ахпу и Шбаланке должны были пробыть в «Доме мрака» всю ночь, сохранив в неприкосновенности лучины и сигары, выданные им богами Шибальбы (с. 62). Чтобы сохранить их, но не сидеть при этом в полной тьме, близнецы прикрепили к концам лучин яркие перья из хвоста красного попугая, а к концам сигар «они прикрепили огненных червей» (с. 62). Таким образом, они обманули темных владык и прошли испытание. Это, конечно, очень испугало повелителей преисподней. Сами обманщики и лжецы, они были обмануты более хитрыми противниками. «Поистине, это заставляет загореться наши сердца, потому что нехорошо для нас то, что они делают», — сказали владыки (с. 62). Они пытались выведать у близнецов, откуда те пришли. Однако даже сами герои не знают ответа на этот вопрос: «Кто знает, откуда мы пришли! Мы не знаем» (с. 62). Этот ответ можно рассматривать и как очередную хитрость Хун-Ахпу и Шбаланке. Но в то же время подобная амнезия свидетельствует о перемене реальностей, о переходе близнецов на иной уровень существования, когда все прошлое оказывается действительно забыто. Переживая ритуальную смерть, герой теряет память о прежнем существовании. Прошлого больше нет с Хун-Ахпу и Шбаланке, раз они претерпели ритуальную смерть.

Затем близнецы переходят в «Дом ножей», в котором «были только сверкающие заостренные ножи, предназначенные то к покою, то к уничтожению (всего находящегося) здесь, в этом мире» (с. 38). Пребывание в

«Доме ножей» также означает мистическое возвращение в лоно. «Дом ножей» — это аналог «зубастого лона», представляющего чрево Великой матери. Пребывание в нем или прохождение через него становится важной частью в обряде посвящения. Владыки Шибальбы надеялись, что близнецы будут «изрезаны в куски ножами и быстро убиты» (с. 64). Но Хун-Ахпу и Шбаланке заговорили с ножами и обещали им «мясо всех животных». После этого ножи застыли, «они больше не двигались; все ножи были спокойны» (с. 64). Вероятно, их приводил в движение какой-то хитрый механизм, но близнецы смогли остановить его. Обещая ножам мясо всех животных, Хун-Ахпу и Шбаланке предлагают ножам полноценную или даже превосходящую замену. Умение предложить вместо себя что-то похожее или лучшее — одна из важных способностей, которые требуются от неофита.

Пребывая в «Доме ножей», герои должны собрать для богов Шибальбы цветы. Хотя сами они не могут выйти из дома и это задание кажется невыполнимым, но им помогают муравьи, которые срезают цветы в саду богов Шибальбы и приносят их близнецам (с. 64). «Мгновенно разъярились все обитатели Шибальбы, а их лица побледнели из-за этих цветов» (с. 66). Цветы имеют в мифах значение молодой жизни, жизненной силы, победы над смертью. С другой стороны, недолговечность цветов означает и скоротечность земной жизни человека, но их новое появление из семян определенно указывает на возможность воскресения мертвых, на победу над смертью. Добывание цветов — это открытие энергетических центров, чакр, что и означает победу близнецов.

Цветы в мире мертвых связаны, однако, с тьмой, а не со светом, с миром мертвых, а не живых. Поэтому они растут не на земле, а в садах владык Шибальбы. Корни этих цветов находятся во тьме подземного мира. Мертвые, закопанные в землю, — это семена цветов,

проросшие в подземном царстве мертвых. Захороненные в земле умершие прорастают как цветы в противоположной реальности. Благодаря этим цветам Шибальба превращается для мертвых в родящее и цветущее лоно. *Мертвые превращаются в цветы*, а метаморфоза в мифе, как правило, связана со смертью и миром мертвых. Красный цветок мог быть заместителем жертвенной крови. Возможно, добывание цветов указывает на глубокую религиозную революцию — введение бескровной жертвы, когда богам стали приносить в жертву не плоть и кровь убитых людей и животных, а цветы — образ преображенной, одухотворенной плоти.

Во всяком случае, эта связь между цветами и кровавыми жертвами была прямой. Ритуальные войны, что вели ацтеки ради захвата пленных, которых затем приносили в жертву, назывались «цветочными». Так и здесь, вместо себя Хун-Ахпу и Шбаланке приносят в дар владыкам Шибальбы цветы. Это означает, что в противоположной Вселенной тьмы цветы — тела людей, принесенных в жертву в нашем мире. Здесь мы имеем дело с древнейшими доземледельческими культами. Посвящаемый переживает в «Доме ножей» «исчезновение плоти», которое должно смениться появлением нового, преображенного тела — как и цветок раскрывается из бутона, а затем «исчезает», чтобы превратиться в «плод», семя, зародыш новой жизни.

Дальше путь близнецов лежит в «Дом холода», «где каждый дрожал, в котором было невозможно холодно. Ледяной невыносимый ветер дул внутри» (с. 38). «Там было невозможно холодно. Дом был заполнен множеством льда; это было настоящее владение холода» (с. 66). Этот Дом соответствует стране льда Нифльхейму из германского нордического мифа. Пребывание близнецов в «Доме холода» имеет двойное значение. Во-первых, неофит должен показать, что он открыл в себе огненную энергию, обрел внутренний «жар» в такой мере, что стал не-

чувствителен к самому страшному холоду. Так Хун-Ахпу и Шбаланке смогли зажечь «огонь из сосновых сучьев, совсем старых, и заставили холод исчезнуть» (с. 66). Во-вторых, этот холод может означать, что неофит научился справляться со своим «жаром», управлять внутренним огнем и «тушить» его, чтобы избавиться от присущего ему гнева, чрезмерности, безудержности. Во всяком случае, пребывание в «Доме холода» — это встреча с холодной стороной своей души и овладение ею.

После этого Хун-Ахпу и Шбаланке вошли в «Дом ягуаров», в котором «не имелось ничего, кроме ягуаров, которые толпились, теснились друг к другу от отчаяния, рычали и щелкали зубами» (с. 38). Теперь боги Шибальбы торжествовали. Они ожидали, что «их сердца уже пожраны ягуарами. Наконец-то они побеждены! Теперь их кости переломаны» (с. 67). Собственно говоря, разрывание на части — это и есть ритуальная смерть, проглатывание чудовищем. Разрывание хищником на части, проглатывание означает полное освобождение от прежнего человеческого тела. Мучительное расчленение, которому подвергается неофит в «Доме ягуаров», представляет собой расщепление сознания, исчезновение самоконтроля и воздействие со стороны темных, разрушительных и бессознательных сил, представленных как объективные. Крайняя неопределенность существования в преисподней воплощается в хаосе форм и структур бессознательного, способном глубоко потрясти основы человеческого существования и вызвать поток страданий, сравнимых только с разрыванием тела заживо каким-нибудь хищником. Это расчленение, однако, необходимо именно для избавления от телесных, физических доминант ради достижения Самости и уровня сверхсознания. После того как испытания в «Доме ягуаров» прекращаются, душа освобождается и обретает свет.

Образ ягуара связан как с преисподней, так и с жертвоприношением. Сам по себе ягуар имеет значение

хищности, агрессивности и насилия. Он считался образом ночного солнца, пребывающего в преисподней. Однако именно ягуар становится первообразом жертвы. В его облике предстает человек, приносимый в жертву, и ягуару принадлежит роль жертвы, переносящей страдания, боль и смерть в ритуале. Это соединение боли, жертвы и смерти в образе ягуара объясняется тем, что он оказывается стражем подземного мира и, вероятно, животным, терзающим умершего в аду. Таким образом, личности жертвы и палача мистически соединяются, что приводит к новому мотиву, связанному с ритуалом инициации — добровольной жертвой[1]. В силу этой двойственной природы ягуару присущи и черты душеносца в мире мертвых. Он нес умерших по преисподней, чтобы они могли совершить ритуальное путешествие от смерти к возрождению[2].

Братья не умерли, так как смогли предложить ягуарам приемлемую замену. «И они быстро разбросали перед животными несколько костей, а те с жадностью набросились на кости» (с. 67). Так, вероятно, они смогли приручить страшных хищников. Обращает на себя внимание тот факт, что Хун-Ахпу и Шбаланке опять не стали проходить требуемые испытания, а преодолели их хитростью. Это должно показать, что в Шибальбе действует совершенно иная логика, противоположная земной и человеческой. Испытания, которые должны пройти близнецы, подчинены этой иной логике. Только если они смогут отрешиться от своего земного опыта и от сформировавшейся на его основе человеческой логики, им удастся проникнуть в законы иной, «ночной» логики бессознательного. В основе ее лежит мысль, что смерть — лишь необходимая часть возрождения и посвящения. Поэтому и препятствия, с кото-

[1] *Боде К.-Ф.* Майя: Потерянная цивилизация. М., 2008. С. 189, 191.
[2] *Овузу Х.* Символы инков, майя и ацтеков. С. 251.

рыми сталкиваются близнецы, связаны, прежде всего, с идеей расчленения, рассечения и смерти.

Следующее место испытаний — «Дом пламени». «Внутри этого дома был только бушующий огонь, но они там не сгорели, хотя там все превращалось в уголь и пепел» (с. 67). Этот Дом можно соотнести со страной огня и жара Муспелльсхейм в германском мифе. В обряде посвящения обязательной частью является обжигание, испытание огнем. Считается, что неофит — «огонь горячий», должен открыть в себе духовный огонь, который выходит наружу и обжигает самого человека. Внутренний жар — это адское пламя, животная, знойная, дикая часть души человека. Устойчивость к огню, к ожогам уже является признаком прохождения мистерии огня. Неофит становится «повелителем огня». Огонь также должен выжечь из него все прежнее, земное, профанное. Он преображает тело, освобождает душу от власти физического. Огненность означает рост сакральных сил посвящаемого.

Задания, которые даются Хун-Ахпу и Шбаланке владыками Шибальбы, выражают работу с бессознательным. Они явно невыполнимы и превосходят человеческие возможности. Герои должны выполнить работу, сам характер которой не оставляет им шанса на успех. Это означает, что когда человек вступает в контакт со своим бессознательным, то у него зачастую возникает ощущение, что его усилия безрезультатны и он не добьется успеха. Из-за этого убеждения ранее уже погибли Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. Герои поступают лучше всего — призывают на помощь силы, превосходящие силы бессознательного и берущие начало в их собственном божественном происхождении. Здесь сверхсознание близнецов побеждает бессознательность мира мертвых. Опасности, которым подвергаются Хун-Ахпу и Шбаланке во время инициационных испытаний, — это разные ступени единого акта самопознания. Самопознание —

болезненное действие, которое подразумевает рассечение и обновление не только души, но и тела.

Проходя через испытания (Дом ножей, тьма, холод и т. д.), Хун-Ахпу и Шбаланке не просто преодолевают, но и ликвидируют их. Они больше не будут угрожать умершим, чтобы умершие смогли беспрепятственно продолжить свой путь по Шибальбе. А близнецы получают после этого возможность победить владык преисподней. Хун-Ахпу и Шбаланке, проходя испытания, всякий раз побеждают свое эго, которое угрожает их существованию даже больше, чем бессознательное. Отречься от себя, от своего эго и покориться «абсолютно иному», невыносимому — и есть единственный путь спасения и победы, преодоления барьеров, которые один за другим разбиваются.

Хотя задача Хун-Ахпу и Шбаланке сложна и кажется невыполнимой, ритуалы прохождения препятствий нельзя ни прерывать, ни ускорять. Подвиги, которые приходится совершать божественным близнецам, направлены на их развитие в сторону более глубокого самосознания. Движение вперед нельзя прекратить, нельзя остановиться. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу проиграли именно потому, что остановились уже на стадии испытания в «Доме мрака». Это их погубило. Хун-Ахпу и Шбаланке должны пройти через все испытания, но в результате они освободятся от всех этих пут, как от иллюзии, и переродятся.

Проходя испытания в Домах Шибальбы, Хун-Ахпу и Шбаланке создают себе основу для нового существования. Их отец и дядя погибли потому, что оказались скованы законами материального мира (их сигары и лучина сгорели, как это и должно быть). Но Хун-Ахпу и Шбаланке не стали полагаться на материю, а всякий раз обманывали ее законы, чем и добились освобождения от нее. Старшие и младшие близнецы показывают два пути — порабощение материей и освобождение от

нее, но это выбор между гибелью и победой. На этот выбор влияет четкое понимание того, что требуется от Хун-Ахпу и Шбаланке, точное осознание цели, ясное представление о самих себе и способность найти верное решение в трудной ситуации.

Наконец, боги Шибальбы отправляют близнецов в «Дом летучих мышей». «Внутри этого дома не было ничего, кроме летучих мышей, которые пищали, кричали и летали везде и всюду» (с. 38). У народов Центральной Америки летучая мышь — образ возрождения[1]. Она живет в темной пещере, что отождествляется с могилой, царством мертвых и с материнской утробой. В обряде посвящения неофит должен войти в пещеру, встретиться с летучей мышью как с собственной Тенью, чтобы победить свои страхи. В этом Доме живет и «большое животное» — бог в виде летучей мыши по имени Камасоц (рис. 16). У него были многочисленные орудия убийства, которые «были похожи на закаленные острия. Мгновенно погибали те, кто появлялся пред лицом его» (с. 67). Хун-Ахпу и Шбаланке спрятались в свои выдувные трубки, что говорит об изменениях, произошедших с их телами. Однако, желая поскорее увидеть приход утра, Хун-Ахпу выглянул из нее. В этот момент «Камасоц мгновенно срезал его голову, и лишено было головы тело Хун-Ахпу» (с. 68). Так героя все-таки настигает смерть в Шибальбе, чего и добивались ее владыки.

В обрядах посвящения одним из центральных действующих лиц часто оказывается неких дух, убивающий неофита, проглатывающий его, но затем изрыгающий обновленным и преображенным. Это животное несет в себе идею мистической смерти, которую переживает неофит в ритуале посвящения. Посвящаемый должен пережить страх и смерть, чтобы встретить свое истинное Я, отказаться от прежней профанной сущности и возродиться

[1] *Овузу Х.* Символы индейцев Северной Америки. С. 257.

Рис. 16. Камасоц, летучая мышь-убийца (фрагмент вазы, поздний классический период, Гватемала, департамент Альта-Верапас)

новым человеком, свободным от страхов. Это чудовище оказывается на самом деле тотемом-первопредком, а ритуальное проглатывание подростка необходимо, чтобы он уподобился этому духу-животному и обрел полноту посвящения. Выступая в роли инфернального духа, злого вампира, летучая мышь Камасоц несет в себе функцию «последнего испытания» — смертельно опасного, но и обновляющего.

Это лишь очередное испытание, в котором неофит внешне терпит поражение, но внутренне обретает силу для дальнейшей победы и славы. Победа Камасоца означает, что Хун-Ахпу оказался на какой-то момент во власти собственного бессознательного — темного, инфернального и разрушительного. Поэтому он поторопился, не подумал о последствиях и поднял голову

слишком рано. За это он и наказан (не задирай голову выше своего уровня). Однако для неофита это не финал, а лишь этап его героической биографии. Камасоц даже должен был победить его, чтобы герой встретился лицом к лицу с содержанием собственного бессознательного, вошел в него и героически преодолел.

Ритуальная смерть в обряде посвящения полностью совпадает со смертью Хун-Ахпу в мире мертвых. Она означает изменение экзистенциального состояния, прерывание действа и выход на совершенно иной план бытия. Испытание в Шибальбе означало для Хун-Ахпу и Шбаланке выход к границе жизни и смерти, переход через нее и трансмутацию последовательно во всех элементах. Это прохождение героическое, активное. Оно состоит не из чувственных переживаний и духовных видений, как в египетских и античных мистериях[1], а из действий по преодолению препятствий. Стоит заметить, что шесть Домов Шибальбы, через которые должны пройти Хун-Ахпу и Шбаланке, соответствуют шести областям «мира пещер» египетской преисподней, через которые должно пройти ночное солнце[2].

Боги мертвых подвергают близнецов суровым испытаниям, пыткам и даже смерти. Страдания, вызываемые обрядовыми пытками, имеют особую ритуальную ценность. Сверхъестественные существа, боги мертвых подвергают Хун-Ахпу и Шбаланке пыткам и убивают одного из них не потому, что они злые и ненавидят героев (это было бы слишком просто), а потому, что знают настоящую цель и ценность страданий — духовное пробуждение, вхождение в сакральное бытие. Пытки, испытания и смерть имеют позитивное, а не негативное значение. Пытки означают мистическую смерть, только поэтому темные владыки

[1] *Спенс Л.* Таинства Египта: Обряды, традиции, ритуалы. М., 2007. С. 154–155.

[2] *Меекс Д., Фавар-Меекс К.* Повседневная жизнь египетских богов. М., 2008. С. 211.

желают смерти Хун-Ахпу и Шбаланке. Но за смертью следует возрождение для более высокого существования. Здесь открывается позитивная сторона навязчивого желания богов Шибальбы убить близнецов — стремление провести их через процесс духовного преобразования, совершить ритуал посвящения. Без этой смерти Хун-Ахпу и Шбаланке никогда не стали бы богами.

В реальности Шибальбы божественные близнецы проиграли, а темные владыки выиграли. Поэтому Шбаланке горюет: «Несчастные мы! Мы совершенно уничтожены!» (с. 68). Повелители преисподней приказывают повесить голову Хун-Ахпу «на стене площадки для игры в мяч» (с. 68). На этой стадии Хун-Ахпу повторяет судьбу отца. Отсечение головы в «Пополь-Вух» происходит дважды. Первый раз — у Хун-Хун-Ахпу, второй — у его сына Хун-Ахпу. Отсечение головы у первого приводит к смерти героя, а отсечение головы у второго должно привести к возрождению. В обоих случаях голова оказывается носителем жизненной силы. Голова предстает в качестве вместилища разума и особого духовного света. В этом смысле она отчасти независима от остального человеческого тела, в котором существует только душа. Ритуальное обезглавливание как раз свидетельствует об осознании человеком самостоятельности головы (культ гигантских голов у ольмеков) и независимости находящегося в ней духовного и жизненного элемента.

По этой причине, хотя тело Хун-Хун-Ахпу умирает, голова его остается живой и передает жизненное начало деве Шкик. Так отсечение головы и смерть приводят к рождению и вторичному отсечению головы уже у сына. Шбаланке при поддержке магии Хуракана, специально спустившегося в Шибальбу (с. 69), изготавливает из черепахи «подобие головы Хун-Ахпу», причем лицо «вышло прекрасным: поистине привлекательно выглядел его рот, и он мог даже по-настоящему говорить» (с. 69). Отсечение головы у Хун-Ахпу не приводит к

смерти героя. Его тело остается живым, движется. Он даже играет с богами Шибальбы в мяч (с. 70). Проблема возникает только с тем, как вернуть настоящую голову героя на место.

В этом близнецам помогает кролик. Когда владыки Шибальбы бросили мяч, он стал быстро отскакивать от стен и беспорядочно носиться по полю. В этот момент кролик выскочил из своего укрытия и побежал в сторону. Владыки преисподней решили, что это мяч и последовали за ним. Когда же они отбежали, Шбаланке завладел настоящей головой брата и установил ее на место. Так «Хун-Ахпу получил обратно свою настоящую голову. И тогда оба (юноши) были очень счастливы» (с. 70). Владыки Шибальбы снова проиграли и были побеждены близнецами. Возвращение головы Хун-Ахпу приводит к возрождению, очищению мыслей, просветлению и посвящению. Об этом в «Пополь-Вух» говорится так: «Эти (двое) перенесли великие трудности, но они не умерли, несмотря на все свершенное над ними» (с. 70). Эти слова явно указывают на смерть и возрождение в ритуале посвящения. Отсечение головы ведет к смерти и возрождению. Именно это отсечение головы и приводит в действие жизненные силы и энергию посвящения и возрождения. Также в «Египетской книге мертвых» есть «Глава о том, как человеку избежать отсечения головы в загробном мире» (XLIII). Осирис говорит о себе: «Я Огонь, сын Огня, который получил свою голову назад после того, как она была отрублена»[1]. Голова Осириса не была унесена, он сам собрал себя по частям и восстановил целостность своего тела. Инициация же в «Пополь-Вух» определенно основана на удвоении ведущего мотива — рождение близнецов, путешествие в Шибальбу, игра в мяч, отсечение головы, возрождение.

[1] El libro de los muertos. Barcelona, 1979. P. 79.

Особое место в этой истории занимает кролик. Он замещает в игре не только мяч, но и голову Хун-Ахпу. Кролик считался одним из воплощений богини луны девы Шкик. Поэтому он помогает героям. Однако договаривается с животным Шбаланке, которому предстоит стать луной. Таким образом, устанавливается прямая связь Шбаланке — луны с лунным животным кроликом, воплощением богини луны Шкик, матери близнецов. Не случайно, что Шбаланке и Шкик в качестве богов луны часто воспринимались как единое божество[1]. Сын и мать оказываются здесь мистически тождественны.

Хорошо видно, что все тяжелые испытания, которым подвергли близнецов владыки Шибальбы, направлены только на то, чтобы те не победили в игре в мяч. Игра в мяч в тексте «Пополь-Вух» превращается в навязчивый образ, а стремление богов преисподней обязательно выиграть обретает параноидные формы. Первоначально Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу целый день играют в мяч и своим шумом беспокоят владык, за что их и убивают. Затем в мяч начинают играть Хун-Ахпу и Шбаланке, и их также заманивают в Шибальбу, чтобы расправиться. Однако они успешно проходят все испытания и выигрывают партию в мяч. Только после отсечения головы Хун-Ахпу у богов мертвых появляется шанс на победу. Однако их план срывается из-за кролика.

Эти сцены раскрывают ритуальный смысл игры в мяч: капитан проигравшей команды приносился в жертву богу солнца, ему отрубали голову, повторяя этим мифологическое событие. В подлинном смысле игра в мяч рассматривалась майя как космическая драма возрождения солнца. Округлая форма мяча и его полеты соотносились с формой и движением солнца. Взлетая и падая во время игры, мяч воспроизводил солнечный цикл

[1] *Овузу Х.* Символы инков, майя и ацтеков. С. 137.

и наглядно отображал превращение ночного солнца в дневное и обратно. Кольцо, в которое мяч нужно было загнать, чтобы выиграть, обозначало один из ключевых дней солнечного календаря — равноденствие или солнцестояние. Бог света подбрасывает мяч-солнце, и светило достигает высшей точки летнего солнцестояния. Бог света роняет мяч на землю, и солнце достигает осеннего равноденствия, когда на Полюсе светило погружается за линию горизонта. Затем божество сходит за мячом в подземный мир, где его подвергают испытаниям и ритуальной смерти (зимнее солнцестояние, «мертвое» солнце). Игроки «правой» или «южной» стороны изображали богов мертвых. Так владыки Шибальбы, играющие солнечным мячом, представляют самые глубины бессознательного, где собрано все отвергнутое, потерянное, забытое, все неизвестное, несформировавшееся. Капитаном «левых» был молодой солнечный бог. Это свет Истины и сияние сверхсознания. Возрожденный в финале инициации, бог снова завладевает мячом, подбрасывает его и начинает новый годичный цикл (весеннее равноденствие). Победив в игре, солнце торжествует. Таков ритуальный смысл игры.

Боги мертвых играют в мяч. Для них цель игры — выбрать жертву, принести проигравших в жертву богам мертвых. При помощи случая, игры выбирается жертва, которая снимает страх смерти, удовлетворяет насилие со стороны богов мертвых. Чтобы преодолеть угрозу пагубного насилия со стороны богов мертвых, при помощи игры-жертвы совершается упорядоченное насилие. Жертву указывает игра, соединяющая в себе случай и предопределение. Случай в игре утверждается как священное, как проявление надчеловеческой судьбы.

Сама игра, как отмечает К.-Ф. Боде, обозначает «переход от смерти к жизни, от тьмы к свету, от бесплодия к плодородию, триумф сил жизни, представленных царем, над силами смерти, воплощенными "мертвым"

господином»[1]. Мяч считался настолько сакральным объектом, что до него запрещено было дотрагиваться ладонями, а отбивали локтями или бедрами. Игра в мяч у майя не была спортивным соревнованием, а исключительно религиозным и ритуальным действом, входившим составной частью в культ солнца и обряд посвящения. Игра в мяч, как известно, определяла всю религиозную жизнь и культовую практику тольтеков, майя и ранее — ольмеков. В «Пополь-Вух» голова Хун-Ахпу, мяч и солнце метафизически едины, мистически отождествляются.

Хун-Ахпу и Шбаланке пришли в Шибальбу как герои-освободители. Однако для того, чтобы стать освободителем, герой должен принести себя в жертву, умереть. Поэтому после истории об игре в мяч следует «сообщение о том, как умерли Хун-Ахпу и Шбаланке», рассказ «об их смерти» (с. 70). Без жертвы нет спасения, без подвига нет освобождения, без смерти нет воскресения и обожения. Когда Камасоц отсек голову Хун-Ахпу, это произошло вне воли и осознанного выбора героя. Это было лишь одно из испытаний, и сам герой не умер, а смог играть с темными владыками в мяч. Теперь он должен осознанно пожертвовать своей жизнью ради достижения высшей цели — преодолеть себя как человека и обожиться. Братья сами хотят, чтобы владыки Шибальбы принесли их в жертву. Героям известно, что они не умрут («...но истина то, что мы не умрем» — с. 71), хотя правители Шибальбы и будут пытаться убить их. Тогда, чтобы достичь высшего итога посвящения (полного преображения), Хун-Ахпу и Шбаланке сами «пригнулись к земле и прыгнули в подземную печь», добровольно принося себя в жертву (с. 72). Этот «прыжок веры» в огненную печь соответствует собственной героической огненной энергии близнецов.

[1] *Боде К.-Ф.* Указ. соч. С. 204.

Заранее Хун-Ахпу и Шбаланке оговаривают способ захоронения их останков. Они не хотят, чтобы их кости были выброшены в пропасть или повешены на верхушках деревьев. Они просят, чтобы их останки измельчили и истерли на плоском камне в муку, которую следует бросить в реку, чтобы их останки «были рассеяны среди малых гор и больших гор» (с. 71). Так и поступают владыки Шибальбы, не понимая, что близнецы хотят слиться с природой, чтобы получить от нее силы для возрождения.

Характерно, что в этом перечне нет ни слова о простом захоронении костей в земле. Как известно, у майя тела обычных людей хоронили под полом их собственных домов. Тела представителей знати сжигали и над урнами с прахом возводили склепы. На ранних этапах культуры майя тела погребали в гробницах под пирамидами. Существовал и обычай мумифицировать головы правителей, которые «кормили»[1]. Кремация, подвешивание костей и особенно мумификация — весьма сложные способы захоронения по сравнению с обычным закапыванием тела. Можно предположить, что подобные похоронные ритуалы сложились там, где захоронение в земле было по каким-то причинам затруднено, так что от усопшего либо избавлялись радикальным способом (кремация), либо сохраняли (мумификация). Такие сложности с рытьем могилы могли возникнуть в период долгой холодной полярной ночи, когда вместе с тьмой наступала зима и почва промерзала настолько, что хоронить в земле можно было только под полом дома.

Кремация, распространенная у индоевропейских народов, была прямо связана с небесным культом единого бога-отца. В то же время захоронение в земле у малоазиатских народов указывает на существование культа

[1] *Ко М.* Майя. Исчезнувшая цивилизация: легенды и факты. М., 2000. С. 14.

богини-матери. Сжигая труп, арии отправляли своего умершего предка на небо для соединения с божественным Отцом. Захоронение в земле означало соединение с Матерью и возвращение в материнское лоно. У всех народов, сохранивших обычай не закапывать тело усопшего в землю, а сжигать или мумифицировать, таким образом передается память о проживании в арктических регионах. В «Пополь-Вух» содержатся многочисленные намеки на эти области[1]. Так, во время подготовки к игре Шбаланке заметил, что «уже наступила заря, и начал багроветь край неба» (с. 69). Поскольку герой еще не успел сделать из черепахи голову своему брату, то он попросил коршуна «сделать его снова темным». «Старец» согласился сделать это, «и мгновенно он затемнил (небо)» (с. 69). Это «отступление зари», появление зари без восхода солнца совершенно невозможно в средней полосе или в тропиках. Однако такой феномен наблюдается в арктическом регионе с приближением дня весеннего равноденствия. Солнце только приближается к горизонту, но еще несколько дней не показывается из-за не́го, а, напротив, вновь отступает во тьму. В таком регионе, судя по всему, жили создатели «Пополь-Вух» и сохранили в похоронных ритуалах воспоминание о нем. При жизни человек приобщается к этой памяти поколений в обряде посвящения. Путь посвящения ведет Хун-Ахпу через огненную могилу к Полюсу, через север — к солнцу, к героическому огненному преображению.

Инициационные испытания, которые проходят Хун-Ахпу и Шбаланке, предстают перед нами вовсе не как «жизненные испытания», а как обряды. Именно обрядовый характер превращает испытания в инициационные. Их цель — выяснить, обладает ли испытуемый требуемыми качествами. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу таки-

[1] *Телегин С. М.* Словарь мифологических терминов. М., 2004. С. 66–99.

ми качествами не обладали и потерпели поражение. Но Хун-Ахпу и Шбаланке наделены совсем иной природой. Страдания, которым их подвергают, должны пробудить в них скрытые возможности. Раскрытие особых качеств и способностей испытуемого зависит от *эффективности* обряда. Сами испытания включают мотивы путешествия, выбора, поиска, очищения, решения сложной загадки, выполнения сложного задания. Благодаря им существо приводится в состояние изначальной недифференцированной простоты, что позволяет определить его движение по восходящей от тьмы к свету. Это и предстает как озарение, созерцание света, преобразование светом. Испытания, которые проходят близнецы (в Домах или на игровом поле), оказываются предварительными. Они лишь подготавливают героев к собственно инициации — смерти и воскресению. Эта инициация становится *кульминацией и завершением* испытаний.

Нельзя пережить преображение, пока не познаешь смерть. Хун-Ахпу и Шбаланке прыгают в огненную яму и сгорают. Огненная яма — мистический образ, несущий в себе значение эмоционального взрыва человека, переполненного «жгучими» страстями. Бессознательное — источник энергии. Яма огня — образ творческого и преображающего бессознательного. В огне бессознательного герой обретает силу и превращается в бога. Хун-Ахпу и Шбаланке сгорают, переполненные эмоциональной энергией, освободившейся в процессе инициации. Их следующая задача — преодоление этих эмоций и возрождение. Смерть близнецов в яме означает не окончание, а трансформацию.

Близнецы сначала попадают в огненную яму, а затем их кости бросают в реку (с. 72). Первый раз их смерть наступает от огня, а затем от воды. Однако они не умерли, а претерпели превращение. Огонь сжег их тела и оставил лишь кости, но Хун-Ахпу и Шбаланке настолько противоположны реальности Шибальбы, что

не умерли. Их перемолотые кости, брошенные в воду, сыграли роль семян, которые вновь превратились в близнецов. «Но кости не удалились далеко; они тотчас опустились на речное дно и превратились снова в прекрасных юношей» (с. 72). Как земля вышла из воды, поскольку она несла семя земли, так и близнецы вышли из воды возрожденными. Огонь преобразил их тела, выжег все смертное, а вода очистила и породила заново их тела в прежнем виде: «И когда они появились опять, у них были те же самые лица и облик» (с. 72). Огонь и воду близнецы воспринимают не как губительные стихии, а как преобразующие энергии в акте алхимической трансмутации и в ритуале посвящения.

То, что Хун-Ахпу и Шбаланке добровольно прыгнули в яму и знали о смерти и последующем возрождении, говорит, что переход в иную реальность, в высший план бытия возможен лишь при тотальном и *добровольном* отказе от всех связей с прошлой реальностью. Это понимание подразумевает полное избавление от прежней жизни, от тел, очищение и возрождение. Такая смерть позволяет преодолеть (сжечь) земное, человеческое, а возрождение (в воде) обозначает вхождение в сакральное, в сверхчеловеческое существование. Огненная яма — это энергетический туннель, который связывает разные уровни реальности и по которому можно переноситься в противоположные миры.

А. Морэ замечает, что у многих народов «распространена магическая практика *инициирования мертвых*, которые после этого возрождаются к новой жизни»[1]. Это означает, что покойный должен вторично умереть в мире мертвых, чтобы ожить в противоположной реальности — в мире живых. Мертвые в той реальности становятся живыми в противоположной. Смерть Хун-Ахпу и Шбаланке не мнима, она вполне реальна. Они на самом деле

[1] *Морэ А.* Египетские мистерии. М., 2009. С. 64.

бросаются в огонь и сгорают в реальности Шибальбы. Эта смерть даже выше обычной телесной человеческой смерти, так как выводит близнецов на новый уровень бытия. Это смерть по отношению к предшествующему профанному состоянию и рождение в новом качестве — сакральном. «Второе рождение» близнецов уже как богов подразумевает необходимость реальной, подлинной, а не мнимой и не символической смерти в них всего материального и земного. Самое радикальное решение этой проблемы — огненное преображение. Эта смерть представляет собой разрыв в бытии. Именно разрыв в бытии и оказывается огненной ямой — «местом», где профанное исчезает и возникает новое сакральное, а человеческое преодолевается и рождается сверхчеловеческое.

Нельзя убегать от испытаний или избегать препятствий, потому что в таком случае страдания будут вновь и вновь возвращаться к человеку. Боги мертвых могут разрывать умершего на части, отсекать части тела, сжигать и топить, но его тело будет восстанавливаться вновь и вновь. Дело в том, что это тело — духовное. Оно не может умереть и ему нельзя причинить вред. Если умерший поймет, что все эти пытки — лишь иллюзия, а боги мертвых — его собственные видения и порождения его страхов, то он сможет победить и пройдет последнее испытание. Для этого Хун-Ахпу и Шбаланке сами, по своей воле, должны совершить с собой все то, что с ними желают сделать владыки Шибальбы. Таким добровольным поступком близнецы очень удивляют темных владык, которые, однако, ничего не понимают и наивно радуются, что смогли избавиться от надоевших и опасных посетителей (с. 72). Пройдя через все испытания, Хун-Ахпу и Шбаланке обретают возможность полного телесного очищения. Муки преодоления, вызванные испытаниями и препятствиями, являются на самом деле муками духовного роста. По мере прохождения препятствий (от «Дома мрака» до

огненной ямы — от тьмы к свету) душа близнецов растет и распространяется, подобно тому, как на земле в доме бабушки растет и увеличивается оставленное ими растение — их двойник.

Сначала, сообщает «Пополь-Вух», у тростника появились побеги, «и они зазеленели, но затем засохли» (с. 78). Это событие соответствует тому моменту, когда Камасоц отрубил Хун-Ахпу голову. Бабушка даже «зажгла огонь и сожигала благовония перед тростниками в память своих внучат». Однако, «когда (братья) бросились в подземную печь, (тростники) зазеленели снова», что означает следующий этап — огненное преображение и возрождение. «И сердце бабушки исполнилось радости, когда тростники зазеленели вторично» (с. 78). Вновь зазеленевшие сухие ростки тростника указывают на божественное расположение и надежду на победу жизни над смертью. Бабушка назвала их «Центром дома» и «оказывала им почести, как богам» (с. 78). Это обожествление «зеленых тростников» совпадает с божественным превращением и возрастанием души самих юношей.

«Расширение» души приводит и к увеличению способностей божественных близнецов. Появившись снова «в воде», Хун-Ахпу и Шбаланке «имели вид людей-рыб», причем владыки Шибальбы охотились на них «по всей реке» (с. 73). В мифах многих народов мира божественные предки или просветители являются из воды в облике людей-рыб (Вишну, Оаннес, Дагон, Номмо, Виракоча и др.)[1]. Рыбы связаны с начальными этапами творения. Они выходят из воды-праматери, создательницы жизни. Обитая в воде, рыба олицетворяет собой мысль, скрытую в бессознательном. В то же время она наделена значением «проникающего движения», то есть активной и преобразующей силой. От стихии воды рыба также получает значение перерождения и очи-

[1] *Temple R.* El misterio de Sirio. Barcelona, 1982. P. 219–230.

щения[1]. Человек-рыба способен свободно пребывать в двух мирах — водном и земном. Он легко переходит из одного пространства в другое. Эта двойственность человека-рыбы означает высшую стадию посвящения, при которой он может существовать на материальном и духовном плане. При этом человеческое тело позволяет ему свободно ориентироваться в материальном мире, а рыбье тело и хвост необходимы для существования в духовном, водно-астральном пространстве.

Близнецы, явившиеся в образе двух рыб, могут быть соотнесены с созвездием Рыб. Поскольку в виде рыб близнецы оказываются в глубине вод в подземной Шибальбе, то это позволяет связать два созвездия — Рыб и Близнецов. Действительно, в ту эпоху, когда весеннее равноденствие приходилось на созвездие Близнецов, созвездие Рыб указывало на зимнее солнцестояние. Пребывание солнца (Хун-Ахпу) в образе рыбы в подземной и темной Шибальбе прямо указывает на зимнее солнцестояние в созвездии Рыб. Двойной знак этого созвездия несет значение инволюции (гибель богов в огненной яме) и начала нового цикла (возрождение братьев). В точке зимнего солнцестояния герой (Вишну) приходит в образе рыбы, из которого он воскресает в виде солнца.

Облик Хун-Ахпу и Шбаланке может меняться. Они появляются «как два бедняка с очень старыми лицами, жалким видом и в лохмотьях; ничего привлекательного не было в их наружности» (с. 73). Это превращение указывает на принадлежность близнецов к противоположной реальности. Являясь на самом деле прекрасными юношами и богами, «всеми обитателями Шибальбы» они могут быть увидены только в таком убогом образе (с. 73). Близнецы получают способность превращаться потому, что они не просто люди, а боги. Они остаются

[1] *Керлот Х. Э.* Указ. соч. С. 444–445.

неузнанными, так как их нумен оказывается мощнее, чем нумен темных владык.

Также близнецы «исполняли танец ночной ласточки, двуутробки, танец броненосца, а в особенности танцевали "сороконожку" и танец на ходулях» (с. 73). При помощи танца неофит впадает в транс. Этот транс означает, что человек умер для повседневной реальности и одержим духом животного. Умерший, проходивший испытания в преисподней, должен был принимать облик разных животных. При помощи «танца животных» он возрождается в образе этого животного, то есть постепенно проходит через животные уровни, состояния и формы к человеческим. Это было этапами очищения души от животного, метаморфозой восхождения от низших ступеней к высшим, преодолением природного. Для этого необходимо повторение состояний, предшествующих человеческому уровню, которые и должны быть пройдены в метаморфозе. Полное исчерпание низших состояний должно произойти раньше, чем обретение и раскрытие высших. Этот эпизод в «Пополь-Вух» удивительно похож на описание метаморфозы души умершего в «Египетской книге мертвых», где также происходит ряд превращений в животных и птиц[1].

Хун-Ахпу и Шбаланке превращаются в животных, что означает переход на уровень бессознательной инстинктивности. Превращение — это проявление животных качеств и победа над ними. В подобной трансформации важно то, что животное слито со всем миром, с природой. Животные живут в мире инстинктов, их влечение — движение самой природы, так как они живут по законам природы. Превращаясь в животных, братья вступают в мистическое сопричастие со всем космосом, берут от него силу для возрождения. Пребывая в экстазе танца, Хун-Ахпу и Шбаланке ощущают это единство с

[1] El libro de los muertos. P. 124–144.

миром. Именно экстатические ритуалы способствовали установлению инстинктивной связи и слиянию с космосом. В силу этого животные наделены силой и знанием, превосходящими человеческие, хотя и не подозревают об этом. Они отражают этапы внутреннего роста человека и обретения цельности.

Превращение человека в животное означает исчезновение сознательного и усиление инстинктивного. Это вообще характерно для того, кто умер, не живет. Мертвый не живет сознанием, у него нет человеческого разума. Поэтому в мифах мертвые переживают превращение в животных. Обратное превращение в человека означает возвращение жизни и сознания. Обновление и цельность достигаются благодаря такой метаморфозе. Временное погружение в бессознательное, временная регрессия необходима для освобождения человека от порабощения Эго. Оно может быть полезно и становится необходимым этапом в процессе превращения человеческого в сверхчеловеческое. Этим опыт близнецов отличается от истории с деревянными людьми. Близнецы пережили временную метаморфозу в животных, чтобы пройти обряд посвящения, ритуальной смерти и возрождения. Деревянные люди превратились в животных при жизни и навсегда, забыв о богах и не имея представления о возможности духовного возрождения.

Близнецы исполняют перед владыками Шибальбы комический танец. Они предстают перед ними как «бедняки-танцовщики» и исполняют по приказу владык свои «шутки» (с. 74). Суть в том, что клоун, шут, «дурак» — это антагонист тирании, самовозвеличивания власти. В основе поступков шута лежит героическое поведение, протест против сложившегося порядка. В его смелых словах или жестах, вызывающих у правителей смех, скрывается неуважение к власти, стремление подорвать ее авторитет, желание перемен. Ослепление власти заключается в том, что, становясь объектом насмешек,

ее представители сохраняют иллюзию превосходства и стабильности своего положения. Высмеивая власть, шут наносит ей на самом деле *последний смертельный удар.* Владыки же, вместо того, чтобы заподозрить неладное, сами «веселились; они даже танцевали сами (от восторга), и это доставляло им много удовольствия» (с. 75). Это прекрасный пример самоослепления власти, какое было и у Вукуб-Какиша.

Хун-Ахпу и Шбаланке также совершают в Шибальбе многочисленные чудеса. Например, «они умышленно разрезали друг друга на куски; они убили друг друга». Первый давал себя убить, но в то же мгновение второй «возвращал его к жизни» (с. 73). Так, Шбаланке убил Хун-Ахпу, разрубил его на части и разбросал их во все стороны. Но затем мгновенно оживил его. (с. 76). Своими чудесами и метаморфозами близнецы показывают, что для посвященных в таинства смерти смерть уже не существует, она побеждена ими. В этом умении уже был залог их «победы над обитателями Шибальбы» (с. 73). В конечном итоге обманом Хун-Ахпу и Шбаланке вовлекают темных владык в свои фокусы. Боги Шибальбы просят близнецов проделать с ними то же самое — принести их в жертву, разрезать на куски «одного за другим» (с. 76). Но Хун-Ахпу и Шбаланке обманули правителей преисподней. «В одно мгновение был убит главный владыка, и они не вернули его снова к жизни» (с. 76). Та же судьба постигла и других обитателей, владык Шибальбы, их сыновей и подданных. «Вот таким образом было сокрушено владычество Шибальбы» (с. 77).

Близнецы обманывают темных владык, обещают воскресить, но не делают этого. *Истина устанавливается благодаря обману* — парадокс героического мифа. Обман предстает как осмысленное, героическое поведение, направленное на торжество судьбы и победу над тьмой. Сознание обманывает бессознательное, чтобы лишить его власти. Поскольку власть владык Шибальбы — об-

ман, то она и держится на обмане, на утверждении авторитета минувшего, на власти первозданного хаоса, который уже ушел. Поэтому и лишить темных владык этой власти можно не напрямую, а в обход — через обман. Благодаря обману разрушается ложный авторитет всего, что застыло в статичном состоянии. Обман позволяет положить конец эгоистичным иллюзиям владык Шибальбы и путам стабилизации, открывая возможность для изменения, обновления и творчества.

После победы Хун-Ахпу и Шбаланке объявляют поверженным владыкам свои собственные имена и объясняют причины своего поступка — месть за Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. Месть за убитого отца — распространенный мифологический мотив. Так и Гор мстит Сету за убитого Осириса. Божественные близнецы в «Пополь-Вух» настроены очень решительно: «Поэтому мы положим конец всем вам, мы умертвим вас, и ни один из вас не сможет ускользнуть», — обещают они обитателям Шибальбы (с. 77). Не существует такого бога, который не мог бы умереть. Но *есть боги, которые даже и должны умереть.*

Сценарий посвящения в преисподней имеет драматический характер. Боги мертвых, «древние боги» противоположной реальности, убивают героев-близнецов, которые затем возрождаются к новой жизни в ином качестве. Затем близнецы убивают «старых богов» Шибальбы с тем, чтобы утвердить свою божественность. Стоит заметить, что близнецы стали богами только потому, что боги Шибальбы убили их. Но, став богами, близнецы мстят владыкам Шибальбы за это убийство, и сами убивают их. Это двойное убийство становится главным таинством, которое и ложится в основу ритуала посвящения. Богом можно стать, только пережив смерть от рук сверхъестественного существа, «древнего бога», воскреснув и убив этого бога, принеся его в жертву.

Ритуальная смерть героя оказывается причиной последующей смерти владык Шибальбы, а их смерть — месть за смерть близнецов, которые сами тут же становятся новыми, молодыми богами. Речь идет о смене «старых богов» «новыми», о замене сакральности мира мертвых сакральностью мира живых. Это космогонический процесс упразднения последних остатков первобытного хаоса, который и сохранился только в Шибальбе, и замена его новым, солнечным порядком. Отсюда — приговор близнецов: «Поскольку ни ваша великая мощь, ни ваше племя более не существует и поскольку вы не заслуживаете пощады, то вы займете низкое положение, не будут вам оказывать больше почестей» (с. 77). Так боги мира мертвых утрачивают свой авторитет. *Боги мертвых больше не нужны, раз явились новые, живые боги.*

Бунт Хун-Ахпу и Шбаланке против богов Шибальбы и победа над ними — это героическое преодоление страха перед богами и отказ от преклонения перед богом как перед господином. Если боги побеждены, то человек больше не раб пред ними, а они — не господа. У близнецов отсутствует страх перед богами преисподней, поскольку они не считают себя (и не являются) творениями этих богов. Напротив, само их существование (рождение от девы Шкик) — это бунт против воли богов Шибальбы. Преодоление страха перед богами мертвых влечет за собой и отсутствие страха перед самой смертью. В «Пополь-Вух» Хун-Ахпу и Шбаланке не боятся путешествия в преисподнюю. Они смело проникают в мир мертвых, чтобы победить его богов, снять страх перед смертью у всех будущих поколений людей. Победа над богами мертвых и над страхом смерти влечет за собой и преодоление понимания бога как господина, а человека — как смиренного раба.

Хун-Ахпу и Шбаланке не просто бунтуют против власти богов Шибальбы, но свергают их с престолов, лишают их власти и статуса господ. Люди больше не рабы

пред богами смерти, поскольку смерть больше не властна над людьми, прошедшими испытание и посвящение. Поэтому, как говорят близнецы, «порождения света, сыновья света не будут иметь общения с вами, и они будут избегать вашего присутствия» (с. 77—78). Отказ от рабского состояния — вот урок, извлекаемый человеком из восстания близнецов против владык Шибальбы. Комплекс раба сменяется здесь идеей равенства и родства, поскольку Хун-Ахпу и Шбаланке — родственники богов преисподней и сами становятся богами. Религиозность, как она показана в «Пополь-Вух», не связана ни с рабским преклонением перед богами мертвых, ни со страхом смерти, ни с раскаянием или смирением. Она показывает нам героя в состоянии самопреодоления, стоящего посреди хаоса судьбы и спокойно осознающего трагизм собственной жизни. *Бесстрашие и умение бросить вызов судьбе* — вот черты характера Хун-Ахпу и Шбаланке.

Нет сомнений, что сражение между близнецами и богами Шибальбы воплощает особое миросозерцание, по которому *жизнь является вечной битвой* между метафизическими силами — небесного света и порядка, с одной стороны, и темными, инфернальными силами хаоса и материи, с другой. Эта борьба ведется человеком не только во внешнем плане (с врагами), но и во внутреннем (с самим собой). Внешняя война виделась всего лишь как отражение истинной внутренней битвы. Боги Шибальбы во внешнем плане отражают темные силы и энергии в душах самих людей, которые те должны победить и упорядочить, чтобы преодолеть себя и утвердиться как «сыновья света». Поэтому и говорится, что «страшные лица» темных владык «вызывали у людей ужас и отвращение» (с. 78). Это ужас и отвращение перед собственной темной стороной. Владыки Шибальбы были «черные и белые в одно и то же время» (с. 78) — точное описание двойственности души самого человека.

Божественные близнецы вносят в космос понятие войны. До рождения Хун-Ахпу и Шбаланке войны не существовало. Ни глиняные, ни деревянные люди не воевали ни сами с собой, ни с богами, ни с антибогом Вукуб-Какишем. Восстание животных и вещей против деревянных людей — революция, а не война. Причем она произошла одновременно с войной близнецов против Вукуб-Какиша и его сыновей и, возможно, была спровоцирована ею. С другой стороны, Хун-Ахпу и Шбаланке непрерывно воюют со всеми — с братьями, с Вукуб-Какишем и его детьми, с богами Шибальбы. Благодаря их деятельности нам открывается, что мир следует понимать как борьбу, как космическую войну. Эпоха близнецов ввергнута в войну. Они смело ввязываются в конфликты с миром «старших» и с антимиром, и война оказывается основой их божественного самоутверждения. Без борьбы и победы над богами Шибальбы не было бы ни прославления героев, ни их обожения. *Война определяет степень обожествления героев.* Она становится не просто неизбежна, но и необходима, чтобы в ее итоге на небе появились солнце и луна.

Когда Хун-Ахпу и Шбаланке вступают в битву с владыками Шибальбы, то одной из главных причин является пресловутый «вопрос о власти». Владыки олицетворяют власть прошлого, но сменившие их близнецы смело устанавливают власть будущего. Победа Хун-Ахпу и Шбаланке подтверждает верховенство принципов будущего над прошлым и динамизма космоса над неупорядоченностью хаоса. Сохранение прошлого меняется на сотворение будущего. «Вот каким образом они потеряли свое величие и свой блеск; так произошло падение их владычества» (с. 78). Однако «прошлое» не исчезает вовсе, оно сохраняется, просто положение у темных владык «теперь низкое» (с. 78). Боги мертвых не убиты, а лишены власти, и «прошлое» скрывается в будущем, передавая ему свою энергию. То, что боги Шибальбы (за

исключением самых главных) остаются в живых, означает, что Хун-Ахпу и Шбаланке сражались не ради победы над ними, а ради своего собственного возрождения, которое и невозможно без их сохранения. Так сознание невозможно без питающей силы бессознательного, хотя оно и должно быть заключено в определенные строгие границы (*побеждено, но не уничтожено*).

В победе Хун-Ахпу и Шбаланке над богами Шибальбы Л. Спенс видит широко распространенный мотив «разорения преисподней», направленный на преодоление страха смерти. Победа над владыками Шибальбы прямо указывает на выход героев за пределы мира смерти. Она должна была придать умирающему смелости и даровать простому человеку «уверенность в бессмертии»[1]. Хун-Ахпу победил могущество преисподней и воскрес как Победитель. Это должен пережить на собственном опыте каждый умирающий человек. Все поступки владык Шибальбы являются следствием их высокомерия, хотя они даже и тогда «не принадлежали к разряду богов» (с. 78). Они не уважают своих врагов — смеются и над старшими близнецами, и над младшими. Это высокомерие ослепляет их и становится причиной их поражения. Ставя себя слишком высоко, они проигрывают, что означает переоценку ценности Эго. Самонадеянность и пренебрежение по отношению к врагу превращает их в жертву, обрекает на катастрофу.

Победа Хун-Ахпу и Шбаланке знаменует завершение противостояния небесного и подземного миров и установление нового, гармоничного порядка. Установление состояния равновесия небесных, земных и подземных сил приводит к гармонизации космоса, при котором и оказывается возможным явление солнца. Вся деятельность близнецов целиком и на любом этапе (битва с титанами, со старшими братьями и с темными влады-

[1] *Спенс Л.* Мифы инков и майя. М., 2005. С. 229.

ками) была направлена только на регуляцию и гармонизацию этих сил. При этом титаны (Вукуб-Какиш и его дети) обозначали неупорядоченные небесные и земные силы антивселенной, старшие братья воплощали неупорядоченные природные силы и устаревшие социальные отношения, а владыки Шибальбы являли собой изначальные хаотические подземные энергии противоположной реальности. Хун-Ахпу и Шбаланке была необходима победа над всеми тремя силами, поэтому их войны с титанами, братьями и инфернальными богами не повторяют, а дополняют друг друга, последовательно необходимы. Это завоевание неба, земли и преисподней. Так они устанавливают природно-космический и социальный порядок, который отныне и благодаря им освещен солнечным светом. Только теперь в этом гармоничном и уравновешенном мире может появиться настоящий и совершенный человек.

Исходя из логики арктического мифа, владыки Шибальбы и божественные близнецы олицетворяют полярные силы — противопоставленные и взаимодополняющие. Это силы хаоса и космоса, тьмы и света, прошлого и грядущего. Их соперничество и борьба открывают истинную природу внутреннего душевного процесса, типичного для любого человека. В этом смысле даже в финале их противостояния невозможно представить Хун-Ахпу и Шбаланке без владык Шибальбы (хотя бы и побежденных), как невозможно существование сознания без бессознательного. Близнецы являются внуками владыки Шибальбы. Они несут в себе частичку преисподней и даже семя мира мертвых, поскольку их отец — мертвец. Поэтому Хун-Ахпу и Шбаланке не должны убивать всех богов мира мертвых, а только лишить их власти над миром и людьми. «Так началось разрушение их величия и их печали, хотя их и призывали еще потом» (с. 78). Сакральный текст указывает на то, что культ владык Шибальбы сохранился и после победы близнецов, хотя и в уменьшенном виде.

Владыки преисподней становятся своего рода темными двойниками близнецов, их тенью. Их инертность, окостенение подталкивает динамизм, жизненность Хун-Ахпу и Шбаланке, заставляет их двигаться вверх — к свету. Без импульса со стороны тьмы и смерти процесс героического развития и воскресения близнецов невозможен. Их освобождение — лишь результат пленения и испытаний в Шибальбе. Владыки преисподней, олицетворяя сохранение докосмического существования, препятствуют переменам и космогенезису, однако оказываются потенциальной основой жизни, творчества, света. Шибальба — это и препятствие и основа творения. Деятельность близнецов всецело направлена на высвобождение творческой энергии, потенциально заключенной в хаосе, что и является героическим процессом, описанным в «Пополь-Вух». Стать героями для Хун-Ахпу и Шбаланке означает поднять свет солнца из тьмы преисподней, вывести космос из хаоса, чтобы мир смог обрести совершенство завершенности и целостности.

Повелитель Шибальбы, убийца отца и дяди близнецов, предстает как антиотец, как его инфернальная тень, так как в свою очередь воплощает идею прежнего, старшего мира. Предназначение Хун-Ахпу и Шбаланке — ниспровержение монстров-тиранов, которые своей инфернальной тенью загораживают облик истинного отца близнецов. Препятствуя встрече близнецов с отцом, владыки Шибальбы закрывают для них единственный источник авторитета и благодати. Хун-Ахпу и Шбаланке, ведомые героической волей и трансцендентной судьбой, должны убить чудовище, победить владык Шибальбы, чтобы сделать видимым и явленным то, что скрыто от них — образ Отца. Убив тирана и победив владык прошлого, близнецы освобождают дорогу для будущего — для явления Сына в качестве подлинного солнца для всего мира. Цель

близнецов в битве с владыками Шибальбы — устранить сдерживающий аспект прошлого (хаоса), освободить от его власти те жизненные энергии, которые формируют будущее. Это делается в соответствии с волей судьбы, которая выражается в поисках и освобождении отца из мира мертвых. Устранение чудовищ ради собственного обожения становится возможным лишь при условии принесения себя в жертву ради отца. Возвращение к отцу — это этап *примирения с отцом*, финальный пункт мужского ритуала инициации.

Поиски отца, на которые отправились Хун-Ахпу и Шбаланке, — это проблема искупления и примирения, обретения Самости. При этом фигура отца воплощает в себе непознанное, неизвестное, неназываемое. Только встреча с отцом, его обретение делает возможным открытие Самости, познание ранее скрытого в глубинах бессознательного. После этого герои-близнецы представляют своего отца в мире, как и в гиперборейском мифе божественный Сын, бог солнца, в момент явления после арктической ночи представляет в этом мире своего трансцендентного Отца, Творца космоса. В этот момент *бунтарь превращается в героя*. Близнецы становятся героями, только когда на место разрушения прежнего встает новая цель — использование силы ради усовершенствования мира или создания новой реальности. Герой хочет сделать мир не просто лучшим. Он желает сделать его *другим* — вывести его на иной уровень реальности. Это невозможно осуществить без встречи с отцом и мести за него.

Как в египетском мифе злой Сет убивает Осириса, отца Гора, а Гор должен отомстить за отца и встретиться с ним, так и предание о божественных близнецах строится по той же схеме. Они должны отомстить владыкам Шибальбы за убийство отца и встретиться с ним. Отец в обоих случаях оказывается воплощением «уже прожитой жизни, которая содержит в себе семена будущего», — как

пишет об этом Д. Норман[1]. Месть за отца и его воскресение становится для божественных близнецов необходимым условием для преображения и явления в качестве небесных светил. Для Хун-Ахпу и Шбаланке встреча с воскресшим отцом — первичная цель, достигнутая с помощью борьбы, которая ведет их к главной цели — исполнению судьбы и драме светового преображения.

Хун-Ахпу и Шбаланке исполняют свое заветное желание — мстят за гибель Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. Братья отомстили за их смерть, их гибель, «за страдания и печаль» (с. 79). В награду за подвиг братья смогли «увидеть лица своих отцов здесь, в Шибальбе, и их отцы разговаривали со своими потомками, с теми, кто победил (владык) Шибальбы» (с. 79). Месть за кровь, пролитую отцом, мистически означает примирение с отцом. Рожденный в лоне матери, герой в мире мертвых должен соединиться с отцом. Дело в том, что убийство Хун-Хун-Ахпу равносильно рождению Хун-Ахпу. В мистическом плане они — одно. Рождение же Хун-Ахпу в свою очередь равнозначно воскрешению Хун-Хун-Ахпу. Пока встреча с отцом не состоится, пока его смерть не будет отомщена, второе рождение и обожение самих близнецов невозможно. Сначала они увидели только «изображение» Вукуб-Хун-Ахпу, который «мог только что-то произносить; его рот не мог назвать по имени своего брата-близнеца; он только лишь что-то лепетал» (с. 79). Это говорит о затемненности разума, о скрытости света ума на данном этапе.

Лица отца и дяди, увиденные Хун-Ахпу и Шбаланке, — это отражение их собственного Эго. Не случайно, что здесь действуют две пары близнецов, являющиеся дополнением друг друга. Отец и дядя выступают как неудачные двойники божественных близнецов, потерпевшие поражение и потому «темные». Встреча с ними

[1] *Норман Д.* Символизм в мифологии. М., 1997. С. 46.

и примирение — это избавление от темного двойника (мотивы близнечности и двойничества соединяются). Встреча с отцом — это переход сакральной силы от отца к сыну, приобщение детей к сакральности «мира отцов». В этот момент ребенок оказывается заново рожденным уже как часть взрослого мира, которому он принадлежит, и сам становится в мистическом плане одним из «отцов». Герой оказывается тем, кого он должен был найти. Увидеть отца и дядю для Хун-Ахпу и Шбаланке означает встретиться с собственным Эго и примириться с ним, что и позволяет достичь апофеоза — обожения.

Братья обратились к отцу и дяде по именам, то есть восстановили их бытийность. В память об их подвиге и в знак воссоединения с ними Хун-Ахпу и Шбаланке установили культ в их честь. «Прежде всего, вы должны стать почитаемыми, и вам первым будут молиться порождения света, сыновья света. Ваши имена не будут никогда забыты! Да будет так!» (с. 79). Восстанавливая имена отца и дяди, Хун-Ахпу и Шбаланке заканчивают дело, начатое ими, — завершение процесса смерти, возрождения и обожения. В этот момент прошлое, заключенное в старших близнецах, трансформируется посредством воскрешения в будущее, олицетворенное младшими божественными близнецами. Первые начинают, вторые продолжают и завершают начатое. Они представляют не просто единство близнечности как мотива, а единство самого процесса становления целостности. При этом старшие близнецы, заключенные в преисподней, олицетворяют страдание человеческого Эго, похороненного во тьме собственного бессознательного, а младшие близнецы воплощают избавление от Эго, вхождение в сверхсознание и обретение Самости.

В конечном итоге, встреча с отцом и есть свершение судьбы героя. Судьба привела Хун-Ахпу и Шбаланке в Шибальбу. Это была надчеловеческая сила, которая вела их к одной цели — мести за отца и встрече с ним. Хун-

Ахпу и Шбаланке с готовностью принимают все муки и испытания в Шибальбе, поскольку знают о судьбе и о цели испытания. Знание запредельности и высшей значимости судьбы делает божественных близнецов победителями, искупает гибель отца и дяди. Хун-Ахпу и Шбаланке отомстили за пролитую кровь отца, и так отныне должны поступать все дети в память о своих родителях. Человек примиряется с судьбой и обретает высшую цель — переживает обожение.

В «Пополь-Вух», как мы видим, большое значение придается теме судьбы. Судьба Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу определена с момента их прихода в Шибальбу: они должны погибнуть. Также определена и судьба Хун-Ахпу и Шбаланке. Они должны прийти в преисподнюю и победить. Для героев «Пополь-Вух» характерно влечение к року, «любовь к судьбе». Они сами делают все, чтобы их судьба свершилась.

Однако *трансцендентная судьба* всегда приходит в соприкосновение с *героической волей*. Героическая воля — единственное, что способно противостоять трансцендентному року. Суть в том, что воля героя также имеет трансцендентную природу. В этом *рок и воля едины* по своей природе. Характерно, что такой волей обладает только истинный герой — Хун-Ахпу, но не боги Шибальбы, полностью находящиеся во власти космического рока, хотя и не знают об этом. Нордическая мифология включает в себя концепцию преобразующей, творческой воли как проявления героического трансцендентного духа. Благородный герой должен проявить свою волю перед лицом богов, несмотря на существо рока. Боги Шибальбы требуют от героев стойкости характера и воли перед ударами судьбы. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу погибают именно потому, что их воля оказывается слаба, но их гибель предопределена судьбой и необходима, чтобы на свет появились Хун-Ахпу и Шбаланке. *Упрямая воля побеждает рок*, даже если герой гибнет. Такой урок из-

влекается из судьбы Хун-Ахпу и Шбаланке в Шибальбе. Гибель героя не означает его поражение перед лицом рока. Если смерть — последнее испытание и посвящение и в результате героя ждет обожение, то это означает, что он победил судьбу и предопределение.

«Пополь-Вух» — это великая трагедия судьбы и воли, рожденная глубочайшим потрясением от осознания надчеловечности рока. Высокая трагедия, испытания, смерть, самопожертвование открывают человеку, что божество одарило его великой судьбой и он должен соответствовать возложенным на него задачам. Здесь нет покорности судьбе, но есть динамичное сочетание божественной судьбы и героической воли. Оно и приводит к преображению, к победе. Именно рок в сочетании с волей позволяет Хун-Ахпу и Шбаланке стать богами, а человеку — пережить обожение. Героизм — это готовность к встрече с судьбой, которой подчинены и сами боги. В этом суть благородного и героического миросозерцания. Испытание судьбой есть посвящение героя и преодоление человека. Благородная уравновешенность — вот что герой противопоставляет трагизму судьбы и воли. «Эта благородная уравновешенность, — подчеркивает Г. Гюнтер, — является основой нордической религиозности: оказываясь перед божественной волей, религиозный человек сохраняет равновесие своей души»[1]. Именно уравновешенность души и позволяет близнецам победить.

Второе, что позволяет Хун-Ахпу и Шбаланке победить, — понятие *чести*. Как показывает поведение божественных близнецов, честь затрагивает самую глубину их существа, являясь основной ценностью характера. Они мстят за гибель отца и дяди, но месть — дело их чести. Их честь означает верность своему божественному происхождению, голосу крови, самим себе. Законы их поведения и чести заложены в их кровь и совесть.

[1] *Гюнтер Г.* Индоевропейская религиозность. Тамбов, 2006. С. 31.

Понятие чести — главное для героического мифа крови. Из осознания чести как из своего сокровенного центра поднимается и начинает действовать героическая душа. При помощи чести герой обретает возможность свободно жить и так же свободно умереть. Его поступки, поведение, образ мыслей проистекают не из понятия любви, а из осознания чести. Честь и долг оказываются в нордическом мифе проявлениями духовной сущности и особым мистическим переживанием, как и восход солнца. В этом плане категория чести становится движущей силой мистики огня и мифа крови. В героическом мифе кровь и огонь объединяются в их очистительной и преобразующей функции.

Хун-Ахпу и Шбаланке своими поступками открывают нам, что аристократическое понятие чести выше божественной судьбы. Честь становится центром всего существования героической личности. Для близнецов честью оказывается верность родителям, верность голосу крови, что делает их исполнителями божественной воли, выраженной в солнечном преображении. Честь означает верность природе, предкам, божественной воле, поэтому такая честь — самый ясный ориентир в жизни и средство достижения поставленной цели. В «Пополь-Вух» именно честь определяет не только поведение и мировоззрение Хун-Ахпу и Шбаланке, но и приводит их к превращению в светила. Здесь честь понимается как свет, она отождествляется с блеском, с преобразующим сиянием.

Следует заметить, что, пережив опыт смерти и воскресения, Хун-Ахпу не становится Спасителем человечества, которое к тому времени еще даже и не создано. Он не умирает «за грехи» людей, не спасает человечество от греха и зла, а открывает ему путь к личному световому преображению и восхождению. Образ не Спасителя, а Открывателя пути для самостоятельного обожения — важнейшая особенность чистой примордиальной Тради-

ции. Гюнтер считает это *самоспасением*, но не спасением через бога или мессию. Он считает даже, что такое «самоспасение более точно нужно охарактеризовать как самоосвобождение, как раскрепощение души, самоочищающейся в нравственном отношении, проникающей через себя в основу своего существования, освобождение во вневременное и внепространственное и освобождение от необходимости существования и необходимости бытия»[1]. Такую мистику освобождения нельзя путать с религией Спасителя. Эта высокая нордическая мистика определяет не спасение, а судьбу к освобождению. Эта судьба, как мы видим на примере жизни Хун-Ахпу, — трагическая, несет в себе мотивы смерти, самопреодоления и посвящения. Бог судьбы, а не бог-спаситель становится выразителем истинно благородного, героического, аристократического духа.

Сама идея божественного рока в сочетании с личной волей противоположна вере в Спасителя. Спасение и освобождение относятся совсем к разным реальностям. Спасают *душу*, поэтому для такого акта необходим Спаситель, который поможет человеку прояснить понятие греха. Освобождают же *волю*, что делает человека свободным и, следовательно, самостоятельным, не нуждающемся в каком-либо постороннем защитнике. Герой не покоряется судьбе и не ожидает для себя Спасителя. Образ Спасителя вообще не присутствует в «Пополь-Вух». Пример Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу показывает, что происходит с человеком, который ждет Спасителя. Этот образ, как посредника между богом и людьми, вообще чужд «Пополь-Вух», как и в целом нордической Традиции. Волевая суть героя заставляет его искать собственный, непосредственный путь к богу. Человек не должен ждать бога-спасителя, а сам может стать для себя героем-освободителем. Это

[1] Там же. С. 23–24.

религиозность не покорности судьбе, а торжества воли и трагического героизма. Судьба Хун-Ахпу показывает человеку, что его не нужно спасать, но он сам себя должен освободить для творчества и самопреодоления. Герой, а не Спаситель становится центральным образом в «Пополь-Вух».

«Полностью победив всех обитателей Шибальбы», Хун-Ахпу и Шбаланке попрощались с отцом и дядей и «удалились от них» (с. 79). Встреча с отцом и дядей, искупление их крови позволяют божественным близнецам перешагнуть через преграду последнего порога, за которым остается только одно — полная телесно-духовная трансформация, *апофеоз*. Герою открывается, что отныне он есть не то, чем он был раньше, а нечто совершенно иное — солнечный бог. Это удивительный экзистенциальный сдвиг, описанный в «Пополь-Вух». Теперь, победив собственное Эго, герой существует не ради себя, а ради других — как небесное божество. Теперь братьям предстоит возвращение в наш мир. Возвращение передается как переживание невероятно сложного и парадоксального момента обратного пересечения порога. Но поскольку близнецы уже изменились, они несут в себе особую световую энергию, которая преобразовала их тела. Их новое явление в нашей реальности не совпадает с простым возвращением в прежний мир и в прежнем облике.

Исполнив свою судьбу, Хун-Ахпу и Шбаланке «поднялись наверх, в средоточие света; в одно мгновение они были подняты на небо» (с. 79). Они не возвращаются на землю, откуда сошли в Шибальбу, даже не заходят в покинутый ими родительский дом, чтобы проведать мать и бабушку. Их реальность больше не имеет ничего общего с землей. Она полностью изменилась на небесную. В мифе схождение в ад и вознесение на небо — обратные и взаимодополняющие фазы. Первое оказывается необходимой подготовкой ко второму. Небеса представляют

собой высшее состояние бытия (средоточие света), в то время как Шибальба — низшее (тьма). Поэтому в преисподней близнецы умирают и проходят через животные состояния, а в небесах преображаются в свете. Посвящение предстает здесь как овладение высшим состоянием бытия, как открытие сверхсознания Абсолюта.

Судьба Хун-Ахпу и Шбаланке предстает в «Пополь-Вух» как следование зову сверхсознания, представленное через погружение в бессознательное (Шибальба) и возвращение. Близнецы не просто знают, но и представляют в мире зов сверхсознания, переданный, однако, в образах-знаках бессознательного. Кульминация их судьбы — вознесение на небо и световое преображение, то есть момент, когда они открывают сверхсознание в его истинных формах и образах. Они обретают дорогу к чистому небесному свету по ту сторону изначальной ночи. Судьба близнецов — это пробуждение души к свету и пробуждение самого света в нашем мире — солнца.

Превращение близнецов описано в «Пополь-Вух» так: «Одному было дано Солнце, другому — Луна. Тогда осветился свод небес и лицо земли. Теперь они обитают на небесах» (с. 79). Принеся себя в жертву, Хун-Ахпу и Шбаланке освободили себя, преодолели свою земную природу и утвердили божественность. Они становятся чем-то большим, чем прежние боги мертвых. Теперь герои обретают сверхчеловеческие качества и превращаются в солнце и луну (двойник солнца в противоположной, ночной реальности). Оба близнеца, по существу, становятся солнцем, утверждаются как Солнечный Абсолютный Человек. Он покидает обычную земную форму, чтобы стать шарообразным и огненным солнцем. Здесь герой освобождает себя, чтобы стать солнцем. В этом акте раскрывается тайна алхимического преображения. Преодолевая себя, герой открывает новую гиперборейскую религию — устанавливает культ

полярного солнца. Он предоставляет любому гиперборею возможность превратиться в нечто большее, чем просто человек, в *Абсолютного Человека,* в *Солнечного Сверхчеловека.*

С самого начала своего существования Хун-Ахпу был сущностно связан с солнцем. Он был еще солнцем не явленным, не открытым, не преображенным. Его посвящение в Шибальбе и возрождение означают рождение солнца. Поскольку его солнечное преображение происходит во тьме подземного мира, то психологически это означает освещение тьмы бессознательного и его переход в сверхсознание. Преображение Хун-Ахпу в солнце означает, что сверхсознание проявляется, очищается и освобождается из-под власти бессознательного, которое становится проницаемым для света. Из-за этого подлинная сущность владык Шибальбы освещается, становится видна, и они теряют свою власть. Солнце в этом преображении предстает как свет души, как сверхсознание, выходящее из тьмы. В мифе сверхсознание передается в виде объекта (солнце) или ге́роя (Хун-Ахпу). Его судьба в мифе описывается как первый восход солнца или как воскресение и преображение героя.

Дополнительный, но важный смысл при этом несет в себе и образ луны. Луна становится связующим звеном между солнцем и тьмой, так как она отражает свет солнца и посылает его во тьму ночи. Ее круглая форма соотносится с совершенством личности, с Самостью. Явление Шбаланке в качестве луны необходимо дополняет солнечное преображение Хун-Ахпу. Новая луна восходит в ночи, подобно солнцу днем. Обновленные близнецы соответствуют преображенному сверхсознанию и бессознательному. Обновление сверхсознания предстает в мифе как явление солнца днем, а обновление бессознательного — как явление луны ночью. Преображение и апофеоз Хун-Ахпу необходимо включает в себя и влечет за собой преображение Шбаланке.

Одно без другого невозможно, поэтому они не просто братья, а именно близнецы. Как луна — дополнение и отражение солнца, так и Шбаланке — близнец, дополнение Хун-Ахпу.

Подобно всем, принадлежащим к «солнечной династии», Хун-Ахпу и Шбаланке идут своим исключительным путем. Они устанавливают при этом собственные правила игры и утверждают себя самих в качестве сакрального центра собственной Вселенной[1]. Однако при этом важнейшим событием оказывается то, что именно эти божественные близнецы находятся в самом начале «солнечной династии», порождают ее. При этом, как мы видим, возникновение «солнечной династии» связано не со «стремлением к солнцу» и не с «установлением солнечного правления», а с созданием самого солнца. То, что должно находиться в финале исторической драмы (солнечное преображение героя), на самом деле находится в самом ее начале, открывает солнечную эпоху и устанавливает матрицу «солнечной династии», вводя ее в исторический процесс. Не случайно, что именно после преображения Хун-Ахпу и первого восхода солнца и начинается историческая эпоха, описанная далее в «Пополь-Вух».

Инициация близнецов соответствует схеме космогонического процесса. Божественные потенции заключены в материальных телах братьев, как божественный свет в изначальном темном и холодном океане. Хаотическое существование должно преобразиться, явить миру свет, что и соотносится со «вторым рождением» в ритуале посвящения. Для этого духовные силы, заключенные в хаосе, должны произвести определенные вибрации. В космогенезисе подобную вибрацию вызывает фраза «Пусть будет свет», что освещает хаос

[1] *Васкес Алонсо М. Х.* Солнечная династия: Тайная история человечества. СПб., 2008. С. 10.

и дает ему энергию для последующей трансмутации. В инициации близнецов ему соответствует смерть и преображение материального в огненной яме. В пламени огня происходит очищение от земного и явление божественного, а энергия огня «зажигает» близнецов и превращает их в солнце и луну. Таков высший этап инициации — озарение, освобождение и явление божественного. Поэтому первый восход солнца представлен в «Пополь-Вух» как иерофания.

Восход солнца, в первый раз освещающий землю после долгой арктической ночи, преобразует ее. Небесная и божественная энергии входят в материальный мир и завершают творение. Таким образом, героический миф в «Пополь-Вух» — это космический миф о сотворении нового мира в микрокосме. Он отражает ту борьбу, которую ведут Хун-Ахпу и Шбаланке, чтобы освободить созидательную солнечную энергию не где-то, а внутри себя. Духовное возрастание, направленное на преобразование внешнего мира, становится центральной частью героического мифа в «Пополь-Вух». Характер героев, образ их мыслей и поведение полностью подчинены достижению этой цели. Они, собственно, олицетворяют эту цель, так что она неожиданно оказывается внутри обычного человека.

Динамизм героического мифа требует особой формы *откровения*. Это откровение, несущее в себе идеи подъема, восхождения, трансценденции, передается языком и знаками солярного космического цикла. Динамизм восхождения предстает здесь как борьба героя за торжество чести и апофеоз. В основе солярного откровения мы видим мистику природных законов и космических циклов, героически осмысленных. Это откровение солнца, возможное лишь в арктическом регионе, где восход солнца из-за горизонта один раз в году был настоящим космическим событием с максимальной силой воздействия, что и ложится в основу гиперборейского

мифа. Бог солнца несет в себе откровение света. Его явление из-за горизонта (рождение) само и есть изначальное откровение Северного полюса. В «Пополь-Вух» превращение героя в солнце предстает как волевой акт, как сознательное стремление к преодолению физического бытия и восхождению в процессе огненно-светового преображения. Героический миф наполняется здесь мистикой творчества. Это подвиг героя по творению новой реальности (с солнцем) и нового человечества (со сверхчеловеком). Только выходящий из солнечного мифа герой, продолжающий его воплощать, наделен творческой силой к восхождению. Это космически-солярное откровение становится результатом внутреннего восприятия космоса. Природно-космическое, материальное преобразуется здесь в духовное. Вечность солнечного цикла переосмысляется на Северном полюсе в откровение о Вечном Возвращении, в котором категории судьбы, воли, восхождения, борьбы и чести, обожения составляют динамичное единство.

История Хун-Ахпу и Шбаланке полностью совпадает с основной схемой полярного солнечного мифа. Зимняя, ночная часть полярного года в первоначальном мифе представлялась как возвращение бога солнца к своему Отцу, умирание и воскресение. Кульминация битвы близнецов с владыками Шибальбы приходится на полночь и связана с датой зимнего солнцестояния арктического годового цикла. Победа над темными владыками хаоса в точке разрыва между старым и новым годом сменяется явлением трансцендентного Отца. В середине полярной ночи, в точке зимнего солнцестояния происходит встреча Сына с Отцом, Света со своим абсолютным Истоком. В этот момент Сын возрождается в образе молодого солнца, как возрождается в точке перехода новый Священный Год. Бог, пребывающий во тьме, во мраке абсолютности (в потустороннем мире), посвящает в таинства смерти и воскресения Сына, ко-

торый выходит из дома своего Отца. Ночь сменяется рассветом, хаос преодолевается бытием, что и составляет таинства дня весеннего равноденствия. Это великое событие и описано в «Пополь-Вух».

Хун-Ахпу рождается как солнце, как начало нового бытия. Такое восхождение оказывается примером героического поведения для простого человека. Духовное восхождение становится возможным благодаря внешнему космическому событию — восходу солнца. Это таинство души выражается в точке рассвета — новой для «Пополь-Вух» космической ситуации. Боги солнца и луны вступают в новый космический временной цикл года. Сама повторяемость событий в течение года указывает на достигнутую цельность созидательного процесса в космосе и в жизни каждого человека.

История о Хун-Ахпу и Шбаланке, как видно теперь, не разрывает повествование, а раскрывает сущность и содержание ритуалов, которые должны были исполняться в течение арктической ночи, чтобы солнце вновь появилось на горизонте. Структура «Пополь-Вух» основана на принципе *параллельного повествования*: описание ожидания восхода солнца на земле и ритуалы посвящения в мире мертвых, приводящие к рождению солнца. Смертные, чтобы стать бессмертными, должны были повторять все эти события. Для этого и служили мистерии Черного Солнца, инициация. Ритуальная смерть неофита, представляющаяся как спуск в преисподнюю, сменялась воскресением к новой жизни. В этой новой жизни посвященный в таинства полярной ночи способен общаться с богами, с духами, управлять стихиями и полностью преодолеть свою земную природу, обретя качества сверхчеловека. Характерно, что это абсолютно мужское, героическое посвящение. Тут даже речи нет об открытии и встрече с Великой матерью, о священном браке неофита и богини плодородия. В «Пополь-Вух» такая встреча входит в Малые мистерии, прохождение

которых заканчивается неудачей и гибелью Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу.

Полярное происхождение мифов «Пополь-Вух» должно рассматриваться только в единстве с возможной датой создания сакрального текста или основного блока и сюжетной линии. Мифы часто несут в себе сообщение о времени своего создания. Это время зашифровано в сакральном тексте и представлено как особый астральный код. Прочитывая астральный код мифа, подбирая к нему ключи, следует учитывать, что боги, чаще всего, — планеты, животные — созвездия, а топографические обозначения — различные участки звездного неба, связанные с главными датами солнечного календаря — солнцестояниями и равноденствиями. Ключом к расшифровке астрального кода становится прецессия — восход солнца в день весеннего равноденствия в том или ином созвездии. Упоминание о каком-либо «солнечном животном», соответствующем знаку зодиака, и позволяет с определенной точностью установить время появления этого мифа.

Определение времени создания мифа о Хун-Ахпу и Шбаланке не вызывает особых трудностей. То, что братья вышли из тьмы преисподней, взошли на небо и превратились в солнце и луну, означает лишь тот астрономический факт, что в момент создания этого мифа солнце в день весеннего равноденствия (после арктической ночи) всходило в созвездии Близнецов. Так, известный мексиканский традиционалист Р. Бенавидес прямо соотносит близнецов из «Пополь-Вух» с созвездием Близнецов[1]. Это подтверждается следующим важным фактом: у майя созвездие Близнецов изображалось в виде черепахи[2]. Однако именно черепаха стала «подобием лица» или «ложной головой» Хун-Ахпу. Эта

[1] *Benavides R.* Cuando las piedras hablan, los hombres tiemblan. Madrid; Mexico, 1979. P. 100, 236.

[2] El Libro de los Libros de Chilam Balam. P. 162.

черепаха из «Пополь-Вух» и есть созвездие Близнецов у майя.

Братья-близнецы выступали как добрые божества и культурные герои, положившие конец эпохе катастроф. «Многие народы рассматривали эти две звезды как добрых богов», — пишет Бенавидес о культе Кастора и Поллукса — двух звезд из созвездия Близнецов[1]. Он отмечает, что «появление этих звезд на небе означало триумф двух добрых богов над всем злом и разрушением»[2]. Известно, что «Эра Близнецов» (восход солнца в этом созвездии) продолжалась с 6650 до 4380 г. до н. э. Поскольку в «Пополь-Вух» говорится о первом восходе близнецов на небо и их превращении в солнце и луну (а при «новом» солнце должна появиться и «новая» луна), можно утверждать, что миф о подвигах Хун-Ахпу и Шбаланке сформировался в самом начале «Эры Близнецов» — в середине 7-го тысячелетия до н. э. Некоторые мифы в «Пополь-Вух» («падение» Вукуб-Какиша) могли быть созданы и раньше этой даты.

В древних мифах солнце часто предстает в образе оленя или лося. В нордической песне говорится, что «солнечный олень» идет с юга, причем двое ведут его за узду[3]. При этом «двое» — братья-близнецы. Миф о близнецах, выводящих солнечного оленя, — всего лишь указание на астрономическое событие: восход солнца в созвездии Близнецов. Лосем или Оленем стали называть и само созвездие. Знак оленя ставился в честь богов-близнецов[4]. Важной деталью оказывается упоминание, что солнце приходит не с востока, а с юга. Восход солнца «на юге» можно наблюдать только в одном месте — точно на Северном полюсе, поскольку по от-

[1] *Benavides R.* Op. cit. P. 101.
[2] Ibid. P. 236.
[3] *Неменьи Г., фон.* Священные руны: Магические символы Севера. М., 2005. С. 134.
[4] Там же. С. 135–136.

ношению к нему все остальное пространство лежит на юге. Миф точно указывает на время и место своего происхождения — весеннее появление солнца на Северном полюсе в Эру Близнецов (7-е тысячелетие до н. э.). То же можно сказать об истории Хун-Ахпу и Шбаланке в «Пополь-Вух».

Подробное описание *арктического региона как древней прародины человечества* и места проживания предков народа киче содержится в следующей части сакрального текста.

ГЛАВА 4

КНИГА СЕМИ ПЕЩЕР

История современного человечества начинается в «Пополь-Вух» с чувства *беспокойства*, которое испытывают боги из-за того, что некому наблюдать рассвет и некому прославлять за это богов. «Приближается время зари; так пусть наша работа будет закончена и пусть появятся те, кто должен нас питать и поддерживать, порождения света, сыновья света; пусть появится человек, человечество на лице земли!» (с. 80). Творение человека предстает как результат беспокойства. При этом подчеркивается, что создание новой расы людей происходит «еще перед тем, как солнце, луна и звезды появились над головами Создательницы и Творца» (с. 80). Иными словами, творение человека совершается до того, как Хун-Ахпу превратился в солнце, а Шбаланке — в луну, и *параллельно* событиям, происходящим с ними в Шибальбе.

Также особенно подчеркивается, что Создательница и Творец, решив «создать человека», «собрались, сошлись вместе и совещались в темноте и в ночи» (с. 80). Это обстоятельство отсылает нас к самому началу творения мира, которое также происходило «в темноте, в ночи» (с. 10). Таким образом, создание человека становится повторением космогенезиса. Творение микрокосма ничем не отличается от создания макрокосма. Однако при этом боги сами говорят, что с появлением человека их

«работа будет закончена» (с. 80). Почему же бог завершает процесс творения мира созданием человека, а не начинает с него? Человек должен стать самым совершенным из всех телесных существ. Для этого он должен был стать микрокосмом, то есть соединить в себе качества и свойства всех существ и стихий. Бог завершил акт творения созданием человека потому, что Вселенная во всех аспектах и проявлениях своего существования представляет собой разрозненные детали, части или элементы, которые соединяются только в человеке.

Как утверждает Пернети, бог «завершил творение, создав человека, потому что сначала нужно было создать Универсум во всю величину, а затем уже ее слепок»[1]. Человек (микрокосмос), по мнению фон Веллинга, «является всеохватывающим завершением всех творений, в котором пребывают все семена *универсума*, а также в нем все было сотворено совершенно, что в дальнейшем невозможно было уничтожить, как это понятно из вышесказанного»[2]. Человек потому Центр Вселенной и завершение всего акта творения, что он содержит в себе квинтэссенцию всех творений. Первые попытки создать человека потерпели крах из-за того, что несли в себе не универсальные качества, а использовали лишь отдельные стихии (земля, дерево). Совершенный же человек включает в себя все стихии и качества (огонь, вода, земля, воздух, растения, животные), представляя их в сублимированном и преображенном виде.

В замысле богов опять оговаривается главная задача человечества — служить богам, что также объясняет, почему он был сотворен последним. Будучи последним из творений, он завершает цикл творения, воплощает в себе замысел творения и ставит финальную точку в творении. При этом он несет в себе все противоречия

[1] *Пернети А.-Ж.* Указ. соч. С. 54.
[2] *Веллинг Г., фон.* Указ. соч. С. 41.

и противоположности творения — все самое хорошее и все самое плохое. По своим врожденным качествам, привнесенным в него богом при создании, он — самое высшее из созданий. По способности совершать преступления и бунтовать против богов, он — самое низшее. В связи с этим человека следует рассматривать не как высший или низший этап творения, а именно как завершающий — через его главную функцию *служения богу.*

Душевные силы человека, еще не раскрытые при рождении, проявляются именно в этом служении. Это духовное пробуждение должно рассматриваться как двойное встречное движение — «сверху» (от того, что бог заложил в человека) и «снизу» (от того, чего жласт сам человек). Служение и становится воплощением этих двух движений. Сотворение человека *раскрывает* задачу служения. Когда же человек приступает к служению, то он создает новое существо: человек физический превращается в человека духовного. Следует помнить, что в служении богам (главной задаче человека при творении) и заключена его основная ценность — способность полностью преображаться, проходя путь от физического существа к духовному. Именно это не получилось у двух первых рас людей — из глины и из дерева. Материальное в них слишком велико, а задача служения оказалась забытой. Бог, сотворив землю и животных, дал человеку средства не только для существования, но и для духовного преображения. Человек, хваля и славя бога, принося ему жертвы, дает богу средство для существования. Мир был создан, чтобы стать жилищем бога, его домом. Человек, восхваляя бога, освящает этот мир, помогает превратить мир в жилище бога, позволяет богу присутствовать в мире. Служить, чтобы поддерживать существование богов и сделать мир домом для них, — истинная цель человека.

Боги долго совещались, «что должно было войти в плоть человека», «в плоть сотворенного человека, соз-

данного человека» (с. 80). Однажды лисица, койот, попугай и ворона «принесли известия о желтых початках кукурузы и о белых початках кукурузы» (с. 80). Кукуруза попала в сферу внимания майя еще в древнейшие доисторические времена — в конце 6-го тысячелетия до н. э. Уже к середине 4-го тысячелетия она была окультурена и приобрела современный вид. Маис полностью зависит от человека, от засева, прополки и полива. Он не размножается сам, а должен быть засеян руками человека[1]. Маис считался даром богов, был священным растением и сам почитался как бог. Молодой бог маиса — один из самых любимых и почитаемых у майя. Он воспринимался в качестве эталона мужской красоты и был покровителем мужской сексуальности. Вместо головного убора он носит растение маиса. На некоторых изображениях кукуруза прямо растет из его головы, а иногда он сам изображался в виде растения с человеческими конечностями[2] (рис. 17).

Животные также указали богам место, где кукуруза росла, — Пашиль и Кайала (с. 80). Великая мать и Великий отец «были исполнены радости, потому что они нашли такую прекрасную страну, полную удовольствий, изобилующую вкусными початками желтой кукурузы и вкусными початками белой кукурузы. <...> Там было изобилие восхитительной пищи, в этих селениях, именовавшихся Пашиль и Кайала. Там была пища всякого рода, малая пища и большая пища, малые растения и большие растения» (с. 80–81). Важно отметить, что совершенный человек был создан не просто из кукурузы, а из той, которая произрастала в чудесном краю всеобщего изобилия, в прекрасном саду. Совершенное может быть создано только из совершенного. Творец создал человека не раньше, чем нашел совершенное место для его

[1] *Керам К. В.* Первый американец. Загадки индейцев доколумбовой Америки. М., 2005. С. 236–239.

[2] *Овузу Х.* Символы инков, майя и ацтеков. С. 146–147.

Рис. 17. Бог кукурузы из Копана (Гондурас). Лондон. Британский музей

создания — прекрасный сад изобилия, где было много кукурузы (материал для творения), растений и плодов (питание для первых людей) и даже селений (место для проживания).

Первые люди должны быть созданы из кукурузы, произраставшей в счастливом краю всеобщего изобилия, и размещены в нем для жизни, поскольку это было наилучшее место для проживания. Земля была благословенным садом, и из ее плодов будет сотворен человек (принцип — подобное из подобного). Это было наилучшее место для творения наилучшего создания. С созданием человека это место должно стать Центром вселенского творения, который, как замечает Мартинес де Паскуалис, «называют вульгарно земным раем, а на самом деле это земля, возвышенная над всяким смыслом»[1]. Райский сад — это сакральный Центр, Полюс мира, высший и запредельный край наслаждения и удовольствий.

Все, что здесь растет, — приятно для будущего человека. Странно, что хотя люди еще не созданы, но в этой «прекрасной стране» уже есть два селения. Это не могут быть селения глиняных или деревянных людей, так как все созданное ими было уничтожено. Но и боги сначала ничего о них не знали, и дорогу туда им показали животные. Следовательно, это селения, не созданные, а появившиеся в результате творения мира как изначальные элементы пейзажа. Край всеобщего изобилия в мифах всегда характеризуется прекрасным климатом и питанием. Земной рай — это высший, идеальный край, где будут вскоре созданы идеальные люди. Совершенный человек может жить только на совершенной земле, в сакральном пространстве, гармония которого соответствовала бы универсальной микрокосмичности этого человека. Дело даже не в том, что для совершенного человека должно быть создано совершенное простран-

[1] *Паскуалис М., де.* Указ. соч. С. 49.

ство, а в том, что самим фактом своего пребывания в конкретной точке пространства совершенный человек превращает силой своей энергии это место в сакральное и совершенное. Поэтому первое место, где будет жить сотворенный совершенный человек, — чистая земля, место блаженства. Здесь обязателен принцип соответствия качества человека и места его пребывания.

Человек будет создан в идеальном саду всеобщего изобилия, где произрастают пригодные для пропитания растения. Творец не просто создает человека, но он и находит для этого удобное место. Смысл описания в том, что совершенный и только что созданный человек еще не должен трудиться сам, но земля дает ему все необходимое — кукурузу, растения, плоды. Этот сад изобилия несет в себе память о древнем Золотом веке эпохи собирательных культур. Пропитание не зарабатывается, не завоевывается, а творится из самой земли изобильного края. Это регион покоя и радости, который фон Веллинг удачно называет регионом Мудрости: «Так как земля была этим садом, так и те же плоды являлись плодами Жизни и Мудрости»[1].

Среди прочих продуктов питания в этом краю было «множество меда» (с. 80). Это указание многозначительно. Чтобы произвести мед, пчела должна совершить большую и трудную работу: облететь множество цветов, собрать по капле нектар, который закладывают в соты, где он и превращается в мед. Множество меда связано с постоянным и тяжелым трудом. Именно с таким трудом связывается и восприятие «духовного меда» — Слова бога, познание его Мудрости. Мудрость и духовный опыт подобны меду, так как собираются по капле и лишь постепенно перерабатываются в душе человека, открывая ему сладость Слова. «Множество меда» в краю изобилия — указание на то, что в этом месте Мудрость бога

[1] *Веллинг В., фон.* Указ. соч. С. 122.

открывается непосредственно, то есть Слово пребывает здесь во всей полноте. Мудрость бога подобна меду, поэтому она и пребывает «во множестве» не где-нибудь, не по всей земле, а именно в сакральном пространстве, в райском саду, в селениях, существующих изначально. Не случайно также, что пчела была у майя знаком правителя, а их социальная структура уподоблялась улью с его сотами.

В мифах страна меда — всегда счастливый край и «первая» земля. Так, Веста и ее супруг, бог неба, жили на крайнем севере, в горах у острова Туле. Они отправились на поиски места, где богиня смогла бы родить ребенка. «Так пришли они к очень высокой, округлой горе, сверкающей, как прекрасный драгоценный камень и как зеркало, отражающее огонь, у подножия текли мед и молоко»; там они пребывали «в радости»[1]. Мед в сакральных преданиях имеет значение перерождения или изменения личности в результате посвящения. Являясь продуктом сложного процесса сбора и превращения, мед обозначает духовное саморазвитие и высшее качество личности. Он предстает как пища богов и совершенных людей. Однако в мифах земля, где много меда, — это край, откуда предки людей исходят, а не тот, куда они хотели бы вернуться. Здесь обилие меда — это не сладкая приманка для скитальцев, а образ духовного богатства, изобилия и радости Золотого века. Это райский сад, где человечество будет создано и откуда оно должно уйти в мир, а не земля обетованная, куда стремятся вернуться. Будущие люди не завершат, а начнут свое странствие из этого места. Они будут двигаться не под влиянием медовой приманки. Их не будут привлекать сказки о стране обетованной с медовыми реками.

Если человек будет создан совершенным в специально найденном для этого совершенном краю, то почему

[1] *Василий Валентин.* Алхимические трактаты. Киев, 2008. С. 154.

же с самого начала подразумевается, что он покинет его? Вероятно, здесь речь идет о даровании возможности развития. В совершенном краю всеобщего изобилия жизнь была бы слишком совершенной и счастливой, что само по себе отрицает возможность совершенствования. В свою очередь, отсутствие развития приведет таких людей к гордыне и гибели. *Райский сад — соблазн для человека, проверка, а не дар.* Весь рассказ о прекрасном саде передает чувство счастья, божественной радости (боги «были исполнены радости» — с. 80). Однако человек должен не радоваться, а служить богам. Отсюда и возникает проблема исхода из рая как первый шаг к обретению бога и к богопознанию. Люди выйдут из этого края с его изобилием меда и растений, чтобы весь мир наполнить радостью и превратить в совершенный и блаженный край. Земной рай — высший, идеальный край, которого теперь нет, где были созданы и проживали вначале сверхлюди, которых теперь тоже нет. Задача человечества не только в том, чтобы вернуть себе утраченное божественно́е достоинство, но и в том, чтобы вновь обрести утраченный рай, только в новом, не локальном, а глобальном масштабе. Это и поня́тно: *сверхчеловек может жить на нашей земле, только если она вся превратится в райский сад.*

Осознав все это, Тепеу и Кукумац приступили к созданию человека из кукурузы. «И тогда, размолов початки желтой кукурузы и початки белой кукурузы, Шмукане изготовила девять напитков, и из этой пищи пришла сила и плоть, и из кукурузы были созданы мускулы и сила человека» (с. 81). Только «из желтой кукурузы и из белой кукурузы они создали их плоть; из кукурузного теста они создали руки и ноги человека» (с. 81). Это была кукуруза, выросшая в краю всеобщего изобилия и имевшая поистине божественное происхождение. В этом случае создание человека из кукурузы становится следствием божественного самопожертвования. Бог при-

носит себя в жертву, из его тела создается плоть человека. Человек — создание богов, божественный сын. Это объясняет, почему именно кукурузный человек оказывается совершенным и последним из сотворенных рас. Прежние человеческие расы создавались из природных стихий и несли в себе неупорядоченную дикость природы. Кукурузный человек сотворен из бога в результате принесения этого бога в жертву. Он несет в себе божественную природу, наделен сверхприродными качествами. Самим своим существованием человек обязан богам, их самопожертвованию. Следовательно, его жизнь должна быть посвящена служению богам и развитию в себе божественных способностей. Маис — тело бога кукурузы, но маис — это и тело человека. Поедание маиса — причастие телом бога и в то же время укрепление, преображение человеческого тела. Таков смысл творения человека из кукурузы.

Почему при описании творения *тела* кукурузного человека «Пополь-Вух» ничего не говорит о *душе*? Потому что для автора сакрального текста дух, душа — не начало жизни, а ее творение. Жизнь включает в себя дух и материю, природу и историю, космос и человека. Если бы в мифе о творении человека было сказано, что тело создано из материи (из земли, из дерева, из кукурузы), а душа вложена в него богом, то тогда душа и тело были бы разделены, противопоставлены, и душа была бы поставлена «выше» тела. Однако для «Пополь-Вух» это не так. Нет жизни, не воплощенной в теле, поэтому душа и тело не противопоставляются, а соединяются. Если в «Пополь-Вух» говорится о создании тела, то и нет необходимости говорить о создании души. Одно подразумевает другое, равноправно ему, логично вытекает из него, и нет необходимости отдельно оговаривать факт создания души, если уже сказано о сотворении жизни.

При описании создания человеческих рас Творец использовал одну и ту же *идею* человека, одну форму.

Однако всякий раз результат был различным. Будучи конструкциями единого разума, единой идеи, разные человеческие расы, представленные в сакральном тексте, сильно отличаются друг от друга. Все эти виды становятся конструкциями разума, воплощениями идеи, но их живая реальность различна, так как оказывается зависима от исходного материала. Они отражают вечную идею и реальность в разной степени. Это означает, что в человеке очень большое значение имеет *материал*, из которого он создан. Идея воплощается в материи, и задача творения зависит не от замысла, не от идеи-формы, а от материала. Опыт трех творений человека показывает, что *не всякий, кто похож на человека, является человеком*. Лишь кукурузный человек становится реальным и полноценным воплощением идеи человека. Только через кукурузного человека вечная и истинная идея человека становится осязаемой реальностью.

Несколько попыток творения человека в «Пополь-Вух» свидетельствуют, что в нашем мире действует принцип самоотбора. Из нескольких представленных здесь возможностей творения путем самоотбора и разрушения неприемлемого или отказа от тупикового пути формируется единственно приемлемое человечество. Первичные человеческие расы, устроенные иначе, реализуют все возможные варианты и комбинации базовых принципов. Разрушение этих человеческих миров, переходы от одного к другому ведут к нашему человечеству как к истинному и единственно приемлемому, отвечающему фундаментальным качествам самого космоса. Неустойчивость, нежизнеспособность предыдущих попыток парадоксальным образом усиливают реальность лишь одной возможной формы человеческой расы, способной к существованию в этом космосе. В преднамеренности ошибочных попыток творения человеку раскрывается замысел самого творения — стремление к совершенству. Вполне возможно, что эти ошибки были допущены бо-

гами специально как средство для доведения космоса до совершенства.

Само бытие этого космоса изначально устроено так, что в нем должен появиться соответствующий ему в форме бытийности человек. Это человек, готовый воспринимать бытие космоса, чтобы утвердить в нем свое бытие. Космос, используя разные варианты развития и избавляясь от ошибочных попыток, сам создает условия, приводящие к возникновению человека, способного к восприятию космического и утверждению своего бытия. Подразумевается, что космос, в котором человек утверждает свое бытие, должен быть изначально смоделирован и оформлен богами в соответствии с условиями, необходимыми для появления воспринимающего это бытие человека. Подобная предопределенность явления человека может быть лишь следствием преднамеренности творения космоса и проявлением изначального божественного замысла. Так множество неудачных попыток говорит не о хаотичности эволюции и не об ошибочности творения, а об отработке вариантов и, в конечном итоге, о совершенстве результата творения.

Самоотбор ведет к устойчивой Вселенной, раскрывая внутренний принцип первозамысла человека, идущего через этапы трансформаций и разрушений к все более совершенной форме воплощения. Творческая воля бога направлена не к сохранению созданного, а к совершенствованию сотворенного. *Умножение совершенства* — вот урок, извлекаемый из мифа о последовательной смене трех человеческих рас, представленного на страницах «Пополь-Вух». Единство замысла творения определяется этим умножением совершенства, стремящимся к расширению. Весь процесс создания человечества — это стремление Творца к совершенству, а творения — к самосовершенствованию. Умножение совершенства становится движущей силой творения и истории, смысл которой — в самореализации «совершенного человечества»

из кукурузы. Эволюция человеческих рас представлена в «Пополь-Вух» не как борьба за существование, а как борьба за совершенство.

Поколение кукурузных людей было совершеннее, чем первые две расы, уничтоженные богом. Глиняные и деревянные люди, созданные во тьме, не несли в себе истинного света. Поэтому деревянные люди стали поклоняться Вукуб-Какишу, по ошибке приняв его за солнце. Они не могли считаться подлинными созданиями света и истинным творением Хуракана. Три представленные в сакральном тексте попытки сотворения человека показывают процесс формирования разума. Глиняные люди, первое человечество, вовсе были лишены разума. Второе человечество, деревянное, тоже не имело разума, хотя и умело разговаривать и строить дома. Только третье человечество было наделено разумом и памятью о богах. Люди из земли — это люди, сотворенные из дикой материи. Люди из дерева — люди из дикой природы. Став обезьянами, они в дикую природу и возвращаются. Люди из кукурузы — люди из культурного растения. Они идеальны, поскольку произошли из материала, который существует только как *культурное растение.*

Первые две человеческие расы были уничтожены, поскольку их рассудок находился в спящем состоянии. Сознание первых людей было абсолютно не развито, и они обитали в животной форме, хотя внешне и походили на людей. Но при создании кукурузных людей Творец, движимый законом возрастания совершенства, вложил в них искру сознания, и поэтому первое чувство, которое возникло у них при пробуждении к жизни, — это чувство единства с их божественными создателями. Чувство солидарности с богами и благоговение перед ними — вот что отличает совершенного человека от первых двух дегенеративных рас. Это чувство устремленности к божеству (чего не было у глиняных людей) и к сакральному (что отсутствовало у деревянных). Новое поколение

людей было создано в ожидании зари и для созерцания света. В момент создания свет вошел в их тела и сделал их «порождениями света, сыновьями света» (с. 80). Вошедший в их тела свет истины и сделал этих людей поистине совершенными созданиями, воплотившимися в телесную форму.

Удачный исход третьей попытки сакральный текст объясняет чудом. «Только чудом, только средствами заклинаний они были сотворены и созданы Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом, Тепеу и Кукумацем» (с. 81). При создании кукурузных людей Творец учел прежние ошибки. Он не стал творить их из первичной стихии (из земли), а использовал ее порождение (кукурузу), однако не механически (как в случае с деревянными людьми), а подвергнув ее качественному изменению. Люди были созданы не из самой кукурузы, а из муки и «девяти напитков», из теста. Это преображение естественного материала и привело к тому, что у сотворенных людей появились мускулы и сила человека. «И так как они имели внешность людей, (то) они были люди; они говорили и вели беседы, они хорошо видели и слышали, они ходили, брали вещи руками; они были хорошими и красивыми людьми, и их фигура была человеческой фигурой» (с. 81). Сотворенные из кукурузного теста при помощи чуда, они обрели все качества духовных существ и получили исключительное право именоваться людьми: «Только лишь они одни могли исключительно называться людьми» (с. 81). В «Пополь-Вух» при этом используется слово «achih», что означает «благородный, знатный по рождению человек» (varyn — в переводе Ресиноса[1]).

В этом месте выражена важная в религиозном плане мысль: люди, созданные из земли или дерева, не считаются «настоящими» и «благородными». Только те,

[1] Popol Vuh. P. 109.

для кого хлеб (кукурузное тесто) стал плотью, и есть подлинные люди. В плоти «настоящего человека» хлеб побеждает землю, и лишь хлеб есть плоть «благородного». «Девять напитков» из кукурузы стали основой «силы» человека (с. 81). Так в языческой религии киче провиденциально зародилась высшая в религиозном плане идея обожения человека через причастие хлебом и вином. Создание «настоящего человека» незадолго до появления зари и специально для того, чтобы он мог религиозно осмыслить это великое событие, воспеть его в гимнах и восхвалить за это богов, подтверждает, кроме всего прочего, веру майя в то, что первые люди были сотворены именно в тех областях, где ночь длится бесконечно долго, где царят длинные рассветы, а восход солнца наблюдается как уникальное и совершенное явление природы — в Арктике.

Только что сотворенные люди уже обладали выдающимися способностями и духовными качествами. «Они были наделены проницательностью; они видели, и их взгляд тотчас же достигал своей цели. Они преуспевали в видении, они преуспевали в знании всего, что имеется на свете. <...> Велика была мудрость их, их зрение достигало лесов, скал, озер, морей, гор и долин. Поистине они были изумительными людьми» (с. 81—82). Первопредки имели замечательное зрение, и это свидетельствует, что они были духовными существами (духовное видение). Они получили при создании те же качества, что и божества. Их силы были выдающимися, чего не было у прежних человеческих рас. Так произошло потому, что они были созданы при помощи преобразования физического исходного материала (кукуруза). Именно эта алхимическая трансмутация материи дала им возможность стать универсальными космическими существами и повелителями земли. Будучи духовно совершенными существами, первопредки были способны проявить свое могущество. В своем изначальном состоянии первопред-

ки людей были намного выше физического мира. Они были больше существами духовными, чем материальными, их сила намного превосходила материю.

Сначала боги сотворили четырех человек. «Вот имена первых людей, которые были сотворены и созданы: первый человек был Балам-Кице, второй — Балам-Акаб, третий — Махукутах, а четвертый был Ики-Балам» (с. 81). Почему первопредков должно быть именно четыре? Потому что для совершенства творения четыре стороны света, четыре стихии, четыре основания должны были соединиться в одной центральной точке, собраться в одном месте, чтобы дать начало четырем — числу материального мира. Четыре соединяются в одно совершенство, но это одно, заключая в себе цельность и совершенство высшего мира, делится на четыре в нижней плоскости материального мира. Четверка земных первопредков имеет происхождение в ином мире, но бытие — в нашем. Поэтому они были созданы Создательницей и Творцом (богами), но «не были рождены женщиной и не были зачаты, как сыновья» (с. 81). Они отражают четверицу высшего мира и четырехстороннюю организацию земли, предназначенной для их жизни. Таким образом, мир обретает окончательную цельность — небесная и земная четверичность соединяется в четверке первопредков.

Четыре предка — повелители четырех сторон мироздания, которые в одном из мифов поставлены по углам мира, чтобы поддерживать небо. Четыре первопредка обозначают точки солнцестояний и равноденствий, соединяют четыре созвездия, в которых солнце пребывает в главные даты солнечного календаря в данную астрономическую эпоху. «Они были способны познать все, и они исследовали четыре угла неба, четыре точки неба, свод небес и внутренность земли» (с. 82). Четыре брата олицетворяют систему координат и представляют собой своеобразные космические часы, указывающие на время

появления мифа. Не случайно, что именно они ждут восхода солнца — явления светила в день весеннего равноденствия в каком-либо из зодиакальных созвездий. В довольно явной форме «четыре угла» неба определенно указывают на явление прецессии равноденствий. Эти четверо становятся Космическим Человеком, поскольку все вместе представляют собой совершенный космос. Вся совокупность космоса открыта им и присутствует в них. Они способны увидеть мир целиком потому, что весь космос находится внутри них. Они — космические первопредки и единственная форма существования в этом мире как в целостной совокупности элементов.

Четыре предка сотворены богами из кукурузы, выросшей в райском саду. Рай традиционно в мифах делится на четыре части. Полярный рай делится на части четырьмя реками, стекающими с вершины горы, находящейся в центре Гипербореи. Четыре предка в «Пополь-Вух» — это то же самое, что четыре повелителя четырех регионов или островов на далеком севере в кельтском мифе. Это и четыре Властелина китайской мифологии. Раз Гиперборея делится реками на четыре части или располагается на четырех островах, то и повелителей у нее должно быть четыре. Подобно райскому источнику, разделившемуся на четыре реки, образ «первого человека» в «Пополь-Вух» делится на четыре человека. Явления, цельные в раю, делятся в нашем мире на четыре (четыре конечности одного тела, четыре направления, выходящие из одного Центра). Четыре реки, выходящие из райского сада, соответствуют четырем первопредкам, созданным там и пришедшим в наш мир.

Четыре предка в «Пополь-Вух» были великими мудрецами. Они созданы в райском саду, который воспринимается как вся совокупность знаний, как концентрированный и идеальный вариант Вселенной. Четыре близнеца — это единый человек, единая воля. Четыре первопредка составляют первичную элиту, в которой

пробуждено трансцендентное измерение. Солнечная ясность освобождает в «сыновьях света» ту монументальную величину, которая единственная позволяет им добраться до объективной и правильной оценки реальности. Поскольку для последующих поколений эта реальность остается скрытой, то и поведение первопредков кажется иногда нелепым, ошибочным или провоцирующим. На самом деле они приникли к источнику истинного видения реальности, что и передается словами об их удивительном зрении.

В момент творения четыре первопредка обладали сверхъестественными способностями и знаниями о космосе, доступными только богам. «Когда они смотрели вокруг, они сразу же видели и созерцали от верха до низа свод небес и внутренность земли. Они видели даже вещи, скрытые в глубокой темноте; они сразу видели весь мир, не делая (даже) попытки двигаться; и они видели его с того места, где они находились» (с. 82). Стоит отметить, что боги сами наделили первопредков такими выдающимися способностями, «и немедленно они увидели полностью все, что существовало в этом мире» (с. 82). Эти знания и способности делали их равными богам и открывали в них сверхъестественное состояние. Равновеличие богам оказывается первым и самым истинным состоянием только что созданных кукурузных людей. «Пополь-Вух» показывает, что в момент сотворения первопредки находились в состоянии божественности. Поэтому, кстати, они сразу получили имена, как боги. Ни один из представителей первых двух рас не был выделен и назван по имени. Так Творец ставит первопредков в особое привилегированное положение, которым не обладали ни глиняные, ни деревянные люди. Своей вписанностью в божественное состояние первопредки изначально оказались поставлены и в божественный план бытия.

Первопредки обладали таким острым зрением, что могли видеть все «четыре угла неба» и ясно видели в

темноте. Речь идет одновременно и о ясновидении (духовное зрение), и о физическом зрении. То и другое свидетельствует о сильно развитых зрительных центрах мозга у первоначального человечества. Такое развитие зрения и ясновидения обычно достигается, если организм и мозг развиваются в темноте. «Электрические органы чувств, — замечает Ланц фон Либенфельс, — развиваются преимущественно у существ, живущих в темноте»[1]. В мифах люди, живущие «во мраке», видят при этом сразу «весь мир». Поскольку первопредки в «Пополь-Вух» были сотворены до появления солнца, то они жили «во тьме, в ночи», что и объясняет их выдающиеся зрительные и ясновидческие способности.

Это и делало их подобными богам, поскольку, как пишет Ланц, «боги были не только живыми электрическими приемными станциями, но и электрическими станциями силы и духа»[2]. Электрический глаз и электрические силы первопредков были настолько всемогущими, что они могли бы соперничать с богами. Конечно, эта способность к ясновидению, умение вырабатывать и концентрировать электрическую энергию, духовную силу, могла развиться лишь в условиях длительной, многодневной, полугодовой тьмы — на Северном полюсе. Сами способности первых людей, описанные в «Пополь-Вух», прямо свидетельствуют об их гиперборейском происхождении, о жизни в районе Северного полюса. Способность ясновидения потому связана с Центром Мира, что только там все вещи, мелочи, «стороны» нашего космоса появляются одновременно, в неподвижной и актуальной «точке». В этом Центре Мира время превращается в пространство, а пространство сворачивается в точку — собственно в Полюс. Здесь человек достигает «изначального состояния» ясновидения

[1] *Ланц фон Либенфельс Й.* Указ. соч. С. 65.
[2] Там же.

и бессмертия, которое и было у первопредков в момент их создания.

Зачем боги наделили человека сверхъестественными качествами? Дело в том, что человек, наделенный разумом и даром речи, рассматривается как «второй Логос». Поскольку божественный Логос (Хуракан) сотворил Вселенную, то и человеческий Логос способен во всей полноте отобразить в себе все, что сотворено божественным Логосом, — все тайны мира. За эти качества первопредки благодарят богов: «Мы стали людьми, нам даны рот и лицо, мы говорим, мы слышим, мы думаем и ходим, мы совершенно чувствуем, и мы знаем, что находится далеко и что находится близко» (с. 82). Высшие способности первых людей касались сферы познания. Они были способны увидеть и познать весь космос. Эти способности первопредков соответствуют первой фразе творения: «Пусть придет свет». Как при создании мира Словом свет, впервые явившийся в наш космос, осветил его весь, от края до края, так и первопредки сразу после создания могли созерцать весь мир, осмыслить и словесно проговорить все его тайны от края до края — все его прошлое и будущее. Такое совершенное зрение первопредков не может быть понято иначе, как результат деятельности изначального творящего света, а их мудрость пробуждена вспышкой творящей молнии, пронизывающей первозданную тьму.

Третьим носителем света знаний и божественного Слова оказывается сама книга «Пополь-Вух», так как в ней открыты все тайны прошлого и будущего. «Пополь-Вух» — священная Книга, дарованная поколению кукурузных людей. Однако в ней содержится рассказ о событиях, произошедших до их создания — о творении мира и о первых человеческих расах. Поскольку эти два поколения были уничтожены, то первопредки сами из эмпирического опыта не смогли бы узнать о них. Рассказ о них в «Пополь-Вух» свидетельствует, что

это откровение самого бога, явившего в ней свет истины, пронизывающий всю историю мира от начала и до конца. Поэтому, когда о первопредках сообщается, что они «видели даже вещи, скрытые в глубокой темноте», то кроме указания на духовное зрение и ясновидение здесь еще содержится и намек на дарование им книги «Пополь-Вух».

Первопредки усиленно благодарили богов за эти дары: «Поистине воздаем мы вам благодарность тысячу раз» (с. 82). Однако боги воспринимали эту благодарность «с неудовольствием», их испугали те сверхспособности, которыми они сами же и наделили людей. «Это нехорошо, что говорят наши создания, наши творения; они знают все: большое и малое!» (с. 82). Каждое творение человека сопровождается в «Пополь-Вух» катастрофой. На сей раз боги решили не уничтожать людей, а только уменьшить их силу. «Это нехорошо, то, что они говорят. Разве они по своей природе не простые создания нашего творения? Разве они должны стать божествами? <...> Давайте немного сдержим их желания, потому что нехорошо это, что мы видим. Разве они должны быть равными нам, своим творцам, кто может видеть далеко, кто знает все и видит все?» (с. 82–83). Дело в том, что равновеличие богам отрицает принцип служения им. Боги же, создавая людей, были озабочены не тем, чтобы создать существ, равных себе, а тем, чтобы создать существ, которые бы служили им и «призывали их имена». Не грех, не преступление, а, напротив, излишнее совершенство приводит первопредков к уменьшению их способностей. Здесь нет идеи грехопадения и изгнания из рая, так как первопредки не согрешили, не пали, не бунтовали против богов. Это связано с тем, что в мифе, как верно отмечает Ален де Бенуа, «человек по своей природе является невинным»[1]. Это не наказание за преступление, а, ско-

[1] *Бенуа А., де.* Как можно быть язычником. М., 2004. С. 78.

рее, желание богов уберечь первых людей от возможной ошибки. Так боги «немедленно... изменили природу своих созданий, своих творений» (с. 83).

В момент создания первопредки по своей природе были подобны богам. Это означает, что первопредки имели сущность и волю, сравнимую с сущностью и волей Творца. Духовная божественная сущность действовала в первопредках, и они были столь же совершенны, как и их Создатель. Однако боги, творя человека, вовсе не были заинтересованы в создании себе равных. Они создавали именно человека, а не богов. Первопредки должны стать не творцами мира (подобно богам), а творцами потомства — человечества. Поэтому боги более всего озабочены тем, что совершенные первопредки не пожелают иметь потомство: «А что если они не будут рожать и умножаться, когда наступит заря, когда поднимется солнце? И что (будет), если они не умножатся?» (с. 83).

Творческая способность делает первопредков богоподобными. Однако цель их творчества должна быть совершенно иная. Творческая способность бога подчинена только богу, его творящей воле. Но творческая способность человека не должна быть подчинена человеку, иначе он станет богоподобен, а может быть подчинена высшей божественной воле. Творчество бога самостоятельно, но творчество человека подчинено замыслу бога. Поэтому боги и хотят «немного сдержать желания» человека, уменьшить его творческую волю только до желания создавать потомство. В этом пункте и происходит лишение человека богоподобия. Бог творит от себя; человек же творит не от себя (как бог), а от бога. Поэтому бог становится творцом человека, а первопредки — отцами человечества. Невозможно не провести здесь параллель с индийским мифом. В «Бхагавата-пуране» говорится, что после нескольких неудачных попыток создания человека Брахма сотворил четырех мудрецов — Санаку,

Санаду, Сантану и Санаткумару. Однако их мудрость была настолько велика, что превосходила цели и задачи бытия. Они не были склонны к делу творения и предались суровой аскезе и поклонению Васудеве, чем нанесли удар по самой цели своего существования. Разгневанный Брахма сотворил Рудру, который и продолжил дело творения[1].

В качестве решения проблемы боги уменьшили первопредкам остроту зрения. «Пусть их зрение достигает только того, что близко; пусть они видят лишь немногое на лице земли!» (с. 82). Для этого Хуракан «навеял туман на их глаза, который покрыл облаком их зрение, как на зеркале, покрытом дыханием. Глаза их были покрыты, и они могли видеть только то, что находилось близко, только это было ясно видимо для них» (с. 83). Запрет накладывается на зрение, на дальновидение, на ясновидение. Как в начале творения бог скрыл свет в материи, в объектах творения, так же он лишил и первых людей способности к ясновидению. Бог скрывает от них свет и тайны мира и времени. Поэтому не только зрение предков ухудшается, но и их мудрость уменьшается. «Таким образом была потеряна их мудрость, и все знание четырех людей, происхождение и начало (народа киче) было разрушено» (с. 83). Важно последнее замечание: разрушено было только «начало» народа киче. Это означает, что бог уменьшил способности первопредков людей, спасая их от ошибочных действий, но сохраняя этот свет для людей, которые смогут его заслужить в будущем. Уничтожено было только «начало» племени киче, чтобы это уничтожение не стало концом нового человечества. Свет творения, как и свет мудрости, которого были лишены первопредки, скрыт в «Пополь-Вух» — Книге Света и светоче мудрости. В ней открывается знание четырех углов неба, прошлого и будущего мира.

---

[1] *Томас П.* Индия: Эпос, легенды, мифы. СПб., 2000. С. 27.

Свет знаний и мудрость, дарованные первопредкам изначально, затем были скрыты, чтобы сохранить всю полноту знаний в тайне. Скрытость знаний, умаление мудрости необходимы по двум причинам — чтобы появился порядок и закон в этом мире и чтобы оставить для людей возможность познания и совершенствования. Если бы люди видели и знали все с самого начала, то у них не было бы желания совершенствоваться, развиваться, и тогда они перестали бы быть людьми. Если у людей отсутствует желание развиваться, а присутствует только уверенность в достигнутой полноте знаний, то исчезает порядок и желание соблюдать законы и придерживаться правил. Уменьшение способностей людей — на самом деле благо, а не наказание, дар способности к самосовершенствованию. Умаление способностей первопредков — это сокрытие знаний для будущих поколений, залог совершенствования и сохранения новой расы людей. Именно потому, что первые две расы людей были лишены способности к совершенствованию, они деградировали и погибли. *Те, кто слишком совершенен и не способен к развитию, перестают быть людьми.*

Стоит заметить, что неспособность глиняных и деревянных людей к духовному и умственному развитию была связана с обратным течением времени. Они не накапливали знания, как это бывает при правильном развитии, а растрачивали их (забыли речь, отказались от прямохождения и т. д.). Наделяя первопредков всей полнотой знаний с момента создания, боги совершают ту же ошибку обратного движения. То, что боги забирают мудрость у первопредков, но оставляют человечеству возможность духовного развития, показывает, что они не просто осознали и исправили ошибку, а что они наконец-то *запустили время в правильном направлении.* Отныне предки существуют не в обратной, а в истинной реальности. Это открывает дорогу солнцу к восходу, а человеку — к духовному развитию.

Когда четыре первопредка были созданы богоподобными, то они могли свободно воспринимать божественную энергию, мощным потоком истекавшую в наш мир, и достигать в познании и мудрости высоких результатов. Однако эти открытия и прозрения не были результатом их собственного достижения, а лишь следствием того, что в них вложил Творец при создании. Когда же Творец уменьшил их способности, то благодаря этому люди получили возможность духовного развития, самостоятельного обретения знаний. Они получили способность преодоления незнания, что ведет к восстановлению их связи с Творцом. Отобрав у людей сверхчеловеческие врожденные качества, Творец наделил их потенциалом обновления. Лишенный творческого потенциала сверхчеловек не смог бы существовать и выродился бы, подобно деревянному человечеству. «Пополь-Вух» открывает перед нами закон, по которому *высшее знание, всеведение парадоксальным образом связано с падением, с умалением.*

Проведенное богами умаление сверхспособностей можно считать корректировкой творения, его исправлением, изъятием «излишних способностей». Однако верно и обратное: жизнь человека на земле стала возможной лишь вследствие умаления способностей и падения, погружения во тьму материи. Это падение оказывается переходом на иной уровень реальности — в наш материальный космос, пребывание в котором несовместимо со сверхспособностями. Закономерным становится здесь появление Хуракана (с. 83), вмешательство которого всякий раз указывает на перемену реальности. Первопредки не наказаны (как прошлые расы), а преобразованы в соответствии с новой реальностью — местом их пребывания. Умаление способностей — это уподобление грубой реальности нашего мира. Без такого изменения формы и уподобления реальности они и не смогли бы в ней существовать.

Поскольку в этот момент совершается переход от одной реальности к другой (даже изменяется течение времени с обратного на прямое), то боги и насылают на людей амнезию. Амнезия поражает народы и отдельных людей всякий раз при смене реальности. Поскольку первопредки в момент творения смогли в ясновидческом экстазе узреть всю историю мира от начала до конца, то без этой амнезии, без сокрытия будущего и затемнения истины мир и не смог бы существовать. Забвение предками прежнего совершенства становится для богов залогом того, что люди не восстанут против них. *Таинственная амнезия стоит стеной между богами и людьми.* Утрата памяти — необходимое условие дальнейшего существования космоса и человечества в нем.

Высшее знание, как видно, прямо связано с падением и приводит к нему, но также и с самой жизнью человечества, с духовным восхождением и стремлением вернуть утраченное совершенство. Творение первопредков совпадает с получением какой-то информации, сохранение которой представляет опасность для мира. Рождение человечества сопровождается утратой изначальных знаний, но с *сохранением памяти об этой утрате.* Отобрав высшие способности, боги оставили людям память о том, что эти способности у них были, хотя логичнее было бы стереть любые воспоминания об изначальной высшей мудрости и богоподобии. Для совершенства память об утраченных знаниях даже важнее самих знаний. Возвращение этих знаний превращается в долгий процесс *припоминания*, в вырабатывание в себе способностей к ясновидению. Завершающее возвращение утраченных знаний должно привести не к совершенствованию мира, а к его полному огненному преображению и преодолению. Этот исход открывается в подлинной природе «Пополь-Вух» — Книге Света, то есть книге преображенной материи, превращенной в чистую энергию.

Изначальное совершенство первопредков имело и внешнее телесное выражение. Сотворенный Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом, первый человек нес в себе эту двойственность. Его природа была андрогинной, и четыре первопредка называются «наши первые матери и отцы» (с. 81). Они были мужчинами от Великого отца и женщинами от Великой матери. Первопредки имели свойства Создательницы и Творца, так как возникли в результате соединения творческой воли мужского и женского божества, которые, задумав творение, «начали беседовать о сотворении и создании нашей первой матери и отца» (с. 81). Речь идет не о двух, а об одном человеке, иначе следовало бы сказать о «нашей матери и нашем отце». Первые четыре первопредка были, таким образом, андрогинами. Создание совершенного человека идет по той же схеме, что и творение совершенного космоса — изначальное соединение противоположностей (свет и тьма, мужское и женское). В состоянии совершенной целостности первопредки представляли собой соединение противоположных сторон, как и в начале творения мир представлял соединение всех сил и стихий. *Андрогинная природа первого человека есть продолжение синкретизма сотворенного мира.*

Тайна творения человека связана с мифом о воплощении двуполости и разделении полов. Будучи сам андрогином, Творец и первого совершенного человека создает обоеполым[1]. Стоит заметить, что глиняные и деревянные люди не были андрогинами, и это была одна из причин, почему они не смогли познать бога. В своей совершенной андрогинности он слишком отличался от них. Лишь четыре первопредка, первые из расы совершенных кукурузных людей, были андрогинами. Миф в «Пополь-Вух» соответствует мифу об андро-

[1] *Телегин С. М.* Анатомия мифа. С. 53–75.

гине в изложении Платона (диалог «Пир»). Здесь также изначальные андрогинные люди обладали колоссальной силой и представляли для богов опасность, из-за чего Творец счел нужным разделить их. Однако у Платона поколение андрогинов пыталось штурмовать небо и совершило этим преступление, а в «Пополь-Вух» об этом бунте против богов нет и речи[1].

Андрогин выступает как трансцендентный первообраз — идея совершенного человека. Ю. Эвола полагал, что «андрогинат есть абсолютное, не разделенное и не раздробленное дуализмом бытие, даже, возможно, бессмертное»[2]. Будучи андрогином, первочеловек становится совершенным прообразом всего человечества — мужчин и женщин в их совокупности, соединяя все полярности мира. Андрогин — это порождение андрогинного бога (Кукумаца), его первая идея о совершенном человечестве. Он становится не только посредником между богом и миром, но и ступенью в переходе от изначальной слитности к дифференциации, от Единого к множественному и далее — к всеединому. Объединяя оба пола, первый человек возвышается над полом, становится носителем «третьего пола», что в мифе ассоциируется с божественностью. Полнота образа Творца прямо связана с андрогинной целостностью человека. *Андрогин — вот истинный замысел бога о совершенном человеке.*

В мифах многих народов первый человек представлял собой андрогинное существо, что соответствовало такому важному принципу мифосознания, как синкретизм. Разделение же полов завершает творение и превращает совершенных и богоподобных людей в обычное человечество, далекое от совершенства. То же происходит и в «Пополь-Вух». У четырех первопредков неожидан-

[1] *Платон.* Федон. Пир. Федр. Парменид. М., 1999. С. 99.
[2] *Эвола Ю.* Метафизика пола. М., 1996. С. 73.

но появляются жены. «Тогда получили существование их жены, и были созданы для них женщины. Еще раз божество осуществило свое намерение» (с. 83). После этого первопредки перестали нести в себе два пола, сохранили только мужской и стали именоваться «отцами». «Таким образом были сотворены и созданы наши праотцы, наши отцы Сердцем небес, Сердцем земли» (с. 83). Вмешательство Хуракана вновь означает смену реальности — полное телесное изменение первопредков.

Андрогинность есть выражение тайны Творца, а разделение на два пола — тайны творения. Продолжение творения требует разделения андрогина, так как мир существует лишь благодаря устойчивому равновесию — делению на мужское и женское. Как космос сотворен в результате разделения стихий, так и человек нашей реальности был создан в результате разделения на мужское и женское. Поскольку творение человека повторяет процесс создания мира (закон разделения), это означает, что человеческое тело следует рассматривать только в качестве реальной формы существующего космоса. Созданные из кукурузного теста совершенные люди объединяли в себе разные стихии, скрепили все противоположности, слили Дух и Материю. Будучи расплавлены огнем самосознания и мудрости, все эти противоположности слились в единое нерасчлененное, совершенное тело. Это совершенство подчеркивается тем фактом, что в самом начале творения первопредки обладали исключительными способностями именно в силу своей божественной андрогинной природы.

Из-за того, что они соединили в себе изначальные противоположности, они и стали подобны богам, что, кстати, богам не понравилось. Разделение андрогина на мужское и женское означает лишение богоподобия и умаление сил и способностей. С разделения начинается первое нисхождение человека от совершенной цельности к разъединению и двойственности. Человек, получивший

в дар от богов слишком большие способности, перестает воспринимать их как дар и вместо благодарности богу скоро начинает испытывать только гордость. Утрата же совершенной целостности приводит и к утрате рая, так как несовершенное существо не может более пребывать в совершенном сакральном пространстве. Однако в мистериальном плане каждый человек сохраняет свою андрогинную природу, которая пробуждается в специальных ритуалах. Здесь уже открывается тайна возвращения утраченного совершенства и изначального рая.

Исходя из принципа *всеобщих соответствий*, в «Пополь-Вух» творение мира и человека предстает как параллельный процесс разделения. *Разделение — основной процесс космогенезиса и антропогенезиса.* Из этого следует, что разделение становится самой сутью формирования мира, самой сутью творения реальности. Это разделение имеет отношение именно к творению мира и к тварной реальности. То, что не сотворено, что не бытийствует, то и не разделено. Бог не является чем-то разделенным, ему присуща абсолютность. Хаос также не был разделен. Но в процессе творения происходит разделение света и тьмы, земли и воды, разделение изначального человека на мужчину и женщину. В то же время мир творится единообразно — божественным Словом, и существует как единообразие — как божественное высказывание. В способе творения мира Словом утверждается синкретичность и единообразие, поскольку он создан одним способом. Здесь утверждается *принцип подобия.*

Таким образом, хотя в тварной реальности царит принцип разделения, но различия между феноменами мира вторичны по сравнению с тем, что в своей изначальной сущности они подобны и нерасторжимы, поскольку это создание единой божественной воли, божественного Слова. Все явления нашего мира восходят к одной и той же единой божественной сущности, к единому божественному замыслу. Различия появляются на более поздней

и низкой стадии — в материальном физическом мире. Если принцип творения мира оказывается актом разделения того, что в своей сущности неразделимо, едино, это означает, что человеку открывается возможность восстановления утраченного андрогинного единства. Разделение как акт творения влечет за собой отказ от разделения как основу духовной эволюции человека на пути к Абсолюту. Разделение влечет за собой воссоединение как принцип совершенства и обожения.

Чтобы сотворить женщин, бог насылает на первопредков сон: «И они появились во время (их) сна» (с. 83). Бог погружает людей в сон, но раньше первопредки в этом сне не нуждались. Они были созданы в прекрасном теле с экстраординарными способностями и не испытывали потребности в сне. Только после того как бог отобрал у первопредков большинство их способностей, появилась и необходимость в сне как отдыхе. Это был их *первый опыт сна*, причем он же связан с дальнейшим развитием или корректировкой творения — разделением совершенного андрогина на мужское и женское. Принцип разделения как творения действует и здесь. Поскольку до разделения первопредки могли видеть весь мир наяву, то возможно, что их сон открыл им всю мировую историю до последнего дня. *Отныне сновидение заменяет ясновидение.* Возможно, сама мировая история — лишь сон четырех первопредков. В мистическом смысле они спят до сих пор (всегда «сейчас»), а мы и события нашей истории — лишь их продолжающийся в вечности сон. Хотя в тексте и говорится, что они пробудились, но *для нас*, как для героев их сна, они еще спят. Сон в одной реальности соответствует бытию противоположной. Их пробуждение будет концом их сна — нашей реальности. Для первопредков же пробуждение от сна логически связано с разделением.

В «Пополь-Вух» мужчина создан первым. Он появляется раньше женщины. При этом именно о нем говорит-

ся как о совершенном существе, равном богам. Чтобы сотворить женщин, бог погружает первопредков в сон, причем это происходит после лишения их мудрости. Следовательно, это сон разума, соответствующий слепоте незнания (затуманенный взор первопредков). То, что женщина сотворена во время сна мужчины означает также, что он превосходит ее в сознании. Женщина, сотворенная во время сна мужчины, — это его бессознательное, его раскрепощенные инстинкты. Женщина — это первый эротический сон, который осуществился. Сон первопредков начался, когда они были богоравными созданиями, а закончился падением, утратой способностей и явлением женщины. Так в «Пополь-Вух» женщина — это сон и падение изначального сверхчеловека.

Мужчина при создании был совершенным существом. Женщина же, созданная из него, предстает как зависимая, как часть целого (андрогина). Как образ сна, она не имеет собственной души или самостоятельной воли. Обрести душу женщина может, лишь вернувшись в мужчину. Мужчина утрачивает сверхспособности, когда из него выходит женщина. Он может вернуть их, только войдя в нее. Жизнь женщины, ее существование, обусловлены существованием мужчины, в то время как существование мужчины обусловлено существованием бога. Мужчина оказывается формальной причиной, экзистенциальным основанием женщины, в нем находится ее материальная опора. Мужчина, становясь начальной точкой женщины, непременным условием ее существования, оказывается и основанием для ее возможностей. Мужчина предстает как прототип женского, а женское — как дополнение мужского.

Сон есть средство метаморфозы — превращения одного в два, андрогина в мужчину и женщину. *Андрогин усыплен и расчленен.* Женщина возникла в результате разъединения, утраты совершенства. Можно было бы подумать, что женщины были сотворены как дар мужчи-

нам, как компенсация за утраченную мудрость. Но это не так. Дело в том, что люди созданы богами, чтобы восхвалять и кормить их. Больше всего богов страшит, что люди не станут плодиться. Когда предки проснулись, то увидели женщин, и «сердца их мгновенно были наполнены радостью при виде их жен» (с. 83). Эти слова означают, что когда первопредки пробудились от своих снов (от своих иллюзий относительно богоравности), то сотворенные женщины сразу превратились в их жен. Поскольку изначально первопредки были андрогинами, то следует понять, что их жены до разделения были ими самими, их частью. Жены первопредков связаны с ними теснее, чем просто узами брака. В высшем смысле брак указывает на возможность восстановления андрогинного единства. Это и является необходимым условием для желаемого богами результата — продолжения рода.

Разделяя мужское и женское и дав первопредкам не просто женщин, а жен, боги ставят перед человеком задачу «рожать и умножаться». Они хотят, чтобы первопредки, получив жен, стали воспроизводить подобные себе материальные формы (потомки), в которых бы содержался универсальный общий образ (Творец). Теперь у первопредков появилась возможность дать начало многим племенам и расселиться по всей земле, исполняя волю бога. «Они зачали людей, (людей) малых племен и больших племен» (с. 83). Боги не нуждаются в сне, человеку же сон необходим. Наслав на первопредков сон, боги определяют их место: они не боги, а люди. Также и причины умаления способностей и разделения на мужское и женское понятны: они не могут быть богами, не могут быть и равны богам. Однако человек получает благодаря всему этому способность к саморазвитию и к экспансии.

«Различны были имена каждого (народа), когда они умножились там, на востоке» (с. 84). Хотя прародина истинных кукурузных людей явно располагалась в районе

Северного полюса, тем не менее в тексте «Пополь-Вух» постоянно говорится, что племена пребывали «на востоке, где они умножились» (с. 84). «Три объединения родов», «тринадцать ветвей народов» и другие племена, имена которых названы, все они «также умножились там, на востоке» (с. 84), хотя речь идет при этом о проживании в краю с долгой, бесконечной ночью. «Возникло великое число людей, и в темноте они множились: не были рождены еще ни солнце, ни свет, когда они умножались. Они все жили вместе, существовали и блуждали там, на востоке» (с. 84). Речь идет, разумеется, об иной реальности, где Северный полюс — это восток.

То, что речь идет о противоположном мире, доказывается описанием внешнего вида живущих там людей: «Разные люди существуют под небом; имеются люди пустынь, лица которых никто никогда не видит, которые не имеют домов, они только блуждают, как помешанные, по малым горам и большим горам, поросшим лесами. Так рассказывали те, кто презирал этих людей пустынь; так рассказывали те, кто сами были там, на востоке» (с. 85). Люди, существующие «под небом», — указание на небесный план бытия. Люди пустынь, не имеющие лиц и блуждающие как помешанные, — это существа из иного пространства, так как пустыня — это противоположный план нашего мира, а безумие в ином мире — это мудрость в нашей реальности.

Автор «Пополь-Вух» испытывает неприязнь к пустыне и к народам пустыни потому, что пустыня в своем единообразии отрицает идею творчества и многообразия жизни. Пустыня — не дом, а кочевники не имеют понятия о собственности и стабильности. Их лица никто не видел, и это означает, что у них отсутствует личность. Для кочевников понятие *места* и *личности* не существует. Разнообразие взглядов на мир и на отношения человека и бога совершенно отсутствует в однообразном пространстве пустыни. Она находится вне жизненной

сферы. Пустыня враждебна всем ценностям полноценного космоса с его плодородием и цветением. В силу этого народы пустыни ведут себя агрессивно по отношению к космосу и озабочены лишь одним — распространением пустыни.

Тринадцать «ветвей народов», упомянутые в «Пополь-Вух», — это священное число. Майя верили в существование тринадцати небесных сфер. Они соотносятся с тринадцатью месяцами и знаками зодиака в астрологии майя. Тринадцать — это совершенное число нашей реальности. Оно означает, что ее формирование уже завершилось, небесный круг замкнулся. Не случайно и упоминание об ольмеках («тепеу-оломан» — с. 84). Культура ольмеков была «материнской цивилизацией» для других культур Центральной Америки. Цивилизация майя также испытала влияние ольмеков и заимствовала из нее многие духовные, религиозные и культурные ценности[1].

Важным представляется и упоминание о двух противоположных по цвету кожи расах. «Там находились тогда в большом количестве черные люди и белые люди, люди с разной внешностью, люди столь многих наречий, что удивительно было слушать их» (с. 84). Сакральный текст, разумеется, выше обычных расовых трактовок. В книге «Чилам Балам» говорится о «белых детях неба»[2]. Тогда «черные» — порождения противоположного, инфернального пространства. Единство белых и черных указывает на единство противоположных реальностей. *Черное — это белое противоположного мира.* Единство черного и белого подобно единству тела и души. Белое соединяется с черным, как правое с левым, день с ночью. Противоположности взаимодополняемы, представляют двойственное единство. Сакральную реальность не-

[1] *Guirao P.* El enigma de los mayas. Barcelona, 1980. P. 158.
[2] El Libro de los Libros de Chilam Balam. P. 68.

возможно понять без учета противоположной стороны, иначе она превращается в однобокую, профанную.

Первопредки не были язычниками, не поклонялись духам природы, а имели откровение об истинном Творце. «Они не взывали ни к дереву, ни к камню, но хранили в памяти слово Создательницы и Творца, Сердца Небес и Сердца Земли» (с. 85). Они не верили в богов природы, не обожествляли природу и ее явления, а верили в единого Творца мира. Именно культ Творца природы лежит в основе примордиальной Традиции по версии «Пополь-Вух». Будучи откровением Логоса, «Пополь-Вух» несет в себе истину о монотеизме — Слово Создательницы, Творца, Сердца Небес и Сердца Земли, которые воспринимаются здесь единосущно. Именно этой верой в единого Творца «Пополь-Вух» объясняет и наличие у племен одного языка: «Все они имели только одно и то же наречие» (с. 85). Изначальное единство человечества и существование единого языка становится доказательством изначального монотеизма. В видимой массе божеств скрывается единый лик бога, проявленный в нашем мире разными сторонами реальности и аспектами бытия.

Религиозная Истина преломляется здесь сквозь призму космического, и это преломление порождает Создательницу и Творца, Сердце Небес и Сердце Земли, хотя в высшем плане реальности они совершенно едины. Кроме всего прочего, в «Пополь-Вух» отражено убеждение, что поклонение «дереву и камню» (и в естественном виде и в качестве материала для идолов) возникло после утраты или забвения истинного «слова Создательницы и Творца». Такое поклонение силам и духам природы не предшествует монотеизму, а становится следствием его забвения и упадка религиозной жизни. Поклонение же Творцу, как оно показано в «Пополь-Вух», — это поистине откровение трансцендентного бога, данное в «слове».

Одна из главных обязанностей человека — *познание* своего бога. Это богопознание совершается первопредками в молитве: «И они слагали свои молитвы, наполненные словами любви, полные любви, послушания и страха» (с. 85). Молитва — это словесное действие, вытекающее непосредственно из веры. Молитва — акт коммуникации между верующим и богом. Настоящая молитва достигает высших сфер, совершает прорыв из нашей реальности в Абсолют. Поэтому предки «поднимали свои лица к небу», когда произносили молитву (с. 85). Она будет услышана и приведет к требуемому результату — к изменению нашей реальности (хотя бы и в мелочах). Поэтому первопредки просят «себе дочерей и сыновей»: «Дай нам наших потомков, наше последование» (с. 85). Они просят дать им «много хороших дорог, ровных дорог!» (с. 85). Первая в мире программа по дорожному строительству не может обойтись без вмешательства Творца. Действительно, построить хорошие дороги — задача не менее трудная, чем сотворить космос целиком. Предки просят бога указать им верный путь, поскольку знают о том, что им предстоит долгое странствие и переселение в другие земли. Они навязчиво пристают к богу с просьбами о «мире во всем мире», о счастье, о «хорошей жизни и полезном существовании» (с. 85). Они действуют на бога гипнотизирующе нескончаемым словесным потоком. Однако при этом молитва — не униженная просьба, а проявление действенной воли, высказанной в слове и направленной к богу.

Странно, что первопредки молят богов послать им потомство. Плодиться, умножаться, рожать детей — это завет, данный человеку при его творении. Это обязанность человека, поэтому просить богов о ее выполнении кажется несколько излишним. Однако отношения между человеком и богом строятся так, что человек должен просить у бога разрешение сделать даже то, что он и так обязан был совершить. Дарование потом-

ства — это обязанность со стороны людей, но милость со стороны Хуракана. Если Хуракан не дарует людям потомство, то они не выполнят свои обязанности и будут уничтожены, подобно глиняным людям. Милость богов добровольна, бескорыстна и не требует от людей взаимности. Бог милостив сам по себе, а не вследствие поведения людей. Но люди должны просить об этой милости, поскольку таковы их обязанность и судьба. Рождение детей, продолжительность жизни и благополучие зависят от судьбы. Хуракан же выше человеческой судьбы и милостив.

Бог близок всем, кто призывает его. Молитва объединяет небесное и земное, человеческое и божественное, низшую и высшую реальности. Она — молниеносный прорыв в Абсолют, соединение Полюсов земли и неба. Поэтому закономерным оказывается обращение к Хуракану. «О ты, Хуракан, Чипи-Какулха, Раша-Какулха, Чипи-Нанауак, Раша-Нанауак» (с. 85). Это обращение к Хуракану вновь обозначает смену реальностей, завершение одного этапа и начало нового. Молния, сущность этого бога, представляет собой небесный огонь, не просто пронизывающий пространство, но меняющий во время вспышки саму реальность. Она освещает мир или представляет его в ином свете. Вспышка молнии мгновенно являет взору то, что было скрыто — истинную природу вещей. Поэтому молния соотносится с озарением мыслью или мгновенным явлением света истины. Хуракан становится молнией в качестве бога-Слова. Произнесенное Слово, творящее мир, преображающее хаос в космос, подобно вспышке молнии. Через молитву богу и называние его имени благословение присутствует во всех мирах, сходит по Оси Мира с неба на землю в виде молнии или Зеленого Луча. Единство Хуракана в трех лицах соответствует единству трех уровней и состояний реальности в Абсолюте. Хуракан, подобно Мировой Оси, соединяет их своим Именем как молнией.

В силу этого он становится божеством, «сущим в небесах и на земле, Сердцем Небес, Сердцем Земли» (с. 85). Только в районе Северного полюса возможно представление о боге как о Господине неба и земли, объединяющем два эти уровня реальности. Лишь там возможно представить себе космическую вертикально установленную Ось, проходящую через два Полюса — небесный и земной (два Сердца). Здесь открывается главная природа бога как высшей власти над миром. Он, сотворивший небеса и землю, становится их Сердцем, их сущностью и Повелителем. Сущий на небе и на земле — это значит, что бог определяет не только их *существование*, но и их *существо*. Начало этого мира — в познании, что у него есть не просто Творец, но и Повелитель.

В молитве первопредков соединяются любовь и страх. Страх должен содержать любовь, а любовь нести в себе страх. Благодаря этому противоположности соединяются, и двойственность предстает как нераздельное единство. Страхи людей часто происходят из любви бога, а любовь к богу зачастую связана со страхом перед ним и его могуществом. Сакральный текст открывает, что страх и любовь не противоположны, а взаимообусловлены и соединяются в Абсолюте, где страх божий и божья любовь едины. Кроме того, наш страх — это и есть любовь в противоположной реальности, и наоборот. Сакральный текст постоянно настаивает на мистическом тождестве противоположностей.

Кроме потомства, первопредки истово молят Творца послать им рассвет: «Пусть наступит заря, пусть придет день! <...> Так говорили они, когда они высматривали и призывали, полные ожидания, восход солнца, наступление дня» (с. 85). Все это весьма странно. Первопредки столько уже всего смогли сделать в течение бесконечно длящейся ночи, что день им, как кажется, не так уж и обязателен. Тем не менее явление солнца и приход дня необходим им, поскольку будет означать завершение

формирования нашей реальности. Однако заря долго не наступает, что совершенно не соответствует тому, как протекает рассвет в тропиках. Устав от ожиданий, первопредки «выслеживали утреннюю звезду, великую звезду, что движется перед солнцем» (с. 85). Племена ищут «великую звезду» рассвета. Эта звезда открывает будущий мир, она создает новую реальность, вводя солнце и меняя тьму на свет, а антимир на мир. Это изменение реальности должно произойти с приходом солнца: «А солнце — пожар, освещающий небеса и землю, — озаряет шаги людей, созданных и сотворенных» (с. 85). Таким образом «великая звезда» становится знамением нового мира, а солнце вводит людей в реальность, дарует им бытийность. В этом описании отчетливо передана ритуальная ситуация перехода от долгой ночи к встрече зари.

Жрецы не просто ждут рассвета: «Давайте спокойно подождем наступления дня!», — уговаривают они друг друга (с. 85). Они обращаются к богам с молитвой, поскольку всегда есть опасность того, что после долгой ночи рассвет не придет и воцарится первозданный хаос. Поэтому «их сердца устали от ожидания солнца» (с. 86). Текст «Пополь-Вух» переполнен не только тоской от долгой ночи, но и чувством надежды на рассвет. Тогда они решили отправиться в путешествие, чтобы поискать, «нет ли чего, что мы могли бы признать, как наших покровителей», и особенно то, «что должно гореть перед нами» (с. 86). Неясно, почему они ушли оттуда, где жили сначала. Никакой естественной или катастрофической причины не указано. Вероятно, они просто искали место, где к ним могли бы явиться их боги. Их ведет жажда обретения бога, поиски бога направляют их странствие.

В то время у предков не было изображения богов, «и не было у них (божества), которому они должны бы были приносить жертвенные дары и (искать) покрови-

тельства; они могли лишь поднимать свои лица к небу» (с. 84). Это место в «Пополь-Вух» говорит об очень важной религиозной реформе. Раньше у предков людей был только невидимый трансцендентный бог, к которому они обращались, глядя в небо. Теперь же они пожелали получить личных племенных богов, которые были бы их земными покровителями. Речь идет о зарождении нового культа — племенных и семейных богов, который оттесняет культ невидимого трансцендентного бога.

«И, услышав о городе, они отправились туда» (с. 86). Город, куда они отправились, назывался Тулан. «Таково было имя города, куда они отправились, чтобы получить своих богов» (с. 86). Сочетание «своих богов» прямо указывает, что это были племенные боги. Так и произошло. К Балам-Кице явился бог Тохиль, Балам-Акаб получил бога Авилиша, Хакавиц стал богом Махукутаха, а Ики-Балам получил бога по имени Никакахтаках. При этом верховным богом, общим для всех родственных групп, стал Тохиль. «Велики, воистину, были бытие и сущность этих трех: Тохиля, Авилиша и Хакавица» (с. 87). Долгий поход в поисках сакрального города — места встречи с богами — означает долгий духовный поиск своего места, своей души и своего бога. Хотя «они были бедны, они не владели ничем, но они были людьми, дивными по своей природе» (с. 87). Их внешнее ничтожество (они носили только шкуры животных — с. 87) соотносится с высокими духовными качествами, а путешествие в Тулан превращается в духовное странствие, которое, «пока они добрались до Тулана, было очень продолжительным» (с. 87). Вхождение в Тулан — не просто встреча с богами. Это установление брачного союза между человеком и богом.

Зачем люди пришли в Тулан? Здесь они обрели своих богов, свою славу и единство. Вход в Тулан означает вхождение в сакральное, открытие сакрального Центра преобразования личности. Это вхождение в Тулан важно, поскольку открывает этап космических метамор-

фоз — переход от мифического к историческому, ночи к дню, от антикосмоса к космосу. В Тулане люди не просто обрели своих богов. Там же «могущество внезапно пришло к ним; велика была свойственная им мудрость, когда они свершали свои деяния во мраке и в ночи» (с. 91). Однако не здесь «они получили свою мощь и верховную власть» (с. 91). Они пришли в Тулан не для того, чтобы здесь жить, а чтобы во тьме арктической ночи трансформироваться. Они пришли в Тулан, который стал великим городом, чтобы здесь создать народ будущего и обрести верховную власть в новых землях, в которые они переселятся позднее.

«Пополь-Вух» показывает равноценность для мировой истории входа в Тулан и исхода из него. Вхождение в город и пребывание людей в Тулане во тьме соотносится с актом зачатия и вынашивания плода, за которым должно последовать рождение — исход из Тулана. Человеческий плод может получить рождение и активность только через пребывание в утробе. Так и заселение земли людьми не может произойти иначе, как после пребывания во тьме Тулана и исхода из него. Вход в него — мистический брак, дающий людям возможность прямого общения с богами.

Этот Тулан ни в коем случае нельзя путать с историческим городом Толланом, столицей тольтеков. Исторический город Толлан, находящийся в Мексике, был основан в IX в. н. э. вождем тольтеков Мишкоатлем, а само зарождение культуры тольтеков относится к 650 г. н. э[1]. Однако миф о Толлане (Тулане, Туле) как земном рае намного древнее. Он был известен еще ольмекам, с которыми киче сталкивались и о которых упоминается в «Пополь-Вух». Позднее это название переносилось многими народами на свои столицы, и считается, что было несколько исторических Толланов.

[1] La cultura tolteca // Tiempo. 31 de Julio de 1972. P. 63.

Характерно, что Тулан, о котором говорится в «Пополь-Вух», не был создан людьми. Город уже существовал, когда первые люди узнали о нем и пришли в него. Изначальность Тулана, его существование до творения кукурузных людей связано с тем, что этот город является особой формой божественного присутствия в нашем мире. Он не просто построен богами для себя или для людей, это не просто божественный город. На самом деле это зримое, материальное выражение божественного присутствия, явленного в структуре города. Это не просто место пребывания бога, а форма его пребывания на земле. Город упорядочивает и объединяет в сознании людей различные хаотичные элементы, устанавливает связь между макромиром и микромиром, между «верхней» и «нижней» сферой, между богом и человеком. Город становится образом космоса, отражает Вселенную в целом, но для этого он должен иметь особые сакральные упорядоченные формы.

При этом идеальные люди могут жить только в священном месте, в сакральном Центре, каким и оказывается Первый Город. Тулан — первый город в человеческой истории. Один из ацтекских мифов описывает местность, где был построен первый город Толлан. Считается, что человечество зародилось у некой Змеиной горы (Коатепек — по-ацтекски, или Чан-виц на языке майя). У подножия горы находилась площадка для игры в мяч, а рядом с ней — озеро или колодец (тоннель в иную реальность). Недалеко от него и был построен изначальный Толлан, город для первого человечества[1]. Это значит, что город стоит у начала истории и начинает всю человеческую историю. Город находится в самом центре человеческой цивилизации. Поскольку люди еще не знают, что такое город и как его строить, то за его

[1] *Джилберт Э.* Конец времен: Новый взгляд на пророчества майя. М., 2008. С. 330.

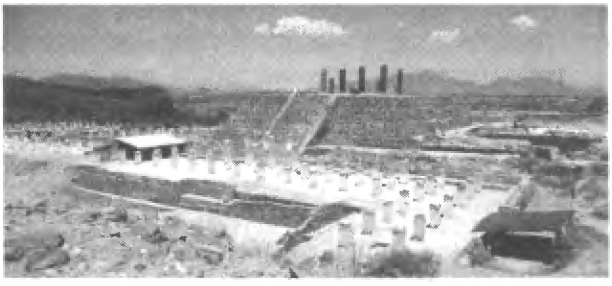

Рис. 18. Тула (900—1250 гг.). Мексика, штат Идальго

создание и приходится браться самому богу. Тулан — начало и материнская клетка всех последующих исторических городов. Все города включаются в Тулан как в своей прообраз. Все, что говорится о Тулане, может быть сказано и о любом человеческом городе. Поэтому появляется множество городов с названием Толлан, Тулан, Тула. Однако никакого множества городов не существует, а есть только *один Тулан*, объединяющий и поглощающий все остальные.

Мексиканская Тула (рис. 18) не есть древний мифологический Тулан, но она для мифологического сознания представляет собой некий передатчик духовной энергии, являясь эманацией силы из изначального Тулана. Тольтеки, создавая в IX в. н. э. свою Тулу, принесли это название из древней прародины. Историческая Тула (Толлан) тольтеков должна была стать воспоминанием о мифологическом Тулане, его продолжением на новом месте и своего рода попыткой возрождения древнего, утраченного Золотого века человечества. Этот первый мифологический Тулан был первым и высшим Центром, а все остальные города и центры становились лишь воспоминанием о нем.

В мифологической традиции в Центре Мира часто располагается священный Город. Такой Центр Мира — не просто замкнутое в себе, но именно сакральное про-

странство. Оно несет в себе сгусток сакральной энергии, которая, превращаясь в материю, формирует структуру города. В мифах творение мира и людей начинается «из Центра». Этот Центр оказывается благодаря своей первозданности и сакральности истинной реальностью. В мифе реально только то, что сакрально. М. Элиаде отмечает, что «"центр" есть область в высшей степени священного, область абсолютной реальности»[1]. В силу этого сакральный Центр Мира (Полюс) становится подлинной и высшей реальностью, определяющей реальность всего остального пространства. Каждый священный город, храм или жилище в древности строились именно в подражание этому сакральному Центру и как воспоминание о нем.

В Центре Мира происходит мистическое соединение всех противоположностей. Оппозиции достигают не просто совершенного равновесия и синкретизма, но и состояния изначальной непроявленности, недифференцированности. Это божественное изначальное состояние Первоначала. Достичь Центра — значит достичь Первоначала, изначального состояния бытия, и встретиться там с богом. Человек, находящийся в Центре Мира, достигает, как пишет Р. Генон, такого состояния: «Для того, кто находится в центре, все объединено, ибо он видит все в единстве Первопринципа», а оппозиции исчезают, поглощенные «синтезом трансцендентного сознания, адекватного единой и неизменной истине»[2]. В примордиальной Традиции сакральный Центр всегда соотносится с Полюсом — с неподвижной точкой, вокруг которой вращается весь остальной мир. Именно в силу своей неподвижности Полюс и становится сакральным Центром, несущим в себе закон неизменности и Вечного Возвращения того же самого.

---

[1] *Элиаде М.* Космос и история. М., 1987. С. 43.
[2] *Генон Р.* Символика креста. С. 76.

Как можно увидеть, мифологема сакрального Центра непосредственно связана с понятием Полюса мира. Об этом писал Ж.-М. Анжебер: «*Полярный* символизм традиционных городов представляется нам как неизменная ось культуры и всеобщности, которая во все времена отражалась в изначальной Туле, в точности совпадающей с первоначальной полярной осью нашего земного шара»[1]. Это означает, что сакральный город Тулан имеет не просто центральное, а именно полярное расположение. Такого мнения придерживался и О. Ран, который считал, что предки тольтеков пришли в Мексику с далекого севера, из страны Тулла или Туллан. «Они, — пишет исследователь, — считали эту землю своей прародиной, где начал царить лед и больше не было солнца. Они по-прежнему считали ее "раем" своих героев. Тольтекская Тулла полностью соответствовала таинственному острову Туле, тому Thule ultima a sole nomen habens — крайнему Туле, который обязан своим именем Солнцу»[2].

Не вызывает сомнения, что майя пришли откуда-то с севера. Само слово «север» — «шаман» на языке майя — было связано с понятием «древний», «оставшийся позади»[3]. В космологии майя север обозначался белым цветом. В. А. Кузьмищев предположил, что в памяти предков майя, пришедших с севера, сохранился белый снег[4]. Белый цвет мог нести в себе память об арктических льдах и снеге. Л. Спенс утверждает, что в «Пополь-Вух» «можно проследить точное передвижение этого народа с холодного севера к теплому югу». Киче, по его словам, «ушли из этих пасмурных северных краев с их арктической ночью в зону более благоприятного климата»[5]. Индейцы хопи считают своей прародиной

[1] *Angebert J.-M.* Las ciudades magicas. Barcelona, 1976. P. 17.
[2] *Ран О.* Двор Люцифера. Тамбов, 2008. С. 152.
[3] *Кузьмищев В. А.* Тайна жрецов майя. М., 1968. С. 25.
[4] Там же. С. 57.
[5] *Спенс Л.* Мифы инков и майя. С. 234-235.

Туванасави. Это место оказывается в мифах духовным центром и подлинным Центром Мира. Оттуда племена начали свое расселение по землям Америки, дойдя до Мексиканского залива[1]. Туванасави хопи — это то же самое, что Тулан-Суйва в «Пополь-Вух».

В «Пополь-Вух» содержатся довольно подробные сведения об изначальном Тулане. Прежде всего говорится, что Тулан находился именно в том краю, где царит долгая ночь. Почему в Тулане царит ночь? Следует помнить, что этот город не является домом для кукурузных людей. Это дом не для людей, а для богов. Полярный Тулан — это дом полярного бога Хуракана. Пребывание Хуракана и других богов в Тулане (там люди увидели своих богов) — это то же, что соединение с Подругой. Тулан как Дом Хуракана — это близость Подруги, возлюбленной. Соединение Хуракана с Подругой не может происходить при свете дня, открыто. Тулан не может быть открыт, как не может быть открыта нагота Подруги Хуракана. Нагота облачена во тьму, скрыта, как скрыт и Тулан — во мгле арктической ночи. Тулан — это душа, которая господствует в ночи, ночная Госпожа для человека и Подруга для бога. Душа того и другого томится по ней и ищет ее в ночи. Ночь так же неотъемлема от Тулана, как время от пространства. *Ночь — это время Тулана; Тулан — это пространство ночи.* Они неразрывны в точке священного Полюса.

Вселенная вышла из черного Центра. Это, судя по «Пополь-Вух», была мировая пучина, космический океан тьмы, Черное Солнце. Черное Солнце стало изначальной причиной, исходным пунктом всего бытия, источником Зеленого Луча — творческого света первого творящего Слова. Это изначальный творческий мрак, потенциальный хаос, черный свет которого нес в себе скрыто все цвета и формы мира. В лучах Черного Солн-

[1] *Овузу Х.* Символы индейцев Северной Америки. С. 85.

ца была сотворена Вселенная и развивались ее первые формы. Также в лучах Черного Солнца был сотворен «истинный» кукурузный человек, пришедший в ночной Тулан. Именно лучи Черного Солнца придали ему особые героические качества и творческие способности. Черное Солнце — это творческий исток, ядро эволюции, исходный пункт цивилизации Тулана, первоисточник души «настоящего человека», место, откуда вышло и воссияло наше теперешнее солнце. Только в лучах Черного Солнца можно увидеть истинную природу света и ярких лучей нынешнего огненного светила. Тайна Бытия скрывается в Небытии, свет выходит из тьмы, истина огненного солнца открывается в лучах Черного Солнца, сияющего над полярным Туланом.

Еще один указатель на полярное расположение Тулана — некий таинственный «камень» — омфалос или алтарь, рядом с которым люди получили откровение о своем боге. В «Пополь-Вух» говорится, что «они получили своего бога там, в Тулане, около камня...» (с. 98). Этот камень — омфалос или вефиль — отмечает Сердце Мира и имеет непосредственно полярное расположение. Он указывает на некую область, находящуюся в Центре Мира, которая может быть названа «верховной страной» и которая стала недоступна человечеству в нашу историческую эпоху. Омфалос несет в себе веру людей в Центр земли, в священный Полюс, вокруг которого вращается все остальное пространство. В этом сакральном образе, по словам Р. Генона, «выражается идея центрального Первоначала»[1]. Такой камень не просто отмечает Центр Мира. Он — сущность творения, сущность всего земного, материального, твердого. Он представляет собой материальное вторгнувшимся в духовное. Он — первое упорядоченное посреди изначального хаотического.

[1] *Генон Р.* Царь Мира. Коломна, 1993. С. 61.

Сакральный центральный камень представляет собой также и женское. Именно поэтому он расположен в Тулане, городе — образе материнского лона. Поэтому же и рядом с ним происходит явление бога. Бог является у камня в Тулане, как мужчина появляется у постели женщины, чтобы ее лоно породило потомство. В «Пополь-Вух» не говорится о том, какой именно бог явился у камня. Эта неназванность указывает на трансцендентность бога. Его схождение означает брачный союз жениха (бог) и невесты (город), где брачное ложе — центральный камень. Как невеста свидетельствует о красоте и величии своего жениха, так и Тулан свидетельствует о совершенстве и величии неназываемого бога. Их брачный союз — это единение Творца и творения, бога и города. Этот брачный союз может быть совершен только в Центре Мира, где земное и небесное соединяются — на Северном полюсе. Бог — это жених, входящий к своей невесте, являющийся у центрального камня (ложе) в полярном Тулане. Соединение бога и города — начало исправления, в результате которого должно явиться солнце и творение мира завершится. Жених-бог нисходит и является, а невеста-Тулан завершается, отстраивается. Завершение строительства Тулана обозначается превращением центрального камня (закладного) из жертвенного (первая строительная жертва) в брачное ложе, у которого и является бог.

Всякий бог должен быть невидимым, поскольку он не относится к материальному миру и не может получить конкретного образа. Это относится в равной мере к Хуракану, Кукумацу, Тохилю или Авилишу. Как же в таком случае он может явиться «около камня»? Поскольку бог невидим, вездесущ и не имеет пространственно ограниченного облика, то здесь речь должна идти не о внешнем образе бога, а о духовном общении с богом у особого сакрального Центра. Видеть бога невозможно, но возможно «получить» его — общаться с ним

в особом месте. Не будучи вмещаем в какую-либо пространственную форму, он являет свою сущность через сакральное пространство (камень, алтарь). Получение, обретение божества у камня означает получение, познание его трансцендентной природы и восприятие от него сакральной энергии и откровения. Здесь речь идет не о буквальном физическом общении или восприятии, а о духовном зрении, духовном познании и откровении. «Получить» бога у камня означает духовно приблизиться к нему, обрести дар ясновидения и, наконец, получить прямое откровение или схождение Духа. Это откровение и созерцание собственно духовного света, входящего в тело человека и освещающего его разум.

Как говорил М. Серрано, если человек получает откровение рядом с камнем, то это означает, что «Камень и Герой были одним»[1]. Пророчества открывались рядом с камнями, которые в силу этого становились «домами бога» и сакральными Центрами Мира. Дж. Фрэзер отмечает, что «представление о камне как об обители бога или других высших сил» было присуще многим народам, причем изначально вера заключалась в том, что «боги пребывают в камнях, и это-то вселяющее страх присутствие божества сообщало святость камню»[2]. Бог являл себя в камне, пребывал в камне («жилище бога»), которому поклонялись, поскольку в нем и через него являлось сакральное, совершалась теофания. Несомненно, что подобная вера обязательно опиралась на полученное у камня откровение бога, явление его божественной силы или его самого.

Омфалос отмечает как духовный, так и географический и мистический Центр, совпадение которых происходит на Полюсе. Это краеугольный камень, на котором будет построен храм, священный город или весь мир. Этот

---

[1] *Серрано М.* Воскрешение героя. М., 1994. С. 63.
[2] *Фрэзер Дж.* Фольклор в Ветхом Завете. С. 255.

камень — не просто Центр творения, но первая точка творения, из которой все развилось. В нем весь будущий мир свернут, находится потенциально. Творение — это разворачивание пространства кругами из центрального камня. Изначальное произнесенное творческое Слово превращается в краеугольный камень, который оказывается впрессованным Творцом в бездну и ставится в основание для всего мира. Мир не может быть сотворен, пока Творец не бросает в бездну основополагающий камень и не утверждает его в качестве опоры для мироздания. Поскольку мир творится из центральной точки, то такой камень может находиться лишь в срединной точке мира, в сакральном Центре, на Полюсе.

Центральный камень — «основа основ», и в то же время на нем устанавливается главная опора — полярная Ось Мира. Этот центральный камень отмечает первое явление бога, представляет собой алтарь и соединение двух полюсов — земного и небесного. Камень — *алтарь перехода* из одного пространства в другое, жертвенник, соединяющий нижний человеческий уровень с небесным божественным и Северный земной полюс с небесной Полярной звездой. Это камень, в котором объединяются небесный бог и его земное воплощение — город. Это знак середины мира, точка сакрального Полюса, существующая от сотворения мира. Здесь отсутствуют привычные законы пространства и времени, верх и низ, левое и правое, прошлое, настоящее и будущее сливаются воедино. Поскольку это было первое, что сотворил бог, создавая наш материальный мир, то именно здесь он и являет себя. В этой точке, у камня перехода, у основания мира, человек может общаться с богом, созерцать его, слышать его. *Бог является не просто у камня, а именно благодаря камню.* Размещение такого камня в Тулане лишний раз подчеркивает, что этот город расположен не просто в сакральном Центре, а буквально на Северном полюсе.

Еще одна важная особенность Тулана — расположение в пещерах. Город называется в «Пополь-Вух» Тулан-Суйва (Пещера Тулана), Вукуб-Пек (Семь пещер) и Вукуб-Сиван (Семь ущелий). Достижение города богов, высшего плана реальности означало движение сверху вниз. Поэтому и райский сад, где кукурузные люди были созданы, и божественный Тулан оба находятся на Полюсе. Только райский сад располагается на поверхности земли, а Тулан — в ее центре. В силу этого «долгое странствие» предков людей проходило не в горизонтальной, а в вертикальной проекции — от земного Полюса к подземному Центру. Первопредки спускаются с поверхности земли в самую низкую область обитания, в глубокие пещеры. Это было движение к центру земли, но не в Шибальбу. Тулан как город богов располагается в сакральном Центре земли — в глубоком подземелье, где наша плоскость бытия оказывается небесной твердью для замкнутого в пространстве пещеры мира. Люди решили достичь Центра Мира, но поняли это буквально — как центр, находящийся внутри земного шара. Подземелье Тулана — сакральная точка, в которой происходит соединение земного, небесного и подземного. Это место концентрации ментальной энергии, пункт перехода в невыразимую тьму астрального мира (поэтому в Тулане царит вечная ночь). Пещеры Тулана — вход в иную реальность, но не инфернальную, а небесную.

В сказке майя «Волшебный олень» говорится, что трое охотников, преследуя оленя, оказались внутри пещеры. Продвигаясь во тьме, они вдруг увидели впереди свет, и им открылся чудесный пейзаж — высокие горы, широкие реки, красивые долины. Пробыли охотники в этой стране всего два дня, но когда они вернулись в свое селение, то оказалось, что там прошло два года[1]. Волшебная пещера, в которой два дня соответствуют

[1] Легенды, мифы и сказки индейцев майя. М., 2002. С. 75–79.

двум годам на земле, — явное указание на арктический регион, на полярную прародину и на пещерный Тулан. Также привлекает внимание то обстоятельство, что начало нового года у майя приходилось на день зимнего солнцестояния. В астрологии майя этот месяц соотносился с созвездием Оленя (Козерог). Пещера Оленя — это день зимнего солнцестояния, пребывание полярного солнца в пещере ночи.

Семь пещер Тулана соответствуют прародине ацтеков Чикомосток («Семь пещер»). В ацтекском гимне богу Севера, богу Охоты (в переводе К. Д. Бальмонта) говорится, что бог возник «из Семи Пещер». «Из Семи тайников теней» «в стране Колючих Стеблей» он явил свой «быстроглазый лик»[1]. Поскольку бог Охоты одновременно и бог Севера, становится ясно, что страна «Семи Пещер», «чей глубинен туманный размер», находится именно в той стороне. Название «Семь ущелий» подразумевает наличие и семи гор, на которых расположился древний город. Также в аккадской и шумерской мифологии обиталищем богов была Гора Семи Пещер, Семи Ступеней[2]. Тогда следует предположить, что те города, которые строились как сакральные центры обязательно «на семи холмах», являются подражанием и земным воспоминанием о покинутой прародине, о священном Центре Мира.

Варг Викернес пишет, что корень thula входит в слова, означающие «фьорд», «залив», «в котором легко застрять и из которого трудно выйти. В таком случае в свободном переводе слово *Thule* значит "узкие фьорды", что вряд ли может означать что-то иное, кроме норвежского берега»[3]. Это слово также означает «конец мира на севере перед тем, как превратиться в небо: самый даль-

[1] Гимны, песни и замыслы древних. СПб., 1908. С. 41.
[2] *Уоррен У. Ф.* Найденный рай на Северном полюсе. М., 2003. С. 167.
[3] *Викернес В.* Скандинавская мифология и мировоззрение. Тамбов, 2007. С. 188.

ний конец»[1]. В этом случае название «Тулан-Суйва» — «ущелье Тулана» — всего лишь перевод древнего германского понятия на язык киче — «ущелье», «пещера». Само по себе это оказывается доказательством нордического происхождения мифа о Тулане в «Пополь-Вух» и северного его расположения. В названии «Тулан-Суйва» второе слово («ущелье», «пещера») — это всего лишь более или менее удачный перевод на язык киче первого («фьорд»). Тогда ущелье Тулана в «Пополь-Вух» — это описание норвежских (или гиперборейских) фьордов. В русском языке слово «тула» имеет значение «скрытое, недоступное, потаенное место». Если русский город Тула понимается как «скрытое место», то и у киче Тулан-Суйва — город, скрытый в пещере, в подземном темном мире, недоступный для человека сегодня.

Почему Тулан был построен не на поверхности земли, как прекрасный город, а расположился в пещерах, в подземелье? Тулан — город не людей, а богов. В Тулане люди обрели своих богов, и боги пребывают в Тулане. Однако до появления на небе солнца божественное присутствие в нашем мире не может быть явным, но только скрытым, затемненным. Боги присутствуют в Тулане, но пребывают в пещерах, в подземелье. Без солнца мир еще не завершен и недостоин явного присутствия богов. Скрытость Тулана — это его пребывание в «свернутом состоянии», в котором пребывал свет до начала творения. Это возвращение изначального Тулана в досотворенное, досозданное, дорожденное состояние — во тьму утробы, в центр земли. Поэтому там и царит тьма. Пещера Тулана противопоставляется обретенному пространству мира. Здесь земной мир противоположен подземному, явное — скрытому, дневное и светлое — ночному и темному, будущее — прошлому.

Второе объяснение может быть связано с тем, что Тулану предстояло быть разрушенным оледенением. Ес-

[1] Там же.

ли бог, создавая Тулан и заселяя его людьми, предвидел начало оледенения, то, естественно, он и строил его изначально с пониманием всего, что произойдет, когда это оледенение наступит. Скрытость, подземность Тулана подразумевала его функции как убежища в период оледенения. Именно подземная часть Тулана, его пещеры, становятся убежищем для людей с приходом лютого холода. Это строительство подземных убежищ от начавшегося оледенения отражено в «Авесте» в мифе о Варе. Описания пещерного, подземного Тулана сохранились в том же виде и у кельтов. Это — подземные селения сидов.

Тулан как город богов изначально был задуман и построен в двух ипостасях — как явный и как скрытый. В своем явном виде Тулан становится местом божественного присутствия в мире, где человек мог непосредственно созерцать бога и общаться с ним. В скрытом виде Тулан становится местом тайного пребывания бога в мире бесконечной ночи и местом инициации. Культ сакральных пещер как места инициации был распространен еще у ольмеков. Пещеры считались местом обитания первопредков и воспроизводили утраченную северную прародину. Такое отношение к пещерам сохранилось и у майя. Через эти пещеры устанавливалась связь с миром первопредков. Вхождение в пещеру и пребывание в ней означало ритуальное «возвращение» на утраченную прародину — в пещеры Тулана.

Пещера — место ритуальной смерти и возрождения. Вхождение в пещеры Тулана и исход из города имеет глубокое инициатическое значение. В самом приходе в пещеру Тулана можно видеть, кроме всего прочего, приготовление к инициации, обязательно завершающейся выходом из пещеры к свету, что и соответствует «второму рождению» и озарению. Пещера — место перехода из одного состояния в другое, который и осуществляется всегда в темноте. Ночная тьма полярного

Тулана соотносится с тьмой инициационной пещеры. Здесь устанавливается тесная связь священного Полюса, инициационной пещеры и даты зимнего солнцестояния с его ритуалами перехода. Инициатическая пещера рассматривается не просто как «образ мира», но, по словам Генона, «она особым образом олицетворяет центральное место в мире»[1]. Исход людей из Тулана имеет своей целью поиски света, места восхода солнца. Это получает смысл только в ритуале посвящения, где выход из пещеры — это «выход в свет», переход в истинную реальность и созерцание «умопостигаемого солнца»[2]. В силу этого «окончательный выход из инициатической пещеры» должен рассматриваться как олицетворение «выхода из космоса», из нашего материального мира тьмы[3].

Из «Египетской книги мертвых» (гл. CXLIV, CXLVII) известно, что в потустороннем мире у Осириса имеются семь Аритов (залов или дворцов), каждый из которых должен посетить умерший[4]. Так и семь пещер Тулана мистически отражают семь космических сфер. Если подземный мир Тулана является двойником высшего космического пространства, то его семь пещер или семь ущелий могут быть поняты только как отражение семеричной структуры космического пространства, известной всем древним народам. Число семь прямо связано с созвездием Большой Медведицы. Известно, что у ацтеков богом Большой Медведицы был одноногий Тескатлипока — двойник одноногого Хуракана. Не удивительно, что семь пещер Тулана становятся домом для небесных богов. Семеричный Тулан — это земной двойник небесной Большой Медведицы, полярный город — отражение околополярного созвездия. Семь темных, скрытых, подземных аналогичны семи высшим, небесным.

---

[1] *Генон Р.* Символы священной науки. М., 2002. С. 252.
[2] Там же. С. 255.
[3] Там же. С. 256.
[4] El libro de los muertos. Barcelona, 1979. P. 232–234, 250–253.

С другой стороны, семь пещер или ущелий Тулана должны быть, безусловно, признаны и как реальность — как архитектурная или географическая особенность древнего города. В этом случае сакральный план строительства города должен архитектурными средствами выражать космический план творения, а город становится планом неба на земле. В космическом плане число семь выражает цикл божественной жизни, что и должно быть воплощено в сакральной архитектуре города. Число семь несет в себе идею совершенства, синкретизма неба и земли, божественного и человеческого, мужского и женского в их андрогинном единстве. Соединение в семерке трех и четырех означает восхождение материи в Дух и преображение.

Семеричность есть общая черта как физического, так и метафизического мира. Семеричность Тулана устанавливает аналогию земного и небесного, физического и метафизического. Также семеричность Тулана имеет прямое отношение к семи энергетическим центрам в человеческом теле. Семь пещер Тулана — это человеческое тело с его семью чакрами. Так город становится земным воплощением человеческого тела или тела Космического Человека. Тулан потому и оказывается местом пребывания человека, что он создан по образу человеческого тела. Семь пещер Тулана несут в себе истину, что семеричное строение макрокосма порождает семеричную структуру микрокосма. В плане семеричности Тулан как город соединяет космическое (место пребывания) и человеческое (жители), является посредником между Вселенной и человеком.

В то же время, Хуракан, который триедин, творя космос, создает его четырехугольным. Поэтому, сходя в наш мир. Хуракан соединяет свою божественную троичность с земной космической четверичностью. Сакральный город Тулан, который становится земным домом богов и куда они нисходят, может быть, следовательно, только

семеричным. Семь — число сакрального Города, в котором мистически соединяются Творец и творение, бог и космос. Это место священного явления (иерофания) и священного брака (иерогамия). В силу этого семеричность должна рассматриваться как основа всей последующей мистики. В этом случае семь пещер Тулана указывают на сверхнебесный мир — на царство спокойствия, гармонии и блаженства, остающееся недоступным для профанного мира. Поэтому люди и не могут жить в нем постоянно, но зато встречаются там со своими богами. Через семь сфер-ущелий Тулана совершается схождение-восхождение, достигается Центр бытия и мир Абсолюта. Ставшие недоступными для простых людей, семь пещер Тулана становятся образом божественного мира, а его жители сохраняются от общения с обычными смертными. Бог даже озаботился тем, чтобы простые смертные вовсе утратили память о счастливой прародине на Северном полюсе.

Пещеры Тулана, полярного города, скрытого под землей, — это святая святых, сакральный Центр и сердце всего мира. Как сердце скрыто в теле, так Тулан скрыт в своей пещере в Центре земли. Тулан и посередине земли и внутри нее — в Центре. Полярный Центр становится в какой-то момент подземным. Внешний Центр оказывается внутренним, явное становится тайным, скрытым. Скрытый или утраченный Центр примордиальной Традиции связан с изменением реальности после исхода из полярного Тулана. Если исход требует полной и радикальной трансмутации реальности, то обитаемый ранее и открытый полярный Центр становится скрытым, невидимым, подземным. Уход полярной прародины под землю означает одно — *завершение гиперборейского цикла* развития нашей цивилизации, утрату изначального сакрального Центра и сокрытие примордиальной Традиции. Будучи скрытым, недоступным полярным Центром, Тулан, таким образом, представляет собой «ядро бес-

смертия», «обитель бессмертия» и несет в себе зародыш будущего мира света.

Все племена, которые пришли в Тулан, были единым народом. Они вспоминали об этом так: «Разве мы не имели один и тот же дом и одну и ту же страну, когда вы были сотворены, когда вы были созданы?» (с. 89). Это единство основывалось на общности языка. «Все они имели только одно и то же наречие» (с. 85). Единство языка связывается непосредственно с единством происхождения. «Мы имели только одно наречие, когда мы прибыли туда, в Тулан; в одном и том же месте мы были сотворены и стали людьми» (с. 88). Они также «не разделялись, потому что они имели бога с одним и тем же именем» — Тохиль (с. 87). *Один бог, один народ, один язык создают единую волю, преобразующую мир.* В Тулане это единое человечество получает неведомое прежде знание — бога Тохиля. Они признали его своим богом, и Тохиль согласился: «Хорошо! Конечно, я ваш бог. Да будет так! Я — ваш владыка, да будет так!» (с. 88). Почему был единый язык? Потому что был единый бог Тохиль. На этом священном языке единый бог говорил с единым народом.

Все языки говорят только об одном — о постижении нами Творца. В «Пополь-Вух» говорится, что люди были созданы богами с единственной целью — восхвалять богов, почитать их, называть их имена, то есть постичь их, иметь понимание о них. Умственные и духовные способности человека должны быть направлены только на одно — на постижение бога. Именно для этого и был предназначен дар речи. Характерно, что животные, лишенные дара речи, были наказаны, а первые две расы людей, не сумевшие овладеть этим даром, и вовсе уничтожены. Дар речи направлен лишь на одно — на постижение и познание богов. Поскольку Творец один и един, то и язык, на котором должно было быть осуществлено понимание бога, был изначально один. Но

древние философы и мифотворцы были убеждены, что человеческая цивилизация не развивается поступательно от примитивной к высокоразвитой. Напротив, наша современная цивилизация представляется деградировавшей по сравнению с цивилизацией «самых первых». Их знания были получены изначально и как откровение, а затем уничтожены. В главах «Пополь-Вух» подробно описывается, в чем была причина такого падения.

Сакральный текст сообщает, что в Тулане произошла языковая катастрофа. Языки разделились, что означало начало процесса удаления людей от выполнения своего предназначения — богопознания. «И там изменилась речь народов; их языки стали различными. Они уже не могли больше ясно понимать то, что слышали друг от друга, после того как прибыли в Тулан. Там же они и разделились» (с. 87). Разделение языков и племен — это продолжение творения как акта разделения. Как мир был создан в результате разделения, так и человечество в своем историческом прогрессе должно пройти этап разделения. Кроме того, разделение племен повторяет разделение первопредков на мужское и женское. Как изначальный андрогин разделяется на два пола, так и человечество разделяется на племена, и «были такие, кто отправился на восток, но большинство пришло сюда» (с. 87). История с разделением племен, как и история с разделением на мужское и женское первозданных андрогинов, подтверждает, что именно разделение — главный закон творения в «Пополь-Вух».

Однако это событие вызывает у людей горькое чувство, ввергает их в отчаяние: «Увы! Мы утеряли нашу речь! Что мы сделали? Мы погибли! Как же мы были обмануты?» (с. 88). Речь четырех первопредков стала «отличной (от нашей)» (с. 88). Это стало причиной не просто разделения, но и расселения племен, потому что «их речь изменилась, когда они ушли из Тулана в темноту» (с. 98). Речь должна быть разделена, чтобы раз-

делился народ. Болезненное разделение на одном уровне влечет за собой позитивное разделение на другом. Греческий миф сообщает, что в древности все люди жили под управлением Зевса в мире, не имея ни законов, ни городов, и говорили все на одном языке. Но затем Гермес ввел различные наречия и разделил человечество на разные народы, которые стали враждовать друг с другом[1].

Когда произошло разделение языков, то разделились и племена, а вместе с этим произошло и разделение богов. «Речь бога также изменилась...» (с. 98). Бог последователен в своей работе: он изменяет речь не только людей, но и бога. Иначе люди, говорящие на новых языках, не смогли бы понять древний и утраченный божественный язык. Внутренний смысл различных языков также различен, в силу чего люди, говорящие на них, постигают не бога, а лишь разные его проявления. Так языковая катастрофа в Тулане привела и к религиозной драме отпадения от единого бога, к началу его непонимания и непостижимости. Общий, единый язык жителей Тулана означает «единогласие», полное согласие во всем и установление единого культа. Утрата единого языка — это утрата согласия и разделение людей. Разделение прошло по сердцам и душам людей, вызвало у них страх и горе (с. 91). Утрата согласия означала различие в восприятии действительности разными людьми и, как следствие, — разделение людей и непонимание богов. Единство смысла и веры, как основа существования единого языка, было утрачено, что и привело к исходу из Тулана в поисках новой истины, нового объединяющего смысла — света солнца. Смешение языков и рассеивание рассматривается в «Пополь-Вух» как трагедия, преодоление которой возможно только в обновляющих лучах восходящего солнца.

---

[1] *Фрэзер Дж.* Фольклор в Ветхом Завете. С. 168.

Предание о разделении языков очень близко к библейскому мифу о Вавилонском столпотворении и разделении «на языки». На самом деле Вавилонская башня — такой же полярный образ, как и Тулан. При помощи этой башни древние люди, у которых был единый язык, хотели достичь неба. Однако древний человек знал, что небосвод движется. Следовательно, чтобы достичь неба, башня должна была быть построена так, чтобы смогла соединиться с единственной неподвижной точкой на небосклоне — с Полярной звездой. В середине 7-го тысячелетия до н. э. эту роль выполняла звезда τ из созвездия Геркулеса. Как известно, на звездных картах этот герой изображается с поджатой ногой[1]. Он вполне может совпадать с одноногим Хураканом — «Сердцем небес». Башня, достигающая небесной неподвижной центральной точки, могла быть построена только там, где эта точка оказывается прямо над головой (небесный Центр соединяется с земным неподвижным Центром вертикальной линией), — на Северном полюсе. Разрушение Вавилонской башни и разделение языков в Библии — это также воспоминание об утраченной полярной прародине. Такие представления, как уже отмечалось, не могли возникнуть ни в тропической, ни даже в умеренной зоне, но только на Полюсе.

Причиной разделения человечества стала не только языковая, но и климатическая катастрофа. Единое человечество должно разделиться, чтобы заселить все стороны мира. В этом смысл предания о Тулане. Как боги наслали туман на четырех первопредков, чтобы они не забывали о богах и стали плодиться, так и в Тулане, где жило единое человечество, произошел страшный катаклизм. Миф гласит, что «внезапно начался сильный ливень» (с. 88) и полил «черный дождь» (с. 89). Это

[1] *Зигель Ф. Ю.* Вам, земляне. М., 1983. С. 25; *Калашников В. И.* Мифы звездного неба. М., 2002. С. 38.

очень напоминает начало потопа, который погубил деревянных людей. Однако если потоп был необходим, чтобы погубить дегенеративное человечество, то в Тулане не произошло полного разрушения мира. Поэтому при уничтожении деревянных людей была использована не только вода, но и огонь, а при уничтожении Тулана — вода и лед. Необходимо заметить, что разрушение Тулана, хотя и напоминает, но на самом деле прямо противоположно гибели деревянных людей.

«Масса града выпала на головы всех племен» (с. 88). Если раньше в Тулане, несмотря на долгую арктическую ночь, был теплый климат, приемлемый для жизни, то теперь все изменилось. Пришел ужасный мороз, от которого люди стали умирать. «Много было града, шел черный дождь, был туман и неописуемый холод» (с. 89). В этих строках красочно, но точно описано начало оледенения. Люди «умирали от холода. <...> Они не могли больше переносить ни холода, ни града; они дрожали, и зубы их стучали; они совершенно оцепенели и были едва живы; их руки и ноги тряслись, и они не могли ничего держать в них...» (с. 88). Бог желал не уничтожить новое человечество, а расселить его по земле. В то же время, если деревянные люди были наказаны за то, что забыли бога, то кукурузное человечество, напротив, обрело бога в Тулане. В гибели Тулана вовсе нет никакого наказания. Идея вины и греха вообще не представлена в «Пополь-Вух», даже «вина» глиняных или деревянных людей весьма условна. Жителей Тулана не за что наказывать. Просто боги не хотят, чтобы все люди населяли только один город, который, кроме всего прочего, предназначен вовсе не для них, а для богов. Для этого Творец делает так, что в Тулане люди утратили единый язык, а сам город поглотил лед. Это был способ подтолкнуть их к вхождению в новую реальность земного существования.

Почему бог решил наслать на Тулан катаклизм, а людей изгнать из священного города? Вовсе не потому, что

они в чем-то согрешили и прогневали своего творца. Напротив, они были совершенным и избранным человечеством. Сам бог являлся к ним в Тулане, а они жили все вместе (белые и черные) и говорили на одном языке со своим богом. Творец наслал на Тулан лед, холод и катастрофу именно потому, что здесь людям было слишком комфортно жить. Они не были плохими и не желали сами уходить из города. Однако без исхода не состоялся бы и восход солнца. Бог заставляет людей уйти из Тулана не в знак наказания, а для того, чтобы они, покинув свою счастливую полярную прародину и город богов, испытали нечто, чего не было в Тулане, — рассвет. Это было не наказание, посланное людям за грехи, а шанс на дальнейшее развитие, дар совершенствования. В Тулане же они не обрели бы понятия о личном совершенствовании, так как жизнь там протекала под личным присмотром Творца и была и без того счастлива и совершенна.

Тулан, исходная прародина всех народов, как и прародина в «Авесте» и «Ригведе», располагался в районе Северного полюса, где люди селились в межледниковье. Именно с наступлением оледенения связывается гибель Айрьяна Ваэджо в «Авесте» и древнего Тулана в «Пополь-Вух». В легендах делаваров сохранилась память о древнем городе Тьюла (то же, что Тулан, Туле). В изначальные времена на первой земле Нетамаки за великим океаном Китахикау началась великая война между людьми и поклонниками бога-змеи. С культом змей на землю пришли порок, болезни и непогода. Темный змей принес на землю большие воды, которые затопили все, поднявшись до вершин гор. Тем временем в Тьюле появился предок всех живых существ и людей. Все живые существа и люди бежали от потопа в Тьюлу, и там они нашли спасение. Постепенно потоп кончился и вода спала, однако вслед за ней пришел великий холод: «Там был мороз, снег и холод». Люди отправились во все стороны на поиски новых земель, пригодных для жи-

лья, и разделились, причем делавары попытались «пересечь воды замерзшего моря, чтобы овладеть той землей». И. Донелли, анализируя этот миф, пришел к выводу: «Видимо, они странствовали во тьме арктической земли, пока не добрались до открытого моря»[1].

Индейцы хопи прямо говорят о начале оледенения. Они верят, что в истории земли несколько эпох сменяли друг друга и гибли из-за действия различных стихий. Второй из этих миров погиб из-за действия льда[2]. Также яркие картины, представленные в «Пополь-Вух», свидетельствуют, по мнению ученых, что предки майя жили когда-то в северных землях и испытали ужасы ледникового периода[3]. Отсюда — мифология огня и льда или доктрина «вечного льда» у многих народов, включая киче. Они верили в существование изначального холодного застывшего океана, в ледяные просторы Шибальбы и в гибель Тулана от холода и льда. Оледенение разрушило изначальную полярную прародину, в результате чего губительное воздействие холода и льда стало соотноситься с адскими муками. *С наступлением холода ад победил в древнем земном раю.*

Тьма и холод — это возвращение изначального хаоса, где свет не только скрыт, не явлен, но еще и не сотворен. Разрушение Тулана представлено как космическая катастрофа. Тьма (арктическая ночь) над Туланом и начавшееся оледенение рассматриваются как возвращение в изначальное досотворенное состояние мрака и ледяных вод. Мир словно бы возвращается к изначальному мраку и льду, из которого однажды уже вышел. Это полное *окончание реальности* — небеса покрыты тьмой, солнца, луны и звезд не видно, огонь в городе гаснет от упавшего снега и льда, наступает дикий холод. «...и огонь был потушен из-за града; только что приобретенный огонь снова исчез» (с. 88). Эти слова возвращают людей в ту

[1] *Донелли И.* Атлантида: мир до потопа. Самара, 2004. С. 101.
[2] *Guirao P.* Op. cit. P. 21.
[3] *Benavides R.* Op. cit. P. 285, 299–300.

первичную эпоху, когда слова «Пусть будет свет» еще не были произнесены. Разрушение Тулана означает гибель Полюса и всего космоса, конец сакрального, завершение божественного этапа.

Тулан, объединяющий подземное (пещеры), земное и небесное (мировая Ось), гибнет, в силу чего нарушается связь трех миров. Поэтому жители Тулана, во-первых, утрачивают прямую связь с богом, во-вторых, вынуждены покинуть пещеры Тулана и, в-третьих, у них остается только одно место для проживания — поверхность земли. Это и есть их *новая реальность*. Исход из подземного Тулана и утрата прямой связи с небом становится отправным пунктом для жизни на нашей земле, в этом мире, в сфере сознания, заслонившей как бессознательное, так и сверхсознание. Катаклизм и последующий исход из Тулана означают отрыв от предыдущей реальности, ее катастрофическое завершение.

Однако каждое катастрофическое изменение реальности сопровождается в «Пополь-Вух» компенсацией, даром человечеству от богов. Так, утрата первопредками мудрости была сразу же компенсирована дарованием им жен. Оледенение и разделение языка и племен в Тулане компенсируется дарованием огня. Сначала племена «не имели еще огня. Только народ Тохиля имел его. Он был богом племен, который первый создал огонь. Неизвестно, как он был создан, потому что он уже горел, когда Балам-Кице и Балам-Акаб увидели его» (с. 87). Несотворенность огня свидетельство того, что это первичный огонь, появившийся в мире с первым словом «Пусть будет свет». Как Хуракан принес в мир свет, так теперь Тохиль дарует огонь человечеству: «Не беспокойтесь! Ваш это огонь, о котором вы говорите, что он недоступен для вас» (с. 87). В силу этого Тохиль считался богом не только грозы и молнии, но и огня[1].

[1] *Lezama H.* Diccionario de mitologia. Buenos Aires, 1974. P. 305.

Можно предположить в связи с этим, что Тохиль — земное воплощение Хуракана, с которым совпадает и как носитель молнии, и как создатель света-огня.

Когда началось оледенение, то священный огонь «был потушен из-за града» (с. 88). Тогда первопредки Балам-Кице и Балам-Акаб «снова попросили Тохиля об огне» (с. 88). Бог снова «создал огонь» и научил первопредков добывать его, «пробуравив свою сандалию» (с. 88), то есть открыл им способ добывания огня трением. Однако «огонь у (других) народов тоже погас, и они умирали от холода» (с. 88). Люди пришли к четырем первопредкам с просьбой поделиться огнем: «Неужели у вас нет сострадания к нам; ведь мы только просим немного от вашего огня?» (с. 89). Тохиль соглашается дать огонь всем племенам, но с условием: «Хорошо! Согласны они отдать то, что находится у них под грудью и под мышками? Желает ли их сердце обнять меня, кто есмь Тохиль? Если они не хотят делать этого, то и я не отдам им огня» (с. 90). В обмен на огонь Тохиль потребовал от людей принести ему в жертву сердца и кровь. Сердца должны принадлежать богу, обращены к нему, и поэтому их следует приносить в жертву как доказательство «сердечной любви» людей к богу. Люди с радостью соглашаются на эту добровольную жертву: «Очень хорошо, мы принимаем это, и мы обнимем его» (с. 90). Они принесли в жертву богу свои сердца — свою любовь и свои «объятия». За это «немедленно они получили огонь. Тогда они согрелись» (с. 90). Правильное жертвоприношение обеспечивает благоприятное взаимодействие между верхним и нижним миром, между человеком и богом.

С древнейших времен человек почитал превыше всего именно стихию огня. «С того дня, — как пишет М. Холл, — когда Иерархии впервые спустились на священный остров в виде шапки полярного льда, огню было определено служить символом той загадочной

абстрактной божественности, которая струилась в Боге, человеке и Природе»[1]. Именно поэтому понимание могущества огня становится ключом к тайнам древних мистерий и ритуалов. В благодарность за огонь бог потребовал кровь людей. Это означает, что кровь людей соотносится с огнем богов как две стороны одной реальности. Огонь и кровь в такой жертве мистически объединяются. Жертвенная кровь соотносится с огнем. Кровь — это жидкий огонь; огонь — это кровь в божественной реальности. *Кровь питает огонь, а огонь превращается в кровь, как энергия в материю.* Поскольку кровь — субстанция души, то и огонь должен рассматриваться как пламя души. Огонь души воспламеняется любовью к богу в обмен на жертву крови. Кровь — плата людей за дар огня, причем в такой жертве кровь превращается в огонь. Огонь и кровь сочетаются как выражения души, и происходит алхимическая трансмутация одного в другое.

Тохиль дарует людям огонь, потому что огонь их любви к богу не должен гаснуть. В глубине души огонь поддерживается любовью, а во внешнем мире — принесенной в жертву кровью. Чтобы побороть холод и тьму души, этот огонь должен гореть *постоянно.* Когда огонь в Тулане гаснет из-за снега, люди замерзают. Духовная тьма и душевный холод захватывают власть над человеком. Однако Тохиль из любви к людям дарует им огонь в обмен на проявление их любви к богам — принесение в жертву своей крови. Получив огонь, человек больше не должен страдать от холода в Тулане и не должен допускать тьму и холод в свою душу. Так огонь души не должен гаснуть никогда. Огонь даруется богом, поскольку огонь является выражением божественной творческой воли и пробуждает в человеческой душе волю к сакральному, к высшему бытию.

---

[1] *Холл М. П.* Мистерия Огня. Сборник. М., 2003. С. 207.

В даре бога огонь — явление ранее скрытого, чем владел только бог, а отныне он становится владением всех людей. В даре огня проявляется любовь бога к человеку, его стремление, чтобы человечество не погибло. Даром огня бог признает перед человечеством свое отцовство, а человечество в акте жертвоприношения крови — свое сыновство по отношению к богу. Огонь пришел от Тохиля, то есть с неба, сверху. Огонь спустился к человеку с неба, поскольку человек самостоятельно не может подняться к небу и проникнуть в бесконечное. Но при этом огонь призван возносить душу человека к небу, вверх. Огонь приходит с небес, от бога, чтобы вознести человека на небо, к богу. Устремление человеческой души к богу приходит в созвучие с любовью бога к людям. Два эти устремления получают свое воплощение в движении огня. Следует сказать, что именно любовь (человека к богу и бога к человеку) зажигает вечный негасимый огонь, вводит бесконечное в конечное и возводит конечное и временное в абсолютное.

Удивительно, что в этом даре принимает участие и инфернальная сфера мира и души. С просьбой даровать огонь людям перед первопредками появился «некий человек», «который был посланником Шибальбы» (с. 88). Именно он передает первопредкам пожелание Тохиля, чтобы люди принесли ему жертву (с. 88–89). «Человек из Шибальбы» открыл первопредкам весть, что Тохиль является подобием Создательницы и Творца «и должен напоминать вам о них» (с. 88). Будучи «человеком из Шибальбы», он оказывается посланцем Создательницы и Творца: «Я послан теми, кто вас сотворил, теми, кто вас создал» (с. 89). Услышав это, первопредки «исполнились веселья, а Тохиль, Авилиш и Хакавиц были очень обрадованы в своих сердцах, когда человек из Шибальбы сказал это. И затем он мгновенно исчез из их глаз» (с. 89). Упоминание «человека из Шибальбы» как посланца не только Тохиля, но самих Создательницы и

Творца открывает истинную инициатическую ценность существования богов Шибальбы. «Пополь-Вух» открывает, что тайна небесного огня скрывается в преисподней. Сакральный текст показывает, что темное бессознательное несет в себе ключ к свету сверхсознания.

Этот эпизод должен подчеркнуть полную противоположность реальности Тулана реальности Шибальбы. Как небесный бог Хуракан явился в Шибальбу на помощь божественным близнецам, которые должны превратиться в солнце и луну, так инфернальный посланец преисподней приходит в Тулан, чтобы открыть весть об огне. Это два зеркальных события или одно событие в противоположных реальностях. Движение с неба в преисподнюю ради победы света превращается в противоположной реальности в движение из преисподней в сакральный город ради дарования огня.

Тохиль даровал огонь не всем племенам, а только тем, кто услышал его слова. Обладание огнем сразу отделило одни племена от других — пребывавших в осязаемой плотности ледяной тьмы. Огонь получили люди, обратившиеся к будущему миру, так как бог требует жертв не прямо сейчас, а «позднее». «Совсем не теперь они будут обязаны (мне) тем, что находится у них под грудью и под мышками» (с. 90). Это будущее относится к исходу из Тулана и переходу в иную реальность — в наше земное пространство. Жертва должна относиться к будущему миру и произойдет в новой реальности, в новом пространстве, где людям только предстоит поселиться.

Однако нашлось одно племя, которое не захотело ничем жертвовать, а просто «украло огонь из дыма» (с. 90). Они «не просили об огне, потому что они не хотели отдаваться и быть побежденными» (с. 90). Они не желали признать Тохиля в качестве своего бога и не хотели благодарить его, а решили доказать, что никому ничем не обязаны. «Когда они проходили через дым, — а

они прокрадывались через него очень тихо, — тогда они подошли и схватили огонь» (с. 90). Это нарушение служения богу, нарушение гармонии небесного и земного, акт богоборчества и насилия. Тохиль устанавливает принцип: огонь в обмен на жертвоприношение. Похищение огня — это отказ от жертвоприношения, бунт против воли бога, но еще и профанирование огня. Огонь как дар бога сакрален, это священный дар, несущий в себе частичку божественной души. Кровь жертвы превращается в божественный огонь. Однако при похищении огня эта метаморфоза не происходит. Похищение огня выступает как акт профанации. В украденном огне нет ничего священного и божественного. Поэтому он и похищается «из дыма» — из загрязненной среды, остаточного продукта горения. Такой огонь может использоваться только в технических целях, но в нем нет главного — божественного благословения. Похищение огня равносильно богохульству, разглашению божественных тайн.

Сам факт похищения огня уже говорит об упадке изначальной Традиции, когда на место простого, естественного общения людей и богов встает хитрость, стремление обмануть. Вместо того чтобы *заслужить и получить* огонь как дар, носители такого миросозерцания склонны *обмануть и украсть*. Такие люди находятся в постоянном беспокойстве, в поиске «вариантов» или в стремлении «оказаться в нужном месте в нужное время», но вечно пребывают в «дыму», в угаре. Их изобретательность оказывается обманом, их хитрость превращается в воровство. Отходя от неподвижного спокойствия и самодостаточности божественных светоносных сил (Тохиль, Авилиш), они оказываются во власти демонических, инфернальных существ. Прямота и открытость действия сменяется у них скрытостью, запутанностью. Однако это поведение становится признаком духовной нищеты и приводит в мир лишь глупость, зависть, неосмотрительность и ошибки. Можно заметить, что линия

богов у многих народов мира, которую условно можно связать с Прометеем (похитителем огня у богов), всегда несет в себе идею свержения всех высших форм бытия, упразднения иерархии и бунта против вышестоящей власти, идею замены ее принципами, присущими самым низшим слоям социума, представленным бунтовщиками и богоборцами[1].

Не случайно племя этих похитителей огня поклоняется не Тохилю, не Авилишу и не Хуракану, а Чамалькану, богу, который «имел вид летучей мыши» (с. 90). Стоит напомнить, что бог преисподней Камасоц имел облик летучей мыши, а «человек из Шибальбы», принесший предкам волю богов, «имел крылья, подобные крыльям летучей мыши» (с. 89). Вероятно, Чамалькан, Камасоц и «человек из Шибальбы» — одно и то же существо, что можно понять так: «человек из Шибальбы» принес первопредкам волю богов и весть об огне. Однако он, не будучи творцом огня, сохранил память о нем. Дикое первобытное племя, увидев бога, который несет весть об огне, по ошибке решило, что он и есть творец огня. По этой причине люди стали поклоняться ему, а не Тохилю. Но так как бог из преисподней не смог сотворить огонь сам, то он научил это племя вечных завистников, как украсть его. Это племя не получило огня из-за соответствия прежнему, умершему миру, царству Шибальбы, в котором царит Камасоц — летучая мышь. Камасоц остался в прошлом, в прежней реальности. Племя, поклоняющееся ему, не достойно дара огня — признака мира будущего. Мелкое жульничество и обман поклонников инфернальной летучей мыши приходит здесь в противоречие с холодной гордостью самопожертвования и аристократизмом последователей Тохиля и Авилиша.

Добывание огня воровством — святотатство, нарушение воли бога. Похищение огня — не простое престу-

[1] *Эвола Ю.* Лук и булава. СПб., 2009. С. 151–155.

пление, а обман бога. Привилегия богов на владение огнем и на одаривание им людей в обмен на жертву крови сменяется в ситуации похищения на человеческое желание самоутверждения и обладание ранее недоступным. Поэтому племя не хочет «отдаваться и быть побежденными» (с. 90). Это преступное самоволие должно быть наказано. Преступление против богов оборачивается наказанием со стороны богов. В центре же этой драмы стоит проблема обладания огнем. Огонь в «Пополь-Вух» становится аналогом крови и даруется в обмен на нее. Огонь здесь также оказывается аналогом экстатического поклонения богам. Похищение огня — не просто желание избежать жертвоприношения своей крови, но и отказ от поклонения богам (Тохилю и Авилишу), от божественного экстаза. Отказавшись открыть сердца истинному богу огня, воровское племя стало поклоняться «чужому богу», богу преисподней и тьмы. За это они обрекли себя на гнев бога. Похищение огня следует рассматривать как индивидуалистический протест против поведения богов, которые сначала наслали на Тулан ливень и затушили огонь, а теперь требуют жертвоприношений в обмен на дарование огня. Таким образом, похитители огня отказываются от божественного дара ради утверждения демократического принципа. Они желают сохранить ситуацию на том уровне, когда огонь не был даром богов, а принадлежал всем. Однако в «Пополь-Вух» это желание рассматривается как «отказ от сотрудничества» с богами и, следовательно, бунт против богов и нежелание человечества исполнить свои обязанности — служить богам.

В подлинном смысле похищение огня — это попытка сообщить богам, что «человеческое Эго уже вышло на сцену»[1]. Однако богам совсем не нравится, что

[1] *Хиллман Дж.* Миф анализа: Три очерка по архетипической психологии. М., 2005. С. 62.

их творение утверждает свое Эго. В этом уже была проблема четырех первопредков, которых боги лишили сверхъестественных способностей. Также и здесь: утверждение собственного Эго воспринимается как воровство. Утверждая собственное Эго, человечество ворует у богов то, что принадлежит только им, — огонь, то есть огонь души. «Эго возникает наперекор богам», — замечает Дж. Хиллман[1]. Оно похищает огонь у богов или стремится к утверждению человека (похитителя) на месте богов. Не случайно Г. Башляр говорил, что «комплекс Прометея — это Эдипов комплекс умственной жизни»[2]. Огонь, как и разум, может быть получен только в дар от богов или заслужен человечеством, но ни в коем случае не похищен. Перед нами не природный, а божественный огонь. Поэтому запрет на похищение означает запрет на самостоятельное обладание божественной собственностью. Божественный запрет — это первое знание об огне и первый религиозный опыт человечества. Проблема личного познания огня — признак неповиновения. В обладании огнем человек стремится подражать богам, но на самом деле бунтует против них и утверждает своеволие. В этом стремлении человек желает сравняться с богами, даже превзойти их в хитрости, утвердить свое первенство над богами и природой.

Другие же племена, напротив, «отдали то, что находилось у них под грудью и под мышками, чтобы это расцвело. А это расцветание, о котором говорил Тохиль, означало, чтобы каждое племя было принесено перед ним в жертву, чтобы у них были вырваны сердца из груди, из-под мышек» (с. 90). Эта жертва ведет племена к «расцветанию», к получению от Тохиля «мощи и верховной власти» (с. 91). Это «расцветание» и «мощь» пре-

---

[1] Там же.

[2] *Башляр Г.* Психоанализ огня. М., 1993. С. 27.

вращают людей в героев. Пролитая кровь превращается в огонь, отданное богу сердце «расцветает» («цветочные войны» из-за жертв) и превращается в солнце. Жертва крови приносит в мир огонь как дар бога Тохиля, а огонь любви, сжигающий сердце, превращается в солнце. Такова основа мистики крови и пламени, очищения и жертвы в героическом примордиальном мифе. Поэтому, хотя огонь был получен, люди все равно решили уйти из Тулана на поиски солнца. Тохиль сказал им: «Воздайте же благодарность перед отправлением; совершите, что необходимо: проколите ваши уши, пронзите ваши локти и совершите ваши жертвоприношения; в этом будет ваша благодарность перед божеством» (с. 91). Так люди и поступили: «...они пустили кровь из своих ушей» и, плача, отправились из Тулана на поиски солнца (с. 91).

Люди, страдающие от холода в погибающем Тулане, вдруг узнают, что им необходимо принести богу в жертву собственную кровь — самое ценное, что есть у человека. Жертва собственной крови очищает душу человека и становится высшим проявлением благодарности богу за его дары (за огонь). При этом очищение — необходимое действо перед исходом. Путешествие в поисках солнца не может быть удачным, если люди не очистят свои души заранее, до начала пути. Призывая людей отблагодарить богов своей кровью, Тохиль хочет сказать, что жертва необходима самим людям. Она — залог их спасения и обретения света солнца. Как ранее Творец принес себя в жертву и своим самоограничением сотворил мир, так затем Хун-Ахпу пролил свою божественную кровь и превратился в солнце. А теперь и люди должны пожертвовать своей кровью, чтобы увидеть солнце и завершить творение мира.

Пролитой кровью люди должны отблагодарить богов за творение и завершить цикл, открыв для себя путь к солнцу. Идеей жертвенности пронизан акт творения

космоса и солнца, идеей жертвенности пронизана и история исхода истинных людей с их священной полярной прародины, из Тулана — в поисках солнца. В акте жертвоприношения огонь и кровь соединяются, причем кровь превращается в огонь и влечет за собой явление солнца. Человек жертвует своей кровью даже не ради богов, а ради себя самого — чтобы жить в свете солнца. Бог нуждается не в жертве, а в выражении благодарности. *В жертве нуждаются сами люди.* Жертва сердца — это жертва с чистым сердцем, с чистыми помыслами, с любовью к богам. Чтобы наступил духовный рассвет, пробуждение к новой жизни, люди должны именно в ночное время принести в жертву свою кровь и очиститься. За это они получают от Тохиля в дар сначала огонь (огонь души, огонь любви), а затем — свет солнца (свет души, свет истины).

Первое жертвоприношение выводит общение человека с богом на новый уровень. Примордиальная Традиция опирается не на религию, не на веру, не на культы богов, а на чувство реальности и действительного присутствия божественных сил в опыте и повседневной жизни человека. Это было чувство непосредственного, естественного общения, когда боги в реальности участвуют в делах и праздниках людей, появляются перед ними, разговаривают с ними. Это чувство изначального единства людей и богов, подлинное чувство сопричастности богам. Стоит заметить, что встреча человека с богом всегда происходит в переломные моменты сакральной истории. Во всех случаях, когда бог обращает внимание на дела людей (глиняных, деревянных, кукурузных), это приводит к неминуемой гибели этого человечества или их мира (Тулана) и к созданию нового человечества или иной реальности. Контакт с богом не проходит благоприятно даже для избранных первопредков, которых лишили сверхспособностей и андрогинной природы.

Общение с богами в Тулане происходит у камня, который, в сущности, и является зародышем новой будущей реальности. У этого камня открывается возможность перехода в иной мир и соединения с противоположной стороной, чтобы узреть бога и общаться с ним. Этот камень — дверь в трансцендентное. Он соединяет обе стороны (божественное и человеческое, трансцендентное и имманентное) в одно целое. Переход в иной мир изменяет сущность человека, поэтому он и обретает способность видеть бога и общаться с ним, нести в наш мир его волю. Такое же изменение сопутствует и исходу людей из Тулана. Общение с богом у камня и исход из Тулана — явления одного ряда. В том и в другом случае речь идет об изменении реальности и переходе в иной мир. Не случайно, что последнее общение с богом происходит прямо перед исходом из Тулана, когда люди просят Тохиля дать им огонь (с. 90). При этом такие события, как «получение» своего бога около камня, изменение речи и исход «из Тулана в темноту» (с. 98) перечисляются в одном предложении через запятую, как происходившие вместе. Обретение огня — одновременно дар бога и необходимое условие для исхода. Получение огня как дар Тохиля у камня — это отправная точка исхода. Она закономерно ведет к финальной точке — созерцанию зари (цели исхода). Центральный камень и гора, с которой будут наблюдать рассвет, мистически связаны, обе они становятся Домом бога, местом теофании, сакральным Центром Мира. От камня путь ведет к горе, от огня — к рассвету. Между этими двумя точками лежит драма исхода. События у камня (общение с богом) влияют на дальнейшую историю мира (исход и откровение солнца на горе), способствуют трансформации реальности.

Обретя богов у камня, люди осознали Тулан как «место богов». Смысл заключается в том, что присутствие бога должно ощущаться даже в самом темном и

низком (пещеры Тулана) месте. Присутствие в низком месте несет в себе идею восхождения, подъема. Пребывание во тьме открывает путь к свету, так что даже бог из Шибальбы становится вестником света и посланцем Создательницы и Творца. Поэтому люди и уходят из Тулана в поисках света, но не богов, которых уже обрели во тьме Северного полюса. Уходя из Тулана, они забирают богов с собой (с. 93), желая донести их в ранее нетронутые уголки мира, чтобы обрести там свет и новую жизнь. Боги уходят из Тулана вместе с людьми, чтобы те не думали, что боги оставили их без помощи в новой реальности.

Почему Тулан — место пребывания бога? Как у любого человека мужское и женское должно составить единое целое, как изначальный бог Кукумац пребывал в андрогинном совершенстве, так и бог должен быть неразрывно связан с Туланом. Когда люди вышли из Тулана, то они утратили связь с Туланом, как ранее их божественные предки утратили свою андрогинность. Как мужское разделилось с женским у четырех первопредков, так и племена покинули Тулан. Пребывание в Тулане было необходимо. Там мужское бога соединилось с женским города. Находясь в месте соединения мужского и женского, люди обрели главный дар богов — огонь души. Выйдя из Тулана, они разделились на племена. Как мужское разделяется с женским и андрогинность утрачивается, так племена людей, вышедших из Тулана, разделились, утратили единство — общий язык и единого бога. Но в городе Тулане единство состоялось, мужское и женское сочеталось. Исход из Тулана — это то же, что утрата четырьмя первопредками андрогинного совершенства и сверхъестественных способностей. Однако же этот исход необходим, так как повторяет процесс творения и открывает начало мировой истории.

Уход из Тулана был не трагедией (это только так кажется), а исполнением приказа «Пусть будет свет». Это

часть исполнения миссии совершенных кукурузных людей. Исход из Тулана — этап на пути к свету, к финальной трансмутации. Грядущая трансмутация в свете должна поставить человечество на более высокий уровень, чем оно было даже в самом начале творения (сверхчеловеческие качества первопредков). Исход из Тулана есть часть духовного прогресса. Он позволяет обрести свет и осветить им весь мир, а не только город Тулан, где свет еще скрыт. Исход — начало самореализации человека, его личный путь к свету души и к духовно-телесной трансмутации. *Свет — это перспектива души*, которая должна выйти из тьмы. Цель духовного развития всякого человека — обретение внутреннего света и телесное световое преображение. До тех пор, пока это не произошло, мы все в метафизическом смысле пребываем во тьме и холоде погибшего полярного Тулана — в плену у своего духовного мрака, во тьме бессознательного. Исход племен из Тулана — начало эры сверхсознания. Каждый из нас должен постоянно, ежедневно совершать исход из тьмы Тулана — из бессознательного.

Исход из Тулана может рассматриваться как некая парадигма. Однако перед нами не исторический, а психологический прецедент. Движение из тьмы к свету, из пещер к горе в духовно-психологическом аспекте подразумевает перемещение от подсознания к сверхсознанию. Не случайно, что завершение истории странствия — восход солнца и световое преображение всей реальности. Это и указывает на движение души вверх, из тьмы бессознательного к преодолению человеческого и материального, к выходу за рамки предыдущей реальности в область Абсолюта. Это духовное странствие в поисках света. Своих богов они несли с собой на спинах (с. 93), но воочию узрели свет солнца только завершив странствие. Поэтому исход из Тулана — это прообраз духовного и инициатического странствия к небесному божественному миру и к свету сверхсознания.

Явление бога происходит ночью, катастрофа и исход также совершаются ночью. Полярная ночь имеет равную ценность и в хорошем, и в плохом, и в счастье от общения с Творцом, и в горе от разрушения прародины и исхода. Хороший и плохой аспект полярной ночи дополняют друг друга, и каждый дарует человеку то, что необходимо для его совершенствования — и испытания, и награду. В этой ночи реализуется стремление познать Творца и увидеть рассвет. Так, явление ночью бога у камня — залог явления солнца и рассвета. Ночь — время эпифании. Она в своей непрерывной длительности на Полюсе образует источник получения знания о Творце. В каждом этапе полярной ночи в Тулане (приход, пребывание, катастрофа, исход) открывается своя часть в сознании Творца. Это знание оказывается полным только в соединении всех этапов, в их обязательном последовательном переживании. Человек же оказывается готовым получить это знание, только если соединится с ночью и с Туланом — с сакральным временем и пространством. Соединившись все вместе в одну долгую арктическую ночь, эти этапы становятся ночью постижения и переживания Творца, обретением сверхсознания. Лишь в силу соединения всех этапов полярная ночь оказывается временем совершенства и эпифании.

Весь смысл исхода из Тулана в том, что он произошел ночью. Тогда совершилось отделение верхнего мира от нижнего, разделение реальностей. Благодаря этому появилась возможность увидеть первый восход солнца. Ночь прежней реальности соответствует дню новой, подземный Тулан в новой реальности превращается в гору рассвета. Суть ночи — скрытый день, существующий одновременно с ночью, но в другом измерении реальности. На поиски дня, света и новой реальности люди отправляются ночью из подземного мира. В «Родословной владык Тотоникапана» говорится, что исход племен

начался тогда, «когда они поднялись из Па-Тулана, Па-Сивана» (с. 136). Исход означает метаморфозу космоса, смену противоположностей.

Народ связан с Туланом как душа с телом. Разделение племен в Тулане несет в себе образ естественной временной смерти, а исход — высвобождения души из тела. В Тулане все племена составляли единое тело. Распад этого единства и исход подобен смерти тела, что и было главным испытанием для людей. Это объясняет горе покинувших город людей и их страдания во время путешествия, равнозначные страданиям души в мире мертвых. Однако переход из одной реальности в другую возможен только посредством смерти (в одном мире) и воскресения (в другом). Смерть соответствует оставленному во тьме и погибшему Тулану, а воскресение — восходу солнца в новом мире. Жители Тулана совершили свой исход, поскольку их погибшая прародина осталась в прошлом, а они, обретя огонь, уже пришли в соответствие с будущим. Они обрели способность увидеть свет солнца, что соотносится с переходом в новую реальность. Они ушли из Тулана в поисках места первого восхода, чтобы в момент космической метаморфозы обрести совершенство и законченность.

Причина исхода из Тулана — непрерывная тьма и сильный холод, то есть полярная ночь, совпавшая с неожиданным резким похолоданием (оледенением). Постоянно подчеркивается, что жители покидают Тулан в поисках зари, они ищут место, где смогли бы увидеть восход солнца. В Тулан-Суйва они «беспрерывно постились, пока они ожидали появления зари и бодрствовали, ожидая восхода солнца. <...> Туда, на место солнечного восхода, постоянно были устремлены их взоры, еще тогда, когда они находились в месте, называемом Тулан-Суйва, откуда пришли их божества» (с. 91). В этой ситуации полярный Тулан воспринима-

ется как «иной мир», мир, где и не может быть солнца. Хотя Тулан становится священной колыбелью человечества, где все люди (белые и черные) жили вместе и имели один язык, это мир прошлого, город, который должен быть оставлен и всегда будет пребывать во тьме (в центре земли, в пещере). Тулан был погружен богом во тьму, так как свет был изъят для будущего, для нового мира, где человечество должно только поселиться. Судьба жителей Тулана очевидна: страдания, бегство ради вознаграждения в будущем и в новом мире. За будущее счастье увидеть зарю в новом месте необходимо заплатить страданием в настоящем — тьмой, холодом, исходом, муками. Переход из старого сакрального пространства, из иного мира в новые земли возможен лишь при условии полной метаморфозы самого человечества. Поэтому исход из Тулана в «Пополь-Вух» подобен созданию новой реальности.

Почему и творение мира, и создание человека, и исход из Тулана совершаются ночью? Ночь здесь — время возникновения и свершения законов. Ночь сама не разделилась, не ведет к разделению неба и земли, земли и воды. Она еще не завершилась, но ведет к завершению эры Тулана, к отделению человечества от своей прародины и исходу из полярного региона. В «Пополь-Вух» события происходят не днем, когда все видимо и все созерцается, а ночью, когда все разделяется и свершается. Самое значительное происходит ночью, до прихода зари, до появления солнца. Самая суть творения, разделения и исхода состоялась ночью и связана с ночью. Суть ночного деяния заключается в аналогии творения мира и исхода из Тулана. Ночь объединяет два эти события, делает их равнозначными, и их аналогия мистически раскрывается в ночные часы, соответствующие изначальной тьме. Эта аналогия предстает как два равнозначных действа — выход творения из Творца и выход народа из прародины — источника. Оба события

в равной мере приводят к явлению зари и завершаются восходом солнца.

Почему восхода солнца невозможно было дождаться в Тулане? Дело в том, что Тулан — место сокрытия. Тулан — подземный город, пролом в земле, который ведет к Центру Мира, к самой глубине бездны, в которой только и может спрятаться бог. Это точка перехода в трансцендентное, где солнце не нужно, а только ослепительно сияет Черное Солнце. Как для солнца ночью есть укрытие, место нахождения, так и люди, придя в Тулан, обрели там место нахождения и укрытие (в пещерах и ущельях). *Тулан — скрытое место и место сокрытия*, явление солнца там невозможно, поскольку в этот момент и оно пребывает в скрытости — в ночи. Однако на Северном полюсе ночь не царит постоянно, а восход солнца, пусть и раз в году, совершается. При этом люди точно знают, что здесь не дождутся зари. «Увы нам! Мы не увидим здесь зари, когда поднимается солнце и озаряет лицо земли» (с. 91). Они уходят из полярного ночного Тулана, чтобы увидеть свет зари. Это нарушение или игнорирование подлинного природного феномена (непременность восхода солнца в арктическом регионе) свидетельствует, что описанное странствие имело духовный характер. Это было внутреннее странствие от тьмы невежества к свету знания, к прозрению. Не случайно об оставшихся в Тулане говорится, что они «хотели оставаться там и спать» (с. 91). Речь идет о сне души, об отказе от духовной эволюции.

Каждое событие исхода из Тулана — это этапы духовной эволюции человека, его собственного *внутреннего странствия* от тьмы к свету и преображению. Исход из Тулана совершается ночью, поскольку это время сокрытия бога от истинных людей вследствие отделения Творца от творения. Время разрушения Тулана — ночь, поскольку в это время происходит разделение Хуракана, Творца и человечества. Ночью совершается соединение

Тулана и бога, невесты и жениха, но ночью же совершается и их разделение, катастрофа и исход с благословенной полярной прародины. Здесь тайна ночи включает в себя и соединение, и разделение, счастье и катастрофу, пребывание и исход. Дело в том, что оба эти противонаправленные явления ведут к одному и тому же — к ожидаемому восходу солнца. Ночь сменяется рассветом; исход необходим, чтобы найти место восхода. Ночь Тулана — это ночь пребывания в Тулане, ночь соединения Тулана и бога (как невесты и жениха), ночь катастрофы и исхода из сакрального города. Все это — *одна и та же ночь, залог рассвета и явления солнца.*

Если бы не ночь, то не было бы и утра. Это ночь *приготовления*, которая должна смениться рассветом и днем *исправления*. Невозможно достичь состояния «рассвет» без состояния «ночь». Так и без катастрофы не было бы исхода и исправления. Ночь исхода исправляется в момент рассвета, когда и обретается новое, постоянное место пребывания. Поэтому хотя люди, покинувшие Тулан, и горюют, но впереди их ждет радость — восход солнца. *Радость от созерцания восхода — это и есть исправление исхода.* Так и во тьме духовного кризиса человек совершает работу по своему исправлению, которое приводит к радости внутреннего озарения. В конце исправления открывается большой свет — духовное озарение и восход солнца, что и приводит к радости. Нескончаемая ночь Тулана означает, что все мы живем в «ночное время». Рассвет уже близок, но ночь еще не кончилась. Это ночь, наступившая после творения и продлившаяся все это время, так как солнце еще не было создано, не явилось. *Это ночь спящей души.* Духовный рассвет придет, но для этого необходимо покинуть ночной Тулан и *проснуться.*

Исход изначальных людей-прародителей из погибающего Тулана означает победу ночи и льда над священной полярной прародиной. Тулан будет лежать подо

льдом, пока не взойдет солнце, поэтому люди выходят из него именно в поисках места восхода светила, они ждут прихода зари, когда мир восстанет изо льда. Восход солнца становится залогом того, что в будущем изначальный Тулан не просто освободится ото льда и явит себя миру, но что его власть будет распространяться по всему миру. Отсюда — постоянная тема тоски по утраченной прародине. «И они плакали в своих песнях из-за своего отправления из Тулана» (с. 91). В своих песнях они обращались к священному Тулану, затерянному в начале времен на глубочайшем Севере льда, но сохраненному в памяти крови на вершине гиперборейского посвящения. Ностальгия по утраченному Тулану пронизывает даже «Легенды Гватемалы» М. А. Астуриаса. Его память — «слепая старуха — нащупывает ступеньки», чтобы подняться «и к Тулану, и к другим городам преданья, укутанным мглою»[1]. Такая память открывает дорогу не в прошлое, а к будущему, когда царство Тулана станет царством всего мира, а не только священного Полюса. Это произойдет потому, что весь мир превратится в священный Полюс, исчезнет оппозиция Полюс/Экватор, севéр/юг. Когда весь мир станет севером и Полюсом, то это и будет новое возвращение на священную прародину.

Боги все время корректируют свое творение посредством гибели и возрождения. Поскольку богоявление уже состоялось и люди узнали Тохиля в Тулане, то теперь они должны расселиться по земле и, наконец, увидеть приход зари и восход солнца — новое богоявление и откровение света. Они должны уйти из Тулана, который так и пребывает во тьме, в ночи, чтобы увидеть солнце. Поэтому они «шли туда из Тулана-Суйва, туда, где восходит солнце» (с. 95). Исход из Тулана — это выход из пещеры на землю, из тьмы к свету, из бессознательного

[1] *Астуриас М. А.* Легенды Гватемалы. М., 1972. С. 21.

к сверхсознанию и переход от человека к сверхчеловеку. В Тулане люди узнали бога. Теперь они должны увидеть солнце, чтобы понять, что *они сами могут стать как боги.* Оставшиеся в Тулане продолжали «спать» (с. 91), то есть предпочли состояние блаженного неведения, недовоплощенности. Главная же причина исхода из Тулана — это *рождение сверхчеловека.* Путь к солнцу лежит через Тулан-Суйва, через пещеру. Путь к небу лежит через преисподнюю. Эту истину, которая составляет содержание полярной мистерии дня зимнего солнцестояния, открыл еще Хун-Ахпу. Теперь, с исходом из Тулана и обретением солнца, она должна быть открыта всему человечеству. Только после исхода из Тулана люди обрели способность не просто служить богам, но самим стать богами.

Когда люди пришли в изначальный Тулан, они обрели в нем цельность и совершенство: *единый народ, единый язык, единый бог.* Однако момент достижения цельности и полноты бытия в полярном Тулане предполагает последующее разделение, нисхождение с Полюса на экватор, с севера на юг. Это движение от льда (оледенение) к огню (первый рассвет), что необходимо для выхода на новую ступень развития — от мифа к истории. Всякий новый этап начинается с разрушения прежнего, сопровождается трудностями, испытаниями и смертью. Установление нового царства на новой земле и его укрепление в истории начинается с глобальной катастрофы и гибели полярной священной прародины. Но это начало ведет к новой гармонии и счастью — будущему созерцанию восхода солнца.

Это переход на совершенно новый качественный уровень, в новую реальность, подобный процессу рождения нового человека. Движение первопредков по направлению к Тулану мистически может быть понято как половой акт. Их вхождение в город подобно проникновению сперматозоида, а пребывание во тьме подземного

Тулана — это развитие плода в утробе матери. Как зародыш комфортно чувствует себя в утробе матери, так и первопредки долгое время прекрасно существовали в Тулане. Они общались с богами, между людьми царило единодушие. Однако пришло время родов, и плод лишился состояния блаженства. Как невозможно плоду вечно находиться в утробе матери, так и люди не могли вечно оставаться в Тулане и вышли из него. Исход из Тулана — это и трагедия утраты совершенства, и необходимость рождения. Это первая травма — травма рождения. Как соединение мужа и жены приводит к зачатию и рождению, так и соединение бога и Тулана приводит к формированию совершенного человечества и исходу его в мир. Отсюда же, из Тулана, вышел и «Пополь-Вух». Книга находится в Тулане как в своем Доме, но должна выйти, чтобы явить себя миру, осветить его, быть открытой для него и скрытой в нем.

Мучения людей в пещерах Тулана соотносятся с мучительными схватками при родах, когда плод готов выйти из утробы. Вместе с рождением будущего мира происходит уничтожение прежней реальности. Тулан разрушен, огонь загашен льдом, ночь должна смениться на свою противоположность в иной реальности — день. Ночь в Тулане превращается в день в иной реальности, что и определяет окончательное разделение пространств, миров и отделение оставшихся в Тулане от покинувших его племен. Разделенные племена оказываются в противоположных реальностях — во тьме и в свете дня. Породив дитя будущего мира, Тулан оказался обречен. Дитя, выходя из утробы, разрывает ее и губит породившую его мать — Тулан остается в ледяной тьме, где он навсегда затерян.

Покидая Тулан, люди не хотели расставаться со своей священной родиной, делали это под давлением внешних обстоятельств (начало оледенения). Поскольку первопредки не желали покидать Тулан и их исход связан

с воздействием сил, заставивших сделать это, то можно предположить, что «роды» были преждевременными. Тохиль или, быть может, сам Хуракан стимулировал схватки насланными бедами. Люди горевали из-за ухода, однако Тохиль стимулировал их исход, обещав на новом месте скорый приход зари. Если переход из одной реальности в другую соотносится с родами, то желание племен увидеть зарю — это рождение ребенка из тьмы утробы к свету нашего мира. Это путь новорожденного из тьмы утробы «на свет». Бог требует, чтобы племена принесли ему в жертву свою кровь. Кровь жертв должна обозначать кровь рождения. Но сердца людей полны скорби и печали, они поют громкие горестные песни. Так описывается плач ребенка при рождении, первый крик младенца. В Тулане, на прародине, люди появляются, рождаются, но они не живут там. Это родина, но не место обитания. Это утроба, но не место для жизни.

Уйдя из Тулана, племена испытывали невероятные страдания. «И сердца их разрывала великая скорбь; они очень сильно страдали; они не имели пищи; они не имели чего-нибудь поесть; они только лишь нюхали концы свих посохов и благодаря этому воображали, что они едят; но они ничего не ели с тех пор, как пришли» (с. 92). Состояние скорби, голода, слабости, беспомощности — это состояние ребенка сразу после рождения. Страдания из-за ухода из Тулана — это воспоминания души ребенка о беззаботном, счастливом и сытом существовании в утробе матери — пусть даже и «во тьме». Страдания племен во время путешествия — это первая трагедия детской души, горюющей по утраченному блаженству в утробе матери.

«И печаль разрывала их сердца, когда они говорили друг с другом, потому что у них не было ничего есть; они имели только глоток воды и пригоршню кукурузы» (с. 93). То же самое переживает и человек, решившийся

на поиски божественной истины. Он переживает скорбь и страдания из-за того, что уже оставил свое прежнее состояние (тьма Тулана, тьма бессознательного), но еще не обрел новых ориентиров или истины (свет солнца). Он испытывает страдания из-за духовного голода, из-за отсутствия духовной «еды», хотя у него и имеются подпорки — некие ориентиры в духовном поиске, укрепляющие его ослабшую душу (посохи, концы которых нюхают первопредки вместо еды). У такого человека естественно возникает вопрос: не лучше ли было остаться как прежде (во тьме Тулана) и не менять свою жизнь, чем делать столь мучительные шаги к новому бытию? Эти же страдания и мучительные вопросы возникли у первопредков во время их бегства из Тулана. Как они шли в ожидании «света зари», так и человек в своем духовном странствии должен довериться богу и следовать его знакам, указывающим истинный путь. Исход из Тулана сопряжен со страшными испытаниями и страданиями. Однако это имеет духовный смысл: лучше в страданиях устремиться к свету, чем жить во тьме, даже в родном Тулане. Исход из тьмы Тулана — это исход из тьмы бессознательного к свету истины, от страдания к радости.

Первые люди жили в Тулане как в раю, но ушли оттуда. Тулан был первым городом, построенным не людьми, а богами. Но все же люди решили оставить его. Это произошло, конечно, по естественным причинам (начавшееся оледенение). Однако исход из тьмы Тулана может рассматриваться и как бегство от духовной тьмы к свету и обретение свободы и мира. Поэтому каждый человек должен не просто помнить об исходе из полярного Тулана, но и каждый день чувствовать себя так, словно он только сейчас совершает этот исход — из тьмы и гибели к свету и свободе. Избранное решение стало рождением свободного и совершенного человечества, дорогой через страдания к счастью, через голод к радости созерцания

первого рассвета. Горе исхода сменяется радостью обретения, тьма сменяется светом, боль рождения — счастьем существования. Совершая исход из Тулана, люди показали, что есть нечто большее, чем просто жизнь — стремление к свету, духовное странствие в поисках откровения. Исход из Тулана — истинное освобождение и спасение: спасение от духовного холода и освобождение от душевной слепоты (тьмы). Исход — дарование свободы. До исхода духовной свободы в полной мере не было, люди находились во власти духовной тьмы, даже несмотря на то, что им являлся бог.

В своих трудных странствиях племена подошли к берегу моря. В духовном странствии человек часто оказывается в безвыходной ситуации, когда и впереди и сзади его ожидает западня или катастрофа. Так происходит и с первопредками в «Пополь-Вух». Сзади их подталкивает тьма, холод, оледенение, страдания и голод. Но впереди находится непроходимое море. Единственное, что может их спасти, — чудо. Это чудо свершается: «Не совсем ясно, однако, как они пересекли море; они пересекли его по этой стороне, как будто бы там и не было моря; они пересекли его по камням, помещенным в ряды на песке. По этой причине, в воспоминание, они были названы "камнями в ряд", "песок под морской водой", — имена, данные (той местности, где) они (племена) пересекли море; воды разделились, когда они проходили» (с. 92—93). Ситуация, когда воды «разделяются» и племена проходят по морскому дну (песок с камнями), возможна, если образование ледника приводит к понижению уровня океана и освобождению шельфа из-под воды.

Это событие имеет естественные причины, однако в «Пополь-Вух» мы постоянно сталкиваемся с возможностью множества интерпретаций, каждая из которых является верной. В мистическом плане переход через расступившиеся воды моря по сухому дну должен по-

ниматься как указание человеку, вступившему на путь поисков бога, не бояться никаких преград. Он должен смело вступить «в воды моря» (сомнения, трудности), которые тут же расступятся и освободят путь к истине и свету. Если человек посуху проходит через «воды сомнения», это означает, что воды «иссушены», а сомнения преодолены и побеждены. Переход через расступившееся море — знак духовной победы человека над судьбой, над материей, над хаосом и бессознательной стихией души.

В «Пополь-Вух» говорится, что «воды разделились», когда люди «проходили». Зачем воды разделились и как это произошло, осталось «не совсем ясно». Разделившись и пропустив людей, воды освободили людям путь к свету — к месту, где они будут впоследствии наблюдать первый восход солнца. Так воды выполнили свое изначальное предназначение — существовать не ради самих себя, а ради явления света. Расступившись перед людьми, идущими в поисках солнца, воды моря оправдали свое существование как стихии, несущей движение и потенцию. В тексте ничего не говорится о том, что море затем вернулось на прежнее место. Это связано с тем, что своим разделением море исполнило условие своего существования — открыть дорогу к свету и изменить собственную природу, когда это необходимо человеку для достижения цели. Когда люди прошли по дну расступившегося моря, то они миновали препятствие по дороге к свету (к первому восходу солнца). Поскольку препятствие пройдено, то нет смысла к нему возвращаться. Как люди не вернулись к морю и не пошли по морскому дну обратно к Тулану, так и о море больше не говорится, что оно вернулось на свое место, хотя на самом деле это произошло после таяния ледника.

Исполнив свою роль, море перестало быть *существенным*, хотя и не прекратило *существования*. Существова-

ние моря связано с существованием, судьбой и замыслом человечества — его стремлением к свету. Оно становится инструментом в руках бога, воплощением божественной воли. Существование моря подразумевает чудо разделения вод как часть истории человечества. Чудо разделения вписано в природу моря и в историю человечества как основной закон существования. Дело в том, что земля и море — противоположные миры, две совершенно разные сферы обитания живых существ. Земные существа не могут жить в воде, как и водные — на суше. Когда воды расступились и появилась суша, это означало, что стихии поменялись местами, а миры смешались. Вместо воды оказалась суша, а сами воды, замерзнув и превратившись в лед, стали «твердью». Люди, прошедшие по дну моря как по суше, изменили и свою сущность. Они продолжили драму рождения. Расступившиеся воды и переход племен на другую сторону означают отхождение околоплодных вод и рождение младенца, его выход из утробы. В духовном смысле обретенная племенами способность идти по воде как по суше означает погружение в море космической истины и осознание ее как чего-то крепкого, устойчивого, как основы (почвы, тверди) для жизни. Это прохождение по дну моря становится важным этапом в духовном странствии народа и отдельного человека, в поиске твердой основы и пути в море жизни. Расступившееся море задало людям направление в дальнейшем поиске, в духовной эволюции и рождении в новую жизнь.

Переход через расступившиеся воды становится знаком духовной победы и нового рождения. Разделив воды, Творец показал народу не только путь к спасению, но и продемонстрировал истинное милосердие. Переход через расступившееся море (по шельфу) свидетельствует о славе Творца и об избранности народа, который не был погублен ни холодом в Тулане, ни водой в море. Это уже само по себе прямо противо-

поставляет третье человечество как глиняным, так и деревянным людям. Прохождение через воды противоположно потопу, как спасение кукурузного человечества противоположно гибели деревянного. Также и творческое разъединение противопоставлено всеразрушающему смешению.

Исход из Тулана рассматривается не просто как акт рождения. Расступление вод при исходе из Тулана, хотя и удивительно само по себе, но имеет лишь второстепенное значение. Оно привело к главному — к выходу в новую реальность, в новый мир. Переход посуху «на другой берег» понимается как переход от небесного к земному, превращение духовного в человеческое, прекращение одной реальности и начало другой. Исход из Тулана означает переход в противоположную реальность. То, что в одной реальности было водой, в другой оказывается землей. Поэтому племена при переходе из прежнего мира в новый наблюдали космическую метаморфозу и смогли пройти по воде как по суше. Реальный природный феномен (освобождение шельфа от воды) в сакральном тексте понимается мистически. Сам переход через море знаменует проникновение через границу из одной реальности в другую. Племена оказываются на границе прежней реальности в момент метаморфозы — превращения губительных вод в спасительную сушу, — которая совершается, чтобы они смогли перейти в иной уровень бытия.

Предки людей действительно совершили переход в противоположный мир. Хотя Тулан явно располагается на Северном полюсе, но племена идут не на юг и не на восток, где можно было бы найти солнце, а на запад. Когда «они ушли оттуда, они отправились и оставили восток позади себя» (с. 91); они «шли с востока» (с. 92) в ожидании зари. Это указывает на то, что первопредки пребывали в противоположной реальности, где восток и запад меняются местами, и чтобы увидеть за-

рю, следует идти на запад. Переселение с севера на юг (с Полюса в тропики) предстает в «Пополь-Вух» как передвижение с востока на запад, что не имеет смысла в нашей реальности, но подчиняется логике противоположного мира. Кроме всего прочего, это указывает на замену арктической Традиции атлантической. Поскольку Атлантический океан находится на востоке от Америки, то и переселение предков в «Пополь-Вух» описывается как движение с востока на запад. Вместе с тем, это может быть и указанием на прецессионное перемещение солнца по зодиакальному кругу. Движение в поисках первого восхода с востока на запад означает, в таком случае, что тогда солнце всходило в том созвездии, где теперь заходит — восток и запад поменялись местами, как поменялись и сами реальности.

Исход с полярной прародины — это завершение божественного этапа развития человечества, это акт вочеловечивания и свершение заселения ранее незаселенного — не совершенного, не божественного, не центрального. Поскольку это совпадает с восходом солнца (первым после полярной ночи), то оно означает в буквальном смысле начало человеческой истории. Исход означает перерождение, открытие совершенно нового этапа. По этой причине исход из Тулана и разделение вод соотносится с космогоническим актом. Тьма и холод, царившие в Тулане, соответствуют изначальным тьме и холоду. Как в начале космогенезиса Творец создает свет, так и люди уходят из Тулана в поисках солнца. Разделение вод и прохождение предков по суше также аналогичны разделению первичных вод и явлению земли. Творение основано на разделении стихий, так и люди разделились на племена, оставшиеся в Тулане и покинувшие его. Это второе разделение соответствует плану творения и поэтому было естественным. Оно предстало как естественное событие в развитии человечества. Так, переход в новую реальность подобен созданию новой

реальности в акте творения, когда в основу процесса ложится разделение и всеобщая метаморфоза.

Исход из Тулана — это путешествие из тьмы к свету. По существу, это космогонический процесс, затрагивающий все миры и оказывающийся последним этапом создания нашего мира. Переход из Тулана на новое место обитания в поисках солнца — это путешествие между мирами, перемещение из одной реальности в другую, полное изменение как мистической, так и экзистенциальной ситуации. В силу этого оно и соотносится с актом рождения — нового человека, нового мира и новой реальности. Эта ситуация пребывания между двумя планами бытия означает временную смерть. Поэтому переход на новые земли был трудным для первопредков. Они испытывали страшный голод, горе, тоску и страх — постоянные чувства душ умерших в преисподней. Мистическая смерть и рождение — это единственный в мифе способ передвижения между планами реальности. Странствие первопредков и перенесенные страдания на земле соотносятся с испытаниями и страданиями божественных близнецов в параллельной реальности — в преисподней. Оба испытания происходят одновременно и завершаются общим результатом — восходом солнца.

Освобождение и выход из Тулана должны закончиться рассветом. Так и плод, выходя из матери, движется на свет. Но все самое значительное совершается еще во тьме — во тьме Тулана, во тьме утробы. Самая суть исхода из Тулана состоялась ночью, как и пребывание плода в утробе матери — во тьме. Как мир творится из тьмы, так жители Тулана уходят из ночи к рассвету, а плод выходит из темноты утробы к свету. Здесь устанавливается параллелизм: *творение — исход — рождение.* Исход из Тулана, как и творение, осуществляется в часы приближения рассвета и рассматривается в ракурсе выхода из тьмы как залога и причины явления света.

Рассвет не был бы возможен без ухода из Тулана. Так и для ребенка свет невозможен без исхода из утробы на свет — рождения. Уход из Тулана, рождение и творение — это выход из Источника, из изначальной тьмы к свету.

Как видно из истории гибели Тулана, древнейшие мифы, лежащие в основе «Пополь-Вух», сформировались в период межледниковья. Арктическая сущность представленных в священной Книге богов и мифов показывает, что стоящие за ними силы природы уже обоготворялись изначальным народом, жившим в полярных областях на своей древней прародине. Когда же полярный регион стал непригоден для проживания вследствие оледенения, эти племена, выжившие после катастрофы, унесли с собой осколки ритуалов и традиций. Религия майя развивалась уже после переселения в тропический регион, но на основе древних реликтовых форм, вынесенных с полярной родины. Религия и мифология, известная на землях изначального Тулана, была сохранена в форме традиций, зафиксированных в «Пополь-Вух». Сюжетная основа этих мифов складывалась в период межледниковья в полярном регионе, хотя окончательное их оформление в священное писание приходится на начало Эры Близнецов (середина 7-го тысячелетия до н. э.).

Многие эпизоды в «Пополь-Вух» не могут быть объяснены с точки зрения ежедневного восхода солнца, как это происходит в тропической зоне. Эти мифы не могут быть также объяснены с точки зрения борьбы бога грозы с облаками. Удовлетворительное объяснение этих мифов и образов требует, как видно, опоры на полярную теорию. Выразительные строки «Пополь-Вух» о долгой ночи, длинной многодневной заре и ритуалах в честь ночного солнца могли быть созданы лишь в тех местах, где такое наблюдалось как реальное явление — в полярных областях. Если подойти к теории полярного

происхождения мифов непредвзято, то многие эпизоды в «Пополь-Вух», которые были ложно интерпретированы либо непонятны, либо просто игнорировались (картины оледенения), получат свое адекватное объяснение. Более того, только в рамках полярной теории описанные в «Пополь-Вух» события могут быть поняты буквально, как реально происходившие, а не символические или аллегорические. «Пополь-Вух» должна восприниматься как подлинный документ, повествующий о древней арктической родине, о величественном солнечном культе, о посвящении в таинства полярного Черного Солнца, о гибели и исходе из этого мира.

ГЛАВА 5

КНИГА ЗАРИ

Для чего совершается исход? Бог выводит людей из Тулана для того, чтобы привести их в новые земли, где они смогут созерцать ежедневный восход солнца. Они должны прийти в места, более пригодные для проживания и служения богу, где сам бог обретет свое новое и постоянное жилище. Исход из Тулана был отделением от тьмы души и завершается полным сопричастием с богом, открытием в себе света Истины. Здесь начинается сакральная история, представляющая собой постоянное чередование, соединение и разъединение противоположностей. *Сакральная история протекает одновременно в противоположных реальностях.* При этом события развиваются параллельно, но зачастую разворачиваются в обратной последовательности. Особенность поэтики сакрального текста — параллельная и обратная синхронизация событий.

Еще находясь в Тулане первопредки «чередовались, сторожа великую звезду по имени Икоких, которая поднимается первой перед солнцем, когда занимается день, блестящую Икоких» (с. 91). Звезда зари Икоких — это Венера. Венера испускает Зеленый Луч. Как Зеленый Луч вышел из-за Черного Солнца и прорезал тьму, так и Венера, звезда рассвета, испускает Зеленый Луч, который пронзает тьму ночи и открывает путь свету солнца. Покидая полярную прародину, «каждое из племен

продолжало бодрствовать, чтобы увидеть звезду, которая есть вестник солнца» (с. 92). Звезда зари предстает как эманация чистого света. Она — своего рода мать, порождающая свет зари, идея, из которой вырастает образ солнца. Эту идею солнца они, еще ничего не зная о солнце, несли в своей душе: «Этот знак зари они несли в своих сердцах, когда они шли с востока...» (с. 92). Этот «знак восходящего солнца», «знак пробуждения» стал воспоминанием об утраченной полярной прародине и надеждой на возрождение[1].

Первопредки шли во тьме полярной ночи, но впереди они видели «звезду», «знак зари», которая шла перед ними и вела их в то место, где они должны были увидеть «первый восход». Путеводная звезда указывает дорогу людям к рассвету и открывает путь заре. Она — *открывающая пути*, и поэтому указывает дорогу из Тулана к месту зари. Звезда, которую предки высматривают на ночном небе и которая ведет их к рассвету, соединяет противоположности. Она — свет посреди ночи, предвестница зари и солнца в самом центре тьмы и указывает выход из одной реальности в другую. Правильное служение и исполнение ритуалов позволило людям воспринять «знак зари», который вел их в новые края обитания. Эта звезда, горящая в их сердцах и влекущая их к месту рассвета, была знаком благополучия и единения с богом. Поэтому так велико влечение к ней и желание увидеть ее. Ожидание — главное чувство в этой ситуации. «Прежде всего они хотели ожидать зарю и сторожить появление звезды, которая восходит как раз перед солнцем, когда оно намеревается подняться» (с. 92). Томительное ожидание рассвета и страх, что заря не придет, есть начальное и необходимое условие рассвета, его первая стадия как процесса. *Рассвет начинается с ожидания.*

---

[1] *Верман К.* История искусства всех времен и народов: В 3-х т. Т. 1. СПб., 1903. С. 127; *Багдасаров Р. В.* Мистика огненного креста. М., 2005. С. 60–65; *Benavides R.* Op. cit. P. 250.

Племена даже соединились и «пребывали все вместе, неподвижные, ожидая наступления зари, совместно ожидая подъема большой звезды, называемой Икоких, которая поднимается как раз перед солнцем, когда наступает заря, согласно сказанию» (с. 94). Икоких — «обгоняющая солнце», «влекущая солнце за своей спиной», то же, что Ушас у индоариев, Эос у греков, Исет (Исис) у египтян, Астарта у финикийцев и т. д. В то же время в тексте «Пополь-Вух» можно отождествить звезду Икоких и деву Шкик. Как утренняя звезда Икоких предвещает восход солнца, так и дева Шкик, поднявшись на землю, рождает бога солнца. Поэтому, как дети Шкик превратились в Солнце и Луну и открыли на небе звезды, так и «здесь (рассказывается о) заре и появлении солнца, луны и звезд» (с. 95). В «Пополь-Вух» представлены две параллельные версии восхода солнца: реально-астрономическая (Утренняя звезда предвещает зарю и восход) и мифологическая (дева рождает бога солнца). Природно-космическая реальность оказывается лишь отражением процессов, что протекают в высшей реальности. На этом параллелизме строится реальность мифа. Мифологическая реальность при этом не отсылает ни к какой внешней реальности, кроме самого мифа. Смысл мифологической реальности в том, что она всегда замыкается только на мифе.

Наконец, первопредки «увидели утреннюю звезду. Она поднялась первая, с сияющим ликом появилась она перед солнцем, а оно следовало за ней» (с. 95). Звезда рассвета была не только предвестником зари, но и знаком союза Творца с людьми. Ее появление — залог рассвета, но и рождения новой реальности, выхода в новый мир, где будет то, чего не было раньше — солнце. Бог шел перед людьми в образе «знака зари», указывая им верный путь. Звезда зари, став предвестием рассвета, начальным этапом рассвета или указанием на то, что рассвет обязательно произойдет, двигалась

в соответствии с тем космическим порядком, который обязательно должен был завершиться восходом солнца. Явление звезды зари — это обещание рассвета и восхода солнца, данное богом людям. Звезда зари стала первым признаком его славы. Явление звезды народу означало, что он не лишен вовсе света, но что он должен отправиться на поиски света в сторону, указанную звездой, посланной Творцом. Эта звезда становится предвестием открывания Света и обещанием установления вечного союза человека с богом. Поэтому в звезде зари люди воочию созерцали образ воли Творца.

Бог шел перед людьми, освещая им путь во тьме ночи. Так бог указывает дорогу всякому человеку, выходящему из «тьмы этого мира», из духовной ночи. Звезда зари — прямой знак, указание, посланное богом. Подобные знаки бог посылает всякому человеку на его жизненном пути. Это «знак зари», знак преображения, который человек начинает различать во тьме своей души и который должен вести его к свету и духовному пробуждению. Звезда зари лучше всего видна ночью, поскольку ночью и во сне человек наиболее четко созерцает и познает духовный мир, плохо различимый при свете дня. То, что люди видят огненные знаки, посланные богом, означает также, что они находятся на верном пути. Исход из тьмы Тулана совершается по воле Творца и направляется его знаками. Люди, которые идут на звезду рассвета, повинуются непосредственно указаниям бога. Следуя «знаку зари» как повелению бога, люди становятся духовно сильными. «Знак зари» позволяет им пережить все испытания и трудности путешествия, поскольку само его явление предвещает радостный финал путешествия — восход солнца. Светом звезды зари бог вывел людей из тьмы Тулана и привел их к спасению от холода оледенения. В психологическом плане это означает, что бог вывел из тьмы невежества и спас от духовной гибели, открыв свет Истины.

Исход из Тулана означал лишь начало трудного путешествия. «Пополь-Вух» описывает, что у людей не было еды, они шли во тьме нескончаемой ночи и сильно страдали от голода (с. 92–93). Они не могли добывать еду, так как путешествовали между мирами, где еды и не могло быть. Вся история человечества и каждого отдельного человека подобна этой истории странствий. Человек на протяжении жизни проходит путь, полный физических и духовных страданий и испытаний, когда он стремится утолить духовный голод и узреть свет Истины. При этом человек всегда должен идти только вперед. Для первых людей путешествие из полярного Тулана было странствием в один конец, без возврата на утерянную прародину, о которой они горевали. Так же и человек не должен возвращаться к уже пройденным уровням, но он обязан осмыслить опыт, полученный в испытаниях. Тогда его жизнь превратится в инициационное странствие с удачным исходом и обретением желаемого — Света. Главное не просто пройти путь страданий (страдать может и раб), а наполнить эти страдания смыслом и ценностью, превратив их в испытания и осознав как инициацию. Именно в тот момент, когда предки преодолели страдания от голода, переосмыслив его как «строгий пост», мучение превратилось в подвиг. В этот момент «их боги говорили с ними снова» (с. 93).

В чем природа и назначение поста? В обычные дни человек питает тело тем, что он ест. Во время поста человек оставляет свое тело и забывает о его нуждах, посвящая себя духовной деятельности. В этих условиях жизненная сила поступает не от внешнего источника (еды), а из самого тела, что приводит к более глубокой связи с ним. Здесь связь тела и души зависит не от внешней силы, а от внутренней энергии самого тела. Пост — это жертвование собственным телом ради свободы души. Если само тело питает душу, это означает единение материи и духа в общем волевом порыве к

богу. Духовная пища во время поста напоминает, что в своей наивысшей стадии творение целиком духовно.

Следует обратить внимание на то, что первопредки получили титул «устроителей жертвоприношений» (с. 93). Это означает, что они стали родоначальниками жреческой касты. Жречество, по определению К. Доусона, «представляет собой религию, воплощенную в постоянном институте, который образует неотъемлемую часть структуры общества и берет на себя корпоративную ответственность за религиозную жизнь общества»[1]. В силу этого жрецы выступают как творцы культуры, основатели цивилизации и хранители сакральных традиций. Появление жреческой касты в «Пополь-Вух» отмечает момент зарождения не только религии, но и самой цивилизации майя. Наличие жреческой касты означает теократический характер этой цивилизации. Главная функция жреца — жертвоприношение. Тохиль перед исходом из Тулана призвал их «совершить жертвоприношения» кровью (с. 91). При помощи подобных жертвоприношений устанавливается кровная связь между народом и богами. Поэтому жрецы выступают как мастера жертвоприношений. Вокруг этих жертвоприношений формируется религиозная жизнь народа, культ бога и особенности культуры. Сама проблема восхода солнца в «Пополь-Вух» напрямую связана с практикой жертвоприношений. Бог приносит себя в жертву, чтобы стать солнцем, а люди должны в благодарность за это приносить в жертву богу свою кровь. В такой жертве кровь алхимически превращается в огонь. Боги живут благодаря жертвоприношениям людей, а люди существуют, чтобы приносить жертвы богам. Жертвы объединяют людей и богов в едином волевом порыве и в мистике крови.

Люди приходят на новое место обитания, где они и должны ожидать восхода солнца, но заря показывает-

[1] *Доусон К. Г.* Религия и культура. СПб., 2001. С. 133.

ся не сразу. Страдания, печаль и уныние первопредков только усиливаются. «На их лицах было только уныние; огромная печаль и великая подавленность опустилась на них; они были совершенно подавлены страданиями» (с. 94–95). Люди даже начинают роптать: «О как плохо это, что мы пришли сюда! Если бы только мы могли увидеть восход солнца! Как это мы сделали, зачем отделились от подобных нам в наших горах?» (с. 95). Они считают, что для них было бы лучше остаться во тьме Тулана, чем переносить столько трудностей и страданий без видимого результата. Здесь автор «Пополь-Вух» подмечает одну важную особенность: люди способны воспринять только то, что происходит с ними в настоящую минуту. Мало кто из них способен взглянуть вперед и предвидеть будущее. Если сейчас человеку плохо, то ему нет дела до того, что эти страдания исчезнут в будущем, сменятся на радость. Даже самые лучшие не способны осознать, что эти страдания необходимы как залог будущего счастья и просветления. Важнейшему в мире событию (первый восход солнца) они противопоставили свою потребность в пище, поэтому «не было для них сна, не было покоя, и велика была тоска их сердец и их желудков о наступлении зари, о наступлении дня» (с. 94). Ожидание зари и дня оказывается не духовной задачей, а «проблемой желудка». Не просветления, а пропитания ждут люди от восхода солнца.

Даже начало зари не изменило детского сознания новорожденного народа. Самые великие из них все еще остаются детьми по своей психологии и «никак не могли успокоить свои сердца, тосковавшие о наступлении зари», о богах, о тяжелом испытании (с. 95). Поэтому четырем первопредкам приходится «успокоить желания» людей, утешить их (с. 95). Кроме того, в своем ропоте люди обвиняют не бога, а своих вождей-первопредков. Это связано с тем, что обычный человек, не понимая замысла бога или противясь его воле (лучше бы мы

остались), напрочь забывает о мире духовном и невидимом, о божьем промысле, а обвиняет в своих трудностях тех, кого видит перед собой, — ближних, руководителей, друзей, «других». Но только истинные герои, как первопредки, «не чувствовали в своих сердцах страха» (с. 95), поскольку знали замысел богов, предвидели будущее, когда «шли туда из Тулана-Суйва, туда, где восходит солнце» (с. 95). Люди, оставившие тьму Тулана и пришедшие к свету, еще только должны научиться использовать дарованный свет Истины, научиться соблюдать заветы бога, следовать его воле.

Исход из Тулана сопровождается постоянным разделением племен и потерей отдельных ветвей. Так, часть людей остались во тьме Тулана, поскольку они «хотели остаться там и спать» (с. 91). Там же остались «наши старшие и младшие братья» (с. 97), «кроме того, часть людей осталась там, на востоке; они называются тепеуоломан. — Мы потеряли их навсегда, — говорили они» (с. 98). Тепеу-оломан — племя, которое обитало вместе с киче на сакральном «востоке» (с. 84). Потерянные племена остались в иной, противоположной реальности «навсегда», исчезли безвозвратно. Возможно, когда в будущем божественная прародина, город Тулан будет вновь обретен, племена вернутся и воссоединятся с нами. Однако еще до этого рассеянные племена первых переселенцев должны соединиться, чтобы всем вместе ожидать приход зари.

Воссоединение происходит на вершине горы Чи-Пишаб. «Наконец, они пришли на вершину горы, и там все люди киче и племена объединились» (с. 92). Гора Чи-Пишаб — первое место остановки в странствиях. Однако в «Пополь-Вух» сообщение о достижении этой горы приводится дважды — до описания пересечения моря (с. 92) и после: «Там собрались они тогда на вершине горы, называемой Чи-Пишаб» (с. 93). По логике странствия, достижение горы, где племена объедини-

лись, могло произойти только после пересечения моря. Однако в мифе действуют законы иной логики. Когда автор «Пополь-Вух» описывает сначала приход племен на вершину горы Чи-Пишаб и только потом — путь к ней, он хочет показать, что в сакральной истории события развиваются в обратном направлении. Итог предшествует причине, финал оказывается у истоков процесса. Обратная проекция, обратное течение событий и времени показывает, что здесь предки все еще находятся в противоположной реальности. Только дважды показав приход племен на гору Чи-Пишаб — как начало процесса странствия и как его финал, можно показать, что на ее вершине происходит соединение противоположных реальностей. Гора, являясь границей между мирами и Осью, пронизывающей все уровни бытия, соединяет разные миры и примиряет их в единстве.

На вершине горы Чи-Пишаб все племена не просто объединились, но и обрели свои имена (киче, илок, какчекели, рабиналь и т. д. — с. 92). Обретение имен означает завершение рождения, появление на свет нового живого существа, а для племен — самоопределение в истории. Как ребенок считается окончательно родившимся лишь после наречения имени, так и племена в подлинном смысле «родились» в новой реальности лишь после обретения имен. Через наречение имени бог открывает свой замысел об этом народе и определяет его цель в сакральной истории. Называние имен — это обретение слова, памяти, новой жизни и полной реальности бытия. Только вследствие этого события племена «сошлись на совет» (с. 92), то есть смогли в словесной форме выразить свой опыт и планы. На горе Чи-Пишаб, где все племена объединились и обрели имена, впервые произошло соединение верхнего и нижнего миров, противоположных реальностей «до» и «после».

На горе Чи-Пишаб племена не просто соединились и получили имена, но боги «снова» говорили с ними (с. 93).

Гора Чи-Пишаб — место первого богоявления после исхода из Тулана, что должно подчеркнуть завершение целого цикла странствия и пограничные функции горы. Название горы происходит от слова *pixab*, что означает «приказание, мольба, совет», так как там племена сошлись на совет и там они вновь услышали приказания от своих богов. Богоявление сопровождалось строгим постом, причем постились не только первопредки, но и их жены (с. 93), в то время как простой народ, подобно детям, горевал от отсутствия еды. Поскольку не все осознали героический и инициационный смысл посланных испытаний, то боги на горе Чи-Пишаб заговорили только с первопредками. Это означает, что лишь они благодаря соблюдению строжайшего поста соответствовали высшему миру.

Именно поэтому первопредкам позволено нести богов на своих спинах, и, взойдя на вершину горы, «они принесли с собой также и Тохиля, Авилиша и Хакавица» (с. 93). В Тулане, где люди впервые получили своих богов, был установлен брачный союз между богом и человечеством. Исход из Тулана — не развод, поскольку брачный союз бога с людьми происходит из любви Творца к человечеству. Поэтому первопредки несут богов на своих спинах. Это лишь испытание прочности брачных уз. Поскольку же испытание пройдено успешно, то боги снова являются первопредкам и возвещают им свою волю. Последующий восход солнца («Заря уже приближается» — с. 93) должен стать подтверждением прочности брачного союза, его божественным свидетельством.

Восстановление общения с высшим миром сопровождалось требованием со стороны богов спрятать их в каком-нибудь потаенном месте: «Идите, поднимите нас, не оставляйте нас здесь. Нам нельзя оставаться здесь. Унесите нас в какое-нибудь потаенное место!» (с. 93). Дело в том, что боги предвидят начало войны из-за обладания ими. «Разве не будет для вас бесчестьем, ес-

ли мы будем захвачены в плен вашими врагами внутри этих стен, где мы находимся по вашему желанию, о владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений! Унесите тогда каждого из нас в безопасное место!» (с. 93). Речь идет о будущей религиозной войне, которую предсказывают боги и которая велась за власть над силами высшего мира. Богов следовало оградить от опасностей перемещением их из нашей реальности, где скоро должна явиться заря, в противоположную, где боги будут скрыты от людей во мраке.

Поскольку боги обратились к первопредкам с речью, то можно говорить, что состояние избранничества определялось способностью *слышать* и воспринимать божественное слово, а также возможностью *выполнять* их приказы. Поэтому сразу после произнесенного приказа первопредки «взяли (богов) и взвалили их на свои спины» (с. 93), подтверждая свое единение с ними. Первопредки отнесли богов в леса и в горы и спрятали там в ущельях (с. 93–94). Ущелья, в которых скрылись боги, — это другая реальность, параллельный мир Полой земли. Уйдя из подземного Тулана, боги и люди продолжают сохранять связь с иными мирами. Между этими мирами существует множество невидимых связей, причем переход из одной реальности в другую осуществляется благодаря особым подземным коридорам — колодцам, пещерам или ущельям. Каждое ущелье или каждая гора, где был спрятан бог, получили имя, соответствующее ему. Особенно указывается, что Хакавиц был установлен «на большой огненной горе», которая получила название в честь этого бога. Так происходит переход теофании от горы Чи-Пишаб к горе Хакавиц.

Теофания вызывает у разных людей противоречивые чувства. Сила и слава Тохиля, Авилиша и Хакавица были столь велики, чудеса многочисленны и бессчетны, а власть над людьми и могущество не вызывали сомнений. Поэтому «их существование вызывало страх и ужас

в сердцах племен» (с. 95). Простые люди испытывали страх перед величием и могуществом богов, из-за чего и жрецы получили титул «владыки страха перед богом» (с. 93). Только четыре первопредка «не чувствовали в своих сердцах страха перед богами» (с. 95). Профаны всегда боятся богов, но те выдающиеся, которые смогли понять их желания и волю, больше не чувствуют страха. Они поняли их сущность, так как сами тащили их на своих спинах. Почему сначала приходит страх, а потом понимание? Страх — это первое чувство, которое вызывает бог своей силой, славой и властью. Страх вызывает все сакральное, все трансцендентное, все сверхчеловеческое и сверхматериальное, что есть в богах. Только после страха возникает понимание их желаний и успокоение сердец. *Страх — начало понимания*, и без страха нет понимания богов и успокоения сердец простых людей. Нечеловеческое всегда вызывает ужас; власть и сила вызывают страх, но страх должен смениться пониманием.

Страх перед богами — лишь средство достижения успокоения желаний богов и сердец людей, первое условие их взаимопонимания. Невозможно постичь желания богов без предварительного условия — страха. По мере развития страха и ужаса возникает и понимание желаний богов, а их воля исполняется. Тогда страх исчезает. Сила, слава, власть богов вызывают ужас и держатся на страхе. Поэтому страх — это начало общения человека с богами, начало понимания. Но страх может и должен быть преодолен. Человек не должен бояться своих богов, а должен понимать их и удовлетворять их желания. Это, в свою очередь, приводит к успокоению его собственное сердце. Отсутствие страха и понимание — основа правильного, гармоничного общения человека с богами. Страх перед могуществом Творца, перед его властью и славой сменяется пониманием замысла Творца и исполнением желаний бога — исполнением человеком своего предназначения. В этом понимании уже нет места

для страха, а исполнение желаний богов приводит к их успокоению.

Человек должен понимать желания богов, а не бояться их. Если он исполняет желания богов из страха и ужаса перед ними, то тогда он ведет себя как раб. Если же он перестает бояться богов, то он ведет себя как герой, а боги успокаиваются. В преодолении страха перед богами герой открывает свое равновеличие богам. В преодолении страха герою открывается, что он не раб, не ничто в сравнении с богами, а равновелик им. Хотя страх — начало понимания, но именно понимания, а вовсе не страха ждут боги от людей — героев. В страхе остаются жить только рабы. Боги добиваются от людей не добродетели страха, а добродетели понимания. В этом исполнении их желаний и лежит преодоление страха. Прекращением страха перед собой боги не умаляют свою сверхъестественную и сверхчеловеческую природу, а открывают человеку возможность стать героем, указывают путь к преодолению всего человеческого и к обожению. В превращении страха в понимание происходит возвращение высших способностей человека, ранее изъятых у предков богами. Поэтому только после победы первопредков над собственным страхом перед богами они «стали владыками» (с. 95). Перемена страха на понимание равносильна первому акту творения. Страх соответствует изначальной тьме, бездвижности, невыявленности космоса и скрытости бога. Понимание — это первый акт озарения светом, явления творческого света.

После того как первопредки победили страх и «стали владыками», «там засияла для них ранняя заря» (с. 95). Это соединение в одном смысловом ряду мотивов избавления от страха, обретения власти и явления зари раскрывает подлинную природу чувства страха. Когда люди переживают ужас, это не страх перед величием бога или его гневом. Это боязнь, что солнце не взойдет и, следовательно, это страх перед тем, что космический *порядок*

будет нарушен. По мнению Г. Гюнтера, для нордического человека «мир был скорее вечным порядком»[1]. Человеческая и божественная жизнь — лишь части, разные проявления единого космического порядка. Нарушение этого порядка вызывает ужас. Это экзистенциальный и онтологический страх. Идея порядка получила у нордического человека выражение в годичном цикле. Поэтому главный страх был связан с тем, что солнце не взойдет после долгой полярной ночи.

Настроение космического ужаса становится проявлением в человеке стихии трансцендентного Ничто. Отсюда — экстатичные, снимающие страх молитвы и кровавые жертвоприношения, описанные в «Пополь-Вух». Настроение ночного ужаса позволяет человеку соприкоснуться с трансцендентным и проникнуть в бессознательное — ночную часть своей души. Такие образы и чувства составляли часть примордиального Откровения и формировали гиперборейскую мифологию. Момент рассвета — точка перелома, в которой творится новое Бытие, мир возрождается, чувство страха оказывается преодоленным и является нордический герой. Героическая победа над ночными силами хаоса, над страхом закладывает основы религиозности «нордического типа». Поскольку идея порядка непосредственно связана с космическими циклами и опирается на природные феномены арктического региона, из этого следует, что религиозность нордического человека несет в себе идею восхождения, желание возвышения жизни и преодоления земного и человеческого — на движении к преображающему свету мистической Зари.

Ожидая восхода солнца, жрецы *всматриваются* в горизонт. Ожидание явления рассвета подразумевает всматривание в *точку* на горизонте, где должен показаться первый луч солнца. Ожидание — это настроение челове-

[1] *Гюнтер Г.* Индоевропейская религиозность. С. 16.

ка на границе ночи и дня, а смотрение — его основное действие, основанное на *возможности* явления светила, на наступлении дня. Момент восхода означает исполнение ожидания, реализацию возможности и превращение смотрения в озарение. *Озарение* представляет собой *реализацию возможности как данности*, что и вызывает у первопредков счастье (с. 95).

В ожидании зари люди «начали танцевать, обратясь лицом к востоку. Они плакали от радости, когда они танцевали и сжигали свои благовония, драгоценные благовония» (с. 96). Люди танцевали и плакали от счастья. Состояние людей непосредственно перед восходом солнца было возвышенным, они переживали подлинный экстаз. Экстатическая пляска, одурманивающий дым благовоний вызвали восторг, радость. Чувства людей изменились, как и сам мир должен был преобразиться с явлением солнца. Природный феномен (восход солнца) стал восприниматься духовно (экстатическое преображение души). Экстатический танец — это установление ритма, приведение ритма собственного тела и души в соответствие с космическим и божественным ритмом. Поэтому только после экстатического состояния, достигнутого благодаря танцу, можно наблюдать такое сверхъестественное явление, как *первый* восход солнца. «Там пришла к ним заря, там они сожигали свои благовония и танцевали, обращая свои взгляды к востоку, откуда они пришли» (с. 97). Восторг смешивается с горем, «потому что они еще не видели и не созерцали восхода солнца» (с. 96). Горе только усиливает экстатическое состояние, становится контрастом чувству радости. На границе между горем и радостью возникает вихревой поток такой силы, что он выносит человека за пределы нашей реальности. Это и называется *религиозный экстаз.*

В центре мифологии, космогонии, психологии и антропологии «Пополь-Вух» лежит развернутый культ солнца. Мифология солнца — ключевая в процессе ми-

фореставрации «Пополь-Вух», а восход солнца — ключевой момент, центральный пункт и кульминация священной Книги. Однако солнце не сразу является, свет Истины не сразу открывается человеку. Бог испытывает человека, постепенно открывая ему сначала немногое (первый луч), а затем и большее (восход). Сперва человек должен научиться воспринимать немногое, а затем бог открывает ему полностью свою Истину, явленную в «Пополь-Вух» в образе восходящего солнца. Только после испытаний, если человек прошел их и показал себя верным богу, он становится достойным созерцать величайшее событие — восход светила.

Наконец солнце всходит. Это настолько великое в религиозном плане событие, что оно оговаривается в тексте однозначно и специальной фразой: «И вот тогда взошло солнце» (с. 96). «Пополь-Вух» сообщает, что четыре первопредка «находились вместе; вместе ожидали они зари, там на горе, называемой Хакавиц» (с. 94). Именно на горе Хакавиц «пришла к ним заря, там они сожигали свои благовония и танцевали, обращая свои взгляды к востоку, откуда они пришли» (с. 97). Откровение солнца произошло на горе, так как она своей устремленностью ввысь, соотносилась с небом. Гора — путь на небо, и гора открывает человеку солнце. Гора заключает в себе небесные и солнечные тайны, во время восхода ее вершина освещается первой. Религия гор рождается из откровения солнца. Желание взойти на гору следует за восторгом перед лучами зари, отраженными ее вершиной. Откровение солнца — единственное известное и понятное простому человеку. Оно может быть обретено только на горе. Древнейшая цивилизация «истинных людей» основана на откровении солнца, произошедшем не где-нибудь, а именно на горе.

Гора — образ Оси Мира, знак Полюса, центральной и изначальной Точки, вокруг которой вращается весь космос, хотя сама она остается неподвижной. Именно

эта неподвижность горы становится залогом того, что на ней может произойти откровение бога. Своим внешним видом, своей высотой гора удачно показывает объединение неба и земли. В силу того, что гора фиксирует Центр Мира, обозначает его, то все прилегающее к ней пространство оказывается ближе всего к небу и в силу этого сакральным, независимо от того, где в историческую эпоху помещали такую гору и с какой подлинной горой ее связывали. Центр Мира и сакральное пространство благодаря горе наиболее приближены к небу, соприкасаются с ним на вершине горы, которая и становится местом теофании. С вершины горы созерцается солнце, на ее вершине открывает себя бог, и восхождение на нее обозначает путь героя, его духовную эволюцию.

Гора Хакавиц, на которой было получено откровение Света, означает высоту и восхождение (заря) божественной Славы (свет солнца). Восходя на гору, первопредки узрели всю славу бога в сиянии восходящего солнца. Через явление солнца Творец установил свое единство с третьим поколением людей. Осветив их лучами восходящего солнца и вызвав в их душах радость, Творец признал свое отцовство. Не нашлось никого, кто бы не ждал солнца или отвернулся бы от его лучей. Это означает, что все человечество, без изъяна, приняло божественный свет в свои души и признало своего бога. Четыре первопредка стали свидетелями откровения и установившегося союза между человечеством и Творцом.

Мистически этот союз выражен через акт восхождения на гору. Гора Хакавиц, на вершине которой впервые были увидены лучи восходящего солнца, отмеряет то расстояние, которое имеется между Творцом и творением, и раскрывает сущностную разницу между ними. Свет зари, осветивший вершину, противоположен тьме в долине — тьме невежества. Граница между светом и тьмой — сама гора, и она отделяет божественную духовную обитель света от пребывающего во тьме творения.

Так гора становится отражением Вселенной, духовного и физического универсума. Вершина в свете зари — это сверхнебесная зона, где действует божественная воля (свет) и слово (огонь). Именно оттуда свет и порядок распространяется затем по долине, захватывая все большее пространство, прогоняя тьму и освещая людей, наполняя их души счастьем. Когда свет нисходит с вершины и прогоняет тьму, освещая весь мир, тогда принципиальная противоположность между Творцом и творением исчезает и устанавливается союз между ними, взаимопроникновение. Граница между светом и тьмой упраздняется, так как свет откровения прогоняет тьму невежества.

Гора мистически представляет собой границу, но и соединение двух миров — земного и небесного. Подойдя к горе, первопредки преодолевают границу пространства и времени, они словно бы полностью отрешаются от земного восприятия и физической реальности (тьмы). Тогда наступает новый этап их духовного развития (рассвет). Отрешенность от земного позволяет им созерцать божественное (свет солнца). Поднимаясь на гору, воспаряя над Вселенной тьмы, душа устремляется к свету Истины. Бог, однако, не обитает на этой горе, а лишь открывается на ней людям, созерцающим с ее вершины долгожданный рассвет. *Гора — место не обитания, а явления бога*, обозначает духовное восхождение от тьмы к свету. На горе в момент восхода солнца стало ясно присутствие в нашем мире бога. Только тот может подняться на гору и вступить на ее вершину, кто узрел свет Истины, стал свидетелем рассвета, победы света над тьмой. Поэтому восхождение человека к богу (на гору) должно совершаться так же медленно, постепенно и последовательно, как и сам восход солнца. Гора объединяет земное и небесное; именно здесь небесное может явиться земному, а божественное человеческому. С восходом солнца слава бога наполняет весь мир, а

свет Истины наполняет и освещает самые далекие и темные стороны человеческой души. Здесь тьма неведения разрывается первым Зеленым Лучом восходящего солнца Истины.

Замечательно, что свидетельство установленного союза между богом и человеком никогда не скрыто, не спрятано. Каждый человек может наблюдать его каждое утро в момент восхода солнца, когда этот союз обновляется, подтверждается и устанавливается вновь и вновь до последнего восхода солнца. Регулярность восстановления подобного союза — самое удивительное из сотворенного и самое поразительное утверждение славы Творца. Солнечный свет навсегда становится здесь светом души человека и творческим божественным светом, преобразующим тело и освещающим душу «истинного человека». В каждодневном восходе закреплен священный закон преодоления тьмы души, преображения всего телесного и обожения человека и космоса. Однако и установиться этот завет мог только там, где солнце поднимается из-за горизонта не раз в году, а каждый день. Поэтому первопредки и племена совершили исход из полярного Тулана в новые земли, где солнце появляется ежедневно и происходит регулярное обновление союза с богом. *Истинный, настоящий, совершенный человек должен каждый день видеть себя на вершине горы Хакавиц в лучах впервые восходящего солнца.*

Свет восходит во тьме, и люди видят, что мрак превращается в свет, а печаль и страдания сменяются радостью. То, что казалось злом (долгая полярная ночь), приносит избавление (рассвет). Бог открывается людям с первым лучом света. Хотя человек находится во мраке, но бог — свет для него. Так негативное превращается в позитивное и становится источником восторга, как ранее Небытие стало Бытием. Поскольку первыми словами Хуракана были «Пусть будет свет», то именно свет дня дает человеку возможность слияния с Творцом.

В ночи Тулана было только явление бога людям, но в момент первого явления солнца открылась возможность прямого слияния с богом. День, солнечный свет — это восприятие бога непосредственно, что соответствует озарению и ясновидению в душе человека. Хотя в Тулане произошла катастрофа и разделение языков и племен, но восход солнца ознаменовался соединением: племена «пребывали все вместе» (с. 94). Все созерцают великий свет первого восхода солнца потому, что собрались все вместе. Нет больше страданий, которые перенесли люди после разделения и исхода из Тулана. Теперь они все вместе и видят рассвет. Страдание от разделения преодолено счастьем нового соединения, ночь преодолена рассветом, исход и странствие закончились обретением нового места проживания на горе. Камень явления бога в Тулане сменяется горой созерцания восхода солнца. Один сакральный Центр превращается в другой сакральный Центр. Несовершенное стало совершенным, становление превратилось в Бытие. Рассвет уже пребывает в ночи, как Бытие пребывает в Небытии. Одно превращается в другое при смене реальности на противоположную. Это и есть момент рассвета. Это же точка исправления и завершения, после которой возврат к прошлому невозможен.

Событие вызывает глубокое потрясение у людей и животных. «Малые звери и большие звери были счастливы; они поднялись с берегов рек, в ущельях и на вершинах гор, и все поспешно обратили свои глаза туда, где вставало солнце» (с. 96). Звери зарычали от радости, а птицы запели. «Воистину все звери были счастливы...» (с. 96). То же ликование происходит и среди людей. Жрецы «опустились на колени; велика была радость владык страха перед богами и устроителей жертвоприношений... И сосчитать людей было невозможно. Свет зари упал на все племена в одно и то же время» (с. 96). Вряд ли подобное религиозное потрясение воз-

можно в регионах, где появление светила утром — обычное ежедневно повторяющееся событие. Такие эмоции люди могут переживать лишь там, где восход светила после длительной ночи представлялся как величайший религиозный акт, внедрявший в души людей веру в обновление мира и человека. Ежедневный и обыденный восход солнца в тропиках не вызывает такой же реакции, как в полярном регионе, где от солнца прямо зависит существование племени.

Страдания людей прекращаются в момент восхода. Они страдали только пока не обрели бога — не узрели восход солнца. Тогда страдание сменяется радостью. В момент восхода солнца четыре первопредка испытали чувство радости. «Когда (солнце) поднялось, сердца Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама были наполнены радостью. Велика была их радость, когда наступила заря» (с. 97). Это была та же радость, которую Творец испытал в результате создания мира. Только это человечество осознало чувство радости и этим исполнило цель творения. *Радость Творца соединилась с радостью твари.* Это ощущение тварью радости и есть вся суть творения, поскольку теперь все то, что разъединяло творение и Творца, человека и бога, устранено. Постижение божественной мудрости приводит человека в состояние радости. Просветленный человек преодолевает двойственность мира, что вызывает в нем уверенность и радость бытия.

То, что испытали души людей, ранее исходило от Создателя, и эти два чувства соединились в единой космической Радости. Радость в человеке уподобляется радости бога от творения. Поскольку же радость испытывается человеком впервые при созерцании восхода солнца, то в этой радости он ощущает Творца и тот свет, который был сотворен первым и стал основой радости бытия и совершенства творения. Бог испытывает радость от первого явления света, сотворившего мир, а

человек испытывает радость от первого явления солнца, завершившего творение и сделавшего его совершенным и законченным. После этого творение не продолжается, а пребывает в радости. Радость обретается в свете, поскольку лишь в свете становится видно совершенство творения и в свете пребывает совершенство и слава Творца. Это осознание делает кукурузных людей совершенными и истинными людьми, пребывающими в радости. Реализация радости необходима для исполнения замысла творения. Она оказывается возможной лишь в момент восхода солнца, так как повторяет первый акт творения, наполнивший Творца радостью. Радость начинает и завершает творение мира. Центральной фигурой в этом оказывается совершенный, истинный человек, способный отразить радость Творца и выразить ее как свою радость от бытия. Отныне только желание радости двигает человеком в его делах, поступках, в его развитии и духовном поиске. Источником же радости становится Свет — свет жизни, идущий как от бога, так и от солнца. В этих лучах восходящего солнца происходит слияние человека и бога, что и вызывает полноту совершенства и радость.

Перейдя через море, то есть выйдя в противоположную реальность, «родившись» для нового мира, первопредки удостоились невиданного ранее богоявления — первого восхода солнца. Только перейдя в иную реальность люди смогли узреть явление света Истины. Они достигли высшего уровня понимания света Истины только выйдя на новый уровень Бытия. Приход зари и восход солнца знаменует метаморфозу космоса. Она сопровождается сложным процессом разделения черного света ночи и белого света дня. Заря отделяет черный свет темноты от света дня, становится пределом, отделяющим одну реальность от другой. Поэтому с приходом зари мир меняется на противоположный. В результате восхода солнца космическая метаморфоза достигает выс-

шей точки, причем небеса и преисподняя, как место пребывания солнца, меняются местами. Черное становится белым, обратное, ночное движение светила сменяется на прямое, дневное.

Творение света еще не означает творения солнца. В «Пополь-Вух» творение света и солнца разделено созданием земли, растений, животных и людей. Первозданный свет не освещал мир (на земле царила тьма), а творил космос из хаоса. Он имел силу преобразования, формирования, но не выполнял функции освещения. Свет еще только должен выделить из себя солнце. Такая идея могла возникнуть лишь там, где между моментом появления зари (света) и восходом солнца проходит очень много времени — дни или месяцы. С мистической точки зрения, творение солнца после создания людей оправдано тем, что иначе некому было бы наблюдать столь великое событие, как первый восход солнца, и оно не состоялось бы. С восходом солнца первозданный свет исчезает. Солнце вбирает в себя этот свет. Солнце существует из этого света, становится извлечением из света.

Изначальный свет, явленный по первому творческому Слову, сконцентрировался и превратился в солнце. По словам Пернети, «рассеянный сначала повсюду, свет словно сконцентрировался в солнце, как несколько лучей соединяются в одной точке»[1]. Явленный изначально в виде Зеленого Луча, пронзившего хаос и упорядочившего его своим рассеянием, свет в финале творения вновь концентрируется, чтобы породить солнце. Создание солнца в самом финале творения (даже после человека) циклически завершает его. Если начальная точка творения связана с фразой «Пусть будет свет», то его последний этап — восход солнца. С явлением солнца свет перестал быть неупорядоченным сиянием (пятно зари

[1] *Пернети А.-Ж.* Указ. соч. С. 70.

у горизонта) и обрел свою твердь, сконцентрировался, оформился. Так завершается цикл творения: небо стало твердью, земля стала твердью, свет стал твердью.

Таким образом, между явлением солнца в начале истории (во тьме полярной ночи) и творением света в начале мира (в первозданной тьме) существует определенная связь. Связь между творением и явлением света одна — откровение. Главным способом творения было дарование света; главное событие сакральной истории — дарование солнца. То и другое происходит по замыслу Творца и становится признаком его присутствия в мире — его откровения. Явление изначального света созерцал только бог, но свидетелем первого восхода солнца был уже человек. Это важное отличие несет в себе определенный смысл: созерцая откровение солнца, человек обрел способность быть единым с богом в радости. *Бог делится с человеком радостью от созерцания света.*

До этого события, от сотворения земли, на ней царили тьма и ночь. Свет находился у Творца, но творение пребывало во мраке. Подобное положение выражало разделение Творца и творения, различие божественного и земного. С восходом солнца этот миропорядок, утверждавший жесткую границу между материей и духом, тьмой и светом, человеком и богом, был навсегда изменен. Явление светила утвердило на нашей земле свет, стирая ограничения и пределы между земным миром и божественным. Бог пришел в виде солнца, неся с собой *откровение света* и открывая божественность для человечества. Понуждая людей совершить путешествие для созерцания солнца, бог дает человеку возможность возвысить свое физическое «Я» и весь материальный мир тьмы до уровня духовного бытия, до уровня света.

Откровение солнца становится испытанием для людей. Трудное путешествие и созерцание восхода — ежедневный тяжелый путь духовного восхождения человека ради открытия внутреннего света своей души. Открове-

ние солнца в космосе влечет за собой откровение света в душе каждого человека. Только после первого восхода солнца могла начаться работа по духовному восхождению, очищению, освящению мира и человека. Возможность духовного восхождения открывается лишь в момент восхода солнца. Восход солнца открыл, что мир и душа человека наполнены божественным светом, открывающим путь к богу. Поскольку кукурузные люди были созданы, чтобы созерцать восход солнца, то именно они стали не просто *свидетелями* рождения света, но именно *носителями* света. Третья раса людей в «Пополь-Вух» оказывается носительницей света, единственной одухотворенной и воспринявшей бога света в своей душе. Не человек и даже не солнце оказываются вершиной творения. Человек — всего лишь материал, а солнце — средство. Истинным венцом творения становится тот, кто откроет в себе преобразующую силу световой энергии — огненный, солнечный сверхчеловек.

Солнце, по меткому выражению Мартинеса де Паскуалиса, можно понять «в качестве отражения *оси центрального огня*»[1]. Эта центральная ось взаимодействия огня и солнца устанавливается не только в космосе, но и в душе человека. Духовная и телесная жизнь исходит от Творца, но лишь «ось центрального огня» делает эту истину ощутимой, поскольку человеческое тело «заключает в себе равновесие того самого огня нетварной оси, являющейся началом материальной жизни»[2]. Так в теле человека происходит осевое соединение внутреннего огня (изначального творческого света, явленного во тьме души) и внешнего огня (солнца, явленного во тьме космоса). Здесь открывается возможность алхимической трансмутации души и огненно-светового преображения тела. Так и возникнут истинные «порож-

[1] *Паскуалис М., де.* Указ. соч. С. 204.
[2] Там же. С. 205.

дения света, сыновья света», о которых пророчествует «Пополь-Вух» (с. 80). Это пророчество подтверждается тем, что «Солнце было подобно человеку, когда оно показалось» (с. 96). *Антропоморфность солнца несет в себе благую весть солнцеподобия человека.* Откровение восходящего солнца — кульминация и одновременно завершение исхода, достижение его цели.

С этого момента свет, находившийся раньше у бога, получает возможность через солнце освещать материальный мир. До явления солнца свет принадлежал лишь духовному миру небес и не мог быть открыт в материальности земного мира. Однако солнце, будучи физическим телом, воплотило в себе свет и принесло его в наш мир, осветив его. Физическое солнце явило божественный свет нашему миру, открыв человеку божественную Истину и высшую реальность, завершив акт творения. Здесь устанавливается союз духа и материи, утверждается закон восхождения материи к духу и схождения духа в материю. *Откровение высшего дает возможность для восхождения низшего.* Таковы уроки *первого* восхода солнца.

В момент первого восхода солнца все люди, а не только избранные, обрели радость и совершенство. Первое солнце было ярче, светило сильнее, чем нынешнее, «и его лик пылал, когда оно высушивало поверхность земли» (с. 96). Оно осветило весь мир во всех его пределах, изменило его, как это произошло и в первое мгновение сотворения света в начале мира. Тогда первозданный свет превратил хаотичную стихию земли в твердь. Теперь же «поверхность земли была высушена солнцем» (с. 96). После того как солнце поднимается над линией горизонта и в Арктике начинается весна, земля оттаивает, а лед превращается в воду. Однако затем солнце высушивает грязь и земля снова становится твердой. «Пополь-Вух» описывает этот процесс детально. «Перед тем как поднялось солнце, поверхность земли была

влажной и илистой, ведь солнце тогда еще не взошло. Но затем солнце поднялось в первый раз и было подобно человеческому существу. И зной его был непереносим, хотя оно только еще показалось в тот момент, когда оно было рождено» (с. 96).

Как изначальная материя до творения представляла собой водянистую, смягченную и неоформленную материю, так и земля до восхода солнца описывается в «Пополь-Вух» как влажная, мягкая материя, подобная илу или мокрой глине. Как первое творческое Слово (огненный свет), войдя в изначальную водянистую массу, привело к ее сгущению и образованию тверди, так и впервые после долгой полярной ночи взошедшее солнце своим светом и теплом воздействует на влажную почву, высушивая ее, способствуя ее фиксации и даже материализации. Что произошло при помощи света в начале творения мира, повторяется и в момент первого восхода солнца — сгущение материи, упорядочение хаоса, фиксация. Этот эпизод в «Пополь-Вух» подтверждает параллелизм двух мотивов — творения мира и восхода солнца, делая однотипными космогонический и солярный миф.

Первый свет порождает материю и весь мир, а взошедшее солнце фиксирует его существование. Первый свет открывает процесс творения, становления; взошедшее солнце завершает процесс становления и устанавливает Бытие. Солнце оформляет землю, как ранее свет сотворил ее. По словам Пернети, «исходящий от солнца свет попадает как на небесные, так и на земные плотные тела, приводит в движение их свойства, движет их, отражается ими»[1], то есть придает им бытийность, фиксированность, упорядоченную телесность. Лишь под воздействием света и тепла солнца изначальная влажная грязь и ил отвердели и спеклись, а вода выпарилась.

[1] *Пернети А.-Ж.* Указ. соч. С. 61.

Этим творение завершается и устанавливается как существование.

Чрезмерность жары от новорожденного солнца совпадает с чрезмерной мудростью только что сотворенных первопредков. Как боги уменьшили мудрость первых людей, затуманив их глаза, так они уменьшили и силу солнца. «То, что осталось в настоящее время, — это только лишь отражение в зеркале. Конечно, это было не то самое солнце, которое мы видим (теперь); так об этом говорится в их древних сказаниях» (с. 96). Умаление совершенства — один из законов космотворчества — открывает перспективу духовного роста и самопреодоления не только перед человеком. *Солнце тоже должно возродиться*, вернуть себе в будущем отнятое состояние. Когда солнце снова станет подобно тому, чем оно было в первый момент восхода, тогда и весь мир преобразится в свете.

Восход солнца привел к фундаментальным изменениям всего космоса и даже затронул природу богов, которые окаменели. «Немедленно после (появления солнца) Тохиль, Авилиш и Хакавиц превратились в камень вместе с божественными существами пумой, ягуаром, гремучей змеей, ехидной и белыми чудовищами, находящимися среди древесных ветвей. Когда появилось солнце, луна и звезды, все подобное превратилось в камень» (с. 97). В преданиях кельтов и германцев гном, карлик или эльф, застигнутый рассветом вне дома, также превращается в камень[1]. Это были боги эпохи космической Ночи. Они должны измениться с приходом солнца. Затвердение земли и окаменение богов после первого восхода говорит об онтологическом изменении самого бытия. Если ранее почва не была затвердевшей и находилась в движении, в становлении, то это было связано с возможностью изменения или даже отмены бытия (уничтожение первых двух человеческих рас). Теперь же, после того

[1] *Гербер Х.* Мифы Северной Европы. М., 2006. С. 217.

как солнце взошло, земля затвердела, а творение завершилось, наш мир получил от бога гарантированное существование. Он не просто затвердел, а зафиксировался, укрепился в бытии навечно. Знамением этого должно стать параллельное и одновременное окаменение богов.

Боги и божественные животные превратились в камень, а лед становится водой. Ранее неподвижное, твердое (лед) переходит в подвижное (вода), и здесь же ранее живое («первые животные») и духовное (боги) оказывается неподвижным, неживым (камень). Изначально неподвижное (лед) было неупорядоченным, стихийным — первозданные холодные и неподвижные воды. Теперь же, после восхода солнца, духовное (боги) и подвижное, но неупорядоченное (дикие и хищные «первые животные» эпохи ледникового периода) должно стать твердым, подчиниться волевому принуждению и «окаменеть». Под воздействием силы воли, личной духовной силы, принесенной светом солнца, лед (неупорядоченное) превращается в камень (упорядоченное), духовное конденсируется, фиксируется. Космос отвердевает и формируется под действием солнечной силы и огненной воли. Восход солнца, с которого начинается деление на сутки, на день и ночь, становится знаком стабильности и залогом гарантированного бытия. Материя понимается здесь как затвердевший или сконцентрированный дух, что соответствует космогонической части сакрального текста.

Бог желает, чтобы люди обращались к нему, называли его имя, призывали его, то есть он нуждается в познании своей сущности. Бог становится известен человеку с помощью своих действий и познается через свои проявления в сотворенном им мире. Он известен и неизвестен, открыт в творении и скрыт от творения (трансцендентен ему). Он становится известен и познаваем с помощью представлений — через откровение в душе человека (свет души) и в космосе (свет солнца). Это познание зависит от положения наблюдателя, поэто-

му после исхода из Тулана понимание бога изменилось. Понимание бога до восхода солнца (во тьме Тулана) и после восхода солнца (на вершине горы Хакавиц) различно, никак не может быть идентично. Дело в том, что восход солнца полностью меняет реальность и превращает все в свою противоположность. Боги превращаются в камни — духовное становится материальным, небесное земным. Планы бытия меняются; происходит подлинный *переворот в реальности.*

Освещенные солнцем боги становятся видимыми и, следовательно, доступными для познания. Доступный познанию бог соединяется с нижним миром, обретает его материальные характеристики и теряет изначальную духовно-нематериальную сущность. Поэтому боги и должны превратиться в камни. Превращение богов в камни означает превращение идеи в физический объект, переход из мира идей в мир явлений. Это также переход из одного мира не просто в другой, параллельный, а в противоположный. То, что в одном мире существует как идея, в другом оказывается телом, физической формой. Уплотнение и затвердение тела отмечает начало нашей земли, материализацию астрального тела в эпоху победившей материи. Окаменение богов указывает и на то, что после восхода солнца бытие установилось полностью, определилось в бытии, а не в становлении. В силу этого превращение богов в камень — последний этап творения, завершение процесса фиксации. Дух превращается в камень под действием тепла; энергия переходит в материю, летучесть сменяется фиксированностью. Здесь скрыта тайна алхимического Делания и открыта божественная природа философского Камня. Зато благодаря этому человек получает возможность увидеть богов, общаться с ними, кормить их, постичь их как часть космического бытия.

Лучший способ познания бога — изучение его деяний, изложением которых и является «Пополь-Вух». Уровень

скрытости бога в «Пополь-Вух» неизмеримо выше, чем в материальной природе. Как склонности души проявляются в действиях тела, а скрытые в подсознании желания и комплексы проявляются в сознании, так и бог показывается открыто через действие в материи (в камне) и скрыто в откровении света (в «Пополь-Вух»). Изучение «Пополь-Вух» дает более точное понимание о боге, чем изучение его природно-материальных воплощений (в камне). Правильное мировоззрение, открываемое человеку изучением «Пополь-Вух», дает ему возможность выхода к высшему уровню, путь к сверхчеловеческому существованию (явление зари).

Восход солнца приводит к обретению богом телесно-материальной бытийности, его явлению в камне как в своем теле. Боги стали камнем (не говорится, что «камнями») — единой и цельной основой всего мира, прочным и твердым основанием нового бытия и прообразом души человека, познавшего Истину. Так свет Истины, осветив темную, слабую и мягкую душу человека, преобразует ее, делает твердой, сильной. Духовное и неупорядоченное превращается в противоположной реальности света в твердое и структурированное героической волей. Не камень становится богом, а бог получает свое воплощение в камне. Познание бога в камне, следовательно, ведет человека к восхождению души к свету. Эти два процесса взаимосвязаны, поэтому превращение бога в камень, его материализация, становится необходимым условием для духовного роста человека. Одно без другого невозможно. Окаменение бога ведет в противоположном плане бытия к световому преображению и исчезновению телесной оболочки сверхчеловека.

Явление солнца на горе Хакавиц соотносится с явлением света в душе человека, поскольку то и другое оказывается причиной радости. Свет входит в сердце человека, освещает его душу, как взошедшее солнце освещает вершину горы Хакавиц, а затем и весь мир. Гора Хакавиц

в этом смысле становится параллелью человеческого тела — то и другое освещается светом. Откровение солнца на горе Хакавиц равнозначно откровению бога в сердце человека. Там, где раньше царила ночь или тьма неведения, появляется свет. Явленный свет завершает творение мира (он затвердевает) и формирование души, которая наполняется радостью. Затвердевание мира и наполнение души радостью происходят почти одновременно и точно уж в результате одного и того же события — первого восхода солнца. Сердце очищается этим светом, заполняется высшим светом, чтобы впоследствии и само тело могло пережить световую трансформацию, алхимическое преображение в световое тело.

Поскольку мир оказывается преображенным и зафиксированным светом, то возникает проблема оседлости самого человека, его зафиксированности в определенной точке пространства. Концепция времени не имеет серьезного отражения в «Пополь-Вух». Поскольку все события происходят «ночью», то это означает, что они не вписаны в хронологию, существуют «вне времени». Однако для «Пополь-Вух» особое значение имеет *место*. Сакральный текст постоянно точно определяет место действия — Шибальба, Тулан, гора Хакавиц. Совершенный человек вписан не во время, которое постоянно циклически повторяется, а в пространство. Он находит опору не в дате, а в месте, которое воспринимает как сакральный Центр Мира. Он привязан к почве, хотя и поклоняется солнцу. Дело в том, что восход солнца связан не с датой, а с местом — с горой Хакавиц или с душой человека. Это утверждение главенства пространства влечет за собой прославление человека как героя — победителя космоса.

Люди пришли на гору Хакавиц, чтобы увидеть на ней первый восход солнца. «Здесь, на горе, они умножились, и здесь возник их город» (с. 97). Гора, на которую они поднимаются, находится в обычной местности, рас-

сматривается сначала как часть неупорядоченной природы и доступна каждому, хотя и «только малое количество (их) находилось там, на горе Хакавиц» (с. 97). Город — это уже упорядоченное пространство. Строительство города подобно творению космоса из хаоса, оно осуществляется лишь после восхода солнца — завершения творения. При этом город — это организация пространства, а не времени, не места, не даты. Город — начало земной цивилизации. Он привязывает человека к месту, к почве. Город — это покорение пространства, через которое происходит осознание истории. Он становится средством оформить, осознать *место*, но также и способ сделать историю *видимой*. Город, построенный после первого восхода солнца, то есть после «начала времени», — это *место видимого времени*, пространственное оформление времени.

Строительство города на горе Хакавиц связано с восходом солнца, наблюдаемым ранее с вершины горы. Строительство города становится прямым продолжением восхода. Как первый восход солнца оказывается завершением творения, так и строительство города имеет космогонический смысл. Строительство города на новой земле несет в себе элемент святости и смысл превращения хаоса в структурированный порядок. Как восход солнца приводит к окаменению почвы, первых животных и даже богов, так пространство мира должно быть сакрально упорядочено, чему и служит город. Именно поэтому город и построен на горе Хакавиц — в том месте, где завершение творения наблюдалось воочию — восход солнца.

Как боги сотворили мировой порядок, так и четыре первопредка, построившие на горе город, становятся основателями государственного и общественного порядка, закона, цивилизации. Дело в том, что город на горе подразумевает не просто восхождение, а именно установление иерархии. Восхождение определяется уровнем или степенью сакральности. Откровение света дано

всем без исключения на горе Хакавиц, но посвящение вводит иерархию, выражением которой становится священный город с его разными уровнями и особенностями архитектуры, подчиненными форме горы. Город вводит ограничение на передвижения, накладывает запреты для непосвященных, устанавливает пределы, которых раньше не было на горе Хакавиц. Установление иерархии — важнейшая часть посвящения, но посвящение зависит от степени восприятия откровения. Поэтому откровение света (восход солнца) непосредственно влечет за собой строительство города на горе — как материальное выражение энергии светила, пролившейся на материю и преобразовавшей ее. Космогонический порядок и закон переходит здесь в политический порядок и закон. В этом смысле строительство города становится подтверждением завершения космогонического процесса и перехода от мифологической эпохи к историческим временам. Однако это не проходит даром. Такой резкий переход приводит к психологической драме и вызывает горькое чувство утраченного совершенства.

После восхода солнца ничего скрытого больше нет, все становится ясно, все закрепляется на своих местах и в своих формах, что вызывает радость. Но солнце, взойдя на небо, оказалось выше первопредков, как бы высоко на гору они ни поднимались. Солнце все равно бесконечно выше любой горы. Хотя созерцание солнца открывается на горе, что обозначает духовную эволюцию, подъем как необходимое условие созерцания света Истины, все равно этот божественный свет недостижим и несопоставим с любыми стараниями человека, что вызывает у него тоску по недостижимому идеалу. Солнце несравненно выше человека и горы, а восхождение к свету Истины бесконечно. Желание первопредков поселиться на вершине горы — это призыв к бесконечному духовному восхождению и понимание недостижимости абсолютного совершенства.

Озарение космоса, произведенное солнцем в момент восхода, длилось всего мгновение. Однако в это мгновение к первопредкам вернулись отнятые у них богами способности видеть все. Более того, эти способности появились у всех людей. Они могли видеть, как на небе одновременно «появились солнце, луна и звезды, когда наступила заря и когда осветилось лицо земли и весь мир» (с. 97). Невозможно наблюдать одновременно солнце, луну и звезды. Это возможно только в результате открытия особого сверхматериального зрения, благодаря которому появилась возможность увидеть «весь мир». С первым восходом всем людям было даровано совершенство, божественная чистота, способность открыть все тайны мира. Но это продолжалось лишь мгновение, пока лик солнца не затемнился, а их всех вновь поразила коллективная амнезия, и совершенство утратилось. Они были лишены дарованного на мгновение совершенства и были огорчены, пребывали в печали, утратили радость *сразу* после восхода.

«Здесь же они начали свою песнь, которую они называли "наш голубь"; они пели ее и выражали в этой песне скорбь своих сердец и свое самое сокровенное» (с. 97). Жрецы поют, когда их сердце устремлено к богу. Люди поют, когда чего-то желают, когда испытываемая радость возносит их на небеса или, напротив, печаль и тоска заставляют обратиться с мольбой к небу. Песня — это молитва, с песней (радостной или печальной) человек поднимается ввысь в поисках спасения. Как брошенные дети, люди испытывают страх, печаль, скорбь. Этим они нарушили главный принцип творения, открытый им при созерцании первого восхода, — радость. Забыв о радости, они обратились к печали — стали вспоминать о прошлом (о Тулане — с. 97), вместо того чтобы думать о будущем. Человек не выдерживает полноты радости. Он обязательно должен разбавить ее горечью воспоминаний о прошлом, об утраченном. Однако это является признаком утраты совершенства, падения.

Пережив «второе затемнение света», помрачение рассудка, люди сразу стали вспоминать о прошлом. Но если бы они не утратили вновь явленное совершенство, тогда произошло бы то, чего боялись боги, создав четырех первопредков. Они перестали бы думать о богах и плодиться. Если бы солнце не померкло, радость не сменилась бы печалью и мгновенное озарение не подверглось амнезии, то нынешний мир и не существовал бы. Такое падение было необходимым и для богов, и для самих людей, и для формирования всей нашей реальности. Совершенство — качество мира богов. Наша реальность, мир людей, и не должна быть совершенной, но может стремиться к этому.

Вероятно, именно к этому «первому солнцу» и относится сакральный календарь майя и ольмеков, состоявший из 260 дней. Если солнце было более жарким, значит и год вполне мог быть короче. Как известно, у майя существовали два календаря — сакральный и гражданский. Этнографы совершенно не могут понять, каким образом возник странный короткий солнечный календарь. Виктор фон Хаген настойчиво подчеркивает, что магический и священный 260-дневный календарь майя и ацтеков не имеет «никаких астрономических оснований», «не связан с астрономическими наблюдениями, и источник его никогда не был убедительно объяснен»[1]. К такому выводу можно прийти, если считать, что священный календарь майя был создан на полуострове Юкатан. Однако все встает на свои места, если предположить, что священный календарь создавался в тех землях, где солнечный период длится 260 суток, а 100 суток царит ночь и исчисление времени по солнцу невозможно. Такая долгая ночь возможна примерно на 78° северной широты. Переселившись в тропический регион, предки майя создали новый календарь, а старый

[1] *Хаген В., фон.* Ацтеки, майя, инки. М., 2004. С. 107, 272.

сохранили как священный — в память об утраченном Золотом веке и древней прародине. Этот календарь отражал религиозную практику и ритуалы, связанные не с природно-космическими циклами в средней полосе или тропическом регионе, а с жизненными циклами бога солнца в Арктике.

«Пополь-Вух» показывает, как в новых землях люди испытывают печаль по утраченному совершенству и тоску по потерянному Тулану. «Увы нам! Мы были уничтожены в Тулане, мы были разъединены, и там остались наши старшие и младшие братья. Да! Мы видели солнце! Но где теперь они, когда наступила заря?» (с. 97). Вспоминая богов, полученных в Тулане, они не перестают горевать о «своих старших братьях и младших братьях»: «Мы потеряли их навсегда, — говорили они» (с. 98). Горечь изгнания, все испытания и страдания становятся наиболее отчетливы теперь, после восхода солнца. Хотя откровение солнца на горе Хакавиц знаменует завершение эпохи ночи и льда, но это также и завершение эры самого Тулана — сакральной и утраченной ныне полярной прародины.

Исход из Тулана совершается лишь с одной целью — созерцание рассвета и откровение солнца. Ради этого созерцания были сотворены четыре первопредка и ради этого совершилось разделение вод. Вообще творение человека, его пребывание в Тулане, исход из города, странствия в долгой ночи, ужасы оледенения должны рассматриваться не сами по себе, а лишь в контексте будущего главного события — первого восхода солнца. Люди идут сквозь тьму к свету. Этот свет подобен свету первого творческого Слова. Выход к свету — это выход из тьмы недосозданности, путь к духовному совершенству и к обретению истинного бога. Человечество должно быть создано до первого восхода солнца, чтобы стать свидетелем этого невероятного события. Поэтому слова «Пусть будет свет» уже несут в себе замысел Творца о человеке и о его

судьбе: пусть будет свет для человека. Исход из тьмы Тулана к свету — это избавление от тьмы и холода изначального мира, путь к духовному и космическому совершенству. В поисках людьми нового места обитания — земли света — раскрываются и новые обязанности совершенных людей, их жизнь «в свете». В этом исходе нет наказания, а есть только стремление к свету.

В силу этого исход из Тулана, странствие во тьме и созерцание восхода солнца повторяет этапы посвящения. Неофит проходил мучительные испытания и переживал страхи в темноте, затем его неожиданно ослепляла вспышка яркого света, что означало просвещение, получение света Истины. Мистерия посвящения основывается на идее ритуальной смерти, странствии во тьме мира мертвых и воскресении, обозначенным вспышкой света. В мистериальном плане исход предков из Тулана полностью соответствует странствию Хун-Ахпу и Шбаланке в мир мертвых, их посвящению и превращению в солнце и луну. То и другое событие лишь повторяют ритуал посвящения, мистериально идентичны. Здесь история (странствие) превращается в мистерию (посвящение) и предстает как миф.

Если *воля к мифу* является принципом утверждения сакрального, то посвящение (инициация) есть вхождение в сакральное. Посвящение подразумевает сакрализацию человека, то есть его восхождение, возрастание, выход за пределы профанного бытия. Воля к мифу поддерживает это восхождение и преодоление человеком самого себя, побуждает к такой сакрализации. Сущность сакрального бытия есть преодоление профанного и возрастание человека. Возрастание сопровождается экстатическим выхождением за собственные пределы. Возрастая, восходя в ритуале инициации и в реализации воли к мифу, человек открывает перед собой новые сакральные *перспективы*, более высокие возможности, устремляется в сакральное бытие, трансцендируется. В обряде посвя-

щения возрастанию сопутствует *экстатическое прозрение* высшего сакрального бытия, откровение новых сакральных ценностей, которые, концентрируясь, и формируют Книгу Света. Возрастание жизни, экстаз, преодоление профанного, вхождение в сакральное бытие, трансцендирование — вот характерные особенности обряда посвящения как способа реализации воли к мифу. Посвящение в своем утверждении сакрального бытия есть реализация воли к мифу.

В Тулане солнце было скрыто и царила тьма. Первозданный свет, скрытый Творцом в Тулане, должен был воссиять после исхода и явиться на горе. Свет, сотворенный по слову Творца и светивший от начала мира, спрятан именно для того, чтобы его новое явление на горе Хакавиц отметило начало новой эпохи на новой земле и явило собой откровение и завет с богом. Творец явил солнце на горе, чтобы оно светило сотворенному истинному человечеству и сделало мир видимым, а богов «каменными». Это момент космической метаморфозы, освобождения света. Свет, известный и ожидаемый вначале только четырьмя первопредками, теперь стал видим и известен всем, что приводит к созданию новой для человечества реальности — мира света. В восходе солнца реализуется желание Творца, чтобы человек завершил свое странствие и укрепился на определенном месте.

В этом смысле гора Хакавиц противоположна городу Тулану. Гора, на которой произошло откровение солнца, царствует днем, властвует над светом. Город, в котором люди погружаются во тьму, царствует ночью, властвует над тьмой, но и побеждается льдом. Общее между ними — мотив отвердевания. Только в городе отвердевание происходит под действием льда, поэтому оно губительно. На горе, напротив, отвердевание происходит под действием солнца и несет творческий потенциал. В полярном мифе творение исходит из динамичного соединения первоначального света и тьмы. Однако с

началом истории новое образование развивается в двух противоположных направлениях. Тьма и ночь представлены городом, а свет и солнце — горой. Переход от одного к другому сопровождается болезненным исходом, страданиями и радостью от явления зари. Город скрывает внутри себя и в своей тьме людей и богов. Гора же делает свет открытым, выводит людей из тьмы, преображает и вписывает в исторический процесс. *Гора здесь побеждает город*: гора является в свете, а город скрывается во тьме и во льдах замерзшего Полюса. Единство Полюса оказывается утраченной серединой относительно разделившихся первоначал — света и тьмы, огня и льда, юга и севера. Откровение солнца встает на место божественной чистоты полярных льдов.

Исход из Тулана — это выход людей из укрытия, поэтому и солнце лишь после этого может выйти из своего сокрытия, а ночь смениться рассветом. Исход из Тулана и восход солнца из своего ночного дома — взаимозависимые процессы. Одно (восход) — лишь следствие другого (исход), без исхода из Тулана не было бы и восхода солнца. Первый восход солнца в «Попоть-Вух» — это подлинная теофания, действительное явление бога-солнца или героя-освободителя (Хун-Ахпу). Это также признак установления Первого Завета между человеком и богом, знак того, что именно кукурузное человечество истинно и избранно богом для проживания на земле, обновленной и преображенной в лучах восходящего солнца. Союз бога с человечеством ознаменован первым явлением светила. Солнце, как знак Завета с богом, становится средством защиты людей, пришедших из полярного Тулана в новый мир. До этого, в период арктической ночи, солнце не могло созерцаться. Только после исхода из темных пещер Тулана, после посвящения и нового рождения совершенного человечества солнце, свет новой жизни, мог быть увиден и узнан. Явление и свет солнца знаменуют начало новой жизни

и нового космоса, его материализацию. Это начало *совершенного времени*.

В истории автор «Пополь-Вух» видит не причину зла, а возможность для прославления. Невинность, безгрешность человечества порождает и концепцию «невинности исторического становления», при которой история не только не имеет единой цели, но, по словам Алена де Бенуа, «отражает нескончаемую последовательность неустойчивых равновесий и ограниченных столкновений во времени, она является постоянной *напряженностью*, управляемой логикой разнородности и борьбы сил»[1]. В истории действует закон не осмысленности, а уравновешенности сил, которая достигается через Вечное Возвращение того же самого и реализацию воли к власти. В сакральном тексте эта уравновешенность выражается за счет особенностей структуры.

Эта часть сакральной истории завершается первым восходом солнца. Можно предположить, что события, описанные до наступления рассвета, происходили одновременно с ритуалом посвящения близнецов в Шибальбе. Поэтика «Пополь-Вух» строится по принципу параллелизма однотипных событий в противоположных реальностях. Рождение близнецов соответствует созданию четырех первопредков. Схождение в преисподнюю — аналог переселения в ночной и подземный Тулан. Прохождение близнецами инициации в шести Домах оказывается параллелью семи пещер Тулана. Прыжок веры в огненную яму — аналог оледенения Тулана, так как огонь противоположного мира — это лед нашей реальности. Встреча близнецов с отцом — это явление бога в Тулане. Выход близнецов из Шибальбы и превращение в солнце и луну совпадает с исходом племен из Тулана и созерцанием первого восхода солнца, луны и звезд.

---

[1] *Бенуа А., де.* Как можно быть язычником. С. 83.

Хотя повествование в сакральном тексте строится линейно, но события имеют тенденцию к циклическому повторению. Это означает, что на самом деле сакральный текст не может рассматриваться как последовательное повествование. Циклически повторяющиеся события (творение людей — забвение ими богов — разрушение) стоит воспринимать не линейно, не как следующие одно за другим, а как параллельные события, принадлежащие разным плоскостям реальности. Адекватное понимание сакрального текста возможно только при условии восприятия его в виде трехмерной конструкции с параллельными уровнями, которые соединяются друг с другом вертикальными линиями в ключевых точках. Эти точки несут особую энергетику, отмечают переломные моменты в повествовании или в развитии души человека.

ГЛАВА 6

КНИГА ГЕРОЕВ

После того как люди увидели восход солнца, познали свет Истины, они должны научиться понимать бога и следовать его желаниям. Они должны теперь при свете дня открыть своих богов, познать их. Однако происходит странное событие. Не совершается формирования культа бога солнца. Хотя первопредки так долго молили о восходе, так радовались первому появлению светила, но при этом поклоняются они вовсе не Хун-Ахпу, а богу грозы Тохилю. Сначала, когда предки проживали в полярном регионе, культ Тохиля не был развернутым. Он лишь упоминается в числе других богов, причем второстепенных. Его усиление происходит только после начавшегося оледенения, когда бог дарует людям огонь, а сами они собираются переселяться в другие земли. Наконец, культ Тохиля занимает центральное положение на новых землях. Это закономерно. Дело в том, что на Полюсе год делится на темный и светлый периоды, и там бессмысленно поклоняться богу грозы. В тропиках же, где киче проживали в историческое время, год делится на дождливый и засушливый периоды. На территории, заселенной майя, сезон дождей продолжается с мая до начала ноября и самые дождливые месяцы — июнь и октябрь[1]. Только здесь культ бога грозы

[1] *Ко М.* Указ. соч. С. 14.

мог сформироваться, и поэтому после восхода солнца предки обращаются с благодарностью не к Хун-Ахпу, а именно к Тохилю.

Здесь нас ожидает еще одна странность в поведении богов. Одновременно с тем, как на небе появляется солнце, боги изъявляют желание быть спрятанными (с. 93). Снова действует принцип обратного параллелизма событий: открытие одного влечет за собой сокрытие другого, ему равноценного. Поскольку боги Тохиль, Авилиш и Хакавиц «находились среди ползучих растений и мхов» (с. 98), это означает, что они закрыты для людей стеной непонимания и незнания. Воплотившись на земле в материальном теле (камень), боги оказались скрыты от мира, удалены от него, устранились. Перед нами возникает аристократический идеал личной духовной замкнутости, холодной отрешенности и отстраненности от земных дел.

Скрывшийся от людей бог демонстрирует пример благородной души, обращенной к вечности. Так же отстраненно живут и четыре первопредка. Они «не жили днем в своих домах, а бродили по горам» (с. 100). Предки отделились от своих потомков. Сами боги приказали предкам «не показываться» людям, а прийти к ним, «принадлежать полностью» богам и «обнять» их (с. 99). Близость к богу отдаляет предков от людей. Дело в том, что бог открывает себя только отрешенному сердцу. Отрешенность упраздняет внешний мир и приближает человека к богу, поскольку и сущностью бога является отрешенность от любых имен и форм. Отрешенность *слишком* благородна, поэтому она не действует, но открывает. Избранничество соответствует отрешенности, оторванности от обычного бытия, одиночеству и добровольному изгнанию. Зато благодаря этому первопредки обретут высокое положение среди людей и будут «главенствовать над всеми племенами» (с. 99). Все тайны высших и низших миров открываются первопред-

кам, что наделяет их невиданной властью, но также и возлагает нечеловеческую ответственность и делает их исключительными среди людей.

Первопредки сильно «печалились» по спрятанным богам (с. 98). Четыре первопредка отправились к ним «посмотреть их, они отправились приветствовать их и воздать пред их лицами благодарность за наступление зари» (с. 99). Здесь описывается величайшая после *обретения* бога религиозная драма человека — *познание* бога. Народ еще не постиг воли богов, но боги сами открывают ее четырем первопредкам. Человек должен найти «спрятанных» богов, прорваться сквозь «ползучие растения и мхи» и открыть их для себя. Эти поиски «спрятанных» богов соответствуют поискам Самости, скрытой за «колючками» и хаосом бессознательного — в его пещерах и ущельях. Но пока люди совершенно не знают богов, они должны быть не просто спрятаны, а сохранены. Боги просят первопредков «не показывать» их племенам, помочь им не впасть «в какую-нибудь западню» (с. 99). Дело в том, что при последней глобальной смене реальности (первый восход солнца) людей поражает коллективная амнезия, и они совсем теряют понимание истинной природы богов. При этом боги, воплотившиеся на земле, еще не знают здешних законов. Они появились на земле *после* людей, поэтому они *моложе* людей и совершенно не знают, чего от них ожидать.

Только первопредки сохраняют память и понимание подлинной сущности богов, поэтому те и могут говорить с ними. Простым же людям лица богов показывать нельзя. Боги просят первопредков оберегать их «от тех, чьи глаза вводят нас в заблуждение» и показывать им вместо богов оленью шкуру, которая «будет нашим символом» (с. 99). В этом месте сакрального текста передана важная мысль: символ не равнозначен объекту или образу. Символ не несет в себе истинной природы бога,

но он должен скрывать образ бога от простых людей. Символ — это защита богов от невежд, поэтому «символы каждого из (божеств) находились там, где они были помещены, на вершине горы» (с. 100). Символ не равен образу, а скрывает его истинный смысл.

Совсем другое дело — идол. Когда первопредки приходят к богам, то они видят их каменные тела и приносят им дары. Каменные изображения — не ложные символы, а подлинные тела богов. Поэтому, когда первопредки намазали кровью «рты камней», она «была выпита богами, камни начинали говорить, когда приближались владыки страха перед богами и устроители жертвоприношений, когда они приближались, чтобы поднести свои воскурения» (с. 100). Идол как изображение бога подразумевает, что в этом народе и в данное время бог воспринимается именно в таком образе. Это означает, что в идоле заложено человеческое восприятие истинной природы бога. В идоле человек оказывается мерой восприятия божества. Облик идола означает, что человек воспринимает бога именно так. Поэтому в идоле человек поклоняется своему восприятию и пониманию бога. Идол — это самостоятельное знание бога, его индивидуальное восприятие человеком. Ставя свое восприятие в качестве меры божественного, человек открывает в идоле свой собственный путь к восхождению в божественное. Через идола он открывает способность жить с богом в свободном его понимании и восприятии именно таким. Идол не скрывает бога от человека (как символ), а открывает бога человеку таким, каким он его может воспринять в данный момент. Идол следует рассматривать как *физическое воплощение бога в доступном человеческому пониманию виде.*

Служение богам смертельно опасно, поэтому боги и скрываются от людей. Люди даже после явления солнца продолжают оставаться неблагодарными детьми и ропщут на богов. Людей следует оградить от опасности — от

гнева богов, вызванного «словами, (идущими) из ртов их, или их поступками и поведением» (с. 99). Шкуры оленя должны стать их символом, так как мир богов не может быть полностью соединен с миром людей, а сакральное не смешивается с профанным. Люди не могут созерцать богов непосредственно, так как это означало бы их совершенство. Но люди и не должны быть подобны богам. Возникновение почитания атрибутов, символов и идолов означает, конечно, упадок и затемнение изначального Откровения бога. Если в Тулане бог у камня являлся людям непосредственно, то теперь он явился как камень. Но это и должно было произойти при смене планов реальности после восхода солнца, когда боги и должны были материализоваться, воплотиться. Поклонение Творцу сменяется на культ творения, на поклонение природно-космическому воплощению бога. Небо и земля меняются местами в новой реальности, поэтому и бог из духовного переходит в материальное, материя становится телом ранее бестелесного бога. Только первопредкам дано право созерцать богов, поскольку их изначальная природа особая, божественная, и они принадлежат еще предыдущей, противоположной реальности.

Избранники удостоены чести участвовать в исключительном событии — прямом созерцании богов, общении с ними. После успеха первого восхода солнца первопредки решили отблагодарить богов, совершив перед ними жертвоприношение (с. 99). Первым восходом солнца боги разрушили границу, разделявшую верхний и нижний миры. Теперь люди должны отблагодарить богов, принеся им жертву. Жертвоприношения также направлены на соединение противоположных миров, только уже по воле людей. Боги определяют свои запросы очень скромно. Они просят приносить им «только создания лесов, создания пустынь, только самку оленя и самок птиц» (с. 99). О каких-либо массовых человеческих жертвоприношениях нет и речи. Боги только осмеливаются

просить людей пожалеть их и принести хотя бы *немного* своей крови: «Приходите и приносите нам немного вашей крови, имейте к нам жалость» (с. 99).

Жертвоприношение — самая таинственная часть культа. Настоящим жертвоприношением должно быть лишь добровольное действо. Поэтому любое жертвоприношение может расцениваться как *поступок*. Желание жертвовать возникает из осознания внутреннего богатства, из желания поделиться и из бескорыстной благодарности богам просто за то, что они есть. Сама человеческая жизнь осознается в «Пополь-Вух» как постоянное служение, непрерывная жертва, в которой открывается чувство порядка, здоровья и восполненности бытия. Человеческая жертва должна рассматриваться лишь как добровольная благодарность за те жертвы, которые боги приносят ради человечества. Через такую жертву человек включает себя в мировое сообщество космических энергий и божественных сил. По этой причине истинное жертвоприношение не имеет перед собой никаких иных целей, кроме самого себя. Любые конкретные цели, желание получить что-либо от богов, вызвать их благосклонность говорит об упадке жертвы как высокого героического подвига и бескорыстного поступка.

Особой энергетикой обладает *добровольная жертва* — кровопролитие, совершаемое на себе и по собственному желанию. Поэтому первопредки «пронзили свои уши и свои локти перед божествами; они собрали свою кровь, наполнили ею сосуд и прикладывали его к устам камней» (с. 101). Причем они не горевали, не печалились, а «радовались по причине жертвенной крови» (с. 101). Наиболее существенную роль в добровольной жертве играет испытываемая при кровопускании боль. В силу этого самой ценной кровью считалась та, что получали из наиболее чувствительных органов (пенис, язык) и наиболее болезненными способами (протягивание веревки с шипами). Такое жертвоприношение сразу влияет

на состояние мира и укрепляет связь между человеком и богом. Эта связь укрепляется чудесным подарком от богов. Первопредки получили в знак дружбы и избранничества кожу «вместе с кровью, которой они должны были себя окропить. Да, появившаяся кровь была подарком от Тохиля, Авилиша и Хакавица» (с. 101). Боги возвращают людям наиболее ценное — кровь. Этой обоюдной жертвой устанавливается *кровное родство между богами и людьми.*

В действительности, кровь — самое священное, что может быть принесено в жертву. А. Кроули объясняет это тем, что «в теории кровавого жертвоприношения содержится тайна», необыкновенно важная для всякого мага и опирающаяся на принцип, что «кровь — это жизнь»[1]. При этом «для высшей духовной работы всегда следует выбирать жертву, обладающую величайшей и чистейшей силой», вследствие чего «кровавая жертва гораздо более эффективна, хотя и связана с большими опасностями; и почти для любой цели наилучшим является человеческое жертвоприношение», — рекомендует Кроули[2]. Разумеется, только чистая человеческая кровь становится наивысшей ценностью и лишь она может удовлетворить богов. Чистая кровь влечет человека к богу. Путь крови — путь богочеловечества, путь героя[3].

Жертвоприношение, хотя и подразумевает принесение в жертву настоящего животного или собственной крови, имеет духовную природу. Кровь — субстанция души, ее материальное выражение. Душа человека открывается богу в принесенной ему в жертву крови. На высшем уровне духовное объединяется с материальным, а душа — с кровью. Кровь, приносимая в жертву, берется как от человека, так и от животного. Это под-

---

[1] *Кроули А.* Магия в теории и на практике: В 2-х кн. Кн. 1. М., 1998. С. 168, 169.

[2] Там же. С. 171, 172.

[3] *Телегин С.М.* Миф и Бытие. М., 2006. С. 179-180, 185–190.

разумевает наличие двух видов жертв — от человеческой души и от природно-космической. Принесение в жертву человеческой крови означает преодоление человека, его обожение, а принесение в жертву крови животного означает преодоление в человеке животных инстинктов. Преодолев животное начало, человек получает возможность возвыситься и над самим собой, приблизиться к богу. Поэтому принесение в жертву крови животных должно рассматриваться как малая жертва, выводящая за пределы природы. Принесение же в жертву собственной крови понимается как великая жертва, возносящая человека к богу. При этом жертвоприношение животных должно предшествовать принесению в жертву собственной крови и подготавливать к нему. Жертвоприношение животных открывает бога в природе, жертвоприношение человека открывает трансцендентного бога, Абсолют. Кровь должна быть принесена в жертву, потому что пролитая жертвенная кровь одухотворяет мир и человека, способствует огненной алхимической трансмутации космоса.

Зачем богам приносятся кровавые жертвы? Для того, чтобы через принятие крови жертвы бог смог признать свое творение, принять его и соединиться с ним, осветив творение своей славой. Для живых существ принесение кровавой жертвы — способ объединения с богом, способ выразить свою признательность, отдав главную сущность и основу жизни. Кровь становится знаком истинного единения твари и Творца. Это посвящение кровью соотносится с огненным преображением, поскольку мистически кровь и огонь идентичны. Кровь — носитель души — становится вместилищем, где души пребывают не во множестве частных форм, а в единой общности. Единство крови означает единство национальной души. Кровь жертв устанавливает союз между человеком, племенем и богом. Это своего рода «кровный» (то есть родственный) союз, ненарушимый, основанный на единстве

крови и духа. Союз, установленный в лучах восходящего солнца, подтверждается и закрепляется пролитой жертвенной кровью. Огонь, кровь и душа соединяются в героическом мифе.

Следует заметить, что боги стали требовать жертвоприношение крови лишь после восхода солнца и окаменения. Это затвердевание богов означает их закрепление в материальном теле и утрату светового, энергетического тела. Нисхождение в материю сделало необратимой утрату световой энергетической сущности и привело к необходимости как-то восстановить или хотя бы поддержать утраченное. Здесь первопредкам было открыто, что именно через кровь, которая и есть дух, сохраняется некоторая возможность вступать в связь с изначальным Светом. Кровь, принятая через питие (предки прикладывают чаши с кровью к «устам камней»), освобождала богов от материальности и повышала активность «тонкой материи» или энергетического тела. Такого рода ритуалы крови были необходимы, чтобы замедлить и облегчить процесс гибели и затвердевания тонкого тела.

В благодарность за это боги в «Пополь-Вух» показывают людям пример чудесного превращения. «Они (боги) имели внешность юношей, когда те, кто явился возжечь пред их лицами курения, увидели их» (с. 100). Жертва человеческой крови привела окаменевших ранее богов к вочеловечиванию. Люди напоили богов своей кровью, «но в действительности они были уже не камни; каждый из них выглядел подобно юноше, когда появился перед (предводителями киче)» (с. 101). Принятие крови привело к одухотворению камней, а то, что кровь была человеческой, повлекло превращение каменных идолов в тела юношей.

Зачем богам нужно являться в человеческом облике, зачем в священном тексте подобный антропоморфизм? Ведь бог — везде, ему нет необходимости показываться в теле и «ходить» по земле, есть и говорить, подобно

юношам. Воплощение божества — это вхождение вечного индивидуального божественного духа в мирскую временность и принятие божественной душой земной плоти. Первое воплощение в камне можно объяснить как зарождение материальности и параллель космогонического процесса. Однако после творения материального мира возникает необходимость в создании человека. Так и божество переходит из каменного тела в человеческое, что становится параллелью антропогенезиса. Причина, по которой боги явились в телесной физической оболочке (сначала как камни, потом — в виде юношей) в том, что люди должны не просто верить в своих богов, а знать их. Цель телесного воплощения — *узнавание, знание*. Богов, разумеется, нельзя увидеть. Но по милости своей они являют себя в телах прекрасных юношей. Телесное воплощение богов означает высшую степень благодати и покровительства над человечеством. Такого богоявления не удостоились ни деревянные, ни глиняные люди, забывшие своих богов.

Бог опять идет по пути самоограничения. Он ограничивает себя в теле, становится человеком «по плоти», чтобы через это физическое бытие человеку легче было познать бога и постичь его духовную природу. Невидимое и всеобщее сознательно ограничивает себя и является как видимое, телесное и частное, чтобы человеку было проще общаться с ним и понять его. Поскольку человечество заселяет обычный материальный космос, то и боги, чтобы остаться с людьми, должны принять материальную форму — физическое тело. Они должны стать по виду людьми, чтобы простые люди смогли увидеть их и узнать как своих богов. Поэтому «Тохиль, Авилиш и Хакавиц имели внешность трех юношей и ходили благодаря чудодейственным свойствам камня» (с. 103). Бог возжелал войти в человеческое тело, чтобы соединиться с человеческой радостью и открыть людям перспективу обожения. Сквозь человеческое тело человек должен

узреть бога, найти путь к нему. Через воплощение в человеческом теле открывается живое присутствие бога в нашем мире. Созерцание этих богов подобно обретению Самости.

Когда боги воплощаются в прекрасных юношей, то этим сакральный текст показывает, что не существует противопоставления тела и души. Совершенный божественный дух может быть представлен в нашей реальности только в совершенном, красивом, гармоничном юном теле. Чудовищно выглядящие боги — это боги иной, нечеловеческой реальности, Вселенной тьмы. Бог антропоморфизуется, но ни одно из человеческих качеств не может быть определением или характеристикой бога. Он является в человеческом облике, только когда устанавливает отношения с нашей реальностью. Он сам, по своему желанию, вовлекается в наше существование. Антропоморфный облик бога охватывает только земное измерение божественного бытия, не описывая само это божественное бытие как таковое. В то же время явление богов в нашем мире в образе юношей есть следствие воли бога превратить наш мир в свой дом. В этом случае устанавливается важный и новый принцип: *мир людей и мир богов — одно.* Боги не являются «другими» по отношению к человеку. Воплощение богов в юношей означает, что бога можно услышать, увидеть и познать как сущностно близкого и бытийно однородного человеку. Проявление богов-юношей (как и первый восход солнца в виде «человеческого существа» — с. 96) делает ранее невидимое видимым и по-человечески понятным. Это и означает, что мир поистине стал «домом бога», а бог через телесное воплощение утверждает себя в качестве сущего не только на небе, но и на земле. Явление именно в человеческом теле должно показать человеку, что он *не одинок* на земле. Человеческое тело, таким образом, обретает истинную ценность, поскольку становится воплощением божественной сущности.

Каменные боги превращаются в живых юношей. Это значит, что боги *рождаются* из камня. При этом они любят купаться и их можно встретить у реки (с. 103). Сочетание камня и воды соответствует дуализму зафиксированного внеопытного божественного принципа и вечного потока жизни как развития. Порождающий камень несет в себе значение внутренней силы, самообладания, доминирования и противостояния напору хаотичного потока событий. Рожденные из камня боги-юноши оказываются победителями вод, что соответствует параллельному событию — исходу из Тулана и преодолению моря первопредками. Здесь события сакральной истории становятся лишь внешним проявлением мифа, переживаемого как реальность. Богам-юношам еще только предстоит пройти инициацию — победить воды и преодолеть течения, как ранее они освободились от камня, то есть достигли состояния сознания, свободного от грубой материальной привязанности. Это вода, в которой Самость должна полностью раствориться. Но для этого богам-юношам необходимо преодолеть еще одно испытание плоти.

Пребывая в материальном мире как в своем жилище, бог принимает и материальные характеристики, являя себя антропоморфно, поскольку он становится богом для людей, а не для животных или деревьев. Человек может познать лишь то, что доступно его восприятию, что аналогично ему самому. Антропоморфное явление бога позволяет сделать бытие бога понятным для человека, приемлемым для его слабого разума. Открываясь в образе человека, бог показывает свое присутствие в наших жизнях. Антропоморфное уподобление бога открывает человеку возможность вовлеченности в божественное существование, которое он воспринимает как аналогичное своему. Познать бога как такового человек не может. Бог является на земле антропоморфно, чтобы человек смог познать бога аналогично себе — как че-

ловека. Приходя в образе человека, бог хочет дать понять людям, что он с ними и подвергает себя всем тем земным испытаниям, которые выпали на долю людям. В явлении бога на земле как человека открывается и возможность для человека уподобиться богу, преодолеть все человеческое и пережить процесс обожения. Открываясь в образе человека, бог показывает, что человек есть проекция бога в нашем мире. Человеческое существование — это разворачивание божественной проекции, реализация божественных моделей, заложенных в него при творении.

Однако затем процесс амнезии приводит к фатальной ошибке. Кровавые жертвы приносятся уже не для поддержания тонкого тела, а для укрепления грубого физического. Поскольку кровь истинных людей несла в себе изначальную божественную световую энергию, окаменевшие боги и духовно деградировавшее человечество пошло по губительному пути от принесения богам собственной крови в небольшом количестве («немного крови») к грубым человеческим жертвоприношениям и ритуальным убийствам ради этой крови. В эту ошибку впадают и четыре первопредка, когда «начали похищать людей из племен» и умерщвлять их (с. 102). Предводители племени киче стали приносить их в жертву богам, а затем «они кропили на дороге кровью и разбрасывали головы (убитых) по отдельности на дороге», выдавая это за нападение ягуара (с. 102).

В такой жертве нет уже ничего добровольного или героического. «Так началось похищение тех, кто служил жертвами, когда устроители жертвоприношений ловили на всех дорогах людей из племен и приносили их в жертву перед Тохилем, Авилишем и Хакавицем; но своих собственных сыновей они поместили на вершине горы, в безопасном месте» (с. 102—103). Само наличие в религии ритуальных убийств, когда у жертвы вместе с кровью забирали и жизнь, свидетельствует о затем-

нении, упадке изначальной традиции «кровь есть дух» и превращении ее в принцип «кровь есть власть». Так удовлетворялась эгоистическая жажда власти жрецов и патологическая жажда существования материализовавшихся, окаменевших богов. Следует признать, однако, что это был закономерный этап, неизбежное следствие процесса затвердевания мира.

Обиженные и испуганные такими событиями люди, узнав правду, решили отомстить четырем первопредкам. Стало известно, что боги ходят к реке, «где они купались у берега воды, и только там можно было видеть их» (с. 103). Тогда обиженные племена решили отнять у киче бога Тохиля: «...пусть нашим богом будет этот Тохиль, овладейте им» (с. 103). Люди приходят к выводу, что, если юноши — действительно боги, «тогда сперва мы должны подчинить своей власти их, а затем мы начнем уничтожать владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений» (с. 103–104). Здесь совершенно недвусмысленно описывается начало первой в мировой истории революции — восстания воинской касты против жреческой, разложившейся от бесконтрольной власти.

Иначе это видно со стороны первопредков. Когда в Тулане Тохиль даровал людям огонь, то он потребовал за это приносить в жертву кровь людей. Причем он не просил делать это сразу, а отложил на будущие времена (с. 89, 90). Кровавые жертвоприношения — это отложенная плата за огонь, полученный в Тулане. Об этом договоре и напоминают боги первопредкам после восхода солнца: «Пусть иссякнут их [жертв] слезы! Ничего другого не остается вам (делать). Оттуда, из Тулана, пришло это, когда вы взяли нас с собой» (с. 101). Проблема заключается в том, что теперь люди *обязаны* жертвовать своей кровью и даже жизнью за то, что в прошлом получили от богов огонь и заключили с ними договор об оплате. Первопредки и простые люди находятся при этом в противоположных реальностях. Поэтому то, что

в одной реальности — благо (плата кровью жертв за огонь), то в другой реальности — зло (похищение и гибель людей). Еще одна проблема состоит в том, что из-за коллективной амнезии люди совершенно забыли о договоре в Тулане. Люди наивно полагают, что раз прошлое уже миновало, то и договоренности не имеют значения. Они вовсе не желают жертвовать собой, поэтому предкам и приходится похищать и тайно приносить людей в жертву.

«Пополь-Вух» открывает, что участь человека и целого народа зависит непосредственно от его отношения к богу. Слабая вера людей, забвение о заключенном договоре становятся причиной сначала сокрытия богов, а потом и нападения на них. Дикие, безбожные народы захотели «подчинить» себе богов и убить четырех первопредков, забыв, что богам они обязаны спасением в Тулане, а первопредкам — исходу и созерцанию первого рассвета. Это были люди из обратной реальности, забывшие о богах, подобно деревянным людям. Они ничем не хотели жертвовать ради богов, но, напротив, посчитали, что смогут богов подчинить себе. Ропот против кровавых жертвоприношений — это восстание против воли богов и отказ от собственных обязательств, граничащий с богоотрицанием. Если человек не желает исполнять волю бога и нарушает договор с ним, он отрицает и то, что бог имеет право определять свою волю и то, что он обязан ее выполнять. По существу, он отрицает не просто право бога, но и его самого как высшее существо. Люди, которых боги спасли, а первопредки вывели из погибшего Тулана, сразу пришли к отрицанию непосредственного владычества богов, к отрицанию правоты их воли. Они оказались неблагодарными и в своем самообольщении восстали на богов. Этот эпизод соответствует нападению бессознательного на Самость.

Чтобы подчинить себе богов, отступники решают совратить их. «Вот каков будет наш способ действий, что-

бы стать их владыками. Так как они имеют внешность юношей, когда они появляются и когда их можно видеть в воде, пусть тогда две девушки, самые прекрасные и пленительные, пойдут (туда) и возбудят в них желание (овладеть) ими» (с. 104). Две самые прекрасные девушки должны предстать перед тремя богами-юношами обнаженными, чтобы не только соблазнить их, но и вселить в них раздор, так как среди людей никогда трое юношей не могут поделить между собой двух девушек без драки. Посылая девушек к богам, люди требуют, чтобы они принесли от них «знак любви». «Это и будет доказательством для нас, что они действительно соединились с вами», а иначе девушек убьют (с. 104). Этот приказ становится параллелью суда владык преисподней над девой Шкик. Только события происходят в разных реальностях и поэтому противонаправлены. Дева Шкик должна быть убита за то, что чудесным образом и невольно зачала от мертвой головы; девушки должны под страхом смерти соблазнить богов-юношей. Шкик должны убить и принести ее сердце, в противоположность этому земные девушки должны принести «знак любви» от богов. Наконец, божественная Дева противостоит земным блудницам.

Обиженные племена «хотели, чтобы эти две девушки занялись бы распутством и уничтожили волшебную силу Тохиля» (с. 105). Для этого они решили насильственно внести в божественную сущность небожественный элемент — через блуд с девушками из человеческого рода. Смысл вторжения и загрязнения божественного — в падении божественного, в смешении и загрязнении. Богиюноши не смогли бы остаться Духовными Вождями, если бы вступили в половую связь с земными девушками, а тем более — с проститутками, с гетерами. Это не просто стремление лишить богов их божественности, но и попытка лишить благородных людей их астральных, простирающихся к звездам, внеземных корней. Блудницы

желают обманом лишить юношей космического истока существования, метафизической чистоты крови, которая связывает их с оставленной прародиной, священным полярным Туланом. Это предательство по отношению к истинному посвящению и соединению с богами в подлинных гиперборейских мистериях духа и крови. *Вместо принесения своей крови в жертву богам, они желают испортить кровь самих воплотившихся богов.*

Это падение при условии скрещивания крови и гибридизации означает установление *фундаментальной нечистоты*, что противоречит чистоте божественного Духа и Крови. Характерно, что боги-юноши появляются у реки, где они купаются. Это говорит об их телесной и духовной чистоте. Девушки же приходят к реке, чтобы стирать там свою одежду (с. 105), что свидетельствует об их загрязненности, нечистоте тел и помыслов. Во время творения божественное входит в материю, а чтобы быть понятым людьми, божество входит в человеческое тело, воплощаясь в юношу. Но чтобы унизить, очернить, погубить божественное, в него насилием должно проникнуть человеческое, причем самое низменное, уже падшее в земном теле — ритуальная проститутка, блудница. Когда из-за этого смешения земное начинает вытеснять божественное, благородство переживает упадок. Бог обитает лишь в чистой крови, если же чистота крови самого бога утрачивается, то он оказывается обречен на гибель, чего добиваются две блудницы и пославшие их люди. Однако они не понимают, что вместе с богом погибнет и созданное им человечество.

Девы-гетеры не случайно желают падения богов-юношей. Они выступают против всего мужского, героического, поскольку несут в себе мистику Матери-земли (даже не Матери-зари Северного полюса). Они были представительницами таинственной великой Матери-земли, что отражает упадок изначальной полярной Традиции и завершение гиперборейской эпохи. Бес-

форменная материя земли жаждет преображения в бессмертную материю, для чего она должна впитать в себя кровь героев и занять место богов-юношей. Победа над жрицами-гетерами означает, однако, победу героического и гиперборейского мужского культа, утверждение изначальной полярной Традиции. Это описание решающей в мировой истории духовной битвы, первая и вечно повторяющаяся впоследствии борьба между уранических и теллурическими ценностями. Мифы «Пополь-Вух» полны борьбы и побед над темными теллурическими силами ради утверждения истинных ценностей полярной Традиции героев. Боги-юноши становятся защитниками гиперборейской Традиции, сформировавшейся в Тулане, и сдерживают наступление чуждых хтонических сил. Юноши выступают как истребители ненордической колдовской сущности и безличных инстинктивных сил, воплощением которых оказываются эти блудницы. Гетероподобная форма жизни становится выражением чуждых для гиперборея ценностей, которые могли возникнуть после переселения племен из полярного Тулана в тропики. Однако *нордический героизм должен победить ритуальное распутство.*

Воплощение богов в человеческих телах необходимо, чтобы человек смог познать бога и, с другой стороны, чтобы бог смог понять человека. Восприняв все человеческое, бог смог спасти людей. Это происходит в тот момент, когда Тохиль не поддался на искушение. «Но не случилось так, чтобы у Тохиля появилось бы желание к двум девушкам» (с. 105). Когда юноши противостоят соблазну блудниц, то этим вочеловечившиеся боги открывают людям путь избавления от греха плоти и открывают божественное совершенство отрешенности. Антропоморфность божества делает его близким человеку, показывает, что он не запредельный и страшный Творец мира, а близкий и понятный Друг. Через воплотившихся богов человек преодолевает свою земную природу и

побеждает соблазн плоти. Поведение богов, их сохранение себя «в чистоте» открывает людям образец для подражания.

Это испытание, которое должны пройти не только боги, но и благородные, истинные кукурузные люди. По этой причине боги-юноши обращаются за помощью к четырем первопредкам. Они просят «владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений» сделать три плаща с изображением «символов вашего существа» как доказательство того, что девушки были с ними (с. 105). Первопредки изобразили на них ягуаров, орлов, шмелей и ос (с. 106). Когда владыка людей, подославший девушек к богам, надел эти покрывала, то ни ягуар, ни орел ничего не сделали ему. «И как только он надел на свои плечи шмелей и ос, которые были нарисованы на третьем покрывале, то мгновенно шмели и осы начали жалить его тело» (с. 106–107). Шмели и осы были не настоящими насекомыми, а нарисованными. Однако они ожили и принялись жалить владыку. Это означает, что это были не простые насекомые, а вредоносные духи, проникшие в нашу реальность из иного мира по приказу богов.

Это событие сакральной истории может быть объяснено только нарушением равновесия между мирами. Смешение миров приводит к появлению чудовищ. Эти твари могли прийти только из другой реальности. То, что в противоположном мире нарисовано, в нашей реальности оказывается живым и действующим. Они не погибли, а исчезли, то есть вернулись в место своего обитания. Однако это невозможно без вмешательства бога. Именно чудо вызывает смешение миров. Сакральная история демонстрирует примеры прямого действия бога по отношению к отступникам и неверным. «Так они были побеждены. <...> Так все племена были посрамлены Тохилем» (с. 107). Но победа богов оказалась возможной только благодаря вмешательству «чудодейственных людей» — четырех первопредков (с. 107).

Когда совращение не прошло, а боги покарали безбожников, эти неблагодарные люди решили просто убить первопредков. «Хорошо, тогда мы просто устроим для них засаду, мы убьем их, мы вооружимся стрелами и щитами» (с. 107). Они задумали убить всех, кто находится на горе Хакавиц, а Тохиля сделать насильно своим богом: «...что же касается Тохиля, этого божества, то он будет нашим богом, и мы будем почитать его, если захватим его в плен» (с. 108). Так началась первая религиозная война, о которой боги предупреждали первопредков ранее (с. 93). Вся эта история — продолжение испытаний, посланных людям от бога. Поскольку же четыре первопредка остались верны своим богам, то Тохиль, который «знал все» (с. 108), предупредил их и обещал поддержку. «Не печальтесь! Я здесь! И от этого вам будет польза. Не будьте испуганы!» (с. 109). Дело в том, что враждующие племена находятся в противоположном состоянии. Военный конфликт между ними неизбежен, поскольку это столкновение миров, а не людей. В ритуальной войне борются не государства и не народы, а будущее с прошлым.

После перехода из реальности тьмы в реальность света племена еще были очень слабыми, как новорожденные дети. Они нуждались в длительном периоде адаптации, который состоял бы из череды соединений и разъединений, богоявления и истребительных войн. Чтобы боги могли поселиться на земле как в своем доме, люди должны завоевать и освятить землю, очистить ее пролитой кровью. Путь войны, путь завоевания земли — это влияние на нее извне, чтобы духовное победило материальное. Война имеет своим результатом не просто покорение земли или народов, а завоевание ради одухотворения, освящения. Так *религиозная война приравнивается к ритуалу жертвоприношения.* Религиозная война предусмотрена планом сакральной истории. Она необходима для выяснения взаимосвязей противоположных пластов ре-

альности и поэтому решает судьбы противоборствующих племен. Рисуя историю, состоящую из войн и конфликтов, «Пополь-Вух» раскрывает всю напряженность, всю силу, все биение жизни истинного героя.

Первая война, описанная в «Пополь-Вух», представляет нам трагедию не просто разделения, а соперничества каст. Как справедливо заметил Ю. Эвола, «война меняет свое лицо в зависимости от того, под знаком какой касты она ведется»[1]. Племя, вставшее на защиту бога Тохиля, представляет интересы первой, жреческой касты. У них основанием для войны становятся духовные и религиозные мотивы. Ее смысл определяется величием духовного подвига и достижением героем бессмертия. Конечно, *единственное, что может оправдать войну, — это героизм.* Война позволяет человеку преодолеть себя, пробудить в себе героя. Этот героизм связан с жертвенным служением и с восхождением, с героическим посвящением, с пониманием войны как сакрального действа. Только такая война имеет религиозную ценность, поскольку в ней открывается трансцендентная цель и сакральная ценность. Это война, которая ведется за утверждение своего сакрального мифа и ради прославления своих богов. Иными словами, речь идет об утверждении своей *реальности.*

Враги первопредков, развязавшие против них агрессивную войну и осадившие их город, явно выражают интересы второй, воинской касты, для которой война ведется исключительно ради власти и славы. В войне они демонстрируют свою доблесть и верность, связанную с удовольствием сражения ради самого сражения. Для них самое страшное — потеря чести, поэтому они страшно огорчены, когда первопредки смогли ночью «срезать у них брови и бороды» (с. 108). Так предки смогли «наказать и унизить» своих врагов (с. 108). Борода — про-

[1] *Эвола Ю.* Метафизика войны. Тамбов, 2008. С. 13.

должение головы, вместилище ее духовной силы. Борода воспринимается как эманация или материализация духовных энергий и мистических сил, содержащихся в голове. Сбривание бороды означает лишение жизненных сил. Обритие даже равнозначно обезглавливанию.

Характерно, что не сила и не подвиги, а размер бороды и бровей становится для таких людей подтверждением их мужественности и героизма. Подобное замещение свидетельствует о духовной и даже физической неполноценности, которая требует чисто внешней компенсации. Не духовный подвиг, не жертвенность и даже не выживание, а полное уничтожение противника любыми средствами становится главным двигателем в их войне (с. 110). В основе их войны лежит чувство недовоплощенности из-за отсутствия внимания к ним бога Тохиля, которого они желают захватить силой. Такая война оказывается результатом утраты человеком его сверхспособностей, которые поддерживались Тохилем. Лишенные покровительства богов и, следовательно, духовной жизни, люди становятся недоверчивы к себе подобным. Поскольку такой человек утратил дар духовного зрения и понимания истинной природы вещей (их вождь не смог распознать уловку со шмелями и осами), то он не может быть уверен в честности намерений, искренности и доброжелательности ближнего. Человек с затуманенным взором не видит, кто находится рядом с ним и чего он добивается. Поэтому такие люди опасаются друг друга.

Если же у незнакомца еще и другие обычаи, другая религия и другие боги, то недоверие возрастает, превращается в страх, переходящий в паранойю. Параноидный страх может быть снят только одним способом — стремлением напасть первым и убить. Паранойя приводит к навязчивому желанию контролировать все и вся — от жизни других людей до самих богов, которых хотят «захватить в плен». Когда одни люди намереваются контро-

лировать жизнь и существование других людей и стремятся установить контроль над их богами, начинается кровавый конфликт. В таком случае неизбежно прибегают к силе магии, к колдовству и ритуалам, к покровительству своих богов. Обращение к богам становится компенсацией утраты собственных сверхчеловеческих сил и понимания жертвенности в войне. Потеря сверхспособностей и божественного покровительства приводит к религиозной войне как средству *насильственного восстановления утраченного.*

Цель, которую отстаивают в своей войне первопредки, — поддержание божественного присутствия, поэтому они постоянно обращаются к Тохилю за советом и помощью. *Война и путь к божественному соединяются.* В силу этого главное содержание данного эпизода в «Пополь-Вух» — утверждение сакральной ценности войны. Сакральность же войны составляет истинную Традицию, поскольку только сакральное оправдывает войну как единственную движущую силу истории. Победа же оказывается, как пишет Эвола, «внешним и видимым знаком посвящения, мистического возрождения» и сакрализации, достигнутой в этот момент[1]. Такая война — это переломный момент в истории. Она объединяет людей, но не вертикально (отец-сын, предок-потомок), а горизонтально (воины, братья по оружию). Так возникает новое единство, отличное от семьи, — воинский союз. Из этого воинского союза затем вырастает государство, во главе которого оказывается не просто военный вождь, а ритуальный правитель, объединяющий качества жреца и воина.

Первопредки ведут войну магическими средствами. Их война отражает запутанность отношений между небесными и земными силами, между богами и людьми. Близость к богам одних людей (первопредков) вызывает

[1] Там же. С. 108.

зависть и ненависть у других. Такой конфликт перерастает в войну при любом удобном случае и направлен не только против избранных богами людей, но и против самих богов, избравших одних и отвернувшихся (быть может, и заслуженно) от других. Дикая ревность приводит к войне против богов. Эта война нарушает согласие верхнего и нижнего, поэтому агрессоры были наказаны богами. Как только они попытались прорваться в город, в котором укрылись первопредки со своими женами и детьми, в них полетели тыквы со шмелями и осами (с. 110). Как ранее нарисованные шмели и осы ожили и искусали владыку этих людей, так теперь совершается параллельное действие — насекомые жалят всех вражеских воинов. Эти тыквы стали первым в мире секретным оружием массового уничтожения. Множество вражеских воинов умерло «не потому, что сердца (предводителей киче) жаждали убийства, а потому, что они были ужалены насекомыми» (с. 111). Предки сказали своим сыновьям, «что когда (племена) собирались убить их, час их собственной смерти уже приближался» (с. 111). Первое использование богами нарисованных шмелей и ос стало пророчеством и предупреждением для противника, которое он не смог воспринять.

В этих чудесах просматриваются вполне естественные явления, хотя причина их магическая — смешение миров. Насекомые жалили в глаза, чтобы люди ослепли. Они были так ошеломлены, что умирали от укусов. Эта напасть могла прийти только из другого пространства. Насекомые напали на воинов с той же злобой, с какой те напали на город. Как враги хотели убить жителей города, так сами они погибли от укусов шмелей и ос. В наказании действует принцип соразмерности. Насекомые стали воплощением злобы и жестокости тех, кто сам напал на город первопредков. Это означает, что *зло возвращается.*

В «Пополь-Вух» мы видим пример ритуальной войны с ярко выраженными религиозными целями. Поскольку

война велась из-за покровительства богов, то она проходила одновременно на земле и на небе. Магическая борьба решала судьбы народов, каждый из которых рассчитывал на эксклюзивное божественное покровительство. Подобная война указывает на переходный характер эпохи — когда божественный порядок еще не установлен и каждое племя может заявить претензии на свое не только земное, но и небесное превосходство. Войны за богов показывают, что духовная функция истинных кукурузных людей — противостоять окружению из отпавших от подлинных богов племен. Мир, как мы видим, сотворен и существует лишь благодаря разделению сторон на противоположные реальности, и слияние их привело бы к уничтожению всего нашего мира.

Когда война закончилась, первопредки пощадили оставшихся в живых врагов, наложив на них дань, «пока движется солнце, пока есть свет». Они были «очень счастливы», победив все вражеские племена и завершив «покорение всех племен». «И после этого их сердца успокоились» (с. 111). Первопредки выступают как заботливые родители. Их цель — защитить людей от бед. Они опасаются трудностей, которые могут свалиться на головы их потомков, поэтому им необходимо еще при жизни победить и подчинить все племена, которые могут представлять угрозу в будущем. Главная забота четырех первопредков — отдавать свои силы другим, хотя это и не всегда замечают, понимают или верно оценивают. Однако даже их силы не беспредельны, а жизнь на земле не бесконечна. После совершения воинского подвига и превращения в героев они должны уйти.

Четыре первопредка воплощали в себе соборную душу истинных людей, выражали высшее «Я» всего последующего человечества. Не случайно в «Пополь-Вух» приводится список потомков Балам-Кице, Балам-Акаба и Махукутаха. Детей не было только у Ики-Балама (с. 111–112). Поскольку четыре первопредка соответ-

ствуют четырем «углам неба», то бездетность и нарушение преемственности в передаче семейной традиции Ики-Баламом должны совпадать с разрушением Тулана. Священный город, оставшийся на далеком севере (или на востоке в противоположной реальности), погиб и вынесен за рамки человеческой истории. Так и Ики-Балам, лишенный потомства, не имеет продолжения в истории. Он сохранил слишком тесную связь с противоположной реальностью. Он предпочел остаться бездетным, чтобы не перейти в нашу реальность и не быть вписанным в исторический процесс.

Первопредки — не просто порождения иной реальности, они и существуют одновременно в противоположных планах. Они — родоначальники всего человечества, наделенные непререкаемым авторитетом, и единственные, кто может разговаривать с богами, но они же и объект нападок. Во время начавшейся войны их же потомки приходят к городу, неся им смерть. Первопредки должны были победить «все племена» — своих потомков, превратив их в данников, ибо в противоположном мире родительская любовь к детям предстает в виде жестокого угнетения и рабовладения. Только победив они обрели счастье и покой. Необходимо было убить, поработить, наказать своих потомков, чтобы явить им любовь и родительскую заботу в противоположном мире. Предки жили также в ином времени, поэтому им открывалось будущее. У них «появилось предчувствие своей смерти, своего ухода», хотя они вовсе не были больны и не испытывали предсмертных мук (с. 111). Для них время, история течет иначе. Явившись в настоящем этого мира, они попали в свое прошлое относительно противоположного мира, и поэтому знали свое будущее. Смешение времен приводит к предчувствию смерти, к знанию того, что будет в нашей реальности, но уже свершилось в ином мире.

Первые ушли после окончания войны. Они оставили наш мир, когда увидели, что люди, их потомки, спо-

собны сами принимать решения и отвечать за свои поступки. Сначала они еще «поучали своих детей» и «давали свои наставления своим детям» (с. 111). Но когда первые поняли, что они больше не нужны людям и им больше нечему научить своих детей, они ушли. Попрощавшись со своими сыновьями, четыре первопредка «сошлись вместе и начали петь, чувствуя горечь в своих сердцах» (с. 112). Они были опечалены, и «их сердца плакали», когда они прощались с сыновьями (с. 112). Счастье ухода оборачивается печалью расставания, но печаль и горе в нашем мире — это радость и восторг в противоположной реальности. Смерть первопредков порождает новую реальность, открывает путь в противоположный мир.

Уход первопредков из мира открывает новую духовную перспективу. Это не просто отказ от существования, но в подлинном смысле это полное преодоление Самости. Душа уже настолько превзошла мир, что не нуждается в земном бытии, и теперь тело должно найти место для полного преображения. В «Пополь-Вух» это мистическое событие рассматривается как «смерть», хотя на самом деле этот уход и не является обычной смертью. Во всяком случае, это такая «смерть», в которой не просто подводится финальная черта, а открывается истинный смысл жизни. Уход становится примирением со смертью и победой над ней, как ранее первопредки победили жизнь. Смерть — самое яркое свидетельство отдаленности человека от бога. Следует, следовательно, преодолеть смерть, чтобы человек пережил обожение. Поэтому первопредки не умерли, а «ушли» и изменились. Они победили смерть и стали богами, открыв этим путь для всех нас.

Первопредки почувствовали приближение своей метаморфозы. Они определенно знали, что с ними должно произойти. «Мы отправляемся назад к нашему народу, уже находится на месте Владыка оленей, он виден там, в небе. Мы начинаем наше возвращение, мы выполнили

свою задачу, кончаются наши дни» (с. 112). Владыка оленей — это или какое-то из полярных созвездий, или сама Полярная звезда, повелевающая другими звездами, которые вращаются вокруг нее. Итак, речь идет не о смерти, а о вознесении, о возвращении в небесную обитель и, возможно, о превращении в звезды. Конечно, такое возвращение первопредков к небесным Создательнице и Творцу связано с предварительными условиями. Путешественник в божественные миры должен был молитвами и многодневным постом привести себя в соответствующее состояние. Метаморфоза происходит, когда внутренний, скрытый под телесной оболочкой духовный свет пробивается наружу.

Четыре благородных старца поднялись на вершину той самой горы, на которой впервые наблюдали восход солнца, где они получили откровение света, и «немедленно после этого исчезли там, на вершине горы Хакавиц» (с. 112). Почему первопредки поднимаются именно на эту гору? Потому, что высший свет приходит к человеку через небосвод. Поэтому и восход солнца предки людей наблюдали на горе, и световое преображение они должны пережить на той же горе. Четверо предков должны *исчезнуть* именно там, где ранее наблюдалось *явление* солнца. Явление солнца — это проявленность Бытия. Проявленность совершенного божественного Бытия, открытие в лучах солнца совершенной действительности приводит к преодолению земного бытия, его огненно-световому преображению. Поэтому место явления совершенного Бытия становится и местом преображения несовершенной плоти. На горе Хакавиц, где совершилось соединение небесного и земного, человечество достигло своего высшего уровня. На вершине горы открылся туннель, ведущий в высшие области Бытия. Поэтому предки не умерли, а ушли.

Гора, как мы видим, — это место союза с высшим светом, который сначала открывается в виде восхода

солнца, а потом в виде светового преображения. Одно закономерно влечет за собой второе. Созерцание восхода становится причиной светового преображения. Нисходящий через солнце высший свет входит в героя. Отраженный в солнце высший свет превращается для героя в одеяние. Первопредки обретают высший свет, облекаясь в его отражение как в одеяние и переживая световую трансформацию. Насладившись созерцанием восхода солнца, они теперь сами облеклись в отраженный свет и превращаются. Такое созерцание высшего света на горе и одевание в отраженный свет становится для них получением нового тела и нового статуса — божественного героя. Высший свет одет в отраженный свет (солнце), человек одет в отраженный свет и возвращается к высшему свету.

Ранее Хун-Ахпу стал солнцем, чтобы приблизить божественный свет к человеку и открыть ему возможность огненного преображения. Апофеоз и преображение четырех первопредков мистически соответствуют первому восходу солнца. Как Хун-Ахпу превратился в солнце, так первопредки превратились в свет. В свою очередь, восход солнца с точки зрения психологии означает, что сознание больше не находится под властью бессознательного, свет разума выходит из тьмы, где он был скрыт ранее. Апофеоз первопредков представляет именно это изменение. Их огненно-световое преображение психологически может быть рассмотрено как переход в сознание темного содержания бессознательного, а затем и вознесение в сверхсознание, что знаменуется исчезновением тела, полной дематериализацией. «Они не были похоронены их женами или детьми, потому что не было видно, когда они исчезли» (с. 112). Поскольку ранее божественные близнецы открыли возможность перехода через границу миров (преисподней и небесной), то теперь и первопредки должны обрести способность свободно перемещаться через границу ми-

ров. Но даже близнецы не смогли преодолеть границу в прежнем облике. Они превратились в солнце и луну. Так и первопредки должны пережить таинство светового преображения.

Становится ясно, что таинственная смерть первопредков была необходима для дальнейшего развития нашей реальности. Они вышли за пределы нашей реальности и перешли в противоположную. Поэтому сами они пережили световое преображение, а на земле нет их могил. Их метаморфоза говорит не о смерти, а о переходе на иной уровень реальности. «Вот как умерли четверо, наши первые предки и праотцы; вот как они исчезли, оставив своих детей на горе Хакавиц, там, на вершине, где они находились» (с. 113). Это замечательная фраза открывает перед нами две стороны единого процесса, наблюдаемого из противоположных реальностей. Если смотреть на уход первопредков из нашей реальности, то оказывается, что они умерли. Однако если смотреть на событие из противоположной реальности, то окажется, что они не умерли, а исчезли. Сакральный текст открывает перед нами возможность стереоскопического зрения, соединяя оба взгляда на одно и то же событие в одном предложении.

Первопредки достигли наивысшего уровня преображения и поднялись прямо в небеса, уподобившись богам и отделившись от простых людей и нашего мира, «умерев» для него. Световое преображение и исчезновение тел первопредков — результат аннигиляции. При переходе из нашей реальности в противоположную тела первопредков сталкиваются с антиматерией, в результате чего происходит взрыв и аннигиляция материи. «Таково было исчезновение и конец Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама» (с. 113). Пережив световое преображение, первопредки не просто показывают себя существами иной реальности, но и способствуют объединению противоположных миров. Тело в нашем

мире превращается в свет в противоположной реальности, материя переходит в свою противоположность — в энергию. Их световое преображение — залог прихода новой реальности, где противоположности соединены.

Преображение и исчезновение тел означает полный отказ от амбиций, от собственного «Я», отказ от личных телесно-материальных влечений или интересов. Здесь происходит полное разрывание всяких связей с личными и с материально-космическими ограничениями. Совершается не просто разрушение, а полное истончение, исчезновение тела в свете, что становится предварительным условием для осознания истины и слияния с богом. Предки принимают состояние бестелесности, переходят на энергетический уровень существования. Их преображение — это превращение в чистый поток энергии, ядерный взрыв, произошедший в рамках их личности, превращающий тленное — в нетленное, тьму — в свет. Это акт *расширения бытия*. Феноменальный герой переходит в сферу сверхсознания и сверхбытия. Никто из потомков не стал свидетелем преображения, так как никто из них не в силах был перенести такое событие и стать его *очевидцем*.

Основой процесса светового преображения первопредков оказывается признание, что душа человека, во-первых, неотделима от божественного источника света и, во-вторых, сама по себе имеет световую, огненную природу. Душа как сияние, свет несет в себе божественность. Свет души человека и свет солнца в равной мере оказываются светом божества. Не случайно, что создание человека (способного к световому преображению) и сотворение солнца (как результат светового преображения близнецов) происходят почти одновременно и взаимообусловлены. Человек создан, чтобы был кто-то, кто сможет созерцать первый восход солнца. Свет является реальностью души человека, и этот свет освобождается в момент смерти в нашей реальности как в акте

ее метаморфозы. С другой стороны, исчезновение тел и вознесение первопредков оказывается процессом, обратным явлению на земле Тохилю, Авилишу и Хакавицу в человеческих телах. Первопредки должны отправиться на небеса, боги же, напротив, спускаются с небес и телесно воплощаются на земле. Так небо и земля оказываются динамично связанными и даже меняются местами. Причем если первопредки переживают огненное преображение и исчезновение тела, то боги переживают обратный процесс. Сначала их тела затвердевают и превращаются в камень, а затем обретают человеческие тела, которых лишаются первопредки. Так люди проходят через огненное развоплощение и обожение, а боги, напротив, переживают телесное воплощение на земле и антропоморфизацию.

Существуют два основных способа похорон — кремация и погребение в земле. Четыре первопредка показали людям третий способ, известный великим йогам и даосам. Они, как отмечает М. Серрано, «не сжигают тела, не хоронят их, ибо способны растворить их, дезинтегрировать», и после вскрытия через какое-то время могила оказывается пустой[1]. Захоронение в земле означает, что тело умершего сохраняется в нашей реальности. Отсюда вера в телесное воскресение всех умерших одновременно в конце мира на нашей земле. Напротив, огненное преображение тела умершего означает его мгновенный переход в противоположную реальность и его немедленное воскресение в ином мире. При этом происходит полное очищение от грехов, совершенных в нашем мире, так как все прежнее выжигается огнем и преодолевается. «Ушедшие» победили в битве за преображение и бессмертие. Первопредки возносятся на небо в огненном теле, преобразовав свое первоначальное физическое существо. Так они завершают акт огненного

[1] *Серрано М.* Наше мировоззрение. С. 60.

творения и открывают всем людям путь на небо, повторяя то, что ранее совершили боги (Хун-Ахпу превращается в солнце, которое восходит на небо, но было подобно «человеческому существу» — с. 96). Подобным действом достигается главное — полное единение человеческой сущности и божественной. Они соединились с Творцом, поскольку с самого сотворения и до огненного преображения были носителями и выразителями воли Творца на земле и среди людей.

Четыре первопредка поднимаются на гору, чтобы пережить акт алхимического преображения. Их «смерть» — только обман, иллюзия, кажимость. На самом деле она — лишь первая стадия превращения героев в нечто большее, чем просто человек. Истинному герою незачем умирать, поскольку он преодолевает себя, воскресает и преображается — в звезду или в бога. Такое преображение Абсолютного Человека становится подлинной полярной алхимией. Во тьме полярной ночи совершается этап nigredo, схождение божественной воли в неупорядоченную материю. Затем в этапе albedo белый арий появляется среди белых арктических снегов. Наконец, этап rubedo — это полное огненное преображение, исчезновение земного тела и вознесение на небеса с восходом солнца.

Полярная алхимия открывает герою возможность сбежать из тюрьмы нашего мира и своего тела, преодолеть себя. Герой (Хун-Ахпу) превращается в Светило. Он берет с собой некоторых соратников — Шбаланке, ставшего луной, и четыреста юношей, превратившихся в звезды. Но самое главное в том, что он открывает этот путь огненной алхимической трансмутации для всех. Черное Солнце в nigredo превращается в солнечный восход, в rubedo. Алхимический герой получает на горе откровение восходящего солнца и там же, на горе, он переживает преображение, телесную трансмутацию. Воскресение во плоти заменяется преодолением плоти.

Воскресение героя совершается в неразрушимом, бессмертном теле, а его обычное тело исчезает. В память о таком алхимическом преображении арии сжигали тела умерших. Это был акт огненного преображения материи, ее трансмутации в чистую огненную энергию. Ставший бессмертным преображенный герой возносится на небо в огненном сиянии. Для гиперборейского героя нет иного возрождения, кроме алхимической трансмутации.

Свет является центральной мистерией полярной алхимии. Световое преображение, переход материи в чистую световую энергию — типичный пример алхимической трансмутации. Свет, инициируя особые химические реакции, приводит к тому, что тело само начинает испускать лучи, пока все физическое тело не превратится в одну вспышку ярчайшего света. Энергетическое преобразование «первичной материи» (физического тела) завершается алхимическим преображением в световое тело. После этого очищенное огненное тело героя восходит и сливается с изначальным Божественным Светом, сотворившим наш материальный мир своим огненным Словом («Пусть будет свет»). Мир творится светом, а человек преобразуется светом. В первом случае совершается чудо преображения материи богом, а во втором — чудо преображения тела и извлечения из материи. Первое показывает возрастание хаоса до космоса, второе — возрастание человека до бога. В первом случае бог стоит выше творения, во втором творение (человек) оказывается равновеликим богу.

Свет — носитель информации о том, от кого он исходит. Герой должен открыть в себе божественный свет, заложенный в его тело при создании мира, очистить его, освободить и, благодаря открытию информации о подлинном носителе света (о Творце), воссоединиться с Первозданным Светом. Четыре первопредка своим световым преображением открыли людям тайные знания о пути возвращения к Божественному Свету. Именно эта

информация и зашифрована в «Пополь-Вух» — «Книге Света». Эсхатология, основанная на таком понимании алхимической трансмутации, — не «конец света», а начало Света. Это путь светового преображения, которое может быть осознано только как алхимическая трансмутация всего космоса. Это истинное трансцендирование, в основе которого лежит акт превращения материи в энергию, тела в свет, что и составляет подлинную тайну алхимии. Уже этот первый в истории человечества акт преображения в свете повлек за собой радикальное изменение самой природы. После светового преображения четырех первопредков открытым стало то, что было скрыто в теле — свет. По существу, их превращение — реализация слов «Пусть будет свет», после которых свет вышел из тьмы. Только теперь он творит не наш мир, а совершенного человека, героя в его световом теле.

Алхимия направлена на то, чтобы человек мог обрести путь к освобождению из Железного или Свинцового века. Лишь с помощью алхимии Железный век превращается в Золотой, а герой преодолевает себя и превращается в нечто большее, чем бог. Герой больше чем бог потому, что он сам освободил себя и преодолел свое тело в алхимической световой мистерии. Герой приходит не для того, чтобы основать новую религию, а чтобы указать человечеству *выход*. Это выход по ту строну нашей реальности, за ее пределы — в области чистого света. Он больше не человек и даже не бог, поскольку он стал Иным. Это Иное и есть цель развития совершенного человека, его воскресение. Тело героя преобразуется в свет, кровь — в огонь, как в алхимии свинец превращается в золото. Алхимический процесс воскресения заключается в превращении физического тела в световое, в чистую энергию. Это триумф совершенного человека, божественного гиперборея. Поэтому в могиле не будет тела умершего. Труп исчезает, дематериализуется в таинстве светового преображения. Герой подни-

мается в свою огненную Вселенную и превращается в Звезду. Это основа *гиперборейской мистерии*. То, что она представлена на страницах «Пополь-Вух», подтверждает гипотезу, что в ее основе лежит высокая Традиция полярной Ultima Thule.

Самость может воплотиться и выразить себя только в огненной природе крови. Человеческой душе для ее самореализации необходимо постоянное сжигание. В момент смерти в нашей реальности первопредки в огненной мистерии вырываются из себя. Огненное преображение означает пробуждение сверхчеловека, оставляющего позади себя все человеческое, преодолевая человеческое и воспаряя ввысь в энергетическом, огненно-световом теле. В этом состоит победа над смертью и явление сверхчеловека, алхимическое преображение крови в чистый огонь, что было открыто еще жертвой и преображением Хун-Ахпу и Шбаланке. Освободившийся от тела герой становится человеком-звездой, сверхчеловеком и выигрывает борьбу с антибогами, разрушает инфернальную антивселенную. Так и божественные близнецы побеждают богов Шибальбы и превращаются в солнце и луну. Сверхчеловек покидает телесную оболочку, чтобы обрести совершенное световое тело, как и Хун-Ахпу превращается в солнце. *Сверхчеловек алхимически превращается в человека-солнце.*

Проходя через смерть, сверхчеловек в огне крови находит силы для преображения и восхождения к вечной жизни. Сила преображения духа открывает свое действие в огненной мистерии чистой крови. Благодаря этому огненному преображению мертвые навсегда остаются рядом с живыми. Поэтому первопредки и оставляют потомкам вместо себя «символ своего существа», который «был полностью закутан и не мог быть раскрыт» (с. 112). Этот «символ» ни в коем случае нельзя путать с мумией. «У него не было видно швов», потому что он не являлся рукотворным (с. 112), но он навсегда стал

для потомков напоминанием «об их отцах, и они тотчас же зажгли курения перед этим напоминанием об их отцах» (с. 113). Эти «символы» должны быть не просто заместителями первопредков в нашей реальности, но и средствами связи с ними в ином мире.

На примере судьбы четырех первопредков «Пополь-Вух» показывает, что истинная цель духовно-телесной эволюции «настоящего человека» — достижение состояния полного просветления и преображения тела. В результате этой поистине алхимической трансмутации достигается особое состояние сверхчеловека, когда физическое тело превращается в свет, материя преобразуется в поток световой энергии — в жидкое золото. «Умирая», сверхчеловек не оставляет на земле своего тела, которое преображается в свете и становится невидимым. Отсюда и необходимость оставить после себя на память потомкам хотя бы «символы». Такое телесное преображение и исчезновение — *заря сверхчеловека.* Смерть не имеет власти над сверхчеловеком. Он не умирает, а трансформируется, переходит на иной уровень реальности, и поэтому исчезает для нашей.

Возникает вопрос, почему ни глиняные, ни деревянные люди не были «истинными», а только кукурузные? Ответ на загадку лежит в огненно-световом преображении и вознесении первопредков. Хотя сверхъестественные качества были отняты у них Творцом, но огненное телесное преображение и вознесение показывают, что возможность возвращения этих способностей, восхождения и обретения божественных качеств не была отнята у человека совсем. Первопредки отошли от богоравности в момент создания; человечество должно прийти к богоравности в финале истории. Так цикл творения завершается. Четыре первопредка прошли огненную мистерию преображения плоти в энергию. Это не могло бы произойти ни с кем из представителей первых двух рас. Глиняное тело под воздействием огня превратилось бы в

кирпич — еще более твердую и неподвижную материю. Деревянный же человек просто превратился бы в горстку пепла, что и произошло с этой расой во время огненного потопа. Только кукурузное тесто, ставшее плотью, оказалось способно к огненному пресуществлению. Лишь хлеб (в данном случае — кукурузный) имеет возможность превращаться в чистую световую энергию.

Совершенный солнечный человек должен так же превосходить кукурузного человека, как этот кукурузный человек превосходит обезьяну — потомка деревянной расы людей. Ницше восклицал: «К Сверхчеловеку влечет меня сердце, он — первейшее и единственное мое, а не человек — не ближний и не бедный, не страждущий и не лучший»[1]. Человек лишь подготавливает место для сверхчеловека. Человек живет, чтобы некогда явить из себя сверхчеловека. Сверхчеловек — итог исторического развития, цель существования кукурузного человека и его самопреодоление. Это возможность даже для лучшего человечества превзойти себя, стать божественным поколением, вернуть утраченное совершенство. Сверхчеловек — новая и иная ступень в эволюции человечества, не просто высший, а иной уровень бытия. Отличительное качество сверхчеловека, как это показывает «Пополь-Вух», — устремленность к свету, к небу, к превращению в совершенно новое, иное, чем просто человек. Поскольку явление сверхчеловека совпадает с восходом солнца, то следует осознать, что сверхчеловек — это сверхсознание, Самость в ее чистом, энергетическом существовании. Эта победа над богами преисподней, над тьмой ночи — триумф сверхчеловека над бессознательным и инстинктивным, над человеческим. В восходе солнца открывается истина, что *сверхчеловек — это победа духа в восхождении.*

---

[1] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М., 1990. С. 255.

Сверхчеловек занят одним и главным — поиском утраченного божественного света. Явление сверхчеловека, возвращение утраченных божественных способностей зависит от восстановления отнятого у первопредков умения вырабатывать и конденсировать электрическую энергию. Именно в этом направлении должна двигаться эволюция человечества, и здесь заключается его возможность самопреодоления и превращения в богочеловека. Ланц фон Либенфельс понимал под богами изначальных «живых существ ультрафиолетовых и инфракрасных сил и миров. Они жили в древние времена и в абсолютной чистоте. Сегодня они живут среди людей. Боги дремлют в человеческих телах, а когда приходит день, они возрождаются вновь. Электрическими мы были, электрические есть, электрическими и божественными будем!»[1]. На примере первопредков «Пополь-Вух» открывает человечеству весть о возможности такого развития.

Человеческие первопредки изначально были подобны богам, и наша задача в том, чтобы вновь вернуться к богочеловеческому состоянию, возвратить себе божественные силы. Вероятно, такая эволюция будет связана не только с возвращением «электрического зрения» и духовной энергии, но и с восстановлением андрогинной цельности, чему были посвящены многие ритуалы в традиционных культурах. Обязательным условием является также возвращение на арктическую родину, в Гиперборею. «Холодный Борей должен подуть снова на иссушенного человека, и северная кровь должна уменьшить южную страсть обезьяны», — заключает Ланц[2]. Холодный свет севера должен победить необузданный и неупорядоченный жар юга.

Мифология «Пополь-Вух» завершается восходом солнца и вознесением первопредков — вестью о явле-

[1] *Ланц фон Либенфельс Й.* Указ. соч. С. 68.
[2] Там же. С. 104.

нии сверхчеловека. Далее начинается описание истории племени киче. Миф сменяется историей, рассказ о прошлом — действием в настоящем. С исчезновением четырех первопредков завершается переходный период, связанный со сменой реальности, началом которого послужило разрушение Тулана, а кульминацией — встреча солнца на горе Хакавиц. Поэтому, подводя черту под повествованием о первопредках, «Пополь-Вух» вновь обращает внимание на эти события. «Они были первыми людьми, пришедшими туда с другой стороны моря, где поднимается солнце» (с. 113). После этого человечество подвергается амнезии и продолжает вести «обычную» жизнь на нашей «обычной» земле — в историческом времени. Только книга «Пополь-Вух» продолжает нести в себе истину и тайны сакрального бытия и полярной прародины.

Логика «Пополь-Вух» развивается от космогонии к истории, от деятельности богов к деятельности людей. От первых страниц, на которых действуют несотворенные Творцы и непроявленные энергии, «Пополь-Вух» ведет читателя к божественным героям мифологической эпохи, затем погружает в легендарный период предыстории человечества, чтобы в конце вывести к собственно человеческой истории. Космогоническая часть естественно перетекает в историческую. Космогония превращается в историю и определяет ее, а исторический процесс оказывается продолжением и завершением космогонии. Через историю космогония остается актуальным, вечно живым процессом. Причем космогенезис и исторический процесс развиваются по одним и тем же законам, двигаясь по кругу постоянного творения-разрушения и Вечного Возвращения. Исторические события включаются в мифологический текст потому, что они несут в себе архетипические мифологические ситуации. Так миф определяет историю, а история интегрируется в миф. Не только жизнь и сознание отдельного человека, но

и вся история народа направляется мифологическими моделями. История важна для священного писания потому, что она делает миф реальностью. Историческое, следовательно, не может быть ни отделено от мифологического, ни понято вне мифа. Законом исторического процесса является признание того, что жизнь подражает мифу и воспроизводит его каждое мгновение.

Логика «Пополь-Вух» развивается по пути сужения воспринимаемого пространства — от общекосмических картин к индивидуально-человеческим, от бесконечности к ограниченности, от божественных первопричин к частным человеческим следствиям. Не случайно космические боги-творцы (Создательница и Творец, Сердце небес Хуракан) исчезают, их замещают боги, покровители отдельных стихий и племен (Авилиш, Хакавиц, Тохиль) или феноменов (солнце, луна). Эти же, в свою очередь, сменяются героями, человеческими первопредками, от которых зависит теперь судьба мира (исход из Тулана, созерцание солнца, преображение). Мифология сменяется предысторией, а на ее место приходит историческая хроника, передающая во всех деталях и мелочах события из жизни одного нарождающегося народа и его государства. Герои эпоса все более и более демифологизируются, пока не превращаются в реальных племенных вождей. Это движение текста от мифа к истории повторяет, разумеется, этапы творения мира — от изначальных стихий к конкретному человеку, от неопределенной вечности к документированному времени.

Сакральная история учитывает взаимное влияние противоположных миров и их перевоплощение друг в друга. При этом следует всегда помнить, что сакральная история протекает одновременно в противоположных мирах. Все события там разворачиваются в обратной последовательности. «Пополь-Вух» показывает, что после исчезновения первопредков начался не просто новый этап в истории человечества, а что этот уход знамено-

вал полную перемену реальности на противоположную. Так, если одной из задач первопредков было вывести людей из Тулана, то их потомки, напротив, должны совершить возвратное движение. Это возвращение было предсказано людям самими первопредками незадолго до исчезновения. «Идите своим путем; вы увидите снова ту страну, откуда мы пришли!» (с. 112). Путешествие потомков обратно в Тулан было предрешено планом сакральной истории, и поэтому предсказано первопредками. Исполняя этот приказ, сыновья и преемники четырех первопредков решили отправиться в странствие «на Восток, туда, откуда пришли наши отцы» (с. 113). Всего в поход отправились трое сыновей и прародителей трех основных племен.

Потомки первопредков должны вернуться на утраченную прародину. Они совершают обратный исход — на восток. В этом им помогают и направляют их умершие первопредки, так как исход касается всех — и живых, и мертвых. Желание трех потомков вернуться на прародину означает формирование новой реальности — троичной, а не двойственной, как это было ранее. Их желание вернуться противоречит прежней установке на необходимость разделения реальностей. Разделение реальностей подчеркивается тем, что три потомка снова «пересекли море и пришли туда, на Восток» (с. 114). Эти слова показывают, что воды, расступившиеся перед племенами при исходе из Тулана, так и не вернулись на место. Реальности все еще разделены, а шельф пока свободен от воды. Новая встреча разделенных уровней реальности возможна только при условии новой метаморфозы мира, что и приводит к формированию его третьего плана, выраженного в совокупной воле трех сыновей. Не случайно в тексте говорится, что «их сущность не была сущностью обычных людей» (с. 114). Только им под силу совершить обратный исход и восстановить утраченное единство двух планов реальности.

Необходимость возвращения в Тулан прямо соотносится с идеей Вечного Возвращения того же самого. Это циклизм как основа мировоззрения, которое связано с ощущением *места*. Возвращение в Тулан показывает, что только Вечное Возвращение делает человека *господином того места, которое он занимает*. Целью странствия становится получение «знаков правления» (с. 114). Владыка Тулана, «Повелитель мужей Востока», «дал им знаки правления и все отличительные символы» (с. 114). Они получили также и «(знание) картин Тулана, картин — так они назывались, — которыми они писали все то, что содержалось в их истории» (с. 114). То есть в Тулане три потомка получили священное писание, записанное в виде книги Откровение. Это и была, судя по всему, книга «Пополь-Вух». Формирование самой идеи власти, как видно, связано с авторитетом Тулана. Создание вождя происходит в высшей сакральной реальности, в Центре Мира, в Тулане. Сам миф о возвращении в Тулан основан на представлении, что там находится подлинное место выхода к звездам и именно там люди впервые встретились с богами. В этом высшем мире будущий правитель получает знаки своей власти, а его душа подвергается трансформации, как ранее изменению подверглась и сама реальность. При этом правитель получает способность производить метаморфозу не только над собой, но и над миром, что становится залогом его бытийности.

Вернувшись к горе Хакавиц и показав людям полученные в Тулане «знаки отличия владык», три новых правителя решили отправиться в новое долгое путешествие. «Позже они покинули, оставили навсегда эту местность и искали других мест для поселения, чтобы поселиться там» (с. 115). Во время этого странствия сменилось несколько поколений людей. Только «при четвертом поколении правителей» племенам удалось осесть в городе, который назывался Исмачи. Там три великих

племени жили «без раздоров или недоверия; мирным было правление, они не имели ни ссор, ни раздоров, в сердцах их были только мир и счастье» (с. 116). Здесь они «увеличили свою мощь» (с. 116). Три «дома» или три племени соответствуют трем мирам, трем измерениям совершенной реальности. Однако один из законов сакральной истории гласит, что реальность может переворачиваться, трансформироваться в прямо противоположную. Усиление власти тут же приводит к ее утрате, к деградации и гибели, а мир превращается в бесконечную череду войн.

Как только правители Исмачи решили расширить свои владения и «прикрепили в Исмачи щит» как знак своего могущества, так тут же люди племени илока начали войну (с. 116). «Таково тогда было начало восстания и разногласий войны» (с. 116). Илока, которые хотели убить правителей киче и уничтожить все племя, сами попали в плен и наказаны за военные преступления против человечества. «Немедленно после этого начались жертвоприношения; люди илока были принесены в жертву перед богом» (с. 117). Однако война приводит к важному результату: «С этой поры началось и зародилось их могущество, потому что владения правителя киче были действительно большими» (с. 117). Эта война приводит к созданию цивилизации и военного государства с его структурой. Война формирует аристократическое представление о человеческой личности и героическое отношение к трудностям существования.

Войны связаны со столкновением противоположных реальностей. То, что считается мирным в одной реальности, в другой кажется агрессивным поведением. Киче хотели усиления власти ради поддержания мира и процветания всех народов, но для илока это казалось агрессией и унижением. Укрепление мира в одной реальности оказывается объявлением войны в другой. Это конфликт реальностей, а не племен. Если война — отец

всего, то все беды, все разрушения приводят к созданию новой реальности мира, любви и славы. Однако война и победа всякий раз означают метаморфозу космоса, схождение и расхождение реальностей, во время которых люди начинают вести себя странно.

После победы над илока три ветви родов киче стали устраивать в Исмачи «пиры и неистовства из-за своих дочерей»; они «пили свои напитки и там они пожирали свои кукурузные лепешки, которые были ценой их сестер, ценой их дочерей, и сердца их были исполнены радости, когда они делали это» (с. 117). Упадок реальности немедленно приводит к гетеризму, к торговле сестрами и дочерьми, к узаконенной проституции. Ослепленные своим могуществом, киче стремились сохранить завоеванную реальность, в то время как законом сакральной истории является ее постоянное изменение. Гибель старого мира и формирование нового происходит одновременно, но люди ничего не хотели об этом знать. Они приносили в жертву богам своих врагов и продавали своих сестер и дочерей за лепешки и напитки, радуясь столь выгодному предприятию. В этой привязанности к настоящему они оказались бесполезными для будущей реальности.

Осознав эту опасность, киче оставили город Исмачи и пришли в город Кумаркаах, где началось пятое поколение людей с начала создания человечества (с. 118). Чтобы укрепить единство племен, они выстроили «храм бога; они поместили его в середине самой возвышенной части города, когда прибыли и поселились там» (с. 118). В сакральном тексте это первое упоминание о строительстве храма. Оно прямо связано со стремлением укрепиться в сакральном бытии, установить прямую связь с богом и, что самое главное, *остановиться*, определиться в месте своего постоянного пребывания. По этой причине храмы получили названия по именам богов, которым они были посвящены, — «Великое

здание Тохиля», «Авилиш», «Хакавиц» (с. 125). Храм поддерживает сакральный порядок, не допуская хаос в наш мир. Храм, который строят киче, утвержден не в пространстве и не во времени. Он несет в себе идею не времени, а вечности. Поэтому он предстает в виде сакрального Центра города, являясь его сердцем.

Храм оказывается образцом или моделью высшего мира. В этом смысле он не просто несет в себе сакральное пространство, но тенденциозно противоположен профанному. Являясь сакральным пространством, храм отмечает тот самый Центр Мира, где происходит соединение неба и земли. Поэтому его и строят на горе или возвышенности — видимом аналоге Оси Мира. Храм открывает святость небесной реальности в земной, становится местом схождения божественной энергии в наш мир. В силу этого именно благодаря храму у простого человека появляется возможность духовного преображения и телесной алхимической трансмутации. Можно сказать, что храм — это образ неба и повторение сакрального Полюса. Изначальный полярный Тулан был связующим звеном между верхним и нижним миром, отпечатком божественной реальности в земной. Поэтому там и не было необходимости в храме. Затем племена, ушедшие из Тулана, перешли через границу параллельных миров и наблюдали метаморфозу реальности в момент первого восхода солнца. Наконец, они решили восстановить единую реальность, построив храм, соединяющий оба мира. То, что в нашей реальности противопоставлено, в Абсолюте оказывается слито воедино, что и достигается восстановлением сакрального Центра Мира в образе храма.

Храм необходим для концентрации молитвенной энергии, обращенной к богу в виде луча, поднимающегося вертикально ввысь. При этом, разумеется, необходимость храма связана и с тем, что боги больше не присутствуют среди людей в виде прекрасных юно-

шей, а удалились на небеса. К богу более невозможно обратиться непосредственно, а только через передатчик молитвенной энергии — храм. Каждый из храмов носит название в соответствии с именем бога, пребывавшего в нем. Это значит, что храм строится с целью обретения имени бога. Храм становится воплощением божественного Имени, то есть — божественного Слова. Это также означает, что здание было построено по образу бога. Бог (Тохиль, Авилиш или Хакавиц) не просто дал храму свое имя, но был прообразом строения. Созданный по образу и подобию божества, храм становится в действительности «жилищем бога» (с. 125).

Наличие такого храма уже говорит о присутствии бога, так как этот храм и был существом или телом бога, явленным в структуре храма, в сакральной архитектуре. Храм как проекция образа бога содержал в себе имя и слово бога, был его отражением и его материальным «телом». Храм должен был отражать духовное «устройство» бога, делать невидимое видимым и содержать его в себе, как тело содержит в себе душу. Благодаря храму люди могут «видеть» образ бога, познать его. Как ранее боги явились в камне, а затем в телах юношей, так теперь они присутствуют в «телах» каменных храмов. Бог, разумеется, шире храма; он бесконечен. Он не может быть помещен в храм, но он может явиться в нем. Отражением бога храм делает сакральная природа пространства, выраженная в нем благодаря особенностям формы. Храм своей архитектурой *обозначает* бога, а своим сакральным пространством *вмещает* в себе его сущность, становясь его домом. Будучи домом бога, храм отражает волю бога к существованию в нашем мире, к *присутствию*. Храм — это архитектурными средствами выраженные слова бога: «Я есть». Пребывание бога в храме, построенном из строительных материалов, говорит о строении нашего материального мира. Храм — это стремление духовно преобразовать наш мир, утвердить в нем сакральное как основу.

Однако в «Пополь-Вух» ничего не говорится о том, из чего и как строился храм. То, что в сакральном тексте не приводятся подробности о строительстве и архитектуре храма, свидетельствует: в его создании главной была духовная сторона. Поскольку бог живет *внутри* храма, это означает, что мир и человек освящены *изнутри* — в своей душе. Это были храмы, построенные не из материалов, а из душ людей. Именно поэтому бог избирает себе такой храм в качестве своего жилища. Духовный подъем, связанный со строительством храма, и был строительным материалом. Это строительство привело к божественному откровению — явлению бога в храме как в своем земном доме. Божественное откровение связано с местом явления божества — с храмом, как ранее откровение света было связано с местом явления солнца — горой. В этом смысле храм (пирамида) идентичен горе, и вместе они становятся образами сакрального Центра Мира. Храм важен именно тем, что построен на земле, на которой обитает человек. Явление бога в храме — это раскрытие божественности не в вечности, не в небесах, а на той территории, где обитает человек. Явление бога среди людей позволяет человеку преодолеть свою замкнутость и открыть путь к богу. В этом смысле всякий человек становится храмом, особенно если он получает имя в честь какого-нибудь божества. Тело человека как святилище имеет полную аналогию с храмом-святилищем.

Строительство храма может быть совершено лишь после того, как странствие закончено. Во время миграции невозможно существование храма, так как он оказывается особым сакральным пространством, фиксированным Центром Мира. Это требует стабильности, укрепленности в определенном месте, в *остановке*. Храм не просто освящает место. Само место становится священным и не может быть перенесено. Так храм делается «домом бога», *местом* его обитания, что недостижимо

в ходе странствия. Эта зафиксированность сакрального в определенном месте получает зримое воплощение в таинственном камне, который находился в одном из храмовых строений и почитался всеми владыками киче и всеми завоеванными племенами (с. 125). Алтарный камень открывает возможность перехода из одной реальности в другую. Это единственный *камень перехода.*

Нет сомнений, что это тот же самый камень, который находился в Тулане и у которого племенам явился бог. Поэтому он сопровождал первопредков при исходе из Тулана, и по этой причине владыки киче поместили его в центр храма в новом мире. Этот камень как знак Полюса был перенесен киче в их новое место обитания и установлен в храме как вторичный Центр, несущий в себе сакральную энергию изначального. Это было путешествие от камня к камню, от первого Центра ко второму. Поскольку на центральный камень опирается все мироздание, то перенос его в новое место — опасное мероприятие, риск не только жизнью людей, но и существованием самой реальности. Но и перенос камня необходим — как акт сооружения новой реальности, утверждения сакрального Центра для нового бытия. Камень — самый главный артефакт и доказательство истинного существования священной арктической прародины. Если он будет найден, это позволит точно определить место и время существования древнего Тулана.

Все это стало основой процветания царства киче. «Тогда вновь разрослось их царство. Они были очень многочисленны, их было очень много» (с. 118). Но опять величие чередуется с упадком. Благоденствие и процветание в городах сменяется войной и разделением. Вечное Возвращение одних и тех же поведенческих моделей и ситуаций действует в истории как ее ведущая закономерность. У племен «возникла зависть и поднялись разногласия из-за цены их сестер и цены их дочерей» (с. 118). Они впали в такую ярость, что

«они полностью обратились друг на друга и бросали черепа и кости мертвых и швыряли их вокруг и один в другого» (с. 118). Войны из-за сестер могут быть отражением в сакральном тексте древней традиции, по которой два клана, к которым принадлежат жених и невеста, вступают в ритуальную битву. При этом обязательным является кровопролитие и даже убийство раба, а шрамы от ран служат свидетельством брачного договора[1]. Ритуальное насилие связано с разделением первоначальной группы на несколько родов с последующим объединением для брачного обмена. Здесь в «Пополь-Вух» говорится о зарождении принципа экзогамии. Акты ритуального насилия и даже военные действия, сопутствующие брачному союзу, играют роль жертвоприношения. Целью его бывает обеспечение мира и порядка внутри каждой из двух групп, а также скрепление брака пролитой кровью навеки.

Однако гетеризм, упадок власти и безобразное поведение означают *искривление* реальности, когда в мире царит ярость, а к мертвым уже нет почтения. Подобное искривление показывает такую метаморфозу реальности, в которой утрачивается как прошлый мир (пренебрежение к костям предков), так и будущий мир (ярость и разделение). Это падение необходимо для сакральной истории как часть общего плана бытия и как нечто, что следует преодолеть. После периода соединения и процветания следует кризис и упадок, при котором прежние братья превращаются в лютых врагов. Преступное поведение приводит к такому искривлению реальности, что нарушается связь между мирами.

Искривление реальности стало причиной того, что племена «снова сошлись вместе и предприняли новое разделение» (с. 118). Новая реальность, созданная соединением противоположностей вокруг храма, оказывается

[1] *Жирар Р.* Насилие и священное. М., 2000. С. 301.

двойственной и сохраняет тенденцию к новому разделению. Усиление власти привело к ослаблению, могущество повлекло зависть. Племена «сошлись вместе», но тут же разделились. Таким образом, хотя народы и стремились быть вместе, состоять в едином союзе, это противоречило плану сакральной истории, по которому они должны остаться разделенными. Важно, что враги киче — выходцы из родственных племен. Это *внутренние враги.* Следовательно, речь идет о духовной войне с врагом в самом себе, в своей душе и со своими недостатками — жадностью, злобой, завистью, яростью. Поскольку в приступе ярости они бросали друг в друга кости умерших, это означает, что в разделении принимали участие не только живые, но и мертвые. Здесь описана не обычная гражданская война, а метаморфоза реальности, при которой мертвые оживают и включаются в процесс разобщения.

«Тогда они разделились на девять родовых групп» (с. 118). Девятка — три раза по три. Это сложный трехмерный образ трех миров. Таким образом, девятка означает завершение цикла реальности. Однако вслед за этим они разделяют свое царство уже «на двадцать четыре великих дома» (с. 118). Поскольку 12 — это учетверение тройственности, то здесь содержится указание на вписанность совершенной тройственной реальности в четырехмерное измерение нашей реальности. 24 — удвоение реальности, указание на единство параллельных миров в утверждении космического порядка. Единый народ, вышедший из Тулана как из утробы, породил из себя сначала три ветви племен. Будучи изначально сердцевиной, первое поколение кукурузных людей становится оболочкой для последующих. Размножение проходит как акт разделения на все большее количество племен и ветвей (3, 9, 24). Но всякий раз в основе такого разделения лежит стремление к упорядоченности и совершенству.

Поэтому всякий раз после болезненного разделения племена становятся «очень многочисленны» и достигают «величия», следуя за каждым из своих владык (с. 119). В социальной структуре появляется титул главного владыки (ах-поп), титул его заместителя и наследника (ах-поп-камха), титулы верховных жрецов. «Тогда росло величие и могущество сынов киче, возрастало и крепло величие и значение державы киче» (с. 120). «Пополь-Вух» описывает создание государства не как спонтанный процесс развития семьи, а как реальное следствие метафизической предопределенности развития племени. Сакральный текст показывает, что все решающие или переломные исторические события (войны, переселения, построение городов), — это политические решения, уходящие своими корнями далеко за пределы естественных причин, природных сил или семейных отношений — в метафизическую область. Исторические события оказываются лишь внешним событийным проявлением трансцендентного замысла. Бог раскрывается в судьбе народа через исторические события. Историософия «Пополь-Вух» располагается между политическим и метафизическим, в особом треугольнике божественного замысла, слов предков и деяний героев. Государство становится высшим проявлением божественного замысла о народе, получившего в истории политическое оформление. Государство оказывается политическим оформлением метафизического стремления народа к историческому творчеству. По этой причине разделение сменяется соединением. «Тогда малые племена и великие племена сходились туда, привлекаемые именем повелителя» (с. 120).

Совершенное государство было сформировано на утверждении «власти лучших» — аристократии. «(Владыки) были поистине почитаемы, и поистине велико было их могущество» (с. 120). Их власть поддерживалась вовсе не обманом, не грабежом и не насилием, а опиралась

на подлинный духовный авторитет и на «чудесную силу владык» (с. 120). Ю. Эвола утверждал, что «основанием каждого истинного государства является трансцендентность его начала»[1]. Именно этот принцип мы видим в «Пополь-Вух». На основе солярного гиперборейского посвящения устанавливается подлинная иерархия и божественный порядок взаимодействия каст. Земная иерархия поддерживается внеземной иерархией и вступает в контакт с духовными вождями в полярном Тулане, куда вожди и жрецы киче отправляются за посвящением. Органическое государство вырастает из воинского союза, основано на строгой иерархии и подчинено мужскому началу. Оно исповедует героические ценности и опирается на принцип аристократии. Эти принципы являются основополагающими в том, что можно назвать *метафизикой государства.*

Центральной здесь оказывается фигура верховного правителя, для которого особенно важна не вера, а действие, не религия, а героическое и аристократическое мировоззрение. После ухода с прародины, перехода в новую реальность и смерти первопредков народы и племена были очень слабы. В длительный период адаптации к новой реальности бытия они должны были получить сильного в магическом плане владыку, покровителя, который своим колдовством компенсировал бы их слабость. Таким великим мудрецом стал повелитель Кукумац, который был «поистине чудодейственным повелителем» (с. 120). Он был земным воплощением бога-творца Кукумаца, тождественного Тохилю, которого звали также Йолькуатом Кицалькуатом (с. 97). Правитель Кукумац вновь связал для людей два плана реальности — земной и небесный. Если первопредки отделились от людей в своем служении богам, то Кукумац, став земным воплощением

[1] *Эвола Ю.* Люди и руины. М., 2002. С. 29.

небесного бога, был соединен с людьми как маг и как их высший правитель.

Кукумац предстает в «Пополь-Вух» как двойственное существо, парадоксально совмещающее в себе земную и небесную природу. Все видимые несоответствия и противоречия в его личности исчезнут, если допустить наличие двух противоположных миров, образовавших на короткое время новую реальности, воссоединившись в фигуре Кукумаца. В начале «Пополь-Вух» Кукумац — Творец мира, бог; в сакральной истории он — реальный, действительно существовавший великий правитель. Оба эти внешне противопоставленные друг другу персонажа сакрального текста должны быть поняты только как два проявления одной и той же божественной сущности, раскрывшей себя в двух мирах — на небе в вечности и на земле в истории. Явление на земле правителя Кукумаца свидетельствует, что в наиболее критические моменты руководящие людьми и цивилизациями мифы не просто задействуются как поведенческие модели и вмешиваются в ход истории, но телесно воплощаются, становятся видимыми. В своей государственной деятельности правитель Кукумац оказывается лишь инструментом мифа о Кукумаце-демиурге, реализованном в истории. Пребывая скрыто на небе, Кукумац творит землю, но, явившись как человеческое существо, он оказывается противоположен земной реальности — умеет то, что недоступно никому из людей.

Например, «за семь дней он поднимался на небеса и за семь дней спускался вниз, в Шибальбу» (с. 120). Это определенно указывает на соединение им противоположных реальностей. Кукумац, поднимающийся с земли на небо, объединяет их, а опускающийся с неба на землю несет ей высший духовный принцип и освящает ее. То же должно произойти и в противоположной реальности — в Шибальбе. Зеркальным повторением однотипных действий он устанавливает космический

порядок, определяет начало и конец цикла. Такие действия возможны, разумеется, если речь идет о пребывании героя в сакральном Центре Мира, даже если этот Центр расположен не на Полюсе и оказывается лишь вторичным. Также Кукумац и Котуха, другой «чудодейственный правитель» киче, могли предвидеть будущее. «Они знали, будет ли война, и все было ясно перед их взорами; они видели, будет ли смерть или голод, будут ли какие-нибудь споры» (с. 125). Пророчество о событии, происходящем в будущем, открывает, что это будущее событие настолько велико в своих последствиях, что меняет даже прошлое и открывается в нем. Будущее событие определяет событие, произошедшее в прошлом, и объясняет его. Только когда это событие происходит, становится ясно, почему в прошлом произошло то или иное событие. Прошлое оказывается в прямой зависимости от будущего, а не наоборот, как в линейном времени. Будущее событие, открываясь в настоящем Кукумацу и Котухе, меняет его, заставляет корректировать политику.

Сверхъестественные способности Кукумаца призваны подчеркнуть трансцендентное основание государства и божественный характер его авторитета как верховного властителя. Власть истинного правителя проистекает из божественного закона и посвящения, которое проходит Кукумац, поднимаясь в небеса и опускаясь в преисподнюю. Он остается правителем и вождем до тех пор, пока сохраняет праведность, пока действует не для себя и пока не нарушает связь с теми, кто находится «по ту сторону» и стоит за его спиной, с «темными мастерами», аккумулирующими в себе энергию Абсолюта и наделяющими его трансцендентной силой. Происхождение Кукумаца «не человеческое» в том смысле, что он является совершенным прообразом вождя и героя. Совпадение его имени с именем бога означает, что он оказывается образом бога и тождествен ему сущност-

но. То, с чем обращаются в молитве к богу Кукумацу, выполняет затем земной правитель Кукумац, что и говорит об их экзистенциальном единстве. Своим действием в настоящем он подготавливал будущее, преобразованиями на земле он готовил приход неба. Поэтому «Кукумац был тем, кто начал расширение владычества. Вот что было началом могущества и расширения (владычества) народа киче» (с. 128). Лишь божественные качества позволяют правителю совершить радикальное изменение бытия.

Манифестация небесного бога Кукумаца в земном правителе Кукумаце связана с нарушением сложившегося порядка разделения миров, с соединением противоположностей и метаморфозой. Так Кукумац обретает способность превращаться в разных животных и предметы. «Семь дней он пребывал в личине змеи, в действительности становился пресмыкающимся; на семь других дней он превращался в орла, на семь других дней он становился ягуаром; и его вид был действительно видом орла и ягуара. В другие семь дней он превращался в свернувшуюся кровь и был лишь застывшей кровью» (с. 120). Кукумац предстает в сакральном тексте как человек-бог. Он несет в себе три начала — змея, ягуар и птица, то есть воплощает в себе небо, землю и преисподнюю или стихии воздуха, земли и воды. Объединение в Кукумаце змеи, ягуара и птицы означает установление верховной власти над небом, землей и преисподней, над космическими стихиями. Кукумац открывает тайну власти неба над землей, но и земли — над небом и преисподней. Превращаясь в сгусток крови, Кукумац появляется как жертва. Бог превращается в жертву самому себе — в сгусток жертвенной крови. В этом последнем преображении Кукумаца открывается вся тайна божественной крови.

Бог, будучи неизменным и вечным, подвергается превращениям. Вечность соединяется здесь с изменчи-

востью, поскольку в разных плоскостях реальности он может быть представлен только в разных воплощениях. Вечность божественного в личности Кукумаца соседствует с изменчивостью земного, природного. Эта божественность и предстает как вечность метаморфоз. Это все то же Вечное Возвращение, поскольку говорится, что Кукумац отправлялся на небо или в преисподнюю и возвращался обратно. Обращая земные явления в небесные и подвергая себя метаморфозе, Кукумац готовит приход новой реальности. Новая реальность — это соединение противоположностей, которые едины в Абсолюте. *Это не конец мира, а его начало.*

В эпосе киче правитель Кукумац оказывается универсальным законодателем и космическим правителем. «Природа и дела этого повелителя были поистине чудесны, и все владыки других племен были исполнены перед ним страха. Слухи о чудесной природе повелителя распространились повсюду, и все владыки поселений слышали их. И это было началом величия киче, когда повелитель Кукумац проявил эти знаки своей мощи» (с. 121). Кукумац представляет собой архетип совершенного человека, который проявляется посредством духовного Центра, созданного на нашей земле и несущего особую сакральную энергию или Принцип. Кукумац, выражая сакральный космический Принцип, отождествляется с ним, благодаря чему он и получает возможность выполнять свои функции верховного правителя, объединяющего в себе качества бога и человека, священника и вождя. Обладая распорядительной и религиозной функцией, такой правитель, по словам Генона, должен пониматься как «отражение в проявленном мире неизменности высшего Принципа»[1]. Этот космический Принцип, воплощенный в правителе Кукумаце, отражает в свою очередь свет чистого духа Кукумаца-бога.

[1] *Генон Р.* Царь Мира. С. 15.

Благодаря этому царь Кукумац полностью отождествляется с богом Кукумацем и происходит соединение человеческого и божественного принципов, что и составляет высший закон и природу верховной власти.

В фигуре Кукумаца мы видим изначальное единство власти царя и первосвященника. Сама природа власти воспринималась как священная. Поэтому, как пишет Генон, «священный характер, в наиболее точном смысле этого слова, принадлежит совершенно реально и прежде всего главе священной иерархии»[1]. В этой вершине расположен единый источник авторитета и власти как правителей, как и священников. Из этого общего принципа происходят соответствующие функции, относящиеся к данным должностям, но сам он находится вне различий и за пределами кастового деления. Это уровень царя-священника или священного Царя Мира, который сидит в неподвижной точке Полюса, а весь мир вращается вокруг него, пребывая в равновесии. В свою очередь исторический Кукумац представляет собой земной вторичный Центр Традиции, который подчинен изначальному духовному Центру Традиции и представляет ее в истории, адаптированно к нуждам определенного племени. Поэтому правители киче и отправляются за подтверждением своей власти в полярный Тулан. Истинный сакральный Полюс благоприятствует тем, кто стремится воплотить изначальную Традицию в условиях настоящего человеческого цикла и оказывает им незримую поддержку.

Кукумац представляет живое и действенное присутствие метафизического принципа в земной истории. Это представительство оказывается возможным благодаря тому, что он в силу своей божественной природы выражает превосходство над любыми человеческими или природно-космическими законами. Он устанавливает

[1] Там же. С. 10.

связь между природным и сверхъестественным. Через него раскрывается божественная природа власти. Эвола замечает по этому поводу, что «божественные» короли «воплощали в устойчивом состоянии жизнь, находящуюся "по ту сторону жизни"»[1]. Его авторитет опирается на духовное влияние на мир людей, придающее их жизни порядок, позволяющий реализовать нечто высшее, выходящее за рамки повседневного бытия. Сакральное начало и трансцендентная природа власти такого правителя воспринимались как *реальная божественность*. Земной Кукумац потому правитель, что он — земное воплощение бога Кукумаца, Творца Вселенной. В силу этого он обладает способностями единого и верховного повелителя. Поэтому в силах Кукумаца оказывается сделать все, «чтобы господствовать над всеми поселениями, чтобы показать, что только он единственный призван быть вождем народа» (с. 121). Сам он становится сверхъестественной опорой для всей традиционной, религиозной и даже повседневной жизни людей. Его власть — солнечная и демиургическая.

Правитель в традиционном. смысле воплощает трансцендентные силы и всей своей личностью выражает присутствие в человеческом теле высшего начала, дающего ему право превосходства. Правитель, соединяя в себе воинские и жреческие функции, становится посредником между человеческим и надчеловеческим, сверхъестественным миром. Правитель Кукумац в «Пополь-Вух» олицетворяет жизнь и реальность, которые располагаются по ту сторону нашей жизни и реальности. Именно благодаря этому посредничеству духовное влияние Кукумаца пронизывает своим светом мир людей, направляя их творческую энергию и ставя заслон демоническим энергиям Шибальбы. Это трансцендентное сверхчеловеческое качество стано-

[1] *Эвола Ю.* Традиция и Европа. Тамбов, 2009. С. 71.

вится основой единоличной власти и духовного авторитета Кукумаца. Он знает, что единственный способ избежать возвращения хаоса — взять под свой контроль абсолютно *все*. Правитель создает новую структуру космоса — социальную, так как именно социальная структура определяет искомый результат — эффективность правления. Для правителя очень важно установление единого порядка в обществе и космосе, поскольку он стремится утвердить стабильность там и тут. Для этого Кукумац устанавливает систему личного контроля и личной ответственности за все, происходящее в мире. Власть Кукумаца, однако, имеет преимущественно метафизический характер, что и уподобляет его божественной личности. Человеческая власть земного Кукумаца становится лишь выражением санкции божественного Кукумаца. Первый является земным представителем второго. Так правитель превращается в великое божество в человеческом облике. Как бог Кукумац сотворил мир, так земной Кукумац творит государство. В «Пополь-Вух» таким образом выражен общий традиционной принцип: *бог создает государя*.

Поскольку Кукумац — не простой, а божественный правитель, то в нем государственная власть определяется религиозным содержанием и божественным происхождением. Божественное происхождение Кукумаца — основа его авторитета как правителя, поскольку ставит его выше остальных людей. В свою очередь, сакрализация власти в фигуре Кукумаца становится лишь следствием процесса социальной дифференциации, формирования кастово-иерархической структуры общества. При создании кастово-иерархического общества социальный порядок, ранее сформированный богом при создании мира, теперь переносится на человеческую жизнь. Истинные законы общественной и государственной жизни — это те, которые созданы богом, это дар богов человеку. Кастовое общество основано не

на естественном, а на сверхъестественном праве, что и делает его стабильным и совершенным. Иерархия в таком обществе опирается на посвящение и регулируется при помощи тщательно разработанного церемониального порядка, поддерживаемого священным вождем и его помощниками — жрецами. В таком теократическом обществе положение человека на социальной лестнице определяется не богатством, а уровнем посвящения, что и означает *власть лучших.*

Божественная природа Кукумаца делает его самого продолжателем линии «солнечных правителей», а власть — трансцендентной. Культ солнца и культ вождя поддерживают друг друга. В таком правителе сакральное оказывается социально полезным, а власть делается религиозно оправданной. Концентрация государственной власти и религиозного авторитета происходит в фигуре Кукумаца, поскольку именно он теперь становится новым преобразователем, творцом нового мира, нового общества и государства. Как космический порядок зависел от изначального Кукумаца, так социальный и государственный порядок зависит от исторического Кукумаца, поэтому второй оказывается не просто земным воплощением первого, но и равнозначен ему. Божественная сила воплощается в человеческой личности и формирует социальный институт — священную монархию. Трансцендентная природа власти и создает царство справедливости Кукумаца, описанное в «Пополь-Вух», где правитель рассматривается одновременно и как демиург. Он не просто создает новую реальность. Он сам и есть эта новая реальность. Разделение племен после ухода первопредков сменяется новым соединением под главенством Кукумаца. Краткий период Золотого века его правления должен смениться, в соответствии с законами сакральной истории, новым разделением.

Во времена шестого поколения людей пришел великий владыка и завоеватель Кикаб. Он завоевал земли

и разрушил города и селения, принадлежащие другим племенам, обратив их всех в рабство (с. 121–122). Однако он отличался от Кукумаца тем, что уже не совмещал в себе функции царя и жреца. Он был только военным вождем, а его подданные стали называться «стражниками войны» (с. 123). Это свидетельствует о деградации власти и упадке принципа священной иерархии. Поэтому киче «не имели никаких увеселений и не имели ни одной (статуи) божества, когда они отправлялись. Они отправлялись только, чтобы укрепить стены своих поселений» (с. 123). Война больше не ведется ради прославления божества, а исключительно ради собственной земной власти. Ритуальная, священная война с высокими героическими целями превращается в агрессивную, захватническую войну с единственной целью — порабощение всех. Об этом говорит сам Кикаб: «...я пойду и сам убью их!» (с. 123). Война с последующим принесением в жертву пленников совершается с целью обеспечения стабильности и порядка внутри своего племени. Накапливающаяся агрессия переносится вовне, направляется на врага, что приводит к сплочению коллектива вокруг военного лидера и поддержанию сакрального. Священная иерархия сменяется в этот момент военной организацией общества и государства. Так и появились «почетные звания, которые получили воины, когда достоинства и отличия были распределены среди них» (с. 124).

Хотя о правителях Кукумаце, Котухе, Кикабе и Кависимахе говорится как о «чудодейственных людях» и «изумительных повелителях», однако на их примере можно говорить о прогрессирующей деградации человеческой расы. Они, как гласит текст, «знали, будет ли война, и все было ясно перед их взорами; они видели, будет ли смерть или голод, будут ли какие-нибудь споры» (с. 125). Однако все это они знали и видели только благодаря пророческой Книге «Пополь-Вух». Если че-

тыре божественных первопредка могли видеть все, что происходит в мире, так как были наделены особой силой зрения и ума, то эти четыре правителя (являясь их двойниками) могут видеть только благодаря боговдохновенной Книге. Личные сверхъестественные способности первопредков умаляются, исчезают и заменяются гаданием по Книге. Здесь Откровение Творца пребывает не непосредственно в человеке, а в посреднике, причем его подлинное содержание затемнено и лишь угадывается. Хотя о четырех правителях и говорится, что они «видели», как это ранее говорилось и о четырех первопредках, но «видят» они не происходящее в мире, а написанное в Книге. Их знания опираются не на опыт личного откровения, а на прочтение и разгадывание написанного в Книге, что не умаляет, разумеется, величия самой Книги как Слова Бога.

Одновременно появляется и замкнутая в себе каста жрецов, задача которой — только соблюдение поста и молитвы. Пост — очищение и жертва своим телом, молитва — просьба о самом насущном. Лишая себя одного (еды), человек получает право обратиться к богу с просьбой о чем-то другом. Человек просит бога послать ему то, в чем он нуждается более всего. При этом бог осознается в качестве источника всего мира и всех благ, которые посылаются человеку или народу. Даже если человек обращается к богу с просьбой об удовлетворении материальных нужд, само его обращение об этом именно к богу говорит об изменении внутреннего отношения человека к материальному и к богам. Идеальное воспринимается как источник материального. Такая просьба достойна божественного отклика. В итоге, исполняя просьбу человека о благах, высказанную в молитве, бог дает всегда больше, чем желает молящийся. Бог — сама суть бытия. Жизнь можно определить и понять через пребывание в контакте с богом. Поэтому после всех военных подвигов киче обращаются к Хура-

кану с молитвой, в которой просят о благосостоянии и продолжении рода.

В «молитве Хуракану» (с. 126–127) человек обращается к богу с просьбой дать ему дочерей и сыновей (с. 126). Именно Хуракан предстает как податель детей. Суть просьбы в том, что Хуракан — творец мира. Зачатие же и рождение ребенка — это также творение нового человека, новой жизни, нового мира. Способность творить является сущностью бога. Человек, наделенный способностью рожать детей, также несет в себе способность творить и этим уподобляется богу. Но поскольку главный и единственный творец мира и жизни — Хуракан, к нему и обращаются в молитве как к подателю жизни с просьбой послать потомство, дать «жизнь и рост», увеличить численность тех, кто должен кормить его (с. 126).

Только в этом смысле Хуракан оказывается и подателем богатства. Эти две его функции объединяются: «Ты, податель изобилия и богатств, податель дочерей и сынов!» (с. 126). От бога, от его покровительства, от его творчества зависит человеческое благополучие и богатство. Человек должен работать (творить), создавать богатство, но единственный «податель изобилия» все же бог. Эта молитва означает признание человеком того неоспоримого факта, что источник его богатства и его потомства — не сам человек, а бесконечный родник божественности, воля бога к тому, чтобы наш мир стал его домом и его владением. Через наделение человека детьми и богатством бог реализует свою волю к творению мира и к устроению его как дома для себя.

Умоляя уберечь от войны и позора, дать «хорошую жизнь и деяния», жрецы обращаются к Хуракану, называя его «Сердцем небес, Сердцем земли» (с. 127). Существование бога на небе и на земле означает, что основания нашего мира находятся в противоположной реальности — на небе. Бытийность неба, в свою очередь,

опирается на сущность земли. Поэтому определениями бога становятся «красота дня» (с. 126), «свод неба, поверхность земли, четыре угла, четыре основные точки» (с. 127). Бог объемлет обе реальности как сущий в них и как их Сердце. Смысл же всех событий, связанных с исходом с полярной прародины, был не в разрушении Тулана, а в создании совершенно новой реальности, о которой и говорится в молитве: «Да будет только мир и спокойствие в твоем (жилище), в твоем присутствии, о ты, бог!» (с. 128). Поскольку эти события происходили параллельно в верхнем и нижнем мире, то признание Хуракана богом, сущим на небе и на земле, означало завершение метаморфозы. Обращение к Хуракану означает, что единый бог сотворил реальность верхнего и нижнего мира, соединил их и управляет ими.

Характерно, что в «Пополь-Вух», в отличие от многих мировых религиозных систем, отсутствует пророчество о будущем мировом спасении и явлении «царства божьего», преобразующего наш мир и человечество. Хуракан должен только дать «хорошие дороги, прекрасные, ровные дороги» (с. 127), то есть указать верный путь, но пройти по нему люди способны самостоятельно. Отсутствует в «Пополь-Вух» и идея «приготовления» людей к явлению в конце мира Спасителя. Полностью отсутствует в тексте дихотомия добра и зла и тема греха. Все это говорит об *отсутствии самой необходимости* идеи Спасителя в религиозной концепции, лежащей в основе «Пополь-Вух». Знать судьбу и полагаться только на себя — вот идеал героической личности в сакральном тексте. Космос, подчиненный календарю майя, воспринимается как циклически повторяющийся мировой порядок, который не нуждается ни в Спасителе, ни в спасении. Поскольку после завершения одного календарного цикла сразу начинается новый, то речь идет не о спасении и приходе «царства божия», а о Вечном Возвращении того же самого. Эта идея ложится в основу

героического миросозерцания и становится отличительной чертой гиперборейской примордиальной Традиции.

Почему же киче проиграли христианскому вторжению? Конечно, все события сакральной истории оказываются всякий раз лишь этапами реализации божественного плана творения. Тайны мироустройства не могут быть разъяснены до конца, так как они радикально отличаются от общепринятых представлений. Любой объект, предмет или существо оказывается не только самим собой, но еще и чем-то совершенно иным в противоположной реальности. Хорошее в одном мире является плохим в другом; одно и то же событие вызывает в противоположных мирах радость и горе. Все явления протекают в многоуровневом космосе, где они представляются и понимаются различно. Становление противоположностей всегда приводит к гибели старой реальности и к появлению нового мира. Поэтому все события, изложенные в «Пополь-Вух», рассматриваются переписчиком только как объяснение того, каким образом «все люди киче <...> пришли к теперешнему состоянию» (с. 132). Искусственная автаркия, в которой пребывали киче до завоевания, рассматривается как привязанность к ценностям обреченного мира, что противоречит сакральному плану творения.

Вера является глубоким внутренним убеждением. Она не может устареть или быть навязанной в результате насилия. Принятие христианства свидетельствует о мощном проникновении чуждой духовности нового типа из противоположной реальности и о глубинном перевороте, сопутствующем ему. Изменение реальности, как правило, связано с войной, с катастрофой. Из самого существования «Пополь-Вух» вытекает духовная необходимость проиграть эту религиозную войну, чтобы сохранить чистоту мифа, так как свет наиболее ясно виден среди тьмы. Чистота и ясность откровения Книги Света наиболее проявляется на фоне мерзостей современ-

ной западной «гуманистической» и «демократической» цивилизации. «Пополь-Вух» в нашем мире становится подлинной Книгой Света в параллельном мире, и там ее свет уже победил тьму. Принятие племенами майя христианства невозможно объяснить только насилием со стороны захватчиков. Но лишь полное отречение от старого мира позволило им спастись и пережить катастрофическую метаморфозу, сохранив весть об утраченном Свете.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

УТРАЧЕННАЯ КНИГА

С этой метаморфозой история племени киче приходит к концу. «Больше о существовании народа киче сказать нечего, потому что нельзя уже больше видеть светильника (книгу «Пополь-Вух»), которую повелители имели в древние времена, она совершенно исчезла» (с. 131–132). «Пополь-Вух» заканчивается тем же, с чего и начинается — с сожаления, что невозможно более увидеть «светоч» — истинную древнюю Книгу. Она была Книгой Света, световой Книгой, написанной «ясным светом». Переписчик сокрушается, что «у нас нет уже более светоча, Пополь-Вух, как он именуется, ясного света... светоча для ясной жизни» (с. 9). То же сожаление пронизывает финал, потому что Книга «совершенно исчезла» (с. 132). Утрата Книги означает потерю Традиции. Сакральные предания упоминают о чем-то, что было утеряно, но сохранило функциональное значение и вечный смысл. Эта утрата свидетельствует о духовном упадке и кризисе изначального состояния как отличительной черте актуального исторического цикла. Однако это скорее сокрытие Традиции, чем ее полная потеря. На самом деле эта Традиция сохраняется в своей полноте и целостности в скрытых духовных центрах и не подвержена изменениям, происходящим во внешнем мире. Сохранность и неизменяемость Традиции обусловлена ее непрерывающейся связью с гиперборейским Истоком.

Книга Света, световая Книга присутствует в мире, но тайно, скрыто, как в начале мира свет скрыто присутствовал в мире, он не был проявлен в Слове. Вселенная освещена светом Книги, но сама Книга скрыта для Вселенной, пребывая в ней. Будучи Книгой Света, «Пополь-Вух» наполняет мир, освещает его, но отделена от него, скрыта, утрачена возможность ее созерцания в нашей искаженной реальности. Эта судьба Книги повторяет судьбу творения, поскольку сама Книга и есть Творение. Начало и конец существуют в единстве, поэтому творение никогда не прекращается, но вечно повторяется. Начало и конец Книги соединяются в великой Цели — в создании новой Книги «Пополь-Вух». Эта кольцевая композиция имеет глубокий метафизический смысл: начало и конец соединяются, начало заключено в конце, а конец раскрывается в начале. *Начало ведет к концу, а конец разворачивается в начале.*

Полярная Традиция связана с предвечным существованием не просто каких-то мифов, гимнов или ритуалов, а с изначальной Книгой — Первым Откровением. В «Пополь-Вух», в частности, прямо говорится, что подлинный текст Книги был создан в глубокой древности еще на прародине, в Тулане. Так же и в Индии Веды — извечны (*нитья*), безначальны (*анади*), не созданы человеком (*а-паурушейя*), являются откровением (*шрути*). Во многих гимнах риши утверждают, что спетые ими гимны созданы по вдохновению, ниспосланному от какого-либо бога (Индра, Варуна, Сома, Адити), порождены богами. Эти гимны существовали предвечно, изначально по божественному вдохновению. В конце предыдущей кальпы они, как и весь мир, были разрушены мировым потопом. Но великие риши в начале новой кальпы обрели знание утраченных и разрушенных Вед. Риши — не создатели Вед, а лишь «те, кто видел»[1].

---

[1] *Тилак Б. Г.* Указ. соч. С. 482–484.

Такими же несозданными, сверхчеловеческими, изначальными считались «Тексты пирамид» в Египте и «Книга перемен» в Китае. Эти Книги *самоявленны*, подобны свету солнца. Когда встает вопрос о воссоздании «Пополь-Вух», то это делается именно для того, чтобы вернуть людям их светоч, возродить их космос. Поскольку «Пополь-Вух» — это изначальный светоч и защита людей, то в ней не может быть ничего временного, сиюминутного, ошибочного или ложного. Даруя людям свет истины, «Пополь-Вух» совершенна и непогрешима, нерушима. Хотя она и скрыта от глаз, но не уничтожена, а существует вечно как основа бытия нашего космоса. В «Пополь-Вух» представлен план многих реальностей. Весь мир в своей многомерности базируется на этой Книге и существует только потому, что она существует. Книга Света является той сверхъестественной, трансцендентной сущностью, из которой, как из Слова, эманируется все сущее в мире, из нее творится Бытие и Небытие — гласные и согласные звуки творящего Слова.

Тот текст «Пополь-Вух», который мы имеем, не является истинно сущим (он «скрыт»), но лишь восстановленным, воссозданным или отраженным. Однако истинность и вечность «Пополь-Вух» связаны не с неизменностью слов, порядка предложений и букв, а с *содержанием* Книги. Поскольку содержание Книги воспроизведено по памяти полностью, то это и становится основанием для того, чтобы считать «Пополь-Вух» Книгой Истины и подлинным источником Света и Слова, изначальным и несотворенным Откровением. Современная Книга «Пополь-Вух» может отличаться от «скрытой» или «утерянной» в отдельных словах, фразах, в составе предложений, но она не отличается от нее по смыслу, что и делает ее также истинной. Просто ее истинность связана с нашим историческим этапом. Современная Книга «Пополь-Вух» — это вечность, явленная в истории, Откровение, данное нашему этапу человече-

ской цивилизации. Откровение заключено в самой сути Книги, в ее содержании, в духе, а не в слове, которое обусловлено исторически (язык меняется), национально (различие языков после разделения), связано даже с компетенцией и грамотностью сказителя. Откровение всегда только одно, но его формы могут быть разными. В этом смысле изначальное и надчеловеческое Откровение — это то, что объединяет «Пополь-Вух», «Ригведу», «Авесту», Библию, «Тексты пирамид» и т. д.

Священная книга киче «Пополь-Вух» представляет собой совершенно уникальное явление. Известно, что мифы, содержащиеся в Библии, и особенно мифы о творении и потопе, не просто имеют параллели в мифах Шумера, но и были заимствованы оттуда. Много раз уже говорилось о тесной связи Библии с ранними священными текстами Междуречья. Однако создатели «Пополь-Вух» такого влияния не испытали. Мифы о творении, о потопе и разделении языков, содержащиеся в «Пополь-Вух», не могли испытать влияния ни Библии, ни преданий Шумера, ни священных текстов Египта. «Пополь-Вух» возникла совершенно независимо от ближневосточных (малоазиатских) мифологий и религиозных учений. Схожесть встречающихся в ней идей, космогонических или религиозных концепций и мифов парадоксальным образом связана с самостоятельностью и независимостью появления этой Книги у киче. В известной степени это может служить доказательством боговдохновенности создателей «Пополь-Вух», наличием в ней истинного божественного Откровения. Сходство «Пополь-Вух» с Библией ни в коем случае нельзя объяснять, исходя из Библии. Если и можно говорить о совпадениях в двух Книгах, то они могут пониматься только как трансцендентное единство, реализуемое свыше и происходящее из существования единой Традиции, надчеловеческой и внеисторической по происхождению, постоянной по смыслу, но проявляющейся в разных

формах у разных народов. Для нас это становится *доказательством* единства изначальной Традиции, сверхчеловеческой по происхождению и гиперборейской по месту своего появления.

Любые параллельные места в двух сакральных текстах могут говорить о следующем:

1. «Пополь-Вух», как и Ветхий Завет, является Книгой Откровения Бога.
2. Религия майя должна быть признана религией Книги, наравне с иудаизмом, исламом и христианством.
3. Сходство, если не генетическое родство, «Пополь-Вух» и Ветхого Завета указывает, что религия и культура майя (возможно, также ольмеков, ацтеков и хопи) развивалась не изолированно в Центральной Америке, а была принесена туда извне.
4. Сходство или даже родство текстов «Пополь-Вух» и Ветхого Завета говорит, что Книги «Бытие» и «Исход» значительно более древние, чем принято считать, а события, описанные в них, происходили не там, куда их относят комментаторы (не в Малой Азии и не в Египте).
5. Эти события связаны не с историей еврейского племени или народа киче, а с изначальной общей прародиной человеческой расы.

Разумеется, между Библией и «Пополь-Вух» много отличий в деталях, в содержании сцен, в наличии или отсутствии отдельных ключевых историй или в их порядке. Однако сущностно они едины, между ними устанавливается сущностное родство Откровения Бога.

Однако время и место создания Библии и «Пополь-Вух» накладывают на них сиюминутные, национально и исторически обусловленные особенности. Поскольку во всех этих Книгах мы находим ясное воспоминание о проживании в арктическом регионе, то, следовательно, все они связаны не друг с другом, а с изначальной

высокой Традицией и несут в себе содержание гиперборейского Откровения. Хотя сюжетно они связаны с эпохой межледниковья и хронологически могут быть привязаны к эре Льва и эре Близнецов, само происхождение Откровения теряется в глубинах времен, не может быть привязано к конкретной исторической дате. «Пополь-Вух» лишь записана, сформирована человеком-сказителем, но не создана им. «Пополь-Вух» изначальна по сути, по содержанию, но исторична по форме выражения, по языку. Соответственно, лишь в понимании сути открывается нам подлинная сущность примордиального полярного Откровения, данного в этой Книге. В этом смысле «Пополь-Вух» — не просто священная Книга племени киче. Как изначальное Откровение она принадлежит всему человечеству.

Книга — это Место Творца, в котором происходит соединение всех уровней реальности и всех противоположных миров в одной точке. Все силы бога сконцентрированы в этой Книге, поэтому она несет в себе его творящую энергию и становится Книгой Света. Световые лучи божественной энергии выходят из этой Книги и, соединяясь, творят новую совершенную реальность. Вселенная создается в виде последовательно встроенных друг в друга Книг. Скрытая от мира Книга «Пополь-Вух», будучи эманацией божественного Света, воспринимается как высшая ценность и награда грядущей реальности. Книга утрачена или скрыта сейчас, но она явится в будущем и будет вновь открыта. Это откровение божественного Слова станет наградой и «наполнением» для мира[1].

Книга сокрыта, поскольку и Творец сокрыт от творения, бог сокрыт от мира. Мир скрывает бога и не допускает, чтобы его можно было видеть непосредствен-

[1] О сакральной природе Книги см.: *Телегин С. М.* Ступени мифореставрации: Из лекций по теории литературы. М., 2006. С. 212–276.

но. Так же точно и световая Книга скрыта в мире, но явится как дар и награда в конце истории. *В сокрытии присутствует Откровение.* «Пополь-Вух» явилась до создания мира и «величественным было ее появление и повествование в ней о том, как совершилось возникновение всего» (с. 9). «Пополь-Вух» пришла, чтобы осветить творение, неся в себе все его детали от начала и до конца, поскольку предшествовала ему. Это будущее открыто в словах «Пусть будет свет». Этот свет — сама Книга «Пополь-Вух». «Пусть будет свет» — значит «Путь явится Книга Света, светоч мира», пусть явится снова «Пополь-Вух».

Так как «Пополь-Вух» — Книга Света, то ее приход подобен открытию изначального света и первому восходу солнца на горе Хакавиц. При этом состояние мира после восстановления «Пополь-Вух» будет выше и совершеннее, чем после первого восхода солнца. Свет, исходящий от «Пополь-Вух», выше света солнца, так как свет солнца физический, а свет «Пополь-Вух» — свет Откровения. С восстановлением «Пополь-Вух» даруется новый свет — духовный, божественный, соответствующий изначальному скрытому Свету творения. Но как скрыт Свет творения, так скрыта и истинная световая Книга «Пополь-Вух». Ее явление — это раскрытие изначального Света; залог ее прихода — в первом восходе солнца на горе Хакавиц. Хотя первый восход солнца описывается как радикальное изменение экзистенциального состояния мира, явление «Пополь-Вух» повлечет полную метаморфозу реальности. Явление света (восход солнца) на горе Хакавиц было настолько интенсивным, что это привело к окаменению богов, но это было лишь *подобие* откровения света при новом открытии Книги Света «Пополь-Вух». Степень раскрытия божественного света и силы трансмутации в «Пополь-Вух» превышает воздействие на людей откровения света на горе Хакавиц. Хотя восход солнца и изменил жизнь людей, но в

ней осталось много тьмы, недостатков и временности. С приходом утраченной и скрытой сегодня Книги Света «Пополь-Вух» изменится сама *природа* бытия, причем это изменение будет не частичным и не временным, а всеобщим и вечным.

«Пополь-Вух» несет в себе тайны ночного посвящения Черного Солнца и истину о полярной прародине и изначальном Откровении. Однако киче, являющиеся ее носителями и хранителями, давно утратили понимание истинного смысла священной Книги. Для них «Пополь-Вух» (Книга Света) подобна Свету, скрытому от профанов и слепых. В профанном мире существует только одно лекарство от полной деградации — изучение, обретение священной Книги. Беда киче в том, что «Пополь-Вух» была с ними, но они не видели ее света и не поняли ее истины. Именно с этим затемнением света и связывается утрата «Пополь-Вух», ее изгнание из мира. Горе киче в том, что «Пополь-Вух» изгнана со своего места, а свет ее затемнен. Она скитается по миру без понимания исходящего от нее света. Люди идут вслед за мудростью «Пополь-Вух», но никто не понимает ее и никто не может ее открыть, прочитать и увидеть ее свет. Тот же, кто познает ее преобразующий свет, станет не просто сверхчеловеком, а будет уже *будущим* человеком, жителем будущего по отношению к настоящему, где истина и свет «Пополь-Вух» затемнены или вовсе утрачены.

Почему же Книга оказалась скрыта или даже утрачена? Это произошло потому, что после завоевания врагами никто из киче уже не был достоин созерцания такого Сокровища. Только спустя несколько веков она вновь явилась, причем не киче, а европейским исследователям. Это означает, что «Пополь-Вух» становится заветом не для одних киче, а для других народов тоже и должна быть открыта и проповедана по всему миру. Киче утратили право на ее свет, но теперь ее свет сияет для все-

го человечества. Это, впрочем, само по себе становится указанием на близость конца нашей реальности. Только в финале цикла священная Книга может быть открыта всему человечеству, чтобы своим светом явить путь к освобождению для каждого. Избранные лишь охраняют священный текст, но освободить от уз нашего черного цикла он должен всех, для чего и был явлен.

В «Пополь-Вух» так много говорится о том, что истинная Книга скрыта от наших глаз, что эта недоступность и невидимость приводит к неожиданному результату. Она наделяет «Пополь-Вух» невиданной по силе энергией. Ее скрытость и недоступность вызывает у читателя эмоциональный всплеск такой силы, что наделяет Книгу трансформирующей энергией невероятной силы. Это и делает ее подлинным «скрытым светочем». Такая скрытость, недоступность означают, что залогом нового обретения Книги становится непосредственное божественное избрание. Теперь не сам человек решает открыть Книгу и прочитать ее, а бог решает открывать или не открывать эту Книгу тому или иному человеку. «Пополь-Вух» скрыта от непосвященных и лишь действительно избранные самим богом могут узреть этот Светоч мира.

Подлинная «Пополь-Вух» скрыта, поскольку на настоящий свет, формирующий Книгу Света, наложен запрет. Этот свет затемнен, а подлинная Книга скрыта или утрачена, что, впрочем, соответствует трансцендентности и скрытости Творца Света. Но от того света, который явлен (в солнце или в восстановленной «Пополь-Вух»), человек может получать удовольствие и понимание совершенства и благодати. Поскольку «Пополь-Вух» является Книгой Света, то изучение ее вызывает извлечение Высшего Света. Свет, исходящий от нее, входит в человека из бесконечного божественного источника. Этот свет освещает космос и преобразует душу человека. Сила света, получаемая человеком от «Пополь-Вух», позволя-

ет ему увидеть свою цель и испытать чувство радости от осознания совершенства. Совершенство мира — это проявление света, излучаемого со страниц «Пополь-Вух». В таком свете открывается и постигается природа не только творения, но и Творца. Изучение «Пополь-Вух» становится средством для открытия в своем сердце света. В результате правильного изучения «Пополь-Вух» человек переживает то, что описывается в этой Книге — световое алхимическое преображение.

В древности «Пополь-Вух» была доступна только жрецам и лишь одного племени — киче. Так было потому, что Книга была написана заранее, чтобы подготовить мир к огненному преображению. Но теперь она открыта всем, и ее очищающий и преобразующий свет указывает на приближение финальной драмы в рамках настоящего цикла. «Пополь-Вух» теперь не спрятана и не утеряна, а раскрыта, чтобы это и следующие поколения людей трудились над раскрытием ее тайн, пока не раскроют их полностью. Это уже полное прочтение «Пополь-Вух» и будет знаменовать конец нашего цикла, поскольку в момент прочтения Книги Света мир исполнится и цикл завершится, а Книга закроется. Когда человечество прочтет «Пополь-Вух» до конца и закроет ее, тогда свершится световое преображение человечества и мира. Завершение этой Книги потому приведет к завершению мира, что сама «Пополь-Вух» и есть мир. Свет в душе человека соединяется с божественным светом, а залогом этого становится прочтение «Пополь-Вух» и восприятие ее как Книги Света. *Световая Книга — это посредник между светом души и божественным светом.* Преобразующий свет «Пополь-Вух» открывает свету души путь к божественному свету, после чего уже не будет ничего, кроме единого света.

«Пополь-Вух», будучи священной Книгой, является наставлением человеку в его жизни. Мы видели, что многие мифы и сказания в «Пополь-Вух» имеют психологи-

ческое значение, несут в себе духовное указание. Поэтому человек изучает «Пополь-Вух», чтобы узнать путь, по которому идти в жизни. «Пополь-Вух» — не только план творения космоса, но и жизненный план для всякого человека, указание бога, как следует жить в сотворенном мире. Будучи наставлением в жизни, «Пополь-Вух» открывает человеку и путь к Творцу мира, к богу. Книга Света — это средство для соединения с богом, путь к нему, поскольку для религиозного человека жизненный путь и является дорогой к богу (о даровании этого пути молящиеся просят Хуракана). Узнавая Книгу, человек узнает и бога, открывая его и соединяясь с ним. При этом следует учитывать и самоценность «Пополь-Вух».

За постижением «Пополь-Вух» как жизненного образца и как средства для соединения с богом следует изучение ее ради самой Книги, то есть не ради какой-либо высокой цели, а ради поглощенности самим актом изучения «Пополь-Вух». Если «Пополь-Вух» — Книга Света, то изучение ее ради нее самой есть созерцание света как такового. Это созерцание божественной красоты света безотносительно к его целям или применению. Это означает, что Книга важна для нашего мира и для человека сама по себе, как личность, как субъект, а не объект изучения. В этом плане «Пополь-Вух» возвещает чудо самостоятельного бытия, вне зависимости от практических целей. Она преобразует мир просто своим присутствием в нем. Это бытие Книги ради себя самой, света в качестве света, осознание Книги в качестве Книги.

Изучению Книги предшествует ее прочтение. Изначально «Пополь-Вух», вероятно, не была предназначена для записи. Она представляет собой ритмизованный текст, явно ориентированный на произнесение вслух, удобный для заучивания наизусть и устного воспроизведения[1]. Именно эта устная форма и наделяла «Пополь-

[1] *Silva Vallejo F.* Op. cit. P. 29.

Вух» особой энергией, делала ее *живой*. Чтение вслух имело значение заклинания. «Пополь-Вух» — подлинно поэтическое произведение, сложное проявление звуковой речи. Записанная Книга утратила свою сакральную природу, поэтому теперь она скрыта. Это всего лишь поверхностное воспроизведение или кодирование на бумаге. Поэтическое произведение звукового уровня превращается в простую книгу с ее однолинейным зрительным рядом. Этого всегда старались избегать посвященные, поэтому, например, гимны «Ригведы» не были записаны и долгое время существовали только в устной форме. Бог сотворил мир произнесенным, а не записанным Словом, поэтому и его Откровение, данное людям в виде Книги, не должно быть унижено записыванием.

Читающие «Пополь-Вух» вслух всякий раз сотворяют и оживляют ее. Пока эту Книгу читают, ее мудрость раскрывается. Но при этом, пока мудрость «Пополь-Вух» раскрывается, существует и мир. Вся мудрость «Пополь-Вух» раскрывается лишь вследствие усилий читающих ее вслух. Поэтому при каждом звуковом воспроизведении они сотворяют ее. Люди, читающие «Пополь-Вух» вслух и сотворяющие ее, обретают сверхчеловеческие качества, становятся равновеликими Творцу, создавшему этот мир и эту Книгу, *произнеся* ее. Совершенство деяния Творца подтверждается всякий раз при чтении «Пополь-Вух» вслух. Через чтение Книги Творец дает возможность человеку самому стать Творцом, превзойти себя, преодолеть свою человеческую природу, самому создать в себе все те миры, представленные в «Пополь-Вух». *Чтением «Пополь-Вух» вслух человек раскрывает весь ее мир и создает его.* Поэтому читатель и считается создателем «Пополь-Вух» и всего мира, поскольку он произносит ее. Конечно, подлинная Книга Света была создана Творцом до создания мира, и сам Творец создал ее, но без прочтения ее вслух человеком она не была бы

раскрыта и явлена нашему миру. Поэтому ее прочтение человеком равнозначно ее созданию богом.

«Пополь-Вух» дает описание этапов творения мира и человека. Необходимо осознать, что эта Книга не просто повествует о том, что было. В этом смысле «Пополь-Вух» на самом деле является тем планом, в соответствии с которым Создатель творил космос. «Пополь-Вух» предшествует миру как универсальный план, образец и инструкция творения. Чтение и понимание Книги должно быть подчинено тому факту, что это не повествование о творении, а план творения. Поэтому каждый случай прочтения «Пополь-Вух» есть одновременно и воспроизведение или обновление самого творения в соответствии с утвержденным планом. Каждое новое прочтение, сопровождающееся новой трактовкой текста, является обновлением слов «Пополь-Вух», обновлением творящего Слова и обновлением самого космоса, его энергетической подпиткой. Без такого прочтения энергия космоса иссякнет.

Всякое новое прочтение «Пополь-Вух» поддерживает существование космоса и придает ему новый импульс развития, наполняет его сакральной энергией Слова. Поэтому особенно важно, чтобы человек, если он считает себя «настоящим человеком», трудился над «Пополь-Вух» днем и ночью. Хуракан, творящий мир по Слову и по плану «Пополь-Вух», внимает голосу тех, кто занимается чтением и обновлением Книги. В тот момент, когда слово «Пополь-Вух» зазвучит в устах человека (или произносится мысленно), оно обновляется, возносится и предстает перед Хураканом как его творящее Слово. Слово, которое обновилось и возносится, становится созвучно творящему Слову Хуракана, соединяется с его Словом. Эти Слова выходят наполненными творением, и в этих Словах обновленное творение предстает перед Хураканом.

«Пополь-Вух» является мудростью, словом и волей бога. В то же время она обращена не к богу, а к че-

ловеку. В этом смысле она становится владением как бога, так и человека. Философия, мистика и психология «Пополь-Вух» — это то, что бог открывает человеку, чтобы тот смог познать себя и узнать бога. При чтении «Пополь-Вух» человек выступает как со-творец, сотоварищ богу, создавшему Книгу. «Пополь-Вух» устанавливает связь человека с богом. Через связь с богом и исполнение его воли, открытой в «Пополь-Вух», человек преодолевает себя, свое человеческое, и переживает световое преображение, обожение. Прежде чем читать Книгу, ее следует открыть. *Открывание Книги есть обретение божественного Откровения.*

После разрушения Тулана и утраты изначальной связи небесного и земного только в «Пополь-Вух» сохраняется истинное полярное Откровение и понимание сакрального. Изучение или просто чтение священной Книги вслух уже само по себе открывает человеку тайну сакрального, приобщает к истине Света. Даже при простом чтении Книги есть вероятность того, что утраченная истина откроется, свет вновь воссияет и изначальное совершенство утраченного Полюса будет восстановлено. Так божественное Откровение и человеческое постижение соединяются в опыте чтения «Пополь-Вух», который сам становится ритуалом и служением. «Пополь-Вух» божественная, и в акте чтения открывает человеку присутствие божества и путь к богу. При помощи «Пополь-Вух» бог открывает себя в нашем мире и нашему сознанию. Чтение Книги становится нашим чувственным познанием бога.

«Пополь-Вух», будучи Словом бога, сущностно выше этого мира, но бытийно облачена в этот мир, присутствует в нем средствами этого мира. То, что является бесконечным и бессмертным (Слово бога), облачено в конечное (Книга) и предназначено для понимания смертного (человека). Через эту двойственную природу «Пополь-Вух» открывается новое духовное измерение и предназначение Книги. Бесконечная духовность, огра-

ниченная человеческим сознанием, являет в «Попоть-Вух» слияние противоположностей — божественного и человеческого. Это слияние само по себе становится результатом замысла бога и возможно только по его воле, так как человеку подобное слияние не под силу. Через такое единение божественные истины «Попоть-Вух» становятся доступны и постижимы для человека с его ограниченным разумом. Доступность божественного Слова человеческому интеллекту — вот что делает «Попоть-Вух» священной Книгой и что открывает человеку возможность познания Истины, путь преодоления человеческого и восхождения к богу.

«Попоть-Вух» потому является Книгой Света, что она есть Слово бога, Свет, идущий свыше и освещающий нас. «Попоть-Вух» — источник света, который мы воспринимаем. Но, воспринимая свет Слова, человек преобразуется светом и сам становится способен производить свет — из своей души. В то время как «Попоть-Вух» существует сама по себе как космическая Книга Света, человек, воспринимая ее энергию, становится передатчиком ее в наш материальный мир. В материальном мире человек — посредник и передатчик Света. Хотя это и всего лишь отраженный свет «Попоть-Вух», но все же он получает подпитку и фокусировку в душе человека. Душа человека — это та же космическая Книга «Попоть-Вух», поэтому свет Книги и свет души мистически совпадают. Такая Книга пишется не кровью, как желал Ницше, а *огнем души.*

Скрытая, потерянная Книга — это не историческая, а метаисторическая, онтологическая ситуация «утраченного Откровения», «потерянного Слова», «забытого Имени». Мифологема «потерянного Имени» дает начало для особого таинства — мистериального странствия и поиска, подвергающего неофита опасным испытаниям, но приводящего, в конце концов, к «потерянному светочу». Этот свет, совпадающий в данном случае с Книгой,

становится замещением Имени или изначального Слова, в котором сосредоточена самая сущность непознаваемого бога. Его необходимо обрести, чтобы постичь истинное Откровение. Разумеется, обретение утраченной Книги — это сочетание поиска и испытаний, которые в определенной поступательной последовательности формируют обряд инициации. Его прохождение необходимо не только для обнаружения Книги, но и для ее открытия и прочтения. Простого обретения Книги недостаточно. Следует по мере прохождения испытаний набраться сил, опыта и знаний, чтобы суметь открыть ее и прочитать.

Во всей мировой литературе наилучшим описанием обретения сакральной Книги является роман китайского писателя У Чэн-эня «Путешествие на Запад». Долгое странствие по непроходимым горам и пустыням, тяжкие испытания, выпавшие на долю странников, многочисленные битвы с темными силами и нечистыми духами — все это описание внутреннего, духовного путешествия, битвы с собственными недостатками, темными помыслами и постепенное очищение. Человек, читающий роман, повторяет этот духовный путь. Сюжет романа довольно прост: китайский монах отправляется с несколькими товарищами в Индию к Будде за священными буддийскими трактатами. Однако поиски Книги сразу начинают пониматься как поиски духовного совершенства. Преодолев переправу (финальное препятствие), путешественники освобождаются от своих тел и вступают в страну Будды, где «царит беспредельное блаженство». При этом они обретают легкое, световое тело и могут путешествовать на облаке. Подлинными священными трактатами здесь названы «книги с белыми листами, без письменных знаков». Только такие книги соответствуют идее Просветления как основополагающей в учении Будды[1].

[1] *У Чэн-энь.* Путешествие на Запад. Роман в 4-х т. М., 2007. Т. 4. С. 552–553, 567, 572, 574–577, 602–606.

Будучи центром инициационного испытания, Книга становится вратами, которые ведут к единому невидимому Центру. Открытие Книги в данном случае равносильно открытию этих Врат. В этом плане поиски Книги равнозначны поискам этого божественного Единства, трансцендентного нашему миру. Так Книга оказывается олицетворением духовного восхождения, преодоления человеческого. Исчезновение Книги «Пополь-Вух» равносильно ее возвращению в высший Центр, к Истоку Слова, к божественному Принципу. Свет, исходящий от Книги, является эманацией высшего Центра, изначального творящего Слова и просветляет душу человека, потратившего жизнь на ее поиски. В этом чистом свете Книга как материальный объект действительно исчезает, превращается в чистую световую энергию, которую человек воспринимает не глазами, а сердцем, получая Откровение не при чтении, а непосредственно. Книга Света действительно скрыта для нашего мира, поскольку перестала существовать в нашей реальности как материальный предмет, а превратилась в «светоч», в чистое сияние Слова. Хотя и невидимый, непознаваемый, этот свет, эта Книга всегда остается среди нас. Чтобы увидеть ее, следует повторить то, что совершили первопредки — преодолеть физическое тело и стать чистым Светом. Тогда один Свет сольется с другим Светом, Книга будет восстановлена, а Слово произнесено.

Утраченная Книга — это и есть утраченное Откровение. Однако в сакральной истории утраченное Откровение совпадает с потерянной прародиной, с Гипербореей. *Откровение — это и есть Гиперборея.* Обнаружение утраченной Книги и восстановление Откровения прежде всего означает возвращение самой Гипербореи. Только найдя потерянную Гиперборею, можно вновь обрести утраченное Откровение и увидеть потерянную Книгу. Возвращение в Тулан открывает эпоху воссоединения разъединенных миров. Возвращение в Тулан в

параллельном мире влечет за собой возвращение самого Тулана в нашей реальности. Возвращение священного Полюса возможно лишь после восстановления гармоничного единства этих миров. Это должно привести и к новому обретению Книги Света, светоча нового совершенного мира, поскольку *Гиперборея — это и есть Откровение.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОЛЕЗНЫЕ ССЫЛКИ

http://www.arkaim-center.ru
http://mesoamerica.narod.ru
http://www.mesoweb.com/pari/journal/archive/PARI0904.pdf
http://oko-planet.su/science/scienceday/page,2,11813-lzajdler-atlantida.html
http://www.geographicus.com/P/AntiqueMap/NorthPole-mercator-1606
http://absolutgraphic.narod.ru/mercator/
http://en.wikipedia.org/wiki/North_Pole
http://ancientworldmaps.blogspot.com/search/label/16th%20century
http://daoru.net/NuWa.html
http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/973350#
http://www.copanpark.com/archaeology.htm
http://www.britishmuseum.org/explore/world_cultures/the_americas/maya.aspx
http://www.mayavase.com/boot_bat.pdf
ru.wikipedia.org/ Пещера_Ласко
http://www.seti.ee/modules/news/article.php Все о загадке Аркаима
http://www.nkj.ru/archive/articles/5189/ Ю. Рязанцев. По материалам журнала «Bild der Wissenschaft» (Германия). Архив журнала «Наука и жизнь», № 4, 2006 г.

Словарь мифов. Под редакцией Питера Бентли. М., 1999.

Питер Джеймс, Ник Торп. Тайны древних цивилизаций. М., 2001.

Susan Milbrath. Star Gods of the Maya: Astronomy in Art, Folklore, and Calendars. University of Texas Press, 1999.

Erik Boot. The Bat Sign in Maya Hieroglyphic Writing: Some Notes and Suggestions, Based on Examples on Late Classic Ceramics. February 20, 2009, Rijswijk, the Netherlands.

ThePARI Journal A quarterly publication of the Pre-Columbian Art Research Institute Volume IX, No. 4, Spring 2009.

ГРЕЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

Прописная	Строчная	Название	Прописная	Строчная	Название
Α	α	альфа	Ν	ν	ню
Β	β	бета	Ξ	ξ	кси
Γ	γ	гамма	Ο	ο	омикрон
Δ	δ	дельта	Π	π	пи
Ε	ε	эпсилон	Ρ	ρ	ро
Ζ	ζ	дзета	Σ	σ	сигма
Η	η	эта	Τ	τ	тау
Θ	θ	тета	Υ	υ	ипсилон
Ι	ι	йота	Φ	φ	фи
Κ	κ	каппа	Χ	χ	хи
Λ	λ	лямбда	Ψ	ψ	пси
Μ	μ	мю	Ω	ω	омега

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. ТАИНСТВА ULTIMA THULE

Глава 1. Откровение Огня и Льда 5
Глава 2. Воля Севера зажигает Свет с Востока 85
Глава 3. Атлантида и Трипура: путь на Запад 142

Часть II. КНИГА ПЕРВОГО ОТКРОВЕНИЯ

Глава 1. Книга Зеленого Луча 191
Глава 2. Книга Обратной Реальности 277
Глава 3. Книга Черного Солнца 358
Глава 4. Книга Семи Пещер 459
Глава 5. Книга Зари 556
Глава 6. Книга Героев 598
Заключение. Утраченная Книга 665

ПРИЛОЖЕНИЕ

Полезные ссылки 685
Греческий алфавит 686

[K 94(3)
·K 63.3(0)
T31

Телегин С. М.

1 Гиперборея — священная родина человечества: научное справочное издание / С. М. Тёлегин. — М.: «Издательство ФАИР», 2011. — 688 с.: ил.

ISBN 978-5-8183-1688-8

В данном научно-популярном справочном издании собраны и осмыслены сведения из мифов разных народов мира, указующих на наличие Гипербореи — прародины человечества. Особое внимание уделено анализу эпоса народов киче книги «Пополь-Вух», что позволяет понять необычность и глубину данного произведения, восстановить гиперборейское Откровение и сформировать гиперборейское мировоззрение.

Для широкого круга читателей.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)

і титульном листе и шмуцтитулах фрагмент Дрезденского кодекса (с. 17), художник Агостино Аглио (версия Кингсборо)

і права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена ікой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

BN 978-5-8183-1688-8

© Телегин С. М., 2010
© Серия, оформление.
«Издательство ФАИР», 2011

Издательская группа «ГРАНД-ФАИР»
приглашает к сотрудничеству авторов
и книготорговые организации

Телефон/факс:
(495) 721 - 38 - 56

Почтовый адрес:
109428, Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2
e-mail: **office@grand-fair.ru**
Интернет: **http://www.grand-fair.net**

По вопросам размещения в наших книгах информации о вашей компании, ее продукции или услугах обращайтесь в отдел маркетинга *e-mail:* **pr@grand-fair.ru**

Телегин Сергей Маратович

ГИПЕРБОРЕЯ — СВЯЩЕННАЯ РОДИНА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Редактор С. Кондратенко
Корректор Л. Савельева
Оригинал-макет и верстка И. Колгарёва
Дизайн обложки А. Матросова

Подписано в печать 20.11.2010.
Формат 84 × 108 1/32. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 36,12. Тираж 2000 экз.
Заказ 4540.

«Издательство ФАИР»
109428, Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685